

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

РУССКИМЪ.

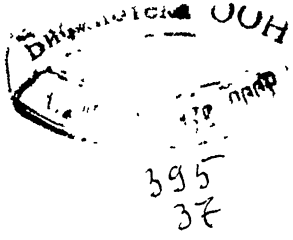
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ.
1888.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С. Петербургъ. Февраля 10 дня 1888 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ*.


395
37

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Краткое сіе описаніе нѣкоторыхъ обителей Русскихъ можетъ отчасти служить продолженіемъ моему путешествію ко Святымъ мѣстамъ, потому что въ Палестинѣ возникло во мнѣ желаніе посѣтить ихъ. Помню, какъ смутили меня иноки Іерусалимскіе, когда, во время заключенія въ храмѣ Св. гроба, они начали спрашивать у меня о Троицкой лаврѣ, и я долженъ былъ имъ признаться, что хотя родился въ Москвѣ, но никогда не видѣлъ сей родственной святыни, близкой сердцу каждаго Русскаго и знаменитой по всѣмъ странамъ. Тогда же далъ я обѣщаніе сходить въ лавру по возвращеніи въ отечество, и я уже имѣлъ случай дважды ее посѣтить.

Равнымъ образомъ и Новый Іерусалимъ, который я видѣлъ прежде нежели былъ на Востокѣ, получилъ для меня тамъ новую занимательность. Посреди храма Воскресенія мнѣ утѣшительно было разсказывать братіи Палестинской, что и у насъ въ Россіи есть подобіе ихъ великой святыни и, какъ повѣрялъ я мысленно въ древнемъ Іерусалимѣ зданія новаго, такъ пожелалъ я, и по моемъ возвращеніи, опять на него взглянуть, при свѣжихъ еще впечатлѣніяхъ древняго, чтобы утѣшить сердце священнымъ сходствомъ обоихъ.

Монастырь Валаама, хотя и не составляетъ одного цѣлаго съ описаніемъ лавры и Новаго Іерусалима, но присоединенъ къ нимъ, какъ первый мой опытъ о знаменитыхъ обителяхъ Русскихъ.—Если время и обстоятельства позволятъ, я буду стараться описывать самыя любопытныя изъ нихъ по мѣрѣ посѣщенія и, предлагая сіи начатки, испрашиваю снисхожденія читателей.

Петербургъ.
1835.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Послѣ многихъ лѣтъ и странствій по святымъ мѣстамъ нашего отечества, которыя были своевременно мною описаны, рѣшился я собрать все, что писалъ и печаталъ по сему предмету, чтобы составить одно цѣлое изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книгъ и статей. Едва ли придется мнѣ впослѣдствіи присоединить еще что либо къ нынѣшнему изданію, ибо всему есть свое время; съ годами остываетъ любопытство и любовь къ путешествіямъ, и человѣкъ, уже на склонѣ жизненной своей дороги, ищетъ себѣ заботливымъ взоромъ одно лишь мѣсто успокоенія.

Много однако любопытнаго случалось мнѣ видѣть въ продолженіи сихъ разнообразныхъ странствій и встрѣчаться съ такими лицами, имена коихъ долго ихъ переживутъ. Случилось присутствовать при основаніи нѣсколькихъ замѣчательныхъ обителей, которыя въ свое время будутъ имѣть значеніе историческое, какъ то: Бородинская на самомъ полѣ битвы, Херсонская у развалинъ Севастополя, Святогорская въ Украйнѣ и Геѳсиманскій скитъ близъ лавры Сергіевой. Можетъ быть, потомкамъ нашимъ любопытно будетъ узнать о смиренномъ началѣ обителей, впослѣдствіи славныхъ, и слышать завѣтныя рѣчи ихъ основателей и тѣ тайныя побужденія сердца, которыя ихъ одушевляли.

Но при разборѣ моихъ разновременныхъ описаній на разстояніи столькихъ лѣтъ, какое тяжкое чувство овладѣло моимъ сердцемъ, когда я вспомнилъ, что нѣтъ уже тѣхъ именитыхъ подвижниковъ, съ коими имѣлъ я утѣшеніе бесѣдовать при посѣщеніи ихъ обителей. Гдѣ Святители Божіи, Филаретъ Кіевскій и Григорій?—Гдѣ кроткій Иннокентій Ростовскій?—гдѣ пустынные старцы Сарова и Оптиной: Исаія, Моисей и Макарій?—Гдѣ добрый труженикъ Арсеній Святогорскій и занимательная игуменья

Марія и ревностная графиня Анна, готовая всѣмъ жертвовать для Церкви? и столько другихъ, которые одинъ за другимъ канули въ вѣчность?—Горитъ еще одинъ отрадный свѣтильникъ на своемъ высокомъ свѣщникѣ, имя коего часто встрѣчается въ моихъ описаніяхъ, и мы еще до времени радуемся его тихому свѣту; но широко скошено кругомъ поле рукою неумолимой смерти!

Не одни воспоминанія церковныя собраны въ книгѣ моихъ путешествій; тутъ же и память нѣкоторыхъ изъ славныхъ подвиговъ послѣдней войны на двухъ крайнихъ предѣлахъ необъятнаго отечества нашего: Севастополѣ, гдѣ разбились всѣ морскія силы Европы объ одинъ неодолимый оплотъ доблести Русской, и на пустынномъ острову Соловецкомъ, гдѣ нѣсколько иноковъ защищали свои древнія стѣны противъ морскаго набѣга Англичанъ. Въ описаніи же Бородинской обители цѣлый отрывокъ исполинской битвы разсказанъ однимъ изъ ея великихъ дѣятелей, Ермоловымъ, который и самъ уже сошелъ съ своего земнаго поприща.—Сюда присоединено также и свѣтлое торжество Пасхи въ Кремлѣ и воспоминаніе священнаго коронованія.—На три части раздѣлены мои путешествія: въ первой Москва и ея окрестности, во второй Новгородъ и Кіевъ, въ третьей Поволжскіе города, Украйна и Крымъ. Но при описаніи отечественной святыни желалъ я возбудить въ моихъ читателяхъ и благоговѣйныя мысли: о чествованіи святыхъ мощей и иконъ, о призываніи святыхъ и поминовеніи усопшихъ, о иночествѣ и постѣ, и о православномъ иконописаніи и зодчествѣ нашихъ храмовъ, для того, чтобы самое зрѣлище священныхъ предметовъ утверждало въ насъ любовь къ родному православію, которымъ всегда держалась и тверда будетъ земля Русская.

Петербургъ.
1863.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. Троицкая лавра . . . . . 1.
II. Ростовъ . . . . . 49.
III. Новый Іерусалимъ . . . . . 67.
IV. Іосифовъ монастырь 95

Воспоминанія о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ . . . . . 103.

I. Чудовъ . . . . . 105.
II. Донской и Даниловъ. . . . . 106.
III. Симоновъ, Крутицы и Новоспасскій . . . . . 107.
IV. Новый Іерусалимъ . . . . . 112.
V. Саввинъ монастырь . . . . . 119.
VI. Грановитая палата . . . . . 121.
VII. Троицкая лавра . . . . . 122.
VIII. Соборъ Успенскій . . . . . 132.
IX. Патріаршая ризница. . . . . 148.
X. Теремныя церкви. . . . . 152.
XI. Спасъ на бору. . . . . 162.

I. Кремль . . . . . 165.
II. Благовѣщенскій соборъ. . . . . 168.
III. Архангельскій соборъ . . . . . 180.
IV. Вознесенскій монастырь . . . . . 202.

I. Праздникъ св. Сергія въ его лаврѣ . . . . . 219.
II. Скитъ Геѳсиманскій . . . . . 231.

I. Бородино . . . . . 241.
II. Память освобожденія Москвы отъ Галловъ . . . 259.

Стран.

Пасха въ Кремлѣ . . . . . 264.

Воспоминаніе Священнаго коронованія . . . . 286.

Валаамъ . . . . . 303.

I. Новгородъ . . . . . 324.
II. Юрьевъ монастырь . . . . . 329.
III. Рюриково городище . . . . . 348.
IV. Обитель Михаила Клопскаго . . . . . 365.
V. Святая Софія . . . . . 380.
VI. Кремль . . . . . 404.
VII. Дворище Ярослава . . . . . 414.
VIII. Хутынь и Антоніевъ монастырь. . . . . 431.
IX. Торжество Софійское . . . . . 456.

I. Кіевъ. . . . . 475.
II. Ближнія и дальнія пещеры . . . . . 480.
III. Храмъ Первозваннаго . . . . . 507.
IV. Святая Софія . . . . . 519.
V. Михайловскій монастырь 543
VI. Десятинная церковь . . . . . 559.
VII. Крещатикъ . . . . . 570.
VIII. Оскольдова могила . . . . . 575.
IX. Выдубицкій монастырь . . . . . 578.
X. Вышгородъ и Межигоры . . . . . 583.
XI. Братскій монастырь . . . . . 590.
XII. Пустыни Китаева и Голосѣевская . . . . . 597.
XIII. Печерская лавра . . . . . 603.
XIV. Праздникъ Успенія . . . . . 628.

I. Усадьба въ Кіевѣ. . . . . 635.
II. Символика Софійскаго собора. . . . . 657.
III. Значеніе Кіева для Россіи. . . . . 688.
IV. Крестный ходъ на крещатикъ въ день св. Владиміра. 695.
V. Обновленіе крещальни св. Владиміра . . . . . 703.

I.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Лѣтняя ночь осѣнила лавру и сквозь прозрачный сумракъ, еще въ большемъ величіи, возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ южной ограды, надъ которою устроена длинная галлерея отъ Архіерейскихъ покоевъ;—я ходилъ по ней уединенно, и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ лаврѣ послѣ долгаго всенощнаго бдѣнія; еще, быть можетъ, иные старцы стояли на молитвѣ въ келліяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ, и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній растворялась ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій Архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ предъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ, легко стремилась къ небу

величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ Игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней Водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою; за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянныя по оврагамъ,—такой пространный обзоръ развивался съ высокой террасы.

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимоидущихъ запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ объ желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали почтовый колокольчикъ по Московской дорогѣ и звонко приближался къ лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часоваго колокола,—и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія; но кто выразитъ всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди

подобной древности, подобной святыни?—они приростаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій; здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя лѣствицы: одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко низводитъ на дно священной старины Русской; другая молитвенно возводитъ къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родины,—и, въ созерцаніи обѣихъ, смущается мысль, блуждая въ дольнихъ, теряясь въ горнихъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былаго, гдѣ все уже обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты, и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ.

Такъ протекла для меня часть ночи; на слѣдующее утро до литургіи пошелъ я, по обычаю, воздать ежедневное поклоненіе угоднику, какъ дѣйствительному и донынѣ Игумену своей лавры, и желая сохранить въ памяти внѣшнюю и внутреннюю красоту храма, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ осматривалъ его завѣтную святыню, краеугольный камень царства Московскаго и всея Руси. У самаго входа, на правой сторонѣ, почиваетъ въ своей малой придѣльной церкви, основатель собора, преподобный Никонъ, ученикъ и преемникъ Сергія, смиренно стрегущій покой своего наставника, соблюдая и по смерти небесную заповѣдь: «нѣсть ученикъ болій учителя.»

По лѣвую сторону входа, пристроена къ южной стѣнѣ собора каменная палатка, на мѣсто бывшей

убогой келліи Св. Сергія, гдѣ удостоила его своимъ явленіемъ Божія Матерь. Внутри палатки три каменные гроба: одинъ Іоасафа Скрипицына, изъ Игумена лавры возведеннаго въ Митрополиты Всероссійскіе и потомъ, по смутамъ бояръ въ малолѣтство грознаго Іоанна, сосланнаго въ свою прежнюю обитель; другой Св. Серапіона, избраннаго также отселѣ въ Архіепископы Новгороду, ибо лавра не переставала дарить своихъ иноковъ престоламъ святительскимъ, и потомъ отлученнаго отъ епархіи при Василіѣ Іоанновичѣ, за взаимныя огорченія съ Св. Іосифомъ Волоколамскимъ, прекратившіяся еще въ здѣшней жизни; третій гробъ славнѣйшаго изъ Архимандритовъ лавры, Св. Діонисія, который вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ спасъ отечество отъ Поляковъ.— Невольно ищешь и Келаревой гробницы, но она утаена въ пустынѣ Соловецкой: тамъ былъ постриженъ Авраміи, туда возвратился онъ на свое обѣщаніе, исполненный дней и дѣяній.

Кругомъ всѣ стѣны келліи исписаны пустынными подвигами Св. Сергія: вотъ таинственный мужъ даетъ неопытному отроку даръ изучать письмена; вотъ онъ уже избралъ себѣ дикое уединеніе и дѣлится пищею съ лѣсными звѣрями; здѣсь собравшаяся братія умоляетъ его быть ихъ наставникомъ и, въ чудномъ явленіи безчисленныхъ птицъ, предвидитъ онъ грядущее число ихъ; далѣе Св. Митрополитъ Алексій хочетъ возложить на него святительскій крестъ свой, но смиренно уклоняется Сергій; на что ему высшренній санъ, когда внутренній пламень его вѣры изливается наружно при совершеніи безкровной жертвы и ему сослужитъ Ангелъ? Тамъ начертанъ и его гражданскій подвигъ: онъ благослов-

ляетъ Донскаго Князя на битву съ Мамаемъ, и къ ногамъ старца падаютъ два инока воина, которыхъ посылаетъ умереть за отечество, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ воинскихъ подвиговъ лавры для спасенія роднаго края. И вотъ напослѣдокъ вѣнецъ его житейскаго поприща, уже не просто начертанный, но весь украшенный златомъ и камнями, сообразно важности самаго событія:—утѣшительное явленіе Божіей Матери и двухъ Апостоловъ Петра и Іоанна Сергію, незадолго до кончины, и келейнику его Михею. Симъ запечатлѣлась живая лѣтопись его храмины.

У самыхъ дверей собора духовная стража и молебное пѣніе: отъ утра и до вечера стоитъ на ступеняхъ у раки гробовой іеромонахъ, въ толпѣ притекающихъ къ угоднику; сквозь нихъ только можно открыть себѣ тѣсный путь къ ракѣ. Кто же эти присные Св. Сергія?—поклонники отъ всѣхъ концевъ Россіи: одни, богатые благами земли, другіе только своею вѣрою и странническимъ посохомъ, съ которымъ обошли великія пространства, питаясь именемъ Христовымъ, чтобы его прославить въ лицѣ его служителя; иные привлеклись просить исцѣленій, хотя и не всѣ тѣлесныхъ. Много тайныхъ душевныхъ болѣзней слагается въ раку Преподобнаго, много и сокрушеній сердечныхъ, которыя боятся довѣрять міру сильные міра. Онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, постигая духовныя и житейскія нужды дѣтей своихъ, подаетъ свойственныя имъ утѣшенія, привыкшій еще при жизни разсуждать, что̀ на потребу князей земли, и что̀ ея убогимъ оратаямъ. Отрадно прикоснуться устами къ цѣлебнымъ мощамъ двигателя Царей и народовъ, который благоволилъ

облечься, поверхъ своей ангельской схимы, въ ихъ великолѣпные покровы и возлечь въ пышную раку, уготованную ихъ усердіемъ, какъ бы на торжественную колесницу, съ которой отражаетъ враговъ Россіи. Онъ поднялъ надъ нею кипарисовый щитъ свой, гробовую доску, и подъ симъ щитомъ укрывалась не одна только лавра, но и вся надежда царства. И могъ ли святой Митрополитъ Алексій, отъ праведной жизни переходя въ вѣчность, не предвидѣть въ Сергіи истиннаго преемника митрополіи Русской, когда поручалъ ее старцу? И могъ ли смиренный Сергій духовно отказать ему въ послушаніи, проведши въ ономъ всю иноческую жизнь? На небесахъ довершилъ онъ сей подвигъ послушанія, принявъ горѣ предложенное ему долу, и съ тѣхъ поръ не переставалъ радѣть о паствѣ, дивно обличая свое святительство. Время общественныхъ бѣдствій есть его время: когда все уже кажется гибнущимъ, тогда воздвигается Сергій!

Благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ устроилъ ему серебряную раку, начатую отцемъ его, и столь же богатымъ балдахиномъ украсила ее Императрица Анна. На двухъ гробовыхъ древнихъ доскахъ написаны въ окладахъ два образа Преподобнаго: одинъ тѣмъ же Царемъ Ѳеодоромъ, висящій на противуположной сѣверной стѣнѣ; другой поменьше, у самыхъ мощей, надъ южными дверями алтаря. Онъ сопутствовалъ во всѣхъ походахъ Государямъ Алексѣю Михайловичу и Петру Великому и былъ носимъ предъ рядами ополченій въ отечественную войну 1812 года. Отъ сихъ южныхъ дверей и до сѣверныхъ весь первый ярусъ высокаго иконостаса облитъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Врата царскія, и балдахинъ надъ престоломъ, и позади его семи-

вѣтвистый подсвѣчникъ, на подобіе Соломонова, и всѣ паникадила, и обширный хоросъ подъ куполомъ, вылиты изъ серебра. Ковчегъ изображающій Тайную вечерю въ горницѣ Сіонской, Евангеліе, сосуды, и прочая священная утварь цѣны необычайной, но свыше всякой цѣны самыя чудотворныя иконы, памятныя своими исцѣленіями и усердіемъ Царей, ихъ украшавшихъ.—По правую сторону царскихъ вратъ мѣстный праздникъ Св. Троицы, въ трехъ истинно Ангельскихъ лицахъ, древняго Греческаго письма. Цари Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ великолѣпно его убрали; на трехъ вѣнцахъ огромнѣйшіе изумруды, и на среднемъ камнѣ еще искусно вырѣзанъ тотъ же образъ Св. Троицы. Рядомъ икона Христа Спасителя на престолѣ, и другая мѣстная, по лѣвую руку царскихъ вратъ, Одигитріи Смоленской, въ золотыхъ окладахъ, пожертвованы Царемъ Алексіемъ, равно какъ и богатая икона Сергія и Никона у сѣверныхъ дверей. Іоаннъ Грозный, щедрый даяніями церкви, поставилъ также близъ Одигитріи свою икону Пресвятой Троицы, мало уступающую благолѣпіемъ первой; съ другой же стороны южныхъ дверей, исцѣленный бояринъ Мягкихъ поревновалъ Царямъ въ украшеніи образа Христова. Въ такомъ чрезвычайномъ великолѣпіи представляется малый храмъ сей сооруженный весь изъ бѣлаго камня преподобнымъ Никономъ, помощію Князя Георгія Дмитріевича, сына Донскаго, на мѣсто убогой деревянной церкви Св. Сергія, послѣ разоренія оной Татарскимъ Княземъ Эдигеемъ. Оно было единственнымъ и только спустя 25 лѣтъ по основаніи обители, которая съ тѣхъ поръ, какъ злато искушенное огнемъ, все болѣе и болѣе процвѣтала.

На тѣсномъ пространствѣ одного собора сколько стеклось великихъ именъ, подобно крупному жемчугу, унизывающему покровы Святаго! Что же еслибы можно было развить, отъ него и до насъ, всю лѣтописную хартію лавры и прочитать, въ двухъ ея столбцахъ, съ одной стороны святые подвиги ея отшельниковъ, отъ насъ утаенные, а съ другой ея безсмертныя событія, ибо она стала на распутіи всего великаго и славнаго!

Давно ли поселился Сергій въ лѣсахъ Радонежскихъ, и онъ уже сдѣлался прибѣжищемъ Князей и Святителей. поборникомъ отчизны, разсадникомъ иночества! Не только подвигаетъ онъ на брань Димитрія, не только даетъ ему своихъ иноковъ, но даже предъ самою битвою. провидя его смущеніе, посылаетъ къ нему гонца съ одобрительною грамотою, и въ часъ битвы уже разсказываетъ братіи своей о побѣдѣ, и наконецъ въ торжествѣ встрѣчаетъ Донскаго побѣдителя; — и на престолѣ княжескомъ нельзя принять болѣе участія въ дѣлахъ земли своей. Скоро Сергій становится отцемъ многихъ обителей, основанныхъ его учениками по просьбѣ Князей, на мѣстахъ имъ самимъ избранныхъ. Еще и прежде ознаменовалъ онъ краткое свое уединеніе на Кержачѣ малымъ скитомъ, и далъ въ Москву Митрополиту Алексію инока своего Андроника, для основанія Андроніева монастыря. Теперь признательный Димитрій хочетъ учредить двѣ пустыни на память Мамаева побоища, и Сергій даетъ ему Савву для сооруженія храма Божіей Матери на рѣкѣ Дубнахъ, и самъ избираетъ Князю красное мѣсто у слитія Оки и Москвы, гдѣ нынѣ Коломна, для монастыря Голутвинскаго. Впослѣдствіи и преподобный Савва сози-

даетъ себѣ обитель на Сторожахъ, по зову Звѣнигородскаго Князя. Храбрый сподвижникъ Донскаго, Князь Владиміръ молитъ также Сергія дать ему Игумена во вновь воздвигаемый имъ Высоцкій монастырь въ удѣльномъ Серпуховѣ, и Сергій даетъ ему Аѳанасія. Отселѣ будетъ выходцемъ Св. Пафнутій, Игуменъ Боровскій, въ свою чреду прославленный ученикомъ своимъ, Св. Іосифомъ Волоколамскимъ. Такая духовная отрасль постепенно происходитъ отъ Св. Сергія, каждому поколѣнію даруя великаго мужа. Но всѣхъ роскошнѣе пустила вѣтви Симонова обитель, основанная племянникомъ его Ѳеодоромъ, впослѣдствіи Архіепископомъ Ростовскимъ. Старецъ самъ приходилъ, по любви къ нему, избрать пустынное мѣсто на живописныхъ берегахъ Москвы рѣки, въ виду раждающейся столицы, и первымъ знаменитѣйшимъ питомцемъ Симонова является Св. Кириллъ Бѣлоозерскій, просвѣтитель сѣвернаго края, даже до океана, ибо и Савватій Соловецкій былъ постриженникъ Бѣлаго озера. Кто назоветъ всѣ безчисленные монастыри и пустыни, пріявшіе начало отъ иноковъ Троицкой лавры, которая монашескою сѣтію окинула весь сѣверъ Россіи, сроднившійся духовно во единомъ Аввѣ, подобно какъ на югѣ Антоній и Ѳеодосій сдѣлались отцами пустынножителей! Не болѣе 30 лѣтъ по преставленіи Св. Сергія уже являются мощи его и начинается рядъ его чудесъ, доселѣ непрерываемый.

Между тѣмъ лавра становится поприщемъ лѣтописныхъ событій. Въ ней отзываются всѣ сильные перевороты и смятенія княженія Московскаго, котораго сдѣлалась она главною святынею. Горестна посреди мирныхъ стѣнъ ея картина послѣдней удѣль-

ной брани, раздиравшей Россію междоусобіемъ Темнаго и Шемяки. Великій Князь Василій, довѣрясь мнимой тишинѣ, которая на время водворилась между нимъ и единокровными Князьями Галицкими, посѣтилъ обитель Преподобнаго. Но Князья Косой и Шемяка воспользовались его отсутствіемъ и захватили въ Кремлѣ его семейство; сообщникъ ихъ Князь Іоаннъ Можайскій съ дружиною проникнулъ въ ограду монастырскую. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви; пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Іоаннъ подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «братъ любезный, помилуй, не лишай меня святаго мѣста, никогда не выйду отсюда, здѣсь постригусь, здѣсь умру!» Взявъ отъ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна и сказалъ ему: «братъ и другъ мой, животворящимъ крестомъ и сею иконою въ сей церкви, надъ симъ гробомъ Преподобнаго, клялись мы въ любви и вѣрности взаимной, а что теперь дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь, если хотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло; нынѣ желаемъ единственно добра Христіанству и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Махмета и слугъ его, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили твой окупъ.» Великій Князь поставилъ икону на мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно съ такимъ жаромъ, съ такимъ умиленіемъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, вышелъ изъ церкви и тихо сказалъ боярину Шемякину: «возьми его.» Василій всталъ и спросилъ, гдѣ

братъ мой Іоаннъ? «Ты плѣнникъ Великаго Князя Димитрія Юрьевича,» отвѣчалъ бояринъ, схвативъ его за руки. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Василій.—Чрезъ четыре дня его ослѣпили въ Москвѣ.

Такъ трогательно описалъ сіе жестокое приключеніе незабвенный Карамзинъ. Много лѣтъ спустя, уже при Василіѣ Ивановичѣ, внукѣ Темнаго, послѣднее мщеніе совершилось надъ послѣднимъ изъ рода Шемяки, который былъ невинно заключенъ въ темницу и по странному стеченію обстоятельствъ, какъ бы на память плѣненія Василіева въ лаврѣ, пострадалъ съ нимъ и Игуменъ лавры Порфирій, дерзнувшій вступиться за невиннаго.

Но и сей внукъ Темнаго Василій вымоленъ у Чудотворца. Супруга Іоанна III, Царевна Софія, долго и тщетно желая даровать наслѣдника престолу, въ которомъ оживилось бы племя Греческихъ Царей и право на имперію Восточную, съ теплою вѣрою пошла молиться угоднику, и вотъ не доходя обители, на Клементьевскомъ полѣ, встрѣчаетъ она свѣтлаго старца, подобнаго образомъ Св. Сергію, который внезапно бросилъ ей въ лоно младенца. Объятая ужасомъ она упала, и принесенная въ обитель повѣрила предзнаменованію, проливъ благодарныя слезы надъ ракою Святаго. Чрезъ годъ, надъ той же ракою крещенъ былъ обѣтованный сынъ Василій, рожденный въ самый день Благовѣщенія. Въ свою чреду, бездѣтный Василій, частыми посѣщеніями, притекалъ къ угоднику и на концѣ дней своихъ былъ утѣшенъ рожденіемъ Іоанна, отъ самой колыбели посвященнаго Сергію. Къ нему въ раку былъ положенъ младенцемъ сей грозный покоритель трехъ царствъ, и какъ бы отданъ на руки Преподобному, коего обитель онъ

столь великолѣпно украсилъ въ теченіе долгаго своего царствованія. У его же раки совершено было крещеніе Іоанна тремя великими старцами: Св. Даніиломъ Игуменомъ Переяславля, который, основавъ тамъ обитель, прославился чудесами, и престарѣлымъ Вассіяномъ затворникомъ Волоколамскимъ, и самимъ Игуменомъ лавры Іоасафомъ, который, впослѣдствіи вступивъ на престолъ митрополіи Россійской былъ низвергнутъ; ибо и лавра страдала въ бѣдственные дни отечества, въ лицѣ своихъ иноковъ.

Къ молитвамъ Сергія прибѣгалъ Іоаннъ идущій ратію противъ Казани, на сію послѣднюю важнѣйшую въ нѣдрахъ Россіи борьбу Исламизма противъ Христіанства; и какъ нѣкогда благословеніе Святаго сопутствовало Донскому Князю на Мамаево побоище, такъ осѣнило оно и Царя Іоанна. Когда же пала предъ нимъ сія крѣпкая твердыня Татарская, онъ освятилъ ее обителью во имя Сергія, на память его дѣятельнаго участія. Но еще и прежде, когда для ея покоренія строился на берегахъ Волги городокъ Свіяжскій, имя Сергія прославилось въ новой области. Плѣнные Черемисы объявили воеводамъ Московскимъ, что часто слыхали они пѣніе и звонъ на безлюдномъ мѣстѣ и видѣли нѣкоего свѣтлаго старца, неприступнаго стрѣламъ ихъ, размѣряющаго мѣсто граду; а старецъ сей былъ тотъ же Сергій, поборникъ отечества, который впослѣдствіи, во время осады, являлся на стѣнахъ Казани. И въ Свіяжскѣ былъ ему поставленъ монастырь. Возвратясь изъ похода Іоаннъ, въ самую блестящую минуту своей жизни, съ супругою Анастасіею, самъ торжественно заложилъ въ лаврѣ церковь сошествія Св. Духа, и не за долго до страшнаго перелома, послѣдовавшаго

въ жизни и характерѣ Царя, онъ опять посѣтилъ лавру, на пути въ Кирилловъ монастырь и Пѣсношу, гдѣ произошло столь пагубное для него свиданіе съ бывшимъ Епископомъ Коломенскимъ Вассіяномъ. Здѣсь, какъ бы предвидя злобный совѣтъ Вассіяна: «не имѣть совѣтниковъ мудрѣе себя,» здѣсь знаменитый старецъ Максимъ Грекъ, избавленный Іоанномъ отъ долголѣтняго невиннаго заточенія, удерживалъ его отъ дальнѣйшаго странствія и даже угрожалъ ему смертію Царевича, которая скоро и случилась, но тщетны были его моленія.

Троицкая лавра имѣла счастіе успокоить въ стѣнахъ своихъ сего ученаго мужа, пострадавшаго за любовь къ истинѣ и просвѣщенію. Вызванный отцемъ Грознаго изъ Аѳонской горы, исполненный всею ученостію своего вѣка, которую усовершенствовалъ многими путешествіями по Европѣ, онъ долго трудился въ Россіи надъ переводомъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ, и былъ въ великой милости при дворѣ Великокняжескомъ: но по несчастію возбудилъ зависть и негодованіе Митрополита Даніила: и когда, какъ ревнитель православія, онъ противился неправильному расторженію брака Василія съ Соломоніею за ея неплодіе, Даніилъ, воспользовавшись гнѣвомъ Государя, обвинилъ въ ереси Максима и сослалъ его въ Тверской Отрочь-монастырь; двѣнадцать лѣтъ невинный страдалецъ не могъ даже выходить изъ келліи въ церковь и пріобщаться Св. таинъ. Гоненіе облегчилось нѣсколько послѣ паденія Даніила; но не смотря на убѣдительныя письма Максима и грамоты Патріарховъ Восточныхъ къ Василію, никогда не хотѣли выпустить его изъ заключенія, ибо, по словамъ лѣтописи, онъ слишкомъ многое видѣлъ на

Руси.—Труды его, столь полезные для нашей Церкви, оцѣнены были вполнѣ славнымъ Архимандритомъ Діонисіемъ, который первый сталъ употреблять въ служеніи его книги, хотя и возбуждалъ тѣмъ неудовольствіе въ братіи, и даже самъ пострадалъ за свою ревность къ исправленію книгъ. Вѣроятно, онъ же воздвигъ часовню надъ уединеннымъ гробомъ странника, которую возобновилъ Митрополитъ Платонъ, соревнуя Діонисію въ уваженіи къ исповѣднику истины.

Скоро послѣ свиданія съ Максимомъ и Вассіяномъ, грозный державный чернецъ поселился по сосѣдству лавры, создавъ себѣ обитель опричниковъ въ слободѣ Александровской, и какъ бы соревнуя житію монашескому посреди ужасовъ казни, страшными грамотами и посланіями каралъ окрестные монастыри, упрекая ихъ въ неустройствѣ. Но и между сихъ упрековъ невольно проявляется его глубокое уваженіе къ лаврѣ; такъ въ посланіи своемъ къ Игумену Кирилловской обители, осуждая его за постриженіе Шереметева, котораго отецъ будто-бы исказилъ самую лавру, Іоаннъ пишетъ: «а дотолѣ у Троицы было крѣпко житіе и мы се видихомъ, и при нашемъ пріѣздѣ подчиваютъ множество, а сами чувственно пребываютъ. А въ едино время мы своими очами видѣли въ нашъ пріѣздъ: Князь Иванъ Кубенскій былъ у насъ дворецкій, да у насъ кушанье отошло пріѣзжее, а всенощное благовѣстятъ; и онъ похотѣлъ тутъ поѣсти да испити, за жажду а не за прохладъ; и старецъ Симонъ Шубинъ, и иные съ нимъ не отъ большихъ, а большіе давно отошли по кельямъ; и они ему о томъ какъ бы шутками молвили: Князь Иванъ су поздо, уже благовѣстятъ; да сей сидячи

съ поставца ѣстъ, а они съ другаго конца сбираютъ; да хватился хлебнуть испити, ано ни капельки не осталось, все отнесено на погребъ: этаково было у Троицы крѣпко, да то мірянину, а не чернецу. А и слышахъ отъ многихъ, яко и таковы старцы во святомъ томъ мѣстѣ обрѣталися: въ пріѣзды бояръ нашихъ и вельможъ нашихъ ихъ подчиваху, а сами же никако же ни къ чему не касахуся, аще и вельможи ихъ нужаху не въ подобное время, но еще и въ подобное время, и тогда мало касахуся. Въ древняя же времена въ томъ святомъ мѣстѣ сего дивнѣйше слышахъ: нѣкогда, пришедшу святому Пафнутію, чудотворцу живоначальной Троицѣ поклонитися и чудотворцову Сергіеву гробу, и ту сущей братіи, бесѣды ради духовной, бесѣдовавшимъ имъ и оному отойти хотящу, они же ради духовныя любви и за врата провожаху преподобнаго, и тако воспомянувше завѣтъ преподобнаго Сергія, яко за врата не исходити, и вкупѣ и преподобнаго Пафнутія подвигоша на молитву, и о семъ молитствоваше и тако разыдошася. И се ради духовныя любви, тако святіи отеческія заповѣди не презираху, а не тѣлесныя ради страсти. Такова бысть крѣпость во святомъ мѣстѣ древле! А нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, хуже и Пѣсноши, какъ до тудова Пѣсношь бывала! А вся та слабость отъ начала учинилася отъ Василья отъ Шереметева.... онъ у Троицы постническое житіе своимъ злокознствомъ испроверже, а сынъ его Іона тщится погубити послѣднее свѣтило, равно солнцемъ сіяющее, и душамъ совершенное пристанище спасенія въ Кириловѣ монастырѣ, въ самой пустыни, постническое житіе искоренити..... И отцу де еще слово, что неволею отъ бѣды постригся, а Іону вѣдь

Шереметева не кто въ затылокъ билъ, почто такъ безчинствуетъ? а будетъ такія чины пригоже у васъ, то вы вѣдаете, Богъ свидѣтель, монастырскаго ради безчинія говорилъ; а что на Шереметевыхъ гнѣвъ держати? инъ вѣдь есть его братья въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опалы своя положити; а надъ чернецомъ что опалитися или поругатися?»

Протекло грозное время послѣднихъ дней Іоанна, и нашествіе Крымскаго Хана, выжегшаго посады Московскіе, не коснулось обители Сергія. Настало кроткое царствованіе Ѳеодора, въ которомъ соединились всѣ благословенія рода Рюрикова, ибо въ лицѣ его сіе поколѣніе прощалось съ Россіею, осыпая ее послѣдними благодѣяніями на вѣчную память. И лавра испытала щедроты Царя: онъ окончилъ величественныя зданія, начатыя въ ней Іоанномъ, и соборъ Успенскій: при немъ достигла она высшей степени своего благоденствія и возбудила удивленіе Патріарха Вселенскаго Іереміи, когда онъ, поставивъ Іова первымъ Патріархомъ Россіи, посѣтилъ обитель. Тамъ Архимандритъ и Келарь поднесли ему богатые дары, по словамъ лѣтописи: «образъ Спасовъ чеканенъ съ пеленою, который чудиѣе изъ старыхъ, образъ Сергіево видѣнье обложенъ серебромъ, вѣнцы съ чеканью, кубокъ серебренъ въ гривенъ семь, чару или братину серебрену рублевъ въ 20, сорокъ соболей и 200 рублевъ денегъ.» Таковы были первые поминки Сергія Патріарху Цареградскому, какъ бы въ возблагодареніе за тотъ крестъ, который посланъ ему при основаніи обители, отъ Патріарха Филоѳея.

Спустя тридцать лѣтъ, другой подобный гость посѣтилъ лавру, Ѳеофанъ Іерусалимскій; но въ теченіи сего времени, чрезъ какія тяжкія испытанія

ей должно было пройти, посреди кровавыхъ смутъ Самозванцевъ, и нашествія Поляковъ и осады Литовской!—Здѣсь является лавра во всемъ блескѣ своей народной славы, она сіяетъ какъ драгоцѣннѣйшій камень въ вѣнцѣ Московскомъ, ибо изъ нея истекаетъ спасеніе и воздвигаются воеводы.

Царь Борисъ уже лежалъ въ оградѣ лавры, перенесенный туда изъ Москвы со всѣмъ своимъ родомъ, по волѣ Царя Шуйскаго; а близъ Василія воцарился въ Тушинѣ новый призракъ Димитріевъ, которыми долго мучилась Россія за кровь неповинную Царевича, когда по совѣту Самозванца съ Польскими союзниками, Гетманъ Литовскій Сапѣга и Панъ Лисовскій пришли осадить лавру, чтобы преградить Царю Василію сообщеніе съ его сѣверными и восточными областями. Но Архимандритъ Іоасафъ и воеводы, Князь Долгорукой и Голохвастовъ, словомъ и дѣломъ укрѣпились противъ ихъ льстивыхъ рѣчей и смѣлыхъ нападеній, и помощію Преподобнаго 16 мѣсяцевъ отсиживались отъ тяжкой осады, доколѣ приближеніе побѣдоноснаго Князя Михаила Шуйскаго заставило удалиться Литовцевъ. Отвѣтная грамота воеводъ и Архимандрита разительна своею силою:

«Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы, Сапѣга и Лисовскій, и прочая ваша дружина: вскую насъ прельщаете Христово стадо, православныхъ Христіанъ? Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ Христіанское отроча въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту, а о нихъ же есте къ намъ писасте, мы сія пріемше оплевахомъ. Кая бо польза человѣку возлюбити тьму паче свѣта и

преложити лжу на истину, и честь на безчестіе, и свободу на горькую работу? Какоже вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную Христіанскую вѣру, Греческаго закона, и покоритися новымъ Христіанскимъ законамъ, отпадшимъ отъ Христіанскія вѣры, иже проклята быша отъ четырехъ Вселенскихъ Патріархъ? Или кое пріобрѣтеніе и почесть еже оставити намъ своего православнаго Государя Царя и покоритися ложному врагу, и вамъ Латынѣ иновѣрнымъ, и быти намъ яко Жидомъ или горше сихъ? Они бо Жидове не познавше Господа своего распяша; намъ же знающимъ своего православнаго Государя, подъ ихъ же царскою Христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ винограде истиннаго пастыря Христа, како повелѣваете намъ оставити Христіанскаго Царя, и ложною ласкою и тщетною лестію и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хощете! Но ни всего міра богатства не хощемъ противу своего крестнаго цѣлованія.»

Тѣ, изъ сердца коихъ излились подобныя рѣчи, не могли быть побѣждены. Но сіе первое тяжкое искушеніе служило только началомъ исполинскихъ трудовъ, какіе подняла лавра за отечество. Уже ея сокровища были истощены тремя займами въ 65,000 рублей, Царей Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго; послѣдній потребовалъ еще новыхъ пособій,—отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сдѣлала необходимою поправку обрушенныхъ мѣстами стѣнъ. Въ сихъ крайнихъ обстоятельствахъ скончался защитникъ лавры Архимандритъ Іоасафъ. Не много дней оставалось Царю Василію до насильственнаго постриженія и плѣна Польскаго, не много и Патріарху

Гермогену исповѣдывать имя Христово на престолѣ святительскомъ до его мученической смерти, когда обоимъ пришла благая мысль избрать Старицкаго Архимандрита Діонисія настоятелемъ лавры и тѣмъ спасти отечество; ибо когда болѣе не существовало ни Царя, ни Патріарха, когда, такъ сказать, не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ Польскимъ,—тогда лавра сдѣлалась сердцемъ всея Руси. Діонисій одинъ замѣнилъ всѣ власти и, какъ видимый покровъ Св. Сергія, осѣнилъ всю землю Русскую и собралъ ее къ развалинамъ столицы. Надобно слышать краснорѣчивый разсказъ того времени, (въ житіи Архимандрита Діонисія), проникающій ужасомъ и жалостію душу, чтобы вполнѣ постигнуть его характеръ.

«Тогда по разореніи царствующаго града и многихъ градовъ, всѣми путьми быша бѣглецы къ дому живоначальныя Троицы, и не бѣ числа слезъ кровныхъ; вси бо мучены и изломаны прошаху отцовъ духовныхъ, а иніи мнозіи испечены быша, а съ иныхъ власы съ главъ содраны, а у иныхъ ременіе изъ хребтовъ вырѣзывано, у иныхъ на крестъ руки и ноги обсѣчены, а у иныхъ чрева прожжены каменіемъ разженнымъ: паче же изрещи не возможно, каковыми различными смертьми томими бяху. И вся обитель пресвятыя Троицы преисполнена бысть различными смертьми скончавающихся отъ глада и наготы, и отъ лютыя срамоты, о ней же нельзя и глаголати, паче же отъ ранъ неисповѣдимыхъ помираху. И не токмо въ монастырѣ мертвецы лежаху. но и въ слободахъ, въ Служней, и въ Клементьевѣ, и въ деревняхъ, и по путѣхъ и повсюду, страшно бѣ зрѣти наготы женъ и дѣвицъ, и не возможно

бысть ни исповѣдати при смерти, ни святыхъ таинъ Христовыхъ подаяти. Діонисій же видѣвъ сія, келаря и казначея и братію всю со слезами многими начатъ молити, дабы во время таковыя бѣды всѣмъ всячески спострадали во всякихъ нуждахъ. Келарь же и иные братія со слугами единогласно вси отвѣщаша сице: кто, государь Архимандритъ, въ таковой бѣдѣ съ разумомъ сберется? никому не возможно стало промышляти, кромѣ единаго Бога. Паки глагола Діонисій сице всѣмъ со слезами и рыданіемъ: се, государи мои, разумѣйте: во истину искусъ отъ Господа Бога бысть намъ. Отъ осады большой насъ Господь Богъ избавилъ, за молитвами Владычицы нашея Богородицы и великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона; а нынѣ за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и безъ осады смирити и оскорбити. Келарь же и всѣ братія и слуги смятошася о рыданіи его, и начаша просити совѣта отъ него о недоумѣніи своемъ. Діонисій же начатъ молити ихъ сице: домъ пресвятыя Троицы и великихъ чудотворцевъ не запустѣетъ, сице станемъ молити и у Господа Бога просити, да разумъ намъ подастъ; токмо положите то, кто что смыслитъ промышляти, или сбирати на потребу бѣднымъ, или служити кто можетъ, и кому что по силѣ своей дати. И бысть совѣтъ его всѣмъ любезенъ, и первѣе слуги, и простая чадь крестьяне совѣтоваша, и Архимандриту съ братіею сказали тако: аще вы государи, будете изъ монастырской казны послѣ осадныхъ людей умершихъ или живыхъ, и вкладчиковъ, которые что въ святую обитель душъ своихъ ради подали, давать бѣднымъ на кормъ, одежду, на лѣчбу и работникамъ, кто имется стряпать и служить и лѣчить, сбирать и

погребать: то мы за головы свои и за животы не стоимъ. И бысть той совѣтъ радостенъ всѣмъ людемъ: и въ монастырѣ и во округѣ монастыря всѣмъ людемъ бѣднымъ живущимъ и умирающимъ всякъ промыслъ изыде. И первѣе, по благословенію Архимандрита Діонисія, начаша строити казною монастырскою домы для всѣхъ людей, и больнымъ людямъ обрѣтошася врачеве, и цѣляху многихъ.

Каковъ же въ премудрости словеснѣй бысть, того никто же не помыслитъ о немъ, ни во умѣ никто не пріиметъ: каково попеченіе имѣ, не токмо о святѣй обители своей, въ ней же пребываше. но и о велицѣмъ царствующемъ градѣ Москвѣ великъ подвигъ имѣя, о избавленіи града всегда моляшеся, и всяка нощь день ему бяше. Ибо въ то время, егда во осадѣ Москва была полтора года, онъ непрестанно въ церкви Божіей и въ кельѣ, съ великимъ плачемъ стояше въ молитвахъ, и по многихъ моленіяхъ той опочиваше. Ему же быша писцы борзые, и въ келліи отъ божественныхъ писаній собираху учительныя словеса, и писаша посланія многая въ смутные города ко священнымъ чинамъ и къ воеводамъ, и къ простымъ людямъ о братолюбіи и соединеніи мира, указующе: которыя царства и властительства, за какіе грѣхи и неправды, погибли, и которые государства возвысилися Богомъ, за какія правды и за какія добрыя дѣла, и что за соблюденіе оныхъ Господь Богъ, благій человѣколюбецъ, миловалъ и помощникъ былъ бѣднымъ и отчаяннымъ и худымъ и не могущимъ стоять противъ супостатовъ. И писывалъ такія граматы и на Рязань и на Сѣверъ и въ Ярославль, и въ Нижній Новгородъ, Князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и къ Козьмѣ

Минину, и въ Понизовскіе города, и ко Князю Димитрію Тимоѳѣевичу Трубецкому, и къ Заруцкому подъ Москву, и въ Казань къ строителю Амфилохію. И въ тѣхъ граматахъ болѣзнованія Діонисіева о всемъ государствѣ Московскомъ безчисленно много.»

Около сего времени возвратился изъ-подъ Смоленска знаменитый Келарь Аврамій Палицынъ, два раза уже прокормившій Москву при Шуйскомъ монастырскими хлѣбами; онъ былъ посыланъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Филаретомъ и Княземъ Голицынымъ, для испрошенія Королевича Владислава на престолъ Россійскій и тайно оставилъ посольство, не видя успѣха отъ честолюбія Сигизмунда. Когда же услышалъ въ лаврѣ, о разореніи Москвы воеводою Польскимъ Гонсевскимъ и о заточеніи Гермогена, онъ и Діонисій немедленно послали 250 своихъ слугъ и стрѣльцовъ, подъ предводительствомъ Князя Тюменскаго, для защиты столицы, и сей благой примѣръ подѣйствовалъ на всю окрестность. Они же отправили въ Переяславль грамоту къ воеводамъ Волынскому и Волконскому, моля о скорой помощи; во всѣ сосѣдніе и дальніе предѣлы помчались гонцы ихъ, и вотъ, по ихъ слезному зову, поднялись воеводы Переяславскіе и отъ Калуги Князь Трубецкой, и отъ Коломны Ляпуновъ, и Заруцкой отъ Тулы и отъ Владиміра Просовецкой. Они обступили предмѣстія Московскія, стѣсняя враговъ въ голодный, убійственный кругъ. Новыя грамоты, къ Владыкѣ Казанскому Ефрему и въ понизовыя земли и на поморіе, подвигли къ Москвѣ новыхъ защитниковъ. Келарь Аврамій, со святою водою, былъ отпущенъ Архимандритомъ въ станъ ратныхъ, для подкрѣпленія ихъ духа. Скоро возникли между вождями распри и

мятежные казаки убили Ляпунова, а между тѣмъ съ свѣжими войсками подступилъ Гетманъ Ходкѣвичъ;— тогда неусыпный Діонисій, отправивъ нужные запасы и снаряды къ осаждающимъ, разослалъ еще гонцевъ въ Ярославль и Владиміръ и Нижній, гдѣ вспыхнула искра чистаго самоотверженія въ сердцѣ Минина, и пролилось отъ нея пламя по всему народу и наконецъ сосредоточилась сила, долженствовавшая освободить отечество, подъ руководствомъ воскресшаго съ одра болѣзни Князя Пожарскаго. Но и здѣсь одни только непрестанныя моленія Діонисія и Аврамія могли заставить Князя пренебречь всею опасностію, какая угрожала ему въ станѣ отъ смутъ и заговоровъ соотечественниковъ, и двинуться сперва изъ Ярославля, а потомъ изъ-подъ лавры для довершенія великаго дѣла. Съ тѣхъ поръ Келарь, ходившій на встрѣчу ему въ Ярославль, былъ уже безотлучно при войскахъ, лицемъ не менѣе дѣйствующимъ Князя и Минина, а вмѣстѣ и лѣтописцемъ. Его краснорѣчивое перо передало потомству современные подвиги, подобно какъ его сладкія рѣчи возстановляли миръ и тишину посреди враждующаго стана. Онъ даровалъ побѣду воинству Пожарскаго, въ продолженіи жестокой битвы съ Гетманомъ на Дѣвичьемъ полѣ, убѣдивъ Казаковъ, удалившихся въ свои окопы, принять участіе въ кровавой сѣчѣ. «Отъ васъ началось дѣло доброе; вы стали первые за истинную, православную вѣру, принявъ многія раны, терпя холодъ и наготу; прослывшіе храбростію и мужествомъ своимъ во многихъ государствахъ, нынѣ ли хотите въ одно мгновеніе все погубить!» Такъ говорилъ старецъ и они умилились и, принявъ отъ него ясакомъ имя Св. Сергія, бросились чрезъ Москву рѣку и съ кли-

ками: «Сергіевъ! Сергіевъ!» разбили и прогнали Литву.

Еще длилась осада; Поляки засѣли въ Кремлѣ и Китаѣ; возникли новыя возмущенія между Казаками; жалуясь на нищету свою и богатства вождей, они хотѣли умертвить ихъ и разбѣжаться; что же Архимандритъ и Келарь?—послѣднія сокровища лавры посылаютъ они въ таборы: ризы и стихари саженые жемчугомъ, съ слезнымъ моленіемъ не покидать отечества,—и тронулись Казаки; они взошли въ разумъ и въ страхъ Божій и, возвративъ обители ея пожертвованія, поклялись переносить всѣ лишенія.

Скоро Преподобный явился во снѣ Греческому Архіепископу Арсенію, заключенному въ Кремлѣ, и утѣшилъ его вѣстію о избавленіи. Приступомъ былъ взятъ Китай, сдался Кремль: съ торжественнымъ пѣніемъ вступилъ Діонисій и весь освященный соборъ въ храмъ Успенія, и восплакалъ при видѣ запустѣнія святыни. Оба, и Архимандритъ и Келарь, были при избраніи Михаила, совершившемся на Троицкомъ подворьѣ. Аврамій возвѣстилъ его народу съ лобнаго мѣста и самъ, въ числѣ пословъ почетныхъ, ходилъ приглашать на царство. Онъ умолялъ юношу промѣнять тишину обители Ипатіевской на бурный престолъ, колеблемый всѣми ужасами войны и внутреннихъ смятеній. Когда же по многомъ плачѣ умоленъ былъ юный Царь, то на пути своемъ къ столицѣ усердно припадалъ къ ракѣ Преподобнаго, и Діонисій благословилъ Михаила на спасенное царство.

Но симъ благимъ избраніемъ и мирнымъ воцареніемъ не кончились смуты воинскія для лавры. Королевичъ Владиславъ, оскорбленный лишеніемъ Московскаго престола, подступилъ къ Москвѣ и

отрядилъ полковника Чаплинскаго разорять окрестности Троицкія. На Клементьевскомъ полѣ слуги монастырскіе убили врага, и еще болѣе разгнѣванный Владиславъ самъ пришелъ взыскать смерть вождя своего на обители. Отважный Келарь Аврамій приказалъ выжечь вокругъ всѣ ея посады и тѣмъ заставилъ отступить Королевича, которому еще памятна была первая осада. Начались переговоры, сперва съ лаврою, потомъ съ Москвою, и наконецъ подъ стѣнами Св. Сергія заключенъ былъ Деулинскій миръ, на время успокоившій государство.

Торжество мира было торжествомъ лавры: она одна устояла въ пятнадцатилѣтнюю бурю; ея каждая развалина казалась раною цѣлаго отечества; ея каждый инокъ былъ витязь; въ ней одной стеклись всѣ главнѣйшія воспоминанія долгой войны, и ни единою измѣною не запятналась ея слава. Неувядаемыя богатства замѣнили временныя. Гдѣ еще можно было найти другаго Діонисія, другаго Аврамія, и подобную братію?—Имъ подивиться пришелъ самъ Патріархъ Іерусалимскій Θеофанъ, посланный Вселенскими Патріархами для поддержанія на Руси православія. Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать повѣсть сего трогательнаго посѣщенія (въ томъ же житіи Діонисія):

«Слышавъ о обители преславной Троицы, какъ во время разоренія Московскаго Государства и самаго царствующаго града, то малое мѣсто спасено было отъ Польскихъ и Литовскихъ народовъ, удивился Патріархъ и хотѣлъ видѣть съ желаніемъ сердечнымъ, не мѣсто, но дивнаго хранителя мѣста, великаго Сергія Чудотворца.—Когда же пришелъ въ его обитель, Архимандритъ Діонисій сотворилъ ему

честь, подобающую Царскому Величеству, и вышелъ въ срѣтеніе внѣ монастыря, во множествѣ чина священнаго, въ ризахъ блистающихъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, съ кадилами ѳиміама и со св. иконами; братія же вся со свѣчами въ рукахъ, а мірскіе священники и простые люди далеко встрѣтили въ полѣ, съ женами и дѣтьми, Патріарха, припадая къ ногамъ его со слезами и тѣснясь другъ за другомъ, потому что всѣ желали принять отъ него благословеніе. Пришествіе Патріарха исполнило весь монастырь людьми, жаждавшими его видѣть. Прослезился Ѳеофанъ, и во время пѣнія вечерняго, ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, а только плакалъ. Послѣ вечерни молилъ его Діонисій благословить трапезу, и едва преклонился на милость, сотворивъ по обычаю моленія о Царѣ, и отцѣ его Патріархѣ, и матери инокинѣ, и о всемъ синклитѣ; Грекамъ же съ нимъ пришедшимъ велѣлъ пѣть многолѣтіе. Сперва воспѣли братія Синайской горы съ своимъ Архимандритомъ, потомъ же и Троицкій клиръ. Тогда благословилъ трапезу, но самъ ничего не вкушалъ, готовясь ко всенощному бдѣнію, и ночь всю препроводилъ въ славословіи; на утро же пришелъ въ храмъ служить святую литургію, но прежде отпѣвъ молебенъ. со многими слезами, окроплялъ святою водою образъ живоначальныя Троицы и Пресвятой Богородицы, и приступивъ къ мощамъ чудотворца, велѣлъ Архимандриту открыть святое лице Сергія, чтобы отереть губою; ужасъ объялъ его и затрепетало въ немъ сердце, когда узрѣлъ нетлѣніе Святаго и осязалъ руки его и ноги; онъ сталъ къ образу Св. Троицы и велѣлъ толмачу толковать рѣчи свои въ слухъ всѣхъ людей:

«О великій Сергій чудотворецъ, слава святаго житія твоего достигла и до востока солнечнаго, и благодареніе содѣтелю всѣхъ Христу Богу, что и на конецъ вѣка дошедшимъ людямъ, вѣрующимъ въ Него, даетъ упованіе не отпадать отъ правыя вѣры, ради молитвъ Пресвятыя Своея Матери, и васъ ради, со всѣми святыми подвизавшихся въ благочестіи.» Сказавъ сіе, совершилъ самъ литургію, и столь умилительно было его служеніе, что и всѣхъ сущихъ съ нимъ побудилъ изливать источники слезъ, и весь народъ внутри и внѣ церкви одержимъ былъ великимъ ужасомъ.

По совершеніи литургіи, молилъ его Діонисій сотворить успокоеніе себѣ и всѣмъ пришедшимъ съ нимъ изъ Іерусалима, и на трапезѣ воздана была ему почесть, какъ Царямъ Московскимъ, когда приходятъ на поклоненіе въ праздники. Святѣйшій же Ѳеофанъ, сидя за обильною трапезою съ братіею, ничего не вкушалъ, и былъ неутѣшимъ отъ плача, хотя торжество обѣда совершалось съ пѣніемъ ликовъ. Жалостно стало Діонисію съ братіею, что трудъ ихъ подвига безполезенъ, ибо думали, что Святѣйшій Ѳеофанъ имѣетъ на нихъ нѣкій гнѣвъ, и, въ тихости посовѣтовавъ между собою, сами облились слезами; но Патріархъ, духомъ уразумѣвъ ихъ бесѣду, сказалъ Діонисію и всей братіи:

«Что смущаетесь? не скорбите о слезахъ моихъ; ибо радостію веселится о васъ сердце мое; не ищу я чего либо вашего, но васъ самихъ, по глаголу Апостола: вы бо радость моя и вѣнецъ, ибо здравыхъ васъ обрѣлъ. Прежде слышали всѣ Церкви Восточныя скорбь вашу и трудъ, какіе подъяли за Христа отъ гонящихъ васъ, ради правой вѣры, и мнѣ не

безъизвѣстно было о всѣхъ вамъ приключившихся бѣдахъ. Нынѣ же очи мои видѣли все, за что вы страдали и не напрасно, ибо многимъ сіе послужило во спасеніе. Я же пришелъ отъ Іерусалима даже до васъ, моля Господа, чтобы трудъ мой не былъ тщетенъ, и вотъ мы уже пріобрѣли во Христѣ. Подобно же какъ мы были общниками скорби вашей, какъ сдѣлались и начальниками вашей радости. Плакали съ плачущими и радуемся съ радующимися. Нынѣ же еще нѣчто прошу у васъ видѣть, да возвеселюся по желанію моему.»

Діонисій съ братіею, падши на землю, воскликнулъ: «о глава честная свыше всѣхъ человѣковъ на землѣ, мы всѣ и все наше въ рукахъ твоихъ: скажи намъ, чего желаешь?» Святѣйшій же Ѳеофанъ отвѣчалъ: «слышалъ я, что во время бѣды ратной, нѣкоторые иноки обители вашей дерзнули возложить на себя броню и принять оружіе въ руки и ратовать крѣпко; дайте мнѣ ихъ видѣть?»

Услышавъ о томъ Діонисій усумнился, помышляя что̀ будетъ?—и въ братіи разнеслось о томъ слово; иноки же, дѣльцы того подвига, сказали Діонисію; «яви насъ, отче, Владыкѣ нашему, буди все по волѣ его,» и явлены были святительству его. Внезапно предъ лицемъ его стали болѣе двадцати человѣкъ, между коими первый былъ Аѳанасій Ощеринъ, весьма старый годами и уже весь пожелтѣлый отъ сѣдины. Патріарху возвѣстили всѣ его подвиги и, мало посмотрѣвъ на него, спросилъ Святѣйшій Ѳеофанъ: «о старче старый, на войну ты ли исходилъ и начальствовалъ воинствомъ мученическимъ?»— «Ей, Владыко святый, отвѣчалъ Аѳанасій, я вынужденъ былъ слезами кровными».— «Возлюбленный

братъ, спросилъ опять Патріархъ, что̀ тебѣ свойственнѣе?—иночество ли въ уединенной молитвѣ, или подвигъ предъ всѣми людьми?»—Аѳанасій же поклонився, сказалъ: «всякая вещь и дѣло, Владыко святый, въ свое время познается. У васъ, святыхъ отцевъ, отъ Господа Бога власть вязать и рѣшить, а не у всѣхъ; я же, что творю и творилъ,—все только ради послушанія,» и, обнаживъ сѣдую голову, продолжалъ: «вотъ подпись Латинянъ на челѣ моемъ отъ ихъ оружія, еще же и въ лядвіяхъ моихъ шесть памятей свинцовыхъ обрѣтаются; а въ келліи, сидя на молитвѣ, какъ можно было, изъ доброй воли, найти такихъ будильниковъ для воздыханія и стенанія? Все же сіе было не нашимъ произволомъ, но повелѣніемъ пославшихъ насъ на службу Божію.»—Такъ говорили и другіе иноки.—Святѣйшій Ѳеофанъ, дотолѣ сидѣвшій, не прикасаясь брашна, всталъ отъ трапезы и благословилъ Аѳанасія, цѣлуя его съ любовію, и прочихъ кровоточцевъ съ похвальными словами отпустилъ. Самъ же отошелъ на покой и на другой день послѣ литургіи принесли ему богатые дары, изъ коихъ нѣчто сохранивъ себѣ, иное отдалъ въ домъ Пресвятыя Троицы, или на милостыню.

Потомъ велѣлъ Патріархъ пѣть конечный молебенъ Пресвятой Троицѣ и, знаменавшись у Св. иконъ, подошелъ ко гробу великаго чудотворца, снялъ съ себя клобукъ и отеръ имъ колѣни Сергія и ноги до подошвы, и подложилъ подъ плесны его со многими слезами, приникнувъ молитвенно ко гробу. А Діонисію велѣлъ стоять безъ клобука съ преклоненною главою, и взявъ свой клобукъ изъ-подъ ногъ чудотворца, поцѣловалъ и далъ цѣловать Архимандриту, возложивъ руку на его главу. Архидіаконъ возгла-

силъ: «вонмемъ» а Архимандритъ Синайской горы трижды: «Киріе елейсонъ,» Патріархъ же, возложивъ клобукъ свой на Діонисія съ молитвою, благословилъ и цѣловалъ въ уста съ сими словами: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа, далъ я тебѣ благословеніе, сынъ мой, и знаменовалъ тебя въ великой Россіи, среди братіи твоей, да будешь первый въ старѣйшинствѣ по благословенію нашему, также и кто по тебѣ будетъ, да носитъ въ семъ святомъ мѣстѣ благословеніе наше, величаясь и хвалясь нашимъ смиреніемъ и радостно всѣхъ извѣщая: сіе намъ дано знаменіе, что и Патріархи Восточные поклонники суть сему святому мѣсту и честь свою предъ Св. Троицею оставили, снявъ съ главы своей память по себѣ, и положили подъ ноги великому стражу и блюстителю богоносному Сергію чудотворцу.» Потомъ велѣлъ пѣть на обоихъ клиросахъ: «спаси Христе Боже, отца нашего Архимандрита Діонисія,» и обратясь къ братіи сказалъ: «запишите себѣ все сіе, что совершилъ надъ Архимандритомъ, и если впредь кто изъ братіи нашей придетъ сюда на поклоненіе, пусть вѣдомо будетъ изволеніе наше грядущимъ родамъ, чтобы и вы не забывали наше смиреніе и любовь, и памятовали въ своихъ молитвахъ.» Сказалъ и опять прослезился, братія же и народъ весь поклонились ему до земли.

Можно полагать, что оба сіи великіе мужа, и Діонисій и Аврамій, въ одно время сошли съ своего высокаго поприща. Первый по 23-хъ лѣтнемъ правленіи преставился со славою посреди плача всего государства. Самъ Патріархъ Филаретъ, за годъ до своей смерти, воздалъ ему послѣдній долгъ. А Келарь еще заживо погребся въ пустынѣ Соловецкой, и тамъ

долго таилась память его отъ любви соотечественниковъ.

Во времена болѣе мирныя для государства, но весьма смутныя для Церкви, послѣ низложенія Патріарха Никона, Троицкая лавра даровала ей утѣшителя и главу въ лицѣ своего Архимандрита Іоасафа, чудесно исцѣленнаго Св. Сергіемъ, который кротко пасъ ввѣренное ему стадо. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было, чтобы одинъ изъ десяти Первосвятителей нашихъ былъ произведенъ на престолъ Патріаршій отъ дивной раки Преподобнаго, и честію своего сана еще бы украсилъ его обитель.

При его второмъ преемникѣ Іоакимѣ, въ юные дни Петра, обурѣваемые ужасами бунтовъ стрѣлецкихъ, два раза открывались гостепріимныя объятія лавры для спасенія надежды отечества. Два раза молодой Царь, чудесно спасенный отъ убійцъ, оградился крѣпкими стѣнами отъ ярости мятежниковъ, и въ сей неодолимой твердынѣ разрушилъ ихъ замыслы. Казнію Хованскихъ окончилось первое возстаніе, второе—заключеніемъ властолюбивой Царевны Софіи. Сюда въ лавру посылала она и Патріарха и сестеръ умолять разгнѣваннаго брата, но тщетно: сюда наконецъ устремилась сама съ позднею мольбою;—она не была допущена, ее ожидала грустная келлія въ монастырѣ Дѣвичьемъ, и отселѣ возвратился Петръ съ торжествомъ въ свою столицу, встрѣченный на пути длиннымъ рядомъ стрѣльцовъ, которые добровольно лежали на плахахъ, моля о пощадѣ.

Чудно отозвался Россіи ровно чрезъ два столѣтія 1612 годъ: Франція заступила мѣсто Польши, но также сгорѣла Москва, и воеводы обступили развалины столицы, и изъ Нижняго поднялось ополченіе;

отряды непріятельскіе устремились къ Владиміру до Богородска и заняли Дмитровъ. Что же помѣшало имъ овладѣть лаврою, въ столь близкомъ разстояніи отъ Москвы, и расхитить ея богатства, извѣстныя въ Европѣ? Тщетно герой Бородинской битвы, Князь Багратіонъ, изнемогая отъ смертельной раны въ обители Троицкой и припадая къ ракѣ Преподобнаго, умолялъ братію спасти сокровище мощей его и богатства лавры отъ хищности наступающаго врага. Сняли только балдахины отъ раки и престола, но Митрополитъ Платонъ не велѣлъ прикасаться къ святынѣ и нарушать вѣру въ защиту Угодника. На праздникъ Покрова Богоматери, съ крестнымъ ходомъ, были обнесены иконы кругомъ обители, и въ тотъ же день, отрядъ непріятельскій, направленный на лавру, получилъ повелѣніе возвратиться съ половины дороги.

Самая язва, которою дважды страдала столица, миновала лавру, какъ нѣкая страшная туча. На паперти Троицкаго собора хранится надпись на камнѣ, свидѣтельствующая, что въ 1770 году ограждена была обитель святымъ Угодникомъ отъ заразы, хотя со всѣхъ сторонъ стекались къ нему на поклоненіе недужные. Даже и зараженные получали исцѣленіе въ оградѣ монастырской; во все время не погибъ изъ нихъ ни одинъ, несмотря на тѣсноту. Сіе чудесное явленіе повторилось въ глазахъ нашихъ, когда свирѣпствовала холера въ столицѣ и во всѣхъ окрестностяхъ. Такъ недремлющими блюстителями стоятъ, во вратахъ своего пристанища, Сергій и Никонъ, отгребая отъ него всѣ бурныя житейскія волны.

Изъ собора посѣтилъ я намѣстника лавры, Архимандрита Антонія. Мы и прежде уже знали другъ

друга, при настоящемъ же свиданіи я возобновилъ пріятное для меня знакомство. «Ласковый пріемъ вашъ, сказалъ я ему, дѣлаетъ меня докучливымъ. Отпустите со мною кого либо изъ монашествующей братіи по стѣнамъ, чтобы я могъ слышать разсказъ объ осадѣ Литовской на самомъ мѣстѣ великихъ подвиговъ.»

«Пока еще не начался благовѣстъ, отвѣчалъ Намѣстникъ, я самъ готовъ служить спутникомъ, по мѣрѣ слабыхъ моихъ познаній. Мнѣ пріятно удовлетворить любопытству, которое основано на славѣ св. Сергія.»

Я поблагодарилъ Архимандрита за такую снисходительность.—«Не выходя еще изъ келлій, позвольте мнѣ уже сдѣлать первый вопросъ: кто занималъ въ старые годы покои ваши, странно устроенные, частію въ башнѣ, частію на городской стѣнѣ? Не сами ли Архимандриты или Келари?»

«Нѣтъ, мѣстопребываніе Архимандритовъ лавры не измѣнилось; и теперь живутъ тамъ Митрополиты, въ качествѣ настоятелей. Мои же келліи не очень давно устроены, а древнее жилище Келарей было подлѣ святыхъ воротъ. Тамъ живалъ Палицынъ, но теперь все давно уже перестроено.»

—«Слышали ль вы, что наконецъ отысканы слѣды его въ Соловецкой обители?»

«Слышалъ и утѣшался вмѣстѣ съ братіею; отечеству и особенно лаврѣ тяжко было не вѣдать, гдѣ кончилъ житіе свое сей великій подвижникъ.»

«Извините, сказалъ я, что говоря о немъ, примѣшаю нѣчто житейское. Мнѣ кажется, нигдѣ лучше не изображенъ характеръ Аврамія, какъ въ одной изъ нашихъ свѣтскихъ книгъ. Въ ней старецъ,

благословляя юношу на брань за отечество, говоритъ ему трогательныя слова: «Всевышній да проститъ сіе согрѣшеніе старцу, что онъ любитъ свою земную родину почти также, какъ должны бы мы всѣ любить одно небесное отечество наше!» Хотя это вымыселъ, но прекрасный.

«У насъ есть собственное его описаніе осады, отвѣчалъ Намѣстникъ: тамъ излилась въ сладкой рѣчи вся пламенная душа Аврамія. «Отъ великихъ малая избрахъ, говоритъ онъ, яко отъ пучины морскія горсть воды почерпохъ, да поне мало напою жаждущія души божественнаго слова.» И точно вся Русская земля приходитъ черпать изъ его сказанія утѣшительную вѣру въ покровительство святаго Угодника и наслаждаться чудеснымъ зрѣлищемъ лавры, одной неколебимой посреди треволненія цѣлаго царства. Онъ написалъ сіе неоцѣненное сокровище, по просьбѣ братіи обители, какъ самъ объясняетъ, и, по свидѣтельству очевидцевъ, на память грядущимъ родамъ, и да незабвенна будутъ чудеса великихъ святыхъ Сергія и Никона.»

«Со мною есть его книга,» сказалъ я.

«Тѣмъ лучше, продолжалъ онъ: и такъ взглянемъ изъ моихъ оконъ на западную окрестность лавры. Отселѣ и съ Московской, то есть южной стороны, были самыя сильныя нападенія. Сей малый прудъ, который теперь подъ стѣнами, тогда еще не существовалъ; недавно наполненъ водою малый оврагъ, служившій рвомъ для крѣпости. На краю его, прямо противъ моихъ келлій, стоялъ пивной дворъ, обнесенный крѣпкимъ тыномъ, который также не могли взять Поляки, во все время продолжительной осады, хотя нѣсколько разъ покушались зажечь. Онъ имѣлъ

сообщеніе съ лаврою черезъ тайникъ, служащій теперь выходомъ къ банѣ; изъ сего острога производились частыя вылазки на Красную гору. Начиная отъ пруда Келарскаго, близъ Московской дороги, и до того косаго оврага, что изгибается съ правой стороны къ чащѣ лѣса, возвышенность занята была станомъ Гетмана Сапѣги. Онъ окопалъ все пространство рвомъ и валомъ, и поставилъ здѣсь большую часть своихъ туровъ, которые однакоже были сожжены въ счастливую вылазку, послѣ первыхъ шести недѣль осады, и съ тѣхъ поръ не возобновлялись. А всѣхъ туровъ было девять, первые на Московской дорогѣ, послѣдніе же на глиняномъ оврагѣ, противъ конюшенной башни, такъ что вся югозападная и часть сѣверной ограды были охвачены ими. Но пойдемъ на стѣны, я укажу самыя башни.»

Мы вышли на высокую западную ограду и широкимъ крытымъ путемъ пошли къ сѣверозападной угольной бойницѣ. Съ правой стороны открывалась намъ вся внутренность лавры, съ лѣвой безчисленные зубцы ограды прерывали на каждомъ шагу дальніе виды окрестности, которая мгновенно мелькала въ тѣсныхъ промежуткахъ.

«Башня сія, сказалъ Архимандритъ, называемая Плотничною у Аврамія, извѣстна намъ подъ именемъ Оружейной, ибо въ ней до временъ Императрицы Елисаветы хранилось оружіе и всѣ снаряды лавры. Теперь поворотимъ на сѣверную ограду; съ Каличьей башни мы лучше увидимъ окрестность.» Когда же мы взошли на устроенную вокругъ нея площадку: «я не могу объяснить, продолжалъ Архимандритъ, почему дано ей названіе Каличьей, но вотъ рядомъ съ нею Звонковая, такъ прозванная однако не отъ

набата, а отъ звонка семинарскаго; высокая же башня надъ святыми вратами, служившая въ древности колокольнею, съ которой давали вѣсть защитникамъ лавры о нападеніяхъ непріятеля, разобрана по ветхости въ 1826 году. Если менѣе было приступовъ къ сѣверной оградѣ, то съ сей стороны пролилось много крови, для добытія дровъ осажденнымъ. Служители лавры покрыли себя безсмертною славою, въ частыхъ стычкахъ съ непріятелемъ, по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ. За сею рощею видна также, не отселѣ, но съ колокольни, по Углицкой дорогѣ, церковь Деулинская, воздвигнутая во имя св. Сергія Царемъ Михаиломъ и Патріархомъ, отцемъ его, на память мира, заключеннаго съ Польшею подъ стѣнами лавры. Такъ и кровавый бой за отчизну и желанный миръ по столькимъ смятеніямъ, все здѣсь, все у той же обители, которая одна сосредоточила въ себѣ судьбы всей Россіи и какъ Ангелъ хранитель стала на ея распутіи, съ мечемъ и масличною вѣтвію.»

Мы спустились съ башни, я шелъ рядомъ съ Архимандритомъ и безмолствовалъ. Минувшее казалось мнѣ настоящимъ; мнѣ казалось, самъ именитый защитникъ лавры, Архимандритъ Іоасафъ, который былъ душею осажденныхъ и успѣлъ только дожить до ихъ освобожденія, чтобы тѣмъ довершить свой земной подвигъ, самъ шествовалъ по стѣнамъ своей обители, указывая мнѣ мѣста знакомыхъ событій. Такъ странно и сладко было слышать, изъ устъ иноческихъ, воинственный разсказъ сей, одушевленный тою же любовію къ отечеству, какая совершила самые подвиги. Воображая предъ собою древняго блюстителя лавры, я мысленно искалъ около него

доблихъ иноковъ, въ бронѣ сверхъ рясы, пожелтѣвшихъ сѣдинами, какъ Аѳанасій Ощеринъ, и какъ онъ, подвигнутыхъ на брань слезами кровными, и ждалъ вѣстоваго набата.

Архимандритъ нарушилъ мои мечты, обративъ опять вниманіе къ настоящему. «Весь сѣверовосточный уголъ нашей лавры занятъ, какъ можно отселѣ видѣть, духовною академіею, которая отчасти помѣщена въ царскихъ чертогахъ Петра Великаго, устроенныхъ на мѣсто древнихъ Царя Іоанна. Здѣсь живали державные богомольцы, когда пѣшіе приходили поклониться Угоднику; здѣсь спасался и юный Петръ отъ мятежей стрѣлецкихъ. Вотъ угольная Красная башня, съ которой по преданіямъ тѣшился онъ, стрѣляя утокъ на красномъ прудѣ за ея бастіонами, и отъ того утка была поставлена на верху башеннаго спица, когда отдѣлывали ее при Елисаветѣ Петровнѣ. Отъ сей башни и до круглой Пятницкой, на другомъ углу ограды, выкопанъ былъ во время осады глубокій ровъ и укрѣпленъ валомъ, но его уничтожили недавно, для удобнѣйшаго въѣзда.»

Между тѣмъ мы по восточной стѣнѣ приблизились къ церкви Рождества Предтечи надъ святыми вратами. Церковь надъ входомъ въ обитель, во имя ея основателя, есть необходимая принадлежность всѣхъ монастырей нашихъ, самые убогіе имѣютъ хотя часовни съ иконою святаго и это отпечатокъ характера Русскаго. Отшельники, полагавшіе въ дебряхъ и лѣсахъ начало своимъ пустынямъ, ради совершеннаго безмолвія, однажды прославленные чудесами по своемъ преставленіи, сами какъ будто оставляютъ свое любимое уединеніе, чтобы смиренно ставъ во вратахъ обители, по примѣру древнихъ праотцевъ, гостепріимно сзы-

вать мимоидущихъ на духовную трапезу, и хотя невольнымъ крестомъ заставить осѣниться путника, если даже онъ и не хочетъ войти въ обитель.

«Церковь сія, сказалъ Антоній, стоитъ на мѣстѣ древней св. Сергія, воздвигнутой отцемъ Грознаго при начатіи ограды. Когда же, при Царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ, сооруженъ былъ великолѣпный готическій храмъ Угоднику, служащій намъ трапезою, и освященъ въ присутствіи Царей послѣднимъ Патріархомъ, тогда дозволено было Строгоновымъ строеніе Предтечевой церкви; но и она сгорѣла, а новая освящена уже при Императрицѣ Екатеринѣ, въ первый годъ ея царствованія.»

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались по оградѣ, ширина ея стѣнъ, крѣпость и высота башень и самое ея пространство приводили меня все въ бо̀льшее удивленіе и внушили невольный вопросъ: «конечно царственная рука воздвигла подобныя твердыни, ибо, несмотря на богатство лавры, трудно ей было одной совершить ихъ.»

«Іоаннъ Грозный былъ помощникомъ, отвѣчалъ Намѣстникъ, ему обязана обитель лучшими своими зданіями. И этотъ обширный лѣтній соборъ Успенія Богоматери сооруженъ имъ на подобіе Успенскаго въ Москвѣ, единственнаго образца тогдашняго зодчества, и та малая церковь Сошествія Св. Духа, впослѣдствіи украшенная Патріархомъ Никономъ, воздвигнута Царемъ симъ на память взятія Казани, и освящена при немъ и Царицѣ Анастасіи. Вотъ первая царственная Романова на духовномъ торжествѣ у Троицы. Многія льготы даны были Царемъ во время Казанскаго похода и послѣ, для построенія сей ограды, которая на 464 саженяхъ, съ своими

восемью башнями, какъ вѣнецъ царства Русскаго, вмѣщаетъ въ себѣ много святаго и близкаго Русскому сердцу. Когда же пострадала она сильно отъ осады Литовской, то снова поддержалъ ее признательный Царь Михаилъ Ѳедоровичъ и ветхости всѣ имъ исправлены. Впослѣдствіи украшены нѣкоторыя ея башни и святые врата Митрополитомъ Платономъ; его имя незабвенно лаврѣ: все, что только есть въ ней великолѣпнаго, обновлено или устроено его усердіемъ, начиная отъ позлащенной имъ крыши Троицкаго собора и до братскихъ келлій, которыя видишь кругомъ всей ограды, и все это въ то время, когда лавра лишилась 100 тысячъ своихъ крестьянъ.»

—«А прочія церкви и зданія какого времени?»

«Не очень давнія, отвѣчалъ Архимандритъ; малая шестиугольная церковь, на память явленія Божіей Матери св. Сергію, гдѣ покоятся мощи ученика его Михея, у высокаго крыльца трапезной церкви, основана повелѣніемъ Императрицы Анны, и наша величественная колокольня есть также памятникъ ея усердія. Часовня надъ святымъ колодцемъ, обрѣтеннымъ при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ подъ папертію Успенскаго собора, должно быть при немъ и устроена; а храмъ Одигитріи Смоленской, что въ углу близъ Каличьей башни, сооруженъ на мѣстѣ старыхъ палатъ монастырскихъ, Графомъ Разумовскимъ и освященъ въ присутствіи Императрицы Елисаветы. Замѣчательно, что почти всѣ церкви лавры освящались и обновлялись предъ лицемъ царскимъ. Не забыты у насъ и пустынные отшельники Соловецкіе, Савватій и Зосима: въ больничныхъ келліяхъ устроена во имя ихъ малая церковь. Сергій и Никонъ приняли къ себѣ пустынножителей Ледовитаго океана,

какъ бы въ нѣкое небурное пристанище отъ бурь морскаго отока.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы непримѣтно достигли юговосточной круглой башни, внутри коей каменный глубокій колодезь нѣкогда заключалъ на днѣ своемъ государственныхъ преступниковъ.

«Вотъ та круглая башня, сказалъ Архимандритъ, противъ которой наипаче были обращены усилія непріятелей. По ней стрѣлялъ изъ своей огромной пищали панъ Лисовскій, стоявшій таборомъ въ противулежащей Терентьевской рощѣ, что̀ нынѣ слобода за рѣчкою, и подъ нее веденъ былъ долгое время тайный подкопъ отъ подольнаго монастыря (теперь обращеннаго въ приходскую церковь). Осажденные много смущались слухами о семъ подкопѣ, не зная, гдѣ онъ, доколѣ удачная вылазка не открыла имъ его устья. Однако же отселѣ не такъ свободно видна окрестность, какъ съ террасы Архіерейскихъ келлій.»

Мы ускорили шаги и спустились со стѣнъ, подлѣ Водяной башни, у малыхъ воротъ, чрезъ которые совершались крестные ходы на Іордань, а во время осады частыя вылазки на огородъ монастырскій; потомъ мы поднялись на террасу. Ударили въ колоколъ къ обѣдни.

«Поспѣшимъ, сказалъ Антоній: окинь бѣглымъ взоромъ Московскую окрестность. Вотъ мелькаетъ внизу между деревъ Пятницкій монастырь и кладезь св. Сергія; вотъ за рѣкою мѣсто Терентьевской рощи и табора Лисовскаго; вотъ, по дорогѣ къ Александрову, служилыя слободы и мельницы, отколѣ часто бывали нападенія, а тамъ вдали едва, едва бѣлѣетъ изъ-за рощи Виѳанія, которую мы посѣтимъ послѣ вечерни. Теперь посмотри въ другую сторону:—вотъ Клемен-

тіевская слобода и поле, и дорога къ Хотькову монастырю и въ Дмитровъ, куда бѣжали Сапѣга и Лисовскій, испуганные побѣдами Князя Шуйскаго: вотъ наконецъ и гора Волкуша. Но отдохнемъ на этомъ имени; довольно о битвахъ. Здѣсь преемникъ знаменитаго защитника лавры Іоасафа, еще болѣе знаменитый Архимандритъ Діонисій, спаситель отечества, вмѣстѣ съ Келаремъ Авраміемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ крестами и хоругвями, провожали и благословляли въ походъ подъ Москву Князя Пожарскаго и Минина съ ополченіемъ Низовымъ. Какая торжественная минута!—Отселѣ, внезапнымъ чудомъ, обратившійся вѣтръ подулъ попутно воинству, и подъ управленіемъ такихъ кормчихъ спасся отъ бури потопленія ковчегъ всея Руси; кормило же ввѣрилъ имъ св. Сергій. — По истинѣ вспомнишь слова Пророка: «Всевышній поставилъ предѣлы языковъ по числу Ангеловъ Божіихъ.» Воззримъ духовнымъ окомъ на какія таинственныя области раздѣлена вся Россія: у каждаго града свой предстатель: здѣсь молится Сергій. въ Ростовѣ Димитрій и Даніилъ въ Переяславлѣ, въ Москвѣ же цѣлый ликъ угодниковъ, но и Сергій отселѣ блюдетъ Москву, процвѣтшую въ одно время съ его лаврою.— А мы, недостойные, тихо проговорилъ тронутый Антоній, безпечно живемъ здѣсь, равнодушно попираемъ слѣды его земнаго жительства, гдѣ каждый шагъ былъ орошенъ потомъ постническихъ трудовъ и его молебными слезами!...» Голосъ Архимандрита внезапно затихъ, а колоколъ громче и громче звалъ на молитву.

Послѣ обѣдни, Намѣстникъ предложилъ мнѣ осмотрѣть ризницу, богатѣйшую во всей Россіи. Мы взошли въ сіе священное хранилище даяній.

истинно царскихъ, расположенныхъ въ трехъ палатахъ. Кругомъ по всѣмъ стѣнамъ огромные шкафы были наполнены великолѣпными утварями и облаченіями; глаза разбѣгались отъ несмѣтнаго числа камней и жемчуга, коимъ въ особенности богата лавра. Въ хронологическомъ порядкѣ висѣли ризы, пелены и плащаницы, начиная отъ временъ Донскаго, какъ драгоцѣнная лѣтопись, писанная усердіемъ Князей; имя каждаго украшало его богатый вкладъ, и не было ни одного опущенія въ длинномъ рядѣ властительскихъ именъ:—столь твердое упованіе возлагали всѣ они на св. Сергія. Въ послѣдней палатѣ хранились драгоцѣнные сосуды, митры, кресты, харатейныя евангелія отдаленныхъ вѣковъ, въ златыхъ дскахъ, и наконецъ все, чѣмъ только могли пожертвовать церкви пышность и усердіе, соединенныя вмѣстѣ. Архимандритъ увидѣлъ мое изумленіе и сказалъ:

«Ты читаешь царственныя имена вкладчиковъ, ты дивишься богатству ихъ приношеній; знаю, что многіе дни можетъ провести испытующій археологъ посреди сихъ сокровищъ, и не выходя изъ ризницы написать цѣлую лѣтопись. И я бы могъ, указывая тебѣ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ на драгоцѣнности наши, постепенно говорить: вотъ евангеліе Симеона Гордаго, XII вѣка, вотъ другое въ великолѣпномъ окладѣ Царя Михаила Ѳеодоровича, въ коемъ видѣнъ даръ сердца, слову Божію подобающій; вотъ крестъ, присланный Патріархомъ Филоѳеемъ Сергію; вотъ яшмовая чаша Темнаго, вотъ тяжелые сосуды Годунова, носящіе, какъ и всѣ древніе дары, отпечатокъ богатства натуральнаго, не поддѣльнаго утонченнымъ искусствомъ, а сильнаго и величествен-

наго по внутреннему своему достоинству; но не съ сей исторической точки зрѣнія желалъ бы я тебѣ представить сіи сокровища.—Нѣтъ, другую, болѣе краснорѣчивую лѣтопись сердца хотѣлось бы мнѣ раскрыть предъ тобою: тѣ тайныя чувства, которыя возбуждали державныхъ жертвовать Сергію, и отличительный отпечатокъ каждаго ихъ характера въ самомъ разнообразіи даровъ: чувствомъ ли благодарности были они подвигнуты за исцѣленія, или побѣды, или радости семейныя, или ради памяти усопшихъ, или только изъ простодушнаго послушанія къ словамъ Св. Писанія, чтобы не съ тщими руками приходить предъ Господа! Сюда излились и терзанія совѣсти Годунова вкладами, богатѣйшими противъ всѣхъ прочихъ, здѣсь и поминовенія грознаго Іоанна по своимъ безчисленнымъ жертвамъ!... Посмотри, чрезъ сколько вѣковъ, хранятся они здѣсь безмолвными обличителями тайныхъ потрясеній души, зерцаломъ минувшаго потомству!—Всѣ Князья Русскіе были данниками св. Сергія, избавившаго ихъ отъ работы Татарскія! Довольно ли насытилъ ты взоры симъ безпримѣрнымъ великолѣпіемъ!—теперь взгляни же на первѣйшее сокровище лавры, затмѣвающее всѣ прочія: этотъ посохъ, эта крашенинная риза, эти деревянные сосуды—Сергіевы!»

Онъ умолкъ, и по истинѣ затмилась вся слава сокровищъ предъ симъ убожествомъ Сергія; она затмилась въ глазахъ моихъ слезами, невольно оросившими его нищую утварь.

«Теперь ты все видѣлъ, сказалъ Намѣстникъ, удалимся, время отдохнуть. Но если еще жаждетъ душа твоя высокихъ думъ, великихъ воспоминаній, иди подъ своды трапезной церкви, на гробы подвиж-

никовъ земли Русской; тамъ отдыхаетъ отъ бѣдствій житейскихъ великій и несчастный защитникъ Смоленска бояринъ Михаилъ Шеинъ; тамъ посреди знаменитыхъ родовъ княжескихъ лежитъ и славный освобожденіемъ Москвы Князь Димитрій Трубецкой и другіе, коихъ имена да будутъ вписаны въ книгу жизни! У насъ въ лаврѣ есть гдѣ предаться глубокимъ размышленіямъ о суетѣ временной; иди бесѣдовать съ усопшими; мы свидимся предъ вечеромъ въ Виѳаніи.»

Я пошелъ скитаться межъ гробовъ по каменнымъ скрижалямъ смерти и читалъ роковое *умре!* на концѣ всѣхъ славныхъ дѣяній. Отверсты были врата лѣтняго Успенскаго собора, напоминающаго Московскій! И внутри его стояли четыре гроба: одинъ весьма недавній Архіепископа Августина, другой, гораздо древнѣе, Епископа Вологодскаго Іосифа, который, будучи еще Архимандритомъ лавры, отдалъ Никону, низложенному на судѣ Патріаршемъ, свою шубу, когда въ жестокіе морозы отправили его въ заточеніе на Бѣло озеро.

Въ двухъ остальныхъ гробахъ царственная мать и дочь, жертвы властолюбія Годунова, монастырскимъ заключеніемъ заплатившія за одинъ только призракъ имени царскаго. Тутъ погребена Марія Владиміровна, племянница Іоанна Грознаго, выданная имъ за Магнуса, единственнаго Короля Ливонскаго, никогда не царствовавшаго, постриженная неволею за сей невольный бракъ, и съ нею рядомъ дочь ея Королевна, рано умершая, какъ полагаютъ, ради возможности царствовать. У сѣверныхъ же вратъ собора, подъ каменною тѣсною палаткой, лежитъ и самъ Годуновъ со всѣмъ своимъ родомъ,

какъ бы на стражѣ дѣлъ своихъ до страшнаго ихъ разсужденія; на сихъ вратахъ, какъ бы нарочно, имъ самимъ написанъ былъ, при Царѣ Ѳеодорѣ, Ангелъ страшнаго суда со скрижалями. Временщикъ, цареубійца, Царь, благодѣтель церкви и народа, гонитель всѣхъ близкихъ престолу, пораженный со всѣмъ своимъ родомъ призракомъ пораженнаго имъ отрока, дважды вырытый изъ могилы и трижды погребенный, какъ бы для страшной памяти одного убійства!—сколько ужаса подъ сводами сей малой палатки, вмѣстѣ съ невинностію Ѳеодора и Ксеніи, и бѣдствіями ихъ кроткой матери! Сколько собственной крови за кровь отрока! О, да приметъ ее Ангелъ суда на свои страшные вѣсы, да свѣситъ съ Димитріевой—и скажетъ разрѣшительное: «довольно!»

Когда освѣжился воздухъ знойнаго дня, Намѣстникъ пригласилъ меня ѣхать въ Виѳанію, за три версты отъ лавры, въ самой цвѣтущей ея окрестности. Веселая дорога пролегала по зеленымъ полямъ и рощамъ и по крутому берегу овраговъ. Въ такомъ сельскомъ, очаровательномъ уединеніи стоитъ вечерній пріютъ Митрополита Платона, гдѣ довершилъ онъ, не оставляя своей паствы, послѣдніе годы жизни, памятной въ лѣтописяхъ нашей Церкви. При входѣ въ святые врата, Намѣстникъ показалъ мнѣ скамью, гдѣ любилъ сидѣть престарѣлый Святитель, въ простой одеждѣ, и когда спрашивали у него любопытствующіе посѣтители: «гдѣ бы можно имъ было видѣть Митрополита»? онъ отговаривался незнаніемъ и отсылалъ ихъ въ монастырь.

Все носитъ въ Виѳаніи отпечатокъ его оригинальнаго ума, начиная съ самаго имени обители,

напоминающей Никоновъ Іерусалимъ. Внутреннее устройство церкви еще замѣчательнѣе. На мѣстѣ иконостаса представляется каменная гора, покрытая мохомъ, съ крутою тропинкою на ея вершину. Это, Ѳаворъ, и на немъ стоитъ малый алтарь Преображенія; внизу, какъ бы въ Лазаревой пещерѣ, другой малый престолъ, самая Виѳанія, и подлѣ, въ темномъ вертепѣ, гробъ основателя Платона. Конечно, соединеніемъ сихъ двухъ церквей, хотѣлъ онъ выразить то дивное преображеніе, совершающееся съ нами, когда въ прославленномъ тѣлѣ возстанемъ мы изъ гроба, куда отпускаемся съ плачемъ: «сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное, сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное, сѣется немощное, воскресаетъ сильное!» и съ такимъ упованіемъ заснулъ онъ въ своей Виѳаніи, во ожиданіи Ѳавора.

Намѣстникъ прочелъ литію за упокой усопшаго и трогательное завѣщаніе его, поставленное въ рамѣ надъ гробницею, въ коемъ смиренно прощаясь съ паствою, предаетъ себя Господу съ живымъ благодареніемъ за всѣ несказанныя Его щедроты, наипаче же за то, что даровалъ ему быть Христіаниномъ и даже служителемъ Церкви. Нельзя равнодушно читать сего завѣщанія; не зная Платона, кажется видишь его предъ собою и соединяешься съ нимъ молитвою. Въ той же гробовой келліи стоитъ дубовая рака св. Сергія, въ которой почивалъ онъ тридцать лѣтъ подъ землею, совершенно уцѣлѣвшая, хотя была найдена вмѣстѣ со святыми мощами, окруженною водой, по сырости мѣста. Митрополитъ Платонъ самъ пожелалъ покоиться въ виду сего утѣшительнаго свидѣтельства о нетлѣніи праведныхъ. Верхъ церкви исписанъ пророческими предзнаменованіями

искупленія; въ алтарѣ Ѳаворскомъ на углу плащаницы изображенъ самъ молящійся Платонъ, на колѣнахъ предъ таинственнымъ погребеніемъ Спасителя. Замѣчательна икона, стоящая на престолѣ; она была комнатною Людовика XVI и привезена въ Россію во время революціи. Могъ ли ожидать несчастный Король, что его домашняя святыня будетъ украшать Виѳанію?

Сельскій двухъ-ярусный домъ Платона достоинъ также вниманія. Комнаты весьма тѣсны; въ одной малая церковь, невольно заставляющая подумать о Никоновомъ скитѣ въ Воскресенскѣ, ибо сходство душевное, казалось, сближало взаимно мысли обоихъ Іерарховъ. Въ сей церкви почти нѣтъ иконостаса, а только одна низкая перегородка съ двумя малыми иконами, писанными на стеклѣ, и царскіе сквозные врата: на одной половинѣ написано: «законъ Моисеемъ данъ бысть»—а на другой: «благодать же и истина Іисусъ Христомъ.» Мысль глубокая—однимъ стихомъ Евангелиста изобразить оба завѣта!

Съ балкона открывается очаровательный видъ. Густая роща, насажденная самимъ Владыкою, спускается по оврагу къ обширному пруду, и надъ зеленью ея деревъ открывается какъ бы второй ярусъ картины — противуположный берегъ оврага, также украшенный рощами и свѣтлыми полянами. Вдали надъ чащею подымалось уединенно изсохшее дерево. Я указалъ его Намѣстнику и сказалъ: «если бы оно существовало въ такомъ видѣ при Митрополитѣ Платонѣ, быть можетъ, онъ назвалъ бы его изсохшею смоковницею, на память притчи Христовой, ибо Спаситель изсушилъ ее на пути изъ Виѳаніи.»

По правую сторону, за изгибомъ пруда, который

далѣе обращается въ рѣчку, видна была величественная лавра, горящая вечернимъ солнцемъ. Всѣ ея остроконечныя башни и золотые куполы и надъ ними легкая колокольня, сливаясь въ одну великолѣпную массу, давали ей видъ Восточной короны, поставленной на землю: подобно тѣмъ златымъ вѣнцамъ, которые слагаютъ съ себя таинственные старцы Апокалипсиса, предъ престоломъ Живущаго во вѣки, когда небеса поютъ Его славу.

Отселѣ любовался своею лаврою Митрополитъ Платонъ. Какъ замѣчательно лице его въ іерархіи нашей! Послѣ Стефана Яворскаго, мѣстоблюстителя патріаршаго престола при Петрѣ Великомъ, не было подобнаго. Начавшій при дворѣ свое духовное поприще, какъ наставникъ Цесаревича, онъ твердою стопою прошелъ трудную стезю святительства, былъ надежною опорою Россійской Церкви, пользуясь даже Европейскою извѣстностію, и кончилъ въ уединеніи дни свои, сокращенные бѣдствіемъ отечества и столицы, но еще имѣлъ утѣшеніе услышать о изгнаніи непріятеля. Необыкновенное движеніе умѣлъ онъ давать всему, что только его окружало, оставляя всюду отпечатокъ великой души своей и положилъ прочное основаніе образованію духовенства. Многіе изъ Святителей нашихъ воспитаны были при немъ келейно, и нѣкоторые, какъ Михаилъ Новгородскій и другіе, еще живущіе, были убѣждены вступить въ монашество Платономъ, угадавшимъ ихъ высокія дарованія. Его память и доселѣ еще священна ученикамъ его, которые, гордясь симъ названіемъ, часто говорятъ: «послѣ Платона Платона не будетъ.»

Вечеромъ возвратились мы изъ Виѳаніи водою. Намѣстникъ управлялъ лодкою, два послушника

гребли; круто извивалась Кончура между кустовъ и тростника, но кормчій еще не забылъ своей приволжской жизни и непогодъ родной рѣки, по волнамъ которой водилъ онъ челнъ свой, доколѣ не избралъ себѣ пристани въ лѣсахъ Саровскихъ. Когда изгибы береговъ не требовали его вниманія, онъ разсказывалъ мнѣ о духовныхъ старцахъ Сарова и другихъ отшельникахъ невѣдомыхъ міру, которые спасались въ дремучихъ лѣсахъ Брянскихъ, и изгнанные оттолѣ разбойниками, удалились въ безлюдныя дебри Сибири. И у насъ есть своя Ѳиваида, внѣ монастырскихъ оградъ; ея описаніе могло бы составить назидательный Патерикъ; но кто возьметъ на себя столь высокій трудъ.—Въ такой пріятной бесѣдѣ причалили мы къ зеленому утесу: далѣе нельзя было плыть по мелководію; уже не далеко оставалось до лавры.

II.

РОСТОВЪ.

На разсвѣтѣ другаго дня поѣхалъ я далѣе въ Ростовъ. Мнѣ благопріятствовала погода, и красное утро придавало особенную прелесть зеленѣющимъ полямъ и рощамъ гористой дороги, усѣянной богатыми селами до Переяславля. Съ поклонной горы, гдѣ поставленъ усердіемъ предковъ каменный крестъ, открылся Переяславль Залѣскій во всей древней благочестивой красѣ своей, на берегу тихаго, длиннаго озера, горящій въ небѣ золотомъ крестовъ многихъ обителей и церквей. Неожиданно и вмѣстѣ

очаровательно было зрѣлище сего города;—такъ пріютно прислонился онъ къ мирнымъ водамъ, издали совокупляясь всѣми своими храмами въ одинъ Божій домъ; такъ безпечно летѣли къ нему бѣлые паруса рыбарей по спящей пучинѣ, какъ бы въ безбурный притонъ, созданный только для упокоенія ихъ смиренныхъ лодокъ и безстрастныхъ душъ. Такъ мнѣ показалось издали съ горы, у подножія поклоннаго креста, и такъ могутъ всегда представляться предметы, если смотрѣть на нихъ съ подобной же точки.

Я не могъ оставаться въ Переяславлѣ, поспѣшая на ночь въ Ростовъ, и только посѣтилъ, при въѣздѣ и выѣздѣ города, два монастыря: женскій Ѳеодоровскій, основанный Іоанномъ Грознымъ на память рожденія Царевича Ѳеодора, и мужескій Никитскій, весьма древній, но украшенный зданіями также во времена Іоанна. Тамъ поклонился я мощамъ Св. Никиты, столпника Переяславскаго XII вѣка, и посѣтилъ уединенный тѣсный столпъ его, гдѣ, сложивъ съ себя боярство, усмирялъ онъ суровый нравъ подъ тяжестію веригъ, послужившихъ орудіемъ его мученической смерти, ибо ими былъ онъ умерщвленъ отъ руки нощныхъ хищниковъ.

Послѣ мрачныхъ Владимірскихъ лѣсовъ, открылись мнѣ благословенные предѣлы Ярославля. Смѣющаяся равнина, оживленная рѣзвыми изгибами рѣки, испещренная безчисленными селами, развила предо мною свой безконечный обзоръ; повсюду бѣлѣлись церкви какъ бѣлые шатры, поставленные для стражи сей чудной равнины. На краю ея румяное озеро Неро скопляло въ себѣ лучи вечерняго солнца, вознося надъ блескомъ водъ своихъ бѣлый, много-

башенный Ростовъ, вѣнецъ всей картины и желанную цѣль моего странствія. Съ закатомъ солнца я его достигъ.

Я поспѣшилъ прямо въ Яковлевскій монастырь, къ Святителю Димитрію. Подходя къ собору вспомнилъ, что мнѣ поручено было поклониться гробу добродѣтельнаго старца Амфилохія, 40 лѣтъ молитвенно простоявшаго у возглавія мощей угодника Ростовскаго, и не зналъ, гдѣ найти его могилу. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, тамъ хотѣлъ я дождаться открытія самой церкви. Любопытство привлекло меня къ высокой мраморной гробницѣ, украшенной знаками схимническими, — и я прочелъ имя Амфилохія! О, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ простерся я предъ симъ памятникомъ великаго старца, многіе годы свѣтившаго своими добродѣтелями не только предѣламъ Ростовскимъ, но и столицѣ! На немъ почивало видимое благословеніе Святителя, которое обильно передавалъ усерднымъ къ его памяти. Чувствительна для обители потеря Амфилохія, отбывшаго свою стражу!

Отперли соборъ, отперли и тяжкую серебряную крышу раки, съ украшеніями архіерейскими, пожертвованную благочестіемъ Елисаветы для храненія мощей Святителя, и присланную Екатериною въ годъ ея воцаренія. Открылся святый угодникъ, ревнитель православія, ревнитель просвѣщенія, почіющій по многихъ трудахъ, надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, которое смиренно избралъ себѣ для смертнаго отдыха, не въ великолѣпномъ соборѣ митрополіи Ростовской, вмѣстѣ съ своими предшественниками, но въ уединенной обители св. Іакова, основанной симъ Епископомъ, по несправедливомъ изгнаніи, и освя-

щенной его мощами. Здѣсь хотѣлъ возлечь Димитрій, и прославился и прославилъ мѣсто. Я прикоснулся устами къ обнаженному челу его, нѣкогда вмѣщавшему столько благихъ помысловъ для пользы церкви и отчизны, которое долго сіяло для нихъ яркимъ свѣтильникомъ и нынѣ точитъ исцѣленія болящимъ. Со мною вмѣстѣ тихо приложилась одна недужная; для насъ только отперли церковь, за нами ее опять заперли.

Тогда же посѣтилъ я Архимандрита Иннокентія, достойнаго племянника Амфилохія.—Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ трудомъ могъ подняться съ своихъ креселъ, чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго своего знакомца.

«Я видѣлъ изъ окна, какъ вы съ недоумѣніемъ ходили по монастырю,» радушно сказалъ онъ, «и хотѣлъ уже послать монаха, чтобы онъ васъ проводилъ въ соборъ, ибо я всегда такъ дѣлаю съ новыми пришельцами, еще незнающими обители. Хожу и дѣйствую я весьма криво, милостивый государь, но по крайней мѣрѣ сижу прямо: противъ меня угодникъ и къ нему указываю я всѣмъ дорогу.»

—«Гдѣ же найти лучшаго указателя. отвѣчалъ я, вы уже такъ давно на стражѣ у Святителя.»—

«Да, кротко отвѣчалъ онъ, благодаря угодника. вся жизнь моя обтекла кругомъ сего озера, или лучше сказать, я только перевезся съ одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на ту башню, которую я себѣ приготовилъ для покоя, вы увидите за озеромъ высокую колокольню села Порѣчья, гдѣ я долго былъ приходскимъ священникомъ. Тамъ и дѣдъ мой и прадѣдъ имѣли счастіе быть посвященными отъ руки самого Свя-

тителя, и я самъ, не смотря на всѣ грѣхи мои, достигъ пріюта только милостію угодника.»

—«И такъ я здѣсь какъ бы въ его семействѣ, сказалъ я, тронутый живою любовію Архимандрита къ св. Димитрію. Вы сроднились съ нимъ и чрезъ рукоположеніе вашихъ дѣдовъ, и сорокалѣтнею, постоянною стражею при его мощахъ, вашего дяди старца Амфилохія, и вашею собственною приверженностію къ угоднику.»

«Желаю духовнаго родства сего себѣ и вамъ,» отвѣчалъ Архимандритъ, и благословилъ меня провести ночь на сосѣднемъ подворьи.

Рано утромъ я уже нашелъ почтеннаго старца сидящимъ опять въ своихъ креслахъ, посреди богомольцевъ, которые одинъ за другимъ приходили принять его благословеніе. Каждаго принималъ онъ ласково, спрашивая имя, и надѣляя образкомъ, отпускалъ съ назидательнымъ словомъ. Я подивился его терпѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи. «Государь мой, сказалъ мнѣ простодушно Иннокентій, больше труда было симъ усерднымъ людямъ придти къ угоднику, нежели мнѣ принять ихъ. Да и у чего же я поставленъ, если не буду благословлять ихъ во имя Святителя?»

Въ числѣ посѣтителей находился раненный офицеръ и съ нимъ докторъ. Сей послѣдній, видя страданія Архимандрита, совѣтовалъ ему многія средства для облегченія болѣзни. Иннокентій вниманіемъ своимъ платилъ ему за его участіе и наконецъ сказалъ: «Милостивый государь, вотъ уже многіе годы, какъ я страдаю; знаете ли, какой единственный пластырь обрѣлъ я противу всѣхъ моихъ болѣзней?—терпѣніе, государь мой, одно только

терпѣніе! По скольку его приложишь къ своимъ ранамъ, по стольку и почувствуешь облегченія. Повѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ недуговъ. Жизнь человѣческая какъ лампада: когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣтильня и чисто масло, тогда ясно горитъ и лампада; но когда все въ ней приходитъ въ ветхость, скудѣетъ елей и задуваетъ вѣтеръ, — а вѣтеръ наши собственныя страсти, — тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ сама собою.»

При этомъ простомъ, но краснорѣчивомъ сравненіи невольно взглянулъ я на лампаду, висѣвшую предъ иконами, которыя занимали весь передній уголъ тѣсной комнаты и два сосѣднія окна, а двѣ противоположныя стѣны были убраны множествомъ портретовъ духовныхъ особъ.

«Въ какомъ благочестивомъ обществѣ провождаете вы всѣ дни ваши,» сказалъ я Архимандриту.

«Извольте посмотрѣть, государь мой, смиренно отвѣчалъ онъ, вотъ на правую сторону отъ меня святые угодники, прославившіе своею жизнію Господа, а вотъ на лѣво благочестивые мужи, шедшіе по слѣдамъ ихъ; но поелику они еще не удостоились прославленія свыше, то чтобы не смѣшать горняго съ дольнимъ, между ними утвердися здѣсь пропасть велика,—я самъ съ моими немощами и грѣхами.»

И когда я не находилъ словъ отвѣчать ему, онъ тотчасъ продолжалъ:

«Время идти къ обѣдни; прошу васъ заглянуть также и въ новый соборъ, который Господь сподобилъ меня окончить, истинно пособіемъ угодника, ибо у меня не было ни денегъ, ни средствъ, и все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый

художникъ, покойный академикъ Медвѣдевъ, былъ для меня даромъ Божіимъ, по его благочестію. Вѣрите ли, государь мой, что онъ не иначе приступилъ къ письму, какъ причастившись Св. таинъ, и прямо изъ церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начерталъ лика Господня на сводахъ алтаря, и такъ всегда безъ пищи и съ молитвою начиналъ онъ писать образъ Спасителя или Божіей Матери. Рѣдкое благочестіе! за то Господь увѣнчалъ полнымъ успѣхомъ его труды, и вы вѣрно полюбуетесь живописью. Прошу васъ въ церковь.»

И точно стѣнное писаніе было превосходно, соединеніемъ древняго и новаго вкуса, чего я нигдѣ не встрѣчалъ. Особенно замѣчательны два свода: надъ алтаремъ и надъ самою церковью, какъ по отдѣлкѣ такъ и по глубокому смыслу. На первомъ изображены всѣ Силы небесныя, въ девяти Іерархіяхъ, свѣтлымъ вѣнцемъ обтекающія Св. Троицу, возсѣвшую прямо надъ престоломъ. На второмъ начертана кругомъ Божіей Матери вся торжествующая Церковь Христова, съ ликами угодниковъ всякаго званія: святителей, царей, воиновъ, убогихъ, для утвержденія членовъ воинствующей Церкви, приходящихъ молиться въ храмъ сей. На стѣнахъ благоговѣйно поражаетъ взоры тяжкое несеніе креста на Голгоѳу, и молитва св. Димитрія предъ знаменіемъ явленнаго ему креста, и его проповѣдь къ отступникамъ истинной вѣры и торжество открытія его мощей, и наконецъ самое начало сей обители, основанной въ XII вѣкѣ. Св. Епископъ Іаковъ, изгнанный клеветою народною, въ знакъ своей невинности, переплываетъ Неро озеро на мантіи архіерейской, которая безбурно приноситъ его къ сему пристанищу.

Послѣ обѣдни благосклонный Архимандритъ далъ мнѣ своего намѣстника Флавіана, чтобы посѣтить знаменитый древностію соборъ Ростовскій и другія обители сего нѣкогда славнаго города. Въ соборѣ ожидалъ меня почтенный протоіерей Тихвинскій и съ большимъ радушіемъ показалъ мнѣ все достойное вниманія. Я пораженъ былъ величіемъ собора.

Начало его еще относится ко временамъ св. Князя Владиміра, но тогда была устроена только деревянная церковь во имя Успенія Божіей Матери, послѣ пожара коей и паденія другой каменной, воздвигнутой на ея мѣстѣ, заложенъ былъ нынѣшній соборъ въ 1213 году; онъ украшенъ святымъ Княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, и довершенъ уже въ бѣдственныя времена ига Татарскаго въ 1262 году. Самое разстояніе лѣтъ между началомъ и окончаніемъ храма свидѣтельствуетъ, чрезъ какія бѣдствія прошла Россія въ теченіе сего полувѣка. Но несмотря на сіи бѣдствія, отпечатокъ величія рода Долгорукихъ остался на священномъ памятникѣ, и благочестіе сына великаго Всеволода вполнѣ удовлетворилось. До сихъ поръ храмъ сей, по своему зодчеству и по обширности, одинъ изъ лучшихъ нашего отечества, не уступая красою Владимірскому, который послужилъ ему образцемъ и почитался совершенствомъ своего времени. (Въ немъ до 14 саженъ длины и до 23 высоты, съ куполомъ). Въ XIII вѣкѣ св. Епископъ Игнатій устлалъ полъ его краснымъ мраморомъ; послѣдующіе Архіереи постепенно его украшали, въ особенности же Митрополитъ Іона, стѣннымъ писаніемъ; еще недавно былъ поновленъ иконостасъ и представляется въ должномъ благолѣпіи. Но сокровища

сего собора не въ златѣ и мраморѣ. Четыре великіе столпа поддерживаютъ его славу: мощи четырехъ его Святителей — основаніе Ростовской Церкви. Въ маломъ придѣлѣ внутри алтаря покоится св. Леонтій, третій Епископъ Ростова и его просвѣтитель, ибо до него смѣнявшіеся Архіереи не могли удержаться посреди язычниковъ; святыя мощи его, долго лежавшія поверхъ земли, теперь почиваютъ подъ спудомъ, послѣ раззоренія Литовскаго, но та же благодать исцѣленій истекаетъ отъ его гроба. Съ той же стороны, но внѣ алтаря, открыто лежитъ преемникъ его св. Исаія, въ долгое правленіе паствою Ростовскою утвердившій въ ней корень Христіанства. — По лѣвую же сторону храма и недалеко отъ мѣстной великолѣпной иконы Божіей Матери, чудесно написанной въ XI вѣкѣ св. Алипіемъ иконописцемъ Печерскимъ, почиваетъ въ богатой ракѣ св. Епископъ Игнатій, одинъ изъ всѣхъ угодниковъ Россійскихъ, котораго нетлѣніе просіяло даже прежде преданія землѣ: ибо чудеса, явившіяся при самомъ отпѣваніи, побудили клиръ и народъ тогда же поставить его святыя мощи для поклоненія на то мѣсто, гдѣ и до нынѣ они обрѣтаются. Племянникъ св. Сергія, св. Архіепископъ Ѳеодоръ—четвертая опора Ростовской Церкви.

Рядомъ съ нимъ лежатъ, вдоль по стѣнѣ кругомъ собора, знаменитые его преемники Митрополиты: Варлаамъ, первый возведенный въ санъ сей первымъ Патріархомъ Іовомъ; Іона, предрекшій ему о судьбѣ Отрепьева; Кириллъ, управлявшій Церковію при Лжедимитріи, прежде и послѣ Филарета Никитича, и встрѣчавшій на царство Михаила; другой Варлаамъ, бывшій при его вѣнчаніи; Іона, посвящен-

ный Никономъ, въ теченіи 40 лѣтъ, послѣ всѣхъ внутреннихъ смятеній Россіи, устроившій свою митрополію до самаго цвѣтущаго состоянія, и наконецъ Іоасафъ, поставленный послѣднимъ Патріархомъ.

Но славнѣе всѣхъ сихъ почіющихъ въ соборѣ Митрополитовъ является отсутствующій прахомъ, но всегда внутри его пребывающій своею памятью, великій Филаретъ Никитичъ Романовъ. Заточенный, постриженный поневолѣ Годуновымъ, онъ вызванъ былъ Лжедимитріемъ въ Митрополиты Ростовскіе, какъ бы для того, чтобы тѣмъ указать, какъ премудрый Промыслъ иногда и чрезъ нечистыя орудія устрояетъ благо людей: такъ рукою разстриги возвелъ онъ Филарета на высшую степень іерархіи и даровалъ въ немъ Россіи залогъ ея грядущаго благоденствія.—Подвигъ Филарета въ соборѣ Ростовскомъ обличилъ въ немъ достойнаго родоначальника новаго племени Царей. Предлагаю здѣсь краснорѣчивый разсказъ соборной лѣтописи Ростова.

«Егда Литовскихъ полковъ Гетманъ, зовомый Сапѣга, пріиде подъ монастырь святыя живоначальныя Троицы Сергія чудотворца, тогда града Переяславля Залѣскаго людіе всякихъ чиновъ, забывше крестное цѣлованіе, измѣниша Государю своему благовѣрному Царю и Великому Князю Василію Ивановичу Московскому, и приставша къ сопротивнымъ, и соединившися съ Литовскими людьми, поидоша ко граду Ростову, вѣдуще бо его не крѣпка суща. И абіе вѣстно бысть въ Ростовѣ, яко Переяславцы съ Литвою идутъ ратію на градъ, и пріидоша вси людіе Ростовстіи съ градоначальники къ преосвященному Митрополиту Филарету и молиша его, да благословитъ имъ бѣжати въ Ярославль

градъ; онъ же увѣщеваше и утверждаше ихъ стояти крѣпко за православную вѣру и за Государя своего. ему же крестъ цѣловаша, и глаголаше къ нимъ: «аще одолены отъ супостатъ нашихъ и избіены будемъ, то вѣнцы мученическіе отъ Бога пріимемъ.» Людіе же молиша его, да и самъ съ ними въ Ярославль пойдетъ; а Святитель Божій, яко адамантъ твердъ и столбъ непоколебимый, мужественнымъ великодушіемъ стоя, рече: «аще ми будетъ и многія муки претерпѣти, дому пречистыя Богородицы и Ростовскихъ чудотворцевъ не остануся.» То слышавше отъ него людіе, овіи бѣжаша въ Ярославль, а друзіи яко овцы при пастырѣ своемъ, при Архіерею Божію осташа. Увѣдавъ же Святитель приближающіяся супостаты, пойде въ соборную пречистыя Богородицы церковь и облечеся въ святительскія одѣянія, и людіе мнози въ церковь стекошася; готовяся же Святитель, яко агнецъ къ заколенію, причастися пречистыхъ и животворящихъ таинствъ тѣла и крове Христовы, такожде же и овцы словесныя, пастырь добрый, тою безсмертною пищею напита; повелѣ бо протопопу и іереемъ, вся сущія въ церкви люди исповѣдати и причастити божественныхъ таинъ, и возложися на Бога глаголя: «се азъ и дѣти, яже далъ ми еси Боже.» Тѣмъ временемъ пріидоша Переяславцы и Литва во градъ, и начаша избивати людей, елицѣхъ обрѣтоша во градѣ, не убѣжавшихъ къ Ярославлю; таже идоша къ церкви; Митрополитъ же повелѣ утвердити двери, и начаша тыи къ дверямъ приступати, и біюще сокрушати дверь и добывати церкве. Митрополитъ же къ дверямъ пришедъ, нача говорити Переяславцомъ, увѣщевая отъ божественнаго писанія, чтобы помнили

свою православную вѣру, и отъ Литовскихъ людей отстали бы, и чтобы обратились къ своему Государю, ему же крестъ цѣловаша. А Переяславцы, яко волцы возопиша великимъ гласомъ, и начаша жесточае въ двери бити, и восбивше двери, начаша сѣщи люди, и изсѣкоша множество неповиннаго народа. А Митрополита съ мѣста его жива взяша, и святительская съ него содраша облаченія, и одѣяша его въ худыя одежды и отослаша въ село Тушино, еже близъ Москвы.» (Онъ былъ освобожденъ войсками Князя Михаила Шуйскаго близъ Осипова монастыря).

Подлѣ самаго собора каменная обширная ограда, въ видѣ кремля, съ зубцами и бойницами и съ пятью на стѣнахъ ея церквами, окружаетъ митрополію Ростовскую, великолѣпно построенную Митрополитомъ Іоною, во время его долгаго правленія, и пришедшую въ совершенный упадокъ съ перенесеніемъ каѳедры архіерейской въ Ярославль. Главные врата ея, обращенные къ собору, особенно замѣчательны своимъ готическимъ зданіемъ; надъ ними церковь воскресенія, нынѣ запечатанная, какъ и всѣ прочія расписана стѣннымъ письмомъ. Не уступаетъ ей и другая, Одигитріи, близъ ограды, воздвигнутая Митрополитомъ Іосифомъ Лазаревичемъ, преемникомъ Іоны, и третія Іоанна Богослова на западной стѣнѣ. Входъ въ четвертую церковь, бывшую монастыремъ св. Григорія Богослова, гдѣ постригся св. Стефанъ Пермскій, закладенъ изъ опасенія ея ветхости.

Я пробирался все далѣе, по зубчатымъ переходамъ стѣнъ, въ обширную трапезную палату, гдѣ нѣкогда пировалъ Петръ Великій, поддерживаемую

однимъ столбомъ посрединѣ, на подобіе Московской грановитой, и достигъ наконецъ, на юговосточномъ углу ограды, до провалившейся террасы, между самимъ жилищемъ Архіереевъ и ихъ домовою каменною церковью всемилостиваго Спаса. — Опустѣніе сихъ величественныхъ зданій, которыя еще не успѣли совершенно развалиться, производило на меня грустное впечатлѣніе; но еще болѣе стѣснилось сердце, когда я съ опасеніемъ пройдя по террасѣ, заглянулъ сквозь окно въ самую келлію, гдѣ по преданіямъ жилъ и преставился Святитель Димитрій. Взойти въ нее было уже невозможно; она угловая во второмъ ярусѣ и обращена къ церкви Спаса: остатокъ хоровъ надъ дверями показываетъ, что ея хотѣли обратить въ церковь; и гдѣ бы можно приличнѣе устроить оную, какъ не на томъ мѣстѣ, на которомъ святая душа колѣнопреклоненнаго угодника, съ послѣднею молитвою, тихо отлетѣла ко Господу!

Осмотрѣвъ соборъ и древнюю митрополію, я посѣтилъ и прочіе монастыри Ростова: Богоявленскій святаго Авраамія, гдѣ почиваютъ мощи сего перваго просвѣтителя Ростова, современника св. Князя Владиміра, и гдѣ показываютъ крестообразный жезлъ, которымъ онъ смѣло сокрушилъ каменнаго идола Велеса, и тѣмъ положилъ начало Христіанству въ Ростовѣ. Почти рядомъ съ нимъ, также на берегу озера Нера, обитель Петра и Павла воздвигнута при св. Епископѣ Игнатіѣ, Ордынскимъ Царевичемъ Петромъ, по явленіи ему двухъ верховныхъ Апостоловъ, и тамъ обрѣтаются подъ спудомъ его мощи. Царевичъ сей, племянникъ Хана Берки, еще въ юности своей послѣдовалъ за Ростовскимъ Епископомъ Кирилломъ, чудесно исцѣлившимъ хан-

скаго сына въ Ордѣ, и принявъ Христіанство, основался въ Ростовѣ, гдѣ долго впослѣдствіи пребывалъ его родъ; онъ преставился инокомъ. Въ описаніи житія его любопытно преданіе о тяжбахъ Князей Ростовскихъ съ его сыномъ и внукомъ, за земли уступленныя Царевичу. Орда всегда мѣшалась въ сіи тяжбы и Ханы признавали его потомство, хотя христіанское, своимъ единокровнымъ, а правнукъ св. Петра Игнатій, при наступленіи Хана Ахмыла на Ростовъ, когда бѣжали Князья его, спасъ городъ, принудивъ Епископа Прохора идти торжественно на встрѣчу Татаръ и объявивъ себя родственникомъ Хана и владыкою Ростова.

За четыре версты отъ города заѣзжалъ я на родину св. Сергія въ малый монастырь святыя Троицы, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ жили его праведные родители и гдѣ онъ имѣлъ таинственное видѣніе мужа, научившаго его грамотѣ.—Тамъ, проведя болѣе часа въ пріятной бесѣдѣ съ бывшимъ Епископомъ Оренбургскимъ Августиномъ, возвратился къ вечеру въ Яковлевскій монастырь и началъ сбираться въ обратный путь къ лаврѣ.

Когда все уже было готово, почтенный Архимандритъ послалъ намѣстника еще однажды отслужить для меня молебенъ надъ мощами Святителя Димитрія; потомъ благословилъ меня иконою и, напутствовавъ благими совѣтами, просто вытекавшими изъ его смиреннаго сердца, спросилъ наконецъ:

«Кажется я все сказалъ, что же еще намъ остается?»

«Мнѣ остается только, отвѣчалъ я, просить вашего послѣдняго благословенія и молитвъ»—и мое сердце стѣснилось при сихъ словахъ.

«И такъ помолимся! сказалъ Иннокентій, не знаю, свидимся ли еще, я уже весьма ветхъ.» И онъ сталъ молиться съ такою теплою вѣрою, съ такимъ сердечнымъ умиленіемъ, что мои прощальныя слова обратились въ слезы, и я уже молча оставилъ старца и его обитель.

На разсвѣтѣ проѣхалъ я Переяславль Залѣскій и мимоходомъ зашелъ въ церковь чудотворца Николая, гдѣ покоится св. Князь Андрей Переяславскій. Онъ изображенъ на своей гробницѣ, со свиткомъ въ рукахъ, и въ ономъ надпись: «се азъ Андрей, единъ отъ Смоленскихъ Князей.» Какъ просто и какъ трогательно! такова была и вся жизнь его. Онъ уединился еще отрокомъ изъ Смоленска къ св. Даніилу въ Переяславль, скончался въ неизвѣстности и по смерти найденъ былъ съ симъ свиткомъ въ рукахъ: тогда только признали его княжескій родъ. Я поклонился также и мощамъ святаго Игумена Даніила Переяславскаго, который устроилъ двѣ обители въ семъ городѣ: древнюю Горійскую, нынѣ упраздненную, но бывшую нѣкогда каѳедрою архіерейскою, о чемъ свидѣтельствуютъ ея великолѣпный соборъ и начатое пышное зданіе Геѳсиманіи, и другую во имя Св. Троицы, гдѣ онъ самъ почиваетъ въ богатой ракѣ, такъ высоко, что нетлѣнное тѣло его кажется лежитъ не въ гробу, но на одрѣ. Сей благочестивый Игуменъ былъ въ большемъ уваженіи у Великаго Князя Василія, крестилъ его сына Грознаго и участвовалъ въ его совѣтахъ, какъ свѣтильникъ своего времени.

Около вечерни я уже былъ опять въ лаврѣ, и тамъ провелъ еще одинъ утѣшительный день, посреди молитвъ и воспоминаній, наслаждаясь столько же

настоящимъ сей славной обители, сколько и великимъ прошедшимъ. Поздно вечеромъ собирался я ее оставить и пришелъ принять благословеніе Архимандрита. «Мы простимся въ церкви, сказалъ онъ, ты вѣрно желаешь прежде отъѣзда поклониться Преподобному.»

Намѣстникъ велѣлъ отпереть соборъ; мы взошли одни во мракъ его; слабо свѣтила намъ лампада предъ св. мощами, гробовой монахъ открылъ раку. Антоній сталъ у главы и началъ молебенъ св. Сергію, съ акаѳистомъ, въ которомъ, какъ видно, излились всѣ чувства души глубоко проникнутой благодѣяніями угодника своему отечеству. Какъ простъ и выразителенъ сей привѣтъ Сергію: «земный Ангеле и небесный человѣче!» Какъ радуется сердце при каждомъ тихомъ возгласѣ гробоваго старца: «радуйся Сергіе, великій чудотворче!»

Когда окончилась служба, и мы сошли со ступеней на средину темнаго собора, Антоній взялъ меня за руку и, послѣ краткихъ назидательныхъ увѣщаній, сказалъ простосердечно: «полюби святаго Сергія, онъ былъ Русскій въ душѣ; сердце его лежало ко всему отечественному, и онъ не только нашъ, но и цѣлой Россіи; полюби его искренно и онъ тебя полюбитъ!»

Я былъ глубоко тронутъ и молчалъ. Мы вышли изъ храма и услышали за собою звукъ замковъ, ибо всѣ, кромѣ насъ, уже отошли на покой, и мимо насъ побрелъ въ свою келлію гробовой старецъ.

«Мнѣ все еще не хочется съ тобою проститься. радушно говорилъ мнѣ Намѣстникъ, мы поклонились преподобному Игумену лавры, пойдемъ же кругомъ собора поклониться еще и святымъ ученикамъ его.

Но прежде, продолжалъ онъ, подойдя къ отверстому окну келліи св. Сергія, внутри коей ярко сіяла при свѣтѣ лампады, въ золотѣ и драгихъ камняхъ, большая икона явленія Божіей Матери, прежде помолись пречистой Дѣвѣ на мѣстѣ Ея схожденія, да направитъ стопы твои по заповѣдямъ Господнимъ.»

«Заглянемъ и къ преподобному Никону, проговорилъ тихо Антоній, взойдя на крытую паперть предъ его церковію: «преподобне отче Никоне, моли Бога о насъ!» Сквозь желѣзную рѣшетку окна видна была въ таинственномъ мракѣ вся внутренность малой церкви. Только, изъ подъ богатыхъ завѣсъ гробоваго балдахина, проливался свѣтъ невидимой лампады, какъ будто самъ угодникъ освѣщалъ собою гробъ свой. Молча прошли мы еще нѣсколько шаговъ, ибо для такихъ минутъ не созданы слова, и приблизились къ церкви у готической трапезы; и она свѣтилась изнутри гробовою лампадою. «Вотъ и ученикъ Сергіевъ отдыхаетъ по многихъ трудахъ въ своей келліи, сказалъ Антоній, моли Бога о насъ преподобне отче Михее! Зайдемъ теперь и къ Максиму Греку.»

Мы подошли къ его часовнѣ близъ Сошественскаго собора. Архимандритъ долго и пристально смотрѣлъ на гробницу великаго мужа Церкви, столь много для нея потрудившагося и пострадавшаго, потомъ, обратясь ко мнѣ, возвысилъ голосъ:

«Желаю тебѣ, хотя нѣкую часть того духа благодати, коимъ былъ исполненъ сей великій подвижникъ въ трудахъ своихъ ко благу Церкви!»

—«Ахъ, пожелайте, отвѣчалъ я, и помолитесь, чтобы тотъ же духъ терпѣнія данъ мнѣ былъ въ

скорбяхъ, какой укрѣплялъ Максима, если паче чаянія и меня ожидаютъ испытанія.»

Отъ сей часовни пошли мы къ святымъ вратамъ, по роскошной аллеѣ вѣковыхъ липъ, осеребренныхъ луною, которой лучи, пробиваясь сквозь густую тѣнь ихъ, какъ бы крупными каплями, падали на землю. Билъ одиннадцатый часъ, когда приблизились мы ко вратамъ ограды. Покамѣстъ сонный сторожъ отпиралъ тяжелый замокъ: «вотъ мы нашли себѣ вѣрную стражу, сказалъ Намѣстникъ, указывая на образъ Неопалимой Купины надъ вратами, во время Московскихъ пожаровъ мы ввѣрили ей охраненіе обители отъ огня, и благодареніе Господу—все уцѣлѣло!»

Внимая ему, я еще разъ обратился къ монастырю. Мрачно подымался предъ нами высокій соборъ Успенія; только часть его крыши освѣщена была мѣсяцемъ, который перекатывался по златой главѣ, ярко охвативъ крестъ;—мы любовались благоговѣйно.

«Основанъ грознымъ Іоанномъ!» тихо проговорилъ я самъ себѣ:—«освященъ кроткимъ Ѳеодоромъ»—столь же тихо договорилъ Антоній, какъ бы нѣкій антифонъ. «На вратахъ его изображенъ Ангелъ страшнаго суда, со скрижалію, гдѣ вписываетъ дѣянія наши.»—«Подлѣ сихъ вратъ, опять отвѣчалъ мнѣ Антоній, погребено все семейство Годуновыхъ.»—«Какія имена, какія воспоминанія! воскликнулъ я, о святая лавра, какъ трудно съ тобою разставаться!»

Я уже переступилъ за врата, Архимандритъ еще держалъ меня за руку.—«Чувствуешь ли, что здѣсь за оградою совсѣмъ другой воздухъ? вся свѣжесть, весь ароматъ ночи остались внутри стѣнъ;

а здѣсь все дышетъ житейскимъ. Теперь прости, я стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня долженъ кончаться міръ;—и благословивъ сказалъ: святый Сергій, да будетъ присно съ тобою.»

III.

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ лавры, оставилъ я Москву, желая посѣтить еще однажды Новый Іерусалимъ, столь близкій моему сердцу съ тѣхъ поръ, какъ поклонился древнему образцу его. Не доѣзжая Воскресенска, пошелъ я пѣшкомъ къ обители, прямо чрезъ поле, чтобы болѣе себѣ напомнить уединенное странствіе по пустынямъ Палестинскимъ; но я потерялъ настоящее направленіе ко храму, который былъ заслоненъ рощею, и, только издали увидѣвъ часовню Элеонскую, могъ опять выдти на дорогу.

Патріархъ Никонъ далъ имя Элеона сей часовнѣ и воздвигъ ее на томъ мѣстѣ, отколѣ обозрѣвалъ онъ съ Царемъ Алексіемъ, во дни ихъ духовной пріязни, избранное ими поприще для обители, и здѣсь Царь назвалъ ее Новымъ Іерусалимомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на крестѣ внутри часовни: «Благоволеніемъ благочестиваго Царя Алексія Михайловича и святѣйшаго Никона Патріарха, въ знаменіе ихъ общей любви и совѣта, къ начинанію святыя обители и наименованію, еже есть Новый Іерусалимъ.»—И чрезъ тридцать лѣтъ, тотъ

же Никонъ, въ теченіи сего времени низведенный съ Патріаршаго престола, заточенный 15 лѣтъ на Бѣломъ озерѣ, наконецъ скончавшійся на возвратномъ пути изъ своей темницы, былъ принесенъ уже мертвымъ для погребенія въ созданную имъ обитель. Близъ сего же креста поставилъ тѣло его кроткій Царь Ѳеодоръ, какъ бы для примиренія обоихъ великихъ усопшихъ: державнаго отца и Святителя. памятію ихъ любви взаимной, которую нѣкогда засвидѣтельствовали у подножія Элеонскаго креста.

Отселѣ, на разстояніи полуверсты до святыхъ воротъ, насажена чрезъ малую лощину узкая березовая аллея; съ правой стороны близко подступила къ стѣнамъ Новаго Іерусалима крутоберегая излучистая Истра, названная Іорданомъ по волѣ Патріарха. Исполненный сладкихъ впечатлѣній, тихо приближался я къ обители, въ прохладной тѣни деревъ, и съ утѣшительнымъ чувствомъ переступилъ за священные врата, на коихъ изображено вербное торжество Спасителя. Хотя не отъ Элеона, а отъ Рамлы, и не вербными вратами, взошелъ я за пять лѣтъ предъ тѣмъ во св. градъ, но и сіи врата мнѣ были знакомы; я бы хотѣлъ по словамъ духовной пѣсни: «обыдите людіе Сіона и обымите его» — обойти и обнять его со всѣхъ сторонъ.

Изъ подъ высокой арки святыхъ воротъ открывается самый великолѣпный видъ на зданія собора. съ восточной ихъ стороны:—это чудная гора малыхъ куполовъ и главъ, своенравными уступами восходящая до двухъ главныхъ куполовъ храма, и вся сія гора, на разныхъ высотахъ, усѣяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхожденіе наше. Но хотя зрѣлище сіе великолѣпно и вполнѣ

достойно громкаго названія Новаго Іерусалима, оно совершенно отлично отъ образца своего. Правда, и тамъ есть два купола надъ соборомъ и полукуполъ надъ алтаремъ, и глава, выходящая изъ земли надъ церковью обрѣтенія; но всѣ безъ крестовъ, и всѣ кругомъ застроены террасами и плоскими крышами сосѣднихъ монастырей Авраама и Аббисинцевъ и древнею Патріархіею, такъ что примѣтны только два купола надъ соборомъ; все же зданіе является въ видѣ огромной полуразрушенной твердыни, которой террасы сперва разбили люди, а потомъ время. А здѣсь напротивъ, все еще ново и свѣжо: четыре малыя часовни, едва подымаясь поверхъ земли, окружаютъ большой куполъ подземной церкви обрѣтенія; еще выше двѣ легкія главы, по обѣимъ сторонамъ соборнаго алтаря, знаменуютъ многочисленные придѣлы внутренней галлереи, и еще двѣ главы надъ Голгоѳою и Геѳсиманіею, съ южной и сѣверной стороны храма, довершаютъ стройную красоту зданія, правильнаго въ частяхъ своихъ, когда въ Іерусалимѣ самая мѣстность не позволяла соблюдать симметріи.

Но несмотря на сіе несходство, отрадно отдыхаютъ взоры на пышномъ, игривомъ зодчествѣ сего храма. Забывшись можно подумать, что такимъ былъ нѣкогда и священный его подлинникъ, когда по манію Царицы Елены возникъ онъ, во всемъ величіи Римскаго зодчества и могущества, изъ груды камней и земли, покрывавшихъ утесы Голгоѳы и св. Гроба.

Однакоже съ южной стороны собора, площадка между колокольнею и церковью св. Елены, можетъ удовлетворить ищущихъ желаннаго сходства обоихъ Іерусалимовъ. Тѣ же двойные врата предъ вами, за-

ключенныя корыстію Арабовъ въ древнемъ, хотя есть отличія въ украшеніяхъ надъ ними и нѣтъ здѣсь мраморныхъ столбовъ и изваяній; та же высота стѣны соборной, то же число оконъ во второмъ ярусѣ, и я даже узналъ окно моей келліи надъ церковью Елены. Самая церковь сія, посвященная здѣсь памяти Маріи Египетской, прилѣплена ко храму подобно какъ въ Іерусалимѣ, и столь же тѣсна, но тамъ она служила сперва наружнымъ восходомъ на Голгоѳу, и на открытомъ крыльцѣ ея совершается донынѣ умовеніе ногъ, а здѣсь крыльцо закрыто и тѣмъ нарушено сходство. Положеніе же и зодчество колокольни совершенно Іерусалимскія, хотя тамъ она до половины обрушена землетрясеніемъ.

Утѣшенный столь отраднымъ для меня зрѣлищемъ, я стоялъ на знакомой площадкѣ, на коей въ Іерусалимѣ не разъ ожидалъ отверстія святыхъ воротъ, и радуясь совершенному моему одиночеству. вполнѣ предавался воспоминаніямъ Палестины. Но меня замѣтили, и подошедшій монахъ спросилъ: «чего я желаю?»

—«Поклониться святому Гробу» былъ мой отвѣтъ.

«Какъ ваше честное имя?» опять спросилъ меня монахъ, потому что мое посѣщеніе, во время полуденнаго отдыха братіи, показалось ему страннымъ.

«Развѣ нужны имена поклонниковъ? отвѣчалъ я; они выходятъ изъ памяти вмѣстѣ съ мимоидущими, если не остаются въ молитвахъ.»

«Простите мою нескромность, возразилъ онъ, но въ нашемъ уединеніи пріятно иногда услышать знакомое имя и встрѣтить прежняго знакомца въ посѣтителѣ. Покамѣстъ отопрутъ для васъ церковь, не угодно ли вамъ пройти къ отцу Архимандриту?»

Я послѣдовалъ за нимъ въ прекрасныя келліи настоятеля Архимандрита Аполлоса, который весьма ласково меня встрѣтилъ. «Позвольте мнѣ поклониться св. Гробу, сказалъ я, и посѣтить святыя мѣста Новаго Іерусалима.»—

«Кому же свойственнѣе желать сего, если не посѣтителю древняго,» отвѣчалъ съ улыбкою Архимандритъ.—Когда же я изъявилъ нѣкоторое удивленіе: «не таитесь, продолжалъ онъ, вы мнѣ знакомы, и я давно ожидалъ васъ въ свою обитель, чтобы намъ вмѣстѣ сравнить оба Іерусалима. Вы были въ древнемъ, я живу въ Новомъ; мы можемъ сообщить другъ другу нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, которыя нельзя найти въ описаніяхъ.»

— «И такъ приступимъ немедленно къ сему сравненію, сказалъ я; столь же усердно его желаю. Любопытно для каждаго Русскаго узнать, въ чемъ именно сходствуетъ сіе родное для насъ святилище съ Палестинскимъ.»

«Мы начнемъ, не выходя изъ сего зданія, съ нашей зимней церкви Виѳлеема, говорилъ мнѣ Архимандритъ, проходя черезъ три обширныя палаты, которыя служили нѣкогда трапезами Царямъ и боярамъ, и были устроены Царевною Софіею, вмѣстѣ съ Виѳлеемскою церковію; вотъ храмъ Рождества.»

— «Пройдемте мимо, сказалъ я, здѣсь нѣтъ и тѣни сходства съ великолѣпнымъ храмомъ Палестины, украшеннымъ рядами мраморныхъ столбовъ. Можно сравнить съ нимъ Казанскій соборъ въ Петербургѣ, по внутреннему крестообразному расположенію и красотѣ колоннъ, а не вашу зимнюю, весьма обыкновенную церковь.»—

«Сойдемте въ нижній ярусъ, продолжалъ Архи-

мандритъ, можетъ быть, вы тамъ болѣе будете удовлетворены,»—и мы сошли по широкой лѣстницѣ въ правильную галлерею, по сторонамъ которой находились малые придѣлы.

«Вотъ пещера Рождества и мѣсто яслей, но здѣсь не было устроено церкви, вѣроятно по тѣснотѣ; а быть можетъ и она предполагалась, ибо нѣкоторые изъ предназначенныхъ здѣсь придѣловъ довершены уже мною. Вотъ престолы на память обрѣзанія Господня, бѣгства во Египетъ, поклоненія волхвовъ и избіенія младенцевъ.»

— «Пойдемте далѣе, опять повторилъ я, слышу названія Виѳлеемскія, но не узнаю самыхъ мѣстъ; притомъ же церкви въ память обрѣзанія Господня не существуетъ нигдѣ во всей Палестинѣ, а малый гротъ, гдѣ укрывалась Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ и отколѣ бѣжала съ Нимъ въ Египетъ, по преданіямъ Виѳлеемскимъ, находится внѣ храма на краю селенія. Хотя же придѣлы Рождества, яслей, волхвовъ и избіенія младенцевъ, точно обрѣтаются въ подземельи Палестинскомъ, но здѣсь нѣтъ главнаго, самаго подземелья. Темные извучистые переходы и подземныя церкви Печерской лавры въ Кіевѣ могутъ дать понятіе о вертепахъ Виѳлеема, а не здѣшній нижній ярусъ вашего правильнаго зимняго собора.»—

«Весьма трудно угодить очевидцамъ, проговорилъ настоятель, и обратясь ко мнѣ: нашъ Виѳлеемъ вамъ не понравился; по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что самый храмъ Воскресенія напомнитъ вамъ вполнѣ Палестину, ибо онъ точно сдѣланъ по образцу, который принесъ оттолѣ старецъ Арсеній Сухановъ, посыланный Патріархомъ Іосифомъ въ

1649 году на Востокъ, для сравненія богослуженія нашего съ Греческимъ. Никонъ, вступивъ на престолъ патріаршій, когда еще Арсеній былъ въ Іерусалимѣ, велѣлъ ему снять точную модель съ храма, которая доселѣ хранится въ нашей ризницѣ. Мы взойдемъ южными вратами отъ колокольни, ибо вы сами знаете, что всѣ прочія закладены въ Іерусалимѣ.»

Врата отворились, мы вступили въ храмъ:— радостно затрепетало сердце, что то родное повѣяло мнѣ изъ подъ величественныхъ сводовъ, изъ длинныхъ галлерей; такъ нѣкогда вступалъ я и въ святилище Палестины, и оно также показалось мнѣ родственнымъ, ибо я былъ уже прежде въ Воскресенскѣ. Есть невыразимое чувство родства, которое сближаетъ насъ не съ одними людьми, но и съ неодушевленными предметами. Послышится ли прежде слышанный звукъ, повѣетъ ли знакомымъ запахомъ воздухъ, повторится ли глазамъ прежній очеркъ,— и звукъ и запахъ и очеркъ—все родное, и радуется имъ сердце какъ бы своимъ.

«Что скажете?» спросилъ Архимандритъ.

— Я въ Палестинѣ!

«А этотъ храмъ?»

— «Храмъ св. Гроба, но въ томъ видѣ, каковъ онъ былъ до раздѣленія его между различными исповѣданіями, и до пожара. Здѣсь, при самомъ входѣ, я вижу насквозь соборъ во всю широту его до сѣверныхъ вратъ; такъ было нѣкогда и въ Іерусалимскомъ, но теперь перегородки отдѣляютъ главный Греческій соборъ отъ окружающей его галлереи и, при самомъ входѣ въ южный притворъ Голгоѳы, непріязненная стѣна возбраняетъ взорамъ погрузиться во глубину святилища. Вотъ направо и са-

мая Голгоѳа у васъ въ томъ положеніи, какъ она существовала до пожара; изъ сего притвора нѣтъ двойнаго широкаго крыльца на ея вершину, которое придѣлано въ Іерусалимѣ, дабы крестные ходы Грековъ и Латинъ не мѣшали другъ другу. Но гдѣ же и какъ спускаете вы съ Голгоѳы плащаницу въ великій пятокъ?»

«Какъ спускали Іосифъ и Никодимъ божественное тѣло Спасителя съ самаго креста, отвѣчалъ мнѣ Архимандритъ. Я становлюсь съ частію братіи на высотѣ Голгоѳы у самыхъ перилъ и оттолѣ спускаю на холстахъ плащаницу, которую принимаетъ внизу намѣстникъ съ другими сослужащими.»

— «Но я здѣсь не вижу въ притворѣ предъ Голгоѳою того камня, на коемъ совершилось въ Іерусалимѣ муропомазаніе тѣла Господа. Отъ чего не лежитъ и у васъ подобный же камень, когда вы во всемъ подражаете мѣстности и обрядамъ Св. земли?»

«Признаюсь вамъ, отвѣчалъ Архимандритъ, что у насъ издавна хранится сей камень мѣры Іерусалимской, предназначенный для сего мѣста, и я не знаю самъ, отъ чего онъ доселѣ не положенъ.»

— «Въ такомъ случаѣ прошу васъ убѣдительно положить его здѣсь, чтобы не нарушать священнаго сходства: ибо плащаница, лежащая у праваго столба около входа, вовсе не напоминаетъ камня муропомазанія, который представляется взорамъ каждаго изъ входящихъ въ храмъ Іерусалимскій.»—

Минуя соборъ, мы прошли налѣво въ ротунду св. Гроба, и хотя я и прежде видѣлъ сіе великолѣпное его вмѣстилище, однако же былъ пораженъ новымъ изумленіемъ, при видѣ легкаго, глубокаго купола, съ его семидесятью пятью окнами, располо-

женными въ три яруса, кругомъ трехъ раззолоченныхъ хоровъ. Сіи три рѣзные вѣнца остроконечнаго купола давали ему подобіе огромной тіары, осѣняющей священный памятникъ, который стоитъ въ оградѣ шестнадцати пиластровъ, поддерживающихъ арки верхней галлереи. Самый Гробъ Господень, какъ церковь въ церкви, съ златыми столбами и главою, довершалъ своею стройною красою полноту чуднаго зрѣлища не для однихъ только взоровъ, но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоялъ въ Іерусалимѣ.

«И такъ, вы теперь довольны?» сказалъ мнѣ Архимандритъ. — «Ахъ! я опять въ Палестинѣ и припадаю къ св. Гробу!»

Я пришелъ въ придѣлъ Ангела, я проникнулъ въ самый утесъ св. Гроба, я опять простерся предъ каменною плитою, на коей долженствовало лежать божественное тѣло, я готовъ былъ повторить тѣ же молитвы, какъ въ Іерусалимѣ, и мысленно повторилъ ихъ; ибо все, что окружало, переносило меня къ дивному образцу сего мѣста, и полумракъ гробоваго покоя, слабо освѣщаемаго одною лампадой, вмѣсто безчисленныхъ лампадъ Іерусалимскихъ, давалъ мнѣ свободу дополнять воображеніемъ внутреннее убожество вертепа. О какъ отрадно находить, посреди пустыни житейской, такое близкое къ истинѣ повтореніе желанныхъ предметовъ!

Когда я поднялся съ помоста, Архимандритъ уже стоялъ за мною и смотрѣлъ на меня съ чувствомъ участія и любопытства. Безмолвно вышли мы опять въ придѣлъ Ангела, сквозь низменное отверстіе утеса. Онъ указалъ мнѣ камень, который въ него вдвигался, отваленный Ангеломъ. Наконецъ я

спросилъ его:—«Былъ ли здѣсь Архіепископъ горы Ѳавора Іероѳей, присланный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго?»

— «Былъ и плакалъ, при видѣ сего гроба» отвѣчалъ Архимандритъ.

«О какъ понятно мнѣ сіе чувство! продолжалъ я; размѣры тѣ же здѣсь, какъ и въ Іерусалимѣ, и гробоваго покоя и каменной плиты, гдѣ лежало пречистое тѣло, и придѣла Ангела: но здѣсь, стѣны украшены простымъ письмомъ, а тамъ богатымъ мраморомъ, и весьма жаль, что вся сія часовня, великолѣпно вызолоченная снаружи, внутри столь убога, когда подлинникъ ея устланъ одинаковымъ мраморомъ извнѣ и внутри. Тамъ камень гроба служитъ жертвенникомъ, а отваленный камень престоломъ посреди придѣла Ангела: здѣсь же божественныя тайны не совершаются надъ подобіемъ Христова гроба. Но низкая дверь, ведущая изъ придѣла въ самый утесъ, здѣсь того же размѣра, какъ была она до послѣдняго пожара въ Іерусалимѣ; нынѣ же ее тамъ просѣкли выше и нарушили древность святыни.»

Такъ говоря, мы вышли изъ часовни и опять осѣнилъ насъ великолѣпный шатеръ купола. «Шатеръ сей, сказалъ мнѣ Архимандритъ, въ началѣ былъ каменный, но онъ обвалился отъ тяжести въ 1723 году, въ самый день Вознесенія Господня, и пребывалъ въ развалинахъ до 1749 года; тогда Императрица Елисавета велѣла, по совѣту лучшихъ архитекторовъ, устроить шатеръ деревянный.»

—«И тѣмъ самымъ, прервалъ я, умножилось сходство съ древнимъ подлинникомъ. Странное дѣло:—въ Іерусалимѣ, прежній кедровый коническій

куполъ замѣненъ, послѣ пожара 1807 года, каменнымъ круглымъ, а у васъ на оборотъ, прежде былъ каменный, а потомъ деревянный; но за то онъ вдвое выше Іерусалимскаго, въ коемъ не болѣе 15 саженъ. И пиластры, которые поддерживаютъ здѣсь арки верхней галлереи, теперь сходны съ Іерусалимскими: но прежде тамъ стояли кругомъ ротунды великолѣпные мраморные столбы Елены. И такъ пожаръ, нарушивъ подобіе въ иныхъ предметахъ, умножилъ оное въ другихъ.»—

«Взгляните, продолжалъ Архимандритъ, отъ дверей гроба, сквозь Царскую арку, на иконостасъ главнаго собора Воскресенія, и скажите, какъ будетъ соборъ сей противъ Іерусалимскаго?»

—«Сколько могу себѣ представить, отвѣчалъ я, кажется онъ здѣсь короче. Много ли считаете вы саженъ, отъ часовни гроба до иконостаса и до горняго мѣста?»—

«12 до алтаря и еще 8 до горняго.»

—«Въ Іерусалимѣ же всего 18 до горняго мѣста, и изъ нихъ только 4 занимаетъ алтарь, а потому самый соборъ длиннѣе и соразмѣрнѣе съ прочими частями храма: но за то ваша ротунда и часовня св. Гроба, снаружи, нѣсколько больше своего подлинника.»—

«У насъ 11 саженъ въ ротундѣ и 6 наружной длины часовни.»

—«А тамъ только 9 саженъ въ первой, и 4 въ часовнѣ, и эта разность въ размѣрѣ примѣтна. Къ тому же Царская арка, отдѣляющая ротунду отъ собора, у васъ сдѣлана по у́же, чрезъ что, какъ будто стѣснился самый храмъ, а верхняя галлерея, раздѣляющая на два яруса арку, не существуетъ

въ Іерусалимѣ. Но хотя вашъ высокій иконостасъ весьма величественъ, тамъ онъ устроенъ иначе: вершина его въ видѣ треугольника и не столь высока, ибо на ней повѣшены била, вмѣсто колоколовъ, а сверху есть галлерея. Оттолѣ, во время моего заключенія въ храмѣ, часто бесѣдовалъ я, чрезъ слуховое окно крыши, съ иноками стоявшими на террасѣ.»

«У насъ нѣтъ хода надъ иконостасомъ, сказалъ мнѣ Архимандритъ, но мы можемъ взойти на галлерею Царской арки, и я увѣренъ, что вы останетесь довольны видомъ всей церкви, который вамъ оттолѣ откроется.»

Мы поднялись на хоры съ южной ихъ стороны, по той лѣстницѣ, которая въ Іерусалимѣ ведетъ на Армянскую половину, гдѣ устроены двѣ ихъ церкви, и миновавъ малый придѣлъ благовѣрной Княгини Ольги, взошли на Царскую арку. Чудное зрѣлище меня поразило: во всѣ стороны, и вверхъ и внизъ, разбѣгались взоры по далекимъ хорамъ и извивистымъ галлереямъ, и подъ крутыя арки сводовъ, и во глубину куполовъ, и на дно пространныхъ соборовъ,—и повсюду взоръ опирался въ какую либо роскошную церковь, въ златой или мраморный иконостасъ; вездѣ сіяла какая либо святыня, какъ бы зеркальное отраженіе двухъ главныхъ святилищъ, соборнаго алтаря и св. Гроба, стоящихъ другъ противъ друга и, подобно двумъ свѣтиламъ, раздробляющихъ лучи свои на безчисленныя вокругъ планеты.

Но сколь ни увлекательно было въ сей аркѣ зрѣлище собора, невольно обращались взоры къ св. Гробу, и тамъ, какъ въ нѣкоемъ морѣ, тонули они въ глубокой ротундѣ и терялись, какъ въ небѣ, въ ея воздушномъ куполѣ. И посреди сего моря и неба,

глубокихъ, высокихъ впечатлѣній, отрадно являлся очамъ какъ малый островъ посреди пучины или свѣтлое облако въ эѳирѣ,—самый священный Гробъ!— Неподвижно стоялъ я, и смотрѣлъ, и не имѣлъ словъ; Архимандритъ далъ мнѣ нѣсколько времени наслаждаться зрѣніемъ, потомъ сказалъ:

«Истинно достоинъ удивленія храмъ сей и всякій, кто только его видѣлъ, восхищается. Не говоря уже о красотѣ зодчества и о священномъ подобіи, нельзя не изумляться обширности и вмѣстѣ стройности всѣхъ частей. Можно въ одно время совершать обѣдню на нѣсколькихъ престолахъ и одна литургія не воспрепятствуетъ другой, ибо голоса не будутъ сливаться. Здѣсь, со времени основанія храма, каждая царственная десница устрояла придѣлъ въ честь тезоименитаго Святаго; но всѣхъ великолѣпнѣе придѣлъ во имя благовѣрнаго Князя Александра, который вы видите подлѣ сей царской арки, въ симметріи съ придѣломъ св. Ольги. Государь Императоръ устроилъ его въ память рожденія своего Наслѣдника.»

—«Но скажите, спросилъ я наконецъ, неужели Патріархъ Никонъ довершилъ самъ строеніе сего храма? Онъ такъ долго былъ въ заточеніи.»—

«Патріархъ Никонъ, отвѣчалъ Архимандритъ, построилъ сперва на семъ мѣстѣ, въ 1656 году, малую деревянную церковь во имя Воскресенія Христова, потомъ, получивъ модель изъ Іерусалима, онъ приступилъ къ созиданію сего храма и воздвигъ его почти по самые своды, въ теченіи девяти лѣтъ вольнаго своего заключенія въ сей обители, когда оставилъ жезлъ свой въ Московскомъ соборѣ и пересталъ заниматься дѣлами патріаршими. Онъ про-

жилъ все сіе время въ пустынномъ столпѣ на берегу Истры, его Іордана, и заботился ревностно о строеніи храма, дѣлая самъ кирпичи и нося ихъ какъ простой каменьщикъ. Когда же по суду Восточныхъ Патріарховъ, былъ онъ совсѣмъ отчужденъ отъ патріаршескаго служенія и сосланъ на Бѣло озеро. остановилась и работа храма; въ такомъ положеніи оставался онъ 13 лѣтъ, доколѣ Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по любви своей къ заточенному Никону, повелѣлъ продолжать строеніе. Благочестивая Царевна Татьяна Михайловна много пожертвовала денегъ и утварей для довершенія обители; но зданіе было окончено только въ 1685 году, уже при двухъ Царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, и храмъ освященъ въ ихъ присутствіи Патріархомъ Іоакимомъ. По разрушеніи же каменнаго шатра надъ св. Гробомъ и послѣ бывшаго пожара, церковь сія опять пребыла въ запустѣніи 26 лѣтъ, доколѣ благочестивая Императрица Елисавета Петровна, тронутая величіемъ обители, не повелѣла возобновить ее со всевозможнымъ великолѣпіемъ, назначивъ архитекторомъ знаменитаго графа Растрели. Архимандритъ Амвросій, впослѣдствіи Архіепископъ Московскій, убіенный мученически во время чумы, былъ ревностнымъ исполнителемъ воли Монаршей, и онъ, послѣ Патріарха Никона, можетъ почитаться вторымъ создателемъ Новаго Іерусалима.»

«Я покажу вамъ на хорахъ портреты обоихъ,» продолжалъ Архимандритъ, и вывелъ меня въ ту же галлерею, изъ которой мы взошли на арку. Тамъ, около придѣла св. Павла исповѣдника, остановился я предъ большою картиною Никона Патріарха. Во весь ростъ написанъ Святитель, на амвонѣ и въ

полномъ облаченіи; около него стоятъ разноплеменные ученики его, братія новой обители: Архимандритъ Германъ, іеромонахи Леонидъ и Савва и архидіаконъ Евѳимій, иподіаконы Іосифъ и Германъ и монахи Иліодоръ и Серафимъ, съ надписью имени надъ главою каждаго. Лица ихъ уже начали тускнѣть и стираться отъ времени и сырости, помрачившихъ всю картину, писанную съ натуры; но еще рѣзко отдѣляется величественная фигура Никона. Всею грудью и мышцами подымается онъ надъ главами его окружающихъ, и необыкновенный ростъ его возвышенъ еще важною осанкою; темнорусые, почти черные волосы, падаютъ изъ-подъ богатой митры на широкія плеча, и густая темная борода осѣняетъ грудь; строгое, отчасти суровое выраженіе, въ правильныхъ, большихъ чертахъ лица его, исполненнаго мужественной красоты; на устахъ нѣтъ привѣтливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлѣлась въ огненныхъ черныхъ глазахъ и, чрезъ слишкомъ полтора столѣтія по его смерти, они будто еще говорятъ и проницаютъ душу; — внѣшній Никонъ вполнѣ отражалъ въ себѣ внутренняго.

Долго смотрѣлъ я на картину; мнѣ казалось, живой Патріархъ властительски стоитъ предо мною, и я припоминалъ себѣ многія рѣзкія черты его неодолимаго характера, собранныя въ краснорѣчивомъ описаніи житія ученикомъ его Шушеринымъ: какъ обиталъ онъ отшельникомъ въ дикой Соловецкой пустыни, какъ въ санѣ Митрополита усмирилъ, съ опасностію жизни, народный мятежъ, и какъ уже на патріаршемъ престолѣ былъ другомъ Царя Алексія. Далѣе представился мнѣ судъ надъ нимъ Восточныхъ Патріарховъ, и горькое низложеніе, и еще горшее

заточеніе на Бѣломъ озерѣ, не преломившія твердости его нрава, впрочемъ конечно не безъ благой цѣли допущенныя Провидѣніемъ, которое иногда изъ сильныхъ натуральныхъ характеровъ крѣпкими ударами судебъ выработываетъ благодатную чистоту Христіанскаго терпѣнія.

—«У васъ ли, спросилъ я Архимандрита, черный клобукъ его съ жемчужными Херувимами, который сняли съ него Восточные Патріархи, когда онъ отрекался сложить его самъ съ главы своей, какъ знаменіе иночества?»—

«Въ ризницѣ хранится онъ, отвѣчалъ Архимандритъ, вмѣстѣ съ прочею его домашнею утварью, весьма простою въ сравненіи съ великолѣпіемъ его церковной утвари, въ которой онъ любилъ чрезвычайную пышность, а его тяжкія вериги вы увидите на его гробѣ. Но прежде я поведу васъ къ гробамъ Іосифа и Никодима и попрошу продолжать сравненіе обоихъ Іерусалимовъ. Мы не будемъ останавливаться у придѣловъ, которые не существуютъ въ древнемъ, дабы не сдѣлать замѣшательства, ибо здѣсь ихъ считается до тридцати.»

Спустясь съ хоровъ, мы достигли западной оконечности храма, позади часовни св. Гроба, и тамъ въ галлереѣ, на томъ же мѣстѣ какъ въ Іерусалимѣ, которое принадлежитъ Сиріянамъ, Архимандритъ показалъ мнѣ двѣ могилы двухъ благочестивыхъ погребателей Христовыхъ. Потомъ онъ привелъ меня, тою же круглою галлереею, къ колодцу, принадлежащему въ Іерусалимѣ Латинамъ, ибо тамъ ихъ малый монастырь пристроенъ къ сѣверной сторонѣ храма, а главная церковь на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ сѣверные врата въ Воскресенскѣ; малый

же ихъ придѣлъ Маріи Магдалины, въ память явленія ей Спасителя, устроенъ и здѣсь благочестіемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Оттолѣ прошли мы въ церковь Успенія, называемую Геѳсиманіею, и я увидѣлъ темницу Христову.

«Не только сей церкви, сказалъ я настоятелю, но и сѣвернаго притвора, который у васъ устроенъ для симметріи съ южнымъ Голгоѳскимъ, нѣтъ въ Іерусалимѣ, и такія прибавленія нарушаютъ сходство; здѣсь, какъ видно, основатели не только хотѣли соблюсти правильность зодчества, но желали еще совокупить въ одномъ храмѣ воспоминанія многихъ святыхъ мѣстъ, разсѣянныхъ въ Іерусалимѣ и по всей Палестинѣ. То что вы называете темницею Христовою, по моему замѣчанію, есть тѣсная пещера, посвященная Латинами памяти слезъ Богоматери, ибо подлѣ они показываютъ въ Іерусалимѣ два отверстія въ помостѣ, служившія будто бы колодами для ногъ Спасителя, — преданіе совершенно произвольное; но хотя самая темница у васъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и тамъ, однакоже входъ въ нее долженъ быть изъ галлереи, а не изъ Геѳсиманскаго притвора, котораго, какъ я уже сказалъ, тамъ нѣтъ. Теперь пойдемте по галлереѣ кругомъ соборнаго алтаря.»

«Вотъ придѣлъ Лонгина Сотника,» сказалъ мнѣ Архимандритъ.

— «Онъ есть и въ Іерусалимѣ, продолжалъ я, и принадлежитъ Грекамъ.» —

«Вотъ придѣлъ Андрея Критскаго, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Палестинскомъ храмѣ заложены восточные врата.»

— «Вы сами сознаетесь, что его нѣтъ въ Св.

землѣ; какъ жаль, что такими неумѣстными прибавленіями безпрестанно нарушается подобіе. На хорахъ дѣло иное, но здѣсь казалось бы, все должно быть вѣрнымъ.»—

«Вотъ придѣлъ Раздѣленія ризъ, прямо противъ средины главнаго алтаря, и нѣсколько далѣе придѣлъ Терноваго вѣнца въ память поруганія Спасителя. Между ними спускается лѣстница въ подземную церковь Обрѣтенія креста.»

—« Я опять узнаю мѣстность Іерусалимскую, и Армянскій престолъ Раздѣленія ризъ, и Греческій Терноваго вѣнца, хотя оба, какъ и Лонгиновъ, тамъ безъ иконостасовъ, и служба совершается на открытыхъ престолахъ.»—

Мы спустились къ честному кресту по тридцати тремъ ступенямъ, какъ и въ Іерусалимѣ, въ подземелье Царицы Елены, поддерживаемое четырьмя тяжелыми столбами. Я увидѣлъ опять церковь св. Елены и въ алтарѣ оной окно, пробитое въ камнѣ, у котораго сидѣла Царица, когда отрывали честный крестъ; но съ лѣвой стороны сей церкви придѣлъ Утоленія печали замѣнилъ Іерусалимскій, благоразумнаго разбойника. Еще одиннадцать ступеней низводятъ къ придѣлу Епископа Киріака, и къ колодцу, гдѣ обрѣтенъ былъ самый крестъ. Въ Палестинѣ, на мѣстѣ сего кладезя, стоитъ Греческій престолъ честнаго креста, на мѣстѣ же придѣла св. Киріака, Латинскій, также въ честь креста Господня.

«Вотъ мы прошли весь храмъ отъ одного края и до другаго; скажите мнѣ теперь, обратился я къ Архимандриту, сколько считаете вы въ ономъ длины и ширины?»

—«Длина его отъ стѣны и до стѣны, отвѣчалъ

онъ, 50 саженъ, а широта 20; но, безъ подземной церкви Обрѣтенія, внутренней долготы будетъ только 36 саженъ.»

«И такъ Воскресенскій храмъ пятью саженями длиннѣе Іерусалимскаго, а широта его та же; внутренняя же долгота Палестинскаго святилища, отъ гробовъ Іосифа и Никодима до придѣла Раздѣленія ризъ, съ небольшимъ 32 сажени, слѣдовательно и здѣсь онъ уступаетъ четырьмя саженями Воскресенскому.—Но возвратимся въ соборъ; мы еще не были въ главномъ алтарѣ его и на Голгоѳѣ.»

Мы поднялись опять въ галлерею, и Архимандритъ указалъ мнѣ, подлѣ придѣла Терноваго вѣнца, келлію Патріаршую, которая можетъ быть принадлежала нѣкогда Святителю въ Іерусалимѣ, но теперь обращена тамъ въ поварню заключеннаго храма. Рядомъ съ нею неправильно означается мѣсто жертвоприношенія Исаака, ибо оно снаружи примыкаетъ къ Голгоѳѣ и находится въ отдѣльномъ монастырѣ Авраама, не имѣющемъ никакого сообщенія съ храмомъ. Еще страннѣе перенесена сюда Самарійская темница Іоанна Предтечи, отстоящая на три дня пути отъ Іерусалима; здѣсь она помѣщена подъ жалостнымъ путемъ на Голгоѳу, который теперь уже уничтоженъ въ древнемъ храмѣ. Любопытно, что верхнія его ступени каменныя, а нижнія деревянныя; ибо когда обсѣкли прямымъ уступомъ утесъ Голгоѳы, часть ступеней должно было додѣлать внѣ скалы, и ихъ срубили изъ дерева. Противъ сего жалостнаго пути мы взошли изъ галлереи въ боковыя южныя двери соборнаго алтаря.

Обширность его и, вмѣсто восточной стѣны, пять легкихъ аркъ на столбахъ, чрезъ которыя можно

видѣть, какъ прежде бывало въ Іерусалимѣ, заднюю галлерею съ придѣломъ Раздѣленія ризъ, и горнее мѣсто на десяти ступеняхъ, съ престолами пяти Вселенскихъ Патріарховъ, и хоры о семи ярусахъ на внутренней стѣнѣ иконостаса, въ память седьми Вселенскихъ Соборовъ,—все давало чрезвычайное величіе алтарю сему, достойному подобнаго святилища. Архимандритъ объяснилъ мнѣ, что на сихъ хорахъ становились пѣвчіе Патріаршіе и, по мѣрѣ возвышающейся торжественности святой литургіи, восходили все выше и выше, и стояли наконецъ на крайней высотѣ, какъ Ангелы на небесахъ, во время совершенія самаго таинства;—какая глубокая мысль!

«Въ Новомъ Іерусалимѣ, говорилъ Архимандритъ, есть нѣкоторыя отличія въ самыхъ обрядахъ при Богослуженіи, перенесенныя отчасти съ Востока. Малые и великіе выходы во время литургіи совершаются здѣсь, не изъ сѣверныхъ дверей алтаря въ соборъ, но изъ боковыхъ въ галлерею, и шествіе продолжается вдоль нея къ ротундѣ св. Гроба, а оттолѣ чрезъ весь соборъ къ царскимъ вратамъ, которые свѣщеносецъ отворяетъ снаружи, когда уже все духовенство стоитъ предъ ними. Но въ страстную седмицу священные обряды становятся у насъ еще торжественнѣе, и они совершенно напоминаютъ обряды древняго Іерусалима. Двѣнадцать евангелій о страстяхъ Господнихъ читаются на Голгоѳѣ предъ самымъ крестомъ, равно какъ и часы великаго пятка, и у подножія сего же креста полагается плащаница, для которой приготовляютъ два одра, одинъ на Голгоѳѣ, а другой внизу у камня мѵропомазанія. Въ установленный часъ, мы опускаемъ плащаницу, на холстахъ, съ вершины священной горы и, въ

память повитія, положивъ у камня на одрѣ, несемъ на ономъ около всего алтаря по галлереѣ въ соборъ Воскресенія, гдѣ остается она до утра великой субботы. Тогда же послѣ пѣнія: слава въ вышнихъ Богу, мы опять подымаемъ плащаницу, вмѣстѣ съ одромъ, и снова несемъ къ камню повитія, гдѣ читается трогательное Евангеліе: «по сихъ же моли Пилата Іосифъ, иже отъ Аримаѳеи сый ученикъ Іисусовъ, потаенъ же страха ради Іудейска, да возметъ тѣло Іисусово.» Оттолѣ шествіе продолжается вновь кругомъ алтаря соборнаго, и кругомъ всей ротунды св. Гроба, съ тремя литіями, позади горняго мѣста предъ Раздѣленіемъ ризъ, у сѣверныхъ вратъ храма, и позади часовни Гроба, и послѣ троекратнаго вокругъ нея обхожденія, я, вмѣстѣ съ однимъ священникомъ, снявъ съ одра плащаницу, вношу ее во Гробъ и полагаю на камнѣ, гдѣ долженствовало лежать Божественное тѣло, а у самыхъ дверей Гроба читается Евангеліе, оканчивающееся сими словами: «они же шедше утвердиша гробъ знаменавше камень съ кустодіею.»—

«На литургіи, другой не менѣе трогательный обрядъ умиляетъ сердце: во время пѣнія вечерней пѣсни: «свѣте тихій,» духовенство исходитъ изъ соборнаго алтаря и, обойдя всю ротунду, становится предъ часовнею Гроба, и когда церковь благоговѣйно внемлетъ стихи сіи: «пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній,» мы опять выносимъ изъ св. Гроба плащаницу и, взошедши въ алтарь, разстилаемъ ее на престолѣ. Наканунѣ Вознесенія, въ праздникъ отданія Пасхи, снова повторяется вся утренняя церемонія великой субботы, съ тою только разницею, что плащаницу не оставляютъ во св. Гро-

бѣ, но тотчасъ же поднявъ съ камня, несутъ жалостнымъ путемъ на Голгоѳу, въ церковь страстей Господнихъ, гдѣ всегда она пребываетъ на престолѣ.

«Возженіе святаго огня въ великую субботу, котораго вы были свидѣтелемъ въ Іерусалимѣ, воспоминается у насъ торжественною церемоніею въ самый день Пасхи. Подобно какъ и въ Палестинѣ, весь духовный соборъ въ полномъ облаченіи, безъ свѣтильниковъ, исходитъ изъ алтаря съ пѣснію: «воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси» и, обошедши однажды галлерею и трижды часовню Гроба, останавливается предъ нею. Я одинъ вхожу съ діакономъ во святилище Гроба, и тамъ возжегши приготовленныя свѣчи, огнемъ отъ лампады, подаю ихъ изъ самаго вертепа діакону съ привѣтствіемъ: Христосъ воскресе! а онъ передаетъ ихъ чрезъ окно, изъ преддверія Ангела, по обряду Св. земли, духовенству, и тогда взошедъ во св. Гробъ для поклоненія, оно начинаетъ въ преддверіи самую утреню. При пѣніи же канона Пасхи: «да воскреснетъ Богъ,» мы снова исходимъ къ народу, и утреня оканчивается въ соборномъ алтарѣ, какъ и въ древнемъ Іерусалимѣ, которому новый не уступаетъ подражаніемъ великихъ обрядовъ. Для бо̀льшаго же подобія, во всякое время, дозволено пѣть утреню Пасхи предъ св. Гробомъ, для приходящихъ богомольцевъ.»

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы взошли на Голгоѳу, но не жалостнымъ путемъ, а особеннымъ восходомъ изъ алтаря. «Вы видите, продолжалъ Архимандритъ, у насъ нѣтъ престола на самомъ мѣстѣ распятія, а только водруженъ кипарисовый крестъ,

на краю обсѣченнаго утеса, близъ разсѣлины, напоминающей ужасъ самыхъ камней, и вотъ подлѣ драгоцѣнная икона Божіей Матери, присланная съ Аѳона Патріарху; она поставлена здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла при крестѣ пречистая Дѣва. Страшное же воспоминаніе искупительной жертвы совершается у насъ на другой половинѣ Голгоѳы, въ придѣлѣ страстей Господнихъ, по описанію принадлежащемъ въ Іерусалимѣ Латинамъ; а у наружнаго крыльца на Голгоѳу, вмѣсто ихъ церковицы во имя св. Елены, которая отдѣлена отъ храма, здѣсь устроенъ придѣлъ Маріи Египетской, въ память ея моленія предъ иконою Владычицы. Замѣчательны желѣзная узорчатая дверь, ведущая снизу въ сей придѣлъ, и другая подобная на Голгоѳѣ: онѣ обѣ присланы изъ-за моря.»

О какъ живо напомнила мнѣ сія Воскресенская Голгоѳа Голгоѳу Палестины, какъ утѣшительно повторились опять моему сердцу священныя ночи страстной седмицы, проведенныя на семъ искупительномъ утесѣ, который одолѣлъ врата ада!... Молча стоялъ я и припоминалъ себѣ каждое мгновеніе, каждое мѣсто молитвы; я смотрѣлъ на высокій кипарисовый крестъ и не сожалѣлъ, что не было предъ нимъ престола, какъ въ Іерусалимѣ! Иконостасъ алтаря закрылъ бы неправильный уступъ утеса, гдѣ водруженъ былъ самый крестъ, и разсѣлину Голгоѳы, и отверстія въ камнѣ, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ, посреди коихъ мѣриломъ праведнымъ былъ крестъ Господень, когда одинъ изъ нихъ низводился въ адъ тяготою хуленія, а другой облегчался отъ грѣховъ познаніемъ Бога. Въ Іерусалимѣ же на открытомъ престолѣ

совершается страшная жертва, какъ бы въ обличеніе дерзающихъ безъ трепета предстоять ей на дрогнувшей Голгоѳѣ.

«Ваша Голгоѳа, сказалъ я Архимандриту, есть драгоцѣнный снимокъ съ древняго образца ея, каковъ онъ былъ до пожара. Самая неправильность косаго уступа скалы ручается за вѣрность подражанія; но тамъ, та же рука, которая дерзнула возвысить низменныя двери св. Гроба, коснулась и священнаго утеса Голгоѳы и обсѣкла его въ видѣ прямой ступени. Нѣтъ тамъ болѣе и жалостнаго пути, уничтоженнаго по распрямъ разноплеменныхъ, а здѣсь вы ежегодно воспоминаете на святыхъ его ступеняхъ тяжкое несеніе креста. Теперь, въ свою очередь, ваша Голгоѳа могла бы служить образцемъ Іерусалимской!—Но скажите, кто изображенъ на этой потускнѣвшей картинѣ, которая виситъ на среднемъ столбѣ, поддерживающемъ своды Голгоѳской церкви?»

—«Здѣсь четыре лица, отвѣчалъ Архимандритъ: два стоящихъ въ одеждѣ царской,—равноапостольные Царь Константинъ и матерь его святая Елена, основатели Іерусалимскаго храма; у ногъ ихъ, преклоненные на колѣняхъ, также въ облаченіяхъ царственныхъ,—благочестивые зиждители Новаго Іерусалима, Царь Алексій Михайловичъ и супруга его Марія Ильинична.»—

«Какъ прилично и выразительно, прервалъ я; эта картина въ своемъ родѣ тоже, что и надпись: Петру первому Екатерина вторая.»

—«Теперь пойдемъ подъ Голгоѳу поклониться праху самаго строителя Патріарха Никона, сказалъ Архимандритъ, и мы сошли жалостнымъ путемъ въ

южный притворъ, а оттолѣ въ темную церковь Предтечи подъ Голгоѳою. Невольно остановился я въ тѣсныхъ дверяхъ ея и взглянулъ по сторонамъ; но не было здѣсь у входа царственной стражи, гробовъ Готфрида и Балдуина! Грустно вспомнилъ я, что нѣтъ ихъ болѣе и въ Іерусалимѣ:—и тамъ однѣ лишь мѣста истребленныхъ гробницъ! Мрачно было въ церкви Предтечи, будто въ нѣдрахъ земли; направо отъ входа теплилась въ углу лампада предъ иконою пречистой Дѣвы, едва освѣщая каменный гробъ, и на немъ тяжкія вериги.

«Отецъ Архимандритъ, прочтите литію надъ симъ гробомъ,» сказалъ я, и онъ произнесъ:

«Еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія, святѣйшаго Патріарха Никона, и о еже проститися ему всякому прегрѣшенію вольному же и невольному.» По возглашеніи вѣчной памяти, Архимандритъ говорилъ мнѣ:

«Сія икона была келейною Патріарха и всюду ему сопутствовала, вотъ и другая мѣдная, складная, которую носилъ на груди; она столь же тяжела какъ и самыя вериги, но хотя ихъ едва можетъ поднять рука ваша, Патріархъ Никонъ не снималъ ихъ съ себя ни въ теченіи девяти лѣтъ, проведенныхъ здѣсь на столпѣ своемъ въ самовольномъ изгнаніи, ни во время пятнадцатилѣтняго заточенія на Бѣломъ озерѣ. Такъ ревностно любилъ онъ труды постническіе, къ коимъ пріучилъ себя еще въ Анзерскомъ скитѣ, на дикихъ островахъ Соловецкихъ. Видѣли-ль вы здѣсь его пустынный столпъ или скитъ въ долинѣ, на берегу Истры?»

—«Прежде я посѣщалъ его и дивился странному устройству келлій и тѣснотѣ двухъ-ярусной церкви,

Благовѣщенія и верховныхъ Апостолъ, гдѣ едва можетъ помѣщаться одинъ служащій.»—

«Тамъ однако же помѣщался девять лѣтъ Никонъ, по примѣру древнихъ столпниковъ, и будучи еще во всемъ величіи высокаго сана, служилъ ежедневно литургію какъ простой пресвитеръ. Съ вершины уединеннаго столпа своего, Патріархъ, по любви ко всему, что только могло переносить его мысленно во Святую землю, далъ окрестности названія Палестинскія. Истра текла для него Іорданомъ; малый протокъ, изрытый имъ недалеко отъ пустыни, былъ названъ Кедрономъ, ибо онъ протекалъ близъ Новаго Іерусалима. Село Скудельничье и Назаретъ, и Рама и Уріина роща, явились вокругъ его обители, и священныя горы: Элеонъ и Ѳаворъ и Эрмонъ, повторились именами на сосѣднихъ высотахъ. Здѣсь же, подъ Голгоѳою, избралъ онъ самъ себѣ успокоеніе на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ въ Іерусалимѣ священникъ Бога вышняго Мельхиседекъ, и здѣсь, съ трогательною любовію къ усопшему, упокоилъ его благочестивый Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.»

Я продолжалъ рѣчь Архимандрита: «если трогательно погребеніе Патріарха кроткимъ Царемъ Ѳеодоромъ, еще умилительнѣе кончина Никона, на возвратномъ пути его изъ заточенія. Въ самый тотъ день, когда пришло въ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе Царя и Патріарха: возвратить узника въ его Воскресенскую обитель, онъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и, къ общему изумленію, велѣлъ собираться своей келейной братіи; скоро указъ Царскій разрѣшилъ недоумѣніе. Съ трудомъ посадили въ сани изнурен-

наго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ, по которой спустилися въ Волгу; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря. Никонъ велѣлъ плыть Волгою внизъ къ Ярославлю и, причаливъ у Толгскаго монастыря, пріобщился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне изнемогать. Игуменъ съ братіею вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ, сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій Архимандритомъ Сергій, который во время суда содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сему Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплытія Патріарха, видѣлся сонъ: самъ Никонъ ему явился, говоря: «брате Сергіе, востани, сотворимъ прощеніе!» и внезапно постучался въ двери монастырскій сторожъ съ вѣстію, что шествуетъ Волгою Патріархъ и братія уже потекла на встрѣчу. Вслѣдъ за нею устремился раскаявшійся Сергій и, увидя умирающаго, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прощеніе. Патріарху уже наступала смерть, когда опять тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе, слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ и, видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ къ нему припадали, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, другіе же, бросаясь въ воду, имъ помогали; такъ причалили къ обители всемилостиваго Спаса,—и здѣсь ожидала встрѣча: Архимандритъ и воевода.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку. Тогда духовникъ его и діакъ Царскій велѣли перевесть стругъ на другой берегъ, чтобы избавиться отъ толпы на-

родной. Ударили въ колоколъ къ вечерни,—Никонъ сталъ кончаться. Озираясь, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы и браду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братіею прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же, распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздохнувъ,—отошелъ съ миромъ. Между тѣмъ благочестивый Царь Ѳеодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ на встрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: «что завѣщалъ о своей духовной Никонъ?» — Услышавъ же, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій Царь съ умиленіемъ сказалъ: «если такъ святѣйшій Никонъ Патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ. и я его въ забвеніи не положу!»—Онъ велѣлъ везти тѣло его въ Новый Іерусалимъ.»....

Я остановился, Архимандритъ молчалъ. «Вы такъ снисходительны, сказалъ я, что слушаете меня со вниманіемъ, какъ будто я разсказываю что либо для васъ новое.»

—«И точно для меня совершенно ново, отвѣчалъ онъ, слышать повѣствованіе о кончинѣ Патріарха надъ самою его гробницею.»—

«И близъ нея мы разстанемся, возразилъ я; мнѣ уже время продолжать путь свой къ Волоколамску, а радушный пріемъ вашъ навсегда останется въ моей памяти.»—Мы разстались.

Изъ-подъ арки святыхъ воротъ, опять окинулъ я прощальнымъ взоромъ величественный храмъ Воскресенія; потомъ, переступивъ за ограду Новаго

Іерусалима, грустно пошелъ къ Элеону, повторяя въ мысляхъ стихи псалма:

«На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона.... Аще забуду тебе, Іерусалимѣ, забвенна буди десница моя. Прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Іерусалима, яко въ началѣ веселія моего.»—

IV.

ІОСИФОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Какъ серебристый водометъ, высоко пѣнящійся надъ зеленью сада, такъ издали мелькнула мнѣ, надъ чащею лѣса, бѣлая колокольня Іосифова, и выше и выше росла къ небу, по мѣрѣ приближенія къ монастырю. Когда же разступившаяся роща внезапно открыла, на берегу обширнаго пруда, древнюю многобашенную обитель съ ея двумя пятиглавыми соборами, тогда еще въ большемъ величіи поднялась, надъ всею массою тяжелыхъ зданій, легкая воздушная колокольня; восемь прозрачныхъ ярусовъ, постепенно стѣсняясь къ вершинѣ подъ круглую главу, давали ей видъ огромнаго скиптра, увѣнчаннаго яблокомъ державы. И вотъ тихо заколебалась она въ воздухѣ, потрясенномъ густыми звуками ея колоколовъ, и гармоническій звонъ разлился по всей окрестности, пробуждая отголосокъ дальнихъ церквей.

«Покамѣстъ продолжится благовѣстъ, сказалъ я моему спутнику, мы еще поспѣемъ взойти на колокольню и обозрѣть оттолѣ знакомую окрестность.»

Обширная равнина развилась предъ нами съ ея вершины; на ней, какъ на узорчатой хартіи землемѣра, указывали мы другъ другу села и рощи, часто посѣщаемыя нами; какое-то странное дѣтское чувство овладѣло сердцемъ: намъ весело было, однимъ взглядомъ и мгновеньемъ обнять много разновременныхъ воспоминаній и, какъ бы вчуждѣ, повѣрять издали собственныя впечатлѣнія. Прежде всего остановился взоръ на густой сосновой рощѣ и на трехъ обширныхъ прудахъ, облегающихъ стѣны обители. Лѣсной мракъ и ясность водъ рѣзко спорили между собою, но и лѣсъ и воды оживлены были толпами народа, которыя пестрѣли между деревъ и на берегу, ожидая крестнаго хода для водосвященія въ первый день Августа.

Богатая слобода Покровская, по Клинской дорогѣ, съ многими деревнями, бывшими нѣкогда волостью св. Іосифа, и древній Буйгородъ на пути къ Волоколамску, удѣлъ его Князей, и за рощею сосѣдняя усадьба Давыдова, составляли ближнюю окрестность обители, но взоры наши стремились далѣе на самый горизонтъ. Тамъ, какъ блѣдный призракъ, отвсюду видимый, высоко подымалась бѣлая церковь Латошина, на рубежѣ Москвы и Твери, древнее родовое село Князей Мещерскихъ, и влѣво отъ него выглядывалъ изъ безконечныхъ аллей маіоратъ Чернышевыхъ, роскошный зданіями Ярополецъ.

«За щитомъ Чернышевыхъ не видать твоего живописнаго Яропольца, говорилъ я спутнику, но кажется онъ довольно памятенъ намъ и заочно. Жаль, что тѣ же аллеи заслонили отъ насъ Ѳедоровское и Колпь Шаховскихъ, одну изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ нашихъ; но за то вотъ видно на высотѣ

Суворово, гдѣ мы привыкли встрѣчать другъ друга на пути къ Ботову, и вотъ самое Ботово въ своей веселой долинѣ, куда такъ часто стремимся изъ Яропольца въ семейный кругъ брата. Мнѣ пріятно собрать предъ тобою, какъ бы въ одну точку, всѣ сіи мѣста, чтобы память ихъ сильнѣе врѣзалась въ твое сердце, когда въ скоромъ времени разсѣется все радушное общество, нынѣ ихъ оживляющее, и мы сами отлучимся далеко. Не всегда случается въ жизни, такъ отрадно и свободно, смотрѣть на окружающіе предметы, и въ каждомъ находить себѣ утѣшеніе. О какъ часто человѣкъ пожелалъ бы лучше укрыться отъ своего настоящаго! Но благовѣстъ кончился, сойдемъ въ церковь.»

Прямо съ колокольни спустились мы подъ низменные своды темной церкви св. Іосифа Волоколамскаго, бывшей нѣкогда общею усыпальницею братій. Отпечатокъ первобытнаго назначенія остался ей и понынѣ. Она представляется обширною гробницею, поддержанною шестью тяжелыми столбами, и весь помостъ былъ нѣкогда усѣянъ каменными крышами гробовъ; но Митрополитъ Платонъ велѣлъ сравнять ихъ, кромѣ четырехъ. По правую руку въ придѣлѣ Св. Троицы, покоится подъ спудомъ знаменитый основатель обители св. Игуменъ Іосифъ; гробница его съ балдахиномъ богато украшены серебромъ.

«Гробъ великаго мужа, благословеніе цѣлому краю, сказалъ я. Намъ же живущимъ въ предѣлахъ, гдѣ подвизался сей великій угодникъ, должно болѣе другихъ знать его заслуги, ибо онъ былъ свѣтильникомъ своего времени. Село Язвище близъ Волока— его родина и отчина; Возмищскій монастырь, котораго одинокую церковь показывалъ я тебѣ на одной

изъ высотъ города, мѣсто его постриженія; но онъ созрѣлъ въ совершенствахъ иноческой жизни въ Боровскѣ, подъ назиданіемъ великаго Игумена Пафнутія, котораго сдѣлался преемникомъ. Помня однакоже обѣщаніе старца, что самъ онъ будетъ основателемъ новой обители, Іосифъ уединился въ густые лѣса своихъ отечественныхъ предѣловъ и здѣсь избралъ себѣ жилище. Скоро собрались къ нему отшельники и братъ Великаго Князя Іоанна III, Князь Борисъ Волоколамскій, славившійся своимъ благочестіемъ, далъ ему земли и средства воздвигнуть церковь во имя Успенія и оградить монастырь.—Посмотри, вотъ за нѣсколько шаговъ отъ насъ каменный гробъ Князя Бориса».

—«Но чей же другой, совершенно подобный, стоитъ съ нимъ рядомъ?»—

«Это гробъ его сына Князя Ѳеодора, который гналъ св. Іосифа. Какъ все уравниваетъ и умиряетъ смерть! Тотъ же монастырь великодушно принялъ обоихъ, и теперь нельзя отличить гонителя отъ благодѣтеля. Но тяжелъ былъ этотъ Князь Ѳеодоръ Іосифу: десять лѣтъ расхищалъ онъ его достояніе и оскорблялъ иноковъ; тщетно умолялъ Игуменъ: наконецъ, чтобы не предать обитель запустѣнію, прибѣгнулъ подъ покровительство Великаго Князя Василія Іоанновича, который отписалъ къ себѣ монастырь. Съ другой стороны Князь Ѳеодоръ обратился съ жалобою къ Архіепископу Новгорода Серапіону, въ епархіи котораго находился Волоколамскъ, и Владыка, повѣривъ клеветамъ, отлучилъ Іосифа. Въ свою чреду былъ призванъ Серапіонъ оправдаться предъ Соборомъ въ Москвѣ, и тамъ лишенъ каѳедры Митрополитомъ Симономъ, который разрѣ-

шилъ Іосифа отъ несправедливаго запрещенія; тогда уже Новгородъ покорялся Москвѣ и его Владыкѣ. Свято окончилъ Серапіонъ дни свои въ уединеніи Троицкой обители, но еще до кончины примирился съ Игуменомъ, и ихъ духовный союзъ послужилъ къ обращенію самого Князя Ѳеодора.

«Іосифъ, самый образованный мужъ своего вѣка, смѣлый духомъ и словомъ, гремѣлъ обличеніями на Московскомъ Соборѣ противъ новой ереси жидовствующихъ Новгородцевъ и оставилъ по себѣ многія писанія, которыя хранятся въ здѣшнемъ храмѣ надъ алтаремъ въ библіотекѣ, замѣчательной своими рукописями. Онъ преставился въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1516 году. Ученики наслѣдовали его славу и даже были нелюбимы за свое просвѣщеніе и ревность: имъ присвоено было имя Іосифлянъ. Одинъ ученикъ Гурій, первый возведенъ былъ въ Архіепископы покоренной Казани и тамъ прославился чудесами по смерти.—Другой Даніилъ долго правилъ Церковью, въ санѣ Митрополита Московскаго, но былъ свергнутъ съ престола и заточенъ здѣсь въ малолѣтство Іоанна Грознаго; тамъ въ углу стоитъ его каменный гробъ. Но память его помрачена гоненіями на Максима Грека, сего образованнаго и кроткаго Святогорца, который былъ вызванъ изъ Аѳона для исправленія книгъ церковныхъ и заточенъ Василіемъ Іоанновичемъ за то, что не соглашался на разводъ его съ Соломоніею.

«И другаго знаменитаго затворника видѣла въ стѣнахъ своихъ сія древняя обитель, хотя только на нѣсколько дней. Сюда былъ привезенъ развѣнчанный, силою постриженный, Царь-инокъ Василій Іоанновичъ Шуйскій, и здѣсь ожидало его новое,

*

еще тягчайшее поруганіе. Здѣсь Царь былъ выданъ своими подданными Гетману Жолкевскому, покорившему его столицу, и отселѣ увлеченъ къ Смоленску, вмѣстѣ съ двумя братьями, для торжества Сигизмунду, котораго однако же посрамилъ онъ величіемъ духа при тяжкомъ свиданіи.

«Еще одно воспоминаніе того же смутнаго времени, но болѣе отрадное, осталось Іосифовой обители. Подъ стѣнами ея была одержана воеводою Валуевымъ побѣда надъ сообщникомъ Тушинскаго лже-Димитрія, Княземъ Рожинскимъ, который овладѣлъ уже монастыремъ, и здѣсь утѣшены были сердца Русскія освобожденіемъ изъ плѣна Митрополита Ростовскаго Филарета Никитича, котораго захватили Литовцы посреди его паствы. Въ память сего отечественнаго подвига оставлены монастырю пушки, отнятыя на побоищѣ у Литвы, и ты услышишь ихъ торжественные выстрѣлы во время водоосвященія на прудахъ.—Но уже началось пѣніе и совершается литургія; взойдемъ въ соборъ.»

Торжественно было служеніе Архимандрита Гавріила съ братіею въ величественномъ храмѣ Успенія, воздвигнутомъ св. Іосифомъ, помощію Князей Бориса и сына его Іоанна, въ Византійскомъ вкусѣ того времени. Шесть четверогранныхъ столбовъ, изъ коихъ два въ алтарѣ закрыты высокимъ вызолоченнымъ иконостасомъ, поддерживаютъ круглыя арки, на коихъ лежитъ высокій куполъ, и широкая паперть окружаетъ съ двухъ сторонъ церковь, отъ запада и юга, по обычаю старинныхъ церквей. Весь соборъ былъ наполненъ народомъ; по окончаніи литургіи начался крестный ходъ на воды. Спустившись съ высокаго крыльца, потянулся онъ мимо каменнаго

теплаго собора Богоявленія и трапезы братской ко святымъ вратамъ, надъ коими воздвигнута церковь во имя Апостоловъ Петра и Павла; потомъ, поворотивъ вдоль ограды около узорочной Германовой башни, такъ названной въ память погребеннаго подъ нею Архимандрита, направился вдоль восточной стѣны на одинъ изъ обширныхъ прудовъ, облегающихъ обитель. Звону колоколовъ отозвались выстрѣлы орудій при погруженіи креста, какъ бы на память освобожденія Филарета и побѣды надъ Литвою, въ тотъ самый день, когда Церковь торжественнымъ ходомъ празднуетъ двоякую побѣду Императора Византійскаго Мануила надъ Сарацинами и Князя Андрея Боголюбскаго надъ Болгарами, и выноситъ знаменіе креста, даровавшаго успѣхъ обоимъ Государямъ.

Окончился ходъ, народъ разсыпался по рощѣ, опустѣла обитель; мой спутникъ звалъ меня домой.

«Мы еще не посѣтили одной могилы, сказалъ я, пойдемъ опять въ ограду за алтарь большаго Успенскаго собора.»

—«Что значитъ, спросилъ онъ меня, этотъ бронзовый крестъ на мраморной плитѣ, какъ бы надломленный и составленный изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ длинными волосами?—На какомъ языкѣ сія незнакомая надпись?»

«Буквы Грузинскія, отвѣчалъ я, а подобнымъ крестомъ, связаннымъ изъ виноградныхъ лозъ собственными волосами, обратила нѣкогда св. Нина всю Грузію къ Христіанству. Она пришла изъ Іерусалима въ IV вѣкѣ и, поселясь въ виноградникахъ царскихъ въ Тифлисѣ, крестомъ исцѣляла болящихъ, доколѣ Царь, тронутый ея чудесами,

не оставилъ мракъ язычества со всѣмъ своимъ народомъ.»

—«Ты говоришь мнѣ о св. Нинѣ, какъ бы желая отклонить вопросъ о той, которая покоится здѣсь подъ сѣнію, вѣроятно родственною св. Нины.»

«Ты угадалъ, пришелица благословенной страны ея отдыхаетъ здѣсь, такъ далеко отъ своей отчизны. Казалось, она только для того переступила родственный ей Кавказъ, чтобы здѣсь поблекнуть во цвѣтѣ лѣтъ!—Но, умирая на чужбинѣ, она просила не забывать объ ней въ молитвахъ.... другъ мой, помолись и ты за упокой усопшей сестры!»

1835 г.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОСѢЩЕНІИ СВЯТЫНИ

МОСКОВСКОЙ

ГОСУДАРЕМЪ НАСЛѢДНИКОМЪ.

Благопріятный случай доставилъ мнѣ утѣшеніе, на обратномъ пути изъ Воронежа, слѣдовать близко, за торжественнымъ поѣздомъ Его Высочества,— можно сказать брачнымъ, ибо, по выраженію Жуковскаго, это было какъ бы всенародное обрученіе Государя Наслѣдника съ Россіею. Невѣста достойна Жениха и оба въ полномъ цвѣтѣ и силѣ. Отрадно было слышать по всей дорогѣ единодушныя благословенія Царственному юношѣ, видѣть восторгъ, который еще живо выражался въ рѣчахъ, во взорахъ каждаго; движеніе нравственное, произведенное симъ путешествіемъ, невыразимо; общая жизнь пробудилась внезапно по необъятному государству, и всѣ черпали ее въ томъ же источникѣ любви къ единому предмету.

Въ окрестностяхъ Калуги встрѣтился со мною В. А. Жуковскій и предложилъ ѣхать въ Новый Іерусалимъ, чтобы сравнить для Великаго Князя древній, знакомый мнѣ храмъ Св. Гроба съ Воскресенскимъ его подобіемъ. Когда же продолжалъ я сопутствовать Его Высочеству въ лавру и по обителямъ Московскимъ, то сіе благоговѣйное странствованіе произвело на меня столь глубокое впечатлѣніе, что я пожелалъ мысленно вновь пережить, для себя и для другихъ, высокія минуты, въ которыя какъ бы опять повторилось святое минувшее нашихъ лѣтописей, на тѣхъ же славныхъ мѣстахъ,—и нынѣ излагаю то, что видѣлъ и слышалъ.

1837 г.

МОСКОВСКІЕ МОНАСТЫРИ.

I.

ЧУДОВЪ.

Иванъ Великій потрясалъ воздухъ гуломъ колоколовъ, и понятенъ былъ радостный говоръ многоязычной семьи его. Онъ шумно бесѣдовалъ съ столицею; какъ исполинъ, черезъ Кремлевскія стѣны, передавалъ онъ во всѣ концы ея клики народные, гремѣвшіе у его подошвы, и былъ въ глубокомъ небѣ отголоскомъ земли Русской, которая привѣтствовала своего Наслѣдника, вступавшаго въ святыню храмовъ уже совершеннолѣтнимъ.

Въ Чудовѣ монастырѣ у дверей, ведущихъ изъ малаго дворца въ ту самую церковь Благовѣщенія, гдѣ за девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ принялъ святое крещеніе Царственный младенецъ, сидѣлъ въ мантіи Митрополитъ Московскій, окруженный своимъ клиромъ; онъ ожидалъ опять свѣтлаго гостя, котораго уже привѣтствовалъ краснорѣчивымъ словомъ въ Успенскомъ соборѣ. Скоро представилось очамъ трогательное зрѣлище:—посреди восточнаго великолѣпія нашихъ церковныхъ обрядовъ шествовалъ Великій Князь, самъ безъ всякой пышности,

кромѣ той, какую щедро излила на него природа, и казался однимъ изъ тѣхъ небесныхъ юношей, которые тайно участвуютъ въ божественной службѣ. Въ сосѣднемъ придѣлѣ св. Митрополита Алексія скрылось торжественное шествіе, но изъ-за таинственной завѣсы, отдѣлявшей мощи Святителя отъ возобновляемой церкви Благовѣщенія, внезапно раздалось тихое пѣніе;—пѣли тропарь Алексію, великому заступнику земли Русской, державшему кормило не только Церкви, но и царства, который щитомъ вѣры отражалъ Орду и умирялъ Князей, руководя юнаго Димитрія до славнаго имени Донскаго.

II.

ДОНСКОЙ И ДАНИЛОВЪ.

Съ Донской обители началось обозрѣніе. Митрополитъ Филаретъ, встрѣтивъ Великаго Князя, повелъ съ духовнымъ торжествомъ въ соборный храмъ Донскія Богоматери. Тамъ, предъ Ея чудотворною иконою, разсказалъ онъ о избавленіи столицы отъ Хана Крымскаго Казы Гирея: какъ прибѣгалъ къ покрову Владычицы благочестивый Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ; какъ обносили по стѣнамъ икону Ея, бывшую нѣкогда съ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, и поставили въ церкви Преподобнаго Сергія, посреди стана ратныхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сооруженъ впослѣдствіи теплый соборъ, и какъ внезапно бѣжали полчища невѣрныхъ. Потомъ обратилъ онъ вниманіе Государя Наслѣдника на красоту большаго собора, воздвигнутаго уже въ позднѣйшія

времена Итальянскимъ зодчимъ по волѣ Царевны Маріи Алексѣевны; ввелъ и во внутренность величественнаго алтаря и указалъ позади иконостаса хоры. съ коихъ буйная чернь Московская совлекла несчастнаго Архіепископа Амвросія за то, что во время мороваго повѣтрія укрылъ икону отъ стеченія народнаго. Въ тепломъ соборѣ Великій Князь видѣлъ гробъ страдальца и, осмотрѣвъ прочія церкви, поспѣшилъ въ Даниловъ сосѣдній монастырь поклониться нетлѣннымъ останкамъ святаго сына Невскаго. Данiилъ Александровичъ, первый Князь Московскій, почиваетъ въ схимѣ на мѣстѣ своего подвига въ созданной имъ первоначально обители, окруженный вѣковою славою нѣкогда убогаго удѣла, возросшаго въ огромнѣйшее царство. Посѣщеніемъ Александрійскаго дворца съ его очаровательнымъ Нескучнымъ садомъ и двухъ больницъ, Князя Голицына и Городской, окончилась сія первая поѣздка, начатая благочестіемъ, заключенная дѣлами милосердія.

III.

СИМОНОВЪ, КРУТИЦЫ И НОВОСПАССКІЙ.

Симоновъ, Крутицы и Новоспасскій монастырь были предметомъ второй. Митрополитъ выѣхалъ на встрѣчу Великому Князю, котораго ожидали изъ села Коломенскаго, любимаго пребыванія дома Романовыхъ. Тихое, гармоническое пѣніе иноковъ Симоновскихъ раздалось въ древней ихъ соборной церкви Успенія, основанной сыномъ Донскаго. Готическая трапеза св. Сергія, мѣсто молитвы набожнаго

Царя Ѳеодора Алексѣевича, гдѣ устроилъ онъ для себя келліи на время постовъ, привлекла вниманіе Цесаревича. Онъ взошелъ и на его узорочный теремъ, насладиться оттолѣ великолѣпнѣйшею картиною:—Москва, его наслѣдіе, лежала вся предъ очами, за излучистымъ теченіемъ рѣки, за веселою зеленью прибрежныхъ луговъ; бѣлый, многоглавый Кремль горѣлъ золотомъ крестовъ своихъ, какъ обширный вѣнецъ, обвивающій древнее чело столицы, которая вся стремилась къ небу своими безчисленными церквами и колокольнями и, въ лучахъ яркаго солнца, казалась болѣе селеніемъ горнимъ, нежели земнымъ.

Съ вершины терема указалъ Митрополитъ древнюю церковь Рождества Богоматери, на мѣстѣ первоначальной обители устроенную съ благословенія св. Сергія, племянникомъ его Ѳеодоромъ, вѣроятно на память Донской битвы, которая случилась въ сей праздникъ. Тамъ почиваютъ неразлучно два духовные витязя страшнаго побоища Мамаева, оба данные Сергіемъ въ сподвижники Донскому, иноки Пересвѣтъ и Осляба. Первый изъ нихъ началъ сѣчу единоборствомъ съ Ордынскимъ исполиномъ и запечатлѣлъ кровію начало освобожденія своей родины. Недалеко отъ церкви малый прудъ подъ сѣнію деревъ ископанъ по преданію трудами самого преподобнаго Сергія. Долго восхищался Цесаревичъ красотою видовъ и славою воспоминаній.

Другія воспоминанія ожидали его въ Крутицахъ, древней упраздненной епархіи Митрополитовъ Сарскихъ и Подонскихъ. Сперва посѣтилъ онъ двухъярусный соборъ, нижняя церковь коего во имя Петра и Павла освящена еще при первомъ Князѣ Даніилѣ

Московскомъ; верхняя же Успенская служила сборнымъ мѣстомъ для защитниковъ отечества 1612 года, когда въ виду пылающей столицы клялись они своими душами отстоять Русь и выгнать лютыхъ чужеземцевъ. Сей древній Архіерейскій домъ, куда переведены были Іоанномъ III Епископы Сарая, ослабѣвшей столицы Хановъ, сдѣлался каѳедрою Намѣстниковъ Патріаршихъ, Митрополитовъ Крутицкихъ. Когда же послѣ Патріаршества образовалась отдѣльная епархія Московская, а мѣсто Крутицкой заступили сперва Сѣвская, потомъ Калужская, тогда опустѣлъ и старинный домъ Митрополитовъ; но всѣ церкви сохранялись до нашествія Французовъ. Движимый ревностію къ священной старинѣ, Великій Князь не уклонился посѣтить упраздненную домовую церковь Архіереевъ, во имя Воскресенія Христова, съ придѣломъ Николая Чудотворца, гдѣ изсѣчены были на стѣнахъ имена почивающихъ тутъ Святителей, и тогда же изъявилъ желаніе видѣть ее возобновленною.

Малое пространство отдѣляетъ отъ Крутицъ монастырь Новоспасскій; толпа народа шумными кликами привѣтствовала потомка Романовыхъ предъ вратами обители, которую предки ихъ избрали себѣ для вѣчнаго покоя. Слѣдуя за крестнымъ ходомъ, Великій Князь вступилъ на соборную паперть и, надъ его главою, развилось родословное древо Князей Русскихъ, начертанное вдоль всего свода. Мысль богатая: святые Владиміръ и Ольга поливаютъ въ купели насажденное древо, изъ корня коего роскошно вырастаетъ Ярославъ великій со всѣмъ своимъ потомствомъ. Медленно подвигался Цесаревичъ, подъ сѣнію своихъ предковъ, внутрь храма, какъ бы до-

стигая, на концѣ сей длинной родословной цѣпи, того свѣтлаго звѣна, которое ему было предназначено.

Въ тепломъ соборѣ Покрова Богоматери, предъ чудотворною иконою Спаса Хлыновскаго, принесенною изъ Вятки, Митрополитъ разсказалъ еще недавнее чудо, случившееся во время Московскаго пожара, когда пламя не перешло за черту шествія сей иконы поперегъ пепелища. Онъ указалъ на ризу ея, только до половины похищенную Французами, въ знаменіе того, что Провидѣніе за грѣхи наши, попустивъ святотатство, удержало самихъ святотатцевъ. Великій Князь, внимая рѣчамъ Преосвященнаго Филарета, напомнилъ самъ, что и въ Успенскомъ соборѣ повторилось тоже чудо надъ серебряною ракою Святителя Іоны, коего мощи остались неприкосновенными посреди общаго разоренія.

Холодный Спасскій соборъ сего замѣчательнаго монастыря, основаннаго Іоанномъ III въ годъ избавленія отъ Татаръ, возобновлялся при посѣщеніи Государя Наслѣдника; съ любопытствомъ разсматривалъ онъ на стѣнахъ алтаря портреты десяти Патріарховъ нашихъ, въ особенности же портретъ родоначальника Святѣйшаго Филарета, и взошелъ въ ризницу, хранящую благочестивые дары его предковъ. Три монастыря, которые постепенно посѣтилъ онъ въ теченіи одного утра, хронологически ознаменовали сверженіе ига Монгольскаго:—Симоновъ побоище Мамая, Крутицы упадокъ Орды, Новоспасскій совершенное освобожденіе.

Сходя съ паперти соборной, Его Высочество увидѣлъ, на основаніи столбовъ ея, изображенія Омира, Орфея, Платона и другихъ поэтовъ и философовъ Греціи, и пожелалъ знать причину стран-

наго ихъ появленія у входа въ Христіанскую святыню. «Отцы наши, отвѣчалъ Митрополитъ, хотѣли тѣмъ выразить, что никогда языческая мудрость не восходила выше нижнихъ ступеней Христіанскаго храма.» Подъ мрачными сводами собора открылось умилительное зрѣлище: Архимандритъ обители, въ полномъ облаченіи, со свѣчею въ рукѣ, водилъ юнаго Романова по гробницамъ его предковъ, расположенныхъ въ томъ родословномъ порядкѣ, въ какомъ отходилъ къ покою именитый домъ сей, постепенно принимавшій названіе отъ дѣда, по обычаю того времени, сперва Захарьиныхъ, потомъ Юрьевыхъ, наконецъ Романовыхъ, доколѣ не утвердился царственно на этомъ славномъ имени. Великая инокиня Марѳа, посестрія, т. е. бывшая супруга Патріарха Филарета, съ малолѣтными дѣтьми своими заключаетъ въ Новоспасскомъ родовую усыпальницу Романовыхъ, которая въ одномъ ея семействѣ раздѣлилась на три храма: она съ младенцами, по древней памяти боярства, осталась въ обители, Патріархъ Филаретъ святительски опочилъ въ Успенскомъ соборѣ, а сынъ его началъ новую царственную скрижаль въ Архангельскомъ соборѣ.

Хотя я описываю только посѣщеніе обителей, не могу однакоже умолчать о праздникѣ, даннымъ Его Высочеству Княземъ Сергіемъ Михайловичемъ Голицынымъ въ Подмосковномъ селѣ его Влахернскомъ. Не стану говорить о радушномъ угощеніи хозяина, въ которомъ сохранился образецъ родовыхъ вельможъ нашихъ: пышность торжества соотвѣтствовала высокому назначенію; но видѣть Москву, почти опустѣвшую для сего праздника, болѣе десяти тысячъ экипажей, тѣсняцихся по дорогѣ на разстояніи восьми

верстъ, и толпы народа, наполняющія весь обширный садъ, и въ темнотѣ вечера слышать одно необъятное ура, вытекающее изъ всѣхъ его клумбъ,— вотъ что было по истинѣ трогательно. Русскій бояринъ давалъ пиръ Русскому Наслѣднику, а незванная Москва собралась въ гости къ доброму хозяину и сдѣлала частное его веселіе общенароднымъ.

VI.

НОВЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ.

30 іюля опредѣлено было для посѣщенія обители Воскресенской, и дорога къ ней пролегала мимо села Тушина, гдѣ такъ долго держался второй Лжедимитрій, устрашая столицу именемъ Тушинскаго вора; немного далѣе лежитъ другое историческое село Чернево, Никоновъ Назаретъ, гдѣ Патріархъ вынужденъ былъ отдать посохъ святаго Петра, взятый имъ изъ собора Успенскаго въ послѣдній таинственный приходъ свой, и гдѣ въ скоромъ времени услышалъ онъ третій зовъ на судъ Вселенскихъ Патріарховъ. Братія основанной имъ обители торжественно приняла, во святыхъ вратахъ Элеонскихъ, высокаго Посѣтителя, идущаго въ ихъ Іерусалимъ.

Уединенно стоялъ я въ пещерѣ святаго Гроба, когда Великій Князь, отслушавъ многолѣтіе посреди храма Воскресенія, взошелъ на колѣняхъ, сквозь низкое отверстіе во внутренность вертепа. Съ благоговѣніемъ простерся онъ предъ подобіемъ той гробницы, которая, по выраженію Шатобріана, одна только изъ всѣхъ гробницъ, никого не отдастъ изъ

нѣдръ своихъ въ послѣдній день.—Бездна божественныхъ воспоминаній, необычайность самаго вертепа поразили Царственнаго поклонника. Видя его простертаго на молитвѣ предъ священнымъ гробомъ, помыслилъ я о державныхъ богомольцахъ Запада и Востока, приходившихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ разрѣшать свои обѣты въ святилищѣ Іерусалимскомъ, и весь исполнился минувшаго. На гробовой плитѣ лежала перламутровая раковина съ изображеніемъ Рождества Спасителя и поклоненія Пастырей и Волхвовъ;—я предложилъ пришедшему, подобно имъ, на поклоненіе Христу Богу взять съ подобія Христова ложа сію икону, принесенную отъ самаго гроба Господня, какъ память и благословеніе Святой земли.

Его Высочеству угодно было, по выходѣ изъ пещеры, отдохнуть нѣсколько въ келліяхъ настоятельскихъ, чтобы тѣмъ временемъ дать разойтись народу изъ храма. Пользуясь симъ краткимъ отдыхомъ, показалъ я Цесаревичу планы обоихъ Іерусалимовъ, почти совершенно сходные между собою, и сказалъ нѣсколько словъ о начальномъ устроеніи обители Патріархомъ Никономъ. Рѣчь зашла о Востокѣ, Царьградѣ, и св. Софіи; Жуковскому хотѣлось, чтобы Его Высочество слышалъ одно преданіе, подъ названіемъ Цареградская обѣдня: какъ въ самый часъ завоеванія Константинополя, Патріархъ совершалъ литургію соборно въ храмѣ Софійскомъ, какъ заключился алтарь предъ толпою невѣрныхъ, ворвавшихся въ святилище, и какъ продолжается донынѣ сія таинственная служба до завѣтнаго дня освобожденія. Преданія простонародныя о пришествіи Сѣверныхъ людей для избавленія Царьграда и Святаго

града такъ вкоренены на Востокѣ, что ими объясняютъ тамъ всегдашнее заключеніе златыхъ воротъ Константиновыхъ и вербныхъ Спасителя, которые даже закладены камнемъ.

Прошедши бѣгло соборъ Виѳлеема и его исподнія церкви, только именемъ напоминающія Палестинскія, Его Высочеству угодно было идти сперва въ Никоновъ скитъ, чтобы ознакомиться тамъ съ оригинальнымъ характеромъ человѣка, которому пришло на мысль создать въ своемъ отечествѣ свой Іерусалимъ. Мы спустились изъ Западныхъ воротъ обители, по каменному крыльцу, въ долину на берегъ Истры; малая густая роща осѣняла живописную покатость. Іосафатовою зовется долина, потому что вдоль ея ископанъ Никономъ Кедронскій потокъ, для бо́льшаго подобія, хотя самая мѣстность не похожа здѣсь на Іерусалимскую: Кедронъ долженъ протекать съ запада, а не съ востока, и гористое положеніе Воскресенской обители болѣе напоминаетъ съ сей стороны храмъ Соломоновъ на высотахъ Моріи, нежели храмъ Св. Гроба, находящійся внутри города.

Скитъ Никона стоитъ уединенно посреди долины. Тамъ, по подобію древнихъ скитниковъ Сиріи, искалъ онъ безмолвія во время строенія храма и провелъ восемь лѣтъ въ своенравномъ заключеніи, которое сдѣлало столько вреда ему лично и самой Церкви, прежде заточенія его на Бѣломъ озерѣ. Сперва взошелъ Великій Князь въ подземную часть страннаго столпа, гдѣ были келліи послушниковъ, кухня, кладовая, все на пространствѣ не болѣе трехъ квадратныхъ саженъ; узкая высокая лѣстница, по коей весьма трудно было подыматься и еще труднѣе спускаться, привела въ три жилыя келліи

самого Патріарха, тогоже размѣра; еще выше находилась его молельня и церковь Богоявленія, гдѣ онъ ежедневно совершалъ литургію, какъ простой пресвитеръ. Великій Князь удивлялся тѣснотѣ церкви и келлій, тѣмъ болѣе, что Никонъ, судя по описаніямъ и портретамъ, былъ очень высокаго роста; тутъ же и самая трапеза, бывшая вмѣстѣ письменною келліею, съ его современнымъ портретомъ и дубовымъ столомъ, на коемъ онъ занимался. Я разсказалъ видѣніе, которое имѣлъ на этомъ мѣстѣ Никонъ, своеручно имъ изложенное въ письмѣ къ Царю Алексѣю Михайловичу: оно хранится въ Патріаршей библіотекѣ.

Послѣ долгаго бдѣнія и поста, Патріархъ впалъ въ тонкое дреманіе, и ему мечталось быть въ Успенскомъ соборѣ. Вотъ онъ въ сонмѣ усопшихъ Святителей, которые всѣ стоятъ вокругъ стѣнъ, каждый у своего гроба, въ свѣтлой одеждѣ; одинъ же благолѣпный старецъ ходитъ около съ хартіею въ рукахъ, и отбираетъ у всѣхъ руки. Изумленный Никонъ спросилъ его: что творитъ соборъ сей? и услышалъ въ отвѣтъ: избираемъ паки святѣйшаго Никона на престолъ Патріаршій.—Ты же подписался ли? дерзнулъ опять спросить его Никонъ, и старецъ развернулъ предъ нимъ хартію, а на ней подпись: смиренный Іона Митрополитъ:—это былъ самъ чудотворецъ. Въ ужасѣ приступилъ Патріархъ къ своему мѣсту,—на немъ стоитъ другой святый мужъ, Петръ Митрополитъ;—Никонъ проснулся.

Для памяти посѣщенія, Его Высочеству угодно было начертать на стѣнѣ имя свое подъ портретомъ Никона. Еще выше тѣснѣйшая церковь верховныхъ Апостоловъ и короткое каменное ложе Патріарха въ

его лѣтнемъ теремѣ обратили вниманіе Великаго Князя. Съ вершины пустыннаго столпа я сталъ называть ему живописную окрестность именами Палестинскими, какія далъ имъ чудный отшельникъ: Ѳаворъ и Эрмонъ, Рама и Элеонъ и село Скудельничье обозначили вокругъ священный горизонтъ, и своенравная воля Никона какъ будто вдвинула въ предѣлы нашего отечества цѣлый участокъ земли обѣтованной.

Возвратясь въ храмъ Воскресенія, мы взошли опять въ гробовую пещеру. Великій Князь, услышавъ, что въ Іерусалимѣ стѣны ея обложены мраморомъ и что тридцать шесть лампадъ, даянія по большей части царственныя, горятъ надъ Св. Гробомъ, изъявилъ желаніе украсить мраморомъ священную храмину и обѣщалъ отъ себя лампаду.

Оттолѣ поднялись на хоры; съ царской арки восхищался Государь Наслѣдникъ стройною красотою зодчества, при разнообразіи частей храма. Трогательныя минуты ожидали насъ въ сосѣднемъ придѣлѣ св. Александра Невскаго, устроенномъ по усердію Государя Императора, въ годъ рожденія своего первенца. Жуковскій снялъ со стѣны рескриптъ на имя Архіепископа Августина, и подалъ Великому Князю, который прочелъ въ слухъ радостную вѣсть о своемъ рожденіи и чувства благодарности Августѣйшаго родителя Богу, сохранившему мать и младенца;—а сей младенецъ уже стоялъ предъ нами величественнымъ юношею; онъ нѣжно обнялъ своего добраго наставника и, написавъ на оборотѣ рескрипта имя свое, обѣщалъ также лампаду къ иконѣ Невскаго.

Многочисленныя церкви на хорахъ, библіотека

съ нѣкоторыми древними рукописями, изъ коихъ немногія однакоже восходятъ далѣе временъ Никона. портретъ его, писанный во весь ростъ въ кругу учениковъ, поперемѣнно привлекали взоры Его Высочества, и онъ сожалѣлъ, что время и сырость истребляютъ краски сего портрета. Открыли ризницу, наполненную по большей части воспоминаніями одного Патріарха, его утварью домовою и служебною; модели Іерусалимскаго и Виѳлеемскаго соборовъ въ особенности были любопытны. Тамъ же хранятся панагія и сосуды, пожертвованные Государемъ Императоромъ при сооруженіи придѣла Невскаго. Такимъ образомъ память о своемъ благословенномъ рожденіи повсюду сопутствовала Цесаревичу, посреди возвышенныхъ воспоминаній о новой жизни, даруемой намъ чрезъ воскресеніе Христово.

Когда спустились съ хоровъ, я продолжалъ сравнивать Его Высочеству оба Іерусалима и постепенно указывалъ гробы Іосифа и Никодима, мѣсто гдѣ явился Спаситель Магдалинѣ, обращенное въ церковь благочестіемъ Императрицы Маріи, Геѳсиманію съ темницею и придѣлы: Лонгина сотника, Раздѣленія ризъ и Терноваго вѣнца. Мы сошли и въ подземную церковь Царицы Елены. Государь Наслѣдникъ сѣлъ на ея каменное мѣсто у того окна, отколѣ смотрѣла она въ Іерусалимѣ, какъ отрывали залогъ искупленія, и я мысленно пожелалъ ему той радости, какую чувствовала Елена, когда обрѣла честный Крестъ. У колодца обрѣтенія, на самой оконечности храма, Цесаревичъ еще однажды желалъ знать, все ли это подземелье подобно Іерусалимскому? и услышалъ, что все такъ, исключая колодца, котораго тамъ нѣтъ.

Величественно представился взорамъ алтарь главнаго Воскресенскаго храма съ пятью Патріаршими мѣстами и семиярусными хорами, на память Вселенскихъ Соборовъ. Я объяснилъ, по древнему чиноположенію, мѣста занимаемыя Восточною Іерархіею, во время общихъ совѣщаній или богослуженія: каѳедра Константинопольскаго Патріарха, какъ старшаго Архіерея, на срединѣ; по сторонамъ ея стоятъ: направо каѳедра Александрійскаго, налѣво Антіохійскаго, а мѣста Іерусалимскаго и Московскаго, какъ младшихъ, по краямъ. Великому Князю понравилась глубокая мысль древле совершавшагося обряда, когда постепенно восходили пѣвчіе на вершину хоровъ алтаря, по мѣрѣ возрастающей важности литургіи, и самъ онъ, какъ бы подражая сему таинственному восходу, Голгоѳою заключилъ обозрѣніе храма, поднявшись на нее изъ алтаря скорбнымъ путемъ Спасителя.

Тамъ, съ чувствами благочестиваго любопытства, Государь Наслѣдникъ распрашивалъ о священной мѣстности Голгоѳы: таковъ ли скорбный путь на нее въ Іерусалимѣ? и какъ обсѣчена тамъ скала? и гдѣ самое мѣсто водруженія Креста? и какимъ образомъ спускаютъ здѣсь и тамъ плащаницу съ Голгоѳы, подражая снятію со Креста божественнаго Тѣла?—Въ сихъ живыхъ вопросахъ сіяла чистая, пламенная любовь къ Искупителю, и утѣшительно было удовлетворять имъ, бесѣдовать о событіяхъ Голгоѳы съ тѣмъ, кто глубоко проникнутъ ея воспоминаніями. Еще умилительнѣе было видѣть Великаго Князя, приникшаго челомъ къ самому отверстію камня, гдѣ нѣкогда водруженъ въ Іерусалимѣ залогъ нашего спасенія; подобіе сего великаго

креста осѣнило здѣсь, во всю высоту свою, смиренно припавшаго къ его подножію.

Наконецъ мы сошли съ Голгоѳы въ то подземелье, гдѣ, по преданіямъ Палестинскимъ, выпала изъ разсѣлины глава искупленнаго Адама, гдѣ воздвигнутъ алтарь Предтечи, послѣдняго Пророка о грядущемъ Христѣ, и гдѣ гробница Мелхиседека, бывшаго образомъ Христовымъ. Въ Палестинѣ два царственные витязя лежатъ на стражѣ сего подземнаго храма, освобожденнаго ими, Готфридъ и Балдуинъ; а здѣсь избралъ себѣ вѣчный пріютъ основатель Никонъ. Его желѣзныя вериги зазвѣнѣли надъ гробомъ въ Царственной рукѣ, которая хотѣла ихъ взвѣсить.

Соборная молитва предъ дверьми Св. Гроба опять привлекла къ нему всѣ мысли и чувства. Великому Князю угодно было слышать воскресные гимны торжественнаго молебна, который совершается такимъ образомъ только въ обоихъ Іерусалимахъ;—запѣли канонъ Пасхи, какъ на свѣтлой утрени, и отрадно раздавалось подъ сводами храма, въ виду упраздненнаго гроба: «Христосъ воскресе!»

V.

САВВИНЪ МОНАСТЫРЬ.

За двадцать верстъ отъ Новаго Іерусалима, обитель св. Саввы Звѣнигородскаго приняла Государя Наслѣдника въ свою древнюю ограду. Ученикъ и собесѣдникъ св. Сергія, Савва пришелъ уединиться

на живописныхъ высотахъ Москвы рѣки, и сынъ Донскаго Юрій упросилъ его основать обитель на Сторожевской горѣ, гдѣ стояла стража отъ набѣговъ. Иноки замѣнили воиновъ, и съ тѣхъ поръ мѣсто сіе было предметомъ набожныхъ странствій Великихъ Князей Московскихъ. Царь Алексѣй Михайловичъ избралъ его своимъ любимымъ лѣтнимъ пріютомъ и, устроивъ палаты, часто отдыхалъ тамъ отъ соколиной охоты, которой благопріятствовала окрестность. Въ стѣнахъ той же обители искала безопасности, при началѣ Стрѣлецкихъ бунтовъ, Царевна Софія съ малолѣтными братьями, и памятникомъ ея усердія осталась величественная трапеза теплаго Преображенскаго собора.

Великій Князь, поклонясь мощамъ пустыннаго основателя, который почиваетъ въ соборѣ Рождества Божіей Матери, созданномъ по подобію Троицкой лавры, взошелъ отдохнуть въ жилище своего предка и полюбопытствовалъ видѣть его домашнюю утварь: двое ветхихъ креселъ стояли въ пріемной залѣ, а дубовая кровать Царя въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ. Съ балкона любовался Великій Князь живописнымъ теченіемъ Москвы рѣки, по глубокой цвѣтущей долинѣ, оживленной селами и стадами, осѣненной рощами на прибрежныхъ высотахъ. Мѣстоположеніе Саввина монастыря одно изъ самыхъ привлекательныхъ. Отцы пустынные, удаляясь отъ сожительства людей для созерцанія Бога, всегда избирали себѣ очаровательное уединеніе, чтобы душа ихъ, самою красотою природы, естественно была расположена къ прославленію Творца.

Посѣщеніемъ Петровскаго села Князя Голицына, и Архангельскаго Князя Юсупова окончилась

сія замѣчательная поѣздка. Прелестная дорога довольно долго пролегала берегомъ Москвы рѣки, и всякій разъ, какъ мы встрѣчались съ нею, она насъ дарила однимъ изъ своихъ очаровательныхъ видовъ.

VI.

ГРАНОВИТАЯ ПАЛАТА.

1-го августа, въ праздникъ Всемилостиваго Спаса и на память двойной побѣды Царя Греческаго Мануила и В. Князя Андрея Боголюбскаго, совершался по обычаю крестный ходъ на воду изъ Успенскаго собора. Государь Наслѣдникъ шествовалъ за Митрополитомъ; до пятисотъ духовныхъ лицъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ стояли по сторонамъ широкаго спуска и подъ сводами Тайницкихъ воротъ до берега рѣки; безчисленный народъ унизывалъ собою древнія стѣны и башни Кремля, и зеленая покатость горы казалась испещреннымъ цвѣтникомъ; самый Іорданъ, устроенный на рѣкѣ, пошатнулся отъ множества причалившихъ къ нему лодокъ; таково было усердіе къ святынѣ и къ Царственной особѣ, раздѣлявшей сіе народное моленіе, и воздухъ дрогнулъ отъ рева колоколовъ, вторившихъ, при погруженіи креста, церковной пѣсни о спасеніи людей и дарованіи побѣдъ Императору.

Возвратившись съ крестнымъ ходомъ до палатъ Кремлевскихъ, Государь Наслѣдникъ поднялся по ступенямъ Краснаго крыльца, подъ сѣнію щитовъ, которые держали стрегущіе львы Іоанна III-го, и взошелъ въ Грановитую палату сего Государя. Она

горѣла багрянцемъ тканей на стѣнахъ, своды ея поддерживалъ одинъ столбъ посрединѣ, обставленный кубками, блюдами и сосудами минувшихъ пиршествъ сего чертога; въ красномъ углу стояло древнее царское мѣсто дома Рюрика и дома Романовыхъ;—столько воспоминаній ввелъ съ собою Великій Князь въ уединенную палату, что на одно мгновеніе она, казалось, вся исполнилась минувшаго, и впечатлѣніе еще усилилось, когда, при нечаянномъ появленіи Цесаревича у окна, внезапно откликнулась вся площадь Кремлевская необъятнымъ гласомъ народа на легкое склоненіе его главы.

VII.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Слѣдующій день былъ весь посвященъ Троицкой лаврѣ. Во Святыхъ вратахъ ея, чрезъ которые со временъ Донскаго, въ теченіи болѣе четырехъ вѣковъ, всѣ Князья и Княгини наши, удѣльные и великіе, Цари и Царицы, Императоры и Императрицы, одинъ за другимъ, приходили поклониться своему заступнику Сергію,—въ сихъ вратахъ сидѣлъ Митрополитъ Московскій, въ великолѣпнѣйшемъ облаченіи, усыпанномъ жемчугомъ по багрянцу, въ митрѣ горящей каменьями: такое пышное достояніе оставилъ убогій Сергій своему намѣстнику, вмѣстѣ съ своею крашенинною ризою. Вокругъ Митрополита стояли четыре Архимандрита и весь духовный соборъ лавры, въ богатѣйшихъ ризахъ, съ кадилами и свѣчами, и вся братія въ мантіяхъ тянулась за

ними долгимъ рядомъ по густой аллеѣ развѣсистыхъ липъ. Звонъ колокола возвѣстилъ, что Наслѣдникъ столькихъ Царей идетъ, въ свою очередь, воздать долгъ благодарности св. Угоднику.

Внявъ привѣтственной рѣчи Митрополита, онъ вступилъ въ священную ограду, гдѣ нѣкогда Димитрій искалъ ободренія къ Донской битвѣ и укрывался внукъ его Темный, гдѣ супруга Іоанна III, Греческая Царевна Софія, испросила наслѣдника себѣ и Россіи, гдѣ крещенъ былъ Грозный и положенъ при рожденіи въ раку Сергія, и молился у нея на пути въ Казань и изъ Казани, гдѣ спаслась Россія во время Самозванцевъ, гдѣ юный Михаилъ, руководимый Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Палицынымъ, благословенъ на царство, и гдѣ скрылся отъ мятежей Стрѣлецкихъ внукъ его Петръ. По слѣдамъ ихъ шелъ Цесаревичъ припасть къ чудотворной ракѣ благодѣтеля земли Русской, который, соорудивъ свою обитель, какъ нѣкій щитъ для охраненія еще юной тогда столицы, самъ возлегъ на вѣчную стражу. Божественная литургія, со всевозможнымъ торжествомъ, совершилась въ Троицкомъ соборѣ, и еще однѣ царственныя молитвы потекли въ сіе давнее ихъ хранилище.

Келліи Митрополита, гдѣ прежде всегда останавливались державные богомольцы, были приготовлены для Его Высочества, которому понравилось ихъ готическое убранство; между многими портретами Царей особенно показался замѣчателенъ портретъ Грознаго. Въ обители Саввинской онъ изображенъ въ благолѣпномъ возрастѣ мужества; здѣсь же съ мрачнымъ выраженіемъ временъ Опричины: борода рѣдкая, сѣдая, глаза яростные, всѣ черты

напряжены страстію; судя по живописи, можно полагать портретъ почти современнымъ. Великій Князь смотрѣлъ на него съ большимъ вниманіемъ, покамѣстъ Жуковскій повѣрялъ на лицѣ Іоанна незабвенныя строки Карамзина о ужасномъ видѣ Царя, возвратившагося изъ Александровской слободы.

Послѣ краткаго отдыха, Митрополитъ предложилъ идти осматривать святыню и древность. Съ бывшей келліи Преподобнаго, нынѣ обращенной въ каменную палатку при соборѣ, началось сіе лѣтописное обозрѣніе, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалось или святое имя, или славное событіе. Предъ богатою иконою явленія Божіей Матери Сергію объяснилъ Митрополитъ сіе утѣшительное видѣніе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно происходило. Онъ указалъ на священныя гробницы Митрополита всея Россіи Іоасафа и Архіепископа Новгородскаго Сераніона, и, подведя Государя Наслѣдника ко гробу великаго мужа церкви, Архимандрита Діонисія, помянулъ подвиги за вѣру и отечество сего перваго избирателя Романовыхъ. Признательное сердце ихъ потомка не могло забыть въ такую минуту и славнаго Келаря, сподвижника Діонисіева: «гдѣ же Аврамій?» спросилъ онъ съ участіемъ, какъ будто о живомъ, и казалось сей безсмертный готовъ былъ отозваться на голосъ юнаго Романова, какъ отзывался нѣкогда юному Михаилу, когда умолялъ его на царство. Митрополитъ, въ званіи Архимандрита лавры, тихо отвѣчалъ за своего Келаря: «погребенъ въ Соловецкомъ на своемъ обѣщаніи.»

Посреди Троицкаго собора, великолѣпіе раки и иконостаса, и внутреннее убранство алтаря поразили удивленіемъ взоры. Даянія Грознаго и Годунова,

Царей Михаила, Алексія, Ѳеодора, сіяли золотомъ и каменьями на древнихъ иконахъ св. Троицы, Спасителя и Богоматери, и массою металла изумляли двѣ серебряныя сѣни, надъ ракою и надъ престоломъ, и висящій на сводѣ хоросъ. Все это вручено Сергію и имъ сохранено сквозь рядъ столѣтій, коихъ частныя бѣдствія не дерзнули коснуться его лавры.

Съ книгою Аврамієва сказанія въ рукахъ, Митрополитъ разсказывалъ Великому Князю: какъ, во время осады Литовской, влетѣло ядро въ окно алтарное и, пробивъ иконостасъ, ударило въ образъ Архангела Михаила, отразилось въ лѣвый столпъ, отъ него въ подсвѣчникъ предъ образомъ св. Троицы, и пало безъ вреда на помостъ, поливаемый слезами осажденнаго народа, и какъ въ ту же минуту другое ядро, пробивъ южные желѣзные врата, гдѣ на вѣки оставило славную язву, поразило въ иконостасѣ образъ чудотворца Николая и за нимъ исчезло. Онъ указалъ и самый образъ, поставленный въ трапезѣ соборной; поверхъ плеча Святителя есть круглое отверстіе. Казалось Чудотворецъ и Архангелъ поборали сами защитникамъ лавры, ибо въ сей роковой часъ Архимандритъ Іоасафъ, стоя на своемъ мѣстѣ въ церкви, впалъ въ нѣкое забвеніе и увидѣлъ предъ собою свѣтлаго Архангела, обѣщающаго ему пораженіе враговъ, не пощадившихъ его иконы. Съ такимъ духовнымъ подкрѣпленіемъ можно было полтора года отражать осаду и выйти побѣдителями изъ смутъ междуцарствія.

Открылась богатѣйшая ризница; всю ее отдавалъ нѣкогда Аврамій войску Донскому, чтобы только спасти пылающую столицу, и не приняли Казаки великодушной жертвы; и такъ это цѣна

искупленной ихъ кровію Москвы! Множество и разнообразіе предметовъ, самое усердіе державныхъ вкладчиковъ было невольною причиною бѣглаго ихъ обзора. Имена великія сыпались мимолетомъ, какъ осыпаются драгоцѣнные камни съ одежды царской, небрежно подбираемые потому, что есть чѣмъ замѣнить ихъ; но посреди сихъ сокровищъ историческихъ, убогія ризы Сергія и Никона на долго остановили вниманіе, ибо уже нѣкому надѣвать ихъ. Чтеніе трогательнаго завѣщанія Митрополита Платона заключило осмотръ ризницы, и если оно еще недавнее, то весьма древенъ самый обычай у Митрополитовъ Московскихъ оставлять по себѣ надгробныя завѣщанія, по примѣру Кипріана, преемника св. Алексія.

Отъ гробницъ преподобныхъ Никона, ученика Сергіева, и его келейника Михея, Митрополитъ возвелъ Великаго Князя на высокую паперть готической трапезной церкви во имя Святаго: и оттолѣ далъ окинуть взорами всѣ разнородныя зодчества храмовъ, столпившихся въ одно сіе избранное мѣсто. Самая трапеза украшена въ игривомъ готическомъ вкусѣ временъ Алексѣя Михайловича; напротивъ ея величественно подымается Италіянская колокольня Императрицы Анны; подлѣ два собора, малый Сошественскій и большой Успенскій, оба строенія Грознаго, во вкусѣ Византійскомъ, но первый выражаетъ поспѣшность признательнаго сердца за взятіе Казани, второй—медленное величіе Царя, который хочетъ соорудить нѣчто достойное своей славы; наконецъ, въ углу обители, какъ краеугольный камень ея, стоитъ соборъ Троицкій, въ совершенной простотѣ временъ Донскаго, когда еще не строили большихъ храмовъ.

Внутренность трапезной церкви напоминаетъ готическія залы среднихъ вѣковъ и оживляется понынѣ гостепріимными пиршествами, какія даетъ Сергій своимъ поклонникамъ; въ торжественные дни собираются здѣсь въ мантіяхъ Митрополитъ и вся братія за длинными столами, на коихъ опять являются кубки и чаши минувшихъ столѣтій, и, во время громкаго чтенія изъ житія преподобнаго Сергія, разносятъ по звуку колокола яства и питія; по окончаніи же трапезы Митрополитъ даетъ всѣмъ вкушать отъ просфоры, принесенной въ честь Богоматери, и меда изъ златаго кубка, по древнему обычаю обителей.

Въ нижнемъ ярусѣ сего зданія посѣтилъ Великій Князь странноприимную палату, гдѣ ежедневно питаются всѣ приходящіе убогіе и странники и на сей разъ былъ самъ ихъ питателемъ, оставивъ щедрую милостыню; рядомъ находилась больница, гдѣ врачевствомъ тѣлеснымъ и духовнымъ занимается Намѣстникъ лавры Архимандритъ Антоній.

Потомъ Митрополитъ направилъ путь сквозь Сошественскій соборъ Грознаго, мимо гроба великаго труженика Максима Грека (столько пострадавшаго за любовь свою къ просвѣщенію), въ холодный Успенскій соборъ, построенный по образцу Московскаго. Тамъ стояли два гроба Королевы и Королевны Ливонской, и Жуковскій остановилъ мысль Великаго Князя надъ мечтательнымъ титломъ ихъ небывалаго Королевства; услышавъ же, что Годуновъ, со всѣмъ своимъ родомъ, лежитъ подлѣ собора, поспѣшилъ вести туда Его Высочество. Митрополитъ уже стоялъ около гробницы, и, коснувшись посохомъ каменной ея крыши, произнесъ только: «вотъ Годуновъ!»—«Здѣсь Годуновъ!» повторили тихо

и громко всѣ окружавшіе и умолкли;—одно его имя выразило все! Страшно разсуждать надъ такимъ усопшимъ, чтобы не предупредить суда Божія или не увлечься земною славою.

Академія, съ ея обширными залами, временъ Петровыхъ, и библіотекою, гдѣ хранятся нѣкоторыя древнія рукописи, заняли Его Высочество предъ поѣздкою въ Виѳанію, а въ сей обители привлекла вниманіе странная гора Ѳаворская, внутри церкви Преображенія. Онъ взошелъ по тропинкѣ, усѣянной цвѣтами, на ея вершину, и въ алтарѣ осматривалъ съ участіемъ домашнюю икону несчастнаго Людовика XVI. Подъ Ѳаворомъ, въ самой Виѳаніи, покоится основатель Платонъ; въ той же нижней церкви Великій Князь съ умиленіемъ приложился къ дубовой ракѣ, въ которой обрѣтены были мощи преподобнаго Сергія, и Архимандритъ, отрѣзавъ кусокъ древа отъ раки, поднесъ Его Высочеству для сдѣланія креста. Потомъ, отъ мѣста вѣчнаго покоя Платонова, Цесаревичъ перешелъ въ послѣднее его на землѣ жилище, въ сельскій Виѳанскій домикъ, и съ любопытствомъ наблюдалъ оригинальныя идеи сего замѣчательнаго пастыря, проглядывавшія во всѣхъ предметахъ, коими онъ окружалъ себя.

По возвращеніи въ лавру обѣденный столъ былъ уже изготовленъ въ келліяхъ Митрополита. Государь Наслѣдникъ никакъ не согласился сѣсть на высокія кресла, для него поставленныя, и принудилъ Преосвященнаго Филарета занять ихъ въ качествѣ хозяина. Подлѣ Великаго Князя сѣлъ Намѣстникъ Антоній, напротивъ Ректоръ Академіи Архимандритъ Филаретъ; эта трапеза въ готической кельи напоминала прежнія времена лавры.

Послѣ обѣда Жуковскій вывелъ меня на террасу архіерейскаго дома и просилъ описать ему исторически прекрасную окрестность, но вошедшій къ намъ Митрополитъ прервалъ разсказъ мой. «Въ вашемъ описаніи Троицкой лавры, сказалъ онъ, невѣрно указано то, что на мѣстѣ должно быть пояснено изъ сказанія самого Палицына объ осадѣ, и надобно съ вами поспорить, чтобы не ввести въ заблужденіе Василія Андреевича.»

Я просилъ Преосвященнаго исправить мои погрѣшности, и онъ продолжалъ: «башня, что подлѣ насъ, которую вы называете Водяною, извѣстна болѣе подъ именемъ Соляной, отъ хранившейся въ ней соли, хотя впрочемъ и первое названіе можетъ быть справедливо отъ сосѣднихъ Водяныхъ воротъ. Но настоящая Водяная башня должна быть между Красною и Святыми вратами; она такъ слыла отъ водопроводныхъ трубъ, которыя сообщали чрезъ нее воду изъ внѣшняго Бѣлаго пруда, что теперь за гостинницей, въ малый прудъ внутри ограды, недавно засыпанный; онъ находился противъ Келарскихъ келлій и назывался Писаревскимъ, вмѣстѣ съ окружавшимъ его садомъ. А келліи сіи стояли тамъ, гдѣ теперь живутъ студенты Академіи, вдоль восточной ограды. Слѣды водопровода примѣтны въ томъ, что весь грунтъ сдѣлался сыръ, когда засыпали прудъ, безъ сомнѣнія отъ не совсѣмъ зарытыхъ водяныхъ трубъ.»

Я молчалъ, какъ ученикъ, застигнутый въ минуту проступка, и думалъ только какъ бы вывести другихъ изъ своей погрѣшности.

«Но главная ваша ошибка, продолжалъ Митрополитъ, на Красной горѣ; вы полагаете ее съ за-

пада, когда напротивъ она съ востока, и самая площадь предъ св. вратами донынѣ такъ называется. Я долженъ коснуться дѣла, которое не моего суда, но судите о моихъ замѣчаніяхъ вы, знающіе. Окиньте военнымъ взоромъ окрестность и скажите, могли ли быть сильнѣйшіе приступы съ той стороны, гдѣ оврагъ и ручей? Западная сторона лавры почти совсѣмъ неприступна, а если Лисовскій и стоялъ на южныхъ высотахъ, то потому что здѣсь шла дорога въ Москву, отъ коей онъ хотѣлъ отрѣзать лавру, и можетъ быть потому, что съ сей стороны удобнѣе было дѣйствовать артиллеріею на внутренность лавры, чрезъ ограду стоящую въ полугорѣ, и даже почти подъ горою.

Но гдѣ же былъ станъ Гетмана Сапеги? спросилъ я.

«Вѣроятно также за рѣчкою Кончурою, на юговостокъ отъ лавры, чрезъ что оба стана могли быть въ связи; и Терентьевская роща могла прикрывать переходъ войска чрезъ оврагъ на Красную гору, гдѣ поставлены были туры; тамъ ровная и высокая мѣстность давала удобство приступамъ, потому что только узкій, камнемъ обложенный ровъ, теперь засыпанный для прочности стѣнъ, отдѣлялъ осаждающихъ отъ самой ограды. Изъ Терентьевской рощи, подъ склономъ Красной горы, можно было непримѣтно для осаждающихъ вести подкопъ подъ угловую юговосточную башню, называемую Круглою или Пятницкою; недавно найденъ подъ нею тайный выходъ. Осажденные такъ боялись подкопа, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ монастырское зданіе, они насыпали поперегъ угла ограды высокій валъ, за коимъ думали укрыться, если взорвутъ башню. Еще

недавно я велѣлъ уничтожить крытый ходъ, простиравшійся во всю длину южной ограды, потому что сводъ его, осыпаясь, угрожалъ теперь основанію сосѣдней трапезной церкви, которая во время осады еще не существовала; тутъ хранились снаряды и приготовлялись вылазки, а внѣшнія стѣны, кромѣ восточной, были окружены прудами, какъ теперь западная ограда.»

Мы остались весьма довольны симъ объясненіемъ, которое такъ живо представляло намъ знаменитую осаду, и кто лучше могъ разгадать Аврамія, какъ не самъ Настоятель лавры, съ младенчества исполненный ея воспоминаніями.

Тогда Митрополитъ повелъ Государя Наслѣдника по стѣнамъ, отъ Соляной башни вдоль южной ограды и далѣе кругомъ всей обители, разсказывая подвиги славной осады на мѣстѣ самыхъ событій. Мы слѣдовали за ними, внимая, гдѣ можно, отрывкамъ разсказа. Народъ, укрываясь въ башняхъ до прихода Великаго Князя, выходилъ къ нему на встрѣчу, или шумною толпою бѣжалъ сзади по широкой оградѣ; но большая часть его наполняла монастырь, и, поднявъ глаза и руки къ стѣнамъ, двигалась около по мѣрѣ шествія Цесаревича. Величественно было это медленное шествіе вокругъ лавры, по стѣнамъ Грознаго, которыя вновь укрѣплены признательнымъ Михаиломъ, за бѣдствіе долгой осады. Конечно на пути изъ Ипатіевской обители, онъ также обходилъ ихъ съ Діонисіемъ и Авраміемъ, и также слушалъ о кровавыхъ приступахъ и великодушной защитѣ. Много воспоминаній сего незабвеннаго времени ожило вновь на разстояніи двухъ вѣковъ; даже нѣкоторыя явленія, изъ первыхъ дней

царства Романовыхъ, какъ будто повторились предъ нашими глазами въ лицѣ ихъ потомка. Навсегда памятно будетъ сердцу это путешествіе въ лавру.

Около келлій Намѣстника Великій Князь спустился съ зубчатыхъ твердынь, чтобы приступить еще однажды къ другой основной твердынѣ земли Русской, къ ракѣ преподобнаго Сергія. Послѣ обозрѣнія всѣхъ отечественныхъ заслугъ его, самъ, припадая съ признательною мольбою къ святымъ мощамъ, Великій Князь, казалось, благодарилъ отъ лица всей Россіи ея великаго заступника. Митрополитъ осѣнилъ юную главу иконою явленія Божіей Матери Сергію, клики народа раздались въ южныхъ вратахъ при выходѣ Цесаревича, и густой звонъ колоколовъ исполнилъ древнюю обитель.

День спустя и старый Кремль возрадовался радостію народною. Уже не одинъ Государь Наслѣдникъ, но и Августѣйшая мать его и Царственная сестра, въ полномъ цвѣтѣ не только юнаго возраста, но и той величественной красоты, которая есть исключительная принадлежность нашего Императорскаго дома, вступали торжественно въ святыню соборовъ;—все близкое сердцу Россіи стекалось опять къ ея сердцу!

VIII.

СОБОРЪ УСПЕНСКІЙ.

Наканунѣ своего отъѣзда Его Высочеству угодно было посѣтить еще однажды соборъ Успенскій, и потомъ Патріаршую ризницу и дворецъ Теремный съ его церквами, чтобы насытить душу ихъ

священною древностію и съ такими впечатлѣніями оставить родную столицу. Рано утромъ въ Воскресенье, до обѣдни, Митрополитъ ожидалъ въ храмѣ Великаго Князя; онъ ввелъ его на средину, и сперва, въ безмолвномъ созерцаніи, далъ окинуть свободнымъ окомъ всю Византійскую массу величественнаго зданія, все благолѣпіе украшеній церковныхъ, тогда началъ говорить:

«Прежде всего я скажу Вашему Высочеству, что этотъ соборъ, какъ первопрестольный въ Россіи, заключаетъ въ себѣ и полную идею Вселенской Церкви; она является на иконостасѣ, выражена въ куполахъ и на стѣнахъ и въ алтарѣ. Взгляните на верхній ярусъ иконостаса; Вы увидите мысль первоначальной Церкви до закона Моисеева; но вмѣстѣ и связь ея съ новозавѣтною:—рядъ Праотцевъ и Патріарховъ, Адамъ, Сиѳъ, Энохъ, Ной и Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и прочіе, стоятъ по обѣимъ сторонамъ иконы Господа Саваоѳа, Который изъ лона Своего рождаетъ Предвѣчное Слово.—Ярусомъ ниже изображена Церковь ветхозавѣтная, отъ Моисея до Христа, Коего была предзнаменованіемъ, и потому на срединѣ икона Знаменія Божіей Матери, проявляющей въ лонѣ Своемъ Предвѣчнаго Младенца, ибо тогда еще не рожденъ былъ на землѣ, а только предсказывали о Немъ Пророки, написанные здѣсь по сторонамъ, съ хартіями своихъ пророчествъ въ рукѣ; такимъ образомъ предвѣчное и временное рожденіе Бога Слова изображены глубоко и таинственно. Еще ниже двѣнадцать главныхъ праздниковъ, почерпнутые изъ жизни Христовой и Богоматери:—это повѣсть Евангельская въ лицахъ, исполненіе ожиданія Праотцевъ и видѣній пророческихъ. Въ четвер-

томъ ярусѣ картина собственно Церкви Христіанской, и оттого Спаситель написанъ посрединѣ сидящимъ на престолѣ, въ образѣ вѣчнаго Архіерея, Ходатая о грѣхахъ нашихъ; по сторонамъ же стоятъ пречистая Его Матерь и Предтеча, какъ два образца совершенства человѣческаго и ближайшіе заступники наши: одна «честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ,» другой, по словамъ самого Господа: «бо̀льшій изъ всѣхъ рожденныхъ женами.» Ихъ молитвенное положеніе называется обыкновенно Деисусомъ, отъ Греческаго слова деисисъ (молитва), и подлѣ Нихъ расположены всѣ Апостолы, начиная съ двухъ верховныхъ, какъ проповѣдники ученія Христова и строители Его Церкви. Такъ все постепенное Ея развитіе начертано отъ верху и до низу, на внутренней стѣнѣ храма, которая замѣнила таинственную завѣсу Соломонова, раздранную въ часъ искупленія.»

«Взгляните надъ нами, въ большомъ куполѣ и во всѣхъ главахъ, изображена отчасти таже мысль:— тамъ Господь Вседержитель окруженъ сперва небесными Силами, потомъ Праотцами, Патріархами, потомъ Пророками и Апостолами, наконецъ лики Мучениковъ и Исповѣдниковъ покрываютъ столбы храма, въ знаменіе, что кровію Мучениковъ утвердилась Церковь, и оттого доселѣ кладетъ Она мощи ихъ въ основаніе Своихъ престоловъ. Кругомъ всѣ стѣны исписаны дѣяніями Святыхъ, или притчами Евангельскими въ лицахъ. Немногіе знали грамоту, когда началъ строиться храмъ сей, а всѣхъ надобно было учить Закону Божію; посему издавна принята была въ церквахъ стѣнная живопись вмѣсто мертвыхъ буквъ, чтобы всякій молящійся Христіанинъ могъ самъ

прочесть сію живую повѣсть. Всѣхъ же лицъ въ цѣломъ соборѣ слишкомъ двѣ тысячи; отцы наши хотѣли, чтобы вся торжествующая на небесахъ Церковь призирала на молитву воинствующей на землѣ. Когда же откроются Царскія двери, которыя выражаютъ, иконою Благовѣщенія и Евангелистовъ, радостную вѣсть о нашемъ спасеніи, то и на стѣнахъ алтаря представятся лики Святителей, тамъ гдѣ приносили они безкровную жертву, и сія самая жертва изображена въ таинственныхъ видахъ. Такова священная полнота соборнаго храма.»

Митрополитъ остановился на минуту, чтобы собраться мыслію и словомъ, и потомъ опять продолжалъ:

«Какъ сіи четыре столпа подпираютъ своды церковные, такъ и Церковь Россійская имѣетъ свои четыре живые столпа: Петра, Алексія, Іону и Филиппа, которые здѣсь положены краеугольными камнями собору, кромѣ однакоже Алексія; онъ замѣненъ двумя своими преемниками Кипріяномъ и Фотіемъ. Въ сѣверной части алтаря Вы поклонитесь мощамъ Петра Чудотворца, который перенесъ изъ Кіева и Владиміра престолъ Митрополіи въ Москву и чрезъ то сдѣлалъ ее столицею; онъ же предсказалъ и грядущую славу ея Государей, и потому каждый ихъ великій подвигъ есть какъ бы торжественный «аминь» на слова Святителя. Съ нимъ рядомъ преемникъ его Ѳеогностъ. Грекъ родомъ, поддержавшій достоинство и права Церкви въ Россіи и въ Ордѣ, гдѣ едва не пострадалъ за нихъ. Великій Митрополитъ Алексій, управлявшій княженіемъ въ младенчество Донскаго, одинъ изъ лучшихъ мужей государственныхъ и Пастырей, какихъ имѣли отечество и Цер-

ковь, избралъ себѣ мѣстомъ вѣчнаго покоя Чудовъ монастырь, свое строеніе. Позади насъ, въ юго-западномъ углу собора почиваютъ два Митрополита, знаменитые строгою жизнію и глубокимъ ученіемъ, Кипріянъ и Фотій, первый же еще и правительственною мудростію, ибо онъ умѣлъ содержать въ союзѣ церковномъ Русь и Литву, послѣ него распавшіяся. Въ противоположной сторонѣ чудотворецъ Іона, блюститель отечества въ смутныя времена Темнаго, а у южныхъ вратъ собора св. Филиппъ Митрополитъ, не убоявшійся въ этомъ самомъ храмѣ обличать Грознаго.»

Его Высочество спросилъ тогда о начальномъ основаніи собора; Митрополитъ отвѣтствовалъ:

«Іоаннъ Калита заложилъ здѣсь каменную церковь по просьбѣ Петра Митрополита, который хотѣлъ, чтобы въ престольной Москвѣ, былъ храмъ во имя Успенія Божіей Матери, подобно какъ въ двухъ древнихъ столицахъ Кіевѣ и Владимірѣ, праздновавшихъ день сей, и самъ заложилъ себѣ гробницу въ стѣнѣ новой церкви. Когда же стала приходить она въ ветхость, при Митрополитѣ Филиппѣ I-мъ, Великій Князь Іоаннъ III приступилъ къ строенію другаго собора на мѣсто ветхаго, но неопытность зодчихъ была причиною паденія его сводовъ. Мудрый Государь выписалъ нарочно изъ Италіи искуснаго художника Аристотеля, который соединилъ вкусъ Византійскій съ Готическимъ и, примѣняясь къ знаменитому Владимірскому собору Боголюбскаго, соорудилъ Успенскій въ такомъ видѣ, въ какомъ существуетъ донынѣ. Но воздвигаемый въ бо̀льшемъ размѣрѣ, онъ включилъ въ своемъ объемѣ три малыя отдѣльныя церкви, которыя замѣнены придѣль-

ными: древнѣйшая Димитрія Солунскаго, гдѣ погребенъ братъ Калиты, Георгій Московскій; другая на память поклоненія веригъ Апостола Петра, нынѣ во имя верховныхъ Апостоловъ, въ сѣверной части алтаря, гдѣ гробъ самого Петра Митрополита; третія, основанная Святителемъ Іоною, ради избавленія отъ нашествія Татарскаго, въ похвалу Богоматери, устроена теперь въ одной изъ главъ соборныхъ надъ ризницею. Іоанномъ сооружены и два другіе собора, Архангельскій и Благовѣщенскій, на площади Кремлевской; всѣ три стоятъ какъ три вѣнца: въ Успенскомъ пріемлютъ Цари священное муропомазаніе и вѣнецъ Мономаховъ, въ Благовѣщенскомъ ожидалъ ихъ радостный вѣнецъ брачный, въ Архангельскомъ иной вѣнецъ смерти, который для нѣкоторыхъ обратился въ сіяніе небеснаго вѣнца.»

Государь Наслѣдникъ спросилъ еще: «кто первый вѣнчался на царство въ этомъ соборѣ?»

«Если слѣдовать порядку лѣтописному, отвѣчалъ Митрополитъ, то должно упомянуть о Василіи Темномъ, ибо до него всѣ Великіе Князья поставлялись во Владимірѣ; впрочемъ этого нельзя называть еще вѣнчаніемъ, а только возведеніемъ на царство и не по чину церковному. Посолъ Ханскій посадилъ Темнаго на древнее Великокняжеское мѣсто, которое стоитъ у южныхъ вратъ собора и слыветъ Мономаховымъ, ибо на деревѣ его довольно грубо вырѣзаны подвиги ратные сего Государя. Но память Темнаго не должна смущать посреди настоящаго величія; напротивъ она придаетъ ему только бо́льшій блескъ. Намъ осталось здѣсь и другое, болѣе свѣтлое воспоминаніе о томъ же Князѣ Василіѣ; онъ остановилъ предателя Митрополита Исидора, дерзнувшаго воз-

гласить съ амвона союзъ Флорентинскій и покорность Риму, и спасъ православіе; можетъ быть, и древній соборъ Успенскій не устоялъ и замѣненъ новымъ, чтобы совершенно очистился отъ измѣны лжепастыря, коей былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Здѣсь же рукою дѣда Іоанна III вѣнчанъ отрокъ Димитрій, заключенный потомъ происками Великой Княгини Софіи; но первое настоящее вѣнчаніе царское было Іоанна IV, во дни его славы и благоденствія Россіи, когда вмѣстѣ съ вѣнцемъ Мономаха онъ принялъ и титулъ Царя; Митрополитъ Макарій совершалъ надъ нимъ торжественное вѣнчаніе, которое послужило образцемъ для всѣхъ послѣдующихъ, но съ присовокупленіемъ священнаго мyропомазанія; впервые принялъ оное благочестивый сынъ Іоанна Ѳеодоръ и, должно предполагать, что сіе важнѣйшее дѣйствіе опущено отцемъ его по невѣдѣнію; ибо самый чинъ вѣнчанія былъ уже позже къ нему присланъ отъ Цареградскаго Патріарха Іоасафа, вмѣстѣ съ замѣчательною благословенною грамотою, которою признавалъ его Царемъ, соборно, со всею Восточною Церковію, какъ родственника древнихъ Императоровъ Греческихъ.»

«Теперь обратите вниманіе на нижній рядъ мѣстныхъ иконъ, великолѣпно украшенныхъ какъ предметы ближайшаго чествованія; мы подойдемъ къ каждой изъ нихъ, ибо каждая, кромѣ святыни, имѣетъ еще занимательность историческую, а всѣ вмѣстѣ онѣ выражаютъ мысль единодержавія, образовавшагося изъ системы удѣловъ; всѣ почти перенесены изъ удѣльныхъ княженій, по мѣрѣ ихъ покоренія и сліянія въ одно цѣлое. Глубока была мысль—соединить въ общемъ святилищѣ мѣстную святыню горо-

довъ; народы, разставаясь съ своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался священный сей иконостасъ.»

Его Высочество приблизился вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Филаретомъ къ иконостасу, и Митрополитъ, указывая на образъ Пречистыя Дѣвы, сказалъ:

«Вотъ чудотворная, славная икона Владимірскія Божія Матери, писанная св. Евангелистомъ Лукою, принесенная изъ Царьграда Князю Андрею Боголюбскому. Подъ сѣнію позлащеннаго кивота, нельзя различить ея высокаго письма, но я часто утѣшаюсь онымъ во время крестныхъ ходовъ, особенно если солнце озаряетъ священный ликъ. Когда Тамерланъ двинулся на Россію и уже дошелъ до Ельца, и, сынъ Донскаго, Великій Князь Василій готовился къ защитѣ,—тогда Митрополитъ Кипріянъ послалъ во Владиміръ за иконою Владычицы и со всею столицею прибѣгнулъ къ Ея покрову. На томъ мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили, воздвигнутъ монастырь Срѣтенскій, и въ день ея прихода обратился вспять Тамерланъ: съ тѣхъ поръ Церковь празднуетъ крестнымъ ходомъ 26 августа.»

«26 августа! повторилъ быстро Великій Князь, это день Бородинскаго сраженія; какое стеченіе воспоминаній!»

Я замѣтилъ Его Высочеству, что въ тотъ же самый день и Тохтамышъ разорилъ Москву, послѣ Мамаева побоища, и что вообще мѣсяцы августъ и

сентябрь особенно памятны подобными событіями для столицы:—Поляки 1610 года и Французы 1812 взошли въ нее въ сентябрѣ.

Съ благоговѣніемъ приложился Цесаревичъ къ чудотворной иконѣ и пожелалъ знать, какъ спасена она отъ нашествія Французовъ?

«Въ томъ же Владимірскомъ соборѣ, отколѣ нѣкогда пришла спасти Москву, нашла она опять себѣ пристанище, отвѣчалъ Митрополитъ. Когда увозили изъ Кремля священную утварь соборовъ и Патріаршую ризницу, здѣсь нельзя было ни до чего коснуться, ибо народъ безпрестанно толпился около сихъ священныхъ залоговъ; ночью, за нѣсколько часовъ только до вступленія непріятеля, Преосвященный Августинъ послалъ тайно взять иконы Иверскую и Владимірскую, и съ ними выѣхалъ изъ столицы; прочія же всѣ иконы утратили свои богатые оклады и украшены вновь усердіемъ гражданъ.»

Тогда Митрополитъ указалъ по правую сторону царскихъ дверей мѣстный образъ Спасителя, присланный изъ Царьграда Императоромъ Мануиломъ въ Новгородъ и взятый Іоанномъ Грознымъ изъ Софійскаго собора, на память совершеннаго покоренія сей древней независимой области. Подлѣ икона Успенія Божіей Матери, писанная святымъ Петромъ Митрополитомъ, и другая Благовѣщенія, взятая также Іоанномъ изъ великаго Устюга, гдѣ славилась чудесами: къ ней прибѣгая, преподобный Прокопій Устюжскій отклонилъ отъ своего города страшную тучу, и не остыло доселѣ усердіе Устюжанъ къ древней своей иконѣ; послѣ 1812 года они обложили ее опять богатою ризою. Образъ Псковской Божіей Матери, прежде бывшій надъ южными

дверями, теперь въ алтарѣ, но подлѣ сихъ дверей замѣчательна икона св. Димитрія Селунскаго, Ангела Донскаго Князя, писанная на гробовой доскѣ Великомученика.

«Теперь мы перейдемъ на лѣвую сторону иконостаса, сказалъ Митрополитъ; вотъ подлѣ Владимірской другая Греческая икона Спасителя; нѣсколько далѣе есть еще ей подобная, принесенная изъ Владиміра Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, при Митрополитѣ Варлаамѣ, который написалъ своего Ангела св. Варлаама Хутынскаго у ногъ Христовыхъ. Тотъ же Государь поставилъ здѣсь икону Богоматери Смоленскія Одигитріи, взятую имъ изъ покореннаго Смоленска, но граждане испросили ее обратно и въ память ея торжественнаго провожанія основанъ монастырь Новодѣвичій.»

Вслѣдъ за Митрополитомъ Великій Князь взошелъ въ придѣльную церковь Петра и Павла, смежную съ большимъ алтаремъ, и поклонился мощамъ Чудотворца Петра. Надъ гробомъ его преемника Ѳеогноста, Преосвященный Филаретъ показалъ изваянную изъ камня икону Великомученика Георгія, которая по преданіямъ перенесена изъ Рима; судя по латинской надписи, она посвящена Константину Великому, и, можетъ быть, подъ видомъ Георгія, поражающаго змія, и спасаемой имъ Царевны, хотѣли изобразить избавленіе Церкви отъ гоненій, равноапостольнымъ Царемъ. Еще три иконы Божіей Матери привлекли вниманіе Цесаревича: Влахернская, слѣпленная изъ воскомастики, которую получилъ съ Востока Царь Алексѣй Михайловичъ; другая мѣстная въ придѣлѣ,—на ней изображена Пречистая Дѣва съ ликами Россійскихъ угодниковъ, и подпись

ея показываетъ, что она была украшена чиновниками царскими, за спасеніе отъ бѣдъ, вѣроятно, отъ мятежей Стрѣлецкихъ; наконецъ третія икона надъ жертвенникомъ большаго алтаря, называемая Петровскою, писана св. Петромъ Митрополитомъ и вынесена нѣкогда изъ загорѣвшагося собора Святителемъ Филиппомъ первымъ.

Тогда Митрополитъ ввелъ Государя Наслѣдника во внутренность алтаря и остановился съ нимъ за престоломъ, подъ сѣнію трехъ большихъ крестовъ, слывущихъ Корсунскими, по преданію, которое говоритъ, что св. Владиміръ перенесъ ихъ изъ покоренной Корсуни въ Кіевъ, оттолѣ же перешли они во Владиміръ и Москву. На престолѣ стоялъ золотой ковчегъ, изображающій гору Синайскую, великолѣпный даръ Князя Таврическаго, слитый имъ изъ золота Валахскаго; Преосвященный Филаретъ вынулъ изъ подножія ковчега акты о наслѣдіи престола и вручилъ ихъ Его Высочеству.—Это была одна изъ самыхъ торжественныхъ минутъ; посреди общаго безмолвія, громко читалъ Великій Князь отреченіе покойнаго Цесаревича и трогательный манифестъ Императора Александра, коимъ, примѣняя къ настоящему случаю порядокъ престолонаслѣдія, свидѣтельствуетъ свои отеческія заботы о Россіи, и все сіе происходило въ святилищѣ того храма, гдѣ Цари наши пріемлютъ предъ лицемъ Божіимъ обширнѣйшее въ мірѣ наслѣдіе—Россію.

Богатая ризница Успенскаго собора, которая была вся спасена отъ непріятеля, ожидала посѣщенія Великаго Князя. Тамъ между драгоцѣнными пеленами, блюдами Годунова, дарохранительницами Грознаго, великолѣпнымъ Евангеліемъ Царицы На-

тальи Кирилловны, всѣхъ ближе были родственному сердцу Его Высочества сосуды Императрицы Маріи Ѳеодоровны, подножія коихъ она сама точила изъ слоновой кости.

Я сказалъ Вѣликому Князю, что въ ризницѣ хранится сокровище, подобное святой ампулѣ Реймса,—яшмовый сосудъ, изъ коего помазываютъ муромъ при вѣнчаніи на царство. По древнимъ преданіямъ онъ принадлежалъ еще Кесарю Августу, перешелъ изъ Рима въ Византію, и оттолѣ присланъ Императоромъ Алексіемъ Комниномъ Владиміру Мономаху вмѣстѣ со святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ. Великій Князь пожелалъ видѣть сосудъ сей и принялъ его изъ рукъ восьмидесятилѣтняго старца, отца Іакова, Протопресвитера Успенскаго Собора. Такъ древнее величіе Рима соединилось съ настоящимъ, не уступающимъ ему величіемъ Россіи.

Изъ ризницы не восходили мы выше въ придѣльную церковь Похвалы Божіей Матери, что въ куполѣ, гдѣ заключались Епископы наши, для выбора Патріарховъ; но южными дверями алтаря вышли опять въ соборъ къ мощамъ Святителя Филиппа. Великій Князь воздалъ ему благоговѣйное поклоненіе; память его великодушной твердости тронула всѣхъ въ виду его гроба; Жуковскій, полагая, что Святитель остановилъ Грознаго въ дверяхъ храма, спросилъ меня: въ которыхъ? но я указалъ на то Патріаршее мѣсто, гдѣ стоялъ Филиппъ, устремивъ взоры на икону Эммануилова Спаса, и повторилъ его замѣчательныя слова. Тогда, увидѣвъ на этомъ мѣстѣ посохъ Петра Чудотворца, вспомнилъ слышанное въ обители Новаго Іерусалима, о Патріархѣ Никонѣ: какъ, пришедши ночью въ соборъ

Успенскій, взялъ онъ сей посохъ и послалъ къ Царю письмо о своемъ видѣніи.

А между тѣмъ Великій Князь приблизился къ гробамъ Патріаршимъ: отъ Мономахова престола у южныхъ вратъ и до западныхъ, мѣсто ихъ покоя. Митрополитъ подвелъ сперва Его Высочество ко гробу первопрестольника Іова и помянулъ его торжественное избраніе Царемъ Ѳеодоромъ и горькое низложеніе Лжедимитріемъ, бѣдствія отечества, которыхъ онъ былъ свидѣтель, и твердость, съ какою отвергалъ самозванца; потомъ Преосвященный указалъ издали на гробъ его преемника, великодушнаго Гермогена, мученика за вѣру и царство, и подошелъ съ Цесаревичемъ къ священной гробницѣ его предка Патріарха Филарета. Съ умиленіемъ склонился на нее юный Романовъ, глубокое молчаніе водворилось въ храмѣ:—это была безмолвная бесѣда родоначальника съ цвѣтущимъ потомкомъ, тайное благословеніе Первосвятителя и отца Царей сыну Царя.

У ногъ святыхъ Митрополитовъ Кипріяна и Фотія, и возлѣ мѣднаго шатра сооруженнаго имъ для ризы Господней, возлегъ Филаретъ Никитичъ и первый обновилъ, своимъ прахомъ, усыпальницу Патріаршую въ Успенскомъ соборѣ; два его предмѣстника, Іовъ и Гермогенъ, сперва погребены были, одинъ въ Старицѣ, другой въ Чудовѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ, внявъ совѣту Никона, собирателя великихъ мужей, перенесъ ихъ въ соборъ и даже послалъ въ монастырь Соловецкій за мощами св. Филиппа; такимъ образомъ нарушился лѣтописный порядокъ гробницъ: Филаретъ, будучи третьимъ, занялъ старшее мѣсто и подлѣ него кроткій его преемникъ Іоасафъ; а первопрестольникъ Іовъ легъ уже

послѣ нихъ, и у ногъ его испросилъ себѣ мѣсто Патріархъ Іосифъ, когда самъ, предчувствуя свою близкую кончину, погребалъ здѣсь перенесенныя изъ Старицы мощи Іова. А вдоль западной стѣны, отъ гроба Гермогенова, не прерывается могильный порядокъ, и по годамъ расположены четыре преемника Никона: Іоасафъ II, Питиримъ, Іоакимъ, бодрый пастырь во время смутъ стрѣлецкихъ, и наконецъ послѣдній Адріанъ, заключившій собою рядъ великихъ Іерарховъ.

Подъ сѣнію мѣднаго, искусно изваяннаго шатра Филаретова, разсказывалъ Митрополитъ Великому Князю: какъ принесена была въ даръ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Патріарху, отцу его, честная риза Господня, которую Шахъ-Аббасъ Персидскій взялъ изъ Мцхетскаго собора въ завоеванной имъ Грузіи, и что нынѣ часть ея хранится въ алтарѣ вмѣстѣ со святымъ гвоздемъ и иными святыми мощами, часть же въ Петербургскомъ придворномъ соборѣ. Его Высочество вспомнилъ, что, при крещеніи каждаго Императорскаго младенца, полагаютъ ему въ крестъ малую частицу отъ ризы Господней; такъ простирается благословеніе Патріаршее на все его потомство.

Когда вышли изъ шатра, я произнесъ имя Гермогена и указалъ на стоящій подлѣ гробъ его; при этомъ славномъ имени съ живымъ участіемъ остановился Цесаревичъ: гробъ сей одинъ оставленъ поверхъ помоста, когда всѣ прочіе опущены въ землю; такъ поставилъ его Патріархъ Никонъ, и не долженъ былъ укрываться столь великій страдалецъ въ нѣдрахъ спасенной имъ земли: ему есть мѣсто въ сердцѣ каждаго Русскаго.

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія простерся Великій Князь предъ чудотворными мощами Святителя Іоны и долго смотрѣлъ на его нетлѣнную руку; онъ еще прежде слышалъ, что нѣкое страшное видѣніе ужаснуло святотатныхъ враговъ у сей цѣлебной раки и что послѣ нихъ Чудотворецъ обрѣтенъ былъ съ поднятою, какъ бы грозящею рукою, а его богатая серебряная рака и самый при ней подсвѣчникъ остались неприкосновенными. Отрадно было слышать сіе священное преданіе, надъ гробомъ Святителя, изъ самыхъ устъ Великаго Князя и видѣть, какъ близка его сердцу отечественная святыня.—Чудное по истинѣ событіе! не уже ли, въ самомъ дѣлѣ, Французы не могли распознать металла раки, когда отдирали и мѣдные листы со стѣнъ собора, и самый крестъ Ивана Великаго имъ показался золотымъ? Преосвященный Августинъ, нѣсколько дней спустя послѣ удаленія непріятеля, ночью, въ сопровожденіи немногихъ высшихъ сановниковъ, взошелъ въ Успенскій соборъ съ робостію, опасаясь взрыва. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его,» произнесъ онъ въ западныхъ дверяхъ храма, и первая открылась его взорамъ, посреди общаго запустѣнія,—уцѣлѣвшая рака съ почіющимъ въ ней Святителемъ, а вокругъ нея широко очищенный помостъ; остальная же часть храма исполнена поруганіемъ: горны стояли около стѣнъ для плавки металла, количество коего даже было написано мѣломъ на царскомъ мѣстѣ, 325 пудовъ серебра и 18 золота; вмѣсто огромнаго серебрянаго паникадила въ 113 пудовъ, пожертвованнаго бояриномъ Морозовымъ, спускались со свода огромные вѣсы; ободранныя иконы были разсѣяны по полу, и между ними разставлены,

какъ бы въ посмѣяніе, трофеи рыцарскіе изъ оружейной палаты, панцыри, щиты и шлемы; похищены богатыя раки Митрополитовъ Петра и Филиппа, и, по чудному Промыслу, мощи перваго съ тѣхъ поръ открыты, мощи же св. Филиппа положены были на обнаженной доскѣ престола.—И посреди сихъ ужасовъ святотатства серебряная рака и даже подсвѣчникъ святаго Іоны остались невредимы!—Мимо его, какъ бы вчуждѣ, протекла страшная буря, бушевавшая по всему собору, и не дерзнула нарушить вѣчнаго покоя Святителя. Какъ объяснить столь дивное событіе, если не воздвигшеюся рукою Чудотворца?—«Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!» воскликнулъ еще разъ пораженный симъ явленіемъ Августинъ и, со слезами восторга, вмѣстѣ со всѣми окружавшими припалъ къ чудотворнымъ мощамъ.

Митрополитъ указалъ тутъ же Его Высочеству хоругви Спасской церкви, данныя симъ замѣчательнымъ Пастыремъ, вмѣсто знаменъ, одному изъ полковъ славнаго ополченія 1812 года, и обратилъ вниманіе на большую икону Тихвинскія Божія Матери, которую въ другія смутныя времена отечества, послѣ Самозванцевъ, полномочные Русскіе отдавали Шведскимъ, въ залогъ вѣрности, при заключеніи Столобовскаго мира. Такъ, отъ мощей Святителя Іоны, мимо четырехъ гробницъ Митрополитовъ Геронтія и Симона, свидѣтелей славныхъ дней Іоанна III, и Аѳанасія, бывшаго духовникомъ Грозному, и вѣнчавшаго его Макарія, Великій Князь вышелъ въ сѣверные врата изъ Успенскаго собора, исполненный его минувшимъ и самъ обѣщая столько будущаго Россіи.

*

IX.

ПАТРІАРШАЯ РИЗНИЦА.

Напротивъ Успенскаго собора находится древняя Патріархія, нынѣ Сѵнодальное зданіе, съ церковью двѣнадцати Апостоловъ и придѣломъ Нерукотвореннаго образа.—Здѣсь встрѣтилъ Его Высочество Архіепископъ горы Θавора, Іероѳей, присланный за милостынею отъ Патріарха Іерусалимскаго. Въ обширной Крестовой палатѣ, гдѣ совершается вареніе св. мѵра, разсказывалъ Митрополитъ, какъ въ древніе годы соединялись въ ней Соборы церковные и Патріархи наши принимали Первосвятителей Греческихъ; здѣсь же, послѣ произвольнаго удаленія Никонова, Вселенскіе Патріархи призывали его на судъ. Далѣе взошелъ Цесаревичъ въ присутственную залу Московской Сѵнодальной конторы, гдѣ на время коронацій засѣдаетъ и Святѣйшій Сѵнодъ. По выходѣ изъ Крестовой палаты, мы поднялись, узкою витою лѣстницею, въ Патріаршую ризницу и библіотеку, которыя заключались въ двухъ тѣсныхъ покояхъ,—бывшей трапезѣ Патріарха Никона и его домовой церкви, во имя Апостола Филиппа, гдѣ еще видно противъ алтаря каменное Патріаршее мѣсто; прочія же смежныя его келліи занимаетъ теперь ризничій, блюститель сей сокровищницы.

Псчислить все, что въ ней находится, не возможно въ краткихъ словахъ; одна библіотека, кромѣ книгъ и хартій, собранныхъ изъ монастырей Никономъ, заключаетъ въ себѣ и то богатство рукописей Греческихъ, которое привезла изъ Византіи и

Италіи Царевна Греческая Софія. Несчастный страдалецъ, инокъ Максимъ Грекъ, вызванный нарочно для ихъ разбора, съ горы Аѳонской, сыномъ Софіи, Великимъ Княземъ Василіемъ, воскликнулъ при видѣ сего хранилища: «что нигдѣ въ Европѣ онъ не видалъ подобнаго!» и хотя теперь уже многаго нѣтъ, но еще остались нѣкоторыя драгоцѣнныя письмена первыхъ вѣковъ Христіанства, коимъ недавно удивлялся ученый профессоръ Маттей, составлявшій каталогъ.

При входѣ въ ризницу представились самые дорогіе предметы: саккосъ св. Петра Митрополита, омофоръ, такъ называемый шестаго Вселенскаго собора, а по преданіямъ принадлежавшій, еще во времена перваго, Николаю Чудотворцу; клобукъ перваго Патріарха Всероссійскаго Іова, другой бѣлый клобукъ Никона, древней формы въ видѣ скуфіи, съ жемчужнымъ деисусомъ на челѣ и такимъ же изображеніемъ трехъ Святителей Московскихъ и трехъ Вселенскихъ на воскрыліяхъ, и съ яхонтовымъ крестомъ, воздвигнутымъ на вершинѣ. Отъ сего перваго шкафа, кругомъ всей палаты, развѣшаны саккосы и омофоры всѣхъ Митрополитовъ, начиная съ Ѳеогноста, и всѣхъ Патріарховъ, кончая Адріаномъ; но нѣтъ межъ ними великолѣпнѣе Никоновыхъ, какіе дарилъ ему Царь Алексѣй Михайловичъ; отъ тяжести драгихъ каменьевъ и жемчуга одинъ вѣситъ болѣе пуда; такая же пышность замѣтна въ его митрахъ, посохахъ, панагіяхъ; напротивъ того большая простота въ его домашней одеждѣ, которая необыкновенна только своею длиною и показываетъ большой ростъ Святителя; оригинальна его бѣлая пуховая шляпа, одна только забытая въ ризницѣ

во время нашествія непріятеля; Французы сняли съ нея обветшалый галунъ, вѣроятно однакоже не на память Патріарха.

Преосвященный Филаретъ показалъ Великому Князю самый любопытный изъ всѣхъ саккосовъ, принесенный Фотіемъ Митрополитомъ изъ Царьграда; до 70.000 жемчужныхъ зеренъ унизываютъ сіе облаченіе, на коемъ вышиты лики Императора Іоанна Палеолога и супруги его Анны, сестры Великаго Князя Василія Димитріевича, самого Василія, Фотія и Патріарха Нила; вокругъ саккоса вышитъ также золотомъ весь символъ вѣры, по гречески, и онъ послужилъ Патріарху Никону образцемъ для исправленія Русскаго; этотъ одинъ саккосъ можетъ уже дать понятіе о прочихъ сокровищахъ.

На срединѣ другой палаты, т. е. самой церкви Апостола Филиппа, которой всѣ стѣны уставлены книгами библіотеки, возвышалась пирамида серебряныхъ блюдъ, чашъ, кубковъ, сосудовъ, вся домашняя утварь Патріарховъ, составленная изъ даяній Царскихъ; съ четырехъ сторонъ сей пирамиды стояли двѣнадцать большихъ серебряныхъ сосудовъ, вкладъ Императора Павла, наполненныхъ святымъ мѵромъ (оно отселѣ разсылается во всѣ епархіи); а на самомъ престолѣ стоялъ драгоцѣнный алавастръ, въ коемъ, при таинственномъ освященіи новаго мѵра, всегда хранятся остатки прежняго, дабы никогда не изсякъ священный его источникъ. Преданіе говоритъ, что алавастръ сей есть тотъ самый, коего мѵро излила Магдалина на ноги Іисусовы, и хотя нѣтъ вѣроятности исторической въ этомъ преданіи, подобно какъ нѣтъ ея и въ другомъ, о Кесаревой чашѣ, служащей для мѵропомазанія, но оба вмѣстѣ показываютъ, какую глу-

бокую мысль искони присоединяла Церковь къ священному мvропомазанію Царей нашихъ:—высшій идеалъ величія древняго міра, всегда олицетворяемый въ средніе вѣка Августомъ Римскимъ, и благодать, текущую отъ самыхъ ногъ Спасителя, вмѣстѣ съ слезами умиленія Мvроносицы.

Драгоцѣнные древніе кресты, съ частицами святыхъ мощей, принесенные изъ Греціи, панагія чудотворца Петра, перстень Святителя Алексія, подаренный ему Ханомъ Чанибекомъ за исцѣленіе супруги Тайдулы, панагія и посохъ Іова, часы и посохи Филарета и вещи прочихъ Патріарховъ, портретъ Адріана и другой неизвѣстный, который можетъ быть Филаретовъ, или, какъ предполагаютъ, одного изъ Восточныхъ Патріарховъ, судившихъ Никона, все сіе, вмѣстѣ съ древними хартіями, постепенно привлекало взоры Его Высочества; но отъ такого множества предметовъ и воспоминаній, стѣсненныхъ въ малой храминѣ, все наконецъ безъ различія сливалось въ памяти въ одно необъятное цѣлое, которое подавляло самое вниманіе.

Въ келліяхъ Никоновыхъ простился Великій Князь съ Митрополитомъ и благодарилъ его за любопытное указаніе святыни Московской въ теченіе многихъ дней; Преосвященный Филаретъ, въ свою очередь, излилъ чувства глубокой благодарности за то милостивое обращеніе, какимъ почтилъ его Великій Князь, и здѣсь они разстались.—Оставалось еще осмотрѣть Его Высочеству Теремныя церкви и соборъ Спаса на бору.

X.

ТЕРЕМНЫЯ ЦЕРКВИ.

Начали съ часовни Печерской, которая устроена позади церкви Положенія ризы Богоматери во Влахернахъ, и Великій Князь поднялся по высокой лѣстницѣ, чтобы приложиться къ чудотворной иконѣ; она находится въ углубленіи бывшаго церковнаго окна и, по давнему преданію, никто не долженъ проходить мимо, не воздавъ ей должнаго поклоненія. Четыре Московскіе Святителя, Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, изображены по сторонамъ Богоматери, а подлѣ нихъ Антоній и Ѳеодосій Печерскіе; лики угодниковъ объясняютъ лѣтопись иконы, коей священный подлинникъ хранится въ самой церкви. Какъ домовая Митрополитовъ Кіевскихъ и всея Руси, икона Печерская странствовала съ ними изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву, гдѣ утвердился престолъ ихъ. Когда дворъ Петра чудотворца, бывшій у Боровицкихъ воротъ при церкви Предтечи, перенесенъ ближе къ собору Успенскому и, въ память избавленія Москвы отъ Татаръ, сооружена Митрополитомъ Іоною домовая церковь Положенія ризы Владычицы, нѣкогда также спасшей Царьградъ отъ нашествія, тогда и священная икона перешла въ новое жилище Святителей; а два ея древніе Кіевскіе блюстителя, Игумены Антоній и Ѳеодосій, смиренно уступили мѣста свои подлѣ Богоматери двумъ новымъ прославленнымъ Митрополитамъ, Петру и Алексію. Когда же Царскій теремъ заступилъ мѣсто келлій Митрополичьихъ и пристроился къ самой ихъ церкви,

тогда умножилось усердіе Великихъ Князей къ иконѣ Печерской, написанной надъ западными вратами храма, лицемъ къ терему, ибо она сдѣлалась уже ближайшею его хранительницею, и два другихъ Святителя, вновь причтенные къ лику Святыхъ, Іона и Филиппъ, стали еще между двумя первыми Митрополитами и двумя Кіевскими отшельниками.

Великому Князю понравилось древнее зодчество церкви Положенія ризъ, тѣсной, но высокой; на стѣнахъ ея изображенъ въ лицахъ весь акаѳистъ Божіей Матери, Которой нѣкогда воспѣли побѣдную пѣснь избавленные граждане Константинополя, когда отъ погруженія Ея ризы возмутились волны и разсыпались суда вражія. Предъ стариннымъ иконостасомъ стоятъ, по обѣщанію Патріарха Іосифа, четыре большія мѣстныя свѣчи, какъ свидѣтельствуетъ надпись; древніе царскіе врата вставлены были въ высокое окно, на западной стѣнѣ, позади самой иконы, что въ часовнѣ. Въ такомъ уваженіи всегда былъ сей образъ Печерской Богоматери, что и въ Успенскомъ соборѣ написанъ онъ на горнемъ мѣстѣ; ибо Митрополиты, оставивъ сперва колыбель нашего Христіанства, Кіевъ, и потомъ утративъ его совершенно, не хотѣли однакоже отказаться отъ драгоцѣннаго для нихъ титла Кіевскихъ и всея Руси.

При выходѣ изъ сѣверныхъ дверей церкви Положенія ризъ въ теремныя сѣни есть крутое крыльцо, спускающееся прямо къ западнымъ вратамъ Успенскаго собора. Здѣсь всегда ходили Царицы и Царевны на молитву, и самые Цари во дни неторжественные, ибо это было женское отдѣленіе дворца, и первая церковь, которая встрѣчается въ темномъ переходѣ, называлась, по описи временъ Царя Ѳео-

дора, церковью Великомученицы Екатерины, что у Царицы Натальи Кирилловны на сѣняхъ; она переименована была ея супругомъ въ память семейной радости. Однажды на соколиной охотѣ, близъ Москвы, увидѣлъ онъ во снѣ св. Екатерину, которая возвѣстила ему рожденіе дочери; изумленный Государь, возвращаясь въ столицу, встрѣченъ былъ вѣстію о счастливомъ разрѣшеніи Царицы и, исполненный благодарности, основалъ на мѣстѣ явленія женскую Екатерининскую пустынь, а въ теремахъ велѣлъ переименовать бывшую церковь преподобныя Евдокіи въ честь Великомученицы; но чтобы сохранить и престолъ Ангелу своей матери, Царицы Евдокіи Стрѣшневой, устроилъ онъ придѣлъ, вѣроятно, въ обширной трапезѣ, нынѣ закладенной, гдѣ также былъ и другой, святаго Онуфрія, на память дня ея рожденія.

Екатерининская церковь называлась и вѣнчальною, потому что въ ней совершались браки Царевенъ и Великихъ Княженъ, которыя не вѣнчались въ соборахъ; древнія иконы святыхъ Евдокіи и Екатерины стоятъ въ ней мѣстными и донынѣ. Сюда прибѣжалъ ночью, изъ Успенскаго собора, испуганный блюститель Патріаршаго престола, Митрополитъ Іона Ростовскій, къ Царю Алексѣю Михайловичу съ вѣстію, что во время утрени Патріархъ Никонъ, съ братіею Воскресенской обители, торжественно вступилъ въ храмъ и сталъ на свое мѣсто съ посохомъ Петра Чудотворца: сюда же собралъ Государь для совѣта духовенство и бояръ своихъ, которые не дали ему видѣть Патріарха; онъ только принялъ письмо его, гдѣ излагалъ свое видѣніе Никонъ.

Шесть различныхъ Сивиллъ написаны на клиросахъ сей церкви,—любимое украшеніе временъ

Алексѣя Михайловича, по той мысли, что Сивиллы, хотя и въ язычествѣ, прорицали о Христѣ; для лучшаго слуха вдѣланы въ стѣнахъ кувшины; въ алтарѣ же открывается правое окно, прямо къ Печерской часовнѣ, чрезъ которое Цари наши молились на чудотворную икону Богоматери. Великій Князь не ожидалъ, чтобы часовня сія была такъ близко и, услышавъ, что въ теремахъ находится до семи церквей, дивился странному ихъ расположенію въ зданіи, гдѣ многочисленные придѣлы, часовни, палаты, сѣни и переходы, составляютъ одинъ священный лабиринтъ, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго.

Слѣдуя далѣе по темному переходу, отдѣляющему церковь и трапезу св. Екатерины отъ золотой Царицыной палаты, мы вышли въ открытыя сѣни, ведущія въ большую церковь Рождества Богоматери. Она сооружена на мѣсто другой, гораздо древнѣйшей, которую основала супруга Донскаго св. Евдокія, въ память побѣды надъ Мамаемъ, одержанной въ праздникъ Рождества Богоматери, и сія первоначальная церковь недавно открыта подъ сводами новой. Два придѣла находились въ верхней, какъ и въ Екатерининской, во имя Маріи Магдалины, Ангела Царицы Маріи Ильиничны, первой супруги Алексѣя Михайловича, и во имя Никиты Столпника, вѣроятно, на память дня ея рожденіи. Здѣсь, позади праваго клироса, стояло ея царское мѣсто, съ весьма древнею иконою Іерусалимскія Божія Матери, которую потомъ взяли въ соборъ Успенскій; остались еще двѣ замѣчательныя иконы, Тихвинскія и Ѳеодоровскія Богоматери; послѣдняя была въ большомъ уваженіи у всего дома Романовыхъ, ибо ея священнымъ подлинникомъ, находящимся въ Ипатьевскомъ

монастырѣ, умоленъ былъ на царство юный Михаилъ Ѳеодоровичъ: но богатый окладъ, пожертвованный Царевною Маріею Алексѣевною, какъ еще о томъ свидѣтельствуетъ подпись, похищенъ непріятелемъ. Въ обширной трапезѣ стояла изразцовая печь съ лежанкою, гдѣ по преданію садились Царицы наши, во время шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ, и сквозь отверстое окно въ церковь могли слушать божественную службу.

Оттолѣ мы перешли, сквозь терема, на противулежащую широкую площадку, съ которой спускается открытое крыльцо къ Спасу на бору, а вверхъ идетъ такая же крутая лѣстница къ Спасу золотой рѣшетки; она была прежде совершенно прямою, но закруглена при построеніи новаго дворца. Съ сей площадки величественно подымается четырьмя ярусами все оригинальное зданіе узорочныхъ теремовъ, въ прихотливомъ вкусѣ старины собственно Русской, безъ примѣси иноземной. Пестрое для глазъ, давно отвыкшихъ отъ подобнаго зодчества и еще болѣе отъ такихъ украшеній, оно мило и близко сердцу, потому что сейчасъ отзывается чѣмъ-то роднымъ и, увидя его, съ первой минуты невольно скажешь: это наше! Въ нижнемъ ярусѣ обитали Царицы, отъ Грановитой палаты до самой церкви Рождества; надъ ними въ тѣсныхъ низкихъ покояхъ, по обычаю того времени, жили ихъ дочери Царевны. Третій и четвертый ярусы надстроены Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ Іоанна и Алексѣя, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись; но, послѣ ранней кончины брата, обиталъ тамъ одинъ Алексѣй Михаиловичъ; вверху одна лѣтняя свѣтлица съ вышкою, для прохлады въ полуденный зной; а въ жи-

ломъ ярусѣ, разбитомъ на многіе покои, еще и доселѣ отличается наружными изваяніями любимое красное окно Царя, подлѣ котораго стоятъ его древнія кресла. Всѣ эти покои, долго бывшіе въ совершенномъ запустѣніи, отдѣланы теперь внутри съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, во вкусѣ частію Московскомъ, отчасти Византійскомъ, съ иконною живописью по золоту на стѣнахъ, съ рѣзьбою на помостѣ и цвѣтныхъ окнахъ, и съ пышною утварью того вѣка.

Съ площадки любовался Великій Князь красотою теремной архитектуры и обратилъ вниманіе на гербы всѣхъ Россійскихъ княжествъ, изваянные и выкрашенные вдоль узорочнаго фронтона. Надъ входомъ въ сѣни Грановитой палаты сохранились три углубленія для иконъ: Спасителя, Богоматери и Предтечи, составляющихъ обычный деисусъ; подъ ними два крылатые грифона, баснословные стражи недоступныхъ сокровищъ, по обѣимъ сторонамъ Византійскаго двуглаваго орла;—это державная мысль Іоанна III, усвоившаго себѣ гербъ Имперіи. Онъ поставилъ и по другую сторону сѣней Грановитыхъ, съ Краснаго крыльца,—по́гонь, гербъ Литовскій, также между грифонами: ибо, выдавъ дочь свою Елену за Великаго Князя Александра, простеръ мысль и на Литву, отъ коей отторгъ нѣсколько удѣловъ. На малой теремной башнѣ, у золотой рѣшетки, замѣтилъ Великій Князь два стѣнные образа: одинъ Успенія Богоматери, другой Софіи Премудрости Божіей, оба на память престольныхъ соборовъ, Кіева, Новгорода, Владиміра и Москвы, празднующихъ Успенію и св. Софіи; но здѣсь образъ Софійскій списанъ съ Новгородскаго, а не съ Кіев-

скаго. Премудрость Божія изображена въ видѣ крылатаго огненнаго Ангела на престолѣ, ибо Пророкъ Исаія называетъ Христа Ангеломъ великаго Совѣта, и, чтобы удалить всякое сомнѣніе о значеніи Ангела, самъ Спаситель изображается надъ престоломъ; по сторонамъ же, какъ ближайшія орудія Промысла Божія о мірѣ, предстоятъ Богоматерь, въ Коей воплотилась сія Премудрость, и Предтеча, первый Ея благовѣстникъ и представитель обоихъ завѣтовъ Бога съ человѣками. Въ Кіевѣ та же икона св. Софіи написана въ образѣ Богоматери, съ проявляющимся въ лонѣ Ея Предвѣчнымъ Младенцемъ, стоящей въ храмѣ между семью столбами, а по сторонамъ Ея, на семи ступеняхъ, семь Пророковъ и сверхъ надпись: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь».

По высокому крыльцу золотой рѣшетки, уставленному древними львами Іоанновыми, поднялся Великій Князь въ придворный соборъ Спасскій, гдѣ Царь Алексѣй Михайловичъ принималъ челобитныя изъ рукъ Никона, бывшаго еще Архимандритомъ Новоспасскимъ, и, не выходя изъ церкви, давалъ рѣшеніе. Одиннадцать золотыхъ главъ вѣнчаютъ соборъ сей, съ тремя при немъ церквами; замѣчательны его древнія мѣстныя иконы: Лонгина сотника, къ которой съ усердіемъ притекалъ Василій Темный и оставилъ ее въ наслѣдіе своему роду, Ѳеодора Стратилата, Ангела двухъ нашихъ Царей, и важнѣйшая Нерукотвореннаго образа, принесенная по преданію изъ Греціи Царевною Софіею. Не она ли, быть можетъ, соорудила и соборъ Спасскій за золотой рѣшеткою, надъ великолѣпнымъ дворцемъ своего супруга, на память нерукотвореннаго Спаса, Который перене-

сенъ былъ изъ Эдессы еще въ неразоренную ея родину Константинополь?—смежная придѣльная церковь Предтечи, во имя Ангела Великаго Князя Іоанна, способствуетъ сей догадкѣ.

Надъ нею находится тѣсная Распятская церковь, любимая Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ онъ избралъ себѣ уединенное мѣсто для молитвы предъ большимъ распятіемъ и окружилъ себя изображеніями страшнаго суда; всѣ иконы вышиты руками дочерей его Царевенъ, письмо же ихъ Италіянское, а не Греческое. Малая дверь ведетъ изъ сей церкви на хоры, росписанные картинами Страстей Господнихъ; но сіи хоры принадлежатъ уже другой смежной церкви Словущаго Воскресенія, которая празднуетъ обновленіе Іерусалимскаго храма. Не было ли это малымъ подобіемъ или воспоминаніемъ Новаго Іерусалима? ибо и здѣсь церковь Распятія, подобно Голгоѳѣ, находится въ верхнемъ ярусѣ церкви Воскресенія, а самый праздникъ обновленія знаменуетъ, можетъ быть, общій подвигъ Царя и Патріарха при созиданіи обители, по образцу святаго Гроба. Сивиллы изображены на вратахъ церкви; большое паникадило, внутри котораго были часы, виситъ на сводѣ, и древняя икона Полоцкія Божія Матери, взятая Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ завоеваннаго имъ Полоцка, поставлена мѣстною въ иконостасѣ; богатое украшеніе ея похищено Французами.

Съ открытой паперти, окружающей церковь Воскресенія, осматривалъ Его Высочество то мѣсто, отколѣ, какъ говорятъ, бросился отчаянный Лжедимитрій, чтобы спастись отъ погони, на Царе-Борисовъ старый дворъ; должно однакоже предполагать, что сіе паденіе совершилось изъ нижняго яруса, хотя

въ томъ же мѣстѣ. Но древній домъ Годунова, гдѣ онъ такъ пышно жилъ царедворцемъ, и гдѣ такъ бѣдственно погибло его семейство, уже не существуетъ, равно какъ и старый Патріаршій домъ и Троицкое подворье, гдѣ Архимандритъ Діонисій съ Келаремъ Авраміемъ приступили къ избранію Михаила; мѣстность ихъ заняла новая оружейная палата.

Мы спустились отъ золотой рѣшетки въ нижній ярусъ теремовъ, въ золотую палату Царицъ, которая называлась также и Патріаршею: ибо въ ней принимали онѣ Первосвятителей, на краю своихъ покоевъ. Палата сія украшена была Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и оттого написаны въ ней Ангелы его дочерей, и потомъ вторично обновлена въ коронацію Императора Павла. На сводахъ ея изображено: видѣніе побѣдоноснаго креста Царемъ Константиномъ, подобно какъ и въ Грановитыхъ сѣняхъ, и обрѣтеніе животворящаго Креста Еленою; крещеніе и подвиги Великой Княгини Ольги; побѣда великомученика Димитрія Солунскаго надъ Батыемъ, въ память явленія на Донской битвѣ; весь синаксарій въ лицахъ первой недѣли великаго поста, о возстановленіи святыхъ иконъ, и легенда о Царицѣ Динарѣ, дочери Иверскаго Царя Александра Мелеха, воевавшей съ Персами. Мѣсто царское должно по обычаю искать въ правомъ красномъ углу, подъ деисусомъ и другими иконами. Въ сей золотой палатѣ Царь Казанскій, Шигъ-Алей, на колѣняхъ, умолялъ о прощеніи за свою измѣну гордую мать Іоанна Грознаго, Елену; здѣсь же Патріархъ Константинольскій Іеремія, поставивъ перваго нашего Патріарха Іова, осѣнилъ благословеніемъ супругу Ѳеодора Царицу Прину, а, спутникъ Патріаршій,

Архіепископъ Элласонскій Арсеній описалъ великолѣпіе палаты. Своды ея были покрыты золотомъ и мусіею, окна украшены богатыми завѣсами, полъ устланъ коврами съ изображеніемъ ловлей, серебряная утварь и раззолоченыя ваянія звѣрей и птицъ украшали храмину; на сводѣ висѣлъ металлическій левъ и держалъ кольцемъ свитаго змія, съ котораго спускались драгоцѣнные подсвѣчники; пышность царскаго чертога поразила пришельцевъ Византійскихъ.

Изъ золотой палаты малая дверь ведетъ въ темный переходъ къ Екатерининской церкви; вѣроятно, не было инаго выхода во внутренніе покои, совершенно отдѣленные отъ пріемныхъ на половинѣ Царицъ; а знаменитыя царскія палаты: золотая, серебряная, подписная, отвѣтная, панихидная, столовая и другія, разобраны были за ветхостію въ царствованіе Елисаветы Петровны. Теперь на ихъ мѣстѣ новый дворецъ; осталась одна Грановитая палата и предъ нею сѣни, гдѣ у самаго входа изображено, не безъ цѣли, видѣніе Іисусомъ Навиномъ Архангела Михаила, который говоритъ ему: «иззуй сапогъ свой, ибо мѣсто сіе свято;» такъ священно должно быть для каждаго жилище Царей.

Великій Князь посѣтилъ и древнюю церковь Рождества Богоматери, нечаянно открытую подъ теремами, когда проломали ихъ каменный помостъ для устроенія новаго крыльца. Она складена вся изъ бѣлаго камня, но сводъ надъ алтаремъ обрушился еще въ 1480 году и додѣланъ кирпичемъ: не это ли было причиною упраздненія церкви, когда воздвигалъ Іоаннъ III свой теремный дворецъ, ибо уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ молчатъ объ ней лѣтописи, и со

всѣхъ сторонъ она застроена, какъ въ каменномъ гробу. Неизвѣстно также, гдѣ придѣлъ Воскресенія Лазаря, сооруженный тою же св. Евдокіею; зодчество церкви напоминаетъ Троицкій соборъ въ лаврѣ: три длинныя окна въ полукружіи горняго мѣста, два столба по срединѣ, и въ одномъ изъ нихъ углубленіе для царскаго мѣста, а на верху еще видѣнъ Ангелъ страшнаго суда, съ надписью: «Ангелъ Господень трубитъ на землю». Позади столба другое каменное мѣсто изсѣчено въ стѣнѣ, и въ противоположномъ углу складенъ малый затворъ, гдѣ съ трудомъ можетъ помѣститься одинъ молящійся; послѣ Спаса на бору это, вѣроятно, древнѣйшая церковь.

XI.

СПАСЪ НА БОРУ.

И въ храмъ Спаса вступилъ Государь Наслѣдникъ. Еще первый Князь Московскій, Даніилъ Александровичъ основалъ здѣсь, въ густомъ бору, деревянную церковь Преображенія на томъ мѣстѣ, гдѣ была хижина отшельника Вуколы, какъ бы въ знаменіе грядущаго преобразованія дикаго бора въ великолѣпную столицу. Сынъ его, Іоаннъ Калита заложилъ каменную церковь и перевелъ къ ней, съ Москвы рѣки, первоначальную обитель отца своего; но Великій Князь Іоаннъ III, уже исполненный величіемъ царскимъ и желая расширить свои палаты, въ самый годъ сверженія ига Татарскаго, перенесъ обитель Спасову на новое мѣсто, и съ тѣхъ поръ оставался здѣсь одинъ соборъ. Іоаннъ Грозный при-

строилъ къ нему придѣлъ трехъ исповѣдниковъ: Гурія, Салмона и Авива, послѣ разоренія Новгородскаго, ибо такой же находится въ Софійскомъ соборѣ. Были и еще четыре придѣла у Спаса: Великомученика Мины, трехъ Святителей, Архангела Михаила и Спиридона Тримиѳунскаго, но они упразднены. Весьма древни мѣстныя иконы сего собора: съ образомъ Преображенія едва ли не закладывалась самая Москва; а прочія иконы, Срѣтенія Богоматери и Симеона Богопріимца, перенесены изъ бывшаго Срѣтенскаго собора, который воздвигъ Іоаннъ Грозный на сѣняхъ у своихъ дѣтей. Онъ былъ сломанъ въ исходѣ минувшаго столѣтія съ прочею частію теремовъ, простиравшихся отъ церкви Предтечи, что у Боровицкихъ воротъ, кругомъ всѣхъ соборовъ до Николы Голстунскаго.

Его Высочество съ благоговѣніемъ поклонился здѣсь великому просвѣтителю Перми, первому ея Епископу Стефану, и въ краткихъ словахъ я помянулъ его Христіанскіе подвиги: какъ, съ юныхъ лѣтъ проникнутый духомъ Апостольскимъ, сложилъ онъ грамоту для языка Пермскаго и одинъ погрузился въ дикіе лѣса, чтобы извлечь изъ мрака язычества народъ, который пріобрѣлъ онъ не только Церкви, но и государству. У гроба столь знаменитаго Пастыря, въ первоначальномъ соборѣ столицы, окончилъ Великій Князь благочестивое обозрѣніе ея памятниковъ. Проникая все глубже въ священную древность, онъ достигъ наконецъ до основанія, положеннаго ей Княземъ Даніиломъ, сыномъ того святаго Невскаго, который есть его собственный Ангелъ, и по дивному Промыслу блюдетъ новую столицу Россіи.

*

Въ день своего отъѣзда Его Высочество вышелъ уже въ дорожномъ платьѣ, чтобы еще однажды помолиться въ Чудовѣ монастырѣ, надъ ракою Святителя Алексія и, поднявшись отъ святыхъ мощей, вспомнилъ съ сердечнымъ умиленіемъ, что Императрица Марія Ѳеодоровна положила его при крещеніи въ раку къ Чудотворцу. Утѣшительно было слышать изъ самыхъ устъ Цесаревича о такомъ духовномъ его сближеніи съ великимъ Святителемъ, который издавна привыкъ быть добрымъ пѣстуномъ Великихъ Князей нашихъ, но только двухъ, отечески, принялъ въ свою спасительную раку;—первый изъ нихъ былъ великій младенецъ Петръ.

1837.

I.

КРЕМЛЬ.

Отрадно стоять на высотахъ Кремля въ часъ всенощной, когда на зовъ златоглаваго великана, внезапно и со всѣхъ сторонъ, откликаются его безчисленныя дѣти, и ходитъ гулъ въ дрогнувшемъ эѳирѣ, серебристый, многоглагольный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ и мыслей и словъ, которыя однакоже не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчищъ Ангельскихъ, стражей Русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отгнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ, подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко упокоивается земля, какъ бы на лонѣ у матери, и свѣтелъ вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы, и синихъ водъ ея и зеленыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго дня, который будто нéхотя разстается съ нею, убирая какъ невѣсту своенравными цвѣтами:—гдѣ только можно, медлятъ запоздалые лучи его, то догарая золотомъ на сонмѣ куполовъ и крестовъ, то дѣвственнымъ румянцемъ на стѣнахъ храмовъ, то воздвигая бѣлые призраки башенъ изъ массы зданій. Но эти призраки, подымаясь какъ бы изъ тьмы временъ,

гласятъ о славномъ минувшемъ; это громадная лѣтопись нашего царства, каменныя грани, которыя ставили предки на рубежѣ вѣковъ, ознаменованныхъ великими дѣяніями, чтобы при видѣ ихъ потомки укрѣплялись молитвою на новые подвиги. Прямо противъ Кремля церковь Черниговскихъ чудотворцевъ, гдѣ долго покоились святые мощи Князя Михаила и боярина Ѳеодора, кровію запечатлѣвшихъ вѣру во Христа предъ дикимъ Батыемъ; далѣе, позади величественныхъ храмовъ Пятницы, Всѣхъ скорбящихъ и Климента Папы Римскаго, главу коего принесъ св. Владиміръ изъ покоренной Корсуни, яснѣютъ вдали древнія башни Симонова, память первой побѣды надъ Татарами;—Сергій, молитвенно двигнувшій рать Донскаго на Мамая, указалъ и мѣсто для обители благодарному Князю.—Лѣвѣе одиноко возстаетъ величавая колокольня Новоспасская и съ нею воспоминаніе другаго конечнаго торжества надъ Монголами:—это бѣгство послѣдняго Хана Ахмата и паденіе Золотой Орды, два вѣка тяготѣвшей надъ Россіею, и величіе Іоанна, собирателя Руси, соорудившаго обитель въ лѣто сверженія ига. И третія славная обитель виднѣется правѣе Симонова, изъ толпы церквей, Донская именемъ и отголоскомъ первой побѣды. — Сергій и витязь, сокрушитель Мамая, опять дѣйствуютъ чрезъ два столѣтія, уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному Князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя оградили здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова и, какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ Гирей Крымскій, от-

толѣ пожиравшій взорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея!—Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ осѣненныхъ мирною рощей, скромно течетъ Москва рѣка, какъ Римскій Тибръ, свидѣтель столькихъ браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею, ихъ унесла съ собою мимотекущая волна; она же весело кропитъ зеленые брега свои, усѣянные нивами и садами, и синей лентой вьется между ними, доколѣ мало по малу не втекаетъ въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда, ударяя звонкой струею въ каменныя арки моста, какъ бы въ струны гуслей плещетъ она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любитъ смотрѣться въ ея зеркалѣ, со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славой, она опять ударяетъ волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь и, какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы, опять въ привольное лоно своихъ рощъ и полей къ стадамъ, пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаетъ Кремль, и Москва у ногъ его; но вокругъ ходитъ по небу луна, какъ бы на стражѣ его святыни, и бодрствуютъ, при свѣтѣ лампадъ, лики Святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое сліяніе свѣта небеснаго съ земнымъ, и тамъ, куда не досягаетъ широкій лучъ мѣсяца, заслоненный громадою соборовъ или уступомъ высокаго терема, тамъ яркой звѣздою горитъ во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой, и озаренное имъ лице Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается съ Божественнымъ Младенцемъ мимоходящему поклоннику. Все тихо и будто мертво, если

только можетъ быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и сами усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ бы на ложахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль:—лишь изрѣдка легкій вѣтръ зашевелитъ звѣньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ, и Спасская башня, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ считать боемъ часовъ мимотекущее время, какъ считаетъ свои сокровища богатый, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, чтобы, отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ.

1840.

II.

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Ночь: злключены соборы Кремля; изъ одной только открытой паперти, какъ изъ глубокаго жерла, льется отрадное мерцаніе невидимой лампады, которая невольно манитъ запоздавшаго изъ внѣшняго мрака въ гостепріимную сѣнь святилища.—Онъ всходитъ по звонкимъ ступенямъ; шаги его говорятъ подъ отзывными длинными сводами, и рядомъ съ нимъ идетъ его тѣнь, мгновенно теряясь въ узкихъ окнахъ и застилая собою древніе лики, вдоль по

стѣнѣ. Что дальше, то яснѣетъ углообразная паперть, доколѣ, на крутомъ ея поворотѣ, внезапный блескъ огромнаго паникадила яркой струею не ударитъ изъ-подъ самыхъ сводовъ, по лоснящимся камнямъ, какъ искрометная волна водопада, мгновенно ринувшаяся съ утеса. Отъ лика Спасова, одѣяннаго свѣтомъ, какъ ризою, повсюду льются широкіе лучи, и вотъ загараются окрестъ горнія изображенія св. Троицы, въ видѣ трехъ Ангеловъ-путниковъ, посѣтившихъ древняго Патріарха, и вся книга земнаго родства Сына Давидова, сына Авраамова, съ ликами семидесяти Апостоловъ, проповѣдавшихъ слово Его по вселенной.—Такое обиліе свѣта истекаетъ отъ чудотворной иконы Того, Кто Самъ былъ свѣтъ міру.

Но въ какое святилище служитъ преддверіемъ сія таинственная паперть, полусвѣтлая, полумрачная, гдѣ такъ ясно все горнее, а теменъ входъ?—Это храмъ Благовѣщенія, третій именитый соборъ Кремлевскій, прислоненный къ палатамъ Царскимъ, какъ домашняя сокровищница молитвы блюстителей земли Русской. Изъ Грановитой палаты, по лѣтописнымъ ступенямъ Краснаго крыльца, истертаго стопами великихъ мужей, мимо мѣдныхъ львовъ Іоанна, грызущихъ щиты свои, открывалось, при плескахъ народныхъ, шествіе Царей нашихъ, когда спускались они въ соборъ Благовѣщенскій для брачныхъ торжествъ, которыя сулили свѣтлою надеждою Россіи и прочностью ея грановитому престолу. Радостенъ былъ для нея и разсвѣтъ каждаго царственнаго младенца, просвѣщаемаго водою крещенія въ стѣнахъ того же святилища, иногда уже на вечерѣ дней державнаго отца, который, передавъ его залогомъ грядущаго счастія своему народу, самъ отходилъ къ

спящимъ предкамъ въ сосѣдній соборъ Архангельскій. Остановимся и мы на ступеняхъ Краснаго крыльца, и оттолѣ, въ утреннемъ свѣтѣ, окинемъ благоговѣйнымъ взоромъ златоглавый храмъ, который весь исполненъ глубокою молитвенною мыслію.

Четыре легкихъ купола, окружающіе главный, не служатъ только украшеніемъ, обычнымъ для соборовъ, въ знаменіе четырехъ Евангелій, на коихъ утверждена Церковь: нѣтъ, въ каждомъ изъ сихъ куполовъ есть малый горній храмъ, такъ что въ одинъ молитвенный часъ изъ одного святилища пять божественныхъ литургій могутъ возносить безкровную жертву. Кромѣ одного только придѣла, во имя св. Александра Невскаго, посвященнаго нѣкогда памяти Великаго Василія, который былъ Ангеломъ обновителю собора,—прочіе три относятся къ основной мысли храма и дополняютъ великое торжество Благовѣщенія меньшими празднествами: въ честь Архангела Гавріила, вѣстника небеснаго мира, и въ честь Богоматери, Которая послужила храмомъ для Воплощеннаго; наконецъ послѣдній придѣлъ, входа Спасителева въ Іерусалимъ, напоминаетъ намъ, что чрезъ Его торжественное вшествіе въ земный Сіонъ, открылись для насъ врата небеснаго.

На сѣверной стѣнѣ собора, противъ Краснаго крыльца, изображено Благовѣщеніе, не въ томъ однако видѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть сію икону. Не въ убогой храминѣ является благовѣстникъ Ангелъ молящейся Дѣвѣ, но сѣдящей съ водоносомъ у кладезя Галилейскаго; ибо мѣстное преданіе гласитъ, что, когда смиренная Марія, подобно прочимъ дѣвамъ Израиля, выходила каждый

день къ истоку водному, однажды явился Ей Ангелъ на истокѣ съ благодатною вѣстію; самый колодезь донынѣ показываютъ внутри убогой церкви, принадлежащей православнымъ въ Назаретѣ.—Вѣроятно, одинъ изъ Патріарховъ Іерусалимскихъ, посѣтивъ отечество наше, принесъ съ собою и сіе преданіе, которое изобразили на томъ храмѣ, куда обыкновенно слагались священныя приношенія Восточныхъ Іерарховъ: святыя мощи и кресты, донынѣ составляющіе лучшее сокровище Благовѣщенскаго собора. Тамъ, въ числѣ неоцѣненныхъ даровъ Востока, хранятся еще крестъ Царя Константина и другой, присланный Императоромъ Комниномъ Мономаху, и два рукописныхъ Евангелія, исхода XI вѣка, и сосуды XIV, принадлежавшіе Новгородскому Владыкѣ Моисею, съ прочею драгоцѣнною утварью.

Надъ входомъ въ паперть, есть другое изображеніе Пречистой Дѣвы, составленное изъ олицетворенныхъ пѣсней Ея акаѳиста. Она представлена, какъ одушевленный храмъ Господа, все содержащаго въ десницѣ Своей, Который, какъ Непорочный Агнецъ, пасется на лонѣ Маріи, пріемля пѣснь Ангеловъ, поклоненіе пастырей и дары Волхвовъ, вопіющихъ: «радуйся Агнца и Пастыря Матерь, селеніе Бога и Слова, заря таинственнаго дня.» Вся лѣвая сторона паперти исписана страшнымъ треволненіемъ Пророка Іоны, поглощеннаго тридневно въ персяхъ китовыхъ, ибо онъ также былъ таинственнымъ образомъ воплощенія и погребенія Христова. При воззрѣніи на сію бурю морскую, въ преддверіи мирнаго храма, невольно исторгается изъ устъ тихая пѣснь канона Богоматери: «житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу Твоему при-

текъ вопію Ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве.»

Три благовѣрные Князя встрѣчаютъ молитвенниковъ, почти на первыхъ ступеняхъ: святый Князь Даніилъ, основатель княженія Московскаго и всей грядущей его славы, котораго нетлѣнныя мощи положены въ твердую основу первопрестольному граду, и правнукъ Даніила, Донской, сокрушитель Мамая, выступившій противъ невѣрныхъ, съ иконою Богоматери, которая хранится въ соборѣ, и обновитель храма, сынъ великаго Іоанна, Василій; всѣ три изображены на стѣнахъ преддверія.

Рядъ мудрецовъ языческихъ и ветхозавѣтныхъ прозорливцевъ начертанъ также на столпахъ и въ простѣнкахъ сей глубокомысленной паперти, съ хартіями своихъ изреченій въ рукамъ, дабы видѣла Христіанская Церковь, что не только ветхій завѣтъ раскрывалъ тайну о воплощеніи Мессіи, но что и посреди народовъ языческихъ просіявалъ иногда отблескъ сего невечерняго свѣта въ мужахъ, которые, не вѣдая закона, творили законное по природѣ. Разумъ человѣческій, не ослѣпляемый мудрованіемъ плотскимъ, восходилъ иногда и до созерцанія божественныхъ истинъ, потому что, говоритъ Апостолъ Павелъ: «самъ Богъ явилъ намъ все, что о Немъ знать можно, и невидимое Его, присносущная сила и Божество отъ самаго сотворенія міра видимы чрезъ разсматриваніе тварей, такъ чтобы не познавшимъ и не чтущимъ Бога быть безотвѣтными.» (Рим. 1. 20.) Сіе глубокое слово Апостола хотѣли выразить въ лицахъ благочестивые строители храма, помѣстивъ въ его преддверіе двѣнадцать философовъ и съ ними шесть Пророковъ Израиля, возводящихъ постепенно

своими видѣніями до книги родства Іисуса Христа, начертанной на сводахъ. Кто же сіи избранники ветхаго міра и завѣта, поставленные однако не въ лѣтописномъ порядкѣ, у которыхъ время стерло въ рукахъ нѣкоторыя изреченія ихъ хартій?

Первый—Аристотель, основа схоластики среднихъ вѣковъ, указывающій въ свиткѣ своемъ на первоначальное сознаніе троичности Божества: «первѣе Богъ, потомъ же Слово, и Духъ съ ними единъ.» Подлѣ него Сивилла, благословляющая Господа Бога Израилева, «яко посѣтилъ и сотворилъ.» Великій труженикъ Анахарсисъ, много скитавшійся по вселенной, постигъ: «что уныніе есть пагуба человѣкамъ и всяческимъ, яже суть въ нихъ.»—Менандръ, одинъ изъ поэтовъ Греціи, проклинаетъ всякаго не любящаго Бога: «иже бо не любитъ Создателя своего, да будетъ проклятъ.» Жизнеописатель великихъ мужей, Плутархъ, внушаетъ нравственность языческому міру: «Бога бойся первѣе, родителямъ повинуйся, іереи хвали, старцы честнѣ почитай.»—Вотъ и Анаксагоръ, одинъ изъ глубокихъ мыслителей образованной Греціи, предостерегаетъ: «что бѣду пріемлетъ всякъ высше испытуяй о Бозѣ, яже не подобаетъ.» Стоикъ Зинонъ говоритъ, по горькому опыту: «что юность ниже добра, ниже зла.» Историкъ Ѳукидидъ и великій астрономъ Птоломей, не оканчиваютъ рѣчей своихъ, которыя для насъ утрачены.—Но вотъ и таинственный Трисмегистъ, источникъ всей мудрости Египетской, возвѣщаетъ: «что не созданныя естества и божественныя рожденія не имѣютъ ни начала, ни конца.» Сократъ, запечатлѣвшій смертію своею нравственную проповѣдь, твердо исповѣдуетъ, какъ бы предъ Ареопагомъ: «что добраго мужа ни-

какое зло не постигнетъ, что душа наша безсмертна, по смерти же будетъ добрымъ награда, а злымъ наказаніе;» и невольное сознаніе исторгается изъ устъ, славнѣйшаго изъ учениковъ его, Платона: «должно надѣяться, что самъ Богъ ниспошлетъ небеснаго учителя и наставника людямъ.»

Пророки наводятъ свѣтильникъ Духа Божія на сіе пробужденіе человѣческаго разума и движутъ предъ собою вѣки къ познанію Богочеловѣка. Даніилъ, вѣрно предсказавшій чрезъ семьдесятъ таинственныхъ седминъ самый годъ искупительной жертвы, предвидѣлъ также въ образѣ златоглаваго истукана, съ серебряными персями, мѣднымъ чревомъ и полужелѣзными, полускудельными ногами, четыре земныхъ царства, надъ обломками коихъ вознесется одно небесное и обниметъ весь міръ, хотя по видимому оно возникнетъ отъ непримѣтнаго начала: «азъ видѣхъ гору несѣкому, отъ неяже отсѣчеся камень, безъ рукъ, и истни глину, желѣзо, мѣдь, сребро и злато.» Еще прежде него взываетъ Исаія, болѣе Евангелистъ, нежели Пророкъ, какъ бы очевидный свидѣтель воплощенія, за восемь вѣковъ до Христа: «се Дѣва пріиметъ во чревѣ и родитъ сына и нарекутъ ему имя Еммануилъ.» И Пророкъ Іоиль видитъ благодатное явленіе Духа: «излію Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дщери ваши, и въ тѣ дни всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется.» Іона, образъ погребеннаго, вопіетъ, посреди своихъ треволненій: «живъ Господь, жива душа твоя, аще отстанетъ отъ беззаконій.» И отецъ царственнаго Давида, Іессей, изъ свитка Пророка Исаіи, свидѣтельствуетъ о себѣ и о грядущемъ Мессіи: «жезлъ изъ корени Іессеева, и цвѣтъ

отъ корня его взыдетъ, и почіетъ на немъ Духъ Божій;» а Соломонъ, создавшій храмъ истинному Богу, постигъ, кого знаменуетъ храмъ сей: «Премудрость созда Себѣ домъ и сотвори столповъ седмь.»

Символическія изображенія продолжаются и при входѣ въ самое святилище, съ нѣкоторою примѣсью мудрованій позднѣйшихъ. Налѣво, отъ западной двери, начертана на стѣнахъ олицетворенная земля, въ образѣ жены, держащей на лонѣ своемъ кошницу, изъ которой исходятъ Адамъ и Ева; вокругъ нихъ все существующее на землѣ, въ воздухѣ и подъ водами, а послѣ адское мученіе врага, искусившаго человѣческій родъ. По правую сторону дверей изображеніе небеснаго царства, привратникомъ коего одинъ изъ Апостоловъ съ знаменательными ключами, а предъ вратами сидятъ три древніе Патріарха, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ держащіе на лонѣ своемъ души, въ образѣ младенцевъ. Въ аркахъ, надъ сими картинами земли, ада и рая, таинственныя видѣнія Апокалипсиса: съ одной стороны Вавилонъ, великая мать мерзостей земныхъ, въ образѣ жены на звѣрѣ багряномъ, облеченная порфирою, съ златою чашей въ рукахъ, полною всякихъ сквернъ, сама упоенная кровію святыхъ, свидѣтелей Христовыхъ; подлѣ, седмь Ангеловъ съ трубами, стоящіе посреди безмолвія неба; еще одинъ Ангелъ вознесъ въ златой кадильницѣ молитвы святыхъ, съ дымомъ ѳиміама, и потомъ повергъ на землю кадильницу, и сдѣлались гласы и громы, молніи и землетрясенія.

А на противуположной сторонѣ: свѣтлое облако, на которомъ сидитъ подобный Сыну человѣческому, въ золотомъ вѣнцѣ, съ острымъ серпомъ въ рукахъ, ибо уже созрѣла на землѣ жатва; онъ бросилъ серпъ,

и пожата была земля, и вотъ сквозь отверстое небо скачетъ конь бѣлый; сѣдящій на немъ вѣренъ и истиненъ: очи его, какъ пламя, и много діадимъ на главѣ; онъ облеченъ въ ризу багряную отъ крови, и на челѣ его написано имя, которое никто не зналъ, кромѣ него самого, доколѣ не открылъ міру: имя сіе—Слово Божіе, а за нимъ потекли воинства небесныя, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый.— Такъ пророчества ветхозавѣтнаго міра, при переходѣ изъ паперти въ храмъ, смѣняются откровеніями послѣднихъ дней новозавѣтнаго міра о вѣчной славѣ Церкви торжествующей, послѣ всѣхъ ея земныхъ искушеній.

Тѣсенъ внутри, но благолѣпенъ малый храмъ, исписанный золотомъ по стѣнамъ, устланный яшмою вмѣсто мрамора. Отрадно въ немъ для сердца, особенно, когда, съ открытіемъ царскихъ вратъ, расширяется святилище зрѣлищемъ алтаря, исполненнаго ликами Апостоловъ и Святителей; они представляютъ собою полноту Вселенской Церкви, похваляющей Пречистую Дѣву, предъ горнимъ престоломъ Господа Силъ.

На четырехъ столпахъ возносится легкій куполъ; два изъ нихъ, посреди̇нѣ церкви, украшены также знаменательными иконами, какъ и самая паперть, своды и стѣны. Образъ Страстной Божіей Матери. на правомъ столпѣ, обнесенъ ликами Архангеловъ и праведныхъ женъ, Мучениць и Пророчиць, равноапостольныхъ Княгинь и Царицъ, изъ коихъ нѣкоторыя были Ангелами нашихъ. Къ сему же столпу прислонено, со стороны иконостаса, царское мѣсто, съ иконою Живоначальной Троицы, подъ богатымъ навѣсомъ, по сторонамъ коей стоятъ княжескіе

мученики Борисъ и Глѣбъ.—Это даръ Годунова, особенно пышнаго въ своихъ даяніяхъ Церкви, который, какъ будто, искалъ воздать небу за похищенное имъ на землѣ.

На лѣвомъ столпѣ расположены по красному бархату драгоцѣнные кресты, образа и панагіи, которые носили Цари наши, во дни торжественныхъ выходовъ, и подъ ними начертана, въ краткихъ словахъ, вся лѣтопись собора: «во славу святыя, животворящія, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, въ честь и память преблаженныя Дѣвы Маріи, святая соборная, честнаго Ея Благовѣщенія церковь создана бысть у сѣней двора Государева, повелѣніемъ благовѣрнаго Великаго Князя Московскаго и всея Россіи, Василія Димитріевича, въ лѣто Р. Х. 1397, и, по его же повелѣнію, въ 1405 году, украшена бысть иконнымъ писаніемъ; но по усердію и волѣ благовѣрнаго Великаго Князя Московскаго и всея Россіи, Іоанна Васильевича, та первозданная церковь, въ 1472 году, разобрана, и на мѣстѣ ея воздвигнутъ сей въ настоящемъ видѣ соборъ, который, со всѣми бывшими и нынѣ существующими при немъ придѣльными храмами, освященъ Геронтіемъ, Митрополитомъ Московскимъ и всея Россіи, августа въ 8 день, лѣта 1477; иконописью же по стѣнамъ украшенъ при Великомъ Князѣ Василіѣ Ивановичѣ, въ 1508 году. Оная иконопись возобновлена при благочестивомъ Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, въ 1697 году; потомъ же повелѣніемъ Екатерины II, въ 1770 году, и опять Императоромъ Александромъ I, въ 1801 году, внѣшнее сего собора благолѣпіе возобновлено, и выстланъ въ паперти полъ

камнемъ, повелѣніемъ Императора Павла I, въ 1799 и въ 1800.»

Верхъ благолѣпія соборнаго—роскошный иконостасъ; пять мѣстныхъ иконъ по правую сторону царскихъ вратъ и четыре по лѣвую замѣчательны своими символами или достоинствомъ историческимъ. Образъ библейскаго шестоднева, на коемъ представлено сотвореніе міра видимаго и человѣка, въ состояніи невинности, стоитъ подлѣ лика Искупителя, Который окруженъ изображеніями евангельскими Его жизни и страданій, для возвращенія падшаго человѣчества къ первобытной невинности. Прилично и выраженіе благодарнаго сердца Пречистой Матери Господней, въ олицетворенныхъ пѣсняхъ акаѳиста, на поляхъ Ея иконы. Есть и другое изображеніе молитвы, или деисусъ, (отъ греческаго слова «деисисъ» молитва), на которомъ представлены Пречистая Дѣва и Предтеча, молящіеся Господу Іисусу, а вокругъ Нихъ лики всѣхъ святыхъ молитвенниковъ. Оно стоитъ подлѣ Тихвинской иконы, восходящей до временъ Іоанна III.

Но два главные образа Спаса и Божіей Матери сосредоточиваютъ въ себѣ всю древность и всю святыню храма и, какъ два благодатныя ока, привѣтливо смотрятъ на входящихъ въ святилище. Одна икона изображаетъ великаго Архіерея, Господа Іисуса Христа, сѣдящаго на престолѣ славы, и подпись свидѣтельствуетъ о давнихъ годахъ ея и о тѣхъ священныхъ лицахъ, которымъ принадлежала: «въ лѣто міробытія 6845, отъ Р. Х. 1337, сія чудотворная икона Спасителя написана, при державѣ Великаго Князя Іоанна Даниловича Калиты, многогрѣшнымъ Михаиломъ, поднесена бысть святому

Владыцѣ Моисею, отъ святаго Петра Митрополита Московскаго, въ лѣто 1325, изъ Архимандритовъ Юрьева монастыря, въ Великомъ Новградѣ.»

Другая икона Донской Божіей Матери, храмовая собора, съ изображеніемъ Ея успенія, на задней дскѣ, и съ осмнадцатію ликами Праматерей ветхозавѣтныхъ, начиная отъ Евы, надъ которыми такъ высоко вознеслась Пречистая Дѣва, Матерь воплощеннаго Сына Божія. Рука враговъ, похитившая драгоцѣнную ея ризу въ 1812 году, не коснулась златокованнаго обруча, который показался имъ мѣднымъ. Славное имя Донской присвоено ей въ память Куликовской битвы, на которую послѣдовала за мужественнымъ Димитріемъ; ибо Князья наши всегда почитали заступницею своею Божію Матерь, и Ей празднуютъ всѣ первопрестольные соборы столицъ, подъ именемъ ли святой Софіи или Премудрости Божіей, для которой послужила Она домомъ, или тѣхъ мѣстныхъ явленій, какими прославила видимый покровъ Свой. Даже поясомъ Богоматери слыветъ, въ преданіяхъ народныхъ, рѣка Ока, такъ часто заслонявшая Москву стальной своей струею отъ набѣговъ варварскихъ. Сію Донскую икону поднялъ, по примѣру воинственнаго предка, послѣдній изъ рода его, Царь Ѳеодоръ, когда съ высоты своего Кремлевскаго терема увидѣлъ станъ Ордынскій на сосѣднихъ горахъ Воробьевскихъ. Онъ отпустилъ, съ молебнымъ пѣніемъ, древнюю Заступницу, на крайній валъ столицы; а самъ отходя къ покою, на вечерѣ того дня, съ ангельскою улыбкою сказалъ боярамъ, изумленнымъ его спокойствіемъ: «грѣшно бояться, завтра не будетъ врага». Утромъ, пробудившись отъ мирнаго сна, взошелъ онъ опять на свой

теремъ посмотрѣть станъ Ордынскій, но его уже не было;—слышались только клики ратныхъ, славящихъ побѣду, и Владычица, съ торжествомъ, возвратилась въ древнее Свое жилище; а воинскій шатеръ, на мѣстѣ подвига, процвѣлъ во имя Ея мирною обителію Донскою.

III.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ СОБОРЪ.

Погрузимся въ сумракъ Архангельскаго собора, гдѣ отъ избытка мертвыхъ тѣсно живымъ: что шагъ, то могила, и какія могилы?—вмѣстившія въ себѣ едва вмѣстимыхъ цѣлымъ царствомъ! каменныя скрижали смерти, на которыхъ вписалась многовѣковая лѣтопись! Здѣсь истинно сердце Русской земли, и здѣсь упокоились всѣ ея междоусобія, по мѣрѣ того, какъ собирались сюда кости ея Князей. Сколько вражды улеглось въ той же могилѣ, гдѣ одна гробовая доска служитъ гранію мира между сокрушителями бойницъ! но вмѣстѣ и сколько славы, какъ бы живыя струи подземнаго ключа, кипитъ, готово пробиться изъ-подъ каменныхъ остроконечныхъ крышъ, на коихъ изсѣчено упокоительное слово: «преставися,» уравнивающее исполиновъ съ землей и между собою!—И не одна только лѣтопись именъ и годовъ представляется испытующему взору въ мертвой тишинѣ собора; пѣтъ, много здѣсь и для сердца, и для ума! Входящій съ холоднымъ невѣріемъ, съ однимъ любопытствомъ любителя

древности, можетъ выдти отселѣ съ теплою вѣрою, будучи пораженъ ужасомъ минувшаго и грядущаго, если только вникнетъ самъ въ себя, а потомъ въ святыню храма и гробовъ, и прочтетъ на нихъ не руку времени, но перстъ Божій!—Взявъ лѣтопись, какъ свѣточь, пусть посвѣтитъ себѣ во мракъ смерти, и созерцаетъ неиспытанныя судьбы Божіи, совершившіяся надъ ликомъ усопшихъ.—Тогда увидитъ, какъ тайный Промыслъ, будто бы случайно, безотчетною рукою минувшихъ поколѣній, положилъ рядомъ убійцу съ убіеннымъ, жертву на мѣсто, избранное мучителемъ, и, широко разсѣливъ благословенныя семейства вокругъ преставшихся отцевъ, втѣснилъ по нѣсколько честолюбцевъ въ одинъ узкій гробъ, подлѣ тѣхъ, у кого домогались похитить престолъ.

Отрадно и для сердца прочесть на краю гробовъ, или на пышныхъ покровахъ, послѣднія молитвы, какія исторгались изъ устъ, уже проникнутыхъ чаяніемъ вѣчности, или, съ какими отпускали въ вѣчность проникнутые горемъ разлуки.—Здѣсь можно изучить и характеръ усопшихъ, и духъ времени, а иногда и случаи смерти, по мѣрѣ того, какъ выпадало глубокое слово современниковъ на драгоцѣнную для нихъ могилу, подобно, какъ осыпается иногда крупный жемчугъ съ богато унизаннаго покрова.

Но, прежде нежели приступимъ къ торжественному сонму умершихъ, окинемъ мыслію и взоромъ самый соборъ, куда стеклись для покоя столько сильныхъ земли. Какая высокая, истинно Христіанская мысль запала въ душу Великаго Князя Іоанна Калиты—соорудить храмъ во имя Архангеловъ для

погребенія будущаго славнаго потомства! Онъ хотѣлъ, чтобы и по смерти земная оболочка великихъ душъ отдыхала подъ сѣнію тѣхъ Ангеловъ хранителей, которымъ порученъ будетъ каждый изъ сыновъ его, на все теченіе жизни, и потому памятью и ликами Ангеловъ исполненъ весь погребальный соборъ; какъ бы едиными устами отовсюду гласитъ онъ умилительную пѣснь, коею Церковь призываетъ помощь небесныхъ Силъ: «Архистратиги божественной славы, Ангеловъ начальники и человѣковъ наставники, полезное намъ просите и велію милость». Вся западная стѣна объята страшною картиною послѣдняго суда съ ликами Архангеловъ, сзывающихъ отъ концевъ земли весь человѣческій родъ; а вдоль южной и сѣверной стѣны начертаны бывшіе Князи и судіи земли, какъ бы возставшіе уже по звуку трубному, каждый надъ своимъ гробомъ, съ отблескомъ невечерняго свѣта вокругъ чела, и съ ликомъ своего Ангела хранителя надъ главою, который ходатайствуетъ и за предѣлами гроба, доколѣ не рѣшится участь ввѣренной души на страшномъ и нелицепріятномъ судилищѣ.

Калита основалъ соборъ въ 1333 году, на мѣсто убогой деревянной церкви отца своего Даніила, а славный Іоаннъ, собиратель Русской земли, въ 1505 г., сломалъ ветхій и основалъ новый обширный храмъ, чтобы не было въ немъ тѣсно его предкамъ и потомкамъ, для которыхъ устроялъ царство на столь широкихъ размѣрахъ, распустивъ надъ нимъ крила Византійскаго имперскаго орла. Благочестивый сынъ его, Василій, довершилъ и освятилъ начатое великимъ отцемъ и, какъ радушный хозяинъ, властительски распорядивъ почетныя мѣста для каждаго

изъ славныхъ предковъ, самъ улегся инокомъ, въ лѣтописномъ порядкѣ царственныхъ гробовъ.

На величественномъ иконостасѣ представляется взорамъ древній храмовый образъ Архангела Михаила, подлѣ Спасителева,—оба въ богатыхъ окладахъ; далѣе, за южной дверью, иконы Предтечи и Святителя Николая надъ гробами обновителей собора, а на южной стѣнѣ самый обликъ царственнаго инока Варлаама, при иконѣ его бывшаго Ангела, великаго Василія. По лѣвую сторону царскихъ вратъ, образъ Божіей Матери, прозванный Благодатное Небо, по преданію, подаренъ Витовтомъ, гордымъ Княземъ Литвы, дочери своей Софіи, когда выходила она за сына Донскаго; другая икона Благовѣщенія поставлена въ честь Архангела Гавріила, чтобы и радостный вѣстникъ примиренія неба съ землею стоялъ на ряду съ Архистратигомъ небесныхъ Силъ въ соборѣ безплотныхъ. За сѣверною дверью, опять образъ великаго Архіепископа Кесаріи, ибо много Василіевъ отдыхаютъ въ соборѣ, подъ сѣнію его молитвъ, а другая икона Ѳеодора Стратилата, ради двухъ спящихъ Царей Ѳеодоровъ. И горькая инокиня Марѳа, бывшая нѣкогда Царицею, ввѣряя храненію Архангеловъ нетлѣнныя мощи своего блаженнаго отрока Димитрія, поставила въ виду ихъ, на сѣвѣрной стѣнѣ, икону Тихвинскія Божія Матери, на память долгаго своего заточенія въ предѣлахъ Тихвинскихъ, у пустынныхъ водъ Бѣлаго озера.—Таковы мѣстныя иконы святилища.

Приступимъ теперь къ лику усопшихъ; но съ кого начать? съ котораго конца развить сію хартію смерти, погребальнымъ свиткомъ обвившую всѣ столпы и стѣны?—Прежде всего припадемъ къ свя-

щенной ракѣ юнаго Царевича и, посреди такого сонмища мертвыхъ, насладимся утѣшительною мыслію грядущаго воскресенія земной оболочки нашей, въ прославленномъ образѣ, котораго начаткомъ и свидѣтельствомъ служитъ нетлѣніе Святыхъ, угодившихъ Богу. Открыта рака, и въ ней, подъ богатымъ покровомъ, почиваетъ Димитрій; хранители Ангелы не будятъ дитя до послѣдняго утра; но вотъ, на гробовой доскѣ, отразился, какъ въ зеркалѣ, чистый ликъ его въ томъ возрастѣ, въ какомъ заснулъ на землѣ: изъ серебра вычеканены княжеская одежда и то ожерелье, которое дерзнулъ схватить убійца, занесшій ножъ на святаго, а вокругъ юнаго чела сіяютъ два вѣнца, земной Царевича и небесный мученика. Въ долгомъ ряду Князей, прежде него усопшихъ, какъ будто для него нарочно оставлено было самое почетное мѣсто, въ сердцѣ собора, у праваго столпа предъ иконостасомъ; но это мѣсто указано—Годуновымъ; Борисъ, какъ родоначальникъ новаго племени Царей, первый отклонился отъ смиреннаго ихъ порядка вдоль стѣны, чтобы выступить на самую средину храма и, черезъ шесть недѣль, онъ выкинутъ былъ призракомъ убіеннаго, Лжедимитріемъ, сквозь проломъ соборной стѣны, какъ недостойный пройти чрезъ освященныя врата; а на праздное мѣсто Бориса, Царь Шуйскій, солгавшій Россіи о кончинѣ невиннаго отрока, принужденъ былъ своими руками поставить его раку предъ лицемъ всего царства.—Не перстъ ли Божій въ событіяхъ, столь по видимому странныхъ?

А гдѣ же самъ Шуйскій?—вотъ онъ, въ западномъ углу собора, смиренно приникъ, подлѣ трехъ безъимянныхъ гробовъ, быть можетъ его братьевъ, вырытый изъ Польскаго плѣна, изъ-подъ чуждаго

столба на распутіи, который двадцать семь лѣтъ гласилъ о его горькой участи, и поставленный Царемъ Михаиломъ подъ сѣнь погребальную храма. Наискось отъ раки Царевича гробъ Шуйскаго, какъ вѣчный свидѣтель тому, кого однажды убого погребалъ онъ въ Углицкомъ соборѣ, чтобы съ такою славою внести потомъ въ Архангельскій! Достойно вниманія, что въ бѣдственную эпоху 1812 года, когда пылала Московская святыня, усердіе престарѣлаго пресвитера Вознесенской обители спасло мощи Царевича отъ неистовства Французовъ. Ночью перенесъ онъ раку изъ запустѣвшаго собора на верхъ иконостаса своей монастырской церкви и, умирая, прежде изгнанія враговъ, открылъ сію тайну брату своему, причетнику, который возвѣстилъ о томъ Архіепископу Августину, и святыя мощи возвратились древнему ихъ жилищу.

Но кто такъ смиренно улегся въ ногахъ Царевича, какъ бы припавъ къ его цѣлебной ракѣ?—Мы узнаемъ тебя, благочестивый Царь Алексій, еще при жизни избравшій сіе мѣсто упокоенія, ибо душа твоя, исполненная любви, прилѣпилась къ блаженному Царевичу и отъ него ожидала себѣ родственной встрѣчи въ небесныхъ сѣняхъ. Ты любилъ бесѣдовать, не только со святыми отшельниками, заживо умершими міру, но и съ ликомъ отжившихъ, въ пламенныхъ къ нимъ молитвахъ и даже въ умилительныхъ посланіяхъ. Такъ испросилъ ты прощеніе грозному прадѣду у священно-мученика Филиппа, когда, посылая за его нетлѣнными мощами въ отокъ Соловецкій, трогательно писалъ къ нему чрезъ Патріарха Никона, какъ бы къ живому; никто достойнѣе тебя не могъ занять мѣсто у ногъ блаженнаго отрока.

Одна только могила рано утраченнаго сына Алексія отдѣляетъ гробъ мудраго законодателя отъ гроба кроткаго его родителя, столь близкаго сердцу Россіи. Какъ нѣкая благовонная масть, исцѣляющая всякую язву, приложился юный Михаилъ къ глубокимъ ранамъ бѣдствующаго отечества и заживилъ ихъ въ теченіи долгаго царствованія. Лице его просіяло, какъ солнце, въ часъ блаженной кончины, говоритъ преданіе, ибо на немъ отразилась тишина умиренной имъ державы. Царственно прислонился онъ къ правому почетному столпу, первенецъ своего рода, какъ столпъ и основаніе грядущаго славнаго дома, и вокругъ столпа обвилась юная лѣторосль Царевичей, дѣтей его, внуковъ и правнуковъ. Здѣсь два его сына, Іоаннъ и Василій, для которыхъ выстроилъ узорочный теремъ на своихъ палатахъ, и два внука, Симеонъ и Димитрій, едва разцвѣтшіе сыны Царя Алексія, и два правнука, Плія и Александръ, отпрыски Царей Ѳеодора и Петра. Какъ младенцы, играя заснувшіе на лонѣ утѣшеннаго ими дѣда, который молча сидитъ, не смѣя нарушить ихъ невинный покой, такъ собрались дѣти и внучата къ тихому Михаилу.

Два изображенія во весь ростъ Царей Михаила и Алексія висятъ на противоположномъ столпѣ, свидѣтельствуя въ виду могилъ о земномъ величіи отжившихъ. Какая по истинѣ противоположность! въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаховыхъ стоятъ они, облеченные царскою одеждою, съ крестомъ и скипетромъ и державой, которая на минуту сжалась въ рукахъ Михаила, чтобы еще пышнѣе разростись въ десницѣ Алексія и обнять собою западъ, полдень и востокъ. Куда же обращенъ лики державныхъ?—на

мирное свое жилище за предѣлами временнаго, гдѣ царство небесное смѣнило для нихъ земное!—Это была мысль благочестиваго Царя Алексія; онъ поставилъ изображеніе родителя противъ его гробницы, смиренно начертавъ на ней: «въ лѣто 7133, іюля въ 12-й день, на память преподобнаго отца нашего Михаила Малеина, съ субботы на воскресенье, въ 3-мъ часу нощи, преставися благовѣрный и Христолюбивый Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси». Онъ же осѣнилъ ее богатымъ, жемчужнымъ покровомъ, «во украшеніе и надежду будущаго упованія» ибо великолѣпные сіи покровы знаменовали прославленное тѣло будущаго вѣка, въ которомъ воспрянутъ мертвые; и въ свою чреду, благочестивый сынъ Ѳеодоръ поставилъ такое же царское изображеніе противъ гроба отца и положилъ столь же пышный покровъ на преставившагося, «Божіемъ праведнымъ изволеніемъ, раба Божія, благовѣрнаго и Христолюбиваго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича, (уже не просто всей Руси, но) всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, и многихъ государствъ и земель, Восточныхъ, и Западныхъ, и Сѣверныхъ, отчича и дѣдича, наслѣдника, Государя и обладателя».

Самъ Ѳеодоръ, сей кратковременный владыка, оставившій по себѣ долгую память, истребитель мѣстничества, любитель просвѣщенія, для котораго вызвалъ ученыхъ мужей изъ Кіева, Царьграда и Запада, воспріялъ ту же почесть отъ руки присныхъ, и братски улегся съ болѣзненнымъ Іоанномъ, своимъ преемникомъ, отдѣльно отъ другихъ, подъ сѣнію лѣваго столпа, ибо уже не было болѣе мѣста подлѣ отца и дѣда.

Между сонмомъ Князей и Царей есть и одинъ Императоръ, внукъ великаго Петра, ему соименный, похищенный раннею смертію изъ-подъ брачнаго и царскаго вѣнца. Горько опуская въ могилу свою цвѣтущую надежду, современники не могли краснорѣчивѣе выразить своего плача, какъ плачемъ Пророка Іереміи, когда одиноко возсѣлъ онъ на развалинахъ Іерусалимскихъ, во дни плѣненія Вавилонскаго, и пролилъ душу свою предъ Богомъ Израиля. Его плачевную пѣснь изсѣкли на гробѣ юнаго Императора, вмѣстѣ съ описаніемъ краткой жизни и горькой утраты: «Благочестивѣйшій и самодержавнѣйшій Государь Петръ II, Императоръ Всероссійскій, рожденъ лѣта 1715-го сентября въ 12-й день, прародительское владѣніе пріемши, вѣнчанный и помазанный въ лѣто 1728, февраля 25-го дня, великихъ благъ чаяніемъ подданныхъ въ кратцѣ обнадеживъ, изволеніемъ Божіимъ, къ вѣчному царству преставися, лѣта 1730 января 19-го дня.—Разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачъ ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея; горе намъ яко согрѣшихомъ».—Къ лѣвому столпу прислоненъ гробъ Императорскій, напротивъ раки блаженнаго Царевича, какъ бы для того, чтобы сильнѣе выразить какого сокровища лишилась тогда Россія, не предвидѣвшая еще своей грядущей славы и продолженія благословеннаго корня.

Еще другія святыя мощи недавно ввѣрены храненію собора, когда упразднена была церковь Черниговскихъ чудотворцевъ, надъ Тайницкими вратами Кремля. Два славные мученика, временъ Татарскихъ, Князь Черниговскій Михаилъ и вѣрный его боярин Ѳеодоръ, вмѣстѣ пострадавшіе, вмѣстѣ покоятся подъ

спудомъ, у втораго столпа, и нигдѣ приличнѣе не могло быть обрѣтено мѣсто упокоенія, какъ въ сонмѣ родственныхъ Князей, которые одушевлялись подвигомъ ихъ на новые подвиги противъ невѣрныхъ. Благовѣрный Князь не хотѣлъ преклонить выи предъ идолами Батыя и палъ подъ мечемъ Ханскимъ, а вѣрный бояринъ, возбуждавшій его къ мученичеству, запечатлѣлъ кровію твердое слово. Оба изображены надъ ракою почившими послѣ трудовъ, какъ и отрокъ Димитрій, и сими тремя мучениками хвалится усыпальница Князей Русскихъ.

Опять странная противуположность, если только можно отнести къ случаю то, что устроено тайнымъ Промысломъ къ назиданію вѣрующихъ! Чей гробъ приникъ къ столпу, напротивъ раки пострадавшихъ за вѣру въ Золотой Ордѣ, которая два вѣка тяготѣла надъ Русью?—Это гробы Царя и Царевича Казанскихъ, державы, собранной изъ остатковъ Орды и разсыпавшейся подъ тяжелою стопою Іоанна!—гробъ Царевича Петра, сына Ибраимова, сына Мамотякова, Царя Казанскаго, и гробъ сына славной Сумбеки, защищавшей царство свое противъ Грознаго, которая привезена была съ плѣннымъ отрокомъ изъ падшей Казани. Какъ утѣшительно читать на гробовой доскѣ бывшаго врага Христіанъ новое Христіанское его имя, еще отзывающееся Татарскимъ корнемъ; «въ лѣто 7074-ое, іюня въ 11-й день, на память св. Апостолъ Варѳоломея и Варнавы, преставися Царь Казанскій, Александръ Сафагиреевичъ, сынъ Царя Казанскаго». Не муками и не кострами, какъ нѣкогда Князей Черниговскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ, терзаемыхъ въ Ордѣ за вѣру предковъ, но кроткимъ свѣтомъ Евангельской истины призы-

вала святая Русь закоснѣлыхъ враговъ своихъ изъ тьмы язычества въ благодатное царство Христово и, забывъ древнія обиды, гостепріимно открывала имъ объятія храмовъ, усыпальницу Князей: такъ, вѣра во Христа сливала во едино иноплеменные ихъ роды, издавна обагренные взаимною кровію.

Не много гробовъ прислонилось къ сѣверной стѣнѣ собора, будто бы негостепріимная дышала холодомъ на искавшихъ къ ней пріютиться; но, подобно какъ бываетъ въ теплицѣ, отстранился отъ нея замогильный, княжескій цвѣтъ земли Русской, чтобы пышными побѣгами распуститься вдоль западной и южной стѣны и обвить ихъ своимъ погребальнымъ плющемъ. Всѣ четыре могилы удѣльныя: вотъ у самаго иконостаса, подъ Тихвинскою иконою Царицы инокини, опочилъ въ 1464-мъ году внукъ Храбраго Владиміра, сподвижника Донскаго, Князь Василій Ярославичъ Боровской, котораго благочестіе выразилось надгробною надписью: «покой, Спасе нашъ, съ праведными рабы своя, въ селѣхъ избранныхъ ти: аще бо и согрѣшиша вси, но не отступиша отъ тебе». Какъ много смиренія и вѣры въ сей молитвѣ!

Отъ сѣверныхъ вратъ, первый положенъ вдоль стѣны, сынъ Темнаго, Князь Андрей Углицкій, названный бо́льшимъ, для отличія отъ меньшаго соименнаго брата, но самъ, затмѣнный славою старшаго, Іоанна собирателя Руси. Подлѣ лежитъ другой Князь, Андрей, сынъ Владиміра Храбраго, а наконецъ удѣльный Князь Дмитровскій, Юрій, мало извѣстный сынъ великаго Іоанна, упирающійся въ безъимянные гробы братьевъ Шуйскаго (если только это его братья), которые своими нѣмыми памятниками отдѣляютъ искупленнаго плѣнника отъ лика соплеменныхъ ему

властителей. На Шуйскомъ, какъ на утесѣ, обрывается сѣверный рядъ гробовъ и одиночествомъ его могилы выражено одинокое его явленіе на престолѣ Рюрика, окончившееся невольнымъ постриженіемъ. Никто изъ Романовыхъ не хотѣлъ возлечь подлѣ; Цари и Царевичи отклонились отъ его сосѣдства къ блаженному отроку, ибо юноша Михаилъ не путемъ Шуйскаго возшелъ изъ мирной обители Ипатіевской на Грановитый престолъ.

Начиная отъ западныхъ вратъ и до угла собора, двѣнадцать удѣльныхъ гробницъ тѣснятся вдоль стѣны, одна подлѣ другой; число мертвыхъ превышаетъ здѣсь число могилъ. Третій сынъ Калиты, Андрей, положенъ въ самомъ углу, какъ родоначальникъ старшаго племени удѣльныхъ Князей, и подлѣ храбрый сынъ его Владиміръ, другъ Димитрія, боецъ всѣхъ его битвъ, съ которымъ раздѣлилъ громкое имя Донскаго, въ память Куликовской побѣды, одержанной его послѣднимъ натискомъ на Орду. Смиритель Мамая, Ольгерда, Олега Рязанскаго и всѣхъ недруговъ Димитрія, самъ онъ довольствовался Серпуховскимъ своимъ удѣломъ, и первый изъ Князей Русскихъ имѣлъ великодушіе отречься отъ древняго права, по коему старшій въ родѣ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій. — Оттолѣ благой примѣръ Владиміра сдѣлался основнымъ закономъ для княжества Московскаго, которое укрѣпилось упадкомъ удѣловъ.

Не такъ поступили съ внукомъ Димитрія, своимъ племянникомъ и братомъ, спящіе подлѣ Храбраго Владиміра, Князья Галича, отецъ и сынъ, Юрій и Косой. Малъ, оскорбителенъ казался Юрію удѣлъ его, послѣ смерти брата, Великаго Князя Василія,

и вмѣстѣ съ дѣтьми своими, Косымъ и Шемякою, возбудилъ онъ двадцатисемилѣтнее междоусобіе въ землѣ Русской. Казалось, честолюбивый отецъ искалъ себѣ престола только для того, чтобы по ступенямъ его быстро сойти въ могилу и туда же увлечь за собою старшаго сына, ослѣпленнаго сперва блескомъ вѣнца, а потомъ рукою соперника. Вопреки порядка Архангельскихъ гробницъ, одна могила заключила обоихъ, которымъ тѣсно было родовое ихъ княженіе, и даже третій сынъ Юрія, Димитрій, красный тѣломъ и душою, опущенъ въ тотъ же гробъ;—такъ поскупилась земля Русская послѣднимъ для нихъ пріютомъ!

Но если согрѣшили противъ нея Князья Галича, Юрій, Косой и Шемяка, то одинъ Красный могъ загладить тяжкія вины своего семейства чистою молитвенною жизнію. Во цвѣтѣ лѣтъ преставился онъ, какъ тихій Ангелъ, и необычайная его кончина изумила современниковъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пріобщился св. таинъ и, при чтеніи канона на исходъ души, испустилъ послѣднее дыханіе; опрятали тѣло къ погребенію, но, въ полночь, сбросивъ съ себя покрывало, громко возгласилъ мертвецъ Евангельскія слова: «Петръ же позна его, яко Господь есть». Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, діаконъ, читавшій надъ нимъ псалтирь, едва могъ разбудить спящихъ окрестъ; мертвецъ же повторялъ одно и тоже, какъ будто предъ нимъ совершалось утѣшительное свиданіе воскресшаго Господа съ учениками, на озерѣ Тиверіадскомъ; онъ не глядѣлъ глазами, но тѣло у него было какъ у живаго. Красный запѣлъ церковную пѣснь: «Господа пойте дѣла и превозносите его во вся вѣки» и пѣлъ до самой утрени; тогда

принесли ему запасные дары: онъ проглянулъ, изъ глубины сердца произнесъ: «радуйся утроба Божественнаго воплощенія», пріобщился, и съ воскресенья до среды былъ живъ, пѣлъ священныя пѣсни, читалъ наизусть святое Писаніе, не понималъ, что ему говорили, но узнавалъ людей, хотя и отвѣчалъ безъ порядка; въ среду умолкъ онъ, а въ четвергъ скончался странный мертвецъ во время литургіи. Тѣло его привезено изъ Углича въ соборъ Архангельскій и оказалось нетлѣннымъ при погребеніи.— Такъ записала сіе дивное событіе современная лѣтопись.

Два младшіе, миролюбивые сыны Донскаго, Андрей и Петръ, просторно отдыхаютъ, каждый въ своей могилѣ, рядомъ съ семьею тревожнаго брата Юрія, и подлѣ нихъ старшій братъ Темнаго, Іоаннъ, раннею смертію избавленный отъ смутъ междоусобія. Сынъ великаго Іоанна, Симеонъ, Князь Калужскій, и трое дѣтей Темнаго: Юрій Дмитровскій, Борисъ, Князь Волоколамскій, другъ и покровитель преподобнаго Іосифа, основавшаго славную обитель въ его предѣлахъ, и младшій Андрей, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Владиміра Храбраго, Іоанномъ и Ярославомъ, заключаютъ у западныхъ вратъ гробовую лѣтопись. На послѣдней могилѣ начертана съ боку, для всего ряда усопшихъ, краткая молитва, которая невольно поражаетъ взоры каждаго, входящаго въ храмъ: «помяни Господи яко благъ, рабы своя».

Иной порядокъ гробовъ начинается вдоль южной стѣны, хотя ихъ тоже число двѣнадцать: по три въ рядъ, одинъ за другимъ лежатъ усопшіе, выровненные рукою смерти, до самаго иконостаса, занимая почти все пространство собора позади столповъ, и,

въ этой тѣснотѣ мертвыхъ, только три удѣльныхъ между державными.

Сынъ Донскаго, Великій Князь Василій, начинаетъ, у самой стѣны, первый могильный рядъ; Василій, мудро управившій кормило княжества Московскаго послѣ воинственнаго отца, посреди крамолъ Суздальскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ, между грозою Орды и Литвы. Подлѣ него сынъ и внукъ великаго Іоанна, съ нимъ княжившіе, хотя и не наслѣдовавшіе его державы. Рано похитила смерть юнаго Князя Іоанна, подававшаго много надеждъ мудрому отцу и Россіи, а Димитрій..... ахъ бѣдный отрокъ, вѣнчанный и развѣнчанный!—не напрасно написали на твоей могилѣ, свидѣтели твоего краткаго величія и долгой неволи, печальную истину, почерпнутую изъ горькаго опыта жизни: «кая житейская пища пребываетъ печали непричастна! кая ли слава стоитъ на земли»?

Что казалось славнѣе было участи внука Іоаннова, для котораго могущественный дѣдъ возобновилъ царское вѣнчаніе, давно уже и однажды только совершившееся въ Россіи надъ Мономахомъ? Не его ли діадимою, не его ли бармами и крестомъ, своеручно украсилъ онъ невиннаго отрока, какъ жертву, превозгласивъ его Великимъ Княземъ и соправителемъ, чтобы упрочить престолъ въ старшемъ родѣ умершаго, любимаго сына?—и чрезъ немного дней, не тою же ли властною, суровою рукою, низвергнулъ его, съ высоты величія въ душную темницу, удовлетворяя честолюбію хитрой супруги, Царевны Греческой, которая искала престола сыну своему Василію?—Преданіе говоритъ, что, при послѣднемъ издыханіи, почувствовалъ Іоаннъ свою неправду,

призвалъ изъ темницы юнаго Димитрія и сказалъ ему: «милый внукъ, прости меня; я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, будь свободенъ». Димитрій, со слезами, упалъ на колѣна подлѣ смертнаго одра дѣда, и умеръ Іоаннъ; но едва вышелъ отрокъ изъ ложницы усопшаго, его опять отвели въ темницу, отколѣ болѣе не выходилъ, ибо уже, до ранней его кончины, не было кому изъ державныхъ раскаяваться на смертномъ одрѣ.—«Кая житейская пища пребываетъ печали непричастна? кая ли слава стоитъ на земли»?

Вотъ и славный витязь Донской, во второмъ рядѣ могилъ, между одноименнымъ ему Княземъ Углицкимъ Димитріемъ, сыномъ великаго Іоанна, и кроткимъ отцемъ своимъ, Великимъ Княземъ Іоанномъ, котораго гробъ прислоненъ къ стѣнѣ соборной. Какое обиліе благодати духовной изливалось тогда на Русскую землю посреди видимыхъ бѣдствій! не это ли было цвѣтущее время ея Угодниковъ?—Подъ сѣнію твоего святительскаго омофора, о Владыко Алексій, возросъ малолѣтный Димитрій изъ безпріютнаго сироты, обуреваемаго на шаткихъ престолахъ Владиміра и Москвы, въ мужа силы, въ державнаго Князя Князей Русскихъ! и твоимъ благословеніемъ, твоими крѣпкими молитвами, о преподобный Сергій, сдѣлался онъ мужемъ побѣды, когда, съ двумя твоими иноками-воинами, устремился изъ лѣсовъ Радонежскихъ, отъ дикаго твоего пріюта, на Куликовское поле, стяжать себѣ имя Донскаго и клпкнуть, въ лицѣ Орды, славный кличъ предковъ: «съ нами Богъ и никто же на ны!»—Какъ огромный курганъ, память его славной битвы, на берегахъ Непрядвы, такъ мысленно вырастаетъ могила Ди-

митрія изъ среды окружающихъ ее гробовъ, когда, увлекаясь минувшимъ, стремимся духомъ въ слѣдъ за великимъ воителемъ изъ мертвой тишины собора на поприще его ратныхъ подвиговъ.

Основатель собора, основатель княжества Московскаго, которое укрѣпилъ каѳедрою чудотворца Петра Митрополита, Іоаннъ Калита прилично положенъ, у южныхъ вратъ собора, какъ бы на стражѣ дѣлъ своихъ и потомства; онъ открываетъ собою не только рядъ гробовъ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь Симеонъ Гордый, сынъ его, и братъ Грознаго, Юрій, но и всю царственную усыпальницу долгаго своего племени, тридцати трехъ Князей и Царей.— Изъ его могущаго корня разрослось сіе многовѣтвистое древо, собравшее всю Россію подъ широкую тѣнь свою: отъ него, какъ изъ обильнаго родника, потекли, расплескались по лицу земли Русской сіи княжескія волны, то тихія и свѣтлыя, то шумныя и бурныя, по мѣрѣ того, какъ отражались въ нихъ черныя тучи, ходившія по небосклону отчизны; и волны росли, росли, доколѣ не исполнили собою все древнее русло предковъ, доколѣ не слились съ океанами сѣвернымъ и восточнымъ.

«Мертвыхъ и живыхъ Боже, умертвивый смерть и жизнь возстаніемъ Твоимъ всѣмъ подаяй, Христе, упокой рабы своя, ихъ же преставилъ еси!—Иже глубинами мудрости, человѣколюбно вся строя, и еже на пользу всѣмъ подавая, едине Содѣтелю, упокой Господи души усопшихъ»! Кто съ чувствомъ умиленія, изъ глубины сердца, не произнесетъ сихъ двухъ молитвъ, начертанныхъ съ боку на удѣльныхъ гробницахъ Юрія и Іоанна, заслонившихъ великокняжескія Гордаго и Донскаго? Кого не поразитъ

глубокая мудрость устроившаго все на пользу Россіи, рядомъ великихъ мужей ей данныхъ? — Они же, совершивъ свой подвигъ, сами смиренно просятъ себѣ только молитвы, влагая ее въ уста мимоходящихъ.

Напротивъ Калиты, у самаго иконостаса, Темный,—слѣпецъ, но не отъ рожденія, а отъ руки братьевъ, изчерпавшій до дна послѣднюю чашу междоусобій и какъ бы всосавшій въ себя всю ихъ отраву изъ болѣзненной Руси, чтобы оставить великому сыну здравое тѣло государства. Чего не испыталъ въ теченіе двадцатисемилѣтней борьбы съ присными, пришедшій наконецъ искать здѣсь, между мертвыми, того покоя, въ которомъ отказывали ему живые?—и плѣнъ въ Ордѣ, и душную темницу, и трижды сверженіе съ престола, всѣ бѣдствія извнѣ и всѣ крамолы внутри, о которыхъ напослѣдокъ только слышалъ, когда, отторгнутому отъ раки преподобнаго Сергія, безчеловѣчно исторгъ очи братъ Шемяка.—Но Господь, умудряющій слѣпцовъ, умудрилъ и сего Темнаго владыку обличить лжепастыря Псидора и тѣмъ спасти православіе, когда дерзнулъ онъ въ соборѣ Успенскомъ провозгласить Унію. Какъ чудотворецъ Петръ идетъ въ лѣтописяхъ объ руку съ Калитою, и Митрополитъ Алексій осѣняетъ Донскаго: такъ и кроткое лице Святителя Іоны неразлучно съ памятью Темнаго Василія, его избравшаго ко благу Церкви.

Но вотъ и великій собиратель Руси подлѣ отца:—остановимся предъ исполиномъ, котораго разгадало только потомство, когда съ изумленіемъ увидѣло предъ собою огромное цѣлое, сдвинутое имъ изъ обломковъ. Одна Москва росла въ Іоаннѣ, окрестъ же нея все разсыпалось, все падало въ его руки.

Онъ слышалъ и послѣдній дикій вопль бѣснующейся Орды, послѣ двухъ тяжкихъ для насъ вѣковъ замолкшій навѣки, и послѣдній вѣчевой звонъ вольнаго Новгорода, и тщетный ропотъ присныхъ Ростовскихъ Князей, и покорное слово Рязани и Твери, и ратное паденіе западныхъ княженій! А самъ, какъ неутомимый древодѣлъ, съ утра входящій въ чащу лѣса и тамъ трудящійся до поздней ночи, не внемля вою непогоды сквозь шумъ падающихъ окрестъ деревъ, доколѣ не исполнитъ урока его огромная сѣкира,— Іоаннъ мощною рукою рубилъ вѣковые удѣлы въ основаніе огромнаго своего дома; онъ прорубилъ въ немъ широкія окна для свѣта и высокіе врата на всѣ побѣдные пути, чтобы было гдѣ разгуляться его могучей Руси, по приволью вселенной. Не довольно быстръ казался ему бѣгъ Московскаго всадника:— онъ вдвинулъ его въ сердце Византійскаго орла и помчался на крыліяхъ орлихъ.

Скромный довершитель великихъ предначертаній родителя, Василій, покоритель Пскова и Смоленска, возлегъ рядомъ съ отцемъ, не дерзнувшій однако вѣнчаться діадимою Мономаха послѣ горькой участи юнаго Димитрія; не Княземъ, но инокомъ вселился онъ въ мирное жилище предковъ, вопреки бояръ, хотѣвшихъ удержать на немъ мантію княжескую. «Добръ сосудъ сребряный, но лучше златой», сказалъ имъ Митрополитъ Даніилъ и постригъ умирающаго. Иноки внесли его въ соборъ и положили подлѣ державнаго отца, и съ нимъ въ одной могилѣ упокоилъ Грозный старшаго сына своего, младенца Димитрія, котораго рожденіе утѣшило побѣдителя Казани, а ранняя смерть ознаменовала страшный переворотъ его жизни.

Гробъ Василія послѣдній, у самой двери алтаря;— но вотъ уже не стало гробовъ въ соборѣ, и мертвые истощились, а еще нѣтъ Грознаго и его сыновъ!— куда же укрылся ты, страшный владыка?—Царь Іоаннъ, инокъ Іона,—какимъ именемъ звать тебя? на какое отзовешься? гдѣ твоя мирная обитель?— отъ зова ли страшной трубы, отъ зрѣлища ли послѣдняго суда, которое такъ мирно созерцаютъ предки твои и потомки, спящіе въ томъ же соборѣ, уклонился ты одинъ въ недоступный покой, чтобы тамъ, въ могильной тишинѣ, подъ щитомъ церковной молитвы, примириться съ собою и съ своими дѣлами, прежде нежели возгласитъ труба?—Есть темный, тѣсный придѣлъ, во имя Предтечи, царскаго Ангела, нынѣ упраздненный и обращенный въ гробовую храмину: тамъ улегся державный съ двумя сынами; одна только стѣна внѣшняго иконостаса отдѣляетъ его отъ гробовъ прадѣда, дѣда и отца, который сторожитъ входъ въ сію исключительную усыпальницу перваго Царя всея Руси.

Сколько ужасовъ и сколько славы смѣшано въ одной могилѣ, подъ вѣнцомъ и схимой!—три сокрушенныхъ Царства и сломанный мечъ Великаго Магистра, а за ними мрачная Опричина и блѣдное лице мученика Филиппа! Полжизни ангела свѣта, полжизни ангела мрака!—отступимъ съ молитвою; нужна она иноку Іонѣ, бывшему Царю! Но вотъ, на первомъ шагу, одно изъ самыхъ страшныхъ дѣлъ его,—имъ убіенный сынъ и Царевичъ, за душу коего потекло столько милостыни въ Аѳонъ и на Синай. Это былъ послѣдній гнѣвный порывъ Грознаго,—какое страшное исцѣленіе! Кто бы угадалъ, въ почіющихъ рядомъ, подъ кровными именами сына и отца,—убіеннаго и того, кто убилъ!

Вотъ и послѣдній Царь дома Рюрикова, Ѳеодоръ, заключаетъ собою могильную лѣтопись собора. Какъ яркое солнце, закатился онъ въ лучахъ славы, и отъ его тихаго, яснаго вечера до свѣтлаго утра Романовыхъ бурно легла на Россію ночь Самозванцевъ. Безъименная, но конечно державная рука, быть можетъ, нѣжной супруги Ирины облекла пышнымъ покровомъ гробницу Ѳеодора и жемчугомъ, какъ слезами, изобразила на немъ все смиреніе усопшаго и всю суету временнаго: «Нагъ изыдохъ на плачъ сей, младенецъ сый, нагъ и отъиду паки: что труждаюся и смущаюсь всуе, вѣдая, кое житія сего дѣйство? Како шествуемъ вси, равнымъ образомъ, отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму лютую? отъ чрева матерня съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ горестнымъ? зачало и конецъ плачъ! Какая потреба суетнымъ свѣта сего? — сонъ, сѣнь, мечта, вся суета человѣческая, елико не пребываютъ по смерти; не пребываютъ богатство, ни красота житейская, низшествуетъ слава сего житія, яко сонъ. яко сѣнь и яко прахъ преходитъ. Господи! преставльшагося отъ насъ раба своего, благовѣрнаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича, всея Россіи Самодержца, со всѣми Святыми въ царствіи Твоемъ упокой».

Есть еще одна гробница, но уже не внутри собора, а въ придѣлѣ, извнѣ пристроенномъ къ большому алтарю. Безъ подписи она, хотя и княжеская, и славнѣе многихъ другихъ, однако не Великаго и неудѣльнаго Князя: отъ того и не почтена соборною сѣнію. Но если нѣтъ надписи на безъименной, громко записана она въ сердцахъ Русскихъ и въ панихидной книгѣ, гдѣ въ краткихъ словахъ цѣлая лѣтопись.

«Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ Царя и Великаго Князя Василія Ивановича всея Россіи племянникъ, Князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій-Скопинъ. По Государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію, надъ враги Польскими, Литовскими людьми и Русскими измѣнниками, которые хотѣли разорить государство Московское и вѣру Христіанскую попрати, явно показалъ преславную побѣду, и пріиде къ Москвѣ; Божіимъ же судомъ, преставися въ лѣто 7118 (1610) апрѣля въ 23 день, на память великомученика Георгія, въ послѣдній часъ дни».

По истинѣ, это былъ послѣдній часъ дня, остававшагося Шуйскимъ, когда поблекъ сей лучшій цвѣтъ ихъ семейства отравою коварной невѣстки, и Царь Василій не умѣлъ сохранить себѣ великаго Стратига, который одинъ только могъ спасти Русскую землю. Вся она горько плакала, опуская въ могилу, вмѣстѣ съ воинственнымъ юношей, свою надежду, и вскорѣ послѣ, по словамъ древней лѣтописи, слышанъ былъ замогильный плачъ внутри собора; ибо заботившіеся такъ долго о судьбахъ отчизны не оставались и по смерти чуждыми ея болѣзнямъ.

«Въ четвертое лѣто царства Царя Василія, октября въ 20-й день, съ четвертка на пятницу, въ полунощи, въ церкви Архистратига Михаила, честнаго его собора, идѣже лежаху тѣлеса Великихъ Князей и всѣхъ благочестивыхъ Царей Русскія земли, слышаху гласи плачевніи, шумъ аки пѣнія, сопротиво соборныя бесѣды, и потомъ бысть псаломскаго священнословія гласъ, поющихъ отшедшимъ душамъ въ вѣчныя благодати 118-й псаломъ, со аллилуіями,

и по семъ съ плачемъ скончался гласъ; слышавше же чреды тоя стражіе повѣдаша людемъ, рекоша же тогда мнози отъ народа: яко царство Василія Царя вскорѣ съ плачемъ скончатися имать».

Соборъ Архангельскій, — Іосафатова юдоль Россіи, миренъ, тихъ да будетъ царственный сонъ твой до послѣдняго утра, когда, по лицу всея земли, кости сухія услышатъ слово Господне, и, вмѣстѣ съ глаголомъ Божіимъ, будетъ гласъ и землетрясеніе, станутъ совокупляться кости, кость къ кости, каждая къ своему составу, и опять напрягутся на нихъ жилы, и обростетъ плоть и прострется сверху кожа, и отъ четырехъ вѣтровъ дохнетъ духъ жизни на мертвыхъ, и оживутъ, и станутъ на ногахъ своихъ,— соборъ многій, великій!... Дотолѣ — тихъ да будетъ царственный сонъ твой, о Іосафатова юдоль Россіи!

IV.

ВОЗНЕСЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Есть обитель инокинь у Спасскихъ воротъ Кремля. Какъ робкія ласточки, которыя весеннею порою вьютъ себѣ мирныя гнѣзда въ преддверіи домовъ, а иногда лѣпятся къ башнямъ и бойницамъ, не подозрѣвая ихъ ратнаго назначенія:—такъ и смиренныя отшельницы, протекши житейское поприще, устроили себѣ пріютъ, подъ навѣсомъ зубчатыхъ твердынь, подлѣ желѣзныхъ вратъ, отразившихъ столько приступовъ. Вдова витязя Донскаго указала имъ отважное мѣсто и сама легла на немъ, чтобы укрѣпить своихъ преемницъ на многіе подвиги, по-

добно какъ ратные вожди водружаютъ хоругвь свою тамъ, гдѣ наиболѣе кипитъ сѣча, чтобы удержать за собою поле битвы. И какое поле, какая битва?— снаружи, изъ-за стѣнъ сѣдаго Кремля, Монголы, Крымцы, Литва, метали камни и стрѣлы въ обитель молящихся дѣвъ и вдовицъ; а внутри, въ тиши келейной, брань ихъ была уже «не съ плотію и кровію, по выраженію Апостола, но съ тьмою вѣка сего, съ духами злобы,» и блаженъ могущій сказать вмѣстѣ съ нимъ на концѣ своего поприща: «теченіе я совершилъ, подвигомъ добрымъ подвизался, и нынѣ ожидаетъ меня вѣнецъ правды, приготовленный возлюбившимъ пришествіе Христово» (II. Тим.).

При самомъ входѣ въ Кремль представляется готическое зданіе Екатерининской церкви, которая получила нынѣшній благолѣпный видъ свой, уже послѣ нашествія послѣдняго непріятеля.—Благословенный, уважая память почіющихъ въ обители, обновилъ пострадавшія зданія. Есть и другія церкви въ оградѣ монастырской, хотя и не столь великолѣпныя: одна, примыкающая къ самой стѣнѣ Кремля, во имя преподобнаго Михаила Малеина, съ придѣломъ св. Ѳеодора, сооружена усердіемъ перваго Царя изъ дома Романовыхъ и его матери, великой инокини Марѳы, которая провела остальные годы труженической жизни въ стѣнахъ Вознесенской обители, но завѣщала прахъ свой въ Новоспасскую, гдѣ искони погребался родъ Романовыхъ. Въ сей церкви хранится древнее изваяніе Великомученика Георгія, стоявшее нѣкогда на вратахъ Кремля, какъ гербъ княжества Московскаго. Другая церковь во имя Аѳанасія и Кирилла, Патріарховъ Александрійскихъ, перенесена была въ сію обитель, по уничтоженіи

стоявшаго въ ея сосѣдствѣ подворья Бѣлозерскаго, гдѣ живали Патріархи Восточные и уморенъ былъ голодомъ великій Гермогенъ; но она упразднена послѣ Французовъ, равно какъ и еще двѣ монастырскія церкви во имя великомученика Георгія и Казанскія Божія Матери; послѣднюю замѣнилъ придѣлъ на хорахъ Екатерининской церкви.

Главное святилище обители есть древній соборъ Вознесенія, усыпальница Царицъ и Княгинь Московскихъ, который заложенъ былъ въ годъ кончины основательницы, супруги Донскаго, (1407) и обновленъ Петромъ Великимъ въ 1721 году. Храмъ сей есть какъ бы дополненіе Архангельскаго собора, и въ немъ продолжается царственная лѣтопись усопшихъ; но уже это не гробы сильныхъ воителей и владыкъ, возбуждавшихъ страхъ или изумленіе, а только замогильный отголосокъ ихъ домашняго быта, пристанище тихихъ женъ, которыя раздѣляли ихъ семейныя радости или горе, и нерѣдко возбуждали ихъ на высокіе подвиги:—такъ иногда громкіе звуки торжественной пѣсни, переходя въ болѣе нѣжные тоны, дополняютъ ими гармонію цѣлаго.

Зодчество храма напоминаетъ собою зданія, современныя Троицкому собору лавры. Богатыми окладами украшены почти всѣ мѣстные образа высокаго иконостаса; драгоцѣнный кивотъ съ частицами святыхъ мощей, устроенный усердіемъ благочестивой Царицы Ирины, виситъ на древней храмовой иконѣ Вознесенія, коей вѣнцы унизаны жемчугомъ и каменьями. Почти у самаго входа, близъ южныхъ дверей, почиваетъ въ заключенной ракѣ, подъ богатымъ покровомъ, сама основательница обители, нѣкогда Великая Княгиня Евдокія, а потомъ смиренная

инокиня Евфросинія. Ея земная слава, какъ супруги витязя Донскаго, увѣнчалась небесною славою Христіанскихъ добродѣтелей, и тропарь, въ честь ея воспѣваемый, краткими словами выражаетъ подвигъ святой жизни:

«Княженія и царскаго чертога отлучилася и чадъ твоихъ, Бога ради, оставила еси блаженная Евдокіе; правостію умною, душу твою привязала еси въ любовь Христову, тлѣнныхъ и красныхъ и временныхъ забытіемъ; притекла еси во обитель тобою основанную, и съ воспріятіемъ иноческаго образа, преименовавшися Евфросинія, ангельски поживъ, въ трудѣхъ и постѣхъ подвизалася добрѣ и къ блаженному концу достигла еси; тѣмъ же молимъ тя, моли Христа Бога, спастися душамъ нашимъ».

Дочь Князя Суздальскаго, который долго домогался Великаго княжества, брачнымъ союзомъ съ Димитріемъ навсегда утвердила за Москвою старѣйшинство между Князьями Русскими и вмѣстѣ съ святымъ Алексіемъ одушевляла его на великіе подвиги. Семнадцатью годами пережила она славнаго супруга и упрочила память Мамаевой битвы строеніемъ храмовъ во имя Рождества Богоматери, ибо въ сей день сокрушены были Татары мечемъ Донскаго. Годы не стерли свѣжести съ лица Евдокіи, нѣкогда славившейся красотою, но сама она старалась укрыть широкою одеждою тѣло свое, изнуренное постами. Когда же нѣкоторые изъ домашнихъ, видя мнимую ея дородность, стали подозрѣвать ея образъ жизни, благочестивая Княгиня принуждена была показать имъ свою власяницу и тяжкія вериги; всѣ ужаснулись при видѣ ея истощенія. Она не хотѣла окончить жизни среди почестей княжескихъ и, отри-

нувъ моленіе дѣтей своихъ, постриглась въ устроенной ею обители, не выходя изъ стѣнъ Кремля, основаннаго славнымъ супругомъ. Многія исцѣленія ознаменовали святую ея кончину передъ глазами сына, Великаго Князя Василія и Митрополита Кипріяна, который погребалъ Евдокію и освятилъ заложенную ею церковь.

Съ тѣхъ поръ всѣ Великія Княгини Россійскія, дотолѣ погребавшіяся въ древней церкви Спаса на Бору, и за ними Царицы и Царевны искали себѣ мѣста упокоенія возлѣ священныхъ останковъ преподобной родоначальницы, а нѣкоторыя еще до смерти осѣнили себя схимою, чтобы подобно ей разрѣшиться отъ временнаго прежде вступленія въ вѣчность. Въ ногахъ Евдокіи, у южныхъ дверей, погребены двѣ Царицы, не въ лѣтописномъ порядкѣ. Одна, невольная инокиня, постриженная ради честолюбія мужа, странно положена по сосѣдству вольной инокини, оставившей славу міра, посреди плача любящей семьи. Это несчастная Марія, изъ древняго рода Князей Ростовскихъ, въ инокиняхъ Елена, супруга Царя Шуйскаго, дорого заплатившаго за кратковременный вѣнецъ. Чужія уста произносили монашескіе обѣты за нее и за супруга, при насильственномъ ихъ постриженіи, и тщетными призналъ сіи обѣты Патріархъ Гермогенъ; но великій исповѣдникъ самъ уморенъ былъ въ темницѣ, Царь Василій скончался въ Польскомъ плѣну, а невольная инокиня, Царица, слишкомъ много видѣла горя въ царствѣ, потрясенномъ крамолами, и не хотѣла болѣе оставить мирныя стѣны обители. Благочестивый Михаилъ воздалъ ей почести царственнаго погребенія, подобно какъ и ея супругу. Рядомъ съ Маріею, другая Царица, изъ роду Грушецкихъ, Агаѳія, первая супруга Ѳеодора

Алексѣевича, который мало царствовалъ, но оставилъ по себѣ долгую память.

Еще двѣ Великія Княгини инокини лежатъ, вдоль южной стѣны, въ головахъ св. инокини Евфросиніи: это гордая мать и кроткая супруга Темнаго; одна дочь суроваго Витовта, врага Донскаго, другая изъ семьи приснаго ему Владиміра Храбраго, обѣ испытавшія всѣ бѣдствія междоусобій, и безчестное изгнаніе, и тяжкое заключеніе. Сама Литвинянка Софія была первою виною разрыва между сыномъ своимъ, Великимъ Княземъ, и дѣтьми дяди его Юрія, Косымъ и Шемякою, когда на пиршествѣ брачномъ своеручно сорвала богатый поясъ съ Косаго; поясъ сей данъ былъ нѣкогда Княземъ Суздальскимъ Константиномъ дочери, обрученной Донскому, и неправильно достался въ младшій родъ. Дорого заплатила Софія бѣдствіями цѣлой жизни за сей мгновенный порывъ Литовскаго сердца, въ которомъ еще не утихла кровь Гедимина, Ольгерда и Витовта. А кроткая ея невѣстка, Марія, принуждена была, для выкупа заточеннаго супруга, отдать единственное сокровище, дѣтей своихъ, великаго младенца Іоанна и брата его, которыхъ принялъ отъ нея на свой омофоръ святый Іона и сдержалъ слово, заставивъ Шемяку освободить узника Темнаго. Обѣ утомленныя труженицы промѣняли безцвѣтную жизнь свою на темную схиму, за которою открывалось имъ болѣе свѣтлое царство.

Рядомъ съ супругою Темнаго, уже вдоль западной стѣны, двѣ жены великаго Іоанна: Марія, Княжна Тверская, принесшая ему сильное княжество, которое утвердило прочность Московскаго престола, и дочь Палеологовъ, Греческая Царевна Софія. Остановимся

на громкомъ имени, котораго женская слава достойна была Іоанновой! Какими дальними путями вело ее Провидѣніе изъ разореннаго Царьграда, чрезъ ветхій Римъ, въ Москву, вторую Византію и новый Римъ, по словамъ лѣтописцевъ, чтобы передать ей залоги первой! Гордый Первосвященникъ далъ у себя пристанище бѣжавшему отцу ея, Деспоту Морейскому Ѳомѣ, и сосваталъ ее Великому Князю Московскому, чтобы подавить Западомъ Востокъ и затмить Уніею Православіе; но Русь восторжествовала надъ стихіями Западнаго міра, и Софія сдѣлалась не только опорою Церкви православной, но и возрастающаго царства. Она познакомила Іоанна съ величіемъ царскимъ и укрѣпила въ немъ мысль самодержавія, сновидѣніемъ изгнала изъ Кремля Баскаковъ Ханскихъ и, какъ сонъ, разсѣялась Золотая орда Ахмата, предъ утреннею славою возникающей Руси. Какъ темные лики, Византійскаго высокаго письма, невольно поражаютъ насъ въ древнихъ храмахъ недоступнымъ величіемъ взора и строгою правильностію въ чертахъ, такъ и Византійское лице царственной Софіи въ чрезвычайномъ величіи является посреди княжескаго сонма, идущаго предъ нею и за нею. Но ахъ! память отрока Димитрія, развѣнчаннаго ею внука Іоаннова, и память матери его, несчастной Княжны Волошской Елены, которой даже прахъ не внесенъ въ общую усыпальницу, бросаетъ тѣнь на сіяющее царскимъ блескомъ лице Софіи.

Нѣтъ здѣсь и другой ея невѣстки, кроткой Соломоніи, изъ роду Сабуровыхъ, которая заплатила за невольное свое неплодіе насильственнымъ постриженіемъ въ обители Суздальской; но вторая супруга Василія, Елена Глинская, рядомъ съ дочерью Пале-

ологовъ. Честолюбивая мать грознаго Іоанна явила примѣръ жены правительницы въ землѣ Русской, и недостойный ея любимецъ наполнилъ палаты смутами бояръ. Стѣна Китайская осталась памятникомъ ея краткаго правленія, но пострадало царство отъ неопытной руки, которая хотѣла держать кормило, не имѣя доблестей царскихъ, подобно дочери Палеологовъ.

Рядомъ съ матерью Грознаго четыре его супруги, одна подлѣ другой, изъ коихъ только одна оставила по себѣ благую память:—это тихая Анастасія, первая Романова, первая Царица, спутница лучшихъ дней Іоанновыхъ, которая была Ангеломъ хранителемъ его и Россіи, и заранѣе отозвана въ небесную отчизну, чтобы не видѣть бѣдствія земной. Кроткая жена не узнала бы супруга въ жестокомъ опричникѣ!—она, съ такою радостью встрѣтившая побѣдителя Казани, съ перворожденнымъ своимъ младенцемъ, могла ли бы перенести горькую участь втораго сына своего?—Бываютъ свѣтлыя явленія ангельскихъ лицъ, которыми иногда Провидѣніе укрѣпляетъ людей и страну, готовящихся на трудный подвигъ; такимъ явленіемъ была тихая Анастасія. Ею улыбнулось небо на Русскую землю; но сей нѣжный цвѣтокъ, который, казалось, на минуту только для нея распустился, бросилъ однако спасительныя сѣмена будущаго величія въ ея нѣдра, когда, послѣ бурной зимы Самозванцевъ, пышно разрослось изъ него благословенное древо Романовыхъ.

Подлѣ двухъ Царицъ, Маріи Княжны Черкасской, крутымъ своимъ нравомъ довершившей порчу Іоанна, и третьей его супруги Марѳы, изъ дому Собакиныхъ, послѣдняя Марѳа, въ инокиняхъ Марія, изъ роду Нагихъ, заключаетъ собою могильный рядъ

супругъ Грознаго.—Какое горькое лице въ лѣтописяхъ Русскихъ сія Марія, едва удостоенная титла царскаго, по неправильному браку, и потомъ исключенная изъ поминовеній, сосланная въ Угличъ съ своимъ невиннымъ младенцемъ, чтобы тамъ быть свидѣтельницею его закланія, и наконецъ заключенная въ дальней обители Бѣлозерской!—такъ провела она первую половину своей царственной жизни!—Какова же была вторая, съ однимъ лишь призракомъ величія, въ стѣнахъ обители?—оклеветанъ ея невинный отрокъ, а мнимый сынъ вызываетъ къ себѣ мнимую мать; она принуждена лгать Лжедимитрію предъ лицемъ всей Россіи и честить у себя гордую Польку суетными увеселеніями, какихъ никогда не видали въ стѣнахъ своихъ православныя обители, и потомъ, къ довершенію позора, на площади должна сама она обличить свою ложь надъ трупомъ Самозванца!—Тогда только утѣшилось сердце матери, когда могла она облить слезами раскаянія нетлѣнные остатки истиннаго своего сына въ соборѣ Архангельскомъ и исповѣдать его предъ лицемъ Патріарха и народа истиннымъ Димитріемъ, своимъ и всея Руси.

Царевною Ѳеодосіею, малолѣтнею дочерью Ѳеодора и Ирины, оканчивается, у западныхъ вратъ храма, первый рядъ гробницъ. Сколько радости семейной и милостыни Востоку принесло рожденіе сей Царевны, и сколько слезъ родителямъ и всему царству ея ранняя кончина! ибо съ нею уже угасала всякая надежда на будущую царственную отрасль. Скоро послѣдовалъ за нею отецъ, послѣдній Царь изъ дома Рюрикова, а нѣжная его супруга Ирина приняла ангельскій образъ, подъ именемъ Александры.—Особенною прелестью сіяетъ въ исторіи

нашей прекрасное лице Ирины: — сестра правителя Годунова, одаренная всѣми совершенствами природы, душевными и тѣлесными, съ образованіемъ выше своего вѣка, она достойно является на ступеняхъ престола, если не по доблестямъ царскимъ, то по добродѣтелямъ женщины. Какъ трогателенъ и вмѣстѣ благоразуменъ былъ привѣтъ ея Патріарху Вселенскому, когда пришелъ онъ учреждать патріаршество въ Россіи! какъ чувствовала она, что для ея блага недостаетъ только наслѣдника! Сокрушаясь о своемъ неплодіи подобно ветхозавѣтнымъ праведнымъ женамъ, какъ умоляла она Патріарха, когда вручала ему драгоцѣнный потиръ, вымолить ей сына для царства Московскаго! Когда же скончался Ѳеодоръ, какое опять трогательное явленіе! — Осиротѣвшія Ирина и Россія, другъ противъ друга: одна, испуганная бременемъ царства, стремится въ безвѣстную келлію, осѣняется схимою, какъ щитомъ; другая, испуганная своимъ безначаліемъ, продолжаетъ благоговѣть въ инокинѣ къ Царицѣ, на ея ангельское имя Александры вершитъ всѣ дѣла свои, и дума боярская, ея молитвою, правитъ огромнымъ царствомъ, расширеннымъ двумя Іоаннами въ двѣ части свѣта, доколѣ наконецъ смиренная сестра не выдала честолюбиваго брата въ Цари оставленному ею царству. Сама же Александра-Ирина не хочетъ болѣе знать палатъ Кремлевскихъ; для нея даже слишкомъ пышна обитель Вознесенская; она ищетъ болѣе глубокаго уединенія въ Новодѣвичьей, и только прахъ ея переносится въ царственную усыпальницу. Тамъ ей назначено почетное мѣсто подлѣ дочери Витовта, противъ дочери Палеологовъ, и она продолжаетъ собою второй рядъ гробницъ, вдоль западной стѣны,

начатый съ одной стороны Великою Княгинею Литовскою, а съ другой малолѣтнею дочерью Грознаго. Рядъ сей дополнился потомъ однимъ младенцемъ несчастнаго Шуйскаго, Царевною Анною, и четырьмя дочерьми Царя Михаила, Пелагіею, Марѳою, Софіею и Евдокіею, и одною дочерью Царя Алексія, Ѳеодорою, которую помѣстилъ скорбный отецъ между гробомъ Царицы Ирины и гробомъ Великой Княгини Софіи.

Одинъ только рядъ гробницъ тянется, вдоль той же стѣны, по лѣвую сторону западныхъ вратъ, и въ этомъ рядѣ одна лишь Царица, Марія Владиміровна изъ роду Долгорукихъ, первая супруга Царя Михаила, погребена съ Царевнами дома Романовыхъ; между ея гробницею и западными вратами положены двѣ малолѣтныя дочери Царя Іоанна Алексіевича, Марія и Ѳеодосія, а по другую сторону Царицы три отрасли многочисленной семьи Алексія Михайловича, Анна, Евдокія и Екатерина. Подлѣ нихъ, въ самомъ углу, старица Іуліанія, мать первой Царицы дома Романовыхъ Анастасіи, и сноха Грознаго, Царевна Параскева изъ рода Соловыхъ.

Три гроба стоятъ вдоль сѣверной стѣны собора: Царевны Анны Михайловны, сестры Царя Алексія, въ инокиняхъ Анѳисы, у самаго иконостаса; намъ сохранилось еще надгробное слово Патріарха Іоакима на день ея погребенія. Подлѣ сѣверныхъ вратъ гробъ другой Царевны, Татьяны Михайловны, которая славилась особенною мудростію и образованіемъ между всѣми дочерьми Михаила, обогащала церкви своими рукодѣльями и писанными ею евангеліями и содѣйствовала Патріарху Никону въ созиданіи новаго Іерусалима; ибо она была искренно привязана къ сему именитому мужу Церкви и даже ревностно хо-

датайствовала предъ Царемъ и Патріархомъ о его освобожденіи изъ Бѣлозерской обители.

Въ Новоспасскомъ погребена другая, не менѣе знаменитая сестра ея, Царевна Ирина, въ юныхъ лѣтахъ помолвленная отцемъ за Королевича Датскаго Вольдемара и оставшаяся навсегда въ теремѣ дѣвичьемъ, по его несогласію принять православіе. Подлѣ Царевны Татьяны ранняя могила Великой Княжны Натальи Алексѣевны, сестры Императора Петра II, которую столь горько оплакивалъ нѣжно любившій ее братъ. Но что весьма замѣчательно, нѣтъ здѣсь гроба его бабки, Царицы Евдокіи, изъ роду Лопухиныхъ, первой супруги Петра Великаго, которая провела всю свою жизнь въ тяжкомъ заточеніи подъ неизвѣстнымъ именемъ инокини Елены и насладилась только краткимъ отдыхомъ, въ обители Вознесенской, во дни правленія своего внука. Она имѣла несчастіе пережить его и лишилась почестей царственнаго погребенія; бѣдствующая инокиня Елена, за годъ до своей кончины, переведена была въ обитель Новодѣвичью и тамъ скончалась.

Но гдѣ же другая невольная инокиня, постриженная тою же мощною рукою Петра, который самъ трепеталъ нѣкогда ея родственной руки? Гдѣ гробъ Сусанны, если только можно узнать подъ симъ убогимъ именемъ гордую Царевну, которая писалась нѣкогда, вмѣстѣ съ братьями своими, Великою Государынею всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи, Самодержицею? — Между многочисленнымъ семействомъ Царя Алексія, которое все помѣстилось въ одной усыпальницѣ Вознесенской, не нашлось мѣста для привительницы цѣлаго царства; земное величіе измѣнило ей еще на землѣ; она тамъ, откуда съ

такимъ торжествомъ перенесли вольную инокиню Ирину, заживо отрекшуюся отъ царства, когда у ногъ ея была вся Россія! Туда невольно сошла съ престола честолюбивая Софія по скользкому пути боярской крови, пролитой стрѣльцами у Краснаго крыльца, и такъ крѣпко затворились за нею врата обители, что даже мертвая Сусанна не могла найти обратнаго выхода, чтобы успокоить свои останки между гробами предковъ и семьи.

Три гробницы стоятъ, съ правой стороны, на ступеняхъ иконостаса, который заслоняетъ малый придѣлъ Богоматери, Радости всѣхъ скорбящихъ, устроенный Императрицею Анною, для погребенія меньшой сестры своей, Царевны Параскевы: это гробницы матери и двухъ супругъ Царя Алексія. Не ожидала смиренная Евдокія, изъ бѣдной хотя и дворянской фамиліи Стрѣшневыхъ, достигнуть столь блестящей участи, когда послѣдовала за своими подругами, именитыми дочерьми боярскими, ко двору.— Туда вызваны были всѣ красавицы Московскія для выбора изъ нихъ невѣсты царской. Преданіе говоритъ, что при въѣздѣ въ Троицкіе врата Кремля, особеннымъ блескомъ просіяла для молящейся Евдокіи икона Знаменія Божіей Матери надъ вратами, и что ея подруги приняли такое явленіе за счастливое предзнаменованіе, а будущая Царица питала съ тѣхъ поръ особенное уваженіе къ сей иконѣ и украсила ее богатою ризою. Тогда еще, въ патріархальной простотѣ нравовъ, былъ обычай избирать невѣсту Царя изъ сонма спящихъ дѣвъ, упокоенныхъ въ его теремѣ, чтобы судить о внутреннемъ состояніи ихъ духа, въ сонномъ безмолвіи, по тихому выраженію лица и праведному покою, подъ крылами

Ангела хранителя. Сама великая инокиня Марѳа, мать юнаго Царя Михаила, вмѣстѣ съ нимъ ходила по терему спящихъ дѣвъ и указала ему ангельское лице Евдокіи, которое вполнѣ выражало ея душевную красоту, и во все теченіе своего долгаго супружества не раскаялся Михаилъ въ благословенномъ выборѣ матери.

Мудрый Алексій былъ плодомъ сего брака и вотъ, подлѣ Евдокіи, первая его супруга Марія, изъ роду Милославскихъ, мать всего многочисленнаго семейства царскаго, кромѣ Петра. Другой, почіющей рядомъ съ нею, предоставлена была слава быть матерью исполина. Наталья Кирилловна Нарышкина достойно оканчиваетъ собою гробовую лѣтопись Вознесенской обители. Какъ львица, рождающая одного только льва, она принесла Россіи одного лишь младенца, но этотъ младенецъ былъ Петръ! Какую страшную годину испытаній пережила она въ семилѣтнее правленіе Софіи, когда по Красному крыльцу текла, передъ ея глазами, кровь братьевъ и отца, и самъ воспитатель ея былъ сброшенъ на копья, и, казалось, на одномъ лишь волосѣ, висѣла жизнь ея отрока, хранимаго Провидѣніемъ!— Палаты Кремлевскія и лавра Троицкая были свидѣтелями ея материнскаго ужаса, но, подъ сѣнію преподобнаго Сергія, уцѣлѣлъ царственный сынъ ея, котораго мощная рука должна была вдвинуть новую громадную стихію въ сердце смятенной Европы и охватить всю полночь, исполинскимъ царствомъ, ограждаемымъ волнами океановъ и песками пустынь!

Таковы усопшія сей славной обители! царственно успокоились онѣ въ мирныхъ стѣнахъ ея, какъ бы въ преддверіи вѣчности, и многія схимницы-Царицы воспрянутъ между ними въ настоящемъ Ангельскомъ образѣ инаго вѣчнаго царства, по зову трубы Арханъ-

гельской, которая разбудитъ въ сосѣднемъ соборѣ и Царей, ихъ отцевъ и супруговъ. Скрижали отечественныя, вписавшія столько державныхъ именъ Вознесенской обители на своихъ пергаменныхъ листахъ, сохранили сказанія и о чудномъ явленіи, какого сподобилась безъимянная схимница той же обители, конечно болѣе извѣстная небу нежели землѣ, ибо она видѣла то, что недоступно смертному взору: тайныя силы, содѣйствующія паденію и спасенію градовъ, которыя, какъ бы случайно, совершаются предъ нами, потому что мы видимъ въ нихъ одни только земныя событія. Это было во дни Великаго Князя Василія, сына великаго Іоанна, въ страшную годину испытаній, когда Махметъ-Гирей Крымскій, съ безбожными полчищами, обступилъ Москву, и трепетала столица, ожидая неминуемой гибели.

Была нѣкая инокиня, слѣпая глазами, говоритъ лѣтопись, которая провела многіе годы добродѣтельно въ обители Христова Вознесенія, гдѣ великія Княгини Россійскія постригались и полагались. Случилось, что когда, во время нашествія враговъ, всѣ люди прилежали къ молитвѣ, и сія инокиня прилежно возносила молитвы къ Богу о избавленіи отъ належащей скорби, и вотъ слышитъ она, какъ бы шумъ великій и вихрь страшный и звонъ, будто, площадныхъ колоколовъ. И такъ, по божественному мановенію, будучи восхищена духомъ, обрѣлась какъ бы внѣ ограды, и отверзлись вмѣстѣ очи ея, мысленныя и чувственныя, и она увидѣла видѣніе великое и дивное, не такъ какъ во снѣ, но какъ бы на яву:—вотъ идетъ изъ града во Фроловскіе врата безчисленный свѣтовидный соборъ святолѣпныхъ мужей въ священныхъ одеждахъ, многіе Митропо-

литы и Епископы, между коими можно было распознать великихъ чудотворцевъ, Петра, Алексія, Іону и Ростовскаго Епископа Леонтія и иныхъ многихъ, съ іереями и діаконами, несущими чудотворныя иконы; они несли и самый образъ Пречистыя Богоматери Владимірскія, также честные кресты и евангеліе, съ кадилами и свѣчами, лампадами, рипидами и хоругвями, все по чину, какъ подобаетъ благолѣпно совершаться крестному ходу; за ними же слѣдовало безчисленное множество народа всякаго возраста и пола.

И вотъ отъ великаго торга Ильинскаго на встрѣчу имъ устремился великій въ преподобныхъ Сергій чудотворецъ, а съ другой стороны приспѣлъ преподобный Варлаамъ Хутынскій чудотворецъ. Оба они, любовно согласившись между собою, припали къ ногамъ великихъ оныхъ Святителей и молили ихъ со слезами, умильно говоря: «о святые Пастыри словеснаго стада Христовыхъ овецъ! для чего исходите изъ града сего, и куда уклоняетесь, и кому оставляете паству вашу въ настоящее время варварскаго нашествія»?

Свѣтовидные же Святители также со слезами отвѣчали: «много молили мы всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу о избавленіи отъ предлежащія скорби; Богъ же не только повелѣлъ намъ выдти изъ града сего, но и вынести съ собою чудотворный образъ Пречистыя своея Матери, ибо люди сіи презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ его не радѣли, и посему попустилъ Богъ придти варварскому народу доселѣ, да накажутся нынѣ и чрезъ покаяніе возвратятся къ Богу».

Но два преподобныхъ, Сергій и Варлаамъ, еще прилежнѣе стали молить ихъ и съ плачемъ говорили: «вы, о святые Святители, и въ жизни сей будучи, нѣ-

когда душу свою полагали за паству вашу: нынѣ ли, въ сей настоящей скорби, хотите оставить людей, которыхъ видите сами сѣтующими и обращающимися на покаяніе? Не презрите молитвы, не оставляйте Богомъ врученной вамъ паствы; ибо вотъ время, въ которое можете помочь имъ; если усугубите еще о нихъ прилежныя ваши молитвы къ Пречистой Богородицѣ, то она умолитъ съ вами Сына своего, Христа Бога нашего, и праведный гнѣвъ его на милость обратитъ».

Многое иное въ тотъ часъ говорили Преподобные со Святителями, и каждый изъ нихъ называлъ другъ друга по имени, и вотъ всѣ вмѣстѣ, единодушно, подвиглися на молитву, сотворили литію и согласно пѣли молебные каноны, на которыхъ читали и евангеліе по чину, и со слезами взывали: «Господи помилуй», и произнесли молитву Пречистыя Богородицы предъ ея образомъ, и совершили отпустъ съ осѣненіемъ креста и кажденіемъ, благословляя крестообразно на всѣ страны: тогда опять весь соборъ возвратился во градъ съ чудотворнымъ образомъ Богоматери и со всею святынею. Все сіе видѣла преподобная инокиня и внезапно очутилась опять въ своей келліи, и потомъ прожила еще два лѣта, видя свѣтъ Божій очами своими, дотолѣ омраченными.

Посему и на Спасскихъ воротахъ Кремля, которые прежде назывались Фроловскими, представлены преподобные Сергій и Варлаамъ въ молитвенномъ положеніи предъ Богоматерью, и, быть можетъ, сіе чудное преданіе было началомъ благочестиваго обычая проходить съ непокрытою головою сквозь Спасскіе врата, какъ бы вслѣдъ за соборомъ древнихъ Святителей, которые возвратились въ спасенный градъ, по молитвѣ Преподобныхъ.

1840.

I.

ПРАЗДНИКЪ СВ. СЕРГІЯ

ВЪ ЕГО ЛАВРѢ.

Еще одно утѣшительное посѣщеніе лавры Сергіевой сохранилось въ памяти моей, по тѣмъ сладостнымъ и высокимъ впечатлѣніямъ, которыя оно во мнѣ оставило. Подъ крыломъ Преподобнаго обрѣлъ я миръ душевный, и орудіемъ мира былъ Настоятель его лавры. Скажу, что видѣлъ и чувствовалъ. Это было уже седьмое мое странствіе въ обитель, столь близкую сердцу каждаго Русскаго!—Я прибылъ наканунѣ осенняго праздника, въ самую минуту, когда ударяли въ колоколъ къ торжественному молебну. Церковь была открыта; я поспѣшилъ сперва ко гробу преподобнаго Никона, а оттолѣ къ мощамъ его великаго учителя Сергія. Гробовой монахъ служилъ молебны богомольцамъ; привѣтливо взглянулъ онъ на меня, какъ бы сочувствуя тому, что тревожило мое сердце, и съ радушною улыбкою сказалъ только: «молитесь больше»! Я спустился въ келлію Преподобнаго къ иконѣ явленія Божіей Матери и поклонился гробамъ Діонисія, Серапіона, Іосафа:—тамъ

старецъ, блюститель келліи, зажигалъ уже свѣтильники. Тогда взошелъ я въ покои Митрополита. Владыка принялъ меня съ обычнымъ благоволеніемъ и пригласилъ остаться послѣ праздника на освященіе обновленной церкви преподобнаго Михея. Онъ спѣшилъ къ молебну, и я за нимъ послѣдовалъ въ соборъ Троицкій.

О, какое особенное чувство возбуждаетъ въ душѣ этотъ чудный молебенъ! Мнѣ привелось стоять въ южныхъ дверяхъ, подлѣ самой раки, предъ которою Митрополитъ, окруженный своимъ клиромъ, читалъ акаѳистъ Преподобному. Прямо въ лице, живаго и по смерти, Сергія, высказывалъ онъ во всеуслышаніе всю его жизнь, всѣ его подвиги, ранніе и поздніе, въ сей временной и въ той непреходящей жизни, которыхъ свидѣтелями были Лавра и Россія, а ему вторили лики, какъ бы отголоскомъ всей земли Русской, испытавшей его дивную помощь въ бѣдахъ своихъ: «радуйся Сергіе, великій чудотворче». Изъ собора взошелъ я въ ризницу, гдѣ опять съ благоговѣніемъ цѣловалъ убогую ризу и сосуды Преподобнаго, лучшее сокровище посреди несмѣтныхъ драгоцѣнностей Лавры, ибо отъ сей ветхой ризы потекли всѣ ея богатства, изъ сего деревяннаго потира возсіялъ нѣкогда небесный огнь Сергію, совершавшему въ немъ безкровную жертву, въ своей дремучей пустынѣ!

Когда между молебномъ и всенощною опять посѣтилъ я Владыку, «знаете ли, сказалъ онъ мнѣ, какъ важенъ слышанный вами акаѳистъ? Онъ составленъ былъ послѣ осады Троицкой и послужилъ основаніемъ другимъ акаѳистамъ, въ честь святыхъ угодниковъ, ибо и у насъ прежде, какъ въ Церкви

Греческой, существовало только два, Господу Іисусу и Богоматери. Но такъ какъ акаѳистъ въ честь ея былъ составленъ ради избавленія Царьграда отъ нашествія враговъ, то и святому Сергію, какъ избранному воеводѣ, освободившему лавру свою отъ долгой осады, долгомъ почли составить такую же побѣдную службу».

Трезвонили ко всенощной. Четыре Архимандрита и вся братія пришли, со славою, сопровождать своего Настоятеля въ соборъ, и точно со славою совершилось сіе всенощное бдѣніе на память великаго заступника Россіи. Великолѣпно было зрѣлище собора, ярко освѣщеннаго паникадилами, отъ которыхъ горѣлъ весь первый ярусъ иконостаса, какъ одна золотая стѣна, съ сіяющими на ней драгоцѣнными камнями. Болѣе матовымъ, какъ бы луннымъ свѣтотъ сіяли серебряныя массы балдахина и раки, и когда открылись царскіе врата, во мракѣ алтаря необычайно освѣщенъ былъ серебряный престолъ и таинственный подсвѣчникъ позади его съ семью разноцвѣтными радужными огнями на каждомъ яблокѣ его вѣтвей. Опять, какъ на акаѳистѣ, умилительно было видѣть, посреди нахлынувшаго къ амвону народа, какъ Митрополитъ, сидя предъ царскими вратами, читалъ вслухъ, послѣ первой каѳизмы, житіе преподобнаго Сергія по смерти его, т. е. тѣ чудныя дѣла, которыми прославилъ онъ лавру свою и спасъ отечество, начиная отъ первыхъ исцѣленій, бывшихъ надъ гробомъ его, и до нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языковъ. Не могли они дойти отъ пылающей столицы до безоружной лавры! Только на пятнадцать верстъ не допустилъ до себя враговъ Сергій, чтобы показать, какъ сила Божія въ немощи

совершается, и указалъ предѣлъ сему бурному потоку. Когда еще недавно свирѣпствовала холера въ столицѣ, и она не проникла съ безчисленными богомольцами въ отверстые врата лавры! Таково чудное покровительство святому мѣсту.

Величественно было обратное шествіе изъ собора, послѣ всенощной, Митрополита, окруженнаго клиромъ, уже за часъ до полночи, при свѣтѣ лампадъ и трикирій, при гулѣ всѣхъ колоколовъ лавры, гремѣвшихъ во мракѣ, какъ бы изъ глубины неба. На другой день пришелъ я къ ранней обѣднѣ въ малую церковь преподобнаго Никона; что то совершенно родное вѣяло мнѣ изъ святилищъ сей чудной лавры, которая сдѣлалась достояніемъ общимъ каждаго сына Церкви и отечества по своимъ великимъ воспоминаніямъ, ибо судьба ея слилась съ судьбою Россіи. Митрополитъ совершалъ позднюю литургію въ Троицкомъ соборѣ, и я имѣлъ утѣшеніе видѣть близко его служеніе изъ той части алтаря, которая въ древнихъ храмахъ именуется діакониконъ. Какъ жаль, что при сооруженіи новыхъ церквей оставлено сіе необходимое тройное раздѣленіе алтаря, охраняющее должное приличіе священнодѣйствія, ибо тогда непрестанное приношеніе просфоръ къ жертвеннику и необходимыя приготовленія для божественной службы совершаются внѣ главнаго алтаря.

Только въ древнихъ алтаряхъ можно постигнуть также назидательное значеніе горняго мѣста, почти незамѣтнаго въ новыхъ. Что можетъ быть величественнѣе сидѣнія Архіерея на горнемъ престолѣ, подъ сѣнію рипидъ, какъ верховнаго учителя посреди собранія пресвитеровъ, сидящихъ по обѣимъ сторонамъ вдоль стѣны, не выше однако его подножія, ибо они

только ученики; въ отдаленіи же стоятъ діаконы, какъ простые служители, не имѣющіе права сидѣнія. Здѣсь представляется торжественная картина первенствующей Церкви и земной образъ небесной Іерархіи, видѣнной Іоанномъ въ его Апокалипсисѣ.

Краснорѣчивое слово Митрополита о подражаніи Святымъ, которые служатъ намъ своимъ примѣромъ, для постепеннаго восхода къ Богу по ступенямъ ихъ добродѣтелей, заключило божественную литургію. Гостепріимная трапеза св. Сергія, никогда не оскудѣвающая, ожидала насъ въ обширной церкви, посвященной его имени. Только въ сей древней лаврѣ можно видѣть что либо подобное; Митрополитъ и братія, при безчисленномъ стеченіи безмолвствующаго народа, садятся въ мантіяхъ за трапезу, уставленную кубками и стопами древнихъ Царей; каждый сосудъ есть драгоцѣнность историческая, каждый обрядъ есть отголосокъ минувшаго. По звуку колокола садятся и встаютъ, по звуку колокола приносятъ яства и питія, и вдругъ посреди трапезы всѣ встаютъ, на память того, какъ нѣкогда преподобный Сергій, провидѣвъ духомъ великаго Апостола Перми, Епископа Стефана, проходившаго за 9 верстъ отъ его обители, всталъ и поклонился ему заочно, какъ бы въ лице. Чтеніе дѣяній преподобнаго исполняетъ все время трапезы, по окончаніи ея возносится такъ называемая часть Панагіи, въ память того, какъ Апостолы, собранные на Сіонѣ по успеніи Богоматери, оставили для Нея обычное мѣсто за своей трапезой и воспоминали молитвеннымъ возношеніемъ хлѣба о Той, Которая и по успеніи не оставила міра. Всѣ подходятъ къ налою и, вкусивъ немного хлѣба, пьютъ медъ изъ чаши, которую подаетъ имъ самъ Владыка.

На слѣдующій день, на праздникъ Іоанна Богослова, слушалъ я опять раннюю литургію въ алтарѣ малой Никоновой церкви, какъ бы у ногъ самаго ученика преподобнаго Сергія, и потомъ въ его келліи, между гробами Архимандрита Діонисія, Митрополита Іоасафа и Архіепископа Серапіона, молебенъ, совершаемый каждую субботу въ честь явленія Божіей Матери Преподобному на самомъ мѣстѣ сего явленія. Намѣстникъ, Архимандритъ Антоній, умилительно читалъ канонъ Пречистой Дѣвѣ и молитву къ Ней, выражающую всѣ потребности болѣзненной души; онъ же совершалъ и позднюю литургію въ соборѣ Троицкомъ, который всегда исполненъ призывающими помощь преподобнаго близъ его св. мощей.

Мнѣ казалось, что я живу въ древнія времена Лавры и Церкви: такъ чуждо было суетнаго все меня окружавшее и отзывалось давно минувшимъ.—Невольно сдѣлаешься Христіаниномъ и Русскимъ въ стѣнахъ сей древней обители, въ бесѣдѣ такихъ людей, которые не часто являются вмѣстѣ на горизонтѣ церковномъ и на такихъ мѣстахъ.—Сладостно можно забыться между ними, и я дѣйствительно забывался, когда смотрѣлъ въ готической залѣ Владычнихъ покоевъ, то на страшное лице сѣдаго Іоанна, то на пріятные лики Романовыхъ, то на потускнѣвшій портретъ преподобнаго Діонисія, спасителя Россіи въ 1612 году.—Одни только кресла Митрополита Платона напоминали свидѣтеля 1812 года, пережившаго нашествіе Галловъ.

Въ крестовой церкви Петра и Павла была всенощная, наканунѣ освященія церкви преподобнаго Михея, ученика Сергіева, и остатокъ вечера я насладился еще тихою бесѣдою Митрополита. Въ три

часа ночи поднялся къ утрени въ соборъ; въ первый разъ мнѣ случилось такъ рано молиться, въ тишинѣ утренней, при мощахъ Преподобнаго. Всѣ эти впечатлѣнія имѣли для меня нѣчто особенное, утѣшительное, равно какъ и ранняя обѣдня при гробѣ преподобнаго Никона. Вскорѣ начался торжественный благовѣстъ къ освященію. Тѣсна была церковь Михея, устроенная во дни Императрицы Елисаветы, надъ гробомъ преподобнаго, на память явленія Божіей Матери, котораго былъ онъ свидѣтель вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. Палатка, раскинутая предъ ея входомъ, наполнилась народомъ. Отъ множества служащихъ едва можно было мірянамъ стоять въ церкви; во всѣ окны глядѣли тѣ, которые не могли взойти; столь велико было общее усердіе. День былъ солнечный. Особенно торжественнымъ представлялось шествіе за св. мощами, при вѣяніи древнихъ хоругвій, при звукѣ колоколовъ, изъ церкви Михея въ соборъ Троицкій, мимо гроба преподобнаго Никона, и ходъ около самой церкви, возлѣ гробницъ древнихъ защитниковъ лавры, бояръ и князей, почіющихъ подъ сводами Сергіевской трапезы, къ которой примыкаетъ сей малый храмъ. Когда Митрополитъ остановился со св. мощами предъ дверьми его, глубокое молчаніе воцарилось. «Возмите врата князи ваши и внидетъ Царь славы», возгласилъ онъ, и хоръ отвѣтствовалъ изъ глубины церкви: «кто есть сей Царь славы»?—и опять водворилось молчаніе, которое на минуту прервалось только гармоническою октавою колокольныхъ часовъ.—Тогда, по тайной молитвѣ, поднявъ дискосъ со св. мощами надъ главой, громко произнесъ Владыка: «Господь силъ, той есть Царь славы», и со славою взошелъ

въ отверстые врата храма. Началась божественная служба.

Но когда, по ея окончаніи, Митрополитъ взошелъ на амвонъ для проповѣди, вся церковь исполнилась плача, и мнѣ представилось умилительное зрѣлище, какого доселѣ еще свидѣтелемъ не былъ и едва ли опять буду.—Сквозь слезы и рыданія едва можно было разслышать слова Владыки, прерываемыя также рыданіями, и тихій голосъ его казался отголоскомъ тѣхъ временъ, о коихъ онъ вѣщалъ. «Прости мнѣ великая лавра Сергіева, говорилъ онъ, если мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотеческаго и современнаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпы и стѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и таже и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божіею благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіѣ, въ его пустыни, и еще обитаетъ въ немъ, въ его мощахъ и въ его лаврѣ;—но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою!—Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы!—Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію; но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и

пламень ихъ досязаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной! Отворите мнѣ дверь тѣсной храмины, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвы и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ отпечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прахъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы небесной! Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ преподобный Сергій и, въ награду за трудъ дня и за голодъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба!—Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустыни, преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ преподобнаго Сергія! Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова! Взглянулъ бы на благоразумнаго Архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ!—Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровища въ великолѣпномъ ковчегѣ! Откройте мнѣ ковчегъ, покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его, можно заимствовать все благопотребное, напримѣръ, безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиренія, мудрованія.—Или я это мечтаю, подлинно мечтаю, потому что созерцать недостоинъ! Но мнѣ лучше хотя мечтать такимъ обра-

зомъ, нежели любомудрствовать противнымъ образомъ».

Такъ говорилъ краснорѣчивый витія; мы его только слышали, но не видѣли предъ собою, ибо у всѣхъ были закрыты лица отъ слезъ, и когда онъ, исчисливъ всѣ воспоминанія, внезапно возвысилъ голосъ и воскликнулъ: «братія, вѣдь это все здѣсь!» невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, и страшно было открыть глаза, потому что точно казалось, что все сказанное предъ нами, и Сергій тутъ со всѣмъ своимъ ликомъ, живой, посреди насъ мертвыхъ, или еще не бывшихъ! Назидательныя поученія инокамъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинное иночество, послѣдовали за сею блестящею картиною минувшаго, и едва мы отдохнули отъ плача, когда опять разбились наши сердца, внимая прощальнымъ рѣчамъ, какія исторглись изъ болѣзненной души Пастыря Церкви, жаждущаго себѣ пустыни.

«Мнѣ же, который не долго бесѣдую съ пустынею и о пустыни, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіи града и дѣлъ человѣческихъ, кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ, и полещу и почію? Могу ли сказать себѣ или когда наконецъ возмогу сказать: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни?» Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду!—О, дающій иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустыни, а иному гласъ кокоша, чтобы созывать твоихъ птенцовъ подъ твои крилѣ? Собирай самъ и храни всѣхъ насъ подъ крилами твоея благости, и стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно

безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь!»

Проповѣдь сія есть лучшая, какая когда либо исторгалась изъ обильнаго любовію сердца Владыки Московскаго, и я испросилъ ее въ рукописи, его почеркомъ, чтобы навсегда сохранить у себя столь драгоцѣнное сокровище. Послѣ обѣда, бывшаго въ покояхъ Митрополита, я просилъ Намѣстника вмѣстѣ со мною посѣтить Виѳанію. Мы взошли опять въ ея символическую церковь, изображающую внизу пещеру Лазареву, а вверху гору Ѳаворскую, покрытую зеленью, во время пѣнія вечернихъ стихиръ на память преподобнаго Харитонія, отца пустынножителей Палестинскихъ. Мы подходили ко гробу преосвященнаго Митрополита Платона, устроенному какъ бы въ пещерѣ. Намѣстникъ прочелъ краткую литію о усопшемъ и сказалъ: «не могу себѣ представить здѣсь мертвымъ Платона; я не зналъ его лично, но все имъ такъ наполнено въ Виѳаніи, что онъ мнѣ всегда представляется, какъ бы живой». Умилительно было слышать о такомъ духовномъ сближеніи великаго Пастыря церкви съ блюстителемъ послѣдняго пріюта, имъ избраннаго на землѣ. Антоній повелъ меня и въ его домовую церковь и въ келлію, гдѣ все въ томъ же видѣ, какъ было при немъ, и кажется будто ждутъ, что сей-часъ возвратится хозяинъ.

Намѣстникъ показалъ мнѣ въ алтарѣ на престолѣ перламутровый тройной крестъ, который присланъ былъ Патріархомъ Іерусалимскимъ, и сказалъ, что вдѣлаетъ въ иконостасъ Виѳанскій тотъ камень, который я принесъ изъ настоящей Виѳаніи, изъ самой пещеры, гдѣ воскресъ Лазарь; а я испросилъ себѣ въ благословеніе крестъ, вырѣзанный изъ раки

преподобнаго Сергія, въ которой онъ былъ обрѣтенъ послѣ 30 лѣтъ погребенія; она хранится въ Виѳаніи близъ гроба Платонова. Мы пошли назадъ въ лавру тою же тропинкою, по которой, семь лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ нимъ гуляли вдоль берега живописнаго пруда, по оврагамъ прекрасной Виѳанской рощи, и бесѣдовали о Владыкѣ.—Не знаю, почему мнѣ казалось, что въ послѣдній разъ имѣлъ я утѣшеніе видѣть лавру Сергіеву въ томъ духовномъ благолѣпіи, въ какомъ ее видѣлъ съ такимъ яркимъ свѣтиломъ уже на вечерѣ. (Благодареніе Богу, что не сбылись мои мрачныя предчувствія!)—Разставаясь, я просилъ Намѣстника отслужить мнѣ въ совершенномъ уединеніи молебенъ преподобному Сергію, и онъ обѣщалъ исполнить мое желаніе.

Остатокъ вечера провелъ я опять въ утѣшительной бесѣдѣ Владыки, который хотѣлъ быть привѣтливымъ хозяиномъ въ своей обители и отечески обо мнѣ заботился. Бесѣда его была разнообразна до чрезвычайности и съ одинаковою свободою переходила отъ одного предмета къ другому, но на всякомъ она сіяла особеннымъ свѣтомъ, ибо вся растворена была христіанскою любовію. Уже весьма было поздно, когда Намѣстникъ прислалъ звать меня въ соборъ; прощаясь съ Владыкою, я благодарилъ его, отъ избытка сердца, за всѣ оказанныя мнѣ милости и гостепріимство, какое обрѣлъ подъ его мирнымъ кровомъ. «Вы были подъ кровомъ преподобнаго Сергія», отвѣчалъ онъ, съ кроткою улыбкою, и благословилъ меня.

Тихо и мрачно было въ соборѣ Троицкомъ; горѣли только нѣсколько лампадъ предъ иконами св. Троицы и Божіей Матери и предъ ракою Преподобнаго. Во главѣ его стоялъ Намѣстникъ Антоній,

у ногъ гробовой монахъ Авель. Въ безмолвіи храма чуть слышенъ былъ тихій молебенъ недремлющему заступнику своей земной родины. Я опять внималъ, въ совершенномъ уединеніи, тѣмъ же сладкимъ молитвамъ, какія недавно ему возглашались всею Церковію, въ день его торжества. Что-то особенно святое вѣетъ отъ его раки, и Русское чувство невольно пробуждается въ Русской душѣ, ибо никто, какъ Сергій, не принялъ столь живаго участія въ дѣлахъ Россіи, непрестанными знаменіями своего дивнаго покрова! Воспоминая надъ его ракою все наше славное минувшее, невольно воскликнешь съ нынѣшнимъ блюстителемъ его Лавры: «братія, вѣдь это все здѣсь!»

1842.

II.

СКИТЪ ГЕѲСИМАНСКІЙ.

Когда пришедшіе на поклоненіе св. мѣстъ Іерусалимскихъ, напитавъ душу свою великою святынею гроба Господня, пожелаютъ видѣть и мѣсто величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ,—упраздненный гробъ четверодневнаго мертвеца Лазаря: они исходятъ изъ стѣнъ св. града къ востоку, путемъ горы Масличной. Но прежде, нежели достигнуть Виѳаніи, спускаются въ глубокое русло потока Кедрскаго, среди мертваго безмолвія долины Іосафатовой; направо ле-

житъ путь къ селенію Лазаря, вдоль потока, еще нѣсколько осѣненнаго остатками тѣхъ масличныхъ рощей, которыя нѣкогда покрывали всю гору и оставили ей свое имя;—налѣво, при самомъ подъемѣ горы, въ виду священнаго вертограда, гдѣ молился Господь, съ кровавымъ потомъ и слезами, въ ночь когда былъ преданъ ученикомъ своимъ,—вертепъ Геѳсиманскій.—Тамъ упраздненная гробница Матери воскресшаго Сына, Который также положилъ трехдневный предѣлъ для Ея гробоваго покоя; ибо погребавшіе Ее съ плачемъ Апостолы, на третій день Ея успенія уже не обрѣли дѣвственнаго Ея тѣла;—Она была взята Ангелами на небо, волею Сына и Бога.

Такъ въ Палестинѣ.—Нѣчто подобное, мѣстностію и близкими сердцу именами, видимъ мы и въ отечествѣ нашемъ, подъ сѣнію священной лавры, столько разъ его ограждавшей отъ временныхъ бѣдъ.—Усердный Богомолецъ, въ храмѣ Живоначальныя Троицы, сложивъ бремя сердечныхъ заботъ, у раки великаго заступника земли Русской, и освѣжась духовно общеніемъ молитвы Сергіевой, идетъ также къ Виѳаніи и Ѳавору, восточными вратами; оставивъ за собою зубчатыя твердыни лавры, напоминающія древнія бойницы Іерусалимскія, онъ долженъ также спуститься на дно живописной долины, прежде нежели достигнуть осѣненныхъ рощею высотъ Виѳанскихъ. Но какая новая Геѳсиманія представляется влѣво по ту сторону обильныхъ водъ, на самомъ подъемѣ сего роскошнаго садами Элеона, по которому лежитъ путь въ Виѳанію?

Одни только убогіе врата на краю рощи и дороги обличаютъ существованіе пустыннаго скита, углубившагося въ чащу деревъ на уединенный бе-

регъ мирнаго пруда. Тамъ, гдѣ нѣкогда было мѣсто отдохновенія и развлеченій, а можетъ быть, и глубокихъ думъ юныхъ питомцевъ Виѳанскихъ, будущихъ пастырей Церкви,—теперь пустынный скитъ, и неумолкаемый псалтырь, неусыпное бдѣніе живыхъ за усопшихъ. Посреди обширнаго двора, примыкающаго къ прудамъ и съ трехъ сторонъ обнесеннаго оградою, возвышается деревянная церковь, и къ ней примыкаютъ келліи настоятеля скитскаго, простыя, убогія, какъ и все устройство сего уединеннаго мѣста; нѣсколько деревянныхъ келлій раскинуто внутри ограды, длинная аллея березъ, остатокъ прежняго сада, пресѣкаетъ пустоту обширнаго двора:—это путь, болѣе никуда не ведущій, ибо здѣсь кончается всякая земная стезя для отшельниковъ, мысли ихъ обращены къ иной отчизнѣ, къ которой ведетъ дорога чрезъ Сіонъ и Іерусалимъ, непрестанно исторгающіеся изъ устъ ихъ словами псалмовъ, неумолкающихъ въ церкви. Одна только литургія субботняя и воскресная прерываетъ чтеніе псалтыря, поперемѣнно совершаемаго двѣнадцатью братіями, по обычаю прочихъ скитовъ нашего отечества.—Въ прочіе дни недѣли утреня, часы, вечерня и правила монашескія совершаются въ нарочно устроенной для сего храминѣ подъ самою церковью, также по древнему чину церковному, дабы не каждый отдѣльно въ своей келліи, но всѣ вкупѣ соединялись на молитву.

Замѣчательна своею простотою церковь скита, не вновь сооруженная, но только перенесенная на новое мѣсто изъ сосѣдняго села, гдѣ оказалась излишнею. Руки преподобныхъ ее основали, и здѣсь возвратилась она къ своему первобытному назначенію, ибо, послѣ разоренія Литовскаго, святый

Архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ, освободители своего отечества, воздвигли ее на мѣсто сгорѣвшей церкви въ селѣ Подсосеньи, для женской обители, которая впослѣдствіи была упразднена и присоединена къ Хотьковской. Чрезвычайное благоговѣніе поражаетъ всякаго входящаго во внутренность церкви изъ крытой паперти, ее окружающей, по образцу древнихъ храмовъ; престолъ ея и жертвенникъ и весь иконостасъ устроены изъ кипариса, и вся она обложена внутри по стѣнамъ кедромъ, певкомъ и кипарисомъ, ибо изъ сихъ древъ сооружено было, по мѣстнымъ преданіямъ Іерусалимскимъ и по слову пророческому, честное древо креста Господня. Нѣтъ никакого убранства или металла въ церкви; всѣ ея украшенія рѣзныя деревянныя, и самыя паникадила и подсвѣчники частію изъ дерева, частію изъ желѣза и глины, съ соблюденіемъ всей строгости скитской. Царскія и сѣверныя двери, съ нѣкоторыми иконами, уцѣлѣли еще отъ древней церкви. Достойно вниманія, что Евангелисту Іоанну данъ символомъ крылатый левъ Марка, а Марку его орелъ, но особенно замѣчательна сѣверная дверь. На ней изображена вся повѣсть нашего паденія: искушеніе праотцевъ нашихъ зміемъ, въ образѣ жены, и ихъ изгнаніе изъ рая, и потомъ, послѣ изгнанія, Ангелъ, вручающій Адаму заступъ для земледѣлія, а на верху праведные Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе въ лонѣ своемъ души младенческія. Въ утѣшительную противуположность сей двери, напоминающей намъ горькое изгнаніе, изображено на южной первое радостное возвращеніе въ утраченный Эдемъ благоразумнаго разбойника, вооруженнаго древомъ креста.—

Подлѣ сей двери въ ряду мѣстныхъ иконъ написанъ преподобный Сергій, окруженный сотрудниками постнической его жизни и начальниками обителей, которыя произрастила его Лавра, какъ тѣнистое древо, насажденное при водахъ. Здѣсь цѣлый соборъ иноковъ и Святителей, живая лѣтопись посмертныхъ подвиговъ Сергія. Здѣсь, кромѣ ближайшихъ учениковъ, означенныхъ въ его житіи, Симонъ братъ его и племянникъ Ѳеодоръ, Епископъ Ростова, и Михей, свидѣтель чуднаго посѣщенія Богоматери, описатель житія его, Епифаній и первый преемникъ, Никонъ, Максимъ Грекъ, страдалецъ за правду, и два другихъ изгнанника, лишенные каѳедръ, Архіепископъ Серапіонъ и Митрополитъ Іоасафъ, защитникъ лавры, Архимандритъ Діонисій, и основатели обителей: Савва Звенигородскій, Андроникъ, Аѳанасій Чухломскій, Сергій и Павелъ Обнорскіе, Романъ, уединившійся на Киржачѣ, и Меѳодій на Пѣсношѣ, и въ Серпуховѣ Аѳанасій и Стефанъ Махрищскій, доселѣ соблюдшій въ своей обители подчиненіе лаврѣ, какъ послушное чадо матери, и много еще иныхъ, записанныхъ свѣтлою строкою въ книгѣ жизни и на скрижаляхъ нашего отечества. Здѣсь они, съ Сергіемъ и Никономъ, представлены водружающими крестъ Господень, или придержащимися его, а на противуположной сторонѣ соотвѣтствуетъ имъ ликъ всѣхъ Святыхъ, торжествуемыхъ православною Церковію, дабы всѣ они имѣли участіе въ молитвахъ сего новаго дома молитвы. Лики Сергія, Никона и святыхъ, почіющихъ подъ сѣнію ихъ обители: Михея, Максима, Діонисія, Серапіона и Іосафа, изображены еще и со входа на кипарисовыхъ стѣнахъ трапезы; а большое изображеніе перваго осно-

вателя храма сего, Архимандрита Діонисія, списанное съ подлиннаго его портрета въ Лаврѣ, блюдетъ сѣверные врата церкви, противъ которыхъ устроено одно лишь малое оконце въ келліи настоятельскія.

Въ правомъ участкѣ алтаря, который выдается тремя полукружіями, по подобію древнихъ каменныхъ храмовъ, устроенъ былъ малый придѣлъ, во имя нерукотвореннаго образа Спасова, знаменитымъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ; но придѣлъ сей упраздненъ нынѣ по тѣснотѣ, главный же престолъ теперь, какъ и прежде, празднуетъ Успенію Богоматери, ибо отъ самаго начала церковь Греческая и Россійская любили учреждать свои соборные храмы въ городахъ и обителяхъ на память чуднаго Собора Апостоловъ, соединившихся внезапно на Сіонѣ для возданія погребальнаго долга Матери проповѣданнаго ими Бога.—Однакоже не самому дню Успенія будетъ праздновать церковь скитская, дабы не отвлечь благоговѣйныхъ поклонниковъ отъ храмоваго праздника лавры, но на третій день Успенія совершаемо будетъ торжественное воспоминаніе взятія на небо Божія Матери, когда не обрѣли Ее въ гробѣ Апостолы, хотѣвшіе утѣшить одного изъ своего лика Ѳому, опоздавшаго къ Ея погребенію. Только въ день сего праздника допускаемы будутъ въ скитъ посѣтительницы, ибо женскому полу возбраненъ входъ въ сіе мѣсто подвига отшельническаго.

Трогательно было и освященіе сей новой Геѳсиманіи.—Оно совершилось въ день преподобнаго Харитонія, перваго отшельника Палестинскаго, и на память блаженныхъ родителей преподобнаго Сергія, Кирилла и Маріи, ровно черезъ три года отъ того дня, когда самъ освящавшій, съ своимъ Намѣстни-

комъ, избрали пустынное мѣсто безмолвному пристанищу молитвы. Для сего освященія собрано было все древнее изъ священной лавры, дабы благословеніе Сергіево, Никоново и Діонисіево, видимо перешло на новое ихъ селеніе, въ вещахъ непосредственно къ нимъ близкихъ, чрезъ самую утварь, которую освятили своимъ употребленіемъ. — Опять явились въ священнодѣйствіи обрадованнымъ взорамъ убога риза Сергіева, въ которой однажды знаменитый Святитель, Митрополитъ Платонъ, встрѣчалъ державныхъ посѣтителей лавры, будучи облеченъ, посреди великолѣпія своего клира, во все убожество Сергія! И тотъ убогій посохъ, которымъ чудодѣйственно упасъ онъ всю землю Русскую, послѣ блаженной своей кончины, отказавшись при жизни отъ пастырскаго жезла Митрополита Алексія, былъ опять въ рукахъ преемника обоихъ; древнѣйшій крестъ и древнѣйшая панагія, или складни изъ древянныхъ, серебромъ обложенныхъ иконъ, осѣняли грудь его, а главу скромная митра перваго Архимандрита лавры Елевѳерія, которую носилъ и преподобный Діонисій, когда молился о спасеніи своей родины и самъ защищалъ ее словомъ и дѣломъ. Воздвизальный крестъ съ частію чудотворнаго жезла Моисеева, евангеліе преподобнаго Никона и убогіе деревянные сосуды, въ коихъ преподобный Сергій совершалъ божественную службу, освятили собою новый престолъ древней церкви Діонисіевой: до такой степени сблизилось между собою былое съ настоящимъ, давно минувшее съ недавнимъ, что въ этомъ смѣшеніи разновременныхъ воспоминаній отрадно забывалось сердце и окрыленная ими душа свободно опускалась и подымалась внизъ и вверхъ,

по дивной лѣствицѣ временъ и событій, какъ бы уже за предѣлами времени, подражая восходу и нисхожденію Ангеловъ, видѣнныхъ древле Патріархомъ Іаковомъ въ Веѳилѣ. Самъ Святитель, облаченный въ одежды Сергіевы, казалось, былъ проникнутъ духомъ его молитвы, отъ прикосновенія ризъ его; и когда, съ воздѣтыми къ небу руками, предстоялъ страшному престолу Царя Христа въ часъ совершенія Его безкровной жертвы, онъ представлялся восхищеннымъ взорамъ, какъ бы одинъ изъ древнихъ возставшій на молитву. И вотъ, по совершеніи божественной службы, въ сладостной рѣчи и въ горькомъ потокѣ слезъ излилась сотрясенная чрезъ мѣру душа его, устами и очами пролагая путь избытку чувствъ своихъ, которыя съ тою же силою откликнулись въ сердцахъ всѣхъ окружавшихъ его каѳедру:

«Ты воскресъ ущедриши Сіона: яко время ущедрити его, яко пріиде время; яко благоволиша раби твои каменіе его, и персть его ущедрятъ.»

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни?—что за персть, которая имъ любезна?—Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма Іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сіи развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ то же время на душевныя расположенія народа Іудейскаго: и на семъ воззрѣніи основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму. . . . .

Но умѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся?—Тотъ

и другой суть храмы Единаго истиннаго Бога; потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ Христіанскихъ таинствъ и Христіанской истины не слишкомъ малъ предъ великимъ храмомъ сѣней и гаданій.....

Но что далѣе будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ и съ новыми окрестъ его смиренными жилищами?—Ты вѣси, Господи! Будетъ то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсозидаетъ разрушенное, возставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будетъ то, что испросятъ молитвы святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ, Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной и въ небесныхъ обителяхъ. Будетъ то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостоинство.....

«Пріиди благословенная любовь къ безмолвію, Иліина, Іоаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы, но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ,—твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и неимущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя; а сподобившійся увидѣти себе, по слову одного изъ твоихъ таинниковъ, лучшій есть сподобльшагося увидѣти Ангеловъ. Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины и отверзаешь внутреннюю храмину

сердца; ты подаешь и научаешь употреблять оружіе противъ страстей; ты собираешь разсѣянные помыслы; ты погружаешь умъ во глубину писаній и почерпаешь свѣтъ; ты совершенствуешь покаяніе; ты обрѣтаешь источникъ слезъ; ты возводишь къ чистой молитвѣ; ты учишь молчанію, которое есть таинство будущаго вѣка.»

1844.

I.

БОРОДИНО.

Отъ давно минувшаго возвратимся къ минувшему недавно; оно еще свѣжо въ нашей памяти, какъ свѣжая могила, на коей только что успѣли поставить крестъ, и крестъ дѣйствительно поставленъ былъ женскою рукою надъ прахомъ сильныхъ:—какая поэтическая противоположность!—Если мнѣ, какъ бы сквозь сонъ, слышавшему въ дѣтствѣ о громахъ Бородинскихъ и отрокомъ посѣтившему сіе поле смерти, еще усѣянное тогда костями, если мнѣ отрадно было молиться въ тихой обители игумены Маріи на умиренномъ ея слезами поприщѣ брани: что же тому, кто самъ бился тутъ въ бою исполиновъ?—Столкнулись Западъ и Востокъ, и пали тысячами къ подножію ратныхъ кургановъ, надъ коими поставила она свою убогую церковь! «Краса Израилева пала на высокихъ! какъ погибли сильные, и сокрушилось оружіе ратныхъ!» (II. Царствъ 1.)

Осеннее солнце въ полномъ великолѣпіи послѣ сильнаго ливня спускалось къ высотамъ Бородинскимъ и освѣтило на нихъ бѣлую обитель инокинь подлѣ рощи, нѣкогда смертоносной. Багровѣло поле

отъ яркаго заката, какъ нѣкогда отъ потоковъ крови, упоившихъ его нивы; черныя, разорванныя тучи носились по небосклону, какъ бы только что отлетѣвшій дымъ отъ адскаго жерла тысячи гремѣвшихъ здѣсь орудій. Казалось, небо хотѣло повторить надъ этимъ роковымъ полемъ его страшныя картины и увѣковѣчить на немъ ужасъ ста тысячъ избіенныхъ,—и вотъ, одна горькая жена, все утратившая и все схоронившая на этомъ полѣ, прислушалась сердцемъ къ его стону, отголоску собственнаго, и обратила весь этотъ необъятный стонъ смерти,—въ тихія воздыханія молящихся дѣвъ!—Это былъ канунъ Бородина; кроткій благовѣстъ, призывавшій ко всенощной, возвѣщалъ мирной обители сей завѣтный канунъ, сочельникъ смерти, тридцать шесть лѣтъ послѣ великаго событія, и здѣсь, дѣйствительно, по выраженію Державина: «металла звонъ былъ глаголомъ временъ.» Я вспомнилъ и трогательный стихъ Данте о томъ звукѣ дальняго колокола, который слышится печальному труженику въ первый тяжкій для него день разлуки, дальній звукъ, который будто оплакиваетъ замирающій день. Если какой либо колоколъ могъ оплакивать умирающій день посреди смертнаго покоя столькихъ тысячъ, сраженныхъ отъ его восхода до его краткаго заката, то это, конечно, Бородинскій, и особенно въ завѣтную память его битвы.

Едва успѣлъ я взойти въ смиренныя келліи Игуменьи Маріи, какъ уже началась всенощная въ прилегавшей къ нимъ малой церкви праведнаго Филарета. Все въ этомъ тихомъ пріютѣ молитвы исполнено было изящнаго вкуса и вмѣстѣ благоговѣйной внимательности: каждая икона напоминала что либо близкое ея сердцу; самое посвященіе сего домашняго

храма Ангелу того, кто пастырски призрѣлъ убогую семью инокинь на пустомъ полѣ Бородинскомъ, выражало признательность и любовь. Стройное пѣніе инокинь располагало къ молитвѣ, голоса мужескіе здѣсь были бы менѣе трогательны: слишкомъ много мужественнаго и жестокаго огласило это поле битвы,— прилично было смягчить тяжкія воспоминанія прошедшаго болѣе кроткимъ настоящимъ. Я сталъ прислушиваться къ стихирамъ вечернимъ и пораженъ былъ ихъ словами, какъ бы нарочно примѣненными за четыре вѣка къ событію, которое воспоминалось нынѣ. Церковь праздновала въ день годовщины Бородинской память срѣтенія иконы Владимірскія Божія Матери и бѣгства Тамерланова въ самый тотъ день, когда была принесена чудотворная икона сія въ Москву. Столь же страшное нашествіе, но только съ Запада, а не съ Востока, угрожало Россіи въ эпоху 1812 года; съ перемѣною имени завоевателя повторились тѣ же событія. Икона Смоленской Одигитріи одушевляла ратныхъ въ рѣшительный часъ битвы Бородинской, какъ и Владимірская икона возбудила надежду отчаянныхъ во дни сына Донскаго. И Тамерланъ, и Наполеонъ стерлись съ лица земли Русской; если же болѣе губительно нашествіе послѣдняго, то можетъ быть потому, что нужно было всесожженіе первопрестольной столицы для искупленія Россіи.

Какъ знаменательно и отрадно звучали слуху и сердцу такія стихиры: «Богородице, Владычице, державная Помощнице, укрѣпи славящаго Тя Императора на враги, да яко же древле спасла еси царствующій градъ отъ нахожденія поганыхъ, тако и нынѣ спаси страну Россійскую отъ нахожденія вра-

жія, отъ междоусобной рати, отъ глада же и труса; сего ради Тя славитъ страна Россійская, человѣкомъ Помощницу.»

«Нынѣ страна Россійская о Тебѣ хвалится, имѣющи Тя Заступницу непостыдную и стѣну нерушимую, граду нашему непоколебимое основаніе; Стража неусыпная земли Россійскія не престань нынѣ Твоими молитвами избавлять Твой градъ и люди отъ всѣхъ бѣдъ.»

«Тебѣ припадаютъ Владычице Святителей сословія и собори въ совокупленіи всѣхъ, Цари же и Князи и весь народъ, умильно молящійся Тебѣ, нынѣ кланяющеся и цѣлующе Твой образъ, и глаголютъ: чтущій Тя градъ спаси отъ всѣхъ бѣдъ.»

Внимающему симъ церковнымъ пѣснямъ могло казаться, будто онѣ писаны не для давноминувшаго, а для болѣе близкаго намъ событія, пророческими чертами обозначая современную, страшно памятную намъ годину. Но сердце мое проникнулось особеннымъ чувствомъ умиленія, когда, вмѣсто обычной третьей пареміи изъ книги Премудрости Соломоновой, во славу Пречистой Дѣвы прочтена была иная статья изъ пророчествъ Исаіи о превознощеніи и паденіи Царя Вавилонскаго; ее положено читать на торжественномъ молебнѣ въ память изгнанія Галловъ. Ничего приличнѣе нельзя было примѣнить къ воспоминанію битвы Бородинской, и мощный глаголъ Пророка, вѣщимъ оглашался подъ сводами убогой церкви, сооруженной на исполинскомъ полѣ смерти: «Тако глаголетъ Господь на Царя Вавилонска: ты реклъ еси во умѣ твоемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ яже

къ сѣверу, взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же во адъ снидеши, и во основанія земли: видѣвшіи тя удивятся о тебѣ, и рекутъ: се человѣкъ раздражаяй землю, потрясаяй Цари, положивый вселенную всю пусту, и грады ея разсыпа, плѣненныхъ не разрѣши. Сія глаголетъ Господь Саваоѳъ: яко же глаголахъ, тако будетъ, и яко же совѣщахъ, тако пребудетъ, еже погубити Ассиріанъ на земли моей и на горахъ моихъ: и будутъ въ попраніе, и отымется отъ нихъ яремъ ихъ, и слава ихъ отъ раменъ ихъ отымется. Сей совѣтъ, его же совѣща Господь на всю вселенную, и сія рука на вся языки вселенныя: яже бо Богъ святый совѣща, кто разоритъ? и руку его высокую кто отвратитъ?»

Послѣ всенощной игуменья Марія пригласила меня въ свои келліи, пока приготовляли мнѣ ночной пріютъ въ томъ маломъ домикѣ, который долго стоялъ одинъ на уединенномъ полѣ близъ одинокой церкви, сооруженной ею надъ прахомъ близкихъ. Тамъ провела она многіе годы испытанія духовнаго и сердечнаго, доколѣ не рѣшилась на подвигъ иночества; тамъ посѣтилъ ее и державный Посѣтитель, совершая славную свою годовщину Бородина. Тѣмъ драгоцѣннѣе были для меня воспоминанія сего первоначальнаго пріюта и благоволеніе той, которая желала какъ бы духовно сроднить меня со всѣмъ, что только было близко ея собственному сердцу. Полный впечатлѣніями всенощной и памятью наступавшаго дня, я переносился мыслію изъ келліи на поле битвы и съ поля опять въ келлію, столь противоположныя другъ другу; но ихъ связывала историческимъ лицемъ своимъ основательница всего того, что было

передъ моими глазами, и къ ней невольно устремлялось вниманіе, ибо она одна могла словомъ своимъ разрѣшить всякое недоумѣніе.

Не случалось ли намъ иногда при посѣщеніи какой либо древней обители желать распросить о нѣкоторыхъ подробностяхъ ея основанія, которыя унесли съ собою въ могилу современники, оставивъ по себѣ одни безмолвныя зданія? А здѣсь я имѣлъ утѣшеніе бесѣдовать съ самой основательницею, я могъ разспрашивать подробно: что побудило ее собственно избрать это мѣсто, а не другое? почему именно сооружена такая церковь? какія чувства и надежды одушевляли ее тогда, и какія слезы проливала она надъ гробами присныхъ посреди сего поля смерти? ибо и ея обитель основана, какъ выразился въ лѣтописи своей преподобный Несторъ: «не даяніемъ бояръ или князей, но по́томъ и слезами». Онъ полагаетъ такія обители прочнѣе другихъ, приводя въ примѣръ лавру Печерскую, орошенную слезами Антонія и Ѳеодосія. Мнѣ пришло на мысль спросить игуменью: «почему церковь, основанная ею на Бородинскомъ полѣ, не посвящена памяти того дня, въ которыхъ происходила битва, то есть срѣтенію иконы Владимірской?» и она мнѣ отвѣчала:

«Все, что совершилось здѣсь со мною, имѣло для меня какъ бы нѣкое тайное указаніе, которому я должна повиноваться, и теперь сама съ изумленіемъ вижу себя настоятельницею обители, которую никогда не предполагала созидать. Тоже случилось и съ храмовымъ ея праздникомъ Нерукотворнаго образа Спасова; икона сія была храмовою въ Ревельскомъ полку, которымъ командовалъ мужъ мой. Со-

бираясь въ походъ, въ послѣднюю минуту прощанія тотъ, кого мнѣ уже не суждено было видѣть въ здѣшнемъ мірѣ, вручилъ мнѣ свою храмовую икону съ драгоцѣнными сосудами, прося сохранить ихъ до его возвращенія. Послѣ его кончины, пламенно желала я удержать себѣ въ память и благословеніе послѣдній залогъ, ввѣренный мнѣ въ минуту разлуки, но не предвидѣла возможности сего исполнить. Провидѣнію угодно было устроить все по моему желанію: однажды утромъ извѣстили меня о пріѣздѣ новаго начальника Ревельскаго полка: я поняла, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и вынесла ему завѣтную святыню, не безъ глубокой грусти о родной мнѣ иконѣ; но сколь велико было мое изумленіе, когда онъ, посмотрѣвъ на нее, самъ предложилъ мнѣ оставить у себя образъ, потому что уже не приходился по мѣрѣ новаго иконостаса полковой церкви. Съ тѣхъ поръ икона Спасова всегда неразлучна была со мною, и я посвятила ей церковь надъ прахомъ мужа, который ввѣрилъ насъ взаимно другъ другу.»

Я замѣтилъ игуменьѣ, что и самый храмъ, великолѣпно сооружаемый въ столицѣ, будетъ также праздновать Спасу, а не срѣтенію Владимірской иконы, и что такимъ образомъ, какъ будто, одна мысль дѣйствовала при созиданіи обоихъ.

«Если припоминать всѣ обстоятельства и соображать минувшее съ настоящимъ», продолжала мать Марія, «то много откроется необычайнаго, чему даже трудно повѣрить, если бы не существовали еще живые свидѣтели. Нѣчто особенное, можно сказать, роковое влекло меня къ Бородину, и мѣсто сіе было мнѣ указано, когда еще никто не слыхалъ, что есть урочище Бородинское. Я была вполнѣ счастлива

мужемъ и сыномъ, когда однажды мнѣ приснилось за годъ до моей горькой потери, будто отецъ мой приноситъ ко мнѣ въ спальню одного моего младенца и говоритъ: «вотъ все, что тебѣ осталось!» и въ тоже время мнѣ послышался тайный голосъ: «участь твоя рѣшится въ Бородинѣ!» Помню, что, проснувшись въ большомъ волненіи, я разсказала мужу то, что видѣлось во снѣ, и онъ приписалъ это игрѣ пылкаго воображенія. Намъ любопытно было узнать: что это за урочище Бородинское, которымъ мнѣ угрожалъ сонъ? и мы напрасно искали его въ окрестностяхъ нашего полка, который тогда былъ расположенъ не далеко отъ западной границы. Кому могло придти на мысль, искать Бородино на Смоленской дорогѣ близъ Москвы?—Когда же совершилось страшное событіе, я была при отцѣ моемъ, и онъ дѣйствительно пришелъ мнѣ объявить потерю мужа, съ младенцемъ на рукахъ, говоря: «вотъ все, что тебѣ осталось!» Тогда опять повторилось мнѣ роковое имя Бородина:—какъ объяснить такое горькое предчувствіе?»

Видя предъ собою ту, которая разсказывала мнѣ о своемъ вѣщемъ снѣ, уже въ рясѣ иноческой и на полѣ Бородинскомъ, я глубоко былъ пораженъ ея разсказомъ, какъ будто кто либо изъ другаго міра раскрывалъ мнѣ тайну связи прошедшаго съ будущимъ. Я спросилъ еще игуменью: «что побудило ее основаться на этомъ мѣстѣ обширнаго поля? и какъ она могла отыскать тѣло своего мужа посреди столькихъ избіенныхъ?»—«Ахъ! я не отыскала его, отвѣчала мать Марія, но здѣсь онъ былъ убитъ! Напрасно, нѣсколько недѣль послѣ сраженія, обѣжала я со старцемъ Можайскаго монастыря Іоасафомъ все по-

боище, когда еще не зажигались на немъ страшные костры для сожженія всѣхъ его труповъ Отчаяніе мнѣ придавало силы; быстро прошла я все пространство отъ селенія Бородина до Колоцкаго монастыря и даже не почувствовала усталости девятиверстнаго пути. Нельзя было безъ ужаса смотрѣть на курганъ Раевскаго и Семеновскія баттареи, гдѣ теперь стоитъ обитель: то были по истинѣ горы человѣческихъ тѣлъ, потому что здѣсь сильнѣе бились; мѣсто сіе изъ всего поля казалось наиболѣе требовало молитвы за усопшихъ,—и вотъ онѣ совершаются!»

«Но кто же указалъ вамъ самое мѣсто убіенія вашего мужа?»—«Одинъ изъ подвижниковъ битвы, генералъ Коновницынъ, близкій мнѣ и по узамъ семейнымъ, сжалился надъ моимъ напраснымъ скитальчествомъ. Онъ прислалъ ко мнѣ съ сыномъ своимъ планъ Бородинскаго сраженія, составленный имъ самимъ еще по свѣжей памяти, указалъ на немъ расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ и означилъ баттарею близъ деревни Семеновской, какъ то горькое для меня мѣсто, гдѣ былъ убитъ мужъ мой. Я перестала искать и основалась на этой баттареѣ; вы увидите, что церковь наша стоитъ на валу. Вотъ и письмо, которымъ онъ убѣждалъ меня не искать долѣе ненаходимаго, и самый планъ, составленный имъ для меня.»

Съ благоговѣніемъ прочелъ я простое, добродушное письмо великаго воина, исполненное нѣжнаго участія, и развернулъ планъ битвы Бородинской, его рукою начертанный. Одинъ изъ витязей страшной битвы, самъ того не вѣдая, указывалъ мѣсто будущей обители для вдовы одного изъ положившихъ жизнь за вѣру и отечество на этомъ полѣ:—и вотъ

она чрезъ столько лѣтъ раскрываетъ планъ сей пришельцу въ тиши своей келліи уже въ санѣ игуменьи, какъ бы межевые планы или писцовыя книги на владѣніе симъ кровавымъ урочищемъ!—Такого землемѣра достойна была такая обитель! и сколько великаго въ этой первоначальной простотѣ! какъ драгоцѣнна будетъ хартія сія для потомства!—По ней я могъ распознать мѣстность окрестныхъ селеній и боевыхъ кургановъ, которую на другой день повѣрилъ самъ съ высоты уединеннаго памятника. Мнѣ любопытно было знать, какъ могла женщина одна преодолѣть весь ужасъ этого поля и мужественно поселиться близъ своей одинокой церкви, доколѣ не устроилась еще обитель?

«Я никогда не думала о томъ, что со мною здѣсь будетъ, а только о томъ, что уже было, отвѣчала она. Бывшее же здѣсь слишкомъ сроднилось со мною, чтобы не приковать меня навсегда къ сему мѣсту. Сперва я очень занята была построеніемъ церкви, для себя же поставила малый домикъ, въ видѣ сторожки, куда пріѣзжала только на время, чтобы наблюдать за работами; онъ и теперь существуетъ, и вы въ немъ проведете ночь. Со мною жила одна добрая старушка, которая хотя и была намъ чужда по вѣрѣ и племени, однако посвятила себя совершенно семейству нашему и здѣсь впослѣдствіи при мнѣ скончалась.—Не было ограды около нашего домика, и часто мы видали по ночамъ какъ бы огоньки, свѣтящіеся вдали: это сверкали глаза рыскавшихъ около насъ волковъ, которыхъ вой обличалъ непріятное сосѣдство. Не понимаю также, какъ во все то время мы не были ни разу ограблены, потому что при мнѣ не было почти вовсе прислуги, а мѣсто

открытое.—Богъ сохранялъ насъ. Сынъ мой раздѣлялъ со мною уединеніе надъ прахомъ отца своего; когда же Господу было угодно лишить меня и сего единственнаго утѣшенія, я не хотѣла болѣе возвращаться въ міръ и безотчетно предалась тому чувству, которое влекло меня къ Бородину. Мѣсто сіе сдѣлалось для меня цѣлымъ міромъ: здѣсь похоронила я сына, здѣсь былъ убитъ его отецъ; чего же оставалось мнѣ искать въ другомъ мѣстѣ?—Не знаю сама, какъ составилась около меня община: добрые люди стали приходить и селиться, а я не имѣла духа имъ отказывать; сестры занялись молитвою и рукодѣльемъ для своего пропитанія, и я раздѣляла съ ними то, что имѣла отъ щедротъ Монаршихъ, и то, что пріобрѣла отъ продажи моего малаго имѣнія. Когда община сдѣлалась многолюднѣе, то показалось болѣе приличнымъ для Августѣйшихъ ея Посѣтителей, чтобы тутъ была обитель; но, когда здѣсь совершалась знаменитая годовщина Бородинская, еще не было ни монастыря, ни ограды; деревья, насажденныя руками нашими, служили намъ оградою подъ сѣнію нашего малаго храма, и вотъ теперь уже ограждена обитель доброхотными даяніями усердствовавшихъ и сооружены еще церковь и келліи. Такова начальная исторія всякой обители! Господь видимо пособилъ нашей немощи и позволилъ мнѣ устроить то, чего я никогда не надѣялась видѣть; никогда я не могла вообразить себѣ и того, что когда либо буду игуменьею Бородинскою; но въ обители святаго Сергія удостоилась я принять образъ иноческій отъ руки нашего Владыки. Такъ благословеніе Преподобнаго, которому близко все отечественное, распространилось и на поле Бородинское».

Въ завлекательной для меня бесѣдѣ непримѣтно утекло время, и ударила полночь; мрачно было небо. Когда повели меня съ фонаремъ въ назначенный мнѣ ночлегъ, я долженъ былъ подняться по тропинкѣ на валъ, и бѣлая церковь мелькнула мнѣ, какъ призракъ; храмъ на бойницѣ внутри женской обители,— все это было чрезвычайно торжественно въ сумракѣ ночи. Съ благоговѣніемъ вступилъ я въ тихій пріютъ, гдѣ прежде столько горькаго, а потомъ столько славнаго, посѣтило одинокую нѣкогда жилицу сего убогаго домика, разросшагося въ обитель. Я былъ исполненъ впечатлѣніями ея трогательнаго разсказа, которымъ для меня окончился сей замѣчательный день, канунъ Бородина, начатый мною столь же оригинально въ бесѣдѣ съ однимъ изъ героевъ битвъ, котораго я посѣтилъ въ его сельскомъ пріютѣ. Утро, проведенное съ дѣятельнымъ подвижникомъ Бородинскаго поля битвы, какихъ уже мало остается на полѣ жизни, а вечеръ съ тою, которая одна изъ столькихъ женъ, все утратившихъ на этомъ полѣ, осталась на немъ оплакивать свою потерю:—много ли такихъ полныхъ дней случается въ жизни?— Дума за думою смѣнялись въ моемъ воображеніи и долго лишали сна; ранній колоколъ разбудилъ къ ранней обѣднѣ въ ожиданіи крестнаго хода.

Скоро послышался издали звукъ колоколовъ Бородинскихъ; онъ возвѣщалъ начало сего хода, на который собирается все Можайское духовенство, чтобы пройти молитвенно поле битвы на самомъ страшномъ его протяженіи отъ села Бородина и до обители; я поспѣшилъ къ памятнику, къ которому должно было направиться церковное шествіе.—Одиноко стоялъ онъ на высотѣ, нѣкогда бывшей укрѣп-

леннымъ курганомъ и прослывшей баттареею Раевскаго отъ подвиговъ вождя, ее защищавшаго. Нельзя было избрать приличнѣе мѣста для сего царственнаго столба, господствующаго надъ всею окрестностію, мѣста, которое наиболѣе было орошено кровью храбрыхъ, такъ какъ и самая обитель стоитъ на другой столь же кровавой точкѣ поля битвы.—Какъ нѣкая таинственная мета, о которую должно разбиваться мимотекущее время, стоитъ одиноко чугунный столбъ сей, грань вѣчности, увѣнчанный крестомъ, исписанный именами главныхъ вождей нашихъ и двадесяти языковъ, сразившихся здѣсь со святою Русью; на немъ начертано число воиновъ обоихъ исполинскихъ полчищъ и ихъ громоносныхъ орудій съ числомъ падшихъ въ ихъ кровавой сѣчѣ: какая страшная лѣтопись смерти!—Съ лицевой стороны образъ Спаса осѣняетъ памятникъ, близъ котораго совершаются молитвы, и сія икона соотвѣтствуетъ той, которой посвятила свою обитель игуменья Марія; позади памятника погребальная плита одного изъ трехъ вождей, падшаго въ сей битвѣ, Князя Багратіона, котораго прахъ перенесенъ былъ сюда во время годовщины Бородинской. Это одна только извѣстная могила на цѣломъ полѣ, гдѣ пало до ста тысячъ!

Два гвардейскихъ инвалида, приставленные для храненія памятника, какъ участники славной битвы, указывали мнѣ главныя ея точки, по мѣрѣ того какъ я ихъ спрашивалъ, и ознакомили меня съ мѣстностью. Я увидѣлъ влѣво высокій курганъ Шевардинскій, гдѣ еще за день начался кровопролитный бой, и по ту сторону рѣки Колочи, отдѣлявшей нашу армію отъ Французской, малое селеніе Валуево, гдѣ

стоялъ Наполеонъ, и откуда двигались всѣ массы маршала Нея. На самомъ горизонтѣ мелькала колокольня Колоцкаго монастыря, съ которой завоеватель орлинымъ взоромъ своимъ обѣгалъ поля сраженія и еще прежде боя наблюдалъ за движеніемъ нашихъ войскъ. Мѣсто, гдѣ я стоялъ, служило центромъ для фронта арміи: Бородино вправо и Семеновское влѣво, обозначали края этой желѣзной стѣны, сквозь которую столько разъ искалъ прорваться непріятель. Еще лѣвѣе селенія обитель притаила въ оградѣ своей кровавый окопъ Семеновскій, гдѣ пало столько храбрыхъ; а вправо отъ кургана Раевскаго, позади Бородина, возвышалось на большой дорогѣ Можайской селеніе Горки, отколѣ управлялъ всею битвою нашъ великій соперникъ Наполеона.—Такимъ образомъ все поле сраженія или, лучше сказать, самая историческая его часть открывались моимъ взорамъ отъ памятника. Роковое мѣсто сіе было какъ бы предназначено къ бою самими названіями своихъ урочищъ: Воина, Огникъ, Стонецъ, вотъ три ручья, которые стеклись въ Колочу на этомъ страшномъ полѣ, пророческими звуками именъ своихъ обрекая его на битву. На высотѣ бывшихъ баттарей вспомнилъ я живой разсказъ посѣдѣвшаго героя Бородинскаго, слышанный мною наканунѣ: какъ вытѣснилъ онъ непріятеля, овладѣвшаго симъ курганомъ.

«Это было дѣло случая», скромно говорилъ мнѣ маститый воитель Кавказа, какъ бы чуждаясь отблеска своей Бородинской славы.—«Въ самомъ пылу сраженія, когда Багратіонъ бросился на штыки со всѣми своими силами, чтобы оттѣснить непріятеля, къ Главнокомандующему прискакалъ зять его, Князь Кудашевъ, съ извѣстіемъ, что Багратіонъ тяжело

раненъ, и замѣшательство въ войскахъ очень велико.—«Голубчикъ», сказалъ мнѣ Главнокомандующій (это было обычное его слово), посмотри, нельзя ли тамъ что нибудь сдѣлать, чтобы ободрить войска.»—Я поѣхалъ въ большомъ раздумьи, потому что не предвидѣлъ возможности успѣха въ войскахъ, разстроенныхъ потерею любимаго ихъ начальника и мнѣ совершенно незнакомыхъ. Увидѣвъ храбраго полковника Никитина (нынѣ графа и инспектора всей кавалеріи), я подозвалъ его и сказалъ: «теска, возьми съ собою три конныя роты и не теряй меня изъ виду, чтобы нагнать въ полѣ, а я поѣду на лѣвый флангъ;»—чрезъ нѣсколько минутъ прискакали орудія. Тутъ встрѣтился мнѣ графъ Кутайсовъ, бывшій начальникъ артиллеріи первой арміи, и, спросивъ: куда я ѣду, объявилъ свое желаніе слѣдовать за мной; напрасно старался я его отклонить.»

«Ты всегда бросаешься туда, гдѣ тебѣ не нужно быть, говорилъ я; давно ли тебѣ досталось отъ Главнокомандующаго за то, что не могъ нигдѣ тебя доискаться, а теперь опять ты просишься на непріятности. Я ѣду въ армію, мнѣ чужую, приказывать тамъ именемъ Главнокомандующаго, а ты что будешь тамъ дѣлать?» но Кутайсовъ не хотѣлъ меня слушать и продолжалъ ѣхать со мною рядомъ, какъ будто бы его влекла судьба на опредѣленную ему смерть.

«Покамѣстъ мы ѣхали полемъ, вдругъ я вижу вправо большое смятеніе вокругъ баттареи Раевскаго: наши бѣгутъ въ безпорядкѣ; верхъ баттареи покрытъ густымъ дымомъ, и уже непріятель ею овладѣлъ; вся масса бѣгущихъ стремилась прямо на насъ. Я остановился и подумалъ: вмѣсто того чтобы ѣхать во

вторую армію, гдѣ еще не знаю, что могу сдѣлать съ чужими войсками, не лучше ли будетъ возстановить тутъ сраженіе и выбить непріятеля изъ центра нашей позиціи? Сейчасъ же велѣлъ я конной артиллеріи поворотить вслѣдъ за мной вправо къ баттареѣ. Тутъ случился одинъ баталіонъ Уфимскаго полка, послѣдній съ края нашей первой арміи; я скомандовалъ ему къ аттакѣ; онъ было хотѣлъ идти колонною, но я велѣлъ ему развернуться фронтомъ, чтобы линія наша казалась длиннѣе, и въ эти тенета захватить больше бѣгущихъ, которыхъ я останавливалъ крикомъ; вокругъ меня собралась большая толпа; я бросилъ впередъ нѣсколько Георгіевскихъ лентъ, которыя имѣлъ съ собою; тогда ударили мы на баттарею Раевскаго, и въ четверть часа она опять уже была нашею, потому что Французы не успѣли даже оборотить на насъ орудій нашихъ, да и не было бы отъ нихъ пользы, потому что истощились заряды; отъ того они и могли овладѣть баттареею. Мы сбросили наши пушки съ валу вмѣстѣ съ непріятелемъ; не было ему пощады; солдаты въ ожесточеніи никого не брали въ плѣнъ; взяли одного только генерала Бонами. Не было возможности удержать нашихъ отъ погони, потому что вся масса не могла взойти на курганъ; остальные съ обѣихъ сторонъ устремились вслѣдъ за бѣгущими къ глубокому оврагу, покрытому лѣсомъ, который былъ впереди нашей позиціи и занятъ войсками маршала Нея. Теперь уже не видать этого оврага, онъ выровненъ, и срубленъ лѣсъ. Не будучи въ силахъ остановить своихъ, я велѣлъ кавалеріи заскакать впередъ и гнать ихъ обратно на баттарею. Въ этой свалкѣ исчезъ графъ Кутайсовъ, прискакала только одна его лошадь, онъ не попалъ на

баттарею, но былъ убитъ подлѣ. Одинъ изъ офицеровъ видѣлъ его паденіе и принялъ его на руки, но не могъ вынести тѣла изъ свалки; онъ снялъ только съ него георгіевскій крестъ и взялъ его золотую саблю, чтобы не достались непріятелю. До вечера отстаивали мы баттарею, я самъ держался на ней три часа, пока боль отъ раны не заставила меня удалиться».

Я былъ еще исполненъ живымъ разсказомъ сего славнаго подвига и припоминалъ себѣ всѣ его подробности на самомъ мѣстѣ событія, когда показались подъ горою недалеко отъ моста черезъ Колочу хоругви крестнаго хода, выступившаго изъ селенія Бородинскаго. Медленно подвигался ходъ, не многочисленный на этотъ разъ, потому что свирѣпствовавшая здѣсь холера скосила многихъ священнослужителей и удержала отъ богомолья народъ; но еще довольно было для торжественнаго воспоминанія великаго дня. Вѣяли хоругви, слышалось пѣніе, священники шли въ свѣтлыхъ ризахъ, какъ будто вѣстники инаго міра, чуждые кровавому событію, о космъ однако напоминали своимъ шествіемъ, оглашая землю гимнами неземными. На мѣстѣ, ознаменованномъ полнымъ разгаромъ страстей человѣческихъ и паденіемъ героевъ, являлся безстрастный хоръ сей въ видѣ таинственнаго посланника, возвѣщавшаго судъ неба въ слухъ землѣ!—Таково было въ сію минуту впечатлѣніе поля Бородинскаго, гдѣ разъигралась одна изъ самыхъ страшныхъ трагедій нашей эпохи. Медленно поднялся къ памятнику крестный ходъ; священнослужители взошли на его ступени и поставили налой предъ иконою Спаса. Старшій изъ нихъ окропилъ святою водою кругомъ памятникъ, и предстоявшихъ, и одинокую могилу

Багратіона, потомъ осѣнилъ крестомъ на всѣ четыре стороны все обширное поле смерти:—какое торжественное осѣненіе! и опять двинулся крестный ходъ къ обители чрезъ селеніе Семеновское.

Какъ должно быть обязано потомство игуменьѣ Маріи за учрежденіе сего молитвеннаго шествія, ибо она первая начала приглашать къ себѣ на панихиду окрестное духовенство, и такимъ образомъ мало по малу образовался и утвержденъ былъ крестный ходъ сей, заходящій теперь и къ памятнику. Во вратахъ ея Спасской обители архимандритъ мужскаго монастыря изъ Можайска встрѣтилъ соборно крестный ходъ съ прочимъ духовенствомъ и со всѣми инокинями, и послѣ краткой литіи за оградою всѣ взошли въ церковь Спасову, гдѣ началась литургія. Она окончилась соборною панихидою за всѣхъ избіенныхъ въ этотъ тяжко памятный для Россіи день, и умилительно было слышать молитвы за нихъ на томъ самомъ полѣ, которое оросилось ихъ мученическою кровію; невольно текли слезы у предстоявшихъ. Владѣльцы окрестныхъ селеній, которыхъ имена сдѣлались безсмертными битвою Бородинскою, собрались отовсюду въ обитель для сей панихиды, и такимъ образомъ ежегодно обновляется память битвы, дабы никогда не стерлась она изъ памяти грядущихъ поколѣній. При столь трогательномъ воспоминаніи о быломъ и о минувшихъ, невольно разогрѣвалось сердце теплымъ чувствомъ любви къ отечеству и благодарности къ той, которая частную свою печаль сдѣлала общественною и увѣковѣчила молитву на Бородинскомъ побоищѣ.

1848.

II.

ПАМЯТЬ ОСВОБОЖДЕНІЯ МОСКВЫ ОТЪ ГАЛЛОВЪ.

Какое торжество готовитъ древній Кремль? О чемъ гласитъ мѣдный хоръ его колоколовъ? Высоко горятъ древнія хоругви двойнымъ рядомъ златокованныхъ щитовъ, подвигаясь отъ собора Успенскаго къ Спасскимъ воротамъ; попарно тянется за нимъ непрерывающаяся цѣпь священнослужителей въ свѣтлыхъ ризахъ отъ всѣхъ сорока сороковъ первопрестольной столицы, и весь митроносный сонмъ настоятелей обителей Московскихъ. Вотъ и священныя иконы, ознаменованныя неоднократнымъ спасеніемъ земли Русской: Корсунская Божія Матерь, временъ равноапостольнаго Владиміра, между двухъ ея кристалловидныхъ крестовъ; икона Благовѣщенія преподобнаго Прокопія, отстранившая нѣкогда страшную каменную тучу отъ Великаго Устюга, и Владимірская, кивотъ спасенія всея Руси, удержавшая грознаго воителя Тамерлана. Пресвитеры благоговѣйно несутъ сію завѣтную святыню, какъ нѣкогда жрецы и левиты, во исходѣ Израилевѣ изъ Египта, дому Іаковля отъ людей варваръ, когда по громкому выраженію псалма: «море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять». Тихо и величаво шествуетъ, вслѣдъ за ближайшею сердцу Русскому святынею, близкій сердцу своей паствы, Первосвятитель столицы со всѣми знаменіями своего духовнаго сана, а позади и вокругъ него тысячи народа, унизавшаго обѣ стороны стѣсненнаго крестнаго пути.

*

Что же знаменуетъ торжественное шествіе?—Это память судебъ Божіихъ надъ нами бывшихъ: ибо, хотя на сей разъ не побѣжало море и не возвратился вспять Іорданъ, какъ во дни исхода Израилева изъ Египта; но и мы видѣли, видѣли шествія Твоя, Боже, при изгнаніи отъ насъ мышцею Твоею людей варваръ и новаго Фараона;—полчища его погрязли въ снѣгахъ сѣверныхъ, какъ бы въ пучинѣ Чермной! Сорокъ дней тяготѣла рука его надъ градомъ святыни и гробовъ отцевъ нашихъ, и вотъ совершается какъ бы торжественный сорокоустъ отъ лица всея Церкви Московской въ память сорокодневнаго ея плача. Это и послѣдній отголосокъ славной, но вмѣстѣ горькой битвы Бородинской, здѣсь отозвавшейся въ сердцѣ всея Руси!

Куда же направляется крестный ходъ съ древнею своею святынею? Онъ идетъ кругомъ священнаго кивота, искони охраняющаго въ завѣтныхъ стѣнахъ своихъ всѣ сіи сокровища, вокругъ Кремля, который отстоялъ ихъ и во дни сорокодневнаго плѣна, не подвигшись съ вѣковой своей основы. Напрасно желалъ надменный завоеватель, чтобы взлетѣлъ онъ на воздухъ со всею его святынею, и чтобы палъ вѣщій столпъ Ивана Великаго, сзывающій къ ней на молитву. Палъ одинъ только уголъ стѣны съ вершиною одной лишь башни, и то во свидѣтельство немощи человѣческой и силы Божіей: ибо уцѣлѣла на сокрушенной башнѣ икона Святителя Николая, давшаго ей свое имя, и самое стекло предъ иконою не повредилось. Какъ же не обойти съ глубокимъ благоговѣніемъ вокругъ столь завѣтной святыни и не воздать на каждомъ шагу благодарной молитвы Богу отцевъ нашихъ, показавшему и на насъ

милости свои древнія! «Обыдите людіе и обымите Сіона»! восклицалъ Давидъ, исполненный любви къ сей матери градовъ Израилевыхъ; и мы съ любовію обходимъ и какъ бы объемлемъ всенародными объятіями Сіонъ Московскій, основаніе коего также на горахъ святыхъ.

У Спасскихъ воротъ Кремля весь сонмъ инокинь Вознесенскихъ встрѣтилъ и проводилъ пѣніемъ мимоидущаго Владыку. На Красной площади Китай-города священнослужители Покровскаго и Казанскаго соборовъ поднесли ему для благоговѣйнаго цѣлованія чудотворныя иконы своихъ храмовъ, сооруженныхъ въ память взятія Казани и освобожденія Москвы; и такъ вотъ еще два великихъ воспоминанія присоединились къ третьему, не менѣе славному. Мимо памятника Минину и Пожарскому протянулся крестный ходъ, не прерываясь на пространствѣ всей площади, такъ что, когда уже хоругви преклонялись подъ своды Иверскія, Святитель только что выходилъ изъ-подъ Спасскихъ. У часовни Иверской Богоматери остановился крестный ходъ для всенародной литіи, чтобы поднять изъ Ея келліи чудотворную Пришелицу Аѳонскихъ горъ и украсить Ея присутствіемъ столь свѣтлое торжество. Около ступеней стали прочія священныя иконы въ ожиданіи небошественной Спутницы; предъ ними выстроились золотыя хоругви, указывая блестящій путь. Съ возвышенія часовни видны были только человѣческія головы, покрывавшія живымъ помостомъ все пространство вокругъ, и онѣ благоговѣйно преклонились, когда взошедшій на ступени Владыка послѣ чтенія Евангелія въ честь Пресвятой Дѣвы осѣнилъ ихъ животворящимъ крестомъ. Тогда изъ глубины ярко-

освѣщенной часовни показалась во всемъ блескѣ своихъ драгоцѣнныхъ камней Иверская икона, и молитвенный шопотъ пробѣжалъ отъ края площади и до края: «Владычица идетъ съ нами»!

Двинулся опять крестный ходъ при пѣніи ликовъ; уже не останавливаясь, обогнулъ онъ поэтическій садъ Кремля, зеленью холмовъ и деревъ, своенравно прильнувшій къ вѣковымъ стѣнамъ, какъ тѣ мшистыя травы, что обвиваютъ утесы, о которые съ шумомъ разбиваются валы. Много бурныхъ волнъ разбилось и о сѣдую грудь стараго Кремля, но не морскихъ, а человѣческихъ волнъ, воздвигаемыхъ бурями Орды и Литвы, и надъ всѣми ими посмѣялся зубчатый старецъ. Вотъ и послѣдній исполинскій натискъ цѣлаго Запада отхлынулъ отъ него съ шумомъ, и съ шумомъ погибла въ волнахъ океана память завоевателя; «мимо идохъ—и се не бѣ»!

И вдоль живописнаго берега Москвы рѣки подъ южнымъ навѣсомъ Кремлевскаго холма, увѣнчаннаго здѣсь всею красою своихъ храмовъ и палатъ, идетъ церковное шествіе, объемля такимъ образомъ съ трехъ сторонъ весь священный треугольникъ лѣтописныхъ стѣнъ и башенъ. Тогда опять подымается крестный ходъ отъ рѣки къ Спасскимъ вратамъ мимо восточной громады Василія Блаженнаго; но прежде, нежели взойти въ завѣтную святыню Кремля, останавливается у лобнаго мѣста; золотой рядъ хоругвей обозначаетъ опять священный путь отъ сей Русской Голгоѳы къ царственнымъ вратамъ Кремля: это второй торжественный отдыхъ уже на концѣ шествія. Святитель восходитъ на ступени всенароднаго амвона, съ котораго превозгласилось столько лѣтописныхъ рѣчей въ слухъ всея Руси; вокругъ Вла-

дыки стоитъ весь митроносный сонмъ и вся древняя святыня, исшедшая во свидѣтельство новаго чуднаго спасенія земли Русской. Митрополитъ подымается еще выше на свое горнее мѣсто посреди лобнаго, и оттолѣ при гулѣ колоколовъ осѣняетъ весь градъ и міръ животворящимъ крестомъ на всѣ четыре страны свѣта, дабы во всѣ концы его паствы распространилось пастырское благословеніе, и во всю вселенную спасительная сила святаго креста, изъ самаго сердца Православія.—Вотъ истинное urbi et orbi, которому далеко уступаетъ Римское!

ПАСХА ВЪ КРЕМЛѢ.

«Доколѣ стоитъ Капитолій, будетъ стоять Римъ; доколѣ стоитъ Римъ, будетъ стоять и вселенная!» такъ выражалась древняя пословица о всемірной державѣ Римской.—Столь же пламенное, но освященное вѣрою Христовою, чувство любви къ земной своей родинѣ невольно наполняетъ сердце и отъ избытка сердца изливается устами Русскаго: «доколѣ стоитъ Кремль, будетъ стоять Москва; доколѣ стоитъ Москва, будетъ стоять святая Русь, а съ нею и Православіе!» и не напрасно еще древніе лѣтописцы наши назвали первопрестольную столицу, наслѣдовавшую славу Царьграда, третьимъ Римомъ. Стòитъ только ступить на священную высоту Кремля и окинуть изумленнымъ взоромъ живописную окрестность, дабы не только чувствовать, но и видѣть, что здѣсь во истинну сердце Руси, ибо отъ сего дивнаго средоточія разбѣгаются во всѣ ея оконечности благословенные ея пути изъ-подъ соборной сѣни древнихъ святилищъ, и сюда опять стекаются они отъ всѣхъ неизмѣримыхъ ея предѣловъ, какъ обращеніе крови въ тѣлѣ человѣческомъ жилами сосредоточивается въ сердцѣ. Потому такъ сильно и бьется оно, когда приближается къ сему завѣтному сердцу всея Руси, которое само съ нѣжностію материнскою бьется для

каждаго изъ сыновъ своихъ и всегда готово отозваться на каждый зовъ ихъ, пріемля живое участіе въ ихъ сердечной радости и горѣ.

Этотъ Кремль, столько разъ видѣнный мною и въ краснорѣчивомъ его безмолвіи, и въ благолѣпіи духовныхъ его торжествъ, теперь въ первые случилось мнѣ видѣть въ священные дни Страстной недѣли и Пасхи, когда онъ облекается всѣмъ своимъ завѣтнымъ величіемъ и еще сильнѣе говоритъ душѣ, потрясенной воспоминаніями о распятомъ и воскресшемъ Господѣ. Еще исполненный сихъ впечатлѣній, пишу тебѣ, любезный другъ, чтобы передать ихъ тебѣ во всей свѣжести и вмѣстѣ съ тѣмъ пожалѣть, что до сихъ поръ ты добровольно лишалъ себя сего наслажденія духовнаго; и сколькіе изъ насъ, проведя всю жизнь подлѣ своей родной святыни, такъ и сойдутъ въ могилу, не полюбопытствовавъ даже, что̀ совершается внутри сего дивнаго Кремля въ священную ночь Пасхи и о чемъ такъ торжественно гласитъ онъ стоязычнымъ звукомъ своихъ колоколовъ?— А между тѣмъ мы стремимся въ дальнюю чужбину, въ иновѣрный Римъ, посмотрѣть тамъ на служеніе папское во всѣхъ его подробностяхъ. Тамъ мы не боимся ни толпы въ базиликахъ и въ крестныхъ ходахъ, ни духоты въ Сикстовой капеллѣ для слышанія miserere. Всѣми средствами стараются добыть туда билеты, чтобы слушать два и три дня сряду по нѣсколько часовъ крикливое пѣніе кастратовъ, и только на концѣ вечерни нѣчто болѣе благолѣпное, но далеко отстоящее отъ нашихъ церковныхъ хоровъ. Совершенная драка возникаетъ въ ложѣ Ватиканской въ ожиданіи трапезы нищихъ, угощаемыхъ папою, и не смотря на то самыя почетныя дамы,

которыя такъ боятся многолюдства въ нашихъ соборахъ, туда тѣснятся, можно сказать, съ опасностію жизни. «Какъ не посмотрѣть, говорятъ онѣ; мы для того и пріѣхали въ Римъ».—«Какъ же вы ничего не смотрите здѣсь? можно отвѣчать имъ; неужели обряды чуждые въ землѣ отдаленной ближе для васъ своихъ единовѣрныхъ въ сердцѣ родины?»—«Но мы о нихъ не знали», говорятъ онѣ себѣ въ оправданіе. Сожалѣю и для того, чтобы не было сей послѣдней, хотя весьма слабой отговорки, постараюсь изложить здѣсь то, что наиболѣе поразительно въ великолѣпныхъ службахъ Страстной и Свѣтлой недѣли подъ священною сѣнію Кремля, такъ какъ я уже описалъ Римскіе обряды сихъ великихъ дней.

Начну съ Великаго Четверга, потому что богослуженіе первыхъ трехъ дней Страстной седмицы, болѣе или менѣе, можно видѣть въ другихъ церквахъ; но въ послѣдніе дни и на Пасхѣ совершаются особенныя торжества, соотвѣтствующія величію времени и мѣста; даже тѣ, которыя положены въ обыкновенномъ чинѣ всѣхъ церквей, восходятъ здѣсь до чрезвычайной степени благолѣпія, такъ что при зрѣлищѣ оныхъ невольно умиляется сердце и чувство благоговѣнія обращается въ невыразимый восторгъ. Весеннее полнолуніе, всегда неразлучное съ Страстною седьмицею по самому времени, опредѣленному для празднованія Пасхи, и ранняя весна, теплая, растворенная всѣми своими ароматами, благопріятствовали на сей разъ наружному величію церковныхъ службъ; ибо лѣтняя теплота замѣнила обычный сему времени холодъ въ соборахъ, и сильныя грозы съ громомъ и молніею, какія только бываютъ по срединѣ лѣта, сдѣлали воздухъ даже душнымъ; теплыя

ночи смѣняли жаркіе дни, какъ будто пламенный іюль внезапно заступилъ мѣсто холоднаго апрѣля.

Скажу тебѣ еще нѣчто близкое не только моему сердцу, но и сердцу каждаго Москвитянина, и ты поймешь, почему радость наша была совершенна въ сіи торжественные дни: благопріятная погода поддержала слабыя силы нашего Владыки и позволила ему совершить почти всѣ возвышенныя службы; онѣ получали особенное выраженіе отъ духа молитвы, его проникающаго и невольно вселяемаго имъ въ тѣхъ, которые созерцаютъ его благоговѣйное служеніе. «Завидую вамъ, писалъ ко мнѣ наканунѣ Пасхи благочестивый Экзархъ Грузіи, что вы проведете праздники въ Москвѣ и раздѣлите радость съ Ангеломъ Церкви Московской, которому такъ легко усугублять радость радующихся о Господѣ;» и я на самомъ дѣлѣ испыталъ истину сихъ выраженій.

Первое и единственное въ цѣлой Россіи зрѣлище представляетъ намъ въ Великій Четвертокъ соборъ Успенскій, ибо въ немъ совершается въ память жены, помазавшей на смерть Господа Іисуса, всенародное елеосвященіе предъ началомъ страстей Христовыхъ, какъ бы во исполненіе словъ Его: «аминь, глаголю вамъ, идеже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется и еже сотвори сія, въ память ея» (Матѳ. XXVI, 13). Какимъ глубокимъ, истинно Христіанскимъ смысломъ проникнуто сіе таинственное дѣйствіе елеосвященія! Что сказалъ Господь о женѣ?—«Еже имѣ, сія сотвори: предвари помазати тѣло мое на погребеніе» (Марка XIV, 8). Вѣрные же, образуя собою духовное тѣло, котораго глава есть Господь, и пріемля молитвенное участіе въ страданіяхъ Его, приготовляются также

къ сему высокому подвигу чрезъ таинство елеосвященія, дабы не оскудѣли ихъ душевныя и тѣлесныя силы при многотрудномъ служеніи. Торжественное дѣйствіе сіе совершается только въ Іерусалимѣ, Царьградѣ и Москвѣ, хотя могло бы повторяться и во всѣхъ соборныхъ храмахъ; но, какъ нѣчто необычайное, оно положено только при Патріаршихъ каѳедрахъ, и утѣшительно видѣть, какъ вѣрно перешелъ весь священный чинъ великой Церкви Константинопольской, заимствованный изъ св. града, въ сердце собственной святыни нашей, въ первопрестольную Москву.

Архіерей, облачившись въ черныя ризы внутри алтаря, идетъ съ шестью пресвитерами на средину собора, гдѣ приготовленъ елей со свѣчами, и во время чтенія канона елейнаго кадитъ всю церковь. Потомъ начинается умилительное чтеніе семи посланій Апостольскихъ и семи Евангелій, изъ коихъ первое и послѣднее читаетъ на своемъ амвонѣ Преосвященный. Такъ премудро собраны и расположены сіи различныя чтенія, что внимательному слушателю представляется въ нихъ и самое учрежденіе спасительнаго таинства и духовный плодъ его; особенно трогательны молитвы, которыя послѣ каждой эктеніи, слѣдующей за чтеніемъ Евангелія, возглашаютъ по порядку всѣ священнослужители, начиная съ Владыки. Нельзя безъ глубокаго чувства внимать ихъ изреченіямъ, которыя мы обыкновенно слышимъ только при одрѣ болящихъ, наипаче умирающихъ, будучи сами проникнуты горемъ угрожающей намъ потери. Здѣсь же со свѣчами въ рукахъ мы стоимъ всѣ здравые, заблаговременно приготовляя себя къ исшествію изъ сего міра, по милости Господа, еще

терпящаго насъ во грѣхахъ нашихъ. О если бы мы всегда такъ готовились къ вѣчности!—Послѣ окончательной молитвы надъ елеемъ Архіерей разливаетъ его въ три сосуда для удобнѣйшаго помазанія многочисленнаго народа и, начавъ съ самого себя, помазываетъ священнослужителей и весь клиръ, а потомъ они въ свою чреду помазываютъ всю паству, и трогательно видѣть стремленіе православныхъ къ воспріятію сего спасительнаго залога.

Часъ спустя послѣ елеосвященія, въ полдень начинается литургія Великаго Четверга, которая напоминаетъ намъ, преимущественно предъ всѣми ежедневными литургіями, божественное установленіе Вечери Тайной и проникаетъ сердце вмѣсто Херувимской пѣсни умилительною стихирою: «Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими; не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ.»— Всякіе три или четыре года, судя по необходимости во святомъ мѵрѣ, торжественное его освященіе знаменуетъ сію литургію; оно заблаговременно приготовляется въ крестовой палатѣ Патріаршаго дома при непрестанномъ чтеніи Евангелія въ теченіе первыхъ трехъ дней Страстной седмицы и передъ началомъ литургіи Великаго Четверга въ двѣнадцати серебряныхъ сосудахъ приносится пресвитерами въ соборъ Успенскій. Тамъ совершается надъ нимъ освященіе: на великомъ входѣ предъ дискосомъ и чашею несутъ отъ жертвенника въ царскія двери такъ называемый алавастръ, малый сосудъ съ преждеосвященнымъ мѵромъ, а за нимъ большіе серебряные сосуды съ мѵромъ, приготовленнымъ къ освя-

щенію. Алавастръ поставляется на престолѣ, а прочіе сосуды по обѣимъ сторонамъ его; по освященіи даровъ открываются сосуды; Архіерей благословляетъ мѵро съ троекратнымъ крестнымъ знаменіемъ и произноситъ молитву освященія. Часть прежняго мѵра вливается въ каждый сосудъ новаго, а потомъ дополняется опять алавастръ, чтобы Церковь имѣла всегда одно непрерывное мѵро, какъ непрерывенъ въ Ней даръ Святаго Духа.

Не безъ глубокой мысли освященіе мѵра, чрезъ которое мы всѣ принимаемъ духовное помазаніе при самой купели съ именемъ Христіанина, положено совершать въ тотъ великій день, когда Апостолы, начальники нашей вѣры, сдѣлались первыми общниками тѣла и крови Христовой. Не безъ высокой цѣли и самое мѵро истекаетъ на всю Россію изъ двухъ только первопрестольныхъ соборовъ Кіева и Москвы, дабы симъ духовнымъ единствомъ содержать ее въ союзѣ Православія и чтобы освященіе верховныхъ Архіереевъ распространялось на дѣйствія каждаго пресвитера, помазывающаго св. мѵромъ крещаемыхъ младенцевъ. Мнѣ не случилось видѣть ни освященія мѵра, ни торжественнаго его приготовленія, когда предъ началомъ литургіи въ Великій понедѣльникъ Архіерей благословляетъ ароматныя травы и зажигаетъ огонь, для ихъ варенія въ устроенной на сіе пещи посреди крестовой палаты, подъ наблюденіемъ діаконовъ;—въ этотъ годъ не было необходимости въ освященіи мѵра. Но вмѣсто того я имѣлъ утѣшеніе созерцать другой возвышенный обрядъ, который хотя и совершается повсемѣстно тамъ, гдѣ есть Архіерейскія каѳедры, однако производитъ болѣе впечатлѣнія посреди древней святыни Московской;

ибо тамъ все уже заблаговременно располагаетъ сердце къ умиленію самымъ многообразіемъ священныхъ предметовъ и воспоминаній; одинъ только Кіевъ можетъ сравниться въ этомъ съ Москвою.

Митрополитъ совершалъ литургію и потомъ умовеніе ногъ двѣнадцати архимандритамъ и пресвитерамъ на возвышенномъ амвонѣ посреди собора при чтеніи Евангелія отъ Іоанна, которое громко возглашалъ протодіаконъ, такъ что каждое слово его представлялось въ самомъ дѣйствіи, и даже слова Господни и Петровы повторялись священнодѣйствующими. При чрезвычайномъ стеченіи народа благоговѣйное молчаніе водворилось въ соборѣ; нѣкій таинственный страхъ проникалъ душу: ждали словъ и дѣяній, какъ бы отъ самого Господа, хотя и въ лицѣ Его служителя. И вотъ, вмѣстѣ съ возвышенными словами Евангелія: «вѣдый Іисусъ, яко вся даде Ему въ руцѣ и яко отъ Бога изыде и къ Богу грядетъ, вставъ отъ вечери и положи ризы и, пріемъ лентіонъ, препоясася», тихо поднялся Святитель съ креселъ, на коихъ сидѣлъ посреди двѣнадцати учениковъ; хотя окруженный сонмомъ своихъ діаконовъ, самъ онъ безъ помощи ихъ началъ слагать съ себя облаченіе: митру и палицу, омофоръ и саккосъ; но сохранилъ служебное знаменіе ига Христова, эпитрахиль, поверхъ подризника и надѣлъ опять митру, подобіе вѣнца Христова, въ знакъ того, что власть имѣющій Господь, хотя и воспріялъ зракъ раба, владычественно однако совершилъ свое служеніе. Между тѣмъ протодіаконъ непрестанно повторялъ съ амвона: «и положи ризы, и пріемъ лентіонъ препоясася», доколѣ не исполнилъ сего Святитель и не опоясался крестообразно лентіономъ для отиранія ногъ.

Митрополитъ, слѣдуя во всемъ возглашаемому Евангелію, «влія воду во умывальницу и начатъ умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ, имъ же бѣ препоясанъ». Онъ дѣйствительно, преклонивъ колѣно, омывалъ и отиралъ ихъ, и потомъ цѣловалъ руку у омываемаго съ подобающимъ смиреніемъ, не такъ какъ я видѣлъ въ Римѣ умовеніе, которое совершалъ папа не двѣнадцати пресвитерамъ, а тринадцати нищимъ: ибо все отзывается въ Римѣ своевольнымъ испроверженіемъ древняго чина церковнаго и даже словъ Евангельскихъ. Едва наклонялся папа къ ногамъ сихъ мнимыхъ нищихъ или странниковъ, весьма мало проникнутыхъ важностію обряда, и кардиналы, слѣдовавшіе за Первосвященникомъ, гораздо болѣе его служили, вручая имъ послѣ умовенія по медали съ букетомъ цвѣтовъ. У насъ же напротивъ во всемъ было строгое исполненіе текста Іоаннова, такъ что кто смотрѣлъ на совершеніе обряда, будто бы читалъ въ лицахъ Евангеліе, а кто читалъ оное, созерцалъ самый обрядъ.

Впечатлѣніе слышаннаго и видѣннаго еще усилилось, когда Владыка, приблизившись къ послѣднему ученику, сидѣвшему съ правой стороны, услышалъ отъ него самыя слова Петровы, благоговѣйно произнесенныя архимандритомъ Новоспасскимъ, старшимъ изъ всѣхъ, какъ подобало быть и Петру: «Господи, Ты ли мои умоеши нозѣ?» Едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ ему Владыка: «еже азъ творю, ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ». Вся возвышенная бесѣда Господа съ Апостоломъ произнесена была представлявшими ихъ лицами, и только возгласы діакона: «глагола ему Петръ, отвѣща ему Іисусъ», знаменовали рѣчь каждаго и при-

давали еще болѣе торжественности сей бесѣдѣ, повторяемой чрезъ осмьнадцать столѣтій со всею яркою существенностію настоящаго. Когда же заключилъ Владыка въ лицѣ Господнемъ: «и вы чисти есте, но не вси», и объяснилъ діаконъ, почему Онъ это сказалъ: «вѣдый бо предающаго Его, сего ради рече, яко не вси чисти есте», невольный ужасъ пробѣжалъ по членамъ; ибо совѣсть возбуждала въ каждомъ страшный вопросъ: «еда азъ есмь, Господи?» Совершивъ таинственное умовеніе, Святитель по гласу діакона: «пріятъ ризы своя», опять безъ помощи служителей церковныхъ; онъ возсѣлъ между учениковъ своихъ и прочелъ изъ книги Евангелія изъясненіе высокой цѣли сего обряда, дабы не только они, но и народъ уразумѣлъ всю премудрость установленія церковнаго изъ самыхъ словъ Спасителя. (Іоан. XIII, 12—17.) «Вѣсте ли, что сотворихъ вамъ? вы глашаете мя учителя и Господа и добрѣ глаголете: есмь бо. Аще убо азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и учитель, и вы должни есте другъ другу умывати нозѣ; образъ бо дахъ вамъ, да, якоже азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его; аще сія вѣсте, блажени есте, аще творите я».

Есть и въ Великій Пятокъ, ознаменованный столькими возвышенными священнодѣйствіями, одно, исключительно совершающееся въ Успенскомъ соборѣ на Царскихъ часахъ и весьма трогательное, хотя мало кому извѣстное: это умовеніе мощей, которыя торжественно для сего приносятся въ главный соборъ изъ Благовѣщенскаго, гдѣ наиболѣе ихъ хранится; ибо въ сію домашнюю сокровищницу соби-

рало ихъ изъ дальняго Востока благочестіе Царей нашихъ и въ Великій Пятокъ предлагало ихъ благоговѣйному лобзанію народа или, можно сказать, отечески съ нимъ дѣлилось своимъ духовнымъ богатствомъ. И этотъ возвышенный чинъ перешелъ къ намъ изъ Византіи, исполненный таинственнаго смысла, какимъ Православная Восточная Церковь умѣла проникать и облекать свои возвышенные обряды. Дѣйствительно, если вникнуть въ сіе послѣднее учрежденіе, то обнаружится нѣчто болѣе, нежели одно благоговѣйное желаніе сохранить въ чистотѣ священные залоги, ввѣренные храненію Церкви.—Наканунѣ Архіерей въ лицѣ Господа умывалъ ноги іереямъ, представлявшимъ лице Его учениковъ; не должны лишиться сего молитвеннаго умовенія и ближайшіе послѣдователи Христовы, положившіе за Него кости свои въ основаніе Церкви, которые прославили Его на землѣ хотя отчасти тою славою, какою Онъ прославилъ ихъ на небесахъ. Посему и имъ воздается та же смиренная почесть:—они уже наслаждаются въ невечернемъ свѣтѣ царствія Божія вѣчной Пасхи Христа; но доколѣ еще соблюдаются на землѣ ихъ нетлѣнные остатки, къ послѣднему дню общаго воскресенія, сами они дѣлаются участниками таинственнаго омовенія, которое предшествовало Вечери Тайной. Здѣсь, какъ и во всѣхъ священнодѣйствіяхъ нашихъ, является непрестанный союзъ Церкви видимой и невидимой, воинствующей и торжествующей.

Предъ началомъ царскихъ часовъ Архіерей, облаченный въ черныя ризы, съ духовенствомъ Успенскаго собора идетъ въ Благовѣщенскій при звукѣ колоколовъ Кремля, и ходъ сей имѣетъ ту особен-

ность, что онъ какъ бы погребальный. Изъ угло-образной паперти Благовѣщенской, куда вступаетъ церковное шествіе, внезапно открывается во внутрь собора умилительное зрѣлище: тамъ въ черныхъ облаченіяхъ стоятъ двадцать священниковъ вокругъ накрытаго парчею длиннаго стола, въ видѣ гроба, на коемъ лежатъ двадцать серебряныхъ ковчеговъ съ мощами внутри ихъ и съ ликами изваянныхъ на нихъ угодниковъ Божіихъ.—Явленіе сіе поражаетъ своею неожиданностію. Архіерей, окадивъ святыя мощи, подаетъ каждый кивотъ священникамъ, которые возлагаютъ его на главу свою; самъ онъ, поддерживаемый двумя архимандритами, подымаетъ съ аналоя животворящій Крестъ Царя Константина, и такимъ образомъ весь прежній соборный ходъ, умноженный двадцатью пресвитерами съ кивотами на главѣ, возвращается въ соборъ Успенскій, возбуждая невольное умиленіе своею погребальною торжественностію. Мнится видѣть древнее шествіе Израиля съ кивотомъ Завѣта и прочею ветхозавѣтною святынею, несомою Левитами въ землю обѣтованную; ибо здѣсь и свѣщники и Херувимы, осѣняющіе въ видѣ рипидъ животворящій Крестъ, замѣнившій преобразовательный кивотъ; но вмѣсто костей Іосифа, сопутствовавшихъ сынамъ Израиля изъ Египта, здѣсь кости пострадавшихъ за Христа мучениковъ. Кто не видалъ сего зрѣлища, по истинѣ лишилъ себя чрезвычайнаго утѣшенія.

Кто же сіи, въ частяхъ токмо несомые угодники Божіи?—Здѣсь и первозванный Апостолъ и Евангелистъ Маркъ, и Архидіаконъ Стефанъ, и Богоносецъ Игнатій, Великомученики Георгій и Ѳеодоръ съ сорока Севастійскими и другими именитыми страдаль-

цами, Пантелеймономъ, Варварою и двумя Персскими; здѣсь и Святитель Василій съ Ефремомъ Сирскимъ, и святые Безсребренники и богословствовавшій Дамаскинъ, и еще много иныхъ, имена коихъ не могу перечесть. Всѣ они полагаются на приготовленный столъ промежду двухъ соборныхъ столбовъ отъ Царскаго къ Патріаршему мѣсту. Тогда начинается служеніе царскихъ часовъ, въ которомъ участвуетъ самъ Архіерей, ибо онъ читаетъ первое и послѣднее Евангеліе Страсти. Это было впервые, что я могъ видѣть сію возвышенную службу съ подобающею ей торжественностію, такъ какъ она знаменуетъ самый часъ распятія. Обыкновенно ее совершаютъ безъ особеннаго благолѣпія и даже при маломъ стеченіи народа, потому что всѣ готовятся къ вечерней службѣ для цѣлованія плащаницы; но плащаница знаменуетъ только положеніе во гробъ, собственно же распятіе выражается на часахъ свидѣтельствомъ четырехъ Евангелистовъ о страшномъ и спасительномъ для насъ событіи. Послѣ царскихъ часовъ освящается вода посреди собора, и Архіерей начинаетъ омывать сею на аналоѣ животворящій Крестъ и гвоздь Господни, послужившіе къ Его распятію, и ризу Его, о коей метали жребій, и ризу Богоматери, изнесенныя изъ алтаря Успенскаго. И какія еще сокровища тамъ хранятся, едва ли вѣдомыя благоговѣйно цѣлующимъ ихъ при посѣщеніи храма?—тутъ и локоть Андрея Первозваннаго, съ частями мощей Предтечи и Великомученика Георгія, главы Григорія Богослова и Златоуста, и перстъ Василія Великаго, и ручка всехвальной Евѳиміи, и челюсть Просвѣтителя Руси, благовѣрнаго Князя Владиміра. Все сіе омываетъ также Владыка и потомъ идетъ въ сопровожденіи

діаконовъ, несущихъ святую воду, отирать чело Святителей Петра и Филиппа и руку Святителя Іоны, открытыя цѣлованію народа и потому болѣе требующія омовенія. Трогательно видѣть чрезъ столько вѣковъ сіе братское дѣло любви надъ усопшими въ Бозѣ Пастырями и Отцами, совершаемое тѣми, кто исполняетъ чреду ихъ предъ лицемъ ихъ Московской паствы. Тѣмъ же порядкомъ и столь же торжественно возвращается крестный ходъ въ соборъ Благовѣщенскій съ драгоцѣнными кивотами, которые полагаются тамъ для благоговѣйнаго ихъ чествованія во весь день Великаго Пятка.

Не стану описывать вечерней службы, которая всегда и вездѣ совершается съ одинаковою торжественностію. Я присутствовалъ при служеніи Митрополита въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и сожалѣлъ, что не видалъ оное въ Успенскомъ соборѣ или въ Чудовѣ; ибо всѣ такія дѣйствія имѣютъ гораздо болѣе торжественности внутри священныхъ стѣнъ Кремля. Обычай совершать вечерню сію въ Заиконоспасскомъ, вѣроятно, начался съ того времени, когда тамъ учреждена была духовная Академія при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и ректоры ея говорили на сей день назидательное слово, привлекавшее православныхъ своею необычайностію. Но теперь, когда уже духовная Академія перенесена въ лавру Троицкую, и самая семинарія помѣщается въ другомъ зданіи, не время ли возвратить Кремлю торжество сей вечерни, которому не благопріятствуетъ тѣснота Заиконоспасской обители.

Настала ночь Великой Субботы, ознаменованная погребальною утренею, съ которою можетъ сравниться одна только Воскресная. Какое страшное

слово: «люди погребаютъ Бога!»—Какой Ангельскій ликъ былъ бы того достоинъ?—Но Умалившій Себя ради человѣковъ и зракъ раба Пріявшій мертвъ зрится и, плащаницею Обвитый, ею знаменуется, предавая Себя въ руки человѣческія для таинственнаго погребенія!—Здѣсь Церковь исполнилась всѣмъ своимъ плачемъ, чтобы выразить на языкѣ смертныхъ тайну, въ которую и Ангелы желаютъ проникнуть: «Горѣ Тя на престолѣ и долѣ во гробѣ, премірная и подземная помышляющія, Спасе мой, зыбляхуся умерщевленіемъ Твоимъ, паче ума бо видѣнъ еси мертвъ, Живоначальниче».

Уже совершились похвальныя пѣсни исходу Богочеловѣка, прерываемыя жалобными псалмами, и мертвенный надъ ними канонъ, проникнутый ужасомъ ада и чаяніемъ вѣчной жизни; Ангельскій гимнъ «слава въ вышнихъ Богу», огласившій рожденіе Виѳлеемскаго Младенца, повторился и надъ гробомъ Голгоѳскаго Страдальца. Началось тихое «Святый Боже», сопровождающее каждаго мертвеца человѣческаго къ его послѣднему жилищу, и при этомъ торжественномъ пѣніи руками Архіерейскими поднятъ былъ съ престола соборнаго Божественный Мертвецъ. Погребальное шествіе сѣверными дверьми алтаря мимо мощей Святителя Петра двинулось внутрь храма къ западнымъ вратамъ со свѣщниками и кадильницами подъ сѣнію рипидъ при вѣяніи хоругвей. Ночь встрѣтила во вратахъ изъ ярко освѣщеннаго храма какъ бы тотъ подземный мракъ, который снизшелъ разсѣять Усопшій, когда въ одно и тоже время былъ: «во гробѣ плотски, во адѣ съ душою, яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ, и на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, вся исполняя не-

описаннѣ». Мѣдный ревъ колоколовъ Кремлевскихъ потрясъ воздухъ, какъ бы страшный голосъ неба и земли, слитый вмѣстѣ, ибо во истину: «ужаснися бояйся небо, и да подвижатся основанія земли, се бо въ мертвецахъ вмѣняется въ вышнихъ Живый, и во гробъ малъ странно пріемлется».

Вмѣсто благообразнаго Іосифа и Мѵроносицъ погребателемъ шелъ народъ Московскій около плащаницы своего Господа со свѣчами въ рукахъ, съ умиленіемъ въ сердцѣ, чающій воскресенія. Въ величественномъ сумракѣ стояли свидѣтелями таинственнаго погребенія три священныхъ собора, какъ бы тройной образъ храма Іерусалимскаго, отколѣ просіяло намъ единство Божіе въ новозавѣтномъ исповѣданіи трехъ Божественныхъ Лицъ. Грановитая палата, престольная сѣнь всея Руси, и вѣщій исполинъ, прогласившій столько вѣковъ Русской славы, выступили изъ мрака, когда изъ-за позлащенныхъ главъ Благовѣщенскаго собора выкатилась полная луна и небеснымъ свѣтомъ затмила земные погребальные огни. Когда же чудное шествіе сіе обошло соборъ и опять возвратилось въ его завѣтную внутренность,—мы поспѣшили въ дальнюю обитель Донскую, чтобы тамъ еще разъ слышать повтореніе той же возвышенной утрени и насладиться Ангельскимъ пѣніемъ погребальныхъ гимновъ, которое тамъ исполнено всею торжественностію великаго событія.

Въ домовой церкви Митрополита слушалъ я литургію Великой Субботы, полупогребальную, полувоскресную, по измѣненію черныхъ ризъ на свѣтлыя и возглашенію перваго Евангелія о возстаніи Господа еще надъ плащаницею, гдѣ Онъ видимо покоится предъ всею Церковію. Это уже была заря той

царственной Субботы, которая, какъ торжество изъ торжествъ, долженствовала возсіять намъ на слѣдующее утро, и въ этотъ день сподобился я быть участникомъ Божественной вечери отъ руки священнодѣйствовавшаго Митрополита. Потомъ все умолкло по заповѣди до радостнаго утра, какъ нѣкогда и благочестивыя жены, приготовлявшія ароматы для Божественнаго мертвеца; онѣ пошли искать Его рано во гробѣ и поклонились, радуяся, живому Богу, и Пасху тайную возвѣстили Его ученикамъ:— и насъ въ ту же ночь ожидала радость Мироносицъ, и дѣйствительно нѣкое таинственное ожиданіе, но не земнаго, а небеснаго, исполняло всѣхъ. Невыразимое чувство говорило сердцу, что наступавшій день выходилъ изъ числа дней человѣческихъ необъятностію самаго событія, и глубокая тишина водворилась, не только въ сердцѣ каждаго, но и въ цѣломъ городѣ, чающемъ вѣчной Пасхи Господа Своего. Первопрестольная столица готовилась встрѣтить Воскресшаго внутри своихъ храмовъ; тамъ только видно было нѣкое движеніе: церковнослужители читали книгу дѣяній Апостольскихъ надъ плащаницею; благочестивые стояли вокругъ и безмолвно внимали.

Вотъ приблизилась завѣтная полночь!—Я желалъ насладиться ею во всемъ ея величіи, внѣшнемъ и духовномъ, и поспѣшилъ въ Кремль. Вмѣстѣ съ бывшимъ владѣтельнымъ Княземъ Сербскимъ Михаиломъ, который посѣтилъ древнюю столицу нашу съ тою же церковною цѣлію и утѣшался въ ней торжествомъ Православія, мы взошли на балконъ малаго дворца, чтобы оттолѣ окинуть взорами все Замоскворѣчье. Картина сія была достойна изумле-

нія.—Багровая луна, только что поднявшаяся изъ-за небосклона, висѣла какъ яблоко на юговосточной башнѣ Кремля, слабо освѣщая обширную панораму, которая развивалась передъ нами; въ сумракѣ нельзя было ясно различить предметовъ, но темныя бойницы обозначали Кремлевскую ограду. На безчисленныхъ колокольняхъ Замоскворѣчья начинали мало по малу загораться огни, знаменовавшіе свѣтлое торжество; на каждой изъ нихъ, даже до дальней колокольни Симонова, сіяли сіи пасхальные вѣнчики, своенравно разсѣянные въ воздухѣ по разнообразной высотѣ башенъ. Съ того возвышенія, гдѣ мы стояли, глаза наши разбѣгались во всѣ стороны, и нельзя было опредѣлить, какая собственно стихія колебалась предъ нами въ сумракѣ, вся проникнутая яркими огнями?—Казалось, еще тысячи звѣздъ зажглись въ воздухѣ, и только багровый огонь отличалъ ихъ отъ небеснаго свѣта настоящихъ свѣтилъ; казалось, звѣздное небо отразилось въ нѣкоемъ морѣ, внезапно подступившемъ къ священной оградѣ Кремля на мѣсто убогой его рѣки. Исполинъ Кремлевскій уже былъ увѣнчанъ огненнымъ двойнымъ вѣнцемъ, освѣщая вокругъ себя обступившіе его соборы.

Посреди таинственной тишины сей многоглагольной ночи внезапно съ высоты Ивана великаго, будто изъ глубины неба, раздался первый звукъ благовѣста,—вѣщій, какъ бы зовъ Архангельской трубы, возглашающей общее воскресеніе; но теперь она возвѣщала только возстаніе одного Божественнаго Мертвеца, который попралъ смертію смерть. И вотъ при первомъ знакѣ, данномъ изъ Кремля, мгновенно послышались тысячи послушныхъ ему колоколовъ, и мѣдный ревъ ихъ исполнилъ воздухъ, плавая надъ

всею столицею; она была объята симъ торжественнымъ звономъ, какъ бы нѣкою ей только свойственною атмосферою, проникнутою священнымъ трепетомъ потрясаемой мѣди и радостью благовѣствуемаго торжества. Слышало ухо и не могло насытиться сею дивною гармоніею будто бы инаго надоблачнаго міра; смотрѣло око и не могло наглядѣться на зрѣлище священныхъ огней, горѣвшихъ въ небѣ, а сердце человѣка не могло вмѣстить въ себя всей духовной радости—примиренія неба и земли.

Но время было спѣшить въ Успенскій соборъ для божественной службы. Уже внесена была мертвенная плащаница въ алтарь при пѣніи погребальнаго канона Великой Субботы, и вотъ исходитъ изъ алтаря Святитель въ свѣтлыхъ ризахъ съ сонмомъ священнослужителей, поющихъ: «воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангелы поютъ на небесѣ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити». Ангелы уже поютъ воскресеніе, земля же еще безмолствуетъ, ибо къ намъ позже пришла сія радостная вѣсть отъ Ангеловъ. Какъ бы исполненные ихъ видѣніемъ въ алтарѣ, гдѣ положена плащаница вмѣсто новаго гроба на престолъ, исходятъ въ чинѣ раннихъ Мироносицъ священнослужители; внѣ храма разрѣшится устами ихъ великая тайна: ибо теперь еще знаменуется во мракѣ таинственное сошествіе во адъ Господа для изведенія душъ Праотцевъ. При гласѣ всѣхъ колоколовъ Кремля, со всею завѣтною святынею собора и съ животворящимъ крестомъ въ рукѣ Митрополитъ обошелъ соборный храмъ, и вся площадь кругомъ его, исполненная народомъ, обратилась въ одинъ храмъ: какъ будто разступились вѣковыя стѣны трехъ смежныхъ соборовъ, и они со-

единились въ одно святилище, осѣненное вмѣсто купола звѣзднымъ небомъ. Въ ту же минуту совершалось шествіе вокругъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго собора на той же площади, горѣвшей безчисленными огнями, и не погасла ни одна свѣча въ рукахъ народа: такая тишина царствовала въ воздухѣ. Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить сіе таинственное безмолвіе, исполненное чаяніемъ оживающей земли. Когда же въ знаменіе Свѣтлаго Воскресенія Владыка роздалъ свѣчи своимъ сослужителямъ у западныхъ вратъ, и, осѣнивъ врата знаменіемъ креста, впервые возгласилъ: «Христосъ воскресе!» и при громкомъ пѣніи сего торжественнаго гимна отверзлись заключенные врата:—казалось, Востокъ свыше осіялъ всѣхъ изнутри ярко освѣщеннаго храма; всѣ устремились во внутрь его, какъ бы въ тѣсные врата небеснаго царства, уже отверстаго для насъ на землѣ; нѣмой восторгъ проговорилъ слезами, и два только божественныя слова: «Христосъ воскресе!», могли выразить тайну неба и земли.

Кто не видалъ Пасхальной утрени въ Кремлевскомъ соборѣ, не можетъ представить себѣ всего величія сей церковной службы, сколь ни возвышенна она сама по себѣ и при малѣйшемъ благолѣпіи; Кремль для нея созданъ, и она для Кремля, ибо здѣсь благопріятствуетъ и мѣстность, и святыня, и самый гласъ Ивана великаго, звучащій не земнымъ. Торжественны были кажденія Митрополита и послѣ него двѣнадцати архимандритовъ и пресвитеровъ при каждой пѣсни Пасхальнаго канона съ непрестаннымъ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе»; умилительно цѣлованіе ихъ съ властями и народомъ, и

назидательно слово Златоуста, приглашавшаго къ общей радости, которое произнесъ Владыка вмѣсто самого Іоанна: «аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества; аще кто рабъ благоразумный, да внидетъ, радуяся, въ радость Господа своего». Гдѣ, въ какой Церкви, есть что либо подобное торжеству сему, вполнѣ достойному дивнаго событія?—Блѣденъ Римъ съ его внѣшнею картинностію папскихъ служеній, изъ числа коихъ исключена пасхальная утреня! И протестанты, чуждающіеся всего внѣшняго въ Церкви, чувствуютъ сиротство свое въ сію великую ночь Пасхи и притекаютъ въ наши храмы искать того утѣшенія, котораго сами себя лишили.

Три часа спустя послѣ утрени началась литургія, не менѣе торжественная по благолѣпію утвари церковной и числу священнослужителей и усердію народа, исполнявшаго храмъ. При звукѣ колокола Евангеліе возглашалось въ алтарѣ всѣми архимандритами и пресвитерами и четырьмя діаконами въ церкви по четыремъ странамъ свѣта, какъ бы во услышаніе всея Руси изъ ея первопрестольнаго собора; оно читалось на языкѣ Греческомъ и Славянскомъ въ знаменіе родственнаго союза Церквей. Послѣ божественной службы въ скромныхъ покояхъ настоятеля Чудовскаго, ибо Митрополитъ есть вмѣстѣ и Архимандритъ сей каѳедральной обители, все духовенство, предстоявшее съ нимъ у алтаря, соединилось, чтобы разговѣться вмѣстѣ съ своимъ Владыкою. Къ вечерни опять собрались въ Успенскомъ храмѣ, и служба была еще торжественнѣе по числу архимандритовъ, ибо всѣ, находящіеся въ Москвѣ, соединились, чтобы участвовать въ общей радости великаго дня. Вели-

колѣнно было зрѣлище сего митроноснаго сонма, когда обступилъ онъ амвонъ, съ котораго Святитель лицемъ къ народу читалъ Евангеліе отъ Іоанна о явленіи воскресшаго Господа ученикамъ Своимъ. Трогательно было видѣть и всенародное его христосованіе со всею паствою, ибо, не смотря на слабость и утомленіе отъ тройной службы, утрени, литургіи и вечерни, Владыка не лишилъ братскаго цѣлованія ни одного изъ предстоявшихъ въ храмѣ, и всѣ стремились лобзать своего Архипастыря. Спрошу опять, гдѣ, въ какой Церкви, можно найти такой умилительный обычай, соединяющій во Христѣ Пастыря съ пасомыми истиннымъ братствомъ, основаннымъ на благоговѣйной любви?—Можетъ ли съ этимъ сравниться холодное колѣнопреклоненіе Римлянъ предъ ихъ Первосвященникомъ, несомомъ на тронѣ надъ головами народа, которому онъ не доступенъ?

Вотъ я описалъ тебѣ, любезный другъ, сколько могъ, всѣ торжества Страстной и Свѣтлой седьмицы посреди завѣтной святыни Кремля, гдѣ я былъ столько же пораженъ величіемъ Богослуженія, сколько и благоговѣніемъ народа къ своей древней, родовой святынѣ. Здѣсь истинная твердыня Руси,—ея незыблемое Православіе, и съ нимъ устоитъ она противъ всѣхъ внѣшнихъ бурь, ибо Церковь ея основана на твердомъ камени вѣры. Скажу въ окончаніе тоже, чѣмъ началъ: «доколѣ стоитъ Кремль, стоитъ Москва; доколѣ стоитъ Москва, будетъ стоять Русь, а съ нею Православіе».

1846.

ВОСПОМИНАНІЕ

СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ.

Опять я въ мирномъ Останкинѣ на моей уединенной террасѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ рощами, ничего не видя, кромѣ зелени и неба, ничего не слыша, кромѣ сельскихъ звуковъ; сижу, весь погруженный въ созерцаніе мирной природы, облитой золотомъ осенняго солнца и посреди сей глубокой тишины еще не могу совмѣстить въ душѣ своей впечатлѣній вчерашняго всенароднаго торжества съ нынѣшнимъ безмолвіемъ! — Неужели дѣйствительно вчера совершилось священное вѣнчаніе Царя нашего, и ликовалъ Кремль во звукѣ своихъ колоколовъ, во гласѣ своего народа?—Неужели вчера предъ моими глазами во святынѣ собора Державный принималъ вѣнецъ и скиптръ своихъ предковъ изъ старческихъ рукъ благословляющаго Святителя?—И все это было? и это не игра моего восторженнаго воображенія?

Какая тишина!—вотъ и знакомые звуки любимаго пастушескаго рожка, заливающагося въ чащѣ лѣса, скликающаго стадо съ вечерняго пастбища.... Но отколѣ внезапный гулъ?.... Это голосъ Ивана Великаго! это откликъ всѣхъ его мѣдноязычныхъ дѣтей, изъ трехъ сотъ устъ вѣщающихъ въ слухъ

земли: «было! было! свершилось!»—При гласѣ стольких свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ; опять раскрывается предъ моимъ взоромъ, но уже мысленно. то же дивное зрѣлище, котораго былъ вчера свидѣтелемъ.—Соберу впечатлѣнія; скажу то, что видѣлъ, и, если могу, то, что чувствовалъ; кратки рѣчи, когда горитъ на сердцѣ; это всплески кипящаго котла!

Съ чего начну?—Мы стояли на возвышеніи трона, предназначенные для несенія порфиръ, ожидая пришествія царскаго; соборъ уже былъ наполненъ послами иноземными; представители всѣхъ сословій государства, можно сказать, выборные всей земли Русской занимали мѣста свои позади трона; двѣнадцать Архіереевъ въ золотыхъ ризахъ съ многочисленнымъ клиромъ ожидали во вратахъ южныхъ Грядущаго во имя Господне; глубокая тишина царствовала:—вступила Царица Мать, и за нею весь царственный сонмъ Великихъ Князей и Княгинь, цвѣтущая отрасль ея благословеннаго корня;—величественно поднялась она на ступени трона, ей давно знакомаго, поддерживаемая двумя сынами, и сановито возсѣла у праваго столпа подъ сѣнію на свое мѣсто, въ полномъ смыслѣ свое: въ каждомъ ея движеніи видна была Царица; тридцатилѣтній вѣнецъ на главѣ ея освящался воспоминаніями минувшаго.

Вслѣдъ за тѣмъ появились одно за другимъ знаменія царской власти, руками сановниковъ возносимыя на ступени трона: государственныя знамя, мечъ и печать, двѣ порфиры, скиптръ и держава, и два вѣнца: Императорскій великій и малый для Императрицы.—И когда все это было расположено по лѣвую сторону царскаго престола, и всѣ уже стали на мѣстахъ своихъ, сдѣлалось внутри храма,

изображающаго небо, глубокое молчаніе, Апокалиптическое, если такъ позволено выразиться, ибо все здѣсь было таинственно и знаменательно, какъ бы въ книгѣ откровенія Іоаннова: «и бысть безмолвіе на небеси, яко полчаса» (Апокал. VIII 1).

И послѣ сего молчанія послышалось пѣніе ликовъ, Ангельскихъ по истинѣ болѣе, нежели человѣческихъ, возносившихъ мысли и сердце отъ земли на небо. Они пѣли вдохновенный псаломъ Царя Пророка: «милость и судъ воспою тебѣ, Господи», изображающій, какимъ чувствомъ должна быть проникнута душа, водворяющаяся въ домѣ Божіемъ.—Это было привѣтственное пѣніе входящему Царю. Его сопровождала Россія, его срѣтала Церковь молитвою надежды и любви.—Святитель Московскій встрѣтилъ его во вратахъ собора во имя Первосвятителя Петра чудотворца, который за пять вѣковъ предрекъ на этомъ мѣстѣ славу Царей нашихъ: «яко взыдутъ руки ихъ на плещи враговъ ихъ», и самъ возлегъ здѣсь нетлѣнно во свидѣтельство имѣющаго совершиться.—Покамѣсть пѣли лики, Царственная Чета припадала благоговѣйно къ святымъ иконамъ, Спаса Эммануила и Богоматери Владимірской, писанной Евангелистомъ Лукою.—Это былъ самый день Ея торжества, когда Церковь Россійская празднуетъ бѣгство страшнаго нѣкогда Тамерлана изъ ея предѣловъ; это была и годовщина славной битвы Бородинской, въ которую Провидѣніе спасло также Россію отъ другаго грознаго завоевателя; нельзя было лучше избрать дня для Царскаго вѣнчанія!

Царственные Супруги взошли на возвышеніе трона и сѣли на своихъ престолахъ: Императоръ—на изящно изваянный изъ слоновой кости Византій-

скій престолъ Іоанна III-го, который принесла ему въ наслѣдіе вмѣстѣ съ орломъ Имперіи послѣдняя отрасль Палеологовъ, Царевна Софія; Императрица—на одномъ изъ восточныхъ престоловъ, которые по временамъ присылали въ даръ Царямъ нашимъ мощные обладатели Востока, какъ бы предчувствуя будущую, дальнюю грань расширяющейся къ нимъ Россіи.—Можно было вспомнить здѣсь слово псаломное: «предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена» (Псал. 44).

Тогда по бархатнымъ ступенямъ возвышеннаго амвона тихо поднялся въ золотомъ саккосѣ и пурпурномъ омофорѣ, удрученный годами, но еще бодрый духомъ, Святитель Московскій, за тридцать лѣтъ предъ симъ уже участвовавшій въ Царскомъ вѣнчаніи приснопамятнаго Родителя Того, кому долженъ былъ на сей разъ самъ поднести вѣнецъ. Онъ сталъ предъ лицемъ Державнаго, чтобы внять изъ царскихъ устъ православное исповѣданіе его вѣры, прежде нежели приступить къ священному короно-ванію Царя, ибо таковъ былъ искони обычай боголюбивыхъ предковъ. Кто не подивится здѣсь прозорливой мудрости Православной Церкви?—Не только отъ Епископа, пастыря духовнаго, требуетъ она чистаго исповѣданія Символа, но даже и отъ Самодержца, чтобы вся Церковь могла слышать, какъ вѣруетъ Богомъ дарованный ей защитникъ, и чрезъ сію вѣру мирно пребывать подъ его сѣнію.

«Како вѣруеши»? спросилъ Святитель, и громогласно, торжественно, какъ вѣрный сынъ и заступникъ Церкви, произнесъ въ слухъ ея Символъ Православной Каѳолической вѣры Благочестивѣйшій Государь, проникнутый до глубины души тѣмъ,

что исповѣдывалъ устно, и каждое его слово проникало въ душу внимавшихъ его искреннему исповѣданію.—«Благодать Святаго Духа да будетъ съ тобою», сказалъ Митрополитъ Царственному Исповѣднику и возвратился къ сонму своихъ собратій.—Ихъ было двѣнадцать по чину Апостольскому; соборно начали они совершать торжественный молебенъ, предшествующій вѣнчанію, между тропомъ и алтаремъ. Умилительныя прошенія возглашалъ протодіаконъ отъ лица всей Церкви: «чтобы благословеніемъ Господа господствующихъ и Царя царствующихъ благословилось царское вѣнчаніе, и десницею Вышняго укрѣпился скипетръ, и помазаніемъ святаго мура воспріялъ бы Самодержецъ силу и премудрость къ правленію и правосудію; да услышитъ его Господь въ день печали, и пошлетъ ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ его, и дастъ ему Господь по сердцу его, и весь совѣтъ его исполнитъ; подчиненные ему суды не мздоимны и нелицепріятны сохранитъ, и да укрѣпляетъ Господь силъ оружіе его на всякаго врага и супостата».

Утѣшительно было для сердца чтеніе пророчества Исаіи: «Рече Сіонъ: остави мя Господь, и Богъ забы мя. Еда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь. Се на рукахъ моихъ написахъ грады твоя, и предо Мною еси присно».—Дѣйствительно, всегда предъ лицемъ Господнимъ вѣрная Ему Россія, и въ рукѣ Божіей вписаны ея грады, и когда бы и мать забыла дѣтище свое, Господь не позабудетъ Православной Своей Церкви и земли нашей!

Сколь утѣшительно было пророчество, столь же

назидательны слова Апостола для всѣхъ, внимавшихъ ему правымъ сердцемъ: «хощеши ли не боятися власти?—благое твори и имѣти будеши похвалу. Божій бо слуга есть, тебѣ во благое; аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечъ носитъ; тѣмъ же потреба повиноватися, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть». Евангеліе запечатлѣло заповѣдь Апостольскую изреченіемъ самой истины Господа Іисуса: «воздадите убо Кесарева Кесареви и Божія Богови».

Послѣ чтенія Евангелія три Митрополита поднялись на возвышеніе трона, Новгородскій и Литовскій по сторонамъ Московскаго, и началось царское облаченіе во всѣ знаменія верховной власти.—Какъ только облекся своею порфирою Императоръ, благоговѣйно преклонилъ Онъ главу, и Святитель, возложивъ на нее руки, возгласилъ во всеуслышаніе трогательную молитву, которая изъ всѣхъ очей исторгла невольныя слезы; старческій голосъ одушевился на краткій мигъ необычайною силою, чтобы вся Церковь приняла участіе въ столь знаменательной молитвѣ. Онъ молилъ Царя царствующихъ, избравшаго нѣкогда чрезъ Пророка Самуила раба Своего Давида, чтобы помазать его царемъ во Израилѣ надъ людьми Своими, призрѣть отъ святаго Своего жилища и нынѣ на вѣрнаго раба Своего, котораго благоволилъ поставить надъ Своимъ народомъ, искупленнымъ честною кровію Единороднаго Сына Божія. Молилъ еще удостоить его помазаніемъ елея радости, одѣть его силою свыше, возложить на главу его вѣнецъ отъ камене честна, даровать ему долготу дней и скипетръ спасенія, посадить его на престолѣ правды, оградить его всеоружіемъ Святаго Своего Духа,

смирить предъ нимъ всѣ варварскіе языки, хотящіе браней; наипаче же всѣять въ сердце его страхъ Божій и состраданіе къ послушнымъ, соблюсти его въ непорочной вѣрѣ, показать вѣрнымъ хранителемъ догматовъ святой каѳолической Церкви, да судитъ въ правдѣ и спасетъ сыны убогихъ и наслѣдникомъ будетъ небеснаго царствія».

Не все ли выражено въ сей краткой, вдохновенной молитвѣ? Плакалъ не одинъ лишь преклонявшій освящаемую главу свою подъ руки Святителя; плакали всѣ предстоявшіе, и столько слезныхъ молитвъ могли ли не проникнуть въ небо?—Митрополитъ поднесъ Государю Императорскую корону и благоговѣйно возложилъ ее на главу свою Самодержецъ, осѣняемый благословеніемъ Святителя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при таинственномъ изъясненіи знаменованія сего вѣнца: «видимое сіе и вещественное главы твоея украшеніе, явный образъ есть, яко тебя, Главу Всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ, благословеніемъ Своимъ утверждая тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими».—Потомъ Митрополитъ вручилъ Государю скипетръ и державу, съ такимъ же высокимъ и знаменательнымъ словомъ: «пріими скипетръ и державу, видимый образъ даннаго тебѣ отъ Вышняго надъ людьми самодержавія къ управленію ихъ и къ устроенію всякаго желаннаго имъ благополучія».

О мудрая Церковь!—Не только освящаетъ она каждый изъ ввѣряемыхъ ею залоговъ Самодержцу для спасенія словеснаго стада, но и объясняетъ таинственное ихъ значеніе, чтобы вѣнчанный Властитель христіански уразумѣлъ воспріемлемый имъ на

землѣ образъ Христа, то есть Помазанника Божія, для достойнаго теченія на столь высокомъ поприщѣ. Облеченный во всеоружіе своей власти, возсѣлъ онъ на престолѣ Мономаховъ и Палеологовъ. Началось другое вѣнчаніе, хотя и не облеченное торжественностію обрядовъ церковныхъ, но столь же трогательное, ибо оно было согрѣто всею нѣжностію супружеской любви. Императоръ позвалъ къ своему престолу спутницу лучшихъ дней своей жизни, призванную раздѣлить съ нимъ и царскій вѣнецъ. Она стала на колѣни предъ супругомъ во всей красотѣ своего смиренія; чистая ея душа просіявала въ свѣтлыхъ чертахъ: казалось, бѣлый ангелъ Россіи слетѣлъ къ подножію земнаго ея престола со ступеней небеснаго!—Царь Русскій снялъ съ главы блистательный вѣнецъ свой и тихо прикоснулся имъ скромнаго чела своей супруги; потомъ возложилъ на главу ея малую корону. Слезы обоихъ супруговъ слились въ ихъ взаимномъ привѣтствіи; Царицею поднялась облекшаяся въ порфиру и возсѣла на свой восточный престолъ.

Тогда Императоръ воспріялъ опять скипетръ и державу, на время имъ отложенные для вѣнчанія супруги, и протодіаконъ возгласилъ ему великолѣпный титулъ Самодержцевъ всея Руси, при громѣ орудій, при гулѣ всѣхъ колоколовъ Кремлевскихъ, утѣшительный тѣмъ, что каждое его слово есть истина, а не одна лишь память минувшей славы.—Здѣсь три царства Іоанновы, Казань, Астрахань и Сибирь, встрѣчаются съ Польскимъ и Таврическимъ, и землѣ Югорской на ледовитомъ Сѣверѣ противопоставлена роскошная область Армянская у подножія Арарата.—Сердцу Русскому сладостна сія кар-

тина необъятной державы, раскинувшейся на девятую часть міра, со всѣми наименованіями разнообразныхъ царствъ ея, областей и княженій, въ окраинѣ Океановъ. Во время громкаго многолѣтія происходили трогательныя семейныя привѣтствія: Царица-Мать поднялась съ своего престола, чтобы воздать почесть любви вѣнчаннымъ Сыну и Дщери. Сколько минувшаго выразилось въ этомъ настоящемъ, сколько взаимной привязанности! Тутъ не было словъ, были только лобзанія и слезы посреди громкихъ многолѣтій; не только вѣрные сыны Россіи, но и самые иноземцы, поражены были симъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ царственнымъ и семейнымъ, и не могли удержаться отъ слезъ.

Казалось, торжество вѣнчанія уже совершилось, привѣтствія приняты, гулъ орудій и колоколовъ умолкъ; настала опять такая же таинственная тишина, какая была предъ вступленіемъ во храмъ шествовавшихъ для вѣнчанія;—но еще не доставало молитвы царской о себѣ и своемъ народѣ, и молитвы всенародной о своемъ Царѣ, и обѣ сіи молитвы были свыше всякаго слова. Императоръ положилъ скипетръ и державу, сохранивъ однако вѣнецъ свой, и одинъ, преклонивъ колѣна на возвышеніи трона, при предстояніи всей Церкви такъ помолился Богу отцевъ своихъ:

«Господи Боже отцевъ и Царь царствующихъ, сотворившій все словомъ Твоимъ и премудростію Своею устроившій человѣка, да управляетъ міромъ въ преподобіи и правдѣ!—Ты избралъ меня Царемъ и Судіею людямъ Твоимъ; исповѣдую Твое неизслѣдимое о мнѣ смотрѣніе и, благодаря, поклоняюсь величеству Твоему. Ты же Владыко и Господи мой,

наставь меня въ дѣлѣ, на которое послалъ меня, вразуми и управи меня въ великомъ служеніи семъ; да будетъ со мною присѣдящая престолу Твоему Премудрость; пошли ее съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что̀ есть угодно предъ очами Твоими и что̀ есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ. Буди сердце мое въ рукахъ твоихъ, дабы все устроить къ пользѣ ввѣренныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, да и въ день суда Твоего, не постыдно воздамъ Тебѣ слово: милостію и щедротами Единороднаго Твоего Сына, съ нимъ же благословенъ еси, съ Пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь».

Не такъ же ли, въ книгѣ Царствъ, юный Соломонъ молитъ явившагося ему Господа, воцарившаго его, вмѣсто Давида, отца его, даровать ему сердце смысленное, чтобы судить въ правдѣ людей Божіихъ и разумѣвать посреди добра и зла (3 Царствъ III. 9)? Не такъ ли опять, уже во дни своей славы, когда создалъ храмъ Богу отцевъ своихъ и слава Господня исполнила сей храмъ, простеръ Соломонъ руки свои къ Богу горѣ предъ лицемъ всѣхъ іереевъ и всего народа и помолился о ввѣренныхъ ему людяхъ?—Вездѣ отголосокъ ветхозавѣтныхъ преданій въ православной Церкви новаго Завѣта, не отступающей отъ стези отцевъ. Твердо, внятно произнесъ благочестивый Государь сію колѣнопреклонную молитву; въ каждомъ словѣ отзывалось чувство, какимъ былъ онъ проникнутъ, но въ голосѣ его былъ отголосокъ слезъ, которыя горѣли въ глазахъ его свѣтлѣе алмазовъ его вѣнца.

Всталъ онъ, и въ свою очередь вся Церковь преклонила колѣна при предстояніи одного лишь

Державнаго высоко надъ своимъ народомъ. Митрополитъ отъ лица всѣхъ произнесъ умилительную молитву къ Господу: «все устрояющему неисповѣдимымъ Своимъ промысломъ, воздающему намъ не по беззаконіямъ нашимъ, чтобы умудрилъ и наставилъ раба Своего, благочестивѣйшаго Самодержца, которымъ утѣшилъ сердца наши, и даровалъ бы ему не поползновенно проходить великое свое служеніе, показавъ его врагамъ страшна, къ добрымъ милостива, согрѣвая сердце его къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, заступленію напаствуемыхъ, и подчиненныя ему правительства направляя на путь правды; всѣ же врученные державѣ его народы содержа въ нелицемѣрной вѣрности и сотворяя его отцемъ о чадахъ своихъ веселящимся». Кто выскажетъ всѣ трогательныя прошенія сей вдохновенной сердцемъ молитвы къ Господу, Который единъ вѣдаетъ, то что мы требуемъ, и подастъ еще прежде нашихъ прошеній, ибо отъ Него, какъ отъ Отца свѣтовъ, истекаетъ намъ всякое благодѣяніе и исходитъ всякій даръ совершенный!

По окончаніи сей молитвы Святитель Московскій, еще весь проникнутый таинственнымъ дѣйствіемъ, которое сподобилъ его Господь совершить надъ Царемъ своимъ, произнесъ предъ лицемъ его краткую рѣчь, и рѣчь сія была дополненіемъ его молитвы, ибо вмѣстѣ съ благожеланіями Царю заключала въ себѣ и изложеніе царственнаго долга.

«Благословенъ Царь царствующихъ, сказалъ онъ, вѣнчавшій тебя вѣнцемъ отъ камене честна, и словами псаломными изобразилъ: какъ праведно вѣнчалъ его Господь по закону престолонаслѣдія и потому, что Царь положилъ сердце свое въ руки

Божіи, желая таинственнаго осѣненія Духа Владычняго, и какъ утишилъ Господь вокругъ него бурю браней, чтобы въ мирѣ и не безъ подвига воспріялъ вѣнецъ предковъ. Ради сего внушалъ Святитель новому Царю радоваться о спасеніи Господнемъ и приглашалъ къ той же радости благовѣрную его супругу и благочестивую матерь, ибо уже созрѣлъ плодъ ея чрева и сладокъ для Россіи. И Церковь православную приглашалъ онъ вознести соборную молитву къ Господу, полагающему печать Своего избранія на вожделѣннаго Первенца ея сыновъ, вѣрнаго и крѣпкаго ея защитника, по слову пророческому о Царяхъ: «будутъ Царіе кормители ея».— И Россіи предстояла радость въ священной славѣ Царя своего, которому царскій вѣнецъ его былъ только пріятенъ отъ руки небеснаго Царя, и вожделѣнно помазаніе отъ Святаго.

Тогда исповѣдалъ въ слухъ Державнаго: что свыше мѣры человѣческой потребенъ даръ Царю, для того, чтобы отъ его вѣнца, какъ отъ средоточія, проливался на все царство животворный свѣтъ мудрости правительственной; чтобы мановеніемъ его скипетра указывалось вѣрное направленіе подчиненнымъ властямъ ко благу общественному; чтобы рука царева крѣпко и всецѣло обнимала его державу; чтобы мечъ его всегда былъ готовъ на защиту правды и однимъ своимъ появленіемъ уже поражалъ неправду, а знамя царское собирало во едино милліоны народа; и наконецъ чтобы труда и бдѣнія царева доставало для возбужденія ихъ дѣятельности и обеспеченія ихъ покоя. Возвышенно заключилъ онъ всѣ свои благожеланія о воспріятіи въ помазаніи видимомъ невидимой благодати, утѣшительно напомнивъ, какъ

древле надъ Царемъ Давидомъ послѣ его царскаго помазанія благодатно носился Духъ Господень отъ того дня и потомъ».

Торжественный гимнъ великаго Амвросія: «Тебе Бога хвалимъ» опять при громѣ орудій и гулѣ колоколовъ огласилъ Церковь. Во всемъ облаченіи царскомъ, съ вѣнцемъ, и скипетромъ, и державою, предстоялъ Императоръ, внимая молитвенно гимну; утѣшительно было смотрѣть на него и видѣть, что превознесенный Богомъ не превознесся духомъ, но что напротивъ выспренній вѣнецъ былъ ему во смиреніе, какъ будто не для него, а для насъ совершалось все великое сего радостнаго утра.

Началась божественная литургія; три Митрополита ее совершали: Новгородскій и Литовскій при первенствѣ Московскаго. Государь сложилъ съ себя вѣнецъ и смиренно молился на высотѣ своего трона; все его вниманіе и благовѣрной его супруги обращено было къ божественной службѣ. На маломъ входѣ подносили имъ святое Евангеліе для благоговѣйнаго цѣлованія; Архіереи и весь освященный клиръ взошли въ алтарь, и литургія продолжалась обычнымъ порядкомъ до времени пріобщенія. Когда пѣли причастный стихъ, постланъ былъ багряный бархатъ отъ ступеней трона до вратъ царскихъ для Царскаго шествія къ священному муропомазанію. Открылись святые врата; два Архіепископа, Казанскій и Ярославскій, вышли и поднялись на ступени трона, чтобы пригласить Вѣнценосныхъ Супруговъ къ сему священному дѣйствію и къ пріобщенію божественныхъ таинъ.

Отложивъ оружіе, но въ вѣнцѣ и порфирѣ со скипетромъ и державою спустился Императоръ съ

возвышенія трона и приблизился къ вратамъ царскимъ. Предъ алтаремъ отдалъ онъ окружавшимъ его сановникамъ вѣнецъ и прочія знаменія своей власти, сохранивъ на себѣ одну лишь порфиру; во вратахъ царскихъ помазалъ его Святитель Московскій изъ драгоцѣннаго сосуда Мономахова священнымъ мѵромъ, на челѣ и очахъ, на устахъ, ноздряхъ и ушахъ, на персяхъ и рукахъ, возглашая по чину таинства: «печать дара Духа Святаго».—Такъ нѣкогда Самъ Господь повелѣлъ Пророку своему Самуилу помазать перваго Царя Израилева и ему же велѣлъ повторить сіе таинственное дѣйствіе надъ юнымъ Давидомъ, еще пастыремъ стадъ Виѳлеемскихъ, отъ коего долженъ былъ произойти самъ Христосъ, т. е. Помазанникъ.

Императрица слѣдовала за Государемъ и сподобилась также таинственной печати Духа Святаго, только на челѣ. Она стала предъ иконою Пречистой Дѣвы, когда Императоръ вошелъ царскими вратами въ алтарь для пріобщенія божественныхъ таинъ по чину Царскому. Съ теплою вѣрою произнесъ онъ у самаго престола обычную молитву: «вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ Сынъ Бога живаго».—Святитель Московскій, положившій печать помазанія духовнаго на челѣ царскомъ, сподобилъ его и божественнаго пріобщенія, положивъ ему, въ крестообразно сложенныя на престолѣ руки, святое тѣло, и давъ ему вкусить отъ святой чаши.

Трогательно было видѣть, съ какими слезами во все сіе время молилась Императрица на колѣняхъ у чудотворной иконы Божіей Матери, предавая себя вполнѣ Ея покрову, и съ какимъ истинно

Христіанскимъ чувствомъ приступила она къ пріобщенію святыхъ таинъ въ дверяхъ царскихъ. — Нельзя было не молиться вмѣстѣ съ сими царственными молитвенниками, которые подавали столь назидательный примѣръ благочестія всѣмъ своимъ подданнымъ. Послѣ пріобщенія возвратились они на свой тронъ, и тутъ прочелъ имъ духовникъ обычныя благодарственныя молитвы. По совершеніи литургіи возглашено было торжественное многолѣтіе: «Богомъ вѣнчаннымъ, превознесеннымъ и святымъ мѵромъ помазаннымъ», и Митрополитъ поднялся опять на ступени трона, чтобы поднести имъ животворящій крестъ.

Тогда Августѣйшая Матерь въ сопровожденіи всего своего царственнаго Дома возвратилась изъ собора прямо въ царскія палаты на Красное крыльцо; но иной путь предлежалъ Вѣнчанной Четѣ, и сколько благочестія въ этомъ обычаѣ, освященномъ вѣками! Въ соборѣ Архангельскомъ ей надлежало поклониться гробамъ своихъ предковъ, прежде нежели вступить въ святыя сѣни ихъ Грановитой палаты; но чтобы утѣшить сердце народа, жаждавшаго видѣть своего Владыку, не прямо въ соборъ, а внѣ ограды вокругъ Ивана Великаго направилось шествіе. При выходѣ изъ храма въ сѣверные его врата, Державные супруги вступили подъ высокую сѣнь, великолѣпно украшенную, которую поддерживали старшіе воинскіе чины.

Кто можетъ описать сіе чудное зрѣлище любви народной! надобно было видѣть его, чтобы оцѣнить; надобно было слышать этотъ ревъ, какъ бы гласъ водъ многихъ, взволнованнаго моря народнаго, заглушавшій и громъ орудій и гулъ всѣхъ колоколовъ

Кремля, чтобы постигнуть, какъ привязано сердце Русскаго къ своему Царю. Многимъ пришельцамъ земли и вѣры чуждой раскрыло глаза то, чему едва могли вѣрить глаза ихъ, ибо такъ можетъ любить и чувствовать только одинъ народъ Русскій, еще въ полномъ смыслѣ народъ Божій и новый Израиль по чистотѣ своего сердца и пламенной вѣрѣ. Но вдругъ умолкли клики и настала тишина великая:—это былъ краткій мигъ молитвы царской внутри собора подъ сѣнію Архангеловъ надъ мощами Святыхъ и предъ гробами предковъ. Весь свѣтлый Домъ Властителей Московскихъ тутъ собранъ, отъ перваго Калиты и до втораго Петра, и между ними два молитвенника, неусыпные стражи сей Царственной усыпальницы,—мученикъ Князь Михаилъ и отрокъ Царевичъ Димитрій. Къ ихъ священнымъ ракамъ припадали, украшенные ихъ земными вѣнцами, смиряясь предъ нетлѣніемъ ихъ небесныхъ вѣнцевъ, и лишь только появились изъ собора, опять всенародными кликами потрясся воздухъ.

Снова все умолкло: уже подъ сѣнію третьяго собора молились благоговѣйно Вѣнчанные молитвенники предъ иконою Матери Божіей, слывущей Донскою, потому что Она сопутствовала витязю Донскому въ день славнаго побоища Мамаева. Въ третій разъ явились они народу изъ паперти Благовѣщенской, и уже неумолкали радостные клики, доколѣ Царь и Царица не поднялись по ступенямъ Краснаго крыльца. Съ открытой его площадки, у самаго входа въ святыя сѣни своихъ чертоговъ, Царь Русскій во всемъ блескѣ своего величія, со скипетромъ и державою въ рукахъ, вѣнчанною главою поклонился своему народу и, какъ одинъ

человѣкъ, откликнулся ему весь многонародный Кремль.

И все утихло!.... Опять вокругъ меня сельская тишина мирнаго Останкина, гдѣ бояринъ Русскій радушно предложилъ гостепріимныя свои палаты Русскому Царю для отдохновенія отъ царственныхъ заботъ, и гдѣ еще недавно оба Державные супруга благочестивымъ говѣніемъ въ сельскомъ храмѣ готовились къ воспріятію царскаго вѣнца:—таково будетъ отнынѣ лѣтописное значеніе Останкина въ отечественной исторіи!—Передо мною носятся опять одни лишь свѣтлые образы того чуднаго видѣнія, которое созерцалъ я.... Сладкія впечатлѣнія оставило оно въ моемъ сердцѣ!—Въ событіи государственномъ, въ торжествѣ церковномъ, мнѣ представлялась семейная радость народа, веселящагося объ Отцѣ своемъ, и Отца, веселящагося о своихъ чадахъ: столь крѣпокъ взаимный союзъ ихъ, связуемый Церковію чрезъ единодушное исповѣданіе единой православной вѣры!—Помазанникъ Божій!—какимъ теплымъ чувствомъ согрѣто это высокое наименованіе одного лишь Русскаго Царя въ сердцѣ каждаго изъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, вѣрнаго и Церкви!—Блаженна и крѣпка Россія, доколѣ будетъ она такъ любить и такъ чувствовать! «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ»!

Останкино, на другой день Коронованія.
1856.

ВАЛААМЪ.

Обитель Валаамская на пустынномъ острову Ладожскаго озера давно уже привлекала мое вниманіе, какъ одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и я воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы посѣтить ее, заѣхавъ на перепутіи въ Выборгъ и на Иматру. Въ сей послѣдней ожидалъ я по описаніямъ видѣть другую Ніагару и удивился, когда подъ громкимъ именемъ водопада представились мнѣ одни пороги;—со всѣмъ тѣмъ они живописны.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ болѣе пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега его покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала видѣнъ вдали лѣсистый островъ, внизу же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе;—такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ

этой бездны, и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, изторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса,—она достигла цѣли и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнивать его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей сѣверной столицы, но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, и столько же скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обѣихъ; но въ Нарвѣ—это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны; въ Иматрѣ—это вопль казни и мученія; все пусто и уныло окрестъ нея, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги; рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и не вдалекѣ видѣнъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ Орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Ивань-городъ, поставленный гранію грознаго Царя

на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

Помню еще одни пороги, которые видѣлъ за нѣсколько лѣтъ близъ Умани, въ имѣніи Потоцкихъ. Они мнѣ тогда нравились болѣе, нежели теперь Иматра и Нарва, по новизнѣ предмета, быть можетъ и потому, что безпечный юноша болѣе утѣшался въ то время зрѣлищемъ бурь, имъ не испытанныхъ еще на житейскомъ поприщѣ; нынѣ же съ симъ воспоминаніемъ сливается память невозвратимыхъ людей и событій. Отъ живописныхъ пороговъ Антоновки и до Иматры чрезъ сколько бурныхъ пороговъ перекипѣла собственная жизнь моя! Тамъ быстрый потокъ Ингульца, раздробляясь о камни промежду безчисленныхъ мельницъ, съ шумомъ подбѣгаетъ подъ нависшіе своды поросшихъ лѣсомъ утесовъ, метая въ нихъ свою сѣдую пѣну, какъ мечетъ по вѣтрамъ косматую гриву неукротимый конь Запорожца.

Но, увлеченный вновь воображеніемъ въ зеленыя степи Украйны, я позабылъ, что нынѣ путь мой по дикой Финляндіи!—Унылы мѣста сіи; мало жизни въ людяхъ и предметахъ; повсюду лѣсистыя горы и глухія озера, и однообразный гранитъ выставляетъ по рубежу дороги пустынныя скрижали, на коихъ пишетъ свои тайныя руны мимотекущее время.

Достигнувъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера, я остановился съ двумя моими спутниками въ городѣ Сердоболѣ на Валаамскомъ подворьи, гдѣ ожидала насъ монастырская лодка. Самая обитель лежитъ на острову за сорокъ верстъ, изъ коихъ первые пятнадцать плаваніе совершается по заливамъ.

Хотя мы довольно рано пустились въ путь,—онъ однакоже продолжился за полночь; при самомъ выходѣ изъ губы густой туманъ палъ на озеро, и поднялся свѣжій, противный вѣтеръ. Молва о Ладожскихъ непогодахъ колебала нѣсколько довѣренность нашу къ кормчему, долго служившему на морѣ, прежде нежели посвятилъ себя Церкви, и онъ начиналъ уже скучать, что долго не прорѣзываются изъ тумановъ свѣтлые куполы и бѣлая колокольня. Внезапно посреди безмолвія ночи и плывущихъ духовная пѣснь его огласила воды; кормчій инокъ, двигая руль свой по угадываемому имъ направленію Валаама, призывалъ себѣ на помощь его пустынныхъ основателей:

«Отъ мірскаго житія изшедше, отверженіемъ же міра Христу послѣдовасте, и достигосте великаго Нева озера, и въ немъ на островѣ Валаамѣ всельшеся, равноангельское житіе пожили есте: отъ онудуже вселящеся прешли къ небеснымъ чертогамъ, и нынѣ со Ангелы Владычню престолу предстояще, поминайте насъ чадъ своихъ, яже собрали богомудріи, да радостно отъ души вопіемъ: радуйтеся Сергіе и Германе, отцы преблаженніи».

Трогательна и величественна была въ сіе мгновеніе пѣснь его на сумрачномъ озерѣ. Скоро показалась вдали гряда острововъ, окружающихъ Валаамъ, и на краю онаго святый островъ, гдѣ долго спасался въ пещерѣ св. Александръ Свирскій.— Вѣтеръ увлекъ насъ нѣсколько ниже устья внутренняго протока, который раздѣляетъ самый Валаамъ, и мы проникли въ протокъ сей промежду малыхъ островковъ, наполняющихъ пространное его устье. На одномъ изъ нихъ стоитъ часовня во имя чудотворца Николая и въ ея стекляномъ куполѣ го-

ритъ ночью лампада, какъ священный маякъ для направленія плывущихъ. Слѣдуя по широкому протоку до его крутаго изгиба, мы наконецъ увидѣли надъ собою сквозь зелень деревъ, поросшихъ на гранитныхъ утесахъ, бѣлую ограду и самый монастырь, рѣзко отдѣляющійся изъ чащи. Положеніе его уединенно и живописно и, что весьма рѣдко, первоначальный взглядъ на обитель соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Соборный колоколъ ударилъ два часа ночи, и мы спѣшили отдохнуть въ гостиныхъ келліяхъ отъ бурнаго плаванія.

Глубокая древность покрываетъ неизвѣстностію и сомнѣніемъ начала Валаамской обители, и лѣтописи не опредѣляютъ времени преподобныхъ Сергія и Германа, коихъ житіе даже утрачено, вѣроятно по случаю частыхъ войнъ Новгорода со Шведами, не разъ опустошавшими монастырь. Мѣстныя же преданія, основываясь на словахъ Нестора о приходѣ св. Апостола Андрея къ Славянамъ Новгородскимъ, продолжаютъ путешествіе сіе далѣе на сѣверъ по Волхову и даже Ладожскимъ озеромъ на Валаамъ, гдѣ будто бы благословилъ онъ пустынный островъ каменнымъ крестомъ.

Тѣ же темныя преданія называютъ Сергія однимъ изъ Апостольскихъ учениковъ, съ людьми Новгородскими посѣтившимъ сей островъ, гдѣ крестилъ язычниковъ и между ними нѣкоего Мунга, котораго предполагаютъ быть Германомъ; но вся сія повѣсть, извлеченная изъ древней рукописи «Оповѣдь», ничѣмъ не доказана. Съ бо́льшимъ вѣроятіемъ можно отнести житіе преподобныхъ ко временамъ Княгини Ольги, и нѣкоторые думаютъ, что они были Греческіе выходцы, искавшіе просвѣтить Сѣверъ; а въ рукопис-

номъ житіи св. Аврамія Ростовскаго видно, что обитель Валаамова имѣла уже въ 960 году игумена Ѳеоктиста, окрестившаго изъ язычниковъ просвѣтителя Ростова, который въ свою чреду пошелъ къ югу сокрушать идоловъ и основалъ на Ростовскомъ озерѣ свою обитель въ 990 году, всѣхъ древнѣйшую по лѣтописямъ. Такимъ образомъ первая искра Христіанства блеснула Сѣверу съ Валаама, и островъ сей былъ разсадникомъ пустынножителей въ полунощной странѣ.

По Софійскому лѣтописцу, мощи преподобныхъ обрѣтены были и перенесены въ Новгородъ при Архіепископѣ Іоаннѣ I въ 1163 году; но тогдашнее состояніе края Карельскаго въ подданствѣ Швеціи подало поводъ новѣйшимъ писателямъ сомнѣваться въ точности лѣтосчисленія и относить сіе событіе ко времени Іоанна II, въ исходѣ XIV вѣка, а житіе Сергія къ половинѣ онаго; но и этому предположенію нѣтъ доказательствъ; самая неизвѣстность говоритъ въ пользу древности. Обратное же перенесеніе св. мощей на Валаамъ послѣдовало при томъ же великомъ Святителѣ Новгорода по миновапіи Шведскаго набѣга въ 1170 году.

Обитель была уже въ полномъ цвѣтѣ въ концѣ XIV столѣтія, когда святой игуменъ Арсеній, возвратясь съ иконою Божіей Матери изъ Аѳонской горы, по благословенію Новгородскаго Владыки св. Евѳимія, искалъ уединиться на Ладожскомъ озерѣ и, спасаясь нѣсколько времени на Валаамѣ, при игуменѣ Порфиріѣ по многолюдству его иноковъ отошелъ на безмолвіе въ Коневъ необитаемый островъ, гдѣ, истребивъ требища идольскія на такъ называемомъ Конь камнѣ, основалъ свой монастырь.

Другой именитый отшельникъ замѣнилъ его на Валаамѣ: св. Савватій пришелъ подвизаться отъ Бѣла-озера, гдѣ былъ постриженъ въ Кирилловской обители; но, увлекаемый далѣе на сѣверъ жаждою одиночества, сей великій труженикъ обрѣлъ себѣ мысленный рай на льдахъ Бѣлаго моря, и, одолѣвая вьюги его, какъ одолѣлъ свои страсти, нашелъ святыхъ послѣдователей на Соловецкихъ островахъ.

Еще однимъ славнымъ подвижникомъ просіяла пустыня Валаамская въ концѣ XIV вѣка. Преподобный Александръ Свирскій, въ ранніе годы возбужденный къ иночеству божественнымъ видѣніемъ, бѣжалъ изъ дома родительскаго, чтобы постричься на островѣ отъ руки игумена Іоакима, и многіе годы спасался въ уединеніи св. острова, смежнаго Валааму, гдѣ доселѣ показываютъ его вертепъ, изсѣченный въ скалѣ, доколѣ не воззвалъ его вновь горній гласъ къ основанію собственной пустыни въ лѣсахъ на берегу Свири и не далеко отъ родственнаго озера, гдѣ Провидѣніе заранѣе указало ему мѣсто.

Столь великими угодниками прославился дикій Валаамъ, столь дивныя обители процвѣли отъ сего благословеннаго корня, какъ вѣтви пустившія отъ себя еще многія отрасли. Но, оплодотворяя окрестныя пустыни, самъ онъ подвергался разореніямъ и даже совершенному запустѣнію. Когда въ бѣдственное время междуцарствія Шведскій полководецъ Де ла Гарди громилъ сѣверные предѣлы наши, иноки Валаама и Конева, поднявъ мощи своихъ чудотворцевъ, бѣжали въ Никольскій монастырь Старой Ладоги, гдѣ основались на долго. Чрезъ сто уже лѣтъ монахи Бѣлозерскіе начали мало по малу вновь устроять падшую обитель, и святые угодники преплыли снова

родственныя имъ волны, чтобы на вѣки успокоиться на поприщѣ житейскаго своего подвига; 11-го сентября празднуютъ ихъ перенесеніе. Еще недавно одна только деревянная церковь стояла надъ ихъ гробомъ, и одинокій игуменъ Ефремъ съ двумя бѣлыми священниками удовлетворялъ молитвами усердію притекающихъ, но въ 1785 году Митрополитъ Гавріилъ, плѣненный древнею славою Валаама и его уединеніемъ, пожелалъ вновь устроить обитель. По совѣту келейника своего Ѳеофана, недавно совершившаго осьмидесятилѣтній подвигъ святой жизни на Новоозерѣ, вызвалъ онъ изъ Саровской пустыни знаменитаго добродѣтелями Назарія, и сей новый игуменъ евангельскою ревностію возсоздалъ монастырь наружно и внутренно въ прежнемъ благолѣпіи.

Зданія мало замѣчательны по новизнѣ своей: двойная ограда келлій окружаетъ лѣтній соборъ во имя Спаса преображенія, и въ нижней его церкви почиваютъ подъ спудомъ въ богатой серебряной ракѣ мощи преподобныхъ. Зимній соборъ, празднующій Успенію, прилегаетъ къ ризницѣ и библіотекѣ; позади онаго находится больница съ придѣломъ Живоначальнаго Источника. Есть еще на святыхъ вратахъ церковь Анастоловъ Петра и Павла и малый придѣлъ близъ собора во имя чудотворца Николая. Съ колокольни открывается весь лѣсистый островъ съ другими, ему прилежащими и пространная пучина озера.

Церковь праздновала на другой день нашего пріѣзда память благовѣрной Княгини Ольги. Умилительно было на Ладожской пустынѣ прибѣгать къ молитвамъ святой жены, обнимая мыслію все огромное царство, обязанное ей первымъ лучемъ Христіанства. Изъ собора посѣтили мы игумена Варла-

ама, который, какъ ученикъ Назарія, проведя 30 лѣтъ въ уединеніи, противъ желанія былъ вызванъ для управленія обителью. Онъ принялъ насъ ласково и благословилъ осмотрѣть все любопытное на Валаамѣ въ сопровожденіи благочиннаго, бывшаго на нашей эскадрѣ во время кампаніи на Греческихъ водахъ. Сперва показалъ онъ намъ усыпальницу или малое кладбище, гдѣ погребается одна братія, и только изрѣдко кто либо изъ поклонниковъ. Тамъ, между смиренными именами игуменовъ Иннокентія и Іоанаѳана, наслѣдовавшихъ Назарію, меня изумила эпитафія, вырѣзанная на деревянной доскѣ, которую отъ времени до времени поновляютъ. Кто бы ожидалъ встрѣтить имя Шведскаго Короля Магнуса между иноками Валаама. Такова сія баснословная надпись:

На семъ мѣстѣ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса Шведскаго Короля,
Который святое крещеніе воспрія,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ.
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ.
Въ 1360-мъ на престолъ былъ возведенъ,
Велику силу имѣя и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ,
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился,
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дни и три нощи Богомъ хранился,
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами ко брегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ обитель внесенъ,
Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ;
Потомъ вмѣсто царскія діадимы
Облеченъ въ монахи, удостоился схимы,
Поживъ три дни, здѣсь скончался,
Бывъ въ коронѣ, и схимою увѣнчался.

Стихи сіи, судя по слогу, не старыхъ временъ, но преданіе о Магнусѣ очень давнее, и странно, какимъ образомъ могло оно храниться въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя лѣтописи Шведскія ясно говорятъ, что Король Магнусъ II, въ XIV вѣкѣ несчастливо воевавшій съ Новгородцами въ Карелiи, былъ впослѣдствіи свергнутъ съ престола и заключенъ въ темницу, отколѣ, освобожденный сыномъ своимъ Гаквиномъ, Королемъ Норвегіи, утонулъ на берегахъ ея въ 1372 году. Въ лѣтописяхъ же Русскихъ вписано даже его мнимое завѣщаніе, коимъ запрещаетъ дѣтямъ воевать съ Россіею. Темныя преданія Валаама особенно замѣчательны; иноки его, какъ бы недовольные славою собственныхъ великихъ угодниковъ, подвизавшихся на островѣ, хотѣли имѣть основателемъ самого Апостола, просвѣтившаго Россію, а въ числѣ братіи царственнаго врага ея, оружія коего нѣкогда трепетали, и сіи два сказанія укоренились въ ихъ дикой пустынѣ подъ мракомъ среднихъ вѣковъ.

На краю усыпальницы зашли мы въ келлію, изсѣченную въ полугорѣ, схимника Ѳеодора, который былъ келейникомъ игумена Назарія и избранъ для наставленія новопостриженныхъ. Онъ разсказывалъ о благой жизни своего учителя и по моему приглашенію взялъ свой посохъ, чтобы вмѣстѣ обходить прочія пустыни, разсѣянныя по острову, коихъ числомъ до одиннадцати, но въ четырехъ только живутъ нынѣ отшельники. Современники Назарія, обремененные годами, уже не въ силахъ уединяться далеко отъ обители; изъ новыхъ же иноковъ немногіе рѣшаются на столь трудный подвигъ. Самые настоятели не всегда и не всѣмъ позволяютъ идти въ

пустыню, ибо должно имѣть много вѣры и духа, чтобы преодолѣть скуку и страхъ одиночества посреди лѣсовъ, и зимнія непогоды въ убогихъ хижинахъ, и скудость пищи, состоящей только изъ хлѣба и кореньевъ или плодовъ. Но еще труднѣе имъ побѣждать внутренніе помыслы и тонкія искушенія врага духовнаго, иногда увлекающаго ихъ къ погибели увѣреніемъ въ собственной ихъ святости или отчаяніемъ о спасеніи. Горькіе примѣры сихъ двухъ опасныхъ состояній души являлись между пустынниками Валаама, и нѣкоторые изъ нихъ заплатили жизнію за свою самонадѣянность.

Еще недавно 70-тилѣтній схимникъ, многіе годы подвизавшійся въ пустынѣ, началъ въ послѣднее время избирать странные пути для бо̀льшаго умерщвленія плоти: недалеко отъ келліи устроилъ онъ изъ вѣтвей на вершинѣ высокой сосны лиственную хижину, куда, не смотря на свою дряхлость, ежедневно лазилъ для молитвы. Игуменъ, опасаясь, чтобы онъ не упалъ, запретилъ ему сей родъ упражненія, но схимникъ, повинуясь только наружно, не смирился духомъ и, перемѣнивъ пустыню, сталъ помышлять о новомъ какомъ либо необитаемомъ пріютѣ. Братія, не видя его въ церкви уже нѣсколько праздниковъ, на которые обязаны ходить и самые отшельники, безпокоилась о его участи, ибо онъ однажды говорилъ, что хочетъ устроить нѣчто дивное; наконецъ два послушника, закидывая сѣти на берегу протока, увидѣли въ водѣ разбитое тѣло схимника. Стараясь изсѣчь себѣ келлію на непреступномъ утесѣ, онъ поднялся къ его вершинѣ по вѣтвямъ сосѣдняго дерева, и началъ уже долбить камень, но круженіе головы низвергло его въ пропасть.

Я спросилъ схимника Ѳеодора, какимъ образомъ спасались отшельники во дни Назарія? Онъ отвѣчалъ мнѣ: что игуменъ, зная всю трудность сего подвига, ибо самъ сперва жилъ внѣ монастыря въ пустынѣ, строго велѣлъ схимникамъ приходить исповѣдывать другъ другу всѣ малѣйшіе помыслы, какіе только возникнутъ во глубинѣ ихъ сердца, дабы не дать созрѣть имъ въ одиночествѣ къ погибели душевной. Бывали такіе случаи, что изъ любви къ ближнему отшельники иногда силою проникали въ заключенныя келліи своихъ братій, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія, почитая себя уже на высшей степени созерцанія, и заставляли ихъ сознаться въ своемъ обольщеніи. Изъ скромныхъ рѣчей престарѣлаго Ѳеодора видна была его опытность въ духовной жизни, полагавшая смиреніе основнымъ камнемъ пустынной келліи.

Послѣ гостепріимной трапезы продолжали мы осматривать пустыни, слѣдуя въ лодкѣ по каналу, который раздѣляетъ островъ на два: Валаамовъ собственно и Скитскій. Оба вмѣстѣ имѣютъ до тридцати верстъ окружности и поросли глухимъ лѣсомъ; около нихъ еще нѣсколько островковъ принадлежитъ монастырю, доставляя ему обильный сѣнокосъ. Домашній скотъ запрещенъ на Валаамѣ, и тамъ нѣтъ другаго звѣря кромѣ оленей, забѣжавшихъ по льду съ Финскаго берега. Одинъ изъ нихъ въ бѣдственномъ положеніи былъ прибитъ бурею на льдинѣ и гостепріимно принятъ иноками; но игуменъ, опасаясь слишкомъ развлечь ихъ сею невинною забавою, велѣлъ пустить его въ лѣсъ, гдѣ скоро одичалъ. Отшельники иногда только встрѣчаютъ оленей въ чащѣ

лѣса или съ пустыннаго берега видятъ, какъ хитрыя лисицы таскаютъ изъ воды рыбу, принесенную весенними льдами, и вотъ единственные жители, раздѣляющіе съ ними дикое уединеніе.

Такъ живописны утесистые берега протока, поросшіе соснами, кленомъ и березою, такъ разнообразны ихъ зелень и виды, что намъ казалось, мы плывемъ посреди величественнаго сада, въ коемъ искусство воспользовалось мѣстными красотами природы и по своей прихоти направило изгибы водяной стези. Въ рощѣ Скитскаго острова на возвышенной полянѣ нашли мы малую церковь всѣхъ Святыхъ и около нея нѣсколько хижинъ, составляющихъ скитъ неусыпаемыхъ. Тамъ никогда не прерывается чтеніе псалмовъ, и восемь отшельниковъ смѣняются каждые два часа. Сія малая пустыня устроена игуменомъ Назаріемъ для ищущихъ совершеннаго покоя при самой строгой жизни, въ подражаніе знаменитой обители Царьградской св. Маркелла. Церковь была отперта и слышался внутри ея томный голосъ чтеца; блѣдный, изнуренный, онъ стоялъ предъ аналоемъ. Мы вошли тихо,—не заботясь о живыхъ, онъ продолжалъ псалтирь за усопшихъ.

За версту отъ скита, въ лѣсу и болотѣ, посѣтили мы еще одного отшельника въ келліи, принадлежавшей прежде игумену Варлааму, гдѣ онъ оставилъ въ наслѣдство новому ея жителю гробъ, имъ самимъ устроенный, для временнаго отдыха при жизни, для вѣчнаго по смерти. Въ лѣтнее время множество комаровъ не даютъ минуты покоя въ этомъ пріютѣ; но пустынникъ увѣрялъ насъ, что они ему полезны, высасывая всю лишнюю кровь.

Вечеромъ, возвратясь въ монастырь, мы снова

посѣтили игумена. Я говорилъ ему о новой келліи, которую строитъ онъ для себя близъ скита, ибо старецъ, скучая настоятельствомъ, жаждалъ только безмолвія пустыннаго. Отклоняя рѣчь о самомъ себѣ, игуменъ завелъ бесѣду о душевной пользѣ уединенія. Когда же, разсуждая о различныхъ путяхъ ко спасенію, я сказалъ: какъ оно трудно!—«согласенъ, что трудно, отвѣчалъ онъ, но и стыдно, если не спасемся; ибо какой отвѣтъ дадимъ предъ язычниками, во мракѣ жившими до искупленія,—мы, столь ярко озаренные свѣтомъ Евангелія, которое во всякомъ быту открыло намъ пути къ царствію». Въ подтвержденіе своей бесѣды игуменъ предложилъ мнѣ житіе своего Ангела, пустынника Варлаама и обращеннаго имъ Царевича Іоасафа, и я вкратцѣ излагаю здѣсь сіе прекрасное сказаніе св. Іоанна Дамаскина.

Въ Индіи, гдѣ проповѣдь Апостола Ѳомы посѣяла первыя сѣмена Христіанства, возсталъ нечестивый Царь Авениръ; жестокими гоненіями старался онъ искоренить въ областяхъ своихъ благія начала вѣры и принудилъ Христіанъ бѣжать въ горы и пустыни. Ему родился прекрасный младенецъ Іоасафъ, и собранные волхвы всѣ обѣщали новорожденному свѣтлое царство: одинъ только изъ ихъ числа предвѣщалъ, что не земное царство назначено будущему покровителю Христіанъ. Огорченный Царь велѣлъ заключить сына въ уединенный дворецъ, подъ строгимъ запрещеніемъ не открывать ему о существованіи Христіанъ, и, чтобы не огорчить юной души зрѣлищемъ житейскихъ бѣдствій, онъ воспитывалъ его въ невѣдѣніи недуговъ и смерти, удаляя при малѣйшемъ признакѣ грусти или болѣзни юношей, избранныхъ для его развлеченія.

Но, когда съ лѣтами постепенно развивались понятія Царевича, онъ началъ скучать своимъ заключеніемъ и упросилъ слабаго родителя дозволить ему взглянуть на міръ. Тщетно Царь велѣлъ показать ему во всемъ блескѣ и торжествѣ столицу, при кликахъ народныхъ, при мусикійскомъ хорѣ; вопреки мѣрамъ человѣческой предосторожности Іоасафъ нечаянно встрѣтилъ на стогнахъ сперва слѣпаго и прокаженнаго, а потомъ дряхлаго старца, и, любопытствуя о ихъ участи, съ ужасомъ узналъ горькую истину, что каждый можетъ подвергнуться подобнымъ бѣдствіямъ и что предѣлъ старости есть смерть, часто постигающая и юношей. Пораженный сею вѣстію Царевичъ, возвратясь въ чертоги, сталъ тосковать о непрочности всего житейскаго и, невольно переносясь мыслями за предѣлы сей жизни, испытывалъ у друзей своихъ, нѣтъ ли какого либо другаго міра въ вознагражденіе за суеты здѣшняго? Тогда одинъ изъ нихъ, движимый состраданіемъ, открылъ ему, что есть люди, проповѣдующіе о блаженствахъ грядущей жизни, и что страхъ обращенія къ ихъ вѣрѣ былъ виною столь долгаго его заключенія. Іоасафъ пламенно возжелалъ бесѣдовать съ ними.

Въ сіе время, спасавшійся въ Индіи пустынникъ Варлаамъ, свыше извѣщенный о благомъ расположеніи Царевича, возложилъ на себя подвигъ просвѣтить его Христіанствомъ. Въ одеждѣ купеческой проникнулъ онъ во дворецъ и просилъ у ближайшаго царедворца дозволенія видѣться съ Іоасафомъ. Я имѣю, говорилъ старецъ, драгоцѣнный камень для вашего владыки, исцѣляющій отъ всѣхъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и ему одному только могу

показать его, ибо камень сей ослѣпляетъ тѣхъ, которые нечисты сердцемъ. Допущенный къ юному затворнику, Варлаамъ втайнѣ открылъ ему о бытіи Божіемъ, о созданіи міра и высокой цѣли человѣчества, описалъ горькое его паденіе и дивное искупленіе чрезъ посредство Богочеловѣка и обѣщалъ грядущую вѣчную жизнь въ замѣнъ странствія на землѣ. Восхищенный симъ божественнымъ ученіемъ, Царевичъ уразумѣлъ, что драгоцѣнный камень пустынника есть самъ Христосъ, и немедленно просилъ крещенія. Радостный старецъ совершилъ сіе великое таинство и, исполнивъ его духовнымъ утѣшеніемъ, удалился въ пустыню: «сынъ небеснаго отца, сказалъ онъ сиротѣющему юношѣ, мы еще свидимся въ сей жизни».

Но царедворецъ, испуганный обращеніемъ Іоасафа, который тщетно хотѣлъ просвѣтить его Христіанствомъ, помышлялъ только о избѣжаніи заслуженной казни и заблаговременно самъ во всемъ признался Авениру. Разгнѣванный Царь послалъ избить всѣхъ пустынниковъ въ своей области, чтобы въ ихъ числѣ погибъ и Варлаамъ, но воины не могли найти его вертепа. Тогда нѣкто изъ вельможъ, видя отчаяніе Государя, совѣтовалъ ему коварствомъ уловить Іоасафа. «Предложи Царевичу, сказалъ онъ, собрать для совѣщанія нашихъ жрецовъ и его единовѣрцевъ. Есть между волхвами одинъ, весьма похожій на Варлаама, глубоко знающій всѣ таинства ученія Христіанскаго. Мы распустимъ молву о взятіи пустынника; волхвъ представитъ лице его на совѣтѣ и послѣ долгаго пренія о вѣрѣ признаетъ истину нашей; пристыженный Іоасафъ невольно послѣдуетъ мнимому учителю». Съ радостію принялъ Царь ко-

варное предложеніе вельможи и обѣщалъ безопасность всѣмъ Христіанамъ, желающимъ состязаться съ волхвами. Совѣтъ собрался; самъ Авениръ, присутствуя на тронѣ, грозилъ жрецамъ своимъ казнію въ случаѣ ихъ посрамленія. Но хитрость отца не могла утаиться отъ проницательныхъ взоровъ Іоасафа; съ своей стороны обѣщалъ онъ мнимому Варлааму тяжкія муки, если не одержитъ побѣды; смятенный волхвъ по страху смерти краснорѣчиво опровергалъ лжеученіе язычниковъ и, убѣждая другихъ, самъ невольно убѣдился въ истинѣ.

Не видя болѣе никакихъ средствъ для совращенія сына съ избраннаго имъ пути ко спасенію и, движимый отеческою любовію, Царь рѣшился раздѣлить съ нимъ государство, чтобы не стѣснять другъ друга въ вѣрѣ. Но когда, въ теченіи трехъ лѣтъ, область сыновняя процвѣла Христіанствомъ, и самъ онъ увидѣлъ благіе плоды кроткой вѣры, смягчилось наконецъ ожесточенное его сердце и проникло въ душу спасительное раскаяніе; смиренный отецъ прибѣгнулъ къ сыну за новою жизнію, и сынъ былъ воспріемникомъ родителя отъ святой купели, банею возрожденія воздавая ему за собственное земное бытіе. Такъ измѣнился духовно порядокъ ихъ плотскаго родства. Скоро спасенный Авениръ скончался въ подвигахъ благочестія.

Тогда блаженный Іоасафъ, довольно послуживъ Богу въ мірѣ просвѣщеніемъ своего царства, хотѣлъ еще служить ему въ пустынѣ. Тщетно вельможи и народъ умоляли его оставаться на престолѣ. Влекомый жаждою уединенія, онъ избралъ имъ достойнаго Царя и самъ устремился къ инымъ подвигамъ. Плачущій народъ весь день слѣдовалъ за нимъ на

пути къ пустынѣ, но съ солнечнымъ закатомъ исчезъ навѣки отъ него Іоасафъ. Долго скитаясь по безлюднымъ мѣстамъ, открылъ онъ наконецъ вертепъ наставника своего Варлаама, и одною молитвою потекла жизнь обоихъ, доколѣ юноша не воздалъ послѣдняго долга старцу. Одинокій труженикъ еще многіе годы подвизался послѣ него въ пустынѣ, какъ нѣкій Ангелъ, охраняя предѣлы своего царства, промѣнявъ Индійскую корону за вѣнецъ нетлѣнный.

Достойно вниманія, что сія повѣсть о житіи Индійскаго Царевича много сходствуетъ съ Индѣйскими преданіями о царственномъ основателѣ ученія Буддійскаго, и весьма вѣроятно, что Буддизмъ заимствовалъ ее у Христіанства, исказивъ по своему нѣкоторыя подробности и самое ученіе о вѣрѣ, въ которой слышится однако отголосокъ первобытной истины.

Размышляя о великомъ отреченіи Іоасафа, я возвратился отъ игумена въ тѣ самыя келліи, гдѣ другой царственный искатель уединенія приходилъ на время облегчить душу, обремененную мірскимъ величіемъ. Здѣсь въ августѣ 1818 года благочестивый Императоръ Александръ два дня удивлялъ своимъ смиреніемъ самыхъ отшельниковъ Валаама. Оставивъ въ Сердоболѣ свиту, съ однимъ лишь человѣкомъ приплылъ онъ вечеромъ въ монастырь. Братія, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Не смотря на поздній свой пріѣздъ, ранѣе всѣхъ поспѣшилъ онъ къ утрени въ соборъ и смиренно сталъ между иноками, отказавшись отъ царскаго мѣста. Исполненный благочестиваго любопытства, пожелалъ онъ лично видѣть пустынные подвиги отшельниковъ,

посѣтилъ всѣ ихъ келліи, съ иными бесѣдовалъ, съ другими молился, и, утѣшенный духовнымъ состояніемъ обители, щедро надѣлилъ ее своими милостями. Игуменъ Іоанаѳанъ впослѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ царскіе покои. Память кроткаго Монарха священна Валааму.

На слѣдующее утро за раннею обѣднею увидѣлъ я при мощахъ Преподобныхъ изнуреннаго инока, который, казалось, съ трудомъ могъ стоять. Мнѣ сказали, что онъ молчальникъ и уже восемь лѣтъ положилъ на себя обѣтъ безмолвія, бесѣдуя только на исповѣди съ духовникомъ; но неизвѣстна причина столь тяжкаго искуса, превышающаго строгій уставъ, оставленный игуменомъ Назаріемъ своимъ инокамъ. Нынѣ ихъ числомъ до шестидесяти, кромѣ послушниковъ. Я посѣтилъ между ними еще двухъ весьма занимательныхъ: Веніамина, искуснаго механика, котораго хитроустроенные часы едва ли не будутъ загадкою для опытнѣйшаго художника, и Гавріила, бывшаго начальникомъ судна въ Американской компаніи.

Сей послѣдній разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о духовной миссіи нашей въ Американскихъ колоніяхъ, которая вся состояла изъ Валаамскихъ монаховъ; ихъ настоятель Іоасафъ въ концѣ прошлаго столѣтія былъ даже посвященъ въ Иркутскѣ викарнымъ Епископомъ для просвѣщенія Христіанствомъ сего дикаго края. Но, возвращаясь въ свою новую епархію, на Кодьякъ, онъ потонулъ со всѣмъ кораблемъ на берегахъ неизвѣстнаго острова. Съ его смертію уничтожился викаріатъ и изъ всѣхъ его спутниковъ одинъ только престарѣлый инокъ Германъ долго жилъ на маломъ уединенномъ островкѣ близъ колоній, который назвалъ онъ новымъ Вала-

амомъ. Я также слышалъ отъ Гавріила повѣсть объ одномъ изъ сихъ миссіонеровъ Іаковѣ, который, проповѣдуя Евангеліе Американцамъ, пропалъ безъ вѣсти. Нѣсколько матросовъ занесены были бурею на незнакомый имъ берегъ материка, къ сѣверу отъ колоніи Кодьяка. Дикіе сбѣжались къ ихъ лодкѣ и хотѣли умертвить; но они, подражая Испанцамъ Колумба, объявили себя безсмертными. Тогда испуганные Американцы отпустили ихъ съ честію, сказавъ имъ: «вы вѣрно братья тому странному человѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли уморить; онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы не хотѣли для него оставить многихъ женъ, и привязали къ дереву пришельца, чтобы избить стрѣлами; но, уже совсѣмъ мертвый, онъ три раза возставалъ и снова начиналъ убѣждать насъ, доколѣ наконецъ не отдали мы его на съѣденіе нашимъ сосѣдямъ». Нѣкоторые изъ старшихъ иноковъ Валаама помнятъ, что игуменъ Назарій письменно былъ о томъ увѣдомленъ отъ своихъ Американскихъ миссіонеровъ.

Я спѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. Нѣкоторые изъ монашествующихъ пожелали проводить насъ до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горѣ показался опять почтенный игуменъ. Онъ шелъ на сѣнокосъ раздѣлять сельскіе труды съ братіею, ибо никто не уволенъ изъ нихъ на Валаамѣ; самые схимники работаютъ въ толпѣ молодыхъ послушниковъ, подавая имъ благой примѣръ. Картина сія, истинно трогательная, переноситъ воображеніе въ первобытныя времена иночества, когда вслѣдъ за великимъ Пахоміемъ отшельники ходили добывать себѣ тростникъ на пустынныхъ островахъ Нила.

Меня тронуло благосклонное вниманіе старца, который, опираясь на посохъ, спѣшилъ еще разъ проститься съ нами, и я снова вышелъ на берегъ, чтобы принять его благословеніе. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайняго острова и взошли въ часовню св. Николая, гдѣ усердные иноки на прощаніе отслужили для насъ молебенъ Чудотворцу. Всѣ мы были тронуты симъ послѣднимъ знакомъ ихъ пріязни. Разставаясь на той грани, гдѣ для нихъ кончается міръ, я подумалъ, какъ суетны и жалки должны мы были казаться симъ отшельникамъ, которые могли сказать о себѣ:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли;
Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны.

На сей разъ плаваніе наше было счастливѣе, хотя оно продолжалось восемь часовъ. Не доѣзжая Сердобольскаго залива, мы остановились для отдыха гребцовъ близъ малаго острова Маргичь, и увидѣли на берегу каменный крестъ съ надписью: «здѣсь отдыхалъ Императоръ Александръ въ 1818 году» и нѣсколько ниже: «здѣсь отдыхалъ въ томъ же году Митрополитъ Михаилъ.» Читая имена Повелителя Европы и благаго Пастыря на пустынномъ утесѣ Ладожскаго озера, я горько размышлялъ объ участи всего великаго на земли. Сія каменная надпись служитъ краснорѣчивымъ эпиграфомъ Валааму, поясняя отреченіе его иноковъ отъ преходящей славы міра.

1833 г.

*

I.

НОВГОРОДЪ.

Послѣ скучныхъ лѣсовъ и безпрерывныхъ болотъ Петербургской дороги, на разсвѣтѣ пріятно проснулся я въ окрестностяхъ Новгорода; поля благоухали весеннею свѣжестію, жаворонки пѣли и рѣзвились въ небѣ, стада паслись; два цыганскіе табора дико оживляли зеленую равнину, по которой широко гулялъ синій Волховъ, сей вольный выходецъ Новгородскій, часто нарушающій свои законные предѣлы. Встающее солнце постепенно начало зажигать куполы разсѣянныхъ кругомъ монастырей, словно мѣстныя лампады предъ святынею Новгородской.— Когда приближаешься къ какой либо великой крѣпости, оплоту царства, встрѣчаешь около нея рядъ малыхъ укрѣпленій, а Новгородъ, кивотъ святыни Русской, опоясанъ сонмомъ монастырей, гдѣ на вѣчной стражѣ почіютъ мощи ихъ основателей.

Прежде всѣхъ величественно поднимается влѣво отъ дороги на крутомъ берегу Волхова Хутынь, обитель преподобнаго Варлаама, даровавшая многихъ Святителей Новгороду,—Хутынь, отколѣ въ бѣдственные дни его бѣжалъ испуганный Великій Князь Іоаннъ и даже оставилъ тамъ жезлъ свой, когда

выступило пламя изъ гробницы святаго игумена, которую хотѣлъ онъ открыть. Съ правой стороны мелькаетъ вдали женская обитель Сыркова и чуть видны главы обители св. Евѳимія, со славою правившаго Церковію уже не за долго до Царя Іоанна.— Ближе къ городу, за рѣкой, монастырь Деревяницкій, а на низменномъ берегу Волхова упраздненный Колмовъ. — Далѣе, опять за рѣкою, густая роща осѣнила пристанище Антонія Римлянина, и одна за другою появлялись вдоль рѣки безчисленныя церкви Торговой стороны Новгорода. Бѣлые паруса скользили внизъ и вверхъ по синевѣ волнъ и межъ зелени садовъ сей безпрерывно двигавшейся картины, доколѣ не закрылъ ее своимъ высокимъ зданіемъ у самыхъ городскихъ воротъ Духовъ монастырь, прилично открывающій собою входъ къ Новгороду.

Прямая улица ведетъ отъ заставы къ дворцовому саду, который окружаетъ своею зеленью половину красныхъ стѣнъ Кремля.—Разительная противуположность: у подошвы развалинъ распускающійся садъ! Молодыя деревья во всей красѣ своей рѣзво спустились во глубину рвовъ, нѣкогда наполняемыхъ трупами осаждавшихъ, и смѣло взбирались на разсѣлины ветхихъ твердынь, страшныхъ именемъ св. Софіи. На концѣ сада, недалеко отъ стѣнъ и рѣки, легкая бесѣдка замѣнила, какъ предполагаютъ, узорочный теремъ Маѳы Борецкой, отколѣ Посадница привыкла смотрѣть на бури непостояннаго Волхова и на вѣчевыя бури народа. Быть можетъ, на семъ мѣстѣ св. игуменъ Соловецкій Зосима, надменно принятый ею, предрекъ ей во дни славы день ея паденія.

Трезвонили къ утрени, когда мы въѣхали въ Кремль; я устремился къ Софійскому собору и съ невольною робостію переступилъ порогъ его. — Въ первомъ придѣлѣ Рождества Богоматери поклонился я мощамъ перваго Епископа Никиты и св. Князя Мстислава, витязя земли Новгородской. — Руки его, долго владѣвшія мечемъ за св. Софію, упокоились крестообразно на богатырской груди его, бывшей щитомъ Новгороду. Святитель и витязь, другъ противъ друга на прагѣ собора, — какая чудная, неодолимая стража! Далѣе приложился я къ ракѣ Князя Владиміра Ярославича, основавшаго св. Софію и Кремль, и его матери Анны, и Князя Ѳеодора, юнаго брата св. Невскаго, котораго застигла смерть въ самый день брака и увѣнчала инымъ вѣнцемъ. Потомъ я сталъ противъ амвона, окинулъ взоромъ весь соборъ отъ вратъ Корсунскихъ сквозь царскіе до горняго мѣста, взглянулъ на чудотворную икону Христа Божіей Премудрости, посмотрѣлъ въ куполъ, гдѣ написанъ Господь Вседержитель, держащій въ сжатой десницѣ судьбы Новгорода, отъ разжатія коей долженъ онъ пасть, — вспомнилъ, что я стою одинокій посреди столькихъ вѣковъ въ св. Софіи, и позабылъ все прочее!

Время не позволяло медлить. Я поспѣшилъ изъ Кремля на Волховскій мостъ къ часовнѣ животворящаго креста, который, по вѣрѣ народной, охранялъ отъ бурь Волхова древній мостъ его. Предъ сею часовнею упалъ конь подъ грознымъ Іоанномъ, торжественно вступавшимъ въ покоренный Новгородъ, когда для встрѣчи его внезапно ударили въ колоколъ Кремля; Царь велѣлъ отбить ему уши, и такъ висѣлъ онъ долго на колокольнѣ Софійской. Съ мосту

посмотрѣлъ я къ Ильменю, и не было видно озера за высотою Волхова; самъ онъ представлялся озеромъ, усѣяннымъ островами селъ и обителей.—Древній Новгородъ, казалось, хотѣлъ освятить колыбель своего Волхова, который, исторгшись изъ подъ его спасительнаго покрова, опять дичаетъ въ лѣсахъ; два монастыря, Юрьевъ и Сковородскій, воспринимаютъ его у самаго истока и передаютъ другимъ обителямъ и храмамъ, которые всѣ столпились на берегахъ рѣки, умиряя ея теченіе; отъ Ильменя и до Хутыня течетъ онъ, какъ бы окованный въ священной ракѣ, отражая въ каждой волнѣ своей какую либо святыню, и тихи подъ ея сѣнію прибрежныя воды. Но въ одномъ только мѣстѣ неукротимъ Волховъ; съ негодованіемъ тѣснится онъ подъ сводами моста и сердито бьетъ въ каменные оплоты, еще исполненный памяти прошедшаго, когда поглащалъ онъ жертвы народной вражды, свергаемыя съ моста какъ съ Капитолійской скалы, когда ненависть обѣихъ сторонъ его, Торговой и Софійской, разрѣшалась надъ нимъ страшными битвами, а онъ, какъ лютый звѣрь, жаждалъ паденія труповъ;—онъ одинъ знаетъ число принятыхъ имъ во дни Іоанновы, коихъ души глухо записаны, въ числѣ двухъ темъ, въ поминаніяхъ Бѣлоозерской обители. Вопли разъяренныхъ гражданъ, стремившихся другъ противъ друга отъ сосѣдняго Вѣча и отъ св. Софіи, слишкомъ долго раздавались здѣсь надъ юнымъ Волховомъ, чтобы не возбудить въ волнахъ его отголоска своимъ бурямъ, и здѣсь онъ еще буренъ и своеволенъ, какъ во дни своихъ Тысяцкихъ, и Посадниковъ, и Вѣча.

Но какая мирная, очаровательная картина развивается во всѣ стороны съ сего моста, картина, до-

стойная лучшихъ временъ Новгорода! Посмотрите къ Ильменю: на краю его величественно возстаетъ изъ водъ вѣнецъ всего Новгорода, бѣлый Юрьевъ, бѣлѣе утренняго снѣга, мѣстами слегка нарумяненный первыми лучами дня. Правѣе обители живописная дача графини Орловой, окруженная садомъ, и село Рахово на холмѣ, и далѣе два бывшіе монастыря: Аркажскій и Благовѣщенскій. Лѣвѣе Юрьева бѣлѣютъ между синевою неба и волнъ двѣ другія обители святыхъ Моисея и Кирилла, и древнее городище Рюрика, гнѣздо Князей Варяжскихъ, господствуетъ на высотѣ надъ торговымъ предмѣстіемъ Славянской столицы. Почти у самаго моста, на дворѣ Ярослава, девять многоглавыхъ церквей обступили черную, обгорѣлую башню вѣчеваго колокола, долго заглушавшаго ихъ благовѣстъ, и сошлись въ ясномъ небѣ своими золотыми, безчисленными крестами на подобіе воздушнаго кладбища. Теперь обратитесь къ Хутыню: его не видно вдали, но на пути къ нему потянулись вдоль берега иныя многія церкви Торговой стороны, и на крутомъ изгибѣ рѣки выбѣгаетъ изъ-за Антоніевой рощи гостепріимный мысъ, принявшій усталаго Римлянина на его плывущемъ камнѣ, и опять у самаго моста, но съ другой лишь стороны грозится своими красными башнями весь зубчатый Кремль, кровавая лѣтопись многихъ вѣковъ, а надъ нимъ бѣлая св. Софія съ своею златою главою, какъ въ бѣлой ризѣ увѣнчанный Святитель, предстательствующій за древній Новгородъ.—

1837.

II.

ЮРЬЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

Послѣ многихъ лѣтъ, обитель Юрьевская приняла меня опять подъ гостепріимную сѣнь свою. Это было въ осенній вечеръ, въ часъ воскресной всенощной; она совершалась въ подземной церкви Похвалы Богоматери, тамъ, гдѣ погребенъ обновитель Юрьева, который нѣкогда съ любовію принималъ меня въ мирныхъ стѣнахъ его. Такое воспоминаніе располагало къ молитвѣ.—Благообразна была и пещерная церковь, устроенная по подобію древнихъ катакомбъ, но великолѣпно украшенная!—Мраморомъ устланъ помостъ ея, по мраморнымъ сводамъ разсыпаны золотыя звѣзды; бронзовый иконостасъ исполненъ весь славою Божіей Матери; ибо Она изображена повсюду въ многознаменательныхъ символахъ:—то въ видѣ Неопалимой Купины, какая нѣкогда явилась Моисею въ пустынѣ, но обнесенная звѣздообразнымъ вѣнцемъ Ангельскихъ Силъ; то съ олицетворенною похвалою неба и земли вокругъ Нея съ ликами земныхъ Ангеловъ и небесныхъ человѣковъ; то Радостію всѣхъ скорбящихъ или Одигитріею, путеводительницею странныхъ; то неизреченною на языкѣ человѣческомъ по благодати Ея исполняющей, или Живоноснымъ Источникомъ исцѣленій, какъ проявила себя въ Царьградѣ, или какъ на Аѳонской горѣ въ необъятномъ пламени Своей славы, или вѣнчаемою отъ всея Троицы, какъ пріятелище нестерпимаго Божества. Все гласитъ о Ней внутри сего священнаго подземелья, гдѣ никогда не умолкаетъ въ честь Ея чтеніе акаѳиста.

Особенно хорошо устройство этой церкви тѣмъ, что по древнему чину жертвенникъ находится въ сторонѣ и совершенно отдѣленъ отъ алтаря; такимъ образомъ и женщины могутъ свободно приступать къ нему для приношеній, а между тѣмъ святый алтарь огражденъ отъ суеты, неизбѣжной при сближеніи жертвенника съ престоломъ. Напротивъ сѣверной двери алтаря открывается съ южной стороны тайная дверь въ гробовой покой архимандрита Фотія; одна лампада освѣщаетъ его сумракъ. Распятый Господь и по сторонамъ Его Божія Матерь и возлюбленный Ученикъ написаны во весь ростъ на восточной стѣнѣ; къ подножію спасительнаго креста Христова прислоненъ мраморный гробъ, осѣненный среброкованнымъ покровомъ съ крестнымъ на немъ изваяніемъ, и на немъ стоитъ златая икона Знаменія Богоматери, сродная великому Новгороду, отколѣ распространилось по всей Россіи празднованіе сего чуда.

Близость къ намъ почившаго еще налагаетъ печать молчанія; но молитвенная съ нимъ и о немъ бесѣда невольно проникаетъ въ душу въ сей гробовой келліи, гдѣ упокоился онъ послѣ подвиговъ отшельнической жизни. Свидѣтельствуетъ о ней и послѣдній пріютъ его, который сообщался во дни его жизни съ келліями; сюда часто спускался онъ тайною стезею къ своему гробу, чтобы засвѣтить надъ нимъ лампаду, или во мракѣ подземелья углубиться въ размышленія о вѣчности, доколѣ еще не настала.— Я увидѣлъ въ углубленіи другой мраморный саркофагъ, смиренно прислонившійся къ стѣнѣ, но еще праздный, и угадалъ его назначеніе.

Желѣзная рѣшетка и потомъ еще стѣна, вся окованная серебромъ, съ тремя на ней позлащенными

иконами отдѣляетъ могильный покой отъ того мѣста, гдѣ совершаются панихиды по усопшемъ.—Великолѣпный образъ Неопалимой Купины, горящій драгоцѣнными камнями, а по сторонамъ его соборъ безплотныхъ Силъ и земный Ангелъ Предтеча осѣняютъ своимъ покровомъ сію молитвенную храмину и вмѣстѣ смертное жилище; но, для утѣшительнаго свидѣтельства о грядущемъ воскресеніи мертвыхъ, на боковыхъ стѣнахъ есть еще двѣ иконы, бывшія келейными покойнаго:—одна, седми спящихъ отроковъ Ефесскихъ, которые, заснувъ въ пещерѣ во дни гоненій языческихъ, пробудились отъ вѣковаго сна уже во дни славы Церкви Христовой; другая икона изображаетъ благоразумнаго разбойника съ оружіемъ креста въ рукахъ, входящаго въ рай предъ лицемъ Патріарховъ Авраама, Исаака, Іакова, охраняющихъ его преддверіе.

На другой день, послѣ ранней литургіи въ той же пещерной церкви, просилъ я показать мнѣ верхній Спасскій соборъ съ его придѣлами, сооруженный архимандритомъ послѣ пожара 1823 года на мѣсто домовой церкви благовѣрныхъ Князей Ѳеодора и Александра Невскаго. Страшное, но вмѣстѣ и назидательное зрѣлище представилъ пожаръ сей: это случилось въ праздникъ Введенія во храмъ Божіей Матери; народъ наполнялъ церковь; самъ архимандритъ совершалъ литургію, и всѣ до такой степени заняты были молитвою, что никто не замѣтилъ, какъ искра, вылетѣвшая въ трубу отъ жаровни кадильной, зажгла деревянныя связи, и пламя охватило кровлю. Уже вся крыша была въ огнѣ, а подъ нею спокойно возносилась столь же пламенная молитва. Мимошедшій священникъ церкви Перунской, которая еще не

была тогда скитомъ, первый увидѣлъ пожаръ и бросился въ храмъ извѣстить о угрожавшей опасности. Быстро разсѣялся народъ; но нельзя было оставить начатой литургіи. Архимандритъ велѣлъ одному изъ сослужившихъ іеромонаховъ поднять съ жертвенника приготовленные дары и при пѣніи Херувимской пѣсни нести ихъ на престолъ холоднаго собора, чтобы тамъ довершить божественную службу, и, покамѣстъ прочая братія занялась спасеніемъ утвари церковной, самъ онъ сталъ на клиросъ и уже, какъ простой инокъ, отвѣчалъ пѣніемъ на возгласы священнослужителя. Между тѣмъ совершенно сгорѣла церковь и въ суровую зиму братія принуждена была терпѣть стужу въ холодномъ соборѣ, ибо не имѣла средствъ устроить гдѣ либо теплый придѣлъ. Тогда послалъ Господь благотворительницу бѣдствующей обители, и ея щедрыми даяніями не только соорудился новый великолѣпный соборъ на мѣсто сгорѣвшей убогой церкви, но обновились и храмъ великомученика Георгія и вся обитель, самая древняя изъ всѣхъ Новгородскихъ и Русскихъ, ибо одна только Печерская лавра можетъ оспоривать у нея первенство.

Съ лѣвой стороны алтаря пещерной церкви ведетъ лѣстница въ верхній соборъ Всемилостиваго Спаса. Бронзовый иконостасъ его украшенъ съ особеннымъ великолѣпіемъ; драгоцѣнными камнями сіяютъ мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери; одна жемчужина, подобная грушѣ, виситъ на осыпанномъ брилліантами вѣнцѣ ея. Сокровища Чесменскія излились щедрою рукою на храмъ сей и всѣ его принадлежности; но изящный вкусъ распоряжалъ роскошью окладовъ и утвари церковной. Благолѣпіе умножается при возженіи многочисленныхъ лампадъ

огромнаго серебрянаго паникадила, которое, какъ нѣкій вѣнецъ, спускается изъ глубокаго купола, проливая торжественный свѣтъ на полумракъ собора.

По обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, но не на одной съ ними чертѣ, устроены два малые придѣла во имя св. мучениковъ Фотія и Аникиты и успенія праведныя Анны. Первый находится надъ жертвенникомъ пещерной церкви и къ нему примыкаютъ съ лѣвой стороны обширные покои нынѣшняго настоятеля, которые были приготовлены покойнымъ архимандритомъ для Митрополита Серафима на тотъ случай, если бы пожелалъ окончить дни свои въ уединеніи.—Придѣлъ св. Анны сооруженъ надъ самою пещерою, гдѣ стоитъ гробъ возсоздателя сего храма, и къ правой сторонѣ придѣла прилегали его келліи; онѣ теперь обращены въ церковь Всѣхъ Святыхъ и братскую библіотеку, дабы молитва и благочестивое размышленіе всегда наполняли душу посѣщающихъ мѣсто его жительства.—Тамъ совершается всякую субботу поминовеніе по усопшемъ.

Церковь сія также украшена съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и вмѣстѣ съ особенною любовію къ памяти усопшаго обитателя сихъ нѣкогда уединенныхъ келлій. Иконостасъ составленъ изъ домашнихъ иконъ его, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями; но преимущественно украшенъ любимый имъ образъ Иверской Божіей Матери. Нельзя не дивиться блеску яхонтовъ, изумрудовъ и сапфировъ, какія встрѣчаются только въ утваряхъ царскихъ, и свѣтлой водѣ огромныхъ алмазовъ, на которые не обращало вниманія око ихъ дателя. Христіанское небо изображено изящною кистію на сводахъ церкви Всѣхъ Святыхъ, дабы всѣ они осѣняли молитвенниковъ сего

знаменательнаго храма, гдѣ такъ много воспоминаній.—

Намѣстникъ ввелъ меня въ алтарь и показалъ въ сѣверной стѣнѣ выкладенную изъ камней молитвенную келлію, если только можно дать такое названіе каменному гробу въ три шага длины и одинъ ширины съ тѣснымъ сѣдалищемъ на одномъ концѣ и углубленіемъ для иконы на другомъ. Тамъ теплилась неугасимая лампада предъ иконою Знаменія Богоматери. Это была келлія покойнаго, гдѣ проводилъ онъ въ совершенномъ безмолвіи всю четыредесятницу, исключая времени божественной службы, и куда уединялся обыкновенно въ часы, свободные отъ заботъ и занятій. Келлія сія сообщалась узкою лѣстницею съ другою ей подобною, но еще болѣе потаенною, которая уже теперь задѣлана, и наконецъ съ гробовой пещерою, ибо туда наипаче любилъ онъ спускаться для размышленій о вѣчности въ виду своего гроба.

Нѣсколько разъ бывалъ я при жизни архимандрита въ тѣхъ же самыхъ келліяхъ, которыя теперь обращены въ церковь, и никогда не подозрѣвалъ сего молитвеннаго покоя въ стѣнѣ, куда онъ заживо себя закладывалъ, какъ въ каменную могилу; невольно изумился я столь нечаянному открытію. Замѣчательно будетъ лице его въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: кромѣ необычайности собственной его жизни, изнурительнаго поста при ежедневномъ служеніи, сорокадневнаго безмолвія въ теченіи четыредесятницы и другихъ подвиговъ, которые, быть можетъ, время откроетъ,—онъ дѣйствительно былъ не только обновителемъ своей обители, но и настоящимъ архимандритомъ всѣхъ монастырей Новгородскихъ по древ-

нему назначенію настоятелей Юрьева. Отъ первыхъ временъ великаго Новгорода почитались они старшимъ духовнымъ лицемъ послѣ Владыки, были благочинными надъ пятидесятью его обителями, кромѣ пятнадцати непосредственно отъ нихъ зависѣвшихъ, и впослѣдствіи получили права священнослуженія съ нѣкоторыми преимуществами архіерейскаго у себя въ обители.

Такое лице явилъ въ себѣ Новгороду недавно усопшій. Въ монастыряхъ Деревяницкомъ и потомъ Сковородскомъ, основанныхъ Святителемъ Моисеемъ, началось первое его служеніе великому Новгороду, ибо тамъ онъ былъ краткое время настоятелемъ; но мать обителей Новгородскихъ ожидала его пламеннаго усердія. Онъ собралъ ее изъ развалинъ, обновилъ и прославилъ, и тотъ же потокъ щедрыхъ даяній излилъ на прочія убогія обители древней Славянской столицы, отъ пятидесяти умалившіяся до скромнаго числа четырнадцати. И святая Софія, священный залогъ славы Новгородской, сдѣлалась также предметомъ его заботъ. Но величайшею изъ заслугъ его было—возстановленіе древняго чина иноческой жизни въ своей обители и возбужденіе чрезъ то духа молитвы, ибо сердце его стремилось къ пустынному житію скитскихъ отцевъ, и, посреди окружавшаго его великолѣпія святыни, самъ онъ велъ жизнь затворника, умножая строгость ея по мѣрѣ умноженія дней своихъ. Все, что ни обновляла рука его, принимало на себя характеръ древности;— не только зодчество и внутреннее устройство храмовъ, но и самый чинъ богослуженія и церковные напѣвы отзывались давноминувшимъ и потому роднились съ сердцемъ; невольно разжигался духъ мо-

литвы видѣніемъ и слышаніемъ древняго церковнаго быта.

Очевиднымъ свидѣтельствомъ благочестія, возбужденнаго въ народѣ, служитъ праздникъ Воздвиженія честнаго Креста, на который собираются въ Юрьевъ безчисленныя толпы богомольцевъ. Архимандритъ Фотій, соорудивъ недалеко отъ св. воротъ новый обширный храмъ, хотѣлъ посвятить его Преображенію Господню на память древле существовавшей тутъ церкви; но по совѣту Митрополита Серафима, который сожалѣлъ, что столь великое торжество, каково всемірное Воздвиженіе Креста Господня, ослабѣваетъ въ памяти Христіанъ, рѣшился обновить праздникъ сей въ великомъ Новгородѣ съ особенною торжественностію. Освятивъ храмъ въ честь Воздвиженія Креста, онъ учредилъ съ благословенія архипастырскаго крестный ходъ кругомъ всей обители, а на всенощной при поклоненіи животворящему Кресту положилъ на всѣ будущія времена раздавать каждому изъ приходящихъ по малому кресту мѣдному или серебряному. Необычайность торжества начала привлекать богомольцевъ въ обитель ко дню Воздвиженія, и доселѣ нигдѣ не празднуется онъ столь свѣтло.

Чрезвычайное стеченіе народа на погребеніе усопшаго архимандрита и въ продолженіи девяти дней, когда тѣло его лежало открытымъ въ церкви для послѣдняго съ нимъ цѣлованія, достаточно засвидѣтельствовало, какимъ уваженіемъ пользуется онъ не только въ Новгородѣ, но и въ окрестности, ибо отовсюду собрались чины духовные и мірскіе. Погребеніе было трогательное и поистинѣ народное, и, что̀ весьма замѣчательно, оно совершилось великимъ

постомъ въ недѣлю крестопоклонную, какъ бы въ воздаяніе усопшему за его ежегодный подвигъ безмолвія во дни четыредесятницы и наипаче за торжество Воздвиженія креста Господня, которое съ такимъ великолѣпіемъ обновилъ онъ въ обители.

Едва успѣлъ я осмотрѣть теплый соборъ со всѣми его придѣлами, какъ уже ударили въ большой воскресный колоколъ къ поздней литургіи. Я поспѣшилъ въ великолѣпный храмъ Великомученика Георгія, гдѣ служилъ обѣдню самъ настоятель архимандритъ Мануилъ.—Величіе божественной службы по особенному чину, усвоенному обители Юрьевской, стройность и вмѣстѣ древность столповаго пѣнія, которое тамъ можно слышать въ совершенствѣ, все соотвѣтствовало красотѣ самаго храма, достойнаго зодчества Византійскаго XII вѣка. Отъ дверей паперти уже пріятно были поражены взоры блескомъ безчисленныхъ лампадъ вокругъ напрестольной сѣни отверстаго алтаря, и сіяніемъ драгоцѣнныхъ камней на мѣстныхъ иконахъ, и пышностію ризъ священнослужителей во глубинѣ сего разверзшагося неба, отколѣ исходили они съ горящими свѣтильниками, какъ бы на землю, въ облакахъ ѳиміама и во звукѣ небесныхъ гимновъ.—Не такъ ли отозвались нѣкогда ангельскою пѣснію лики Софійскіе предкамъ нашимъ въ домѣ Премудрости Божіей, и домъ сей показался имъ небомъ, куда ввели они за собою все свое племя Славянское?

Уже около ста лѣтъ существовала обитель Юрьевская, основанная великимъ Ярославомъ во имя Ангела своего Великомученика Георгія (въ 1030 году), когда другой Георгій, великій сынъ Мономаха, Мстиславъ, княжившій въ Новгородѣ, заложилъ сію вели-

колѣпную церковь художествомъ Греческихъ зодчихъ въ 1119 году при игуменѣ Киріакѣ. Но довершеніе и освященіе храма предоставлено было ихъ блаженнымъ преемникамъ, игумену Исаіѣ и святому сыну Мстислава, Всеволоду Гавріилу, который самъ нетлѣнно возлегъ на вѣчную стражу въ соборѣ охраняемаго славнымъ мечемъ его Пскова. Тогда же устроены были и два придѣла во имя Благовѣщенія и благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, родственныхъ Мстиславу, на высокихъ хорахъ по древнему чину церквей Греческихъ; ибо тамъ главный престолъ никогда не былъ стѣсняемъ боковыми, дабы оставалось мѣсто для жертвенника и діаконикона. Обновленный въ началѣ XIV вѣка при святомъ Владыкѣ Моисеѣ, храмъ сей подвергся опустошенію отъ нечестивыхъ Шведовъ въ смутную годину Самозванцевъ, и опять обновленъ щедрыми даяніями перваго изъ Романовыхъ и усердіемъ архимандрита Діонисія. Знаменитый современникъ Петра Великаго, Іовъ, Митрополитъ Новгородскій, оставившій по себѣ столь благую память, призрѣлъ также своими пастырскими заботами храмъ Великомученика при содѣйствіи Юрьевскаго настоятеля Гавріила; но послѣднее обновленіе святилища архимандритомъ Фотіемъ превзошло все, что только можно назвать великолѣпнымъ.

Не буду говорить о всѣхъ украшеніяхъ храма и пятияруснаго иконостаса, о царскихъ среброкованныхъ дверяхъ, огромныхъ паникадилахъ, подсвѣчникахъ, напрестольной одеждѣ изъ литаго серебра и драгоцѣнной сѣни съ высокимъ на ней крестомъ изъ Сибирскихъ камней; сокровища кажутся здѣсь обыкновенными отъ самаго ихъ множества: стоитъ только взглянуть на двѣ мѣстныя иконы Спасителя

и Богоматери и на одну храмовую Великомученика, чтобы уже болѣе не обращать вниманія на все прочее, ибо здѣсь не знаешь, чему дивиться,—богатству ли дара, или безпримѣрному усердію дателя? До полумилліона цѣнятъ золотые оклады мѣстныхъ иконъ, осыпанные крупными алмазами, яхонтами, изумрудами и сапфирами; вѣнецъ Спасовъ и звѣзды на челѣ и персяхъ Его Пречистой Матери горятъ чудными камнями, несравненными по своей массѣ и чистой водѣ. Риза Великомученика усѣяна Сибирскими тяжеловѣсами по швамъ и воскрыліямъ, какъ будто ими скрѣплено ея чистое золото; щитъ, и шлемъ, и броня духовнаго витязя можно поистинѣ назвать адамантовыми; огненнымъ представляется конецъ копія его, коимъ поразилъ чудовище, отъ алмаза, замѣнившаго лезвіе, и необъятной величины жемчужины образуютъ рукоять и оконечности его воинскаго меча. Сокровища, излитыя на украшеніе сей древней Византійской иконы, современной еще великому Ярославу, основателю обители, восходятъ до чрезвычайной суммы, и стольже роскошно убрана икона Святителя Ѳеоктиста при ракѣ мощей его. Можно ли послѣ сего говорить еще о прочихъ украшеніяхъ и богатствахъ?

Объ одномъ однакоже не должно умолчать; вкусъ и изящество новѣйшихъ временъ руководствовали обновителей храма и, не смотря на то, не утрачено ничего древняго, такъ что даже все новѣйшее кажется только обновленіемъ стараго. Такимъ образомъ сохранился величественный иконостасъ, золотою стѣною подымающійся къ высокимъ сводамъ, и уцѣлѣла стѣнная живопись, писанная по древнимъ очеркамъ, и внутренность алтаря удержала первобытный свой

характеръ; тамъ лики Святителей съ высоты горняго мѣста содѣйствуютъ божественной службѣ, а назидательныя изреченія св. Отцевъ о ея таинственномъ значеніи возбуждаютъ духъ молитвы въ сослужащихъ. Все благолѣпное зданіе храма съ его знаменательными украшеніями образуетъ изъ себя полную идею Восточной Церкви, какъ выразилась она впервые строителями таинствъ Христіанскихъ и какъ еще долго сохранялась въ послѣдующіе вѣка.

Послѣ великолѣпія собора можно вообразить, какія сокровища заключаетъ въ себѣ ризница, соотвѣтствующая пышностію утварей: безполезно было бы исчислять драгоцѣнныя митры, кресты и панагіи и шитыя жемчугомъ облаченія, которымъ едвали есть подобныя по красотѣ и богатству, развѣ изъ числа древнихъ Патріаршей и Троицкой ризницъ. Оставя новѣйшія богатства, слѣдуетъ однако упомянуть о предметахъ, драгоцѣнныхъ по своей древности. Въ ризницѣ хранится серебряное, позлащенное блюдо съ миѳологическимъ на немъ изваяніемъ Персея и Андромеды, которое пожаловалъ въ обитель св. Князь Всеволодъ Гавріилъ. На мѣстѣ древняго баснословнаго разсказа языческаго совершилось новое Христіанское чудо Великомученика Георгія, который близъ того же города Верита избавилъ отъ морскаго чудовища Сирійскую Царевну, ему обреченную въ жертву, и потому вмѣстѣ съ блюдомъ хранится кусокъ отъ той скалы, къ которой была прикована Царевна, недавно принесенный въ обитель однимъ богомольцемъ.

Другая замѣчательная вещь есть плащаница горько памятнаго междоусобною бранію Князя Димитрія Шемяки, который послѣ краткаго сѣдѣнія на

престолѣ ослѣпленнаго имъ Василія Темнаго принятъ былъ мятежнымъ Новгородомъ и положилъ вкладъ сей за себя и дѣтей въ обитель Юрьевскую, не подозрѣвая, что и самъ упокоитъ въ ней свои скитальческія кости. Кругомъ плащаницы вышита золотомъ слѣдующая надпись:

«Лѣта 6957, индикта 7, какъ былъ Князь Великій Дмитрій Юрьевичь въ великомъ Новгородѣ, и повелѣніемъ его, Великаго Князя, наряженъ былъ сей воздухъ въ храмѣ святаго Великомученика Христова Георгія, тогоже лѣта, мѣсяца августа въ 23 день, благовѣрною его Великою Княгинею Софьею, и при сынѣ, благовѣрномъ Князѣ Иванѣ, и положенъ бысть въ церкви св. Великомученика Христова Георгія въ великомъ Новѣградѣ въ Юрьевѣ монастырѣ, при Архіепископѣ великаго Новгорода, Владыкѣ Евѳиміѣ, при архимандритѣ Мисаилѣ, за оставленіе грѣховъ и спасенія ради душъ нашихъ и нашихъ дѣтей, и тѣмъ внучатомъ и правнучатомъ, въ семъ вѣцѣ и будущемъ, аминь.»

Но еще замѣчательнѣе сихъ двухъ предметовъ подлинная грамата самого Великаго Князя Мстислава, сына Мономахова, соорудившаго храмъ; она почитается древнѣйшею изъ всѣхъ, какія только уцѣлѣли у насъ отъ всеистребляющаго времени, и ея сохраненіемъ обязаны археологи обители Юрьевской. Грамата писана на пергаментѣ и скрѣплена серебряною печатью съ изображеніемъ на одной сторонѣ сѣдящаго Спасителя, а на другой Архангела Михаила; дана же была въ обитель вмѣстѣ съ блюдомъ Всеволода, о коемъ упоминается въ ея строкахъ.

«Се азъ Мстиславъ, Володиміръ сынъ, дѣржа Руску землю въ своіе княженіе, повелѣлъ іесмь сыну

своему Всеволоду отдати . . . . . цѣ святому Георгиеви, съ данию и съ вирами и съ продажами, даже которыи князь по моіемъ княжении почнетъ хотѣти отъяти у святаго Геория. А Богъ буди за тѣмъ и святая Богородица и тъ святый Георгий у него то отимаіетъ. И ты игумене . . . . . и вы братіѣ донілѣжеся миръ съ стоитъ, молите Бога за мя и замоѣ дѣти, кто ся изоостанетъ въ монастыри. То вы тѣмъ дължъни іесте молите за ны Бога и прии животѣ и въ смьрти. А язъ далъ рукою своіею и осеньніеіе полюдие даровноіе полътретия десяте гривьнъ Святому же Георгиеви. А се я Всеволодъ далъ іесмь блюдо серебрьно. въ тритцать гривенъ серебра. Святому же Георгіеви, велѣлъ іесмь быти въ ніе на обѣдѣ коли игуменъ обѣдаіетъ. Даже кто запъртитъ или ту дань и се блюдо. да судитъ іему . . . . день пришествия своеіго и тъ святый Георгий.»

Одинъ изъ древнихъ вкладовъ благочестивыхъ Самодержцевъ нашихъ еще и доселѣ украшаетъ храмъ Великомученика посреди его новаго великолѣпія:—это четырехъ-ярусное мѣдное паникадило надъ амвономъ, которое пожертвовалъ обители Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послѣ разоренія Шведскаго на память изгнанія враговъ. Въ сію бѣдственную эпоху Самозванцевъ, когда ликовалъ въ Новгородѣ нечестивый вождь Шведовъ Де ла Гарди, лишена была обитель Юрьевская лучшаго своего сокровища, нетлѣнныхъ мощей благовѣрнаго Князя Ѳеодора Ярославича, брата Невскаго, который скончался юношей въ день брачнаго своего торжества, промѣнявъ вѣнецъ тлѣнный на нетлѣнный. Послѣ четырехъ вѣковаго упокоенія въ храмѣ Великомученика, мощи его перенесены были въ соборъ Софійскій знаменитымъ

Митрополитомъ Новгорода Исидоромъ, дабы предохранить святыню ихъ отъ ругательства святотатныхъ враговъ. Но еще тамъ осталась гробница благочестивой матери св. Князей Ѳеодора и Александра, Княгини Ѳеодосіи, дочери Храбраго Мстислава, который столько лѣтъ охранялъ великій Новгородъ славнымъ мечемъ своимъ, и самъ нетлѣнно отдыхаетъ подъ сѣнію св. Софіи.

Другія святыя мощи замѣнили утраченныя для обители: это нетлѣнные останки св. Архіепископа Ѳеоктиста, избраннаго Новгородомъ въ 1300 году. Святѣйшій Сѵнодъ разрѣшилъ въ исходѣ минувшаго столѣтія, по ходайству Митрополита Гавріила, перенести мощи его изъ упраздненнаго сосѣдняго монастыря Благовѣщенія въ Юрьевъ, и они положены подъ спудомъ въ среброкованной ракѣ по лѣвую сторону алтаря; архимандритъ Фотій устроилъ подлѣ и малый придѣлъ во имя Святителя Ѳеоктиста, соотвѣтствующій противулежащей ризницѣ. Память краткаго правленія Ѳеоктистова не могла когда либо придти въ забвеніе въ обители Юрьевской, ибо съ того времени настоятели ея получили званіе архимандритовъ и первымъ изъ нихъ былъ Кириллъ; а тому Владыкѣ, при коемъ возвеличилась обитель, суждено было впослѣдствіи самому принять отъ нея достойное воздаяніе чести.

Мало сохранилось извѣстій о подвигахъ сего угодника Божія при его жизни; но многія исцѣленія прославили его послѣ блаженной кончины. Постриженный въ обители Благовѣщенской, которую основали два святые брата, Іоаннъ и Григорій, бывшіе потомъ оба Владыками Новгорода, онъ воспріялъ послѣ нихъ игуменство и каѳедру Софійскую, будучи

посвященъ Митрополитомъ Кіевскимъ Максимомъ. Но послѣ осмилѣтняго правленія отошелъ опять на безмолвіе въ прежнюю свою обитель и тамъ чрезъ три года окончилъ святую жизнь въ подвигахъ иноческихъ. Первое прославленіе Святителя Ѳеоктиста случилось болѣе трехъ сотъ лѣтъ послѣ его кончины въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Онъ явился въ сонномъ видѣніи болящей супругѣ царскаго дьяка Ивана Зиновьева и велѣлъ помолиться надъ своею гробницею для желаннаго исцѣленія, не сказавъ ей однако своего имени; но по сходству видѣннаго ею лица съ однимъ изъ ликовъ святительскихъ, начертанныхъ на стѣнахъ Софійскаго собора, она узнала Владыку Ѳеоктиста, и тогда же велѣла списать его образъ. А мужъ ея, отыскавъ въ лѣтописяхъ соборныхъ, гдѣ былъ погребенъ Святитель, привелъ болящую Іуліанію на забытую дотолѣ гробницу въ развалинахъ Благовѣщенской церкви, и тамъ получила она исцѣленіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, намѣстникъ Новгородскій, Князь Василій Ромодановскій, имѣя теплую вѣру къ угоднику Божію Ѳеоктисту, очистилъ отъ развалинъ гробъ его и соорудилъ надъ нимъ сперва часовню, а потомъ каменную церковь, которая и донынѣ существуетъ; между тѣмъ продолжались исцѣленія надъ мощами Святителя, который и донынѣ не престаетъ изливать благодать, ему данную, на бывшую свою паству великаго Новгорода.

Послѣ сего блаженнаго успенія и перенесенія честныхъ мощей богоугоднаго мужа въ обитель Юрьевскую, упоминать ли о неблагословенномъ мертвецѣ, для погребенія коего въ стѣнахъ тогоже храма нужно было соборное разрѣшеніе Святителя Іоны Митрополита и съ нимъ Епископовъ Русскихъ?—

ибо они связали его анаѳемою за возмущеніе противъ законнаго Государя. Говорить ли о бѣдственномъ ослѣпителѣ Темнаго, Шемякѣ, который, домогаясь престола Великокняжескаго, долго смущалъ крамолами всю землю Русскую и наконецъ окончилъ въ Новгородѣ скитальческую жизнь. Но милосердая мать, Церковь, не отказала раскаявшемуся въ послѣднемъ пріютѣ и дала оный въ той обители, которой благодѣтельствовалъ во дни краткаго своего земнаго величія.—Могилу его указываютъ въ храмѣ Великомученика.

Есть и еще погребенные подъ сѣнію его изъ сановниковъ мірскихъ и духовныхъ великаго Новгорода и земли Русской. Тамъ гробы двухъ старѣйшихъ игуменовъ Киріака и Исаіи, при коихъ сооружена и освящена церковь; вѣроятно подлѣ нихъ положены были и ихъ преемники, особенно болѣе именитые, какъ первый архимандритъ Кириллъ и обновитель Діонисій, но могилы ихъ неизвѣствы. Въ паперти почиваетъ и кроткій Владыка Новгорода, Макарій II, преемникъ Никона Патріарха на каѳедрѣ Софійской, участвовавшій во всѣхъ его соборахъ, и Маркеллъ, Епископъ Корельскій, ибо въ первой половинѣ минувшаго столѣтія обитель Юрьевская была мѣстомъ жительства викаріевъ Митрополіи Новгородской.—Тамъ же три мраморныя плиты всѣчены въ стѣну, украшенныя орлами; надъ одною изъ нихъ изображенъ во весь ростъ Святитель Алексій, держащій въ рукахъ своихъ позлащенную икону Божіей Матери, предъ коею теплится всегда лампада. Это семейная усыпальница обновившей обитель Великомученика. Принявъ ее близко къ своему сердцу, она въ свою чреду вручила ей и то, что

всего ближе было ея собственному сердцу—гробы родителей.

Таковъ древній храмъ Великомученика. Внѣшнее величіе его зодчества соотвѣтствуетъ строгою Византійскою простотою внутреннему благолѣпію. Три главы въ честь св. Троицы вѣнчаютъ соборъ, и каждая имѣетъ свой особенный характеръ; онѣ горятъ яркимъ золотомъ на синевѣ Новгородскаго неба. Красивая колокольня надъ св. вратами довершила собою красоту Юрьева, ибо въ ней соединилась легкость Италіянская съ величіемъ Византійскимъ, вполнѣ соотвѣтствуя характеру всего зданія. Серебристымъ, густымъ звукомъ ея колоколовъ бесѣдуетъ древній Юрьевъ съ современною ему св. Софіею, и имъ сладостно внимаетъ Великій Новгородъ, разумѣя сердцемъ многоглагольный языкъ сей, исполненный минувшаго.

Были и еще древнія церкви внутри ограды Юрьевской, которыя теперь замѣнены новѣйшими. Почти въ одно время съ главнымъ соборомъ въ половинѣ XII вѣка сооружена игуменомъ Діонисіемъ церковь Преображенія Господня около св. воротъ и нынѣшняго Воздвиженскаго храма; а въ XVI вѣкѣ къ югу отъ холоднаго собора, вѣроятно тамъ, гдѣ теперь двѣ больничныя церкви,—Неопалимой Купины и Архангела Михаила, построена была теплая церковь во имя св. Алексія съ придѣломъ св. Гавріила Псковскаго. Это случилось уже послѣ покоренія Новгорода, когда память чудотворцевъ Московскихъ внесена была въ среду его святыни мощною рукою Іоанновъ, но обѣ сіи церкви, весьма убогія, разобраны были ради ихъ ветхости въ половинѣ минувшаго столѣтія, когда Юрьевъ, приходя постепенно въ упа-

докъ, не въ состояніи былъ поддерживать своихъ зданій и, какъ догоравшая лампада, совершенно угасла бы древняя обитель Ярослава, если бы не сохранили ее новѣйшіе любители святыни.

Но гдѣ же ключъ сего живительнаго источника, столь обильными струями непрестанно изливающагося на обитель?—Есть подлѣ нея малая усадьба на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ монастырь св. Пантелеймона, коего уцѣлѣвшая церковь донынѣ ей принадлежитъ. Тамъ отрадное уединеніе избравшей себѣ мѣсто сіе послѣднимъ пріютомъ временной жизни для приготовленія къ вѣчной. Тамъ окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ величественная святыня древняго Новгорода, ибо куда только ни обратитъ взоры свои, отовсюду привѣтствуетъ и осѣняетъ ее многоглавый, великій безчисленными своими храмами и обителями. Но самый очаровательный видъ съ балкона, обращеннаго къ городу, надъ широкимъ Мячинскимъ озеромъ, особенно во время полноводія, когда волны подступаютъ къ самому дому и всѣ окрестныя урочища кажутся какъ бы на островахъ, посреди коихъ величаво течетъ Волховъ.

Два упраздненные монастыря съ своими слободами Аркажскою и Благовѣщенскою стоятъ на краю сей величественной картины, которая развивается отъ лѣвой руки къ правой, какъ древняя хартія, вся исписанная церквами и обителями. Бывшая Лисицкая на Синичьей горѣ и нынѣшняя Десятинная начинаютъ собою великій Новгородъ, и между ними въ ясную погоду мелькаетъ, какъ призракъ, дальній куполъ св. Евѳимія Вяжицкаго. Слобода Воскресенская, гдѣ былъ также монастырь, стоитъ на первомъ планѣ у самаго озера; а за нею отъ Синичьей горы

до Волхова и по ту сторону рѣки до Городища Рюрикова широкій амфитеатръ храмовъ невольнымъ изумленіемъ поражаетъ взоры. Величавая громада св. Софіи съ ея колокольнею и часовою башнею, обнесенная древними бойницами зубчатаго Кремля, господствуетъ надо всѣмъ, какъ сѣдой исполинъ во всеоруженіи ратномъ и молитвенномъ, въ бронѣ и вѣнцѣ, поставленный на вѣчную стражу Славянской столицы. Мимо его идетъ ему лишь покорный Волховъ сквозь прозрачныя арки легкаго моста, державно наброшеннаго на шумныя воды, а за нимъ вдали укрывается Антоній Римлянинъ подъ сѣнь своей рощи. Вотъ потянулась на право, вверхъ по Волхову, Торговая сторона великаго Новгорода длинною вереницею храмовъ отъ соборнаго узла ихъ на Ярославлемъ дворищѣ, гдѣ сошлось столько золотыхъ крестовъ вокругъ обгорѣвшей вѣчевой башни. Далѣе другое звено этой священной цѣпи около собора Знаменскаго, гдѣ хранится чудотворный залогъ спасенія Новгорода, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ одинокихъ церквей на пустынныхъ его кладбищахъ, дальній Хутынь, обитель Варлаамова, осѣняетъ своими благословеніями сіе зрѣлище древней славы великаго Новгорода.

III.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ.

Оставалось не болѣе двухъ часовъ до захожденія солнца, когда я рѣшился посѣтить на устьи Волхова ближайшія къ Юрьеву обители.—Этотъ осенній вечеръ напоминалъ собою лѣтніе; воздухъ благорастворенъ былъ необычайною теплотою, вѣтеръ со-

вершенно затихъ, не подымалось ни одной волны на широкомъ Волховѣ, не было ихъ и въ бурномъ Ильменѣ, который, казалось, съ отеческою любовію смотрѣлъ на свое величавое чадо, самъ отходя къ покою въ послѣднихъ лучахъ вечера;—солнце спускалось къ нему по золотымъ ступенямъ многоглаваго Новгорода. Намѣстникъ съ однимъ изъ братьевъ Юрьева монастыря радушно вызвались мнѣ сопутствовать, и приготовленъ былъ большой катеръ на краю слободы Юрьевской въ виду Перунскаго скита. Мы причалили сперва къ малому островку, не всегда однако окружаемому водою, гдѣ около древнѣйшей церкви Новгорода устроенъ новый скитъ, и живутъ двѣнадцать отшельниковъ. Тамъ нѣкогда на холмѣ предъ лицемъ бурнаго Славянскаго Ильменя стоялъ Перунъ, сверженный въ Волховъ первымъ Епископомъ Новгорода Іоакимомъ, и тамъ равноапостольный Князь Владиміръ соорудилъ первую Христіанскую церковь на сѣверѣ нашего отечества. Она цѣла и донынѣ во всей своей древней простотѣ и празднуетъ рождеству Богоматери, Которая Сама послужила храмомъ Воплощенному.

Благочестивый настоятель обители Юрьевской принялъ меня съ скитскою братіею въ мирной оградѣ Перуновой и ввелъ во внутренность святилища; оно огласилось тихимъ пѣніемъ праздничнаго тропаря, и сладко было слышать гимнъ Сокрушительницѣ Перуна на самомъ мѣстѣ Ея побѣды:

«Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй: изъ Тебе бо возсія солнце правды Христосъ Богъ нашъ, и разрушивъ клятву, даде благословеніе, и упразднивъ смерть, дарова намъ животъ вѣчный.»

Самое строеніе церкви свидѣтельствуетъ о ея непреложной древности, восходящей до временъ св. Владиміра;—она одноглавая, въ видѣ четверограннаго столпа, и болѣе распространена въ ширину, нежели въ длину, которая не превосходитъ $3^1|_2$ саженъ, если не считать низкой трапезы и алтаря, имѣющаго видъ урѣзаннаго осьмиугольника. Съ двухъ сторонъ ея по два узкихъ окна, а въ алтарѣ тремя подобными же отверстіями проливается свѣтъ въ честь святыя Троицы. Но, не смотря на тѣсноту, во внутреннемъ устройствѣ строго соблюденъ чинъ древнихъ православныхъ церквей; алтарь раздѣленъ на три части для удобства священнослуженія, иконостасъ въ пять ярусовъ, хотя и съ обновленными иконами, дабы Праотцы, Пророки и Апостолы предстояли при молитвахъ церковныхъ. Къ двумъ столбамъ прислонены клиросы, и даже есть хоры, какъ бы въ обширномъ храмѣ: ибо св. Софія служила для всѣхъ образцемъ. Церковь холодная, но трапеза теплая, и въ ней ежедневно совершается утреня, часы и вечерня, и читается днемъ и ночью неумолкаемый псалтирь по усопшимъ; божественная литургія бываетъ только въ субботніе и воскресные дни, по уставу древнихъ скитовъ Палестинскихъ.

На столбахъ церкви написано время ея основанія въ 995 году равноапостольнымъ Княземъ и время ея обновленія священноархимандритомъ Фотіемъ въ 1828 году, съ именемъ перваго настоятеля сего новаго скита, аввы Сергія; преемникомъ его былъ незабвенный Князь Аникита Шихматовъ, который, сдѣлавшись потомъ паломникомъ въ Палестинѣ, благочестиво окончилъ дни свои при миссіи Аѳинской въ назиданіе всей Греческой Церкви.

Много бѣдствій испыталъ первый храмъ истиннаго Бога на урочищѣ идольскомъ Новгорода, удержался однако въ качествѣ обители до 1767 года, и тогда только упраздненъ. Пожаръ, бывшій въ 1822 году, возбудивъ усердіе любителя древности и святыни, послужилъ къ его обновленію изъ приходской убогой церкви въ благоустроенный скитъ; какъ, послѣ упраздненія первоначальной обители Перунской, всѣ ея принадлежности перенесены были въ Юрьевъ, такъ изъ него опять возсіяла ея древняя слава, и обновился ветхій храмъ Богоматери, одиноко стоявшій на холмѣ Перуна свидѣтелемъ славнаго событія. Другая деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы уже исчесла на пустынномъ острову; возникли опять келліи отшельниковъ и ограда обители, которая была нѣкогда первымъ оплотомъ противъ Славянскаго идолослуженія и бурныхъ волнъ Ильменскихъ.—Опять огласилась надъ водами мятежнаго моря Славянскаго, у самой пристани его сокрушеннаго кумира, тихая пѣснь отшельниковъ: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, вопію ти: возведи отъ тли животъ мой, многомилостиве.»

Архимандритъ ввелъ меня въ келліи скитскихъ отшельниковъ и въ отдѣльный покой ихъ настоятеля, отколѣ открывается обширный видъ на все озеро, затекающее за дальній небосклонъ, потомъ благосклонно проводилъ до пустыннаго берега. Мы потекли по быстротѣ широкаго Волхова, который перестаетъ быть младенцемъ отъ самой колыбели. Къ Городищу, древнему жилищу Князя Рюрика, направленъ былъ путь нашъ. Два протока, Волховецъ и Жилотугъ, начинаясь отъ двухъ оконечностей Городища, обра-

зуютъ изъ него островъ и потомъ, соединяясь опять въ одинъ широкій рукавъ, за могильнымъ холмомъ Гостомысла, подъ стѣнами Хутыня впадаютъ въ Волховъ.

Тамъ, гдѣ стоялъ на крутомъ берегу рѣки городокъ Варяжскаго пришельца, который содержалъ имъ въ повиновеніи слободы Славянскія около Ильменя,— теперь убогое селеніе, сохранившее однако названіе Рюрикова Городища. Съ его времени утвердились тамъ Князья Русскіе, даже и тогда, какъ великій Ярославъ перенесъ дворъ свой ниже по Волхову и за нимъ потянулся весь Новгородъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Мѣсто сіе на острову и холмѣ не такъ мало благопріятствовало первобытному своему назначенію, чтобы непрочные властители вольной столицы Славянской рѣшились скоро его оставить. Оттолѣ княжили они, какъ и съ дворища Ярославля, и тамъ укрѣплялись иногда противъ буйнаго вѣча; туда изгонялъ и Новгородъ своихъ намѣстниковъ Князей, когда Вѣче объявляло имъ конецъ тревожнаго, краткаго ихъ владычества. «Ступай къ себѣ на городище» взывала мятежная толпа и тамъ уже не тревожила изгнанника, потому что издавна привыкла почитать мѣсто сіе чуждымъ Новгороду, завѣтнымъ гнѣздомъ рода Рюрикова. Горько отозвалось оно Новгороду во дни его паденія! Іоаннъ III, еще однажды угощавшій на городищѣ Владыку, посадниковъ и бояръ, прежде другихъ мѣстъ занялъ войсками укрѣпленное жилище предка, чтобы по его примѣру господствовать надъ городомъ, а Грозный внукъ его оросилъ потоками крови Новгородской роковой холмъ сей, ибо на немъ совершалъ онъ жестокій судъ свой надъ древнею вольностію Славянской родины.

Городище, всегда принадлежавшее Государямъ Московскимъ, подарено было Петромъ Великимъ любимцу своему, Князю Меншикову, и было свидѣтелемъ паденія сего славнаго временщика со всей высоты его. Во дворцѣ Городища объявленъ былъ Князю и его дочери, невѣстѣ Императора, строгій указъ бывшаго ея жениха о утратѣ ими всѣхъ достоинствъ ихъ высокаго сана и о ссылкѣ въ Сибирь; ибо дотолѣ они еще не знали своей горькой участи, полагая только, что лишены милости Царской и будутъ жить въ дальнихъ деревняхъ. Здѣсь сорвали съ нихъ пышныя одежды княжескія и облекли въ убогія крестьянскія рубища. Невѣста Царская, увидя себя въ столь неожиданной одеждѣ, бросилась въ объятія родителя съ горькимъ словомъ: «ахъ я крестьянка!» и мужественно покорилась своей участи. Отселѣ повлекли ихъ въ жестокое изгнаніе, въ пустынный Березовъ, гдѣ имъ суждено было вскорѣ встрѣтить и виновниковъ своего изгнанія, Долгорукихъ, и тамъ на чужбинѣ положить свои кости. Дворецъ Князя Ижорскаго и садъ его поступили опять во владѣніе казны, но теперь нѣтъ и слѣдовъ Княжеской усадьбы. Одинъ только убогій садикъ съ нѣсколькими избами обывателей покрываетъ часть холма Городищенскаго.

Еще стоитъ однако на опустѣвшемъ урочищѣ древняя каменная церковь Благовѣщенія, сооруженная вначалѣ Мстиславомъ, великимъ сыномъ Мономаха, который украсилъ столькими храмами столицу Славянскую. Спустя два столѣтія, она пришла въ ветхость и возстановлена, по волѣ Великаго Князя Симеона Гордаго, Архіепископомъ Василіемъ, однимъ изъ знаменитыхъ Владыкъ Новгорода, котораго бѣлый клобукъ перешелъ ко всѣмъ Митрополитамъ

Русскимъ. Церковь сія еще дважды обновлена была, въ исходѣ минувшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, и къ ней пристроена трапеза съ придѣломъ во имя Срѣтенія Господня. Но внутреннее ея устройство удержало древній характеръ Византійскій по образцу Перунскаго скита, хотя она гораздо обширнѣе. Та же четвероугольная внѣшняя форма и тройное раздѣленіе алтаря, ибо такъ устроены почти всѣ Новгородскія церкви; уцѣлѣвшій на стѣнѣ образъ Господа Вседержителя и часть мощей мучениковъ Черниговскихъ, Князя Михаила и боярина его Ѳеодора, составляютъ нынѣ главное сокровище сей древнѣйшей придворной церкви Князей Новгорода. Двѣ другія деревянныя церкви Святителя Николая и безсребренныхъ Чудотворцевъ, которыя стояли подлѣ каменной, давно уже уничтожены. Но отъ ея заросшей травою паперти, не попираемой болѣе княжескими стопами, какой очаровательный видъ открывается на ихъ старую отчину,—великій Новгородъ съ его окрестностями!

Багровое солнце уже близко было къ землѣ Новгородской и бросало огненные лучи свои прямо въ церковь Мстислава. Бѣлый, величественный Юрьевъ, другое славное дѣло рукъ его, рдѣющій вечерними лучами, стоялъ на рубежѣ озера и рѣки, какъ нѣкій свѣтлый стражъ, ихъ охраняющій. По сторонамъ его Перынь и живописная усадьба Орловская, какъ дѣти подлѣ своего родителя, отражали также его вечернюю славу. Море Славянское кипѣло вдали за мысомъ бывшаго громовержца; юноша Волховъ, исполненный свѣта и жизни, плавно шелъ мимо вѣковыхъ храмовъ, заходя, какъ бы на поклоненіе, во всѣ ихъ пристани и заливы; а храмы все болѣе и болѣе умно-

жались вдоль береговъ его, доколѣ не срослись всѣ въ одинъ великій Новгородъ и не увѣнчались державною главою Софійскою. Слобода Воскресенская на противуположномъ берегу, куда по волѣ Іоанна переброшенъ былъ изъ Городища мостъ славнымъ его зодчимъ Аристотелемъ, служитъ преддверіемъ города; далѣе зубчатый Кремль на холмѣ съ своими башнями и куполами догоралъ послѣдними лучами дня, и отблескомъ ихъ озарялись новый великолѣпный мостъ Волхова и вся Торговая сторона съ ея безчисленными церквами; онѣ всѣ собрались, какъ бы по звуку вѣчеваго колокола, къ старому дворищу Князя своего Ярослава, а вдали мелькали обители Антоніева и Деревяницкая за рощею, и чуть видимый Хутынь. Такой обширный видъ открывался во всѣ стороны отъ древней усадьбы Рюрика, гдѣ нѣкогда срубилъ онъ малый городокъ свой, и вотъ онъ разросся въ пять славныхъ концовъ Новгородскихъ. Не даромъ держались мѣста сего потомки Рюриковы! отселѣ обнимали они взоромъ и повелительнымъ словомъ всю свою отчину, и на ихъ зовъ откликались св. Софія и Вѣче.

Я просилъ одного изъ моихъ спутниковъ, отца Платона, который посвятилъ многіе годы на изученіе древностей Новгородскихъ, назвать мнѣ церкви и обители, раскинутыя въ пустомъ полѣ около Городища или на холмахъ между протоками, и онъ сказалъ:

«Самая ближняя церковь, которую вы видите на холмѣ за протокомъ Волховца посреди слободы, есть бывшій Спасо-Нередицкій монастырь, приписанный теперь къ Городищу. Онъ основанъ Княземъ Новгородскимъ Ярославомъ, сыномъ Мономаха, въ исходѣ

XII вѣка, и соборный храмъ его, построенный во вкусѣ Византійскомъ, сохранилъ на стѣнахъ еще нѣкоторыя изображенія Святыхъ съ Греческими подписями. Принадлежавшія къ нему церкви и службы, приходя постепенно въ ветхость, наконецъ совершенно истребились, и самый монастырь, сперва приписанный къ Юрьеву, былъ упраздненъ при составленіи штатовъ въ 1764 году. Такой же участи подпалъ и Ситицкій монастырь, о которомъ упоминается въ XIV вѣкѣ. Отъ него осталась теперь одна каменная церковь во имя Андрея юродиваго; вы ее видите на отдѣльномъ холмѣ за версту отъ Нередицъ, и еще большему подверглись запустѣнію бывшія между ними обители: Аргамакова и Шилова, иначе Покровская, которая основана въ XIV вѣкѣ на устьи рѣки Шиловки къ югу отъ Городища. А къ сѣверу отъ него, ближе къ Новгороду, однѣ только развалины двухъ каменныхъ церквей свидѣтельствуютъ о бывшемъ монастырѣ Лядскомъ во имя Святителя Николая, котораго начало восходитъ также къ XIV вѣку; первыхъ же двухъ обителей не осталось даже и слѣдовъ; ихъ только знаютъ по имени. Такъ мало по малу время поѣдаетъ славу Новгородскую.»

«Но какая эта обитель видна вдали, еще во всемъ своемъ благолѣпіи съ многими храмами, башнями и оградой?»

«Такъ представляется она только издали, отвѣчалъ онъ, хотя и весьма убога внутри. Это Кирилловская, одна изъ самыхъ древнихъ, основанная въ XII вѣкѣ двумя благочестивыми братьями Новгородскими, Константиномъ и Андреемъ, во имя святыхъ Патріарховъ Александрійскихъ Аѳанасія и Кирилла, при Архіепископѣ Мартиріѣ. Соборная пятиглавая

церковь ея была до половины разобрана за ветхостію въ минувшемъ столѣтіи и довершена уже въ новѣйшемъ вкусѣ. Нѣсколько лѣтъ позже пристроенъ къ ней придѣлъ во имя преподобнаго Арсенія, игумена Новгородскаго, мощи коего перенесены были въ сію обитель изъ часовни отъ церкви Женъ мvроносицъ, что на Торговой сторонѣ. Тамъ есть и другая теплая церковь во имя Покрова Богоматери; каменнаго зданія много, но все это требуетъ поддержки, а средствъ мало. Отъ святыхъ воротъ открывается великолѣпный видъ на весь Новгородъ, и такими видами богаты почти всѣ его древнія обители.»

Чѣмъ болѣе вглядывался я въ пустынную окрестность Городища, тѣмъ болѣе представлялось мнѣ одинокихъ церквей на уединенныхъ холмахъ, которые островами подымались изъ разлившихся водъ.— По ихъ мѣстоположенію можно было предполагать, что каждая изъ сихъ церквей принадлежала въ древности къ какой либо обители или пригородной слободѣ, и не напрасно населеніе Новгорода, широко раскинутое по низменнымъ берегамъ Волхова, называлось концами.

«Вижу, сказалъ я, далѣе Кириллова на томъ же лугу, который прилегаетъ къ Новгородскому валу, еще двѣ отдѣльныя церкви, одну въ старомъ вкусѣ, другую въ новѣйшемъ; что это за церкви?»

«Здѣсь мѣсто древнихъ скудельницъ, гдѣ погребались странные и убогіе въ бѣдственныя годины Новгорода, въ голодъ или моръ, отвѣчалъ отецъ Платонъ. Та, что по старше, Рождественская XIV вѣка принадлежала обители Рождества Христова; но послѣ опустошенія Шведскаго, которое оставило губительные слѣды во всемъ Новгородѣ, она обращена въ

церковь кладбищенскую. Другая же во имя святителя Николая построена въ половинѣ минувшаго столѣтія Князьями Долгорукими на мѣстѣ казни ихъ знаменитыхъ родственниковъ, любимцевъ юнаго Петра II, которые, низвергнувъ Меншикова, сами вскорѣ были сосланы въ тоже заточеніе. Но тѣмъ не кончилась бѣдственная участь; ихъ опять извлекли изъ дальней Сибири по новымъ навѣтамъ и предали мучительной казни на такъ называемомъ Красномъ полѣ Новгородскомъ. Въ сей надгробной церкви покоятся тѣла Князей Василія и Ивана и двухъ его сыновей, Ивана и Сергія, раздѣлившихъ горькую участь съ своимъ родителемъ; многіе богатые вклады Долгорукихъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ усердіи рода ихъ къ сему печальному памятнику ихъ семейныхъ бѣдствій; но теперь церковь Святителя Николая почти забыта ими.»

Съ того мѣста, гдѣ сподвижникъ великаго Петра и самовластный распорядитель царства по его смерти ступилъ первый шагъ въ свое дальнее изгнаніе вмѣстѣ съ дочерью, Царскою невѣстою, облеченною въ рубище въ замѣнъ порфиры,—страшно и назидательно было смотрѣть на пустынную кладбищенскую церковь, сооруженную надъ прахомъ ихъ гонителей, даже на самомъ мѣстѣ ихъ казни; страшно было и слѣдовать за ними мысленно въ ту глухую Сибирскую дебрь, гдѣ обѣ невѣсты тогоже царственнаго жениха, княжна Меншикова и княжна Долгорукая, встрѣтили другъ друга, обѣ невинно пострадавшія за честолюбіе отцевъ и братьевъ!—Какое судное слово для искателей земнаго величія написано на останкахъ древняго великаго Новгорода!—

«Вотъ и еще одинокая церковь недалеко отъ

вала, бывшая прежде монастыремъ Воскресенскимъ, продолжалъ мой почтенный собесѣдникъ. Построеніе ея новое, но обитель существовала еще въ XIV вѣкѣ. Въ ней есть чудотворная икона Божіей Матери, Которая по преданію явилась на бурномъ морѣ двумъ братьямъ Новгородскимъ и велѣла выручить Себя отъ иновѣрнаго священника, ибо онъ съ поруганіемъ употреблялъ священный ликъ Ея вмѣсто дверей своей свѣтлицы.—Спасенные отъ бури исполнили данную заповѣдь.»

«Сколько же, наконецъ спросилъ я, было монастырей въ великомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ во дни его славы, когда и теперь, кромѣ совершенно истребленныхъ обителей и доселѣ существующихъ, почти на каждомъ шагу встрѣчается какая либо одинокая церковь, бывшая монастыремъ?»

«Ихъ считалось болѣе пятидесяти, отвѣчалъ мнѣ отецъ Платонъ, и можно себѣ вообразить, каково было тогда благолѣпіе священнослуженія въ сей древней столицѣ Славянской, когда со всѣхъ концевъ ея стекались крестными ходами сонмы иночествующихъ въ сердце Новагорода, къ св. Софіи, во дни церковныхъ празднествъ!—Зрѣлище поистинѣ достойное православной Руси?»

—«Назовите мнѣ еще одну церковь, которая чуть видна на высокомъ холмѣ, далѣе другихъ, и почти на самомъ горизонтѣ?»

«И это былъ также монастырь, сказалъ онъ; но здѣсь два воспоминанія слиты вмѣстѣ, христіанское съ языческимъ.—Это Волотово, или богатырское поле, гдѣ погребались витязи Новгородскіе; это холмъ Князя Славянскаго Гостомысла, насыпанный по преданію пригоршнями цѣлаго народа Новгородскаго.

Церковь на немъ во имя Успенія Богоматери сооружена святителемъ Моисеемъ и сохранила еще остатки древности, но монастырь вокругъ нея упраздненъ вскорѣ послѣ разоренія Шведскаго. Стоя здѣсь на Городищѣ пришельца, призваннаго Гостомысломъ, чтобы княжить надъ его народомъ, можно подивиться мудрости, съ какою Рюрикъ избралъ мѣсто сіе для своего городка между двухъ самыхъ священныхъ воспоминаній Славянскихъ. Съ одной стороны взоръ его простирался чрезъ Волховъ на холмъ Перуна, куда стекались на жертвоприношенія не одни Новгородскіе туземцы, но и всѣ окрестные Славяне; съ другой стороны возставалъ могильный курганъ послѣдняго любимаго вождя ихъ, который послалъ сказать Рюрику: «Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите управлять нами.»— Такими двумя великими залогами еще болѣе, нежели стѣнами, огражденъ былъ чуждый властитель отъ неспокойнаго племени, призвавшаго его на княженіе.

Солнце закатилось, покамѣстъ мы осматривали съ холма Рюрикова лѣтописную окрестность великаго Новгорода. Мнѣ хотѣлось воспользоваться послѣдними минутами свѣта, чтобы посѣтить близкій монастырь Сковородскій за Волховцемъ и поклониться тамъ нетлѣннымъ мощамъ Святителя Моисея. Поднявшись немного по Сиверсову каналу, мы прошли чрезъ гребень земли, его отдѣлявшей отъ другаго малаго залива, и въ рыбачьей лодкѣ съ трудомъ достигли отлогой высоты, на которой стоитъ монастырь, потому что необычайное разлитіе Волхова затопило низменную его окрестность. Мертвая тишина царствовала внутри ограды; братія разошлась по келліямъ ради поздняго часа; послушникъ открылъ

намъ соборную церковь Архангела Михаила, довольно обширную, съ двумя боковыми придѣлами во имя Рождества Христова и угодника Божія Моисея, который былъ основателемъ собора и обители. Самъ онъ открыто въ ней почиваетъ подъ сѣнію Архангеловъ, и первое, что поразило взоры во мракѣ храма, это его возвышенная рака, озаренная слабымъ мерцаніемъ лампады.

Съ благоговѣніемъ приложился я къ нетлѣннымъ останкамъ сего блаженнаго отшельника и Святителя, который удостоился принять благословеніе на свою каѳедру отъ двухъ величайшихъ нашихъ Святителей и чудотворцевъ, Петра и Алексія, ибо дважды на разстояніи 18 лѣтъ избирало его себѣ Владыкою вѣче Новгородское, и дважды оставлялъ онъ престолъ Софійскій ради любимаго имъ безмолвія. Постриженный въ Твери въ Отрочѣ монастырѣ, св. Моисей уединился сперва на берегахъ Ильменя на мѣстѣ, называемомъ Коломцы, гдѣ была обитель, теперь уже не существующая. Колмовъ, также упраздненный, ниже по Волхову, былъ въ свою чреду свидѣтелемъ его подвиговъ, и оттолѣ по смерти Архіепископа Давида голосъ народный избралъ его на каѳедру святительскую; но чрезъ пять лѣтъ смиренный Моисей умолилъ народъ отпустить его въ желанное уединеніе и, принявъ на себя схиму, основалъ онъ напротивъ Колмова, по другую сторону Волхова, обитель Деревяницкую. Схима не спасла его однако отъ изъявленія любви народной, ибо 18 лѣтъ спустя, когда скончался знаменитый Владыка Василій отъ мороваго повѣтрія, опустошившаго весь Новгородъ, его бѣдствующіе граждане искали себѣ спасенія только въ предстательствѣ угодника Божія Моисея и при-

нудили его взять опять въ старческія руки кормило церковное. Благословенія Патріарха Цареградскаго Филоѳея и Митрополита Московскаго Алексія укрѣпили его на новые подвиги, и еще 12 лѣтъ бодро пасъ онъ ввѣренное ему стадо, утверждая благочестіе, потрясенное ересью Стригольниковъ, распространяя вѣру Христову въ дальнихъ предѣлахъ Новгородскихъ и въ самомъ городѣ сооружая благолѣпные храмы и обители.

Волотова надъ гробомъ Гостомысла, Колмова и Деревяницкая на Волховѣ, Свято-Духова у воротъ Новгородскихъ, Коломицкая, гдѣ началъ свой подвигъ иночества, и Сковородская, гдѣ его довершилъ, были памятниками его Христіанской ревности, и изъ числа ихъ три сохранились до нашихъ временъ. Соборъ Знаменія Богоматери, прославленный чудомъ отъ Ея иконы во дни Суздальской осады, и еще пять другихъ церквей близъ двора Ярославова на Торговой и на Софійской сторонѣ сдѣлали незабвенною память его великому Новгороду, а въ Москвѣ еще хранятся яшмовые его сосуды, принесенные въ даръ святителю Петру Митрополиту. Удрученный старостію, св. Моисей умолилъ опять народъ отпустить его на краткій отдыхъ до вѣчнаго упокоенія въ созданную имъ обитель Сковородскую близъ мѣста первыхъ его подвиговъ, и тамъ еще три года былъ онъ зерцаломъ благочестія для собранной имъ братіи и для всей паствы. Но и послѣ блаженной кончины, многими чудесами и исцѣленіями явилъ онъ свои пастырскія о нихъ заботы, спасая отъ бурь и хищниковъ на морской пучинѣ благочестивыхъ гражданъ великаго Новгорода, а самую обитель отъ нападенія разбойниковъ; они едва не погибли въ трясн-

нахъ, ее окружающихъ, и въ ужасѣ покаялись представшему имъ угоднику Божію. Даже первый изъ Владыкъ Новгорода, Сергій, присланный Іоанномъ послѣ его покоренія не по избранію народному и не изъ клира Софійскаго, испыталъ на себѣ тяжкую болѣзнь за то, что не воздалъ подобающей чести памяти великаго Святителя, прежде него возсѣдавшаго на Софійской каѳедрѣ, и принужденъ былъ ее оставить.

Довольно поздно, уже въ царствованіе Государей Іоанна и Петра, при благочестивомъ Митрополитѣ Новгорода Корниліѣ, который удостоился погребать и Никона Патріарха, обрѣтены были чуднымъ образомъ нетлѣнныя мощи Святителя Моисея. Однажды настоятель, взошедши съ братіею въ храмъ для утренняго бдѣнія, увидѣлъ всю церковь, освѣщенную невидимой рукою, и посреди нея мощи угодника, открыто лежащія и проливающія вокругъ чрезвычайное благоніе. Обрадованный дивнымъ событіемъ, онъ поспѣшилъ возвѣстить о томъ Владыкѣ, и самъ Корнилій съ благоговѣніемъ поставилъ святые останки своего блаженнаго сопрестольника на то возвышенное мѣсто, гдѣ почиваютъ донынѣ, подъ аркою съ правой стороны иконостаса.

Совершенно смерклось, когда мы оставили монастырь и тѣмъ же путемъ достигли опять канала. Быстро понеслась ладья наша въ широкій Волховъ; молодой мѣсяцъ выглянулъ изъ облаковъ и полусвѣтомъ озарилъ воды и берега. Вдали, какъ призракъ, бѣлѣлъ многоглавый Юрьевъ; у истоковъ Волхова засверкали огни; мимо насъ скользили лодки рыбаковъ и слышались ихъ заунывныя пѣсни. Тихъ и величественъ былъ этотъ Новгородскій вечеръ на родныхъ его Славянскихъ водахъ; моремъ казался

Волховъ, все объемлющій, все проникающій своими глубокими заливами и безчисленными рукавами, какъ сторукій исполинъ, содержащій всю громаду великаго Новгорода съ его отдѣльными святилищами, которыя раскинулись далеко отъ св. Софіи.

«Какіе огни мелькаютъ отъ Ильменя? спросилъ я отца Платона, будто маяки, зазженные на озерѣ для обозначенія его опаснаго устья.»

«Это огни на судахъ, стоящихъ у входа въ озеро, отвѣчалъ онъ. Иногда цѣлый огненный флотъ тянется ночью мимо Юрьева, оставляя по себѣ багровую полосу на водахъ, и мы приходимъ на берегъ любоваться живописнымъ зрѣлищемъ. Любопытно прислушаться и къ пѣснямъ, или лучше сказать, молитвеннымъ воззваніямъ пловцевъ, когда, вырвавшись изъ бурнаго озера, входятъ они въ безопасный Волховъ. Въ нихъ отзывается бытъ стараго Новгорода и память его святилищъ, уже отчасти не существующихъ. Первое, что представлялось выходящимъ изъ Ильменя, былъ монастырь Троицкій на Коломцѣ противъ Перыня. Теперь нѣтъ и слѣдовъ его, равно какъ и Шилова, стоявшаго въ виду Юрьева; но еще сохранилась между рыбаками и погонщиками тяжелыхъ барокъ, которыя идутъ съ лѣсомъ изъ Старой Руссы, эта народная пѣснь, гдѣ съ именами Святыхъ странно перемѣшаны и названія урочищъ.

«Троица Коломица,
Перынь Богородица,
Шило святое
Юрь монастырь
Помогай намъ!»

1844 г.

IV.

ОБИТЕЛЬ МИХАИЛА КЛОПСКАГО.

Еще однажды посѣтилъ я Новгородъ и опять подъ сѣнію Юрьевской обители. Это было весною, когда полная вода выступила изъ береговъ Волхова и залила всѣ окрестности; казалось, озеро Ильмень приступило къ великому Новгороду, и его окрестныя обители, разсѣянныя по холмамъ, стояли каждая на своемъ отдѣльномъ острову, какъ будто бы сѣверная Венеція внезапно возникла изъ Славянскихъ водъ; не было другаго сообщенія, кромѣ какъ водою, съ дальнею обителію св. Михаила Клопскаго, отстоящаго за 15 верстъ отъ Юрьева, которую давно желалъ я посѣтить по собственному уваженію къ почившему въ ней угоднику Божію, и я воспользовался полноводіемъ, чтобы отплыть туда на осмивесельномъ катерѣ.—Но плаваніе сіе, по видимому легкое, оказалось весьма труднымъ. Изъ Волхова надобно было въѣхать въ русло малой рѣчки Прости, пересыхающей лѣтомъ, и отыскивать догадкою ея теченіе по большимъ полянамъ, залитымъ водою, гдѣ часто останавливался на мели катеръ. Мы ѣхали мимо Ракомы, бывшаго села Ярослава великаго, гдѣ нѣкогда, въ порывѣ юношескаго гнѣва, избилъ онъ старшинъ Новгородскихъ и гдѣ, нѣсколько дней спустя, граждане великаго города, услышавъ что Великій Князь Святополкъ умертвилъ своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба, и что Ярославъ хочетъ бѣжать къ Варягамъ, пришли великодушно предложить ему свою помощь. Совершенно новая церковь св. Ѳеодора Стратилата стоитъ на старомъ урочищѣ Ярослава, и не

осталось никакихъ слѣдовъ жилья Княжескаго. Только тамъ, гдѣ рѣчка Прость впадаетъ въ Веряжь, разширился протокъ, и катеръ быстро поплылъ къ озеру и обители, увлекаемый стремленіемъ воды. Она представилась издали, окруженная также водою со всѣхъ сторонъ, и величественъ былъ ея трехглавый соборъ съ колокольнею посреди широкой равнины водъ.

Если смотрѣть только на церковныя зданія обители, то онѣ мало заключаютъ въ себѣ примѣчательнаго, хотя довольно благолѣпны и восходятъ до временъ Царя Іоанна Васильевича. Имъ основанъ холодный соборъ Троицкій изъ уваженія къ памяти преподобнаго Михаила, тамъ почіющаго подъ спудомъ, съ придѣломъ во имя его въ южной части алтаря. Но другая придѣльная церковь Покрова Богоматери и теплый соборъ во имя чудотворца Николая сооружены послѣ разоренія Шведскаго уже по волѣ Царя Михаила Ѳедоровича, и обитель обязана нынѣшнимъ своимъ благолѣпіемъ усердію трехъ игуменовъ Товіи, Паисія и особенно Герасима, которые другъ за другомъ управляли ею въ нынѣшнемъ столѣтіи. Однако первое и лучшее ея сокровище есть мощи Преподобнаго; онъ прославилъ собою монастырь, неизвѣстный до него въ предѣлахъ Россійскихъ, и доселѣ привлекаетъ къ нему усердствующихъ богомольцевъ.

Весьма замѣчательна не только для Церкви, но и для исторіи, жизнь сего отшельника, о которой мало кто знаетъ, хотя она тѣсно связана съ событіями лучшей эпохи Новгорода и касается княженія Московскаго. На мѣстѣ, называемомъ Клопово, уже существовала убогая обитель во имя св. Троицы и тамъ игуменствовалъ Ѳеодосій, впослѣдствіи из-

бранный на каѳедру Софійскую. Однажды (это было 23 Іюня 1408 года) священноинокъ Макарій, имѣвшій келлію свою при деревянной тогда церкви св. Троицы, совершая по очереди утреннее служеніе, хотѣлъ покадить и келлію, и нашелъ ее отверстою. Еще болѣе изумился Макарій, когда увидѣлъ въ ней мужа, облеченнаго въ одежды иноческія, пишущаго Дѣянія св. Апостолъ при свѣтѣ горящей предъ нимъ свѣчи. Съ ужасомъ возвратился онъ въ церковь и сказалъ о томъ игумену; игуменъ же съ братіею по окончаніи утрени, взявъ съ собою крестъ и кадило, пошли въ келлію, но уже нашли ее крѣпко затворенною изнутри: никто не отозвался на ихъ голосъ и стукъ, такъ что игуменъ принужденъ былъ выломать двери, и, къ общему изумленію, опять обрѣли въ ней того же старца, неподвижно сидящаго и продолжающаго свое писаніе. Игуменъ сталъ вопрошать его: «повѣдай мнѣ, кто ты человѣкъ или духъ?» и услышалъ въ отвѣтъ тѣже самыя слова, какъ бы собственное эхо. Онъ сталъ творить молитву, тоже и старецъ; игуменъ оградилъ себя крестомъ и покадилъ ѳиміамомъ; и старецъ, уклоняясь отъ кадила, ограждалъ себя крестомъ. Когда же настало время литургіи, онъ явился въ церковь, присоединилъ гогосъ свой къ голосу братіи и началъ вслухъ читать Апостолъ стройно и пріятно. Игуменъ велѣлъ ему во время трапезы читать житія Святыхъ, и никто изъ братій не могъ вкушать пищи, до такой степени сладостно было его чтеніе. Послѣ трапезы игуменъ ввелъ новаго брата въ отдѣльную келлію, и съ того дня безвыходно началъ онъ жить въ обители, проводя день и ночь въ постѣ и молитвѣ, вкушая пищу только однажды въ недѣлю, не имѣя у себя ни еди-

ной вещи, ибо являлъ совершенную нестяжательность и изнурялъ тѣло свое чрезвычайными трудами. Со дня на день возрастало къ нему уваженіе братіи и всѣ почитали его за великаго мужа, хотя онъ, ради бо̀льшаго смиренія, представлялъ изъ себя юродиваго; никому однако не было извѣстно, кто онъ и отколѣ пришелъ въ обитель, ни даже какое его имя?

Въ первый разъ, когда сей невѣдомый міру инокъ, подъ видомъ юродиваго, посѣтилъ великій Новгородъ, онъ уже проявилъ таящуюся въ немъ благодать Божію; толпа дѣтей на улицахъ стала ругаться надъ его юродствомъ, бросая въ него камни и всякую нечистоту; но блаженный, не радя о нихъ, увидѣлъ отрока, тихо стоящаго около дома церковнаго: онъ взялъ его за власы, поднялъ выше себя и возгласилъ: «о Іоаннъ! учись книгамъ прилѣжно, ты имѣешь быть Архіепископомъ великому Новгороду.» И дѣйствительно отрокъ сей, отданный матерью ради сиротства своего въ наученіе нѣкому діакону, былъ впослѣдствіи знаменитымъ Святителемъ Іоною, котораго нетлѣнныя мощи донынѣ почиваютъ въ обители Отенской, имъ основанной за 40 верстъ отъ Новгорода. Подобало однако прославиться и тому, кто, возвѣщая славу другихъ, таилъ собственную. Однажды удѣльный Князь Константинъ Дмитріевичъ, сынъ витязя Донскаго и братъ державствовавшаго тогда Василія, будучи намѣстникомъ Новгорода, пришелъ посѣтить обитель Троицкую, настоятель коей Ѳеодосій былъ его отцемъ духовнымъ; послѣ Божественной литургіи во время трапезы, которою угощалъ благочестивый Князь всю братію, игуменъ велѣлъ старцу читать житіе многострадальнаго Іова. — Тронутый сладостію голоса,

Князь подошелъ къ читавшему и внезапно съ глубокимъ уваженіемъ ему поклонился, воскликнувъ: «Это Михаилъ, сынъ Симеоновъ!» Но праведный отвѣчалъ ему: «одинъ Богъ, создавшій меня, вѣдаетъ, кто я.»—Игуменъ сталъ увѣщевать его, для чего не хочетъ открыть своего имени, и старецъ сказалъ ему: «да будетъ тебѣ извѣстно, что меня зовутъ Михаиломъ.» Но Князь Константинъ, не довольствуясь столь смиреннымъ отзывомъ, въ свою чреду сказалъ игумену: «да будетъ тебѣ извѣстно, что старецъ сей ближайшими узами родства соединенъ съ нами,» и всѣ съ благоговѣніемъ воззрѣли на мнимо юродиваго.

Кто же былъ сей Михаилъ, сынъ Симеоновъ? отнюдь не меньше, какъ самъ законный наслѣдникъ державы Россійской по праву старѣйшинства, если бы только онъ искалъ царства земнаго вмѣсто небеснаго; ибо Димитрій Донской, отецъ обличившаго его Князя Константина, происходилъ отъ Великаго Князя Іоанна Калиты только чрезъ младшаго его сына Іоанна, а Михаилъ былъ сыномъ старшаго, Великаго Князя Симеона Гордаго, и такъ какъ новое право престолонаслѣдія, сына по отцѣ, началось только со временъ Димитрія Донскаго, то Михаилъ, какъ старшій въ родѣ, долженствовалъ бы наслѣдовать престолъ по кончинѣ дяди своего, Великаго Князя Іоанна II. Но не такъ размышлялъ о томъ блаженный труженикъ. По смерти державнаго отца своего и двухъ старшихъ братьевъ, которые скончались отъ мороваго повѣтрія, опустошившаго всю Россію, отрокъ Михаилъ съ матерію своею Маріею возрасталъ въ мирѣ подъ сѣнію кроткаго дяди Іоанна; а когда и сей отошелъ въ вѣчность, не хотѣлъ онъ вступиться въ мятежное наслѣдіе державы Россійской, сокрушаемой тогда Та-

тарами; равнодушно видѣлъ Михаилъ, какъ овладѣлъ имъ сперва Князь Суздальскій Константинъ Дмитріевичъ, а потомъ пріобрѣлъ оное еще въ малолѣтствѣ Димитрій, будущій витязь Донской. О другомъ, болѣе свѣтломъ и прочномъ престолѣ радѣлъ юноша, и когда, послѣ славнаго Мамаева побоища, иной разоритель, Ханъ Тохтамышъ, пришелъ опустошить Москву, и все семейство великокняжеское бѣжало въ Кострому, Михаилъ сталъ размышлять въ себѣ, что уже преходитъ образъ міра сего и сокрушаются престолы Князей, возводимыхъ и низводимыхъ рукою Господней; ревностно возжелалъ онъ не мимоходящаго царства, но исполненнаго вѣчныхъ благъ, и навсегда покинулъ всякую заботу о временномъ княженіи и даже о домѣ родительскомъ. Внезапно скрылся юный Князь и никто не могъ провѣдать мѣста его уединенія. Нѣжная мать, долго оплакивая его, какъ мертвеца, сама постриглась въ одной изъ обителей и тамъ окончила благочестиво дни свои; о Михаилѣ же ничего не было извѣстно, доколѣ не явился уже въ Ангельскомъ образѣ въ монастырѣ Клопскомъ, доколѣ не обличилъ его тамъ племянникъ, Князь Константинъ.

Съ того времени Господь ознаменовалъ угодника своего многими чудесами во свидѣтельство той небесной державы, которая уже ему была предназначена и въ земномъ его жительствѣ. Однажды, когда убійственная засуха тяготѣла надъ предѣлами Новгородскими и изсякали всѣ источники, пономарь обители, вышедши искать гдѣ либо воды вдоль берега высохшей рѣки Веряжи, увидѣлъ Михаила, пишущаго на пескѣ слова писанія: «чашу спасенія пріиму и имя Господне призову;» когда же извѣщенный о

томъ игуменъ спросилъ отшельника о таинственномъ значеніи словъ сихъ, Михаилъ обѣщалъ ему на этомъ мѣстѣ источникъ воды, не изсякающей, что и совершилось по его молитвѣ. Въ другой разъ во время голода игуменъ усомнился раздавать оскудѣвающій хлѣбъ приходившимъ въ обитель, но Михаилъ успокоилъ его примѣромъ Евангельскимъ о пяти хлѣбахъ, насытившихъ пять тысячъ народа, и показалъ ему, что житницы монастырскія не истощаются отъ взимаемаго изъ нихъ хлѣба. Еще однажды, когда разбойники во время божественной литургіи собрались ограбить обитель, Михаилъ, какъ бы юродствуя, сказалъ игумену, чтобы онъ пригласилъ всю ихъ дружину на трапезу монастырскую, и смѣло объявилъ въ лице тридцати вооруженнымъ, что не исполнится совѣтъ ихъ. Они же, смятенные его словами и внезапною болѣзнію двухъ вождей своихъ, не только не ограбили обители, но даже принесли ей богатые дары; одинъ изъ заболѣвшихъ разбойниковъ просилъ себѣ постриженія и, исцѣлившись, пребылъ инокомъ.

Вторично посѣтилъ Князь Константинъ великій Новгородъ и обитель Троицкую, уже не въ качествѣ намѣстника Великокняжескаго, потому что былъ въ ссорѣ съ братомъ своимъ за права престолонаслѣдія и даже лишенъ удѣла. Блаженный Михаилъ, отрекшійся болѣе чѣмъ отъ удѣла, отъ цѣлаго царства, утѣшилъ кроткими словами своего сродника; онъ внушилъ ему благую мысль создать каменный храмъ въ обители во имя Пресвятыя Троицы и обѣщалъ возвращеніе ему удѣла, что и исполнилось немедленно по освященіи церкви, ибо Великій Князь опять съ нимъ примирился. Предсказалъ онъ и своему игумену Ѳеодосію о его кратковременномъ превознесеніи

на святительской каѳедрѣ безъ посвященія однако въ санъ архіерейскій, и это совершилось по смерти престарѣлаго Архіепископа Симеона. Вѣче народное избрало Ѳеодосія, возвело на сѣни палатъ архіерейскихъ, и уже два года, какъ самостоятельный Владыка, управлялъ онъ дѣлами церковными, не имѣя случая идти за посвященіемъ въ Москву по смутамъ политическимъ, и вотъ опять безпокойное вѣче, возбужденное противъ Ѳеодосія посадниками, изгнало его съ престола въ прежнюю обитель; но бывшій Владыка утѣшился тамъ лицезрѣніемъ блаженнаго.

Судьбою царственнаго отшельника было и въ самомъ добровольномъ смиреніи своемъ обличать и утѣшать Князей и Владыкъ, и какъ бы располагать заблаговременно ихъ избраніе своими таинственными предсказаніями. Такъ указалъ онъ каѳедру Софійскую Ѳеодосію и Іонѣ, еще отроку; такъ обличилъ и перваго Евѳимія, корыстнаго нравомъ, отягощавшаго обитель лихоимствомъ. «Повелѣваютъ ли священныя писанія пастырю расхищать стадо?» грозно сказалъ ему преподобный; «знаешь ли самъ, для кого ты собираешь?» при сихъ словахъ разболѣлся внезапно Архіепископъ и вскорѣ скончался. Второй Евѳимій, ему наслѣдовавшій на каѳедрѣ, но не нравомъ, ибо прославился святостію своей жизни и нетлѣнно почиваетъ въ созданной имъ обители Вяжицкой за 12 верстъ отъ Новгорода, былъ искреннимъ другомъ святаго. Неустройство гражданское смущало тогда великій Новгородъ; онъ былъ въ разрывѣ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, и нѣкоторые изъ гражданъ хотѣли подчиниться Королю Польскому; посему Владыка Евѳимій, уже три года избранный, не могъ еще быть рукоположенъ въ санъ святительскій. Въ

смущеніи духа посѣтилъ онъ обитель Троицкую и просилъ блаженнаго Михаила помолиться о немъ Богу, дабы могъ воспріять законное святительство отъ Митрополита Московскаго. Но Михаилъ, представляя изъ себя юродиваго, исторгъ платокъ изъ рукъ Евѳимія, покрылъ имъ себѣ голову и воскликнулъ: «Смоленска достигнешь и тамъ архіерейство пріимешь.» Сбылись слова блаженнаго, ибо спустя нѣсколько времени Евѳимій отправился въ Смоленскъ и принялъ тамъ рукоположеніе отъ Митрополита Кіевскаго Герасима. Когда же возвратился въ обитель благодарить старца, Михаилъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву, утолить гнѣвъ Великаго Князя Василія Темнаго противъ Новгорода и испросить себѣ благословеніе у Митрополита Фотія.

Блаженному Михаилу, уступившему свое земное наслѣдіе племяннику и внуку, прилично было давать отеческія наставленія невольно утратившему престолъ свой, ибо всѣ Князья Русскіе приходили къ нему, какъ къ старшему изъ ихъ племени.—Князь Димитрій Шемяка, ослѣпившій двоюроднаго брата своего Василія Темнаго и только на краткое время наслѣдовавшій великое княженіе послѣ отца своего Юрія, пришелъ искать себѣ убѣжища въ Новгородѣ, который любилъ величаться покровительствомъ изгнанныхъ Князей. Онъ посѣтилъ смиреннаго Михаила въ его обители и просилъ умолить о немъ Бога, дабы возвращено ему было царство. Но старецъ отвѣчалъ: «Княже, всякая власть даруется отъ Бога; ты же возбудилъ на Руси великія междоусобія на радость врагамъ ея. Если опять на сіе дерзнешь, вѣдай, что не только желаемаго не получишь, ни даже отеческаго наслѣдія, но со срамомъ возвратишься

сюда, и здѣсь тебя пріиметъ трилокотный гробъ.»— Не послушался святаго неспокойный Шемяка, опять воздвигнулъ брань и, снова побѣжденный, вторично прибѣжалъ въ обитель просить благословенія и прощенія у святаго. «Я слышалъ, о Князь, сказалъ ему Михаилъ, землю, трикраты вопіющую и тебя воспріять хотящую.» Не умилился и сею горькою рѣчью Шемяка, какъ бываетъ всегда обычай у честолюбцевъ не отступать отъ своихъ замысловъ до конечной гибели. Снявъ съ себя свою княжескую одежду, онъ облекъ ею труженика, какъ бы нуждавшагося въ великолѣпныхъ ризахъ, и, взявъ его за главу, сталъ цѣловать съ любовію, умоляя предстательствовать о немъ, дабы хотя возвратилась ему отчина его, удѣлъ Галицкій. Но святой опять повторилъ ему прежнее горькое пророчество, что, не достигнувъ удѣла, со стыдомъ возвратится въ Новгородъ; и во второй разъ сбылось предсказаніе, ибо Шемяка, разбитый войсками великокняжескими, бѣжалъ въ Новгородъ и тамъ отравленъ былъ собственными боярами. Прахъ его погребенъ въ холодномъ соборѣ Юрьевской обители, которой благодѣтельствовалъ онъ при жизни.

Свѣтлый взоръ Михаила, далеко проникая въ будущее, съ горестію предвидѣлъ и будущее паденіе Новагорода, который представлялся мірскому глазу еще во всемъ блескѣ своего величія. Однажды сошелся онъ со святымъ Архіепископомъ Евѳиміемъ въ основанной имъ обители Святителя Николая на Вяжицахъ и сказалъ ему: «сегодня радость великая въ царствующемъ градѣ Москвѣ» (это было 22 января 1440 года). «Какая же вина сей радости?» спросилъ Архіепископъ, и прозорливый отвѣтствовалъ:

«сегодня родился Великому Князю Василію сынъ и нарекли имя ему Тимоѳей.—Іоанномъ же еще наречется.—Онъ будетъ наслѣдникъ царству и всѣмъ странамъ явится страшенъ, пріиметъ и сей великій Новгородъ, и всѣ наши обычаи измѣнитъ, и васъ переведетъ въ свою землю;» и чрезъ сорокъ лѣтъ исполнилось его пророчество. Великій нашъ историографъ почерпнулъ также сказаніе о семъ изъ лѣтописи, внесенной въ Степенную книгу; но, называя инока Мисаиломъ, онъ не имѣлъ случая прочесть житіе его и не зналъ о его высокомъ родѣ и достоинствѣ, не только духовномъ, но и историческомъ, а потому сомнѣвался въ истинѣ сказанія. Но сколько такихъ примѣровъ дара пророческаго открывается въ лѣтописяхъ Христіанства по слову Господа нашего Іисуса Христа: «вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ, да вы чудитеся.» Нѣсколько лѣтъ спустя, блаженный старецъ повторилъ тоже пророчество Новгородскому вельможѣ Іоанну, прозваніемъ Немиру, пришедшему посѣтить обитель. Бояринъ сообщилъ ему свою заботу, что Великій Князь Василій хочетъ идти воевать Новгородъ за то, что граждане приняли себѣ въ намѣстники одного изъ Литовскихъ Князей. Но блаженный, устремляя взоръ свой гораздо далѣе предстоявшей опасности и видя уже конечное паденіе Новгорода, какъ бы наступившее, сказалъ ему: «почто яко безумные мятутся Новгородцы? Если же не утолите гнѣва Великаго Князя Іоанна (бывшаго уже соправителемъ), то многія бѣды пріимите, ибо за непокорность вашу онъ придетъ сюда съ воинствомъ и станетъ на берегахъ, поплѣнитъ страну вашу и многихъ изъ вельможъ вашихъ посѣченію предастъ,

другихъ же отведетъ въ плѣнъ; а тотъ Князь, на котораго имѣете надежду, ни себѣ, ни вамъ помочь не можетъ, и самъ, побѣжденный, вдастся бѣгству.—Потомъ вторично придетъ Великій Князь, возьметъ городъ вашъ и всю свою волю надъ нимъ сотворитъ. Вы ли воспротивиться можете тому, что суждено ему было еще при рожденіи?»—Такъ въ теченіи 44 лѣтъ лично направляя Владыкъ и Князей Новгородскихъ, блаженный Михаилъ связалъ память свою и съ грядущими событіями великаго града.

Приблизилось время блаженной кончины царственнаго отшельника; предвидѣвшій судьбу людей и народовъ, предчувствовалъ и свое близкое отшествіе къ Богу. Братія стали замѣчать, что онъ началъ становиться во время богослуженія внѣ храма съ правой стороны, и когда игуменъ спросилъ его, зачѣмъ не входитъ въ церковь? святой отвѣчалъ ему словами псалма: «се покой мой во вѣкъ вѣка, яко здѣ вселитися имамъ.» Въ началѣ декабря 1451 года заболѣлъ онъ тяжкимъ недугомъ, который продлился до 10 января. Тогда призвалъ онъ всю братію и сталъ просить у всѣхъ себѣ прощенія; плакали иноки и сами просили себѣ благословенія его и молитвъ; онъ же, утѣшая ихъ, обѣщалъ и по смерти не оставлять обители. Видя крайнее изнеможеніе старца, игуменъ хотѣлъ немедленно пріобщить его святыхъ таинъ; но преподобный отложилъ до другаго дня причащеніе свое и, къ общему изумленію, на слѣдующее утро самъ взошелъ въ церковь пріобщиться. Послѣ божественной литургіи, какъ второй пророкъ Исаія, пріявшій уголь отъ Серафима, Михаилъ, обоженный пріятіемъ тѣла и крови Господней, самъ положилъ углія

и ѳиміамъ въ кадило и съ ними возвратился въ свою келлію. Утѣшенный его внезапною крѣпостію, игуменъ послалъ ему въ келлію пищу съ трапезы, но братія обрѣли его отшедшимъ къ Господу, простертымъ на одрѣ съ руками, сложенными на груди крестообразно, и всю его храмину исполненную благоуханія. Плачемъ огласилась вся обитель; по зову игумена Ѳеодосія поспѣшилъ въ нее св. Архіепископъ Евѳимій со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со множествомъ народа, чтобы проститься съ преподобнымъ и воздать ему должное погребеніе. Но невозможно было прокопать для его могилы землю, отвердѣвшую крѣпче камня отъ жестокаго мороза. Тогда игуменъ вспомнилъ мѣсто, гдѣ любилъ стоять въ послѣднее время Преподобный; Архіепископъ велѣлъ копать тамъ могилу, и что же?—земля на этомъ мѣстѣ была мягка, какъ лѣтомъ. Исполненный священнаго ужаса, духовный соборъ со слезами умиленія похоронилъ тутъ блаженнаго Михаила, столь явно указавшаго избранное имъ мѣсто упокоенія; и непрестанныя исцѣленія стали истекать отъ гроба всѣмъ, приходившимъ къ нему съ вѣрою; даже издали призывавшіе имя его въ скорбяхъ своихъ или на пучинахъ водныхъ получали видимо его помощь. Такъ явился онъ на морѣ купцу, плывшему изъ Западныхъ странъ, и спасъ его отъ бури, и Князю Бѣлозерскому Василію, обуреваемому на озерѣ Ильмени, который призвалъ святаго, подалъ онъ руку помощи, и Князь по утихшимъ водамъ достигъ его обители. Самая обитель сія, внезапно объятая огнемъ, спасена была отъ конечной гибели только предстательствомъ Преподобнаго. Таковъ былъ сей великій угодникъ Божій,

измѣнившій вѣнецъ земнаго царства на неувядаемый вѣнецъ небеснаго.

Воздавъ молитвенное поклоненіе смиренному Михаилу и осмотрѣвъ его убогую нынѣ обитель, я взошелъ на колокольню, чтобы оттолѣ окинуть взоромъ всю окрестность; широкій Ильмень открылся мнѣ вдали за устьемъ рѣки Веряжи и множество селъ, разсѣянныхъ вдоль протока и по берегамъ озера; изъ нихъ нѣкоторыя именами своими доселѣ свидѣтельствуютъ о древнихъ урочищахъ или о прежнихъ владѣльцахъ, какъ напримѣръ, Спасъ-Пископовъ, т. е. Епископскій, достояніе бывшихъ Владыкъ великаго Новгорода. На разстояніи семи верстъ за прибрежною крутизною показались главы другой обители Ефрема Перекомскаго, но позднее время не позволило мнѣ посѣтить ее. Какой особенный міръ обителей и отшельниковъ проявлялся въ лѣсистыхъ и болотистыхъ окрестностяхъ Новгорода! Это былъ какъ бы нѣкій отдѣльный оазисъ на пустырѣ широкой земли Русской, гдѣ все дышало своимъ Софійскимъ воздухомъ и даже въ церковномъ отношеніи слабо держалось общаго союза, кромѣ рукоположенія одного Владыки. Въ XIV и XV вѣкѣ въ полномъ цвѣтѣ развилась жизнь духовная и гражданская на берегахъ Волхова.—Современникомъ царственнаго Михаила, хотя и гораздо его моложе, былъ сей преподобный Ефремъ, родомъ изъ Кашина, поселившійся сперва въ обители Колязинской св. Макарія. Онъ пришелъ искать себѣ строжайшаго начала иноческаго у другаго великаго отшельника Саввы, который изъ тѣхъ же предѣловъ явился раньше его въ дебряхъ Новгородскихъ на берегу рѣки Вишеры, и, основавшись тамъ съ благословенія Архіепископа

Іоанна III, повторилъ строгое житіе древнихъ столпниковъ на пустынномъ столпѣ своемъ къ изумленію всего края. Съ его молитвою переселился Ефремъ на дикій берегъ Ильменя въ мѣсто, совершенно безлюдное, и создалъ себѣ пустынную келлію на устьи рѣчки Веренды. Молва привлекла къ нему другихъ любителей безмолвія, и святой Архіепископъ Евѳимій, другъ Михаила Клопскаго, поставилъ его противъ воли въ настоятели зараждающейся обители, которую прославилъ своими чудесами при сооруженной имъ церкви Богоявленія. Обитель сія получила впослѣдствіи прозваніе Перекопской или Перекомской отъ малаго протока воды, который прокопалъ блаженный Ефремъ для удобнѣйшаго сообщенія рѣчки съ озеромъ; она сохранила свое названіе даже и въ то время, когда воды озера, часто къ ней подступавшія, принудили наконецъ иноковъ перейти на другое мѣсто, за двѣ версты выше, также на берегу Ильменя. Это случилось уже во дни Царя Грознаго и Владыки Новгородскаго Пимена при ученикѣ преподобнаго Романѣ, который перенесъ обѣ деревянныя церкви и самыя мощи своего блаженнаго учителя во вновь созидавшуюся обитель. Она пострадала при общемъ разореніи Шведами и еще разъ отъ жестокаго пожара, и въ ней уцѣлѣла только одна каменная церковь Святителя Николая съ придѣломъ преподобнаго Ефрема, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ его мощи. Наконецъ отъ крайняго своего убожества монастырь былъ упраздненъ и приписанъ къ Клопскому; но въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія ревностный обновитель запустѣвшей обители Вишерской, Варлаамъ, изъ благороднаго званія, послѣ воинскихъ трудовъ принявшій на себя иноческій образъ, обно-

вилъ и древнее жительство ученика св. Саввы. Начавъ съ его раки, возстановилъ онъ все обветшавшее зданіе и убѣдилъ игумена одного изъ городскихъ монастырей, Лаврентія, перейти съ братіею въ сіе болѣе свойственное инокамъ уединеніе. Такимъ образомъ усердіемъ одного благочестиваго мужа возстановились оба монастыря, сродные между собою по своему началу; а Вишерская обитель послужила въ свое время разсадникомъ духовной жизни въ Новгородѣ отъ благоговѣйнаго собранія многихъ благородныхъ иноковъ, наслѣдовавшихъ усердіе и добродѣтели обновителя Варлаама.

Било уже двѣнадцать часовъ ночи на колокольнѣ Юрьевской, когда возвратился я, послѣ труднаго моего плаванія по заливамъ и протокамъ, изъ обители св. Михаила Клопскаго.

V.

СВЯТАЯ СОФІЯ.

Громко имя св. Софіи, давно и глубоко вкоренилось оно въ землю Русскую: отъ красныхъ береговъ Босфора, гдѣ впервые услышали его послы Владиміровы, отозвалось оно при великомъ Ярославѣ надъ синимъ Днѣпромъ въ матери городовъ Россійскихъ и на истокахъ Волхова въ родовой колыбели Славянъ.—Именемъ св. Софіи загремѣло шумное вѣче Новгородское; подъ сѣнь сего мощнаго имени стали стекаться гости иноземные, и страшно раздалось оно въ рядахъ Меченосцевъ, когда бился съ ними Новгородъ во дни битвъ своей юности. Но голосъ брани умолкъ, умолкъ и голосъ торговли; она течетъ иной

рѣкою вдали отъ запустѣвшихъ дворовъ иноземныхъ, которыми нѣкогда красовался сей древній союзникъ Ганзы, и звукъ вѣчеваго колокола замолкъ; слышенъ только обычный благовѣстъ, сзывающій на молитву сыновъ Новагорода. Одинъ Волховъ по старому шумитъ подъ древнею стѣною Кремля; одинъ онъ не хочетъ утихнуть, и только въ бурныхъ его волнахъ неспокойнымъ кажется видъ обѣихъ сторонъ, Торговой и Софійской, нѣкогда враждебныхъ другъ другу; одна только св. Софія гласитъ о прежней славѣ Новгорода.

Восемь вѣковъ протекли надъ нею и не смѣли коснуться; они измѣнили вокругъ нея гражданскій бытъ и самую природу и не проникли въ завѣтное святилище; напрасно стучались они старческою рукою въ два ея притвора:—ихъ какъ бы отразили съ южной стороны два въ ней почіющіе Князя, храмоздатель Владиміръ и щитъ Новагорода, храбрый Мстиславъ; а съ западной укрѣпилъ за собою запоры Корсунскихъ вратъ сонмъ духовныхъ Владыкъ Новагорода, избравшій себѣ мѣсто сіе послѣднимъ пріютомъ. Такъ пощадила рука времени древнее святилище, иногда только обновляемое рукою человѣческой, и вступающій въ его средину можетъ еще на время забыть о настоящемъ въ долголѣтіи минувшаго.

Еще въ глубокомъ куполѣ не разжалась рука Вседержителя, столько вѣковъ держащая судьбы великаго Новгорода; и такъ не напрасно слышался отъ иконы таинственный гласъ иконописцамъ Царяградскимъ, когда по волѣ Епископа Луки трижды старались они начертать благословляющую десницу Господа: «не пишите Мя съ благословляющею рукою, но пишите Мя съ сжатою; Азъ бо, въ сей руцѣ Моей, сей

великій Новгородъ держу; когда же сія Моя рука распространится, будетъ тогда и граду сему скончаніе.»—Такъ гласитъ мѣстное преданіе, записанное благочестивыми предками. Вотъ и сама св. Софія, т. е. воплощенная Премудрость Божія таинственно изображена на храмовой иконѣ древняго Греческаго письма въ видѣ Ангела великаго совѣта, по словамъ пророческимъ. Она сидитъ на престолѣ, по сторонамъ коего стоятъ св. Дѣва и великій Предтеча, бывшій гранію обоихъ завѣтовъ, а надъ ними разогнутое Евангеліе съ ликами Архангеловъ. Икона сія, залогъ спасенія Новагорода, украшена была новою серебряною ризою въ царствованіе Петра Великаго Митрополитомъ Іовомъ и обновлена недавно усопшимъ Митрополитомъ Серафимомъ; подлѣ нея въ такомъ же окладѣ другая мѣстная икона Спасителя съ Греческимъ Евангеліемъ въ рукахъ. Она называется Корсунскою по древности своего происхожденія, и увезена была Царемъ Грознымъ при разореніи Новгорода вмѣстѣ съ иконою верховныхъ Апостолъ, которая теперь по правую сторону иконостаса; Іоаннъ возвратилъ обѣ иконы въ 1570 году.

По лѣвую сторону царскихъ вратъ, обложенныхъ серебромъ во дни Патріарха Никона, какъ о томъ гласитъ надпись на ихъ сѣни, стоитъ храмовая икона Успенія Богоматери; ей празднуетъ соборъ св. Софіи, ибо Пречистая Дѣва была сама храмомъ воплощенной Премудрости; серебряною ризою украшена сія икона, какъ и не далеко отъ ней другая, на которой изображены въ лицахъ стихи псалма: «предста Царица одесную Тебе.»—Такими изображеніями особенно богатъ соборъ Софійскій, весь расписанный по сводамъ и стѣнамъ исторіею Ветхаго и Новаго

завѣта; на десяти столпахъ его, кромѣ обычныхъ ликовъ мучениковъ и Святителей Новгородскихъ, начертаны еще въ лицахъ символъ вѣры и акаѳистъ.

Не великолѣпенъ убранствомъ четырехъ ярусный иконостасъ съ ликами Апостоловъ, Пророковъ и дванадесятью праздниками, но драгоцѣнна его древность, предъ коею благоговѣло столько поколѣній; сквозь тѣсныя царскія врата его, напоминающія собою Московскія Успенскаго собора, открывается величественный престолъ съ серебряными изваяніями, благочестивый даръ царствующаго Императора, а на полукружіи горняго мѣста древнее кресло Владыкъ Новгородскихъ, на коемъ возсѣдало столько великихъ мужей. Спаситель и Господь Саваоѳъ въ силахъ Ангельскихъ изображены надъ симъ горнимъ мѣстомъ, а вокругъ апокалиптическая надпись: «бысть царство мира Господа нашего и Христа Его, и воцарится во вѣки вѣковъ». Лики Ангеловъ, Святителей, Пророковъ, Мучениковъ оживляютъ стѣны и столпы древняго алтаря сего, въ которомъ почти отъ начала христіанства Руси не преставала ни одного дня приноситься безкровная жертва о спасеніи ея сыновъ; такое обиліе молитвы исполняетъ сію сокровищницу, и Слово Божіе устами Своихъ служителей не престаетъ и донынѣ оглашать молитвенниковъ подъ сѣнію св. Софіи.

Большое паникадило, или хоросъ, предъ иконостасомъ устроено въ царствованіе Годунова Митрополитомъ Варлаамомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, и особенно замѣчательны два мѣста, царское и святительское, украшенныя богатою рѣзьбою. Архіепископъ Пименъ, бывшій судіею св. мученика Филиппа и самъ вскорѣ осужденный Грознымъ, по-

ставилъ обѣ сіи каѳедры и велѣлъ вырѣзать на нихъ надписи: на царскомъ молитву, которую сложилъ Императоръ Іустинъ: «единородный Сыне и Слове Божій безсмертенъ сый», съ титуломъ царскимъ на концѣ; а на святительскомъ мѣстѣ начертана сія молитва: «Небесный Царю! вѣрнаго Царя нашего укрѣпи, вѣру утверди, языки укроти, міръ умири и святую обитель сію добрѣ сохрани; прежде отшедшія отцы и братію нашу въ селѣхъ праведныхъ учини и насъ въ покаяніи и православной вѣрѣ, Господи, пріими и помилуй насъ, яко благій и человѣколюбецъ; лѣта 7068».

Четыре придѣла умножаютъ собою число престоловъ Софійскихъ: одинъ по лѣвую сторону алтаря во имя Евангелиста Іоанна, другой во имя Предтечи у входа налѣво отъ Корсунскихъ вратъ, и два съ правой стороны алтаря въ честь Рождества Богоматери и святыхъ ея родителей Іоакима и Анны. Симъ придѣломъ начинается лѣтопись соборная; ибо онъ устроенъ на память церкви Богоотецъ, созданной въ 990 г. первымъ Епископомъ Новгорода, св. Іоакимомъ Корсунскимъ, который низринулъ Перуна и крестилъ Славянъ въ волнахъ Волхова; (каменная церковь сія долго существовала позади нынѣшняго собора). Онъ же соорудилъ и другую деревянную церковь во имя Софіи Премудрости Божіей въ подражаніе Цареградской на такъ называемой Епископской улицѣ; она сгорѣла 60 лѣтъ спустя, и на ея мѣстѣ богатый гражданинъ Новгородскій Судиславъ поставилъ иную въ честь Князей Бориса и Глѣба, но и та разорена была Нѣмцами въ XII вѣкѣ; развалины ея доселѣ видны позади присутственныхъ мѣстъ.

Наконецъ сынъ великаго Ярослава, юный Владиміръ, княжившій въ Новгородѣ, съ благословенія втораго Епископа Луки началъ строить въ 1045 г. изъ дикаго камня и кирпича соборъ Софійскій и, совершивъ его въ теченіе семи лѣтъ, обнесъ каменнымъ Кремлемъ. На праздникъ Воздвиженія 1051 г. освященъ былъ великолѣпный храмъ сей, не уступавшій Кіевскому, на который истощалъ богатства свои великій Ярославъ; зодчіе Византійскіе строили тотъ и другой, и остатки мусіи въ алтаряхъ обоихъ свидѣтельствуютъ о древнемъ ихъ убранствѣ; двадцать три сажени высоты въ Новгородскомъ соборѣ до вершины его купола; громада сія была поддержана впослѣдствіи каменными быками съ сѣверной и западной стороны, какъ и образецъ ея, Цареградская Софія. — Нѣсколько разъ опаляемъ былъ соборъ страшными пожарами во время волненій народныхъ: однажды при знаменитомъ Владыкѣ Василіѣ въ 1335 г., а въ XIV вѣкѣ при Архіепископѣ Іоаннѣ III трижды въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, и каждый разъ усердіе Святителей и гражданъ обновляло растопившійся свинецъ на пяти его главахъ. Архіепископъ Мартирій устроилъ въ исходѣ XII вѣка златую паперть съ южной стороны собора, которая сохранила его имя, и вмѣстѣ съ древнею, такъ называемую Корсунскою, служитъ усыпальницею Владыкъ Новгородскихъ.—Такова краткая лѣтопись собора.

Славны и Корсунскіе врата, давшіе имя западному притвору, которыми входили Святители Новгорода изъ каменныхъ палатъ своихъ. Названіемъ Корсунскаго освящалась у насъ всякая древность, ибо изъ Корсуни заимствовали мы первую святыню нашу; особенно въ Новгородѣ, гдѣ и первый Епископъ

былъ родомъ Корсунянинъ, почетное сіе названіе сохранилось всѣмъ древнимъ крестамъ и иконамъ, и народъ православный, казалось, хотѣлъ стереть отпечатокъ среднихъ вѣковъ и западнаго искусства съ любимыхъ своихъ памятниковъ, которыми хвалился, относя ихъ къ глубокой древности Византійской.— Такъ названы Корсунскими и мѣдные врата св. Софіи, украшенные изваяніями событій Евангельскихъ на двадцати шести доскахъ, хотя въ самомъ низу смиренно изображены съ молоткомъ въ рукахъ и въ Нѣмецкой одеждѣ три ихъ художника и самъ Епископъ Магдебургскій Вихманъ.—Одинъ изъ нашихъ ученыхъ археологовъ предполагаетъ, что они были привезены изъ Магдебурга при Владыкѣ Василіѣ, который много украсилъ соборъ въ XIV вѣкѣ и, по словамъ лѣтописи, устроилъ позлащенные врата св. Софіи, купивъ ихъ въ Германіи.—Есть и еще другіе замѣчательные врата въ соборѣ при входѣ въ придѣлъ Рождества Богоматери; они слывутъ Шведскими и по преданію взяты были въ XII вѣкѣ Новгородскими дружинами изъ древней столицы Шведской, Сигтуны, отъ которой остались теперь однѣ только развалины близъ новой столицы. Но врата Сигтунскія, какъ и Корсунскія, доселѣ остались загадочнымъ, хотя любопытнымъ памятникомъ св. Софіи, исполненной древностями столькихъ столѣтій.

Два великіе подвижника, Князь и Епископъ, лежатъ, какъ бы на стражѣ, у входа св. Софіи, въ первой ея придѣльной церкви Рождества Богоматери.—На разстояніи ста лѣтъ другъ отъ друга въ сей временной жизни, они соединились на вѣчный покой подъ сѣнію одного храма. Древній Кіевъ былъ

начальнымъ поприщемъ обоихъ; но какими различными путями достигли они небеснаго царствія и встрѣтились въ ликахъ Святыхъ!—Одинъ, строгій затворникъ Печерскій Никита посланъ былъ святительствовать въ Новгородъ, гдѣ имѣлъ утѣшеніе успокоить святаго труженика Антонія Римлянина, приплывшаго на своемъ камнѣ; тринадцать лѣтъ онъ пасъ свое духовное стадо и дважды силою молитвы охранилъ его отъ страшнаго пожара и убійственной засухи; капли слезъ его разрѣшились обиліемъ дождя.—Другой витязь, воитель Мстиславъ, славнѣйшій изъ сыновъ Ростислава Смоленскаго и всѣхъ современныхъ Князей, гроза Суздаля и щитъ Кіева отъ честолюбивыхъ замысловъ Боголюбскаго, возводившій старшихъ Князей на великое княженіе, а самъ, подобно Мономаху, всегда довольный своимъ удѣломъ. — Имя Храбраго запечатлѣло его устами современниковъ на всѣ вѣки, ибо, по выраженію лѣтописи, «отъ юности навыкъ бяше не уполошитеся никогда же, но токмо Бога единаго блюстися». Даже сыну его Мстиславу, какъ бы наслѣдственно, сохранилось прозваніе Удалаго. — Вольный, надменный Новгородъ, по звуку вѣча мѣнявшій Князей своихъ, то Ольговичей, то Мономаховичей, смотря по тому, чей родъ возвышался или падалъ въ Кіевѣ, захотѣлъ самъ быть отчиною Храбраго и умолилъ его къ себѣ на княженіе; съ восторгомъ присягалъ ему народъ у св. Софіи и со слезами прощался, когда въ теченіе двадцатилѣтняго правленія временно отходилъ устроять южные удѣлы. Страшенъ былъ при немъ Новгородъ своимъ сосѣдямъ, и горько плакала по немъ вся земля Новгородская, когда ранняя кончина постигла Мстислава въ 1180 году. Съ честью

*

положили тѣло его при гробѣ храмоздателя Владиміра, и неизвѣстно, когда обрѣтены были мощи.—Нетлѣнныя руки его, столь славно владѣвшія мечемъ, крестообразно прижаты на мощной груди, бывшей щитомъ Новагорода; смертный покой его мнится быть краткимъ отдыхомъ воина и шести-вѣковой сонъ легкою дремотой.

И лице спящаго подлѣ него Епископа Никиты сохранило въ нетлѣнныхъ чертахъ своихъ отпечатокъ духовнаго подвига и небеснаго мира, съ какимъ заснулъ на землѣ. Четыреста пятьдесятъ лѣтъ сокрыты были св. мощи его и только въ царствованіе Грознаго было о нихъ видѣніе нѣкоему благочестивому царедворцу, молившемуся въ соборѣ. По тайному гласу сперва осѣнилъ онъ гробницу Епископа богатымъ покровомъ, и, когда послѣ семилѣтняго запустѣнія Новагорода присланъ былъ Архіепископъ Пименъ, тотъ же богобоязливый мужъ объявилъ ему о своемъ видѣніи; тогда открыли гробъ древняго Святителя и съ духовною радостію обрѣли его нетлѣнное тѣло, источавшее много исцѣленій. Съ южной стороны собора въ первыхъ двухъ аркахъ почиваютъ открыто поверхъ земли: храмоздатель Владиміръ, осмьнадцать лѣтъ правившій великимъ Новгородомъ, которому оставилъ вѣчную по себѣ память построеніемъ св. Софіи, и благовѣрная мать его, Княгиня Анна.—Дочь Олава, перваго Короля Шведскаго, въ язычествѣ называвшаяся Ингигердою, она обручена была другому Олаву, Королю Норвежскому; но, промысломъ Божіимъ, вступила въ бракъ съ великимъ Ярославомъ и, всегда обитая съ возлюбленнымъ сыномъ своимъ, только двумя годами предупредила его раннюю кончину въ 1050 году.—Быть

можетъ, не всѣмъ извѣстно, что и два первые Епископа, шестьдесятъ лѣтъ правившіе Новгородомъ, св. Іоакимъ Корсунянинъ и строитель Софійскаго храма Лука положены со входа, недалеко отъ мощей Князя Владиміра. Архіепископъ Пименъ перенесъ сюда въ 1506 году изъ-за церкви св. Софіи мощи Святителя Луки, пятьсотъ лѣтъ послѣ его кончины, и туже почесть оказалъ мощамъ перваго Епископа благочестивый Митрополитъ Іовъ въ 1698 году.

Еще одинъ благовѣрный Князь почиваетъ въ соборѣ съ лѣвой стороны его противу мощей св. Владиміра: это юный братъ витязя Невскаго, который замѣнилъ Новгороду храбраго Мстислава, Ѳеодоръ Ярославичъ, въ день земнаго брака своего преставившійся къ небесному жениху душъ нашихъ. Нетлѣніемъ процвѣлъ брачный вѣнецъ его, и радость житейская измѣнилась въ невечернюю славу.—Мощи св. Князя сперва положены были въ Юрьевомъ монастырѣ, но четыреста лѣтъ спустя, во время Шведскаго нашествія Де-ла-Гарди, ихъ перенесли для сохраненія въ соборъ Софійскій, и съ тѣхъ поръ они тамъ остались повелѣніемъ Царя Михаила и Патріарха, отца его.

Въ теплой церкви Предтечи на лѣво отъ Корсунскихъ вратъ покоятся, одинъ поверхъ земли, а другой подъ спудомъ, два брата, оба именитые Святители, Архіепископъ Илія, въ схимѣ Іоаннъ, и преемникъ его Григорій.—Будучи простымъ іереемъ, умоленъ былъ Илія на каѳедру Софійскую по смерти Епископа Аркадія въ 1165 году, и Митрополитъ Кіевскій Іоаннъ II нарекъ его Архіепископомъ въ утѣшеніе народу; но смиренный мужъ не превознесся почестію церковною и продолжалъ на престолѣ свя-

тительскомъ труженическое житіе постника, посему и прославилъ его Господь великими знаменіями. Князь Суздальскій Романъ пошелъ ратію на Новгородъ, и съ нимъ семьдесятъ Князей грозили истребить до основанія древнюю столицу Славянъ. Три дня молился Святитель Илія предъ иконою Спаса, дабы пощадилъ Онъ градъ и людей Своихъ, и вотъ въ третью ночь слышится ему гласъ отъ иконы, повелѣвающій идти въ церковь Спасову, что на Ильиной улицѣ, поднять икону Богоматери на забрало города противу супостатовъ. Исполненный ужаса и изумленія, на утро собралъ онъ Вѣче народное, и во время молебнаго пѣнія въ храмѣ Софійскомъ послалъ клиръ за иконою; но клиръ возвратился съ вѣстію, что не могъ поднять ее. Тогда самъ Святитель подвигся соборно въ церковь Спасову и, простершись на землю, возопилъ къ Дѣвѣ Владычицѣ, упованію и заступницѣ града, дабы не предала врагамъ согрѣшившихъ, но явила надъ ними милосердіе Божіе, какъ нѣкогда пощажена была раскаявшаяся Ниневія. Еще онъ молился, когда внезапно заколебалась икона, и при радостномъ воплѣ всего народа: «Господи помилуй,» благоговѣйно поднялъ ее Святитель и вознесъ на стѣны города, тамъ, гдѣ наиболѣе кипѣла сѣча. Въ полдень посыпалась на икону туча стрѣлъ вражіихъ, и новое чудо ознаменовало горнюю помощь: сама икона отвратилась отъ нечестивыхъ враговъ, не пощадившихъ священнаго лика Богоматери, и слезы потекли изъ очей Ея на фелонь Архіепископа; внезапная тьма покрыла враговъ; Новгородцы же устремились изъ града довершить славную побѣду. Съ тѣхъ поръ Владыка Илія учредилъ праздникъ знаменія Божіей Матери 27 ноября, который и донынѣ

празднуется по всей Россіи. Такъ молитва пастыря оградила его паству не слабѣе меча храбраго Мстислава, который вмѣстѣ съ нимъ подвизался за св. Софію и былъ имъ напутствованъ въ вѣчную жизнь.

Семь церквей и одна обитель остались въ Новгородѣ памятникомъ благочестія Архіепископа Иліи, и еще донынѣ показываютъ на архіерейскомъ дворѣ его келлію и крестовую церковь; тамъ находится и сосудъ, въ коемъ молитвою заключилъ онъ искусителя, а на стѣнахъ церковныхъ изображено его ночное странствіе въ Іерусалимъ и чудное плаваніе для обличенія клеветы народной. Граждане дерзнули подозрѣвать чистое житіе праведника; они бросили его на плоту посреди рѣки и съ ужасомъ увидѣли Святителя, плывущаго противу теченія Волхова къ Юрьевской обители; тамъ умолили его опять принять каѳедру. Вскорѣ однако принялъ онъ схиму и преставился послѣ двадцатилѣтняго правленія; благодарный народъ избралъ на его мѣсто брата его Григорія, который въ теченіи шести лѣтъ добродѣтелями своими напоминалъ Новгороду усопшаго. Григорій благословилъ святому отшельнику Варлааму уединиться на берегахъ Волхова, гдѣ молитвами его основалась знаменитая обитель Хутынская.

Нетлѣнныя мощи схимника Іоанна обрѣтены были по небесному видѣнію при одномъ изъ величайшихъ пастырей Новгорода св. Евѳиміи уже въ послѣдніе годы славы Новгородской (1436 г.). Камень, обрушившійся со свода церкви Предтечевой, сдѣлалъ отверстіе надъ гробомъ Іоанна, и св. Евѳимій съ радостнымъ изумленіемъ увидѣлъ нетлѣніе его схимы, еще не вѣдая, кто сей блаженный усопшій? Онъ молилъ Господа открыть ему имя Своего угодника, и

съ ночномъ видѣніи представился молящемуся древній Святитель Новгорода, который сказалъ ему и прежнее свое имя Иліи и схимническое Іоанна, и какъ послужилъ Новгороду во время бывшаго знаменія отъ иконы Богоматери. Онъ заповѣдалъ также, чтобы въ день своего явленія, т. е. 4 октября, всегда совершать память всѣхъ почіющихъ въ великой церкви Премудрости Божіей Князей Россійскихъ и Архіепископовъ Новгорода. Уже въ царствованіе Грознаго устроена была рака великому Святителю съ описаніемъ его житія въ мѣдныхъ ея кругахъ; на ней изображено: «Божіею милостію и Пречистыя Богоматери состроена бысть сія честная рака и образъ, иже во святыхъ отца нашего Іоанна чудотворца, такожде и входъ сотворенъ, идѣже лежатъ честныя мощи Святителя Іоанна и брата его Григорія, Святителей Новгородскихъ, лѣта 7603, при благовѣрномъ Государѣ и великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Руссіи, повелѣніемъ преосвященнаго Пимена, Архіепископа великаго Новгорода и великихъ Лукъ: ихъ же молитвами святыми оставленіе грѣховъ получить и жизнь вѣчную, во вѣки вѣковъ аминь.»—

Святители Никита и Іоаннъ, какъ первые ближайшіе заступники своей паствы великаго Новгорода, всегда изображалйсь вмѣстѣ на иконахъ его по сторонамъ св. Софіи, Премудрости Божіей, иногда съ двумя славными отшельниками, Антоніемъ Римлянином и Варлаамомъ Хутынскимъ, иногда и безъ нихъ; такъ изображены они и донынѣ на городской стѣнѣ надъ бывшими Литовскими вратами.

Теперь отъ лика сихъ избранниковъ Софійскихъ обратимся къ сонму Владыкъ Новгорода,

устлавшихъ собою обѣ паперти, Мартиріевскую и Корсунскую. Но каменные ихъ гробы, стоявшіе поверхъ земли, сняты были въ началѣ нынѣшняго столѣтія; остались только на стѣнахъ имена усопшихъ, предъ коими благоговѣли современники и должно еще благоговѣть потомство. Первые Епископы Новгорода были почти всѣ постриженники Печерскіе, которыхъ исторгали изъ ихъ глубокихъ пещеръ Митрополиты Кіевскіе, чтобы чрезъ нихъ проливать духовное просвѣщеніе на дальнемъ Сѣверѣ. Только по смерти великаго Нифонта, когда произошло несогласіе въ митрополіи Кіевской, Аркадій, уже девятый Епископъ, избранъ былъ изъ настоятелей обителей Новгородскихъ, и вслѣдъ за нимъ Архіепископъ Илія. Съ тѣхъ поръ всѣ Владыки Новгорода поставлялись, хотя и въ Кіевѣ, но изъ гражданъ вольнаго города, который уклонялся отъ зависимости Митрополитовъ и Князей.

Избраніе происходило большею частію на Вѣчѣ при дворцѣ Ярославовомъ и у св. Софіи общимъ голосомъ клира и народа, или по жребію; три имени полагались на престолъ Софійскій, и малый отрокъ бралъ съ престола одно имя; тогда совершалось такъ называемое возведеніе на сѣни: Вѣче посылало именитыхъ гражданъ за избраннымъ, и съ торжествомъ возводили его на высокое крыльцо архіерейскихъ палатъ, гдѣ онъ былъ встрѣчаемъ хлѣбомъ и солью. Съ тѣхъ поръ, по своевольному обычаю Новгородскому, избранный, какой бы онъ степени ни былъ, іерей или діаконъ, или даже простой монахъ, вступалъ уже въ управленіе епархіею и во всѣ права архіерейскія, кромѣ священнослуженія; а между тѣмъ отправлялось посольство къ Митрополиту съ просьбою великаго Новгорода о посвященіи его Владыки. Та-

кимъ образомъ протекало иногда около двухъ лѣтъ или болѣе между избраніемъ и посвященіемъ. Архіепископъ Евѳимій II управлялъ даже пять лѣтъ безъ хиротоніи; а нѣкоторые, какъ Арсеній и Ѳеодосій, послѣ двухъ лѣтъ, еще не посвященные, сведены были съ каѳедры по прихоти непостояннаго Вѣча. Но обширна была власть Архіереевъ, когда они умѣли дѣйствовать на духъ своего народа; имъ исключительно принадлежалъ титулъ Владыки, которымъ они величались во всѣхъ актахъ церковныхъ и гражданскихъ, какъ дѣйствительные представители великаго Новгорода; они стояли выше смѣняемыхъ Князей и Посадниковъ и совершенно не зависѣли отъ Митрополитовъ Кіевскихъ и Московскихъ до самаго покоренія Новгорода Іоанномъ, вступая иногда въ прямое сношеніе съ Патріархами Царяграда. Не всѣ однако успокоились подъ сѣнію св. Софіи, на каѳедрѣ коей святительствовали: одни заплатили изгнаніемъ или заточеніемъ за временное свое величіе и скончались на чужбинѣ; другіе волею или неволею отошли на покой въ сосѣдніе монастыри Новгородскіе, и тамъ отдыхаютъ отъ многомятежной власти; иные же, какъ основатели обителей, просіяли въ нихъ нетлѣніемъ мощей своихъ и донынѣ служатъ имъ утвержденіемъ.

Такъ великій Нифонтъ, прозванный отъ современниковъ поборникомъ земли Русской, почиваетъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Твердо охраняя союзъ юной Церкви Россійской съ ея матерію Церковію Греческою, онъ не хотѣлъ признавать законнымъ Митрополита Климента, поставленнаго по волѣ Великаго Князя Изяслава безъ согласія Патріарха, и претерпѣлъ даже заточеніе за слово истины. Въ теченіе двадца-

типятилѣтняго святительства онъ былъ посредникомъ Новгорода и Князей Великихъ и удѣльныхъ, и славно было имя его по всей Россіи (1157 г.)—Такъ и св. Архіепископъ Ѳеоктистъ, избранный въ 1300 г., удалился въ прежнюю свою Благовѣщенскую обитель и нынѣ покоится подъ спудомъ въ Юрьевомъ монастырѣ.

И св. Моисей, поставленный на каѳедру св. Петромъ Митрополитомъ изъ молчальниковъ устроенной имъ обители, послѣ четырехлѣтняго правленія напрасно опять искалъ въ ней уединиться; двадцать два года спустя, не смотря на принятую имъ схиму, онъ еще разъ вынужденъ былъ мольбами народными вступить на престолъ св. Софіи, и черезъ семь лѣтъ еще однажды и навсегда отошелъ на безмолвіе въ другую имъ основанную обитель Сковородскую, гдѣ и донынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи (1359). Преемники его Алексій, принявшій имя своего рукоположителя св. Митрополита Алексія, и третій Іоаннъ искали себѣ также тихой кончины въ монастырѣ Деревяницкомъ (1388, 1415). Долгое и славное святительство Іоанна горько было для него по смутамъ народнымъ и несогласію Новгорода съ великимъ Княземъ Василіемъ и Митрополитомъ Кипріяномъ. Ревностный пастырь претерпѣлъ даже трехлѣтнее заключеніе въ Москвѣ за неспокойный духъ своего народа. Еще два святыхъ Архіепископа, Евѳимій и Іона, святительствовавшіе одинъ за другимъ въ самые цвѣтущіе и послѣдніе годы славы Новгорода, какъ бы предвидя его паденіе, избрали себѣ мѣстомъ упокоенія, первый обитель Вяжицкую, имъ основанную, а второй Отенскую свою пустынь, отколѣ былъ избранъ на каѳедру (1458, 1471).

Наслѣдникъ ихъ, знаменитый Ѳеофилъ былъ уже послѣднимъ Владыкою вольнаго города, который тщетно старался примирить его съ Великимъ Княземъ Іоанномъ. Марѳа посадница волновала Вѣче, и пастырь скончался въ заточеніи; только мертвымъ возвратился онъ подъ сѣнь св. Софіи, и съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1483 года, прекратилось свободное избраніе Владыкъ Новгородскихъ; ихъ стали присылать изъ Москвы по изволенію Великаго Князя и соборному избранію Митрополита, и не многіе имѣли утѣшеніе скончаться на своей каѳедрѣ. Первый изъ нихъ Сергій, избранный изъ игуменовъ Троицкой лавры, самъ удалился, испуганный смутами народными (1484). Второй Геннадій, мужъ образованный, поставленный изъ архимандритовъ Чудовскихъ, обличитель расколовъ на соборѣ Московскомъ, сосланъ былъ по клеветѣ въ Чудовъ (1504); а преемникъ его, св. Серапіонъ лишенъ каѳедры по случаю несогласія его съ св. Іосифомъ Волоколамскимъ и нетлѣнно почиваетъ въ лаврѣ Троицкой, прежней своей обители (1509). Знаменитый Макарій, просіявшій сперва на каѳедрѣ Новгорода, прославился потомъ во дни Грознаго на митрополіи Московской и тамъ отдыхаетъ въ Успенскомъ соборѣ. Ученикъ преподобнаго Іосифа Архіепископъ Ѳеодосій II скончался въ Москвѣ во время Стоглаваго собора (1551); а два послѣдніе Архіепископа, Пименъ, много украсившій св. Софію и бывшій свидѣтелемъ разоренія Новгородскаго, и преемникъ его Леонидъ, оба пострадали отъ Грознаго Царя и скончались въ заточеніи (1570, 1573). Послѣ нихъ начался рядъ Митрополитовъ Новгородскихъ, не прерываемый донынѣ, изъ коихъ три, славный Никонъ, Питиримъ и Іоа-

кимъ, съ каѳедры св. Софіи вступили на престолъ Патріаршій.

Но, хотя и много отсутствующихъ между древними Владыками Новгорода, есть еще подъ сѣнію св. Софіи много великихъ усопшихъ, неразлучныхъ съ нею тѣлесно; въ числѣ ихъ одинъ только Епископъ Аркадій, первый изъ погребенныхъ въ соборѣ (1165), ибо всѣ его предшественники почили въ Кіевѣ; онъ отдыхаетъ въ паперти Мартиріевской подлѣ давшаго ей свое имя Архіепископа Мартирія (1199). Недалеко отъ нихъ два Святителя, Симеонъ и Евѳимій, жившіе двѣсти лѣтъ спустя (1415, 1430). Прочіе Архіепископы Новгорода до учрежденія митрополіи погребены всѣ въ паперти Корсунской, исключая одного только Серапіона, современника Іоанна Грознаго. Ему воздали особенную почесть, положивъ въ церкви Предтечевой близъ мощей Святителя Іоанна, быть можетъ, потому что давно уже не умирали на своей каѳедрѣ Владыки Новгородскіе (1553).

Митрофанъ и Антоній, два невольные соперника на каѳедрѣ Софійской, которую занимали въ теченіе тридцати лѣтъ поперемѣнно отъ смутъ народныхъ, смиренно лежатъ одинъ подлѣ другаго въ паперти Корсунской: такъ бурно было для Новгорода начало тринадцатаго вѣка, что пастыри сіи безъ всякаго личнаго честолюбія, дважды возведенные и сверженные, принуждены были волею Вѣча идти въ Кіевъ на судъ Митрополита. Митрофанъ возвратился къ св. Софіи, Антонію же дана была иная епархія; но тѣмъ не удовольствовался безпокойный Новгородъ. Едва смѣжилъ очи Святитель Митрофанъ (1223), граждане вывели новаго соперника Антонію изъ простыхъ монаховъ Хутынскихъ, и два года дер-

жали непосвященнаго Арсенія на каѳедрѣ, доколѣ по новымъ смутамъ не заключили опять въ монастырь. Тогда только могъ возвратиться Антоній къ св. Софіи; но, уже утомленный, не хотѣлъ управлять столь бурною паствой и самъ удалился въ Хутынь, гдѣ мирно окончилъ многомятежное житіе. Спиридонъ заступилъ его мѣсто (1229), и при немъ возвратился миръ Новгороду въ лицѣ Невскаго витязя Александра, котораго мать была дочерью Мстислава Храбраго. Спиридонъ благословилъ на битву противъ Шведовъ крѣпкаго во браняхъ Александра; онъ же въ день брачнаго торжества возложилъ иной вѣнецъ на смертное чело юнаго брата Ѳеодора, и при немъ преставился величайшій изъ пустынножителей Новгородскихъ св. Варлаамъ, основатель обители Хутынской, славный своими чудесами. Семнадцать лѣтъ продолжалось святительство Спиридона, котораго рукоположилъ Митрополитъ Кириллъ, собиратель земли Русской, пришедшій ее утѣшить послѣ разоренія Монгольскаго. Кириллъ посвящалъ и двухъ его преемниковъ, Далмата и Климента (1251, 1276), управлявшихъ Новгородомъ до конца XIV столѣтія, которые оба положены подлѣ Спиридона, и въ той же паперти Корсунской Архіепископъ Давидъ, посвященный во Владимірѣ св. Митрополитомъ Петромъ (1308).

На лѣво отъ Корсунскихъ вратъ почиваетъ Владыка Василій, одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ іерархіи Новгородской. Онъ избранъ былъ волею Вѣча изъ бѣлыхъ священниковъ по удаленіи св. Моисея и тотчасъ послѣ своего посвященія на Волынѣ достался въ плѣнъ грозному Гедимину Литовскому (1331). Новгородъ долженъ былъ заплатить

многими городами за освобожденіе своего Владыки; но св. Софія и вся область процвѣли во время мудраго его правленія. Василій ограждалъ Новгородъ отъ притязанія Великихъ Князей Московскихъ и Митрополита Кипріяна и состязался съ Латинскими богословами, которыхъ насылали Шведы, когда не могли одолѣть его оружіемъ. Имя Василія извѣстно было въ Царьградѣ, и Патріархъ Филоѳей благословилъ его крещатыми ризами и бѣлымъ клобукомъ, который по преданію будто бы данъ былъ нѣкогда Великимъ Константиномъ Папѣ Римскому Сильвестру. Клобукъ сей донынѣ хранится въ ризницѣ Софійской съ другими облаченіями прославленныхъ Святителей Новгородскихъ, а право носить его перешло послѣ Василія къ его преемникамъ и къ Митрополитамъ Россійскимъ. Бѣдственный изгнанникъ Ѳеофилъ, столько пострадавшій за Новгородъ при Іоаннѣ, послѣдній вольный избранникъ Вѣча, заключаетъ собою славный рядъ Архіепископовъ Новгорода въ паперти Корсунской, какъ гранитная скала на обрывѣ морскомъ.

Отселѣ на разстояніи ста лѣтъ начинается рядъ Митрополитовъ, и первые два, Александръ и Варлаамъ (1589, 1597), оба, посвященные въ санъ сей первымъ Патріархомъ Іовомъ, почиваютъ рядомъ въ паперти Мартиріевской. Бурны были времена трехъ ихъ преемниковъ, избравшихъ себѣ мѣстомъ отдохновенія паперть Корсунскую, Исидора, Макарія и Кипріяна, и особенно памятны для всякаго истиннаго сына Церкви славныя имена Исидора и Кипріяна. Первый, поставленный Патріархомъ Іовомъ, святительствовалъ въ самую тяжкую годину Самозванцевъ и разгромовъ Шведскихъ и Польскихъ: онъ

укрощалъ крамольниковъ Лжедимитрія, онъ выдержалъ осаду Шведскую Де-ла-Гарди и самъ ходилъ по стѣнамъ Кремля, возбуждая гражданъ къ защитѣ именемъ св. Софіи; при немъ въ теченіе семи лѣтъ владѣли Шведы великимъ Новгородомъ. Тогда сей мудрый пастырь былъ истиннымъ Владыкою и отцемъ среди всеобщаго разоренія; но онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть на концѣ дней освобожденіе своей паствы и благословенное начало царства Романовыхъ.

Не менѣе сего пастыря пострадалъ мужественный Кипріянъ, бывшій тогда архимандритомъ Хутынскимъ. Шведы, думая навсегда отторгнуть Новгородъ отъ Россіи, напрасно старались склонить на свою сторону Кипріяна; посланный ими въ Москву, онъ дѣйствовалъ противъ нихъ, испросилъ помощь угнетенной родинѣ и примирилъ Новгородцевъ съ Михаиломъ, засвидѣтельствовавъ ихъ вѣрность новому Царю. Патріархъ Филаретъ уважалъ добродѣтель св. мужа и послалъ его основать каѳедру святительскую въ Тобольскѣ; и тамъ оставилъ онъ по себѣ благую память, заботясь объ очищеніи нравовъ завоевателей и крещеніи дикихъ жителей; для сего устроилъ обитель на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе могли стекаться язычники, и пролилъ обильный свѣтъ Христіанства въ пустыняхъ Сибири; онъ собралъ также и первую ея лѣтопись о подвигахъ Ермака изъ устъ оставшихся его сподвижниковъ. Но великій мужъ Церкви жаждалъ возвратиться въ родственный Новгородъ и скончался въ 1635 году на каѳедрѣ Софійской, которую украсилъ собою не менѣе Тобольской.

Еще три Митрополита наслаждаются вѣчнымъ покоемъ въ паперти Мартиріевской: добродѣтельный

старецъ Аѳоній, предмѣстникъ Никона Патріарха, поставленнаго имъ въ игумены, которому потомъ по дряхлости лѣтъ уступилъ епархію (1654 г.); Евѳимій III, только два года управлявшій своею паствою (1699), и знаменитый современникъ Петра Великаго, Митрополитъ Іовъ, столь ревностный къ просвѣщенію духовному. Онъ основалъ при архіерейскомъ домѣ первое училище Греко-Латинское, вызвавъ изъ заточенія двухъ ученыхъ братьевъ Лихудіевъ, пришельцевъ Греческихъ, и съ ними вмѣстѣ подвизался противъ расколовъ. Его стараніемъ умножена была библіотека Софійская, о коей заботился Патріархъ Никонъ и которая удвоилась въ 1785 году присоединеніемъ древнихъ рукописей Бѣлозерскаго монастыря. Она и понынѣ хранится на хорахъ, какъ одно изъ лучшихъ сокровищъ собора. Митрополитъ Іовъ много украсилъ св. Софію и перенесъ туда мощи перваго Епископа Іоакима; онъ же освящалъ и соборъ новой столицы сѣвера во имя верховныхъ Апостоловъ. Памятно осталось Новгороду двадцатитрехъ-лѣтнее правленіе сего друга Петрова, котораго уважалъ Царь не менѣе, какъ и Святителя Митрофана. Добродѣтельный пастырь имѣлъ утѣшеніе воздать послѣдній долгъ и благочестивому погребателю Никона Патріарха, Митрополиту Корнилію, своему предмѣстнику, который за два года до его избранія удалился на свое обѣщаніе въ Мартиріевъ Зеленецкій монастырь послѣ двадцатилѣтняго святительства (1695).

Есть и еще, кромѣ Корнилія и трехъ Патріарховъ, не погребенные въ св. Софіи изъ числа позднѣйшихъ ея Святителей; такъ ближайшій преемникъ Никона, Митрополитъ Макарій III, который участво-

валъ на всѣхъ его соборахъ, положенъ въ Юрьевомъ монастырѣ (въ 1663 году), и два Архіепископа, предмѣстникъ и преемникъ знаменитаго Ѳеофана Прокоповича, одинъ волею, а другой неволею, не нашли себѣ успокоенія вблизи его праха. Несчастный Ѳеодосій, первый архимандритъ лавры Невской, заступившій мѣсто Митрополита Стефана Яворскаго въ святѣйшемъ Синодѣ, сосланъ былъ въ Корельскій монастырь, гдѣ и скончался (1745); Архіепископъ же Амвросій избралъ себѣ могилу въ Антоніевомъ монастырѣ. Вотъ и гробница Ѳеофана, памятнаго Церкви, славнаго краснорѣчіемъ и любовію къ просвѣщенію, которое старался распространять, хотя иногда и съ примѣсью мудрованій; громко было имя его между современниками, но подъ древнею сѣнію св. Софіи невольно ищешь нѣчто болѣе, нежели славы.

Послѣдній Архіепископъ Стефанъ положенъ подлѣ Ѳеофила въ паперти Мартиріевской (1753), и послѣ него начался рядъ Митрополитовъ, прервавшійся въ теченіе сорока лѣтъ. Не утѣшительна память перваго изъ нихъ Димитрія, котораго прахъ въ той же паперти Софійскаго собора; но за то какими благословеніями осыпается донынѣ имя его преемника Гавріила, украсившаго пастырскими своими добродѣтелями долгое и славное царствованіе Екатерины. Преосвященный Гавріилъ и послѣдовавшій за нимъ Митрополитъ Амвросій погребены отдѣльно отъ другихъ въ теплой церкви Предтечи, недалеко отъ мощей Святителя и схимника Іоанна.

Такова замогильная лѣтопись Софійскаго собора. Я назвалъ его именитыхъ усопшихъ и тѣхъ, которые какъ бы заживо въ немъ почиваютъ поверхъ помоста, утѣшая насъ свидѣтельствомъ своего нетлѣ-

нія. Если же взойти на широкіе хоры, которые вѣнчаютъ храмъ по образцу Византійскому, можно видѣть въ драгоцѣнной ризницѣ и посмертныя одежды Святителей, чрезъ столько лѣтъ снова явившіяся изъ ихъ отверстыхъ гробовъ. Тамъ полное облаченіе Святителя Никиты, 480 лѣтъ облекавшее его нетлѣнно подъ землею, вериги его, пастырскій посохъ и лампада или свѣча, которую поставилъ великій Новгородъ предъ новымъ своимъ чудотворцемъ. Тамъ и бархатная мантія Архіепископа Іоанна съ источниками и скрижалями; омофоръ св. Владыки Моисея и крещатыя ризы, присланныя ему въ даръ отъ Патріарха Цареградскаго Филоѳея съ заглавною буквою его имени у каждаго креста, и его тяжкія вериги вмѣстѣ съ веригами другаго подвижника, Святителя Евѳимія; тамъ же три посоха: пострадавшаго при Царѣ Грозномъ Архіепископа Пимена, Митрополита Іова, покровителя духовнаго просвѣщенія во дни Петровы, и третій мраморный съ десятью яблоками неизвѣстнаго Святителя.

Между многими бѣлыми клобуками, которые долго были исключительною принадлежностію однихъ только Владыкъ Новгородскихъ, хранится и самый первый, вязаный изъ шелку, унизанный крупнымъ жемчугомъ, и съ яхонтами на позлащенныхъ дробницахъ, на коихъ изображены лики святыхъ. Патріархъ Константинопольскій прислалъ его въ даръ знаменитому Владыкѣ Новгородскому Василію, какъ возведенному на каѳедру Сефійскую изъ бѣлаго духовенства; но мѣстное преданіе относитъ гораздо далѣе древность сего клобука и говоритъ: будто бы Царь Константинъ Великій принесъ его въ даръ Папѣ Римскому Сильвестру за свое крещеніе: пре-

данiе невѣрное, но тѣмъ не менѣе любопытное и показывающее, какъ любили Новгородцы возвеличивать свою священную древность. Есть и драгоцѣнная панагiя Архiепископа Пимена съ мощами внутри ея и рѣзнымъ образомъ св. Софiи, ибо онъ болѣе другихъ Святителей Новгорода любилъ пышность облачений и многое сдѣлалъ для украшенiя Софiйскаго собора.

Въ числѣ священныхъ утварей замѣчательна плащаница синяго атласа, пожертвованная въ 1456 г. Архiепископу Евѳимiю въ домъ св. Софiи Великимъ Княземъ Василiемъ Темнымъ и сыномъ его Iоанномъ, будущимъ покорителемъ Новгорода, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, вышитая вокругъ. Два серебряные кратира или сосуда съ изваянiемъ Господа, Богоматери и Святыхъ и надписью: «пiйте отъ нея вси,» устроены усердiемъ св. Владыки Евѳимiя, и два серебряные Сiона, которые употреблялись иногда вмѣсто дарохранительницъ или на великомъ выносѣ открывали шествiе изваяннымъ изображенiемъ храма.—И другiя драгоцѣнности прежнихъ вѣковъ, утвари, печати архiерейскiя и собственно собора Софiйскаго съ многими древними монетами обогащаютъ собою сокровищницу св. Софiи; довольно назвать главныя, чтобы оцѣнить ея достоинство, вполнѣ соотвѣтствующее древнему величiю храма.

VI.

КРЕМЛЬ.

Софiйскiй соборъ окруженъ зданiями, которыя донынѣ составляютъ принадлежность архiерейскаго

дома и, наполняя собою всю сѣверную оконечность Кремля, свидѣтельствуютъ о прежнемъ величіи Владыкъ Новгородскихъ. Я не буду говорить о новомъ тепломъ соборѣ, празднующемъ входъ Господа въ Іерусалимъ, ни о великолѣпныхъ палатахъ, сооруженныхъ съ помощію Императрицы Елисаветы Митрополитомъ Димитріемъ въ половинѣ минувшаго столѣтія, но скажу о дворѣ, собственно Владычнемъ, гдѣ обитали древніе Святители во времена славы великаго Новгорода. Зданія сіи, нынѣ отчасти пришедшія въ ветхость или занимаемыя службами и присутственными мѣстами, тянутся позади собора вдоль Кремлевской ограды и еще носятъ названіе своихъ основателей: святыхъ Никиты, Іоанна и Евѳимія. Но тѣ, которымъ сохранилось имя Никитинскихъ, наиболѣе пострадали отъ времени; не существуютъ и обширныя палаты Святителя Евѳимія и церкви, основанныя имъ на дворѣ архіерейскомъ; однако еще уцѣлѣлъ одинъ корпусъ, примыкающій къ дому святаго Владыки Іоанна съ часовою башнею, и самая колокольня Софійская, весьма оригинальная по своему зодчеству, двухъярусная продолговатой формы съ тремя просвѣтами, принадлежитъ къ зданіямъ сего великаго Святителя XIV вѣка.

Въ рукописномъ житіи его весьма поэтически описано сооруженіе имъ храмовъ на дворѣ Владычнемъ во имя Златоуста и великаго Евѳимія и украшеніе св. Софіи, на которую указуя, говоритъ онъ: «Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селеніе славы Твоея;» а св. Софія въ свою чреду взываетъ къ нему: «се убо красота моя и похвала Церкви—Евѳимій великій.»

Далѣе сказано, что блаженный умыслилъ создать

себѣ каменныя палаты, ибо прежнія были деревянныя и часто страдали отъ огня; предпринялъ же это не ради какого либо пристрастія, но для успокоенія своихъ преемниковъ, употребивъ на то нѣкоего мужа духовнаго и художнаго, инока Ѳеодора. Онъ соорудилъ палаты пречудныя, имѣвшія тамъ и здѣсь переходы и врата на подобіе града съ улицами внутри; такъ что иное зданіе было выше, другое ниже, одно впереди, другое внутри двора, и нельзя описать сего, если кто не видѣлъ собственными глазами; все это украсилъ онъ стѣннымъ писаніемъ весьма благолѣпно, устроилъ также келліи для иноковъ и всѣ службы монастырскія, и воздвигъ столпъ каменный посреди своего сада съ часами на верху, которые оглашали весь городъ.

Описаніе совершенно соотвѣтствуетъ нынѣшнему неправильному расположенію зданій архіерейскаго дома, хотя многое съ тѣхъ поръ обрушилось или измѣнено, и должно предполагать, что даже та часть ихъ, которая носитъ названіе Святителя Никиты и Іоанна, была построена великимъ Евѳиміемъ.—Самый домъ или келліи св. Архіепископа Іоанна съ грановитою палатою напоминаютъ болѣе XIV вѣкъ, нежели XII, и такъ какъ въ житіи сказано, что келліи прежде всѣ были деревянныя, весьма вѣроятно, что св. Евѳимій отчасти перестроилъ ихъ на томъ же мѣстѣ въ прежнемъ видѣ и начерталъ на стѣнахъ все житіе своего святаго предмѣстника, ибо только при немъ обрѣтены были его нетлѣнныя мощи, по таинственному явленію самого Іоанна Владыкѣ Евѳимію. Такъ мнѣ кажется, хотя не смѣю утвердительно предлагать своего мнѣнія.

Весьма замѣчательны келліи Святителя Іоанна

по своимъ воспоминаніямъ церковнымъ и гражданскимъ. Ихъ знаменитыя сѣни, на которыя всенародно возводились Владыки Новгородскіе при своемъ торжественномъ избраніи, доселѣ существуютъ; но они весьма просты и тѣсны по духу того времени, и крыльцо ихъ очень скромно. Нельзя было бы думать, что здѣсь совершались народныя собранія и чествованія Владыкъ Новгорода, если бы прилегающая къ сѣнямъ грановитая палата не свидѣтельствовала истину лѣтописнаго указанія. Стѣны ихъ расписаны однимъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ Новгородскихъ, побѣдою надъ ополченіемъ Князей Суздальскихъ, которой обязаны они были чудному заступленію Божіей Матери и молитвѣ своего великаго угодника Іоанна. Тутъ и та древняя икона Спасова, предъ которою онъ молился во время осады и отъ которой ему послышался дивный гласъ, чтобы шелъ онъ въ церковь Спаса на конецъ Ильиной улицы поднять оттолѣ чудотворную икону Знаменія; а подлѣ нея написанъ на стѣнѣ Спаситель въ образѣ великаго Архіерея съ Ангелами по сторонамъ, Матерію Своей и Предтечею и съ ликомъ прославленныхъ Святителей Новгородскихъ: Никиты, Іоанна, Григорія, Ѳеоктиста, Моисея, Серапіона, Евѳимія, Іоны, припадающихъ молитвенно къ ногамъ Его. Въ послѣдующія времена устроенъ былъ на сѣняхъ придѣлъ во имя Всемилостиваго Спаса, но уже онъ теперь упраздненъ и замѣненъ недавно болѣе обширнымъ во имя Святителя Іоанна въ самой грановитой палатѣ, которая напоминаетъ Московскую одинокимъ столбомъ своимъ, поддерживающимъ ея готическіе своды.

Грановитая палата сія была сборная и судебная

комната Новгородскихъ Владыкъ въ самыя цвѣтущія и бѣдственныя эпохи ихъ славы. Сколько воспоминаній соединилось въ ней отъ того времени, какъ Святители вольнаго города угощали въ ней Великихъ Князей Невскаго и Донскаго,—до того дня, когда Іоаннъ III принялъ въ ней присягу Новгородцевъ и осудилъ Владыку ихъ Ѳеофила, и наконецъ до страшной минуты, когда въ той же самой палатѣ грозный внукъ его, пируя, велѣлъ схватить прежняго своего любимца, Архіепископа Пимена. Съ тѣхъ поръ на многіе годы опустѣла торжественная палата; но она видѣла опять славные дни Исидора, Кипріяна и Никона до его Патріаршества. Здѣсь было сердце великаго Новгорода. Теперь часто оглашается она молитвеннымъ пѣніемъ божественной литургіи, и одинъ изъ величайшихъ Святителей Новгорода исполнилъ ее и весь этотъ домъ воспоминаніемъ своей святости; ибо рядомъ съ церковію св. Архіепископа Іоанна указываютъ двѣ его келліи, которыя расписаны подвигами всей его жизни, труженической и Святительской.

Тутъ первое его поставленіе на степень пресвитерскую и соборное посвященіе въ санъ Владыки Новгородскаго, и таинственное шествіе въ Іерусалимъ, и чудное плаваніе противъ теченія Волхова въ обличеніе своей невинности, и побѣда, испрошенная его молитвами. Тутъ указываютъ и ближайшія воспоминанія келейныхъ его подвиговъ: тѣсный застѣнокъ, гдѣ совершалъ свое правило, и тотъ рукомойникъ, надъ которымъ показалъ власть свою на духахъ враждебныхъ. Все говоритъ здѣсь о великомъ Святителѣ, и если бы даже это были не собственно его келліи, но обновленныя Владыкою Евѳиміемъ по

образцу старыхъ, то тѣмъ не менѣе драгоцѣнны ихъ воспоминанія. Намъ неизвѣстны самые покои сего великаго Святителя; быть можетъ, Іоанновы также ему принадлежали;—но часовая башня, имъ сооруженная въ саду архіерейскомъ, еще гласитъ о его времени боемъ часовъ своихъ; послѣ разоренія Шведскаго новые часы поставлены были Патріархомъ Іоакимомъ, когда онъ еще святительствовалъ въ Новгородѣ. Есть и другая память сего Патріарха: это такъ называемый Греческій корпусъ, гдѣ была школа двухъ ученыхъ братьевъ Лихудіевъ, вызванныхъ имъ изъ Греціи и заточенныхъ при его преемникѣ Адріанѣ; они были опять призрѣны просвѣщеннымъ Митрополитомъ Новгорода Іовомъ, который построилъ на своемъ дворѣ это зданіе для духовнаго училища Лихудіевъ.

Можно сказать, что большая часть древняго Кремля принадлежала Владыкамъ Новгородскимъ, ибо кромѣ ихъ обширныхъ палатъ, занимающихъ донынѣ треть его, даже послѣ разоренія Шведскаго въ началѣ XVII вѣка еще считалось въ Кремлѣ до 26 церквей и цѣлая улица отъ собора до Литовскихъ воротъ во всю длину его носила названіе Епископской. Теперь, кромѣ двухъ соборовъ, Софійскаго и теплаго, существуютъ только двѣ убогія церкви, приписанныя къ архіерейскому дому.—Одна во имя св. Андрея Стратилата, обыденная, т. е. построенная и освященная по обѣту послѣ моровой язвы въ одинъ день,—была сооружена, какъ полагаютъ, въ XIII вѣкѣ братомъ Невскаго, Великимъ Княземъ Андреемъ; она стоитъ подлѣ того мѣста, гдѣ возвышался въ лучшіе дни Новгорода на Епископской улицѣ соборъ благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, за-

мѣнявшій иногда для священнослуженія св. Софію, но теперь уже стертый съ лица земли Новгородской.— Такихъ обѣтныхъ церквей по случаю мора много выстроено было въ бѣдствовавшемъ городѣ.

Другая церковь, едва уцѣлѣвшая, во имя Покрова Богоматери, съ двумя придѣлами св. Іоанна Предтечи и Святителя Николая, пристроена къ самой городской стѣнѣ, и подлѣ нея, какъ полагаютъ, находился дворецъ княжескій, или по крайней мѣрѣ намѣстниковъ царскихъ, ибо двѣ прилегавшія къ ней башни на стѣнѣ были жилыя, и въ одной долго потомъ находился острогъ. Она сооружена въ 1527 году также по случаю мороваго повѣтрія, и храмовая въ ней икона Покрова Богоматери почитается чудотворною; замѣчательна и другая древнѣйшая икона св. благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба, перенесенная, вѣроятно, изъ древней ихъ соборной церкви послѣ ея конечнаго разоренія Шведами.—Вотъ все, что осталось отъ прежняго благолѣпія церковнаго въ Кремлѣ Новгородскомъ, котораго всѣ бывшія многочисленныя церкви, большею частію малыя, утомительно было бы исчислять.

Самая ограда Кремлевская, мѣстами угрожающая паденіемъ, свидѣтельствуетъ о пастырскихъ заботахъ къ охраненію ввѣренной имъ паствы, ибо почти вся сооружена была иждивеніемъ Владыкъ, и каждыя изъ пяти ея вратъ ограждены были церковію. — Какая благочестивая мысль осѣнять святынею всѣ входы, ведущіе въ городъ къ главному святилищу св. Софіи! Начало деревянному дѣтинцу или Кремлю Новгородскому положилъ храмоздатель собора св. Князь Владиміръ Ярославичъ въ 1097 г., и онъ былъ обновленъ послѣ пожара въ 1113 году

другимъ благочестивымъ Княземъ Новгородскимъ Мстиславомъ, сыномъ Мономаха; но церкви сей ограды были каменныя. Св. Архіепископъ Мартирій соорудилъ первую изъ нихъ въ честь положенія пояса Богоматери въ исходѣ XI вѣка, а Святитель Спиридонъ другую во имя св. Ѳеодора надъ вратами, бывшими со стороны Неревскаго конца позади собора. Владыка Климентъ поставилъ церковь Воскресенія Христова надъ вратами Литовскими, нынѣ закладенными, на южной оконечности Кремля, гдѣ кончалась Епископская улица, по случаю взятія Кексгольма у Шведовъ; а въ 1211 году Архіепископъ Давидъ построилъ надъ вратами, бывшими на противулежащемъ концѣ Кремля, церковь во имя равноапостольнаго Князя Владиміра, замѣчательную потому, что она была первою во имя сего новаго угодника, причтеннаго къ лику заступниковъ земли Русской. Была еще одна церковь Покрова Богоматери надъ южными вратами, уже несуществующими, построенная усердіемъ посадниковъ, которую замѣнила впослѣдствіи нынѣшняя Покровская церковь, что близъ ограды. Только въ 1336 г. началъ строить каменную ограду знаменитый Владыка Василій отъ Неревскихъ воротъ и церкви Владимірской до нынѣшней обыденной Андрея Стратилата для большаго охраненія Софійскаго собора со стороны Торговой и Волхова. Архіепископъ Іоаннъ III продолжилъ ограду сію въ 1410 году до Литовскихъ или Воскресенскихъ воротъ, а Геннадій довершилъ ее кругомъ всего Кремля уже въ 1490 г. частію иждивеніемъ Великаго Князя Іоанна, частію же на собственное тамъ, гдѣ стѣна окружала архіерейскія палаты. Она существуетъ и донынѣ съ ея девятью башнями,

круглыми и четвероугольными, изъ коихъ одна близъ Покровской церкви трехъ-ярусная, вѣроятно, служила теремомъ для дома намѣстниковъ и заключала въ себѣ также церковь.

Всѣ сіи надворотныя церкви разрушены во время Шведскаго нашествія Де-ла-Гарди, когда ревностный пастырь Митрополитъ Исидоръ самъ обходилъ съ крестомъ въ рукахъ по стѣнамъ Кремлевскимъ, чтобы отразить нападенія враговъ, но принужденъ былъ наконецъ уступить силѣ оружія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обновилъ ограду, и во время Шведской войны Кремль окопанъ былъ, по волѣ Петра Великаго, валомъ, который теперь отчасти обращенъ въ садъ. Это была весьма счастливая мысль окружить старыя бойницы Кремля, видѣвшія столько кровавыхъ приступовъ, зеленою сѣнію цвѣтущаго сада, какъ покрываютъ мертваго богатымъ покровомъ, чтобы утаить его горькое тлѣніе; но ограда, обновленная еще дважды въ исходѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, опять пришла въ ветхость; старые ворота ея закладены и новые пробиты тамъ, гдѣ ихъ не было прежде. Еще видны древніе Владимірскіе подъ часовнею Святителя Николая, которая замѣнила прежнюю церковь, ибо въ нее перенесены всѣ ея чудотворныя иконы; рядомъ съ ними недавно закладены водяные малые ворота, коими исходили къ рѣкѣ. Но главные Литовскіе, такъ названные отъ пролегавшей чрезъ нихъ дороги въ Псковъ и Литву, которыми сообщался Кремль съ Волховскимъ мостомъ и съ Торговою стороной, представляютъ доселѣ изъ себя величественную развалину. Часовня, прилѣпленная къ стѣнѣ, какъ гнѣздо ласточки, замѣнила древнюю церковь Воскресенія; съ обѣихъ

сторонъ ея написаны на стѣнѣ двѣ иконы, почитаемыя чудотворными. Изнутри города Спаситель, сѣдящій на престолѣ, съ двумя по сторонамъ Его молитвенниками Новгорода, Святителями Никитой и Іоанномъ; а снаружи въ самой часовнѣ икона всемилостиваго Спаса, привлекающая донынѣ особенное уваженіе Новгородцевъ по тѣмъ чуднымъ исцѣленіямъ, которыя отъ нея истекали и засвидѣтельствованы преданіемъ.

У входа въ Кремль на Волховскомъ мосту устроена еще одна часовня чуднаго креста, судьба коей всегда была сопряжена съ судьбою сего моста, потому что Святители Новгородскіе искони хотѣли осѣнить святынею и шумныя воды Волхова, разбивающіяся у стѣнъ Кремля, и шумныя волны народныя, двигавшіяся непрестанно по сему единственному сообщенію обѣихъ сторонъ, Софійской и Торговой. Здѣсь всегда встрѣчались или останавливались ихъ обоюдные крестные ходы, и не разъ во время междоусобія, когда враждовала Софійская сторона противъ Торговой, знаменіе креста въ рукахъ Святителя прекращало на мосту кровавую битву. Предъ сею часовнею Архіепископъ Симеонъ укротилъ бурю народную въ 1418 году, и спустя 90 лѣтъ св. Владыка Серапіонъ удержалъ молитвами своими бурю огненную, грозившую опустошить весь городъ. Преданіе мѣстное возводитъ начало сего чуднаго креста, такъ названнаго отъ бывшихъ при немъ чудесъ, до временъ равноапостольнаго Князя Владиміра, который, какъ полагаютъ, во время краткаго своего посѣщенія водрузилъ высокій деревянный крестъ съ распятіемъ Господа на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ основать соборъ Софійскій. Онъ былъ

похищенъ Всеславомъ, Княземъ Полоцкимъ, во время розгрома Новгородскаго и потомъ опять обрѣтенъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ 1069 году при Епископѣ Ѳеодорѣ, если точно о немъ говоритъ лѣтопись. Съ того времени, сдѣлавшись предметомъ особеннаго уваженія народнаго, крестъ былъ поставленъ на Волховѣ въ утвержденіе моста, и нѣсколько разъ обновляло его усердіе гражданъ. Послѣднее обновленіе совершилось, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и Архіепископѣ Пименѣ, повелѣніемъ градоправителя Петра Невѣжина въ 1548 году, какъ видно изъ надписи, вырѣзанной у подножія креста. Часто измѣнялось и направленіе самаго моста, то выше, то ниже нынѣшняго, отъ чрезвычайной быстроты Волхова. Неоднократно смывалъ онъ деревянный мостъ подъ стѣнами Кремля, и нѣсколько разъ былъ онъ истребляемъ пожарами и смутами народными; горькую по себѣ память оставилъ на немъ грозный Іоаннъ потопленіемъ нѣсколькихъ тысячъ Новгородцевъ, сверженныхъ съ него въ шумный Волховъ, какъ бы для всенароднаго повторенія надъ ними той казни, которая была въ ихъ обычаяхъ, ибо они часто свергали съ мосту своихъ преступниковъ, и даже иногда почетные граждане, подпавшіе гнѣву народа, подвергались той же участи.

VII.

ДВОРИЩЕ ЯРОСЛАВА.

Если св. Софія была и есть сердцемъ великаго Новгорода и за нее мужественно бились и умирали древніе сыны его, то дворище Ярослава и смежная

ему Вѣчевая площадь кипѣли жизнію народною, были душею вольнаго города. Это былъ форумъ Славянской столицы, и хотя имя форума слишкомъ громко по воспоминаніямъ Римскимъ, сравненіе можетъ однако быть отчасти вѣрно, если смотрѣть не на нынѣшній убогій Новгородъ, но на древняго союзника Ганзы, когда еще пять концевъ разбѣгались соотвѣтствовавшими имъ пятинами въ концы обширной области, до морей Балтійскаго и Бѣлаго и до хребта Уральскаго. Надобно вспомнить, что каждый изъ сихъ пяти концевъ, Славянскій, Плотенскій, Неревскій, Загородный и Гончарскій, называлъ себя Господиномъ, имѣлъ своего Тысяцкаго, и особую Думу, и распоряжался самобытно своею пятиною, отдавая только отчетъ общему собранію народному и Посадникамъ на Вѣчѣ, и что такимъ образомъ весь Сѣверъ Россіи, начиная отъ Твери и Пскова, объятъ былъ пятинами Новгородскими.

И въ дѣлахъ торговыхъ Новгородъ былъ первымъ изъ городовъ Ганзейскихъ послѣ Любека, которому уступалъ только въ старѣйшинствѣ, а не въ торговлѣ: ибо дворъ нѣмецкихъ гостей Новгорода почитался богатѣйшимъ изъ всѣхъ подобныхъ, даже и въ Германіи, и его альдерману подчинены были конторы Ганзы въ окрестныхъ Русскихъ городахъ. Вся Азіятская торговля проходила черезъ руки новгородскія въ сѣверную Европу, и водяные пути ихъ по Волхову и Наровѣ ограждены были крѣпостями, за которыя бились они на смерть со Шведами и рыцарями Ливонскими; до ста тысячъ войска могъ выставить могущественный Новгородъ противъ нѣмецкихъ своихъ сосѣдей и даже противъ Великихъ Князей Московскихъ, съ которыми долго договари-

вался, какъ держава съ державой, доколѣ опять не сдѣлался ихъ отчиною, какъ въ прежніе дни Ярослава и Мстислава. Посадники, князья, намѣстники и Владыки смѣнялись по волѣ шумнаго Вѣча; послы московскіе, литовскіе и нѣмецкіе приходили защищать права свои на этомъ народномъ торжищѣ, исполненномъ богатствами востока и запада, и ратный кличъ: «кто противъ Бога и великаго Новгорода!» рѣзко выражалъ духъ и самоувѣренность вольнаго города.

И вотъ, съ такими громкими воспоминаніями XIV вѣка мы сходимъ теперь съ Волховскаго моста на опустѣвшую площадь древняго Славянскаго или Великаго конца, гдѣ около двора Ярославова столпилось столько событій и волновались толпы народныя:—форумъ сдѣлался рынкомъ. Дворъ Ганзы, который простирался вдоль набережной и по улицѣ Михайловской, замѣненъ новымъ красивымъ зданіемъ военнаго штаба. Новые ряды скудной торговли новгородской стали ближе къ двору Ярославову на мѣсто прежнихъ, кипѣвшихъ богатствомъ. Самый дворецъ, который перенесъ онъ сюда съ городища Рюрикова, застроенъ теперь кладовыми и частными домами; но еще видно мѣсто его, обозначенное церквами, какъ приличествовало двору княжескому. Обгорѣлая башня, лишенная колоколовъ, прилегающая къ двору сему, носитъ еще загадочное названіе Вѣчевой, и надобно вѣрить, что съ нея раздавался во всѣ пять концевъ звукъ вѣчеваго колокола, двигавшій сердца новгородскія, рѣшавшій событія мира и войны. Но посреди сего разгрома быта гражданскаго и торговли, уцѣлѣла святыня и донынѣ свидѣтельствуетъ о прежней славѣ и духѣ народа множествомъ церквей: хотя

и въ убогомъ положеніи, однако въ теченіе многихъ вѣковъ неподвижными стражами стоятъ онѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ поставило усердіе князя и посадниковъ вольнаго города. Подъ ихъ сѣнію должно искать стараго Новгорода, который исчезъ мало по малу вокругъ нихъ, но живетъ еще внутри ихъ въ священной лѣтописи иконъ ихъ и преданій. Восемь церквей, кромѣ упраздненныхъ, и двѣ часовни, изъ коихъ одна на мѣстѣ бывшей обители, стѣснились на мѣстѣ бывшаго торга и двора княжескаго, но между ними пять стоятъ совершенно одна подлѣ другой отпечаткомъ древняго благочестія. Посреди ихъ величественно вызвышается соборъ Никольскій, первенствующій и по древности и по красотѣ зданія.

Сынъ Мономаха, Мстиславъ Великій, оставившій по себѣ благую память въ Новгородѣ строеніемъ многихъ храмовъ и обителей, соорудилъ по обѣту соборъ сей въ 1113 году. Страждущій болѣзнію, призвалъ онъ на помощь чудотворца Мѵръ-Ликійскаго, и въ сонномъ видѣніи онъ ему явился и велѣлъ послать въ Кіевъ за своей иконой, которой опредѣлилъ мѣру и кругловидное очертаніе. Посланные княземъ удержаны были трехдневною бурею на озерѣ Ильменѣ; на четвертый увидѣли они плывущую къ нимъ икону чудотворца по водамъ озера около того мѣста, гдѣ былъ сооруженъ впослѣдствіи Липенскій Никольскій монастырь, нынѣ упраздненный. Съ радостію возвратились посланные изъ краткаго путешествія, и болящій князь, встрѣтивъ съ вѣрою дарованное ему сокровище, призналъ въ немъ обѣтованную икону и немедленно получилъ исцѣленіе. Она и доселѣ храмовою въ соборѣ, и бо-

гатый окладъ ея украшенъ ваянными вокругъ чудесами угодника Божія. Мстиславъ вызвалъ изъ Греціи каменщиковъ для строенія собора, который отличается, подобно Юрьевскому, строгимъ Византійскимъ вкусомъ, высокими сводами съ хорами и пятиярусным иконостасомъ, досель благолѣпнымъ. Но изъ пяти главъ столпообразнаго собора только одна уцѣлѣла; уничтожены придѣльныя церкви Вознесенія Господня и праведной Анны, бывшія на хорахъ, на которые задѣланъ въ недавнее время самый восходъ. Три обширныя паперти облегали съ трехъ сторонъ церковь, и въ нихъ находились придѣлы, но онѣ были за ветхостію разобраны; теперь только въ западной паперти помѣщаются два новые придѣла во имя десяти Мучениковъ и преподобнаго Варлаама, и еще одинъ весьма тѣсный во имя св. Евдокіи въ главномъ алтарѣ замѣнилъ прежнюю пространную церковь, бывшую въ боковомъ притворѣ храма. Такъ часто страдалъ соборъ сей отъ пожаровъ, ибо до десяти разъ упоминается въ лѣтописяхъ о его опустошеніи и обновленіи, начиная отъ 1152 года и до 1709, что даже надобно удивляться, какъ могъ онъ сохраниться въ такой цѣлости понынѣ. Теперь соборная церковь находится въ верхнемъ ярусѣ, и подъ нею есть жилье и подвалы, такъ какъ и во всѣхъ другихъ храмахъ, окружающихъ соборъ; но неизвѣстно, былъ ли онъ двухъяруснымъ при самомъ началѣ, хотя видны слѣды стѣнной живописи на нижнихъ сводахъ, или только впослѣдствіи раздѣленъ на двое для избѣжанія сырости? Еще видны слѣды круглаго крыльца въ югозападномъ столпѣ отъ самаго основанія до закладенныхъ нынѣ хоровъ, и обитель Юрьевская, построенная со-

вершенно по тому же образцу, сохранила первобытную высоту своего собора.

Двѣ древнія церкви, Іоанна Предтечи, что на Нѣмецкомъ дворѣ, и св. Отецъ Никейскихъ, находились около Никольскаго собора и уничтожены послѣ Шведскаго разоренія. Теперь приписаны къ нему еще двѣ, весьма замѣчательныя по своему старинному зодчеству, также съ подцерковьемъ или нижнимъ жильемъ: одна съ южной стороны сооружена во имя великомученика Прокопія въ 1359 году св. Архіепископомъ Моисеемъ, который основалъ и близъ лежащую церковь Архангела Михаила. Икона Великомученика древнѣе основаннаго въ честь его храма, и на престолѣ тѣснаго придѣла во имя Александра Свирскаго прилѣпленъ еще антиминсъ временъ Грознаго, данный Архіепископомъ Серапіономъ въ 1562 г. Другая церковь св. Параскевы съ сѣверной стороны собора основана въ исходѣ XII вѣка заморскими купцами и послѣ сильныхъ пожаровъ вновь была построена въ 1345 году. Въ ней хранится чудотворная икона Параскевы, къ которой съ особеннымъ усердіемъ притекаютъ Новгородцы, ибо отъ нея было много исцѣленій, и здѣсь совершается торжественное служеніе въ послѣднюю пятницу передъ Ильинымъ днемъ. Подъ иконой начертана краткая лѣтопись бывшихъ чудесъ и между ними описаны два народныя смятенія, случившіяся въ сей церкви: однажды опустился помостъ церковный во время богослуженія при Архіепископѣ Макаріѣ, и до ста человѣкъ погибло отъ обрушившихся перилъ крыльца; въ другой разъ, черезъ 40 лѣтъ въ 1561 году, также во время литургіи ударили въ колоколъ, и внезапный ужасъ овладѣлъ народомъ; всѣ бѣжали изъ церкви, а купцы

бросили лавки свои, бывшія окрестъ нея, и отдавали въ смятеніи товары свои въ невѣдомыя руки. Это происходило при Архіепископѣ Леонидѣ во дни Іоанна Грознаго, вскорѣ послѣ опустошенія имъ Новгорода, что объясняетъ внезапно нашедшій ужасъ памятью недавно минувшаго.

Рядомъ съ Пятницкою церковію стоитъ Успенская, двухъярусная о трехъ придѣлахъ, бывшая одно время соборною по красотѣ своей и обширности. Она основана въ 1135 году св. княземъ Всеволодомъ Гавріиломъ, сыномъ великаго Мстислава, послѣ его неудачной битвы съ Суздальскимъ княземъ на Ждановой горѣ, куда пошелъ онъ только для успокоенія мятежнаго Новгорода; граждане въ порывѣ своеволія свергли тысяцкаго своего съ моста Волховскаго, и задержали у себя Митрополита Кіевскаго Михаила за то, что предсказывалъ имъ неудачу. Славный побѣдитель Нѣмцевъ и Чуди, самъ, оставшись побѣжденнымъ, быть можетъ, соорудилъ храмъ сей для очищенія совѣсти народной на той же площади Торговой, гдѣ въ лучшія времена воздвигнуты имъ были два другіе храма, побѣдоносца Георгія и Предтечи.

Всѣ онѣ обновлены или перестроены послѣ частыхъ пожаровъ, опустошившихъ Новгородъ, и Успенская вновь сооружена въ 1509 году усердіемъ гражданъ. Есть еще одна церковь на дворѣ княжескомъ во имя св. женъ Мvроносицъ, основанная около того же времени Московскимъ гостемъ Иваномъ Сырковымъ, что показываетъ любовь иногородныхъ жителей къ землѣ Новгородской.—Бывшія при ней двѣ придѣльныя церкви, Срѣтенія Господня и Евангелиста Матѳея, уничтожены въ минувшемъ вѣкѣ; она сама приписана была сперва къ Юрьеву монастырю,

а потомъ уступлена дѣвичьему Сыркову, какъ бы по случайному сходству имени основателя съ именемъ обители. По древнему преданію и донынѣ приходятъ въ сію опустѣвшую церковь жены Новгородцевъ для испрошенія себѣ счастливаго разрѣшенія отъ родовъ и берутъ песокъ изъ-подъ помоста предъ мѣстною иконою женъ Мѵроносицъ.

Самое дворище Ярославле, около коего расположены всѣ сіи церкви, сохранило еще нѣкоторые остатки древняго каменнаго зданія, обращеннаго въ кладовыя, съ воротами и башнею, при которой есть старое жилье; она носитъ громкое названіе Вѣчевой. Но нѣтъ слѣдовъ древняго дворца Ярославова, прославленнаго въ сагахъ Эймунда и простиравшагося вдоль такъ называемаго Княжаго берега по Волхову и по улицѣ Михайловкѣ отъ торга почти до стараго Волховскаго моста, гдѣ теперь часовня св. Арсенія. По лѣтописямъ извѣстно, что дворецъ существовалъ до пожаровъ 1403 и 1406 годовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что былъ возобновляемъ и послѣ, хотя болѣе о немъ не упоминается, какъ о дворѣ княжескомъ; ибо уже не было тогда настоящихъ князей въ Новгородѣ, а намѣстники могли жить въ Кремлѣ у церкви Покровской. При покореніи Новгорода Великій Князь Іоаннъ потребовалъ себѣ дворъ Ярославовъ, чтобы доказать законное свое право на всѣ права великаго предка; а Царь Іоаннъ, послѣ страшнаго разоренія Славянской столицы, по особенному усердію своему къ святителю Николаю, выстроилъ себѣ дворецъ противъ него на мѣстѣ стараго дворища княжескаго; вѣроятно, часть уцѣлѣвшаго доселѣ каменнаго зданія принадлежитъ сему времени. Неизвѣстно, когда былъ уничтоженъ сей послѣдній дворецъ, но конечно послѣ

трехъ страшныхъ пожаровъ, опустошившихъ Новгородъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1693, 1700 и 1709 годахъ, когда обгорѣли всѣ церкви Торговой площади и гостиный дворъ. Государь уступилъ подъ новые ряды и присутственныя мѣста остатки дворца Грознаго и все дворище, которое опять было перестроено въ 1782 году. Такимъ образомъ совершенно измѣнился видъ двора Ярославова и старыхъ рядовъ Новгородскихъ, между коими около Предтечевской церкви находился дворъ Нѣмецкихъ гостей или Готскихъ, то есть съ острова Готланда. Что касается до конторы и магазиновъ собственно Ганзы, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ управленіемъ имѣла она и церковь латинскую во имя св. Петра, то она находилась, какъ я уже сказалъ, на берегу для удобнѣйшей выгрузки товаровъ, тамъ, гдѣ теперь домъ военнаго штаба, предназначенный сперва для дворца Екатерины. Еще въ половинѣ минувшаго столѣтія видны были обширныя развалины и остатки глубокихъ подваловъ, гдѣ хранила свои сокровища Ганза; когда же въ порывѣ негодованія купцы ея оставляли Новгородъ, они только затворяли двери своей церкви и ворота ограды, и честность Новгородская не смѣла къ нимъ прикасаться по уваженію къ правамъ народнымъ. Но Іоаннъ Грозный ихъ коснулся и положилъ конецъ торговли Новгородской, ибо послѣ страшнаго опустошенія никто изъ гостей иноземныхъ не смѣлъ уже довѣрять свои богатства бѣдствовавшему городу, а между тѣмъ Англичане открыли себѣ новый путь чрезъ Бѣлое море въ пристань Архангельскую.

Когда Грозный строилъ новый дворецъ свой на развалинахъ дворища Ярослава, ему нашелся

докучливый сосѣдъ, который поселился прежде него на скромномъ участкѣ княжескаго пустыря у самаго Волхова. Это былъ пришелецъ, недавно только основавшій тутъ убогую свою обитель во имя Рождества Богоматери съ малымъ числомъ иноковъ, и послѣдній изъ всѣхъ, причтенныхъ къ лику святыхъ заступниковъ Новгорода. Преподобный игуменъ Арсеній былъ точно заступникомъ обуреваемаго города; напрасно грозный сосѣдъ его послѣ всѣхъ своихъ опустошеній просилъ у него молитвъ и прощенія, думая дарами привлечь къ себѣ святаго мужа; Арсеній не хотѣлъ ихъ принять, какъ цѣну крови, и благодушно обличалъ Царя за его жестокость. «Многія неповинныя души послалъ ты въ царство нѣбесное,» строго говорилъ ему старецъ, какъ нѣкогда священномученикъ Филиппъ Митрополитъ, и на сей разъ смирился Іоаннъ. Онъ сбирался идти на Псковъ и пришелъ еще однажды испрашивать благословенія у святаго. «Завтре, Государь, готовъ я въ путь за тобою,» отвѣчалъ Арсеній, и обрадовался его готовности Царь; но это было только таинственное предсказаніе о собственной кончинѣ, ибо на утро, пріобщившись святыхъ Таинъ, предалъ онъ на молитвѣ блаженную душу свою Богу.

Сколько такихъ замѣчательныхъ случаевъ, таящихся въ житіяхъ нашихъ святыхъ, ускользаетъ изъ гражданской исторіи, и однако они поясняютъ многое, что можетъ казаться страннымъ. Лѣтопись говоритъ, что Іоаннъ, подступивъ къ Пскову съ намѣреніемъ разорить его, умилился ночью при звукѣ благовѣста. Мудрено ли, что сердце его, потрясенное обличеніями и предсказаніемъ святаго игумена, которое такъ скоро сбылось, было уже расположено тай-

нымъ ужасомъ къ умиленію. Арсеній, заживо обличавшій его въ Новгородѣ, обѣщалъ идти вслѣдъ за нимъ во Псковъ уже мертвымъ; страшно было съ совѣстію Іоанна имѣть при себѣ такого невидимаго укорителя! Обличенія его дѣйствительно повторились Грозному въ самомъ Псковѣ изъ устъ другаго святаго мужа, юродиваго Салоса, который сталъ предлагать Царю, строгому въ соблюденіи постовъ при всѣхъ своихъ неистовствахъ, сырое мясо въ великій постъ, говоря, что онъ пьетъ человѣческую кровь. Вотъ, изъ какихъ нечаянныхъ источниковъ послалъ Господь спасеніе Пскову, вѣроятно заслужившему пощаду, болѣе Новгорода, по какимъ либо тайнымъ, невѣдомымъ намъ причинамъ, но взвѣшеннымъ на вѣсахъ правосудія небеснаго!

Обитель преподобнаго Арсенія, едва ли не послѣдняя изъ основанныхъ въ Новгородѣ, пережила и второе его разореніе при Шведахъ; но, около ста лѣтъ спустя, она пришла въ упадокъ и была приписана въ 1732 году къ Юрьеву монастырю, въ замѣнъ отобраннаго у него подворья на княжемъ дворѣ по опредѣленію Архіепископа Ѳеофана Прокоповича, а мощи преподобнаго перенесены были торжественно въ Кирилловъ монастырь, что близъ Новгорода въ 1785 году. Однако часовня, гдѣ они почивали, сохранилась на прежнемъ мѣстѣ, равно какъ и уваженіе народа къ памяти своего мужественнаго ходатая. Ее обновило въ началѣ нынѣшняго столѣтія усердіе одного изъ гражданъ Новгородскихъ, и даже въ ней былъ устроенъ тѣсный алтарь во имя прежней монастырской церкви Рождества Богоматери, но освященія не послѣдовало; тамъ доселѣ видны иконостасъ и прежняя гробница св.

Арсенія, куда приходятъ поклоняться благочестивые богомольцы.

По другую сторону двора Ярославля на торгу при церкви побѣдоносца Георгія, основанной св. Всеволодомъ Гавріиломъ, находится также часовня, недавно обновленная, въ которой почиваютъ подъ спудомъ мощи другаго блаженнаго мужа, Ѳеодора Христа ради юродиваго. Оставивъ родительскій домъ и временное богатство, онъ предпочелъ суровое по Богѣ житіе и всякія ругательства, которыя добровольно принималъ отъ народа ради души своей, ибо кто объяснитъ всѣ таинственные пути спасенія. Однако Ѳеодоръ пользовался глубокимъ уваженіемъ людей, постигшихъ его горнее званіе, ибо часто предсказывалъ будущее, и голодъ, и пожары, взывая по улицамъ: «это мѣсто чисто будетъ!» и пламя его очищало. Въ одно время съ нимъ и тѣмъ же образомъ юродства, но только на другой сторонѣ Волхова, спасался блаженный Никола, прозванный Качаловъ, который происходилъ отъ благородныхъ родителей и оставилъ еще бо̀льшія блага міра сего для вольнаго обнищанія. Разумѣя духовно одинъ другаго, они какъ будто взаимно преслѣдовали другъ друга, обличая, быть можетъ, собою нелѣпую вражду обѣихъ сторонъ, Софійской и Торговой, и выражая духъ своего времени. Когда случалось Ѳеодору переходить чрезъ Волховскій мостъ на Софійскую сторону, Никола гналъ его оттуда, какъ овладѣвшаго его наслѣдіемъ, и металъ въ него все, что ему попадало въ руки; тоже дѣлалъ Ѳеодоръ, если заставалъ на своей сторонѣ Николу. Но вотъ что, по словамъ житія ихъ, было уже внѣ обыкновенныхъ дѣйствій мнимой ихъ непріязни: и тотъ, и другой, когда спа-

сались отъ взаимныхъ преслѣдованій, переходили обратно Волховъ тамъ, гдѣ настигалъ гонящій, не по мосту, а по водамъ, какъ бы по суху. Оба скончались въ одно время въ 1332 году въ самую лучшую эпоху славы Новгородской, соединясь на вѣки въ лонѣ общаго ихъ Спаса; но тѣлеса ихъ на землѣ погребены были врозпь, каждое на своей сторонѣ.

Надъ гробомъ блаженнаго Николая сооружена была въ XIV вѣкѣ каменная церковь во имя св. Великомученика Пантелеймона, вѣроятно, намѣсто существовавшей тутъ прежде церкви, и въ нее перенесены иконы другаго, болѣе древняго собора св. Іакова, брата Божія, который былъ основанъ въ 1172 году; онъ еще доселѣ существуетъ, но уже совершенно оставленъ, и крыша его угрожаетъ паденіемъ; подлѣ него часовня, гдѣ погребена Іуліянія, мать блаженнаго Николы. Какъ больно видѣть, что такія древнія зданія, каковъ соборъ сей, мало по малу стираются съ лица земли Новгородской, а сколько священныхъ воспоминаній они въ себѣ заключаютъ? Скоро придетъ въ такое же запустѣніе и близъ лежащая церковь св. Димитрія Селунскаго, не та, что основалъ Донской послѣ битвы Мамаевой, но также весьма древняя и наполненная старинными иконами Византійскаго письма, если не поддержитъ ее какая либо благочестивая рука. Вообще весь этотъ уголокъ великаго Новгорода, ближе къ Духову монастырю, сохраняетъ слѣды большаго населенія и людей, прославленныхъ святынею; тутъ былъ и домъ св. Варлаама Хутынскаго, на мѣстѣ коего стоитъ теперь часовня, и земля сія еще недавно принадлежала его обители: какая постоянная цѣпь преданій!— Если бы только коснуться всѣхъ сказаній и древ-

ностей церквей Новгородскихъ, раскинутыхъ и забытыхъ на пространствѣ опустѣвшаго города, какое богатое поле открылось бы для изыскателя! ибо каждая церковь имѣла свою легенду или особое преданіе, связанное съ гражданскою исторіею Новгорода. Въ нѣкоторыхъ доселѣ почиваютъ праведники, невѣдомые міру, иногда рода княжескаго, какъ напр. княжна Литовская Харитина въ кладбищенской церкви Петра и Павла, бывшей обители Лисицкой, что на выѣздѣ къ Юрьеву. Иногда въ нихъ обрѣтается чудотворная икона, или крестъ въ образѣ райскаго дерева, изваянный ликами святыхъ, какъ то въ древней церкви св. Флора и Лавра на Торговой сторонѣ, гдѣ почиваетъ праведная дѣва Гликерія. Иногда открывается повѣрье народное, какъ напримѣръ, о двухъ церквахъ во имя Ильи Пророка, сухаго и мокраго, на Софійской и Торговой сторонѣ, изъ коихъ въ одну ходили со крестами во время засухи, а при ненастьи въ другую, доселѣ существующую съ 1200 года на Торговой. Все это проявляетъ бытъ и духъ народный, и все по немногу теряется, если только кто либо изъ старожиловъ Новгородскихъ, болѣе меня опытныхъ и имѣющихъ болѣе средствъ для раскрытія сихъ лѣтописныхъ сокровищъ, не рѣшится на этотъ полезный подвигъ во славу великаго Новгорода.

Скажу еще нѣсколько словъ о соборѣ Знаменскомъ, потому что послѣ Софійскаго онъ привлекаетъ общее вниманіе въ Новгородѣ по своей чудотворной иконѣ. Подлѣ него сохранилась старая церковь Преображенія Господня на концѣ Ильиной улицы, гдѣ стояла въ началѣ икона и куда пошелъ крестнымъ ходомъ св. Архіепископъ Іоаннъ во время

осады Суздальской. Не смотря на тѣсноту сей церкви, тамъ и доселѣ совершается служеніе архіерейское и туда идутъ крестные ходы въ храмовой день ея. Соборъ Знаменскій сооруженъ былъ въ память чуднаго избавленія Новгорода не тотчасъ послѣ сего событія, совершившагося въ 1169 году, но около двухъ сотъ лѣтъ спустя въ 1355, и потомъ опять почти чрезъ столько же времени перестроенъ по причинѣ ветхости въ 1528 году знаменитымъ Архіепископомъ Макаріемъ. Это показываетъ однако, до какой степени упало въ то время искусство зодческое, когда Никольскій соборъ, выстроенный Греческими зодчими въ началѣ XII вѣка, съ тѣхъ поръ сохранился невредимымъ. Митрополитъ Корнилій опять обновилъ церковь въ 1688 году, и такъ она существуетъ понынѣ, какъ одна изъ лучшихъ и самыхъ обширныхъ въ Новгородѣ по красотѣ готическаго своего зодчества; высокіе столбы поддерживаютъ ея стрѣльчатые своды и пятиглавую крышу; широкая паперть ее окружаетъ, и въ ней расположены двѣ придѣльныя церкви Казанской Божіей Матери и Живоноснаго Источника.

Обширная ограда около собора съ прилежащими церковными зданіями даетъ ему видъ обители. Внутренность храма не уступаетъ красотою наружности. Онъ весь расписанъ стѣннымъ писаніемъ по древнему чину Церкви, и всѣ вселенскіе и помѣстные соборы, начиная отъ перваго Апостольскаго, начертаны въ величественной паперти. Стѣны самой церкви Знаменія представляютъ взорамъ весь акаѳистъ, пѣваемый въ честь Пречистой Дѣвы, а высокій пятиярусный иконостасъ ликами Праотецъ, Патріарховъ и Апостоловъ соединяетъ всю торжествующую на

небесахъ Церковь съ воинствующею и молящеюся на землѣ подъ священною сѣнію сего храма. Но главное сокровище собора и даже всего великаго Новгорода, это чудотворная икона Знаменія Богоматери, которая была запрестольною въ Спасской церкви, какъ и доселѣ видно по придѣланной къ ней рукояти, и теперь стоитъ мѣстною въ иконостасѣ соборномъ. Хотя богата ея риза золотомъ и драгоцѣнными камнями, которыми въ теченіи многихъ вѣковъ жертвовало ей усердіе Новгородцевъ: однако самая икона, залогъ спасенія города, ознаменованная столькими чудесами, частными и всенародными, дороже всѣхъ сокровищъ сердцу Новгородскому, и доселѣ не можетъ происходить никакого торжества въ стѣнахъ древняго города, чтобы не принимала въ немъ участія и охранительная его икона.

Изображеніе Знаменія, или проявленія Господа въ лонѣ Пречистыя Дѣвы, есть одно изъ самыхъ древнихъ въ Христіанствѣ, и много такихъ иконъ встрѣчается въ катакомбахъ Римскихъ первыхъ вѣковъ; но праздникъ собственно Знаменія, бывшаго отъ чудотворной иконы Новгородской, распространился по всей Россіи изъ сего города.—Достойно вниманія, что празднуется не самый день совершенія чуда, ибо оно случилось 22 февраля и часто совпадаетъ съ первою недѣлею великаго поста, а память св. мученика Іакова Персіянина 27 ноября, потому что это былъ Ангелъ знаменитаго посадника Якова или Якуна, при коемъ Новгородъ спасся отъ осады Суздальской: оттого и помѣщены на богатой ризѣ иконы Знаменской, которою обложилъ ее Митрополитъ Макарій, лики великихъ пустынножителей Макарія и Онуфрія, и мучениковъ Іакова Пер-

сіянина и Георгія, тезоименитыхъ посаднику и Владыкѣ или празднуемыхъ въ день ихъ рожденія. Труднѣе объяснить, по какой прячинѣ изображены на другой сторонѣ иконы также въ позлащенномъ окладѣ св. Апостолъ Петръ и Мученица Наталія, простирающіе молитвенно руки къ парящему надъ ними Господу Вседержителю, а по сторонамъ въ меньшемъ видѣ Святители Климентъ и Николай и Великомученицы Екатерина и Евѳимія.

Прямыхъ свѣдѣній о томъ не имѣется, но такъ какъ Знаменскій соборъ былъ обновленъ и освященъ Митрополитомъ Корниліемъ въ первые годы царствованія Петра Великаго, то не онъ ли поусердствовалъ изобразить ликъ Апостола и Мученицы, тезоименитыхъ юному Царю и его благочестивой матери, Царицы Наталіи? Но, почему изображены тутъ же на поляхъ прочіе угодники, совершенно неизвѣстно: должно полагать, что они соотвѣтствовали также именамъ частныхъ почетныхъ лицъ, украшавшихъ постепенно икону Знаменія драгоцѣннымъ жемчугомъ и каменьями, разсыпанными по золотой ея ризѣ и даже на ея богатомъ кивотѣ. Подъ нею съ лицевой ея стороны находится и то древнее изображеніе великаго Новгорода, обуреваемаго Суздальскою осадою, которое писано на деревѣ, неизвѣстно когда, и привлекаетъ вниманіе археологовъ по своей древности и самому очерку Славянской столицы XIII столѣтія. Это тоже одинъ изъ драгоцѣнныхъ остатковъ минувшаго, который пощадило время подъ сѣнію священной иконы. Нельзя однако предполагать, чтобы здѣсь былъ вѣрный списокъ Новгорода тѣхъ временъ, хотя можно перечесть башни Кремля и внѣшней его ограды со всѣми многочисленными церквами

внутри ихъ; а кругомъ кипитъ Суздальская осада, пѣшіе и конники стремятся ко граду и падаютъ, пораженные собственными стрѣлами, ибо отъ чудотворной иконы исходитъ невидимое пораженіе на дерзающихъ противъ осѣненнаго ею великаго Новгорода.

VIII.

ХУТЫНЬ И АНТОНІЕВЪ МОНАСТЫРЬ.

Если оставить Торговую сторону, которая кипѣла всею гражданскою жизнію Новгорода, съ ея лѣтописными церквами и слѣдовать внизъ по теченію шумнаго Волхова вдоль его праваго берега:— тамъ откроется начало и развитіе иноческой жизни нашего сѣвера въ двухъ обителяхъ Антонія и Варлаама, подобно какъ лавра Печерская была колыбелью оной на югѣ Россіи.—Уже нѣсколько иноковъ Печерскихъ, одинъ за другимъ, возсѣдали на каѳедрѣ Софійской и съ ними вмѣстѣ пришли монашествующіе въ великій Новгородъ: но это не образовало тамъ рѣшительной эпохи иночества до явленія преподобнаго Антонія Римляняна, какъ равно и въ Кіевѣ, не смотря на существовавшія тамъ обители, преподобный Антоній Печерскій почитается отцемъ иночествующихъ. Таинственно было явленіе Римлянина въ предѣлахъ Новгородскихъ; оно облечено всею поэзіею юношеской поры Новгорода и можетъ казаться страннымъ, если вѣрующее сердце не оградитъ себя мыслію о великихъ знаменіяхъ, которыми не разъ прославлялъ Господь Своихъ угодниковъ, чтобы посредствомъ ихъ утвердить вѣру въ народахъ.

Старый Римъ былъ отечествомъ преподобнаго въ бѣдственную годину для Церкви православной, когда уже послѣдовало отпаденіе римскаго Епископа по духу превозношенія и возникли вмѣстѣ съ крестовыми походами гоненія на державшихся праваго исповѣданія отцевъ своихъ. Антоній, сынъ богатыхъ родителей, съ юнаго возраста пожелалъ житія иноческаго и, раздавъ все родительское наслѣдіе нищимъ, заключилъ нѣкоторые священные сосуды и драгоцѣнности въ дельву (т. е. бочку) и бросилъ ее въ море по таинственному движенію сердца, а самъ бѣжалъ изъ Рима въ пустыню, въ обитель иноческую. Тамъ провелъ онъ въ строгомъ постѣ и молитвѣ болѣе двадцати лѣтъ, проходя самый тяжкій искусъ; когда же и оттолѣ изгнало его гоненіе Латинянъ, разграбившихъ обитель, онъ скрывался нѣкоторое время въ горахъ; наконецъ, пришедши на берегъ моря, основался, какъ нѣкій древній столпникъ, на камнѣ, обмываемомъ морскою волною безъ всякаго покрова отъ непогоды. Образъ Божій всегда былъ начертанъ въ его сердцѣ и, какъ отраженіе сего дивнаго образа, ему непрестанно видѣлась на облакахъ икона Предвѣчнаго Младенца на лонѣ Своей божественной Матери, осѣняющая его отъ бурь житейскихъ и стихій. Невидимо протекло годичное время въ такомъ духовномъ созерцаніи, и вотъ однажды, нечувствительно для святаго, волна морская отторгла отъ берега камень, на которомъ онъ стоялъ, и понесла далеко въ пучину безъ всякой для него туги или боязни, безъ разсчета дней и ночей, ибо во свѣтѣ небеснаго лика, исполнявшаго весельемъ его сердце, день единый казался ему, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ день единый; а восторженная

молитва съ воздѣяніемъ рукъ служила ему пищею во время сего чуднаго плаванія безъ ладіи и кормила съ единымъ надежнымъ кормчимъ Господомъ Іисусомъ.

Преплылъ онъ теплое море и взошелъ въ устье рѣки, и наконецъ почувствовалъ, что камень его причалилъ къ берегу; ему слышится дальній утренній благовѣстъ, и ужаснувшійся Антоній мнитъ себя въ сосѣдствѣ враждебнаго ему Рима: подходятъ къ нему жители невѣдомой страны и онъ не разумѣетъ языка ихъ; они же съ изумленіемъ смотрятъ на чуднаго пришельца, который не смѣетъ сойти съ своего камня, гдѣ домъ его и твердыня, уже испытанная среди бурь. И вотъ послѣ трехдневной молитвы посылаетъ ему Господь гостя Греческаго, разумѣющаго языкъ Латинскій; труженикъ спрашиваетъ его о градѣ и странѣ, которыхъ столь чудно достигъ, и о ихъ разстояніи отъ Рима, и съ изумленіемъ слышитъ, что предъ нимъ великій Новгородъ и св. Софія, что камень его не на водахъ Тибра, а на Волховѣ, который отстоитъ на полугодичный путь отъ древней столицы; ему же трехдневнымъ казалось сіе таинственное странствованіе на пучинахъ. Вслѣдъ за гостемъ входитъ онъ въ великій Новгородъ, гдѣ обладаетъ сынъ Мономаховъ Мстиславъ, вступаетъ и въ св. Софію, гдѣ священнодѣйствуетъ Святитель Никита, и душа пришельца, гонимаго на своей родинѣ за вѣру предковъ, исполняется несказанною радостію при видѣ благолѣпія службы православной, столь убогой на оставленномъ имъ западѣ. Но еще Римлянинъ не смѣетъ предстать Владыкѣ, не вѣдая языка его, и, возвратясь на свой камень, опять молитъ Господа даровать ему сіе познаніе, дабы онъ

могъ свободно выражаться съ своими новыми соотечественниками, и Господь посылаетъ ему даръ языковъ: когда слухъ о пришельцѣ достигъ до Святителя, уже Антоній, призванный въ палаты архіерейскія, могъ съ нимъ объясняться на собственномъ его нарѣчіи.—Сперва на вопросы Святителя о мѣстѣ рожденія странникъ отвѣтствовалъ только, что онъ недостойный инокъ; но когда Владыка по внушенію Духа назвалъ по имени пришельца и повелѣлъ ему ради послушанія открыть всю истину, тогда со смиреніемъ исповѣдалъ предъ нимъ Антоній свою чудную повѣсть и, падши къ ногамъ его, умолялъ со слезами сохранить ее въ тайнѣ, дабы избѣжать славы человѣческой. Ужаснулся Епископъ Никита, внимая пришельцу, который являлся ему какъ бы нѣкій Ангелъ, и, воздавъ хвалу Богу, дивному во святыхъ Своихъ, простерся самъ къ ногамъ преподобнаго, прося его молитвъ. Оба лежали другъ предъ другомъ на землѣ, взаимно прося себѣ благословенія, ради обоюднаго ихъ смиренія, и наконецъ Святитель по долгу пастырскому благословилъ инока и, насладившись его бесѣдою, отпустилъ съ миромъ. Самъ онъ посѣтилъ его на избранномъ имъ мѣстѣ и, испросивъ мѣсто сіе у посадниковъ, отдалъ пришельцу, дабы онъ тутъ основалъ свою обитель. Скоро возникла на берегу Волхова недалеко отъ города малая деревянная церковь во имя Рождества Богоматери, Которая осѣнила видимымъ Своимъ покровомъ труженика, ибо наканунѣ Ея праздника присталъ онъ къ землѣ Новгородской; нѣсколько келлій соорудилось также около церкви, и мало по малу стали въ нихъ собираться братія, какъ пчелы въ устроенный для нихъ улей.

Новое чудо ознаменовало начало монастыря. Однажды преподобный Антоній просилъ рыбарей, трудившихся напрасно цѣлую ночь, закинуть еще разъ сѣти въ Волховъ и далъ имъ денегъ съ тѣмъ, чтобы все, что извлекутъ они изъ воды, принадлежало его возникавшей обители. Къ общему изумленію вмѣстѣ съ множествомъ рыбы, едва не прорвавшей неводъ, извлечена была бочка, скованная желѣзными обручами, которую призналъ своею, тою самою, что нѣкогда бросилъ онъ въ море, еще будучи въ Римѣ; но рыбари, обрадовавшись нечаянной добычѣ, не хотѣли отдать ее законному обладателю, хотя онъ уступалъ имъ всю пойманную рыбу.—Дѣло дошло до посадниковъ, и хотя рыбаки увѣряли, будто бочка сія издавна имъ принадлежала, истина обличилась на судѣ, когда преподобный объявилъ, какія именно драгоцѣнности въ ней заключены, и ему присуждено было его достояніе. Онъ положилъ всѣ сіи сокровища въ ризницу Софійскую и по совѣту Святителя началъ сооружать новую каменную церковь Рождества Богоматери вмѣсто деревянной, употребляя на строеніе золото, обрѣтенное въ бочкѣ, и раздавая убогимъ доброхотныя даянія гражданъ въ пользу обители. Въ скоромъ времени св. Епископъ Никита предалъ праведную душу свою Богу; стольже богобоязненный мужъ св. Нифонтъ занялъ каѳедру Софійскую, сохраняя ту же любовь къ преподобному.—Уже четырнадцать лѣтъ подвизался Антоній въ распространявшейся обители, когда братія стали умолять его, дабы воспріялъ надъ ними совершенное начальство въ санѣ игумена съ степенью пресвитерскою, и, не смотря на свое смиреніе, не могъ онъ отказать пламенной молитвѣ своихъ иноковъ. Святый Владыка Нифонтъ

съ радостью рукоположилъ его въ пресвитера, и еще 16 лѣтъ игуменствовалъ блаженный пришелецъ Римскій въ созданной имъ обители, доколѣ не настигъ его послѣдній часъ. Предчувствуя кончину, онъ собралъ вокругъ себя плачущую братію, утѣшилъ ее словами Писанія и далъ ей настоятелемъ нѣкоего инока Андрея, которому открылъ свою чудную повѣсть, заповѣдавъ предать ее будущимъ родамъ во славу Божію. Мѣсяца августа въ 3 день 1147 года преставился онъ отъ временной жизни въ вѣчную послѣ 80-лѣтняго на землѣ подвига, и былъ погребенъ въ созданной имъ церкви.

Десять лѣтъ спустя послѣ кончины блаженнаго Римлянина, возникъ новый свѣтильникъ иночества въ землѣ Новгородской: родился Варлаамъ, сынъ богатыхъ родителей, въ мірскомъ званіи Алексій; это былъ второй Ѳеодосій Печерскій для обителей своей родины, которыя преобразовалъ строгимъ примѣромъ и учениками, послѣдовавшими по стопамъ великаго аввы. Съ дѣтскаго возраста уже онъ почувствовалъ отвращеніе ко всему мірскому и тотчасъ по кончинѣ родителей, раздавъ все свое имущество, предалъ себя подъ строгое начало нѣкоего инока Порфирія, чтобы пройти первый искусъ житія монашескаго. Можно предполагать, что инокъ сей былъ самъ изъ обители Антоніевой, и что тамъ поселился вначалѣ юноша Варлаамъ, потому что высокій берегъ Хутыня, предпочтительно имъ избранный для своего жительства, находился въ той же сторонѣ. Тамъ любилъ онъ уединяться на маломъ холмѣ въ глубокой чащѣ лѣса для созерцанія, и тамъ видѣніе небеснаго свѣта указало ему мѣсто будущей славной обители, какъ нѣкогда великому труженику Палестин-

скому, Саввѣ освященному. Тамъ основался Варлаамъ и соорудилъ въ 1192 году малую деревянную церковь во имя Преображенія Господня на память того небеснаго свѣта, который осѣнилъ его; около него стали собираться въ убогихъ келліяхъ многочисленные ученики. Первыми изъ нихъ были Антоній Дымскій и Ксенофонтъ, воспріявшіе послѣ него обитель Хутынскую и сами основавшіе другіе монастыри въ окрестностяхъ Новгорода. Бывшій тогда Архіепископомъ св. Григорій, братъ и преемникъ святаго схимника Іоанна на каѳедрѣ Софійской, рукоположилъ Варлаама во пресвитера и игумена новой обители Хутынской, и отовсюду начали къ нему стекаться міряне и духовные всякаго званія и возраста, ибо назидательна была бесѣда опытнаго аввы.

Онъ былъ постоянно другомъ и совѣтникомъ Владыкъ Новгородскихъ, но всѣхъ ближе по сердцу былъ ему Владыка Антоній, избранный на каѳедру Софійскую изъ числа его иноковъ и трижды съ нея низводимый по своеволію народному. Часто приглашалъ онъ на совѣтъ бывшаго своего игумена въ архіерейскія палаты. Однажды, проходя Волховскій мостъ, Варлаамъ увидѣлъ человѣка осужденнаго, котораго по приговору Вѣча уже готовились сбросить въ рѣку, и умолилъ народъ отдать обреченнаго на казнь въ свою обитель для служенія братіи. Въ другой разъ на томъ же мосту готовилась опять подобная казнь, и семейство осужденнаго со слезами умоляло авву испросить помилованіе у народа; но старецъ, не внимая мольбамъ, прошелъ мимо; ученики его, изумленные столь нечаянною суровостію, просили его объяснить имъ причину столь противурѣчившихъ другъ другу дѣйствій: ибо въ первый

разъ онъ спасъ произвольно отъ смерти человѣка, не просившаго его заступленія, а во второй жестоко отказалъ просившимъ спасенія. Старецъ отвѣчалъ: «судьбы Господни бездна многа, Господь же всячески хочетъ спасенія человѣковъ; первый изъ осужденныхъ былъ точно достоинъ казни; но сердце его тронулось въ сію страшную минуту, и я хотѣлъ доставить ему время покаянія въ обители, что онъ и успѣлъ совершить, принявъ на себя ангельскій образъ. Второй же былъ совершенно невиненъ и кончался мученически; я же боялся, чтобы впослѣдствіи злоба не измѣнила разумъ его и не прельстилась душа его, и въ обоихъ случаяхъ поступилъ по тайному откровенію, бывшему мнѣ о сихъ осужденныхъ.» Такъ ясно видѣла душа блаженнаго Варлаама Духомъ Божіимъ внутреннее человѣка. Однажды возвѣстилъ онъ князю Новгородскому, пришедшему посѣтить его обитель, рожденіе сына; обрадованный князь просилъ его быть воспріемникомъ новорожденнаго и надѣлилъ щедрыми даяніями обитель; въ другой разъ молитвою своею воскресилъ отрока простаго поселянина, который понесъ въ обитель больное дѣтище еще живымъ, и, хотя оно скончалось на пути, не усомнился, но съ вѣрою продолжалъ путь, и по вѣрѣ его дано было ему желаемое: онъ возвратился домой съ воскресшимъ сыномъ.

Такими великими чудесами прославилъ Господь Своего угодника. Одно изъ нихъ доселѣ празднуется ежегодно крестнымъ ходомъ, который совершается торжественно въ первую пятницу Петрова поста. Преподобный предрекъ однажды св. Архіепископу Антонію, что въ этотъ день онъ пріѣдетъ къ нему въ Новгородъ на саняхъ, и дѣйствительно, въ ночь

наканунѣ того дня выпалъ глубокій снѣгъ и сдѣлался столь жестокій морозъ, что преподобный могъ исполнить свое обѣщаніе. Смутился Антоній, который сперва не хотѣлъ вѣрить предреченію, а потомъ боялся вредныхъ послѣдствій столь необычайнаго явленія; но старецъ успокоилъ его, сказавъ, что снѣгъ и морозъ были особенною милостію Божіею, ибо они истребили множество червей, точившихъ корень хлѣба, а растаявшій снѣгъ оплодотворитъ землю, и опять событіе оправдало слова старца. По сей причинѣ Владыка Антоній учредилъ, чтобы ежегодно совершался крестный ходъ въ обитель Хутынскую, и доселѣ во свидѣтельство сего чуда возносятся тамъ благодарныя молитвы Господу и Его угоднику Варлааму, возвѣстившему дивное событіе.

Уже преподобный достигъ маститой старости, когда пожелалъ соорудить въ Хутыни благолѣпный каменный храмъ Преображенія вмѣсто обветшавшаго, но Господь не соизволилъ ему довершить начатое зданіе. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ собралъ вокругъ себя братію и назначилъ имъ настоятелемъ Антонія, который возвратился изъ Царьграда въ ту минуту, когда говорилъ о немъ авва, провидѣвшій его пришествіе; а самъ водворился въ небесныя обители къ тому невечернему свѣту, отраженіе коего созерцалъ на землѣ. Годъ его отшествія къ Богу не упомянутъ въ житіи, и потому нѣкоторые ошибочно полагаютъ кончину преподобнаго въ 1192 году, когда онъ только что основался на холмѣ Хутынскомъ; но его постоянное общеніе съ Архіепископомъ Антоніемъ, возшедшимъ на каѳедру Софійскую не ранѣе 1212 года изъ устроенной уже обители Хутынской, и записка въ лѣтописи Новгород-

ской, что Архіепископъ Спиридонъ съ освященнымъ клиромъ погребали на Хутыни у св. Спаса раба Божія Варлаама въ 1243 году, даютъ поводъ относить кончину его къ сему времени, хотя есть разность въ числахъ погребенія между лѣтописью и житіемъ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что блаженный авва скончался въ глубокой старости и былъ погребенъ съ величайшимъ торжествомъ посреди плача народнаго, ибо еще заживо былъ уже почитаемъ за великаго угодника Божія; обильныя исцѣленія ознаменовали святость его при самомъ погребеніи, и память его болѣе всѣхъ угодниковъ Божіихъ, коими прославился великій Новгородъ, близка сердцу народа.

До сихъ поръ на память торжественнаго погребенія идетъ къ нему въ обитель весь Новгородъ 6-го ноября, и каждый получаетъ отъ него, какъ бы въ замѣнъ поминовенія, кусокъ хлѣба и полушку, потому что такъ завѣщалъ еще при жизни преподобный угощать странныхъ, и вотъ уже шесть сотъ лѣтъ исполняется его завѣщаніе. Когда же однажды скупой казначей хотѣлъ нарушить волю блаженнаго, авва явился ему не въ сонномъ видѣніи, но чувственно, и строго наказалъ словами и жезломъ. Также поступилъ онъ въ другой разъ съ немилостивымъ келаремъ, удержавшимъ раздачу хлѣба, и въ разныя времена съ двумя игуменами, недостойными своего званія. Обличивъ ихъ сперва рѣчью, онъ приложилъ имъ и раны, отъ которыхъ столь милостиво исцѣлялъ всѣхъ къ нему притекавшихъ, и принудилъ оставить мѣсто настоятельское, ради крайняго ихъ разслабленія.—Еще разъ, когда свирѣпствовалъ голодъ въ окрестностяхъ Новгорода и власти обители Хутынской вздумали сокровиществовать у себя хлѣбъ

вмѣсто того, чтобы раскрыть житницы народу,—внезапное умаленіе заключеннаго богатства открыло гнѣвъ преподобнаго и научило невольному нищелюбію. Такое живое участіе принималъ онъ по смерти во всемъ, что касалось до любимаго имъ народа, и такъ скоръ былъ на помощь своимъ молитвенникамъ, что казалось будто земная его жизнь продлилась и, какъ потомъ Сергій Родонежскій чудотворецъ, еще ревностнѣе нежели при жизни дѣйствовалъ онъ за гробомъ; потому и являются они вмѣстѣ на иконахъ.

Однажды пономарь Хутынскій, взойдя въ соборную церковь Преображенія, внезапно увидѣлъ, что всѣ ея свѣчи и лампады зажглись сами собою; и преподобный Варлаамъ всталъ изъ своего гроба и простерся на молитву посреди храма, взывая къ Богу, дабы отвратилъ отъ великаго Новгорода всякій гнѣвъ, праведно на него движимый. Объятый ужасомъ пономарь упалъ къ его ногамъ; святый же, ободривъ его, сказалъ: «тяжкое хочу открыть тебѣ, что сотворитъ Господь великому Новгороду, зане исполнился неправды и гласъ беззаконій его взошелъ на небо». Тогда послалъ его до трехъ разъ на крышу церковную смотрѣть, что будетъ съ бѣдствующимъ городомъ, и въ первый разъ явилась ему буря водная возставшаго Ильменя, готоваго затопить городъ; а во второй сонмъ Ангеловъ, стрѣляющихъ въ него огненными стрѣлами въ предзнаменованіе страшнаго мора, въ третій же разъ туча огненная, идущая на городъ знаменіемъ пожара. Трижды возвращался посланный съ крова церковнаго и находилъ святаго неусыпно молящимся, дабы смягчилъ Господь гнѣвъ Свой, хотя и предрекъ, что все сіе должно сбыться

надъ великимъ Новгородомъ: тогда возлегъ опять на свое ложе, заповѣдавъ непрестанную молитву посреди напастей, и всѣ онѣ посѣтили одна за другою городъ, заслужившій небесныя кары.

Быть можетъ, это чудное явленіе преподобнаго пономарю Тарасію было виною впослѣдствіи его избранія въ санъ игумена, ибо мы видимъ имя сіе между настоятелей Хутыня. Вѣроятно, сказаніе о бывшемъ чудѣ возбудило и въ св. Владыкѣ Новгорода Евѳиміѣ благоговѣйное желаніе удостовѣриться лично, почиваетъ ли въ ракѣ поверхъ земли блаженный авва Варлаамъ, возставшій изъ своего гроба на молитву? Ради сего наложилъ онъ трехнедѣльный постъ на братію монастырскую и на клириковъ своей палаты съ непрестанными молитвами, и тогда только взошелъ въ церковь, гдѣ покоились св. мощи съ однимъ игуменомъ Тарасіемъ и клирикомъ своимъ Іоанномъ. Святитель сталъ у главы преподобнаго, а у ногъ его игуменъ, и съ молитвенными слезами сдвинули они раку, стоявшую поверхъ гроба. Тогда увидѣли съ благоговѣйнымъ ужасомъ тѣло преподобнаго все цѣло и нетлѣнно, и лице его, осѣненное брадою, совершенно сходное съ тою иконой, что надъ гробомъ, и воздали славу Богу, дивному во святыхъ Своихъ; а клирикъ, пораженный симъ явленіемъ, постригся въ обители Хутынской.

Поистинѣ чудеса и исцѣленія обильною рѣкою текли отъ гроба блаженнаго аввы, и обладатели земли Русской были участниками благодати, отъ него истекавшей. Младшій сынъ Великаго Князя Димитрія Донскаго, Князь Константинъ, во время своего намѣстничества въ Новгородѣ, во дни святаго Владыки Евѳиміа, принесенъ былъ замертво въ обитель Ху-

тынскую и положенъ при ракѣ преподобнаго уже безъ всякой надежды на исцѣленіе; но когда братія послѣ долгихъ о немъ молитвъ удалились изъ церкви въ трапезу, оставшіеся при князѣ отроки пришли возвѣстить игумену, что князь ихъ возсталъ и здоровымъ ходитъ по храму. Такое же чудо повторилось нѣсколько лѣтъ спустя надъ юношей Григоріемъ, спальникомъ Великаго Князя Василія Темнаго, во время ихъ пребыванія въ Новгородѣ; онъ уже чувствовалъ себя при вратахъ смерти и просилъ только отвести его живымъ или мертвымъ въ обитель, потому что ему видѣлся преподобный въ одеждѣ святительской съ крестомъ въ рукахъ, который напомнилъ ему данный обѣтъ постричься въ обители Хутынской.—Не доѣзжая оной за нѣсколько верстъ, юноша испустилъ духъ, но когда уже мертваго ввезли въ ограду, онъ внезапно очнулся; взглянувъ на икону преподобнаго, онъ совершенно ожилъ, и узналъ даже самый крестъ при мощахъ, съ которымъ являлся ему угодникъ Божій. Воскресшій разсказалъ, какимъ образомъ въ посмертномъ видѣніи предсталъ ему преподобный Варлаамъ вмѣстѣ съ чудотворцемъ Николаемъ, и, обличивъ его въ грѣхахъ юности зрѣлищемъ адскихъ мукъ, возвратилъ опять къ жизни. Вѣсть о томъ достигла Великаго Князя; онъ поспѣшилъ въ обитель съ дѣтьми своими и святымъ Владыкою Іоною, и торжественный молебенъ пѣтъ былъ надъ гробомъ преподобнаго; чудо сіе случилось 31 января 1425 года.

Но св. Варлаамъ, скорый помощникъ притекавшихъ къ нему съ должнымъ благоговѣніемъ, смирялъ иногда и неподобающее превозношеніе; это испыталъ надъ собою сынъ Темнаго, великій Іоаннъ,

когда еще въ первый разъ гостемъ посѣтилъ отчину свою Новгородъ въ 1462 году. Великій Князь остановился на берегахъ Ильменя въ обители св. Троицы; тамъ посѣтили его Владыка Ѳеофилъ, посадники, бояре и именитые граждане великаго Новгорода. Іоаннъ объявилъ имъ желаніе свое поклониться мощамъ великаго угодника Варлаама и на другой день уже въ Хутыни посреди церкви св. Спаса сталъ говорить игумену Наѳанаилу и братіи: «почему не открываете вы, отцы святые, гроба преподобнаго, какъ бываетъ повсюду обычай прикасаться къ мощамъ святымъ?—И у насъ, на Москвѣ, мы лобызаемъ честные мощи Святителей Алексія и Іоны, и чудотворца Сергія въ его лаврѣ?» (Рѣчь Іоанна показываетъ, что уже въ его время прославленъ былъ Іона; а мощи Петра Митрополита скрыты были подъ спудомъ). Игуменъ съ братіею отвѣтствовали Государю: «что имъ неизвѣстно, гдѣ обрѣтаются мощи преподобнаго отца ихъ Варлаама, поверхъ земли или подъ землею? ибо никто не дерзалъ еще дотолѣ къ нимъ прикасаться и они не дерзаютъ;» (открытіе же оныхъ при Владыкѣ Евѳиміѣ было, какъ видно, тайное). Но Іоаннъ возразилъ: «что не должна никогда быть утаена святыня мощей отъ притекающихъ къ нимъ богомольцевъ, какъ сіе существуетъ и на Востокѣ», и съ гнѣвомъ повелѣлъ отвалить каменную доску съ гроба преподобнаго и копать около землю; но внезапно густой дымъ исшелъ изъ подъ отваленнаго камня, вслѣдъ за дымомъ показалось пламя и опалило стѣны церковныя и внѣшнія двери. Ужаснулся Іоаннъ съ своими боярами; бросивъ жезлъ, которымъ сперва гнѣвно ударялъ въ помостъ, онъ только подавалъ знакъ рукою, чтобы перестали копать землю,

и бѣжалъ изъ храма, а жезлъ его остался во свидѣтельство чуда.

Уже Новгородъ покорился Іоанну и лишенъ былъ своего народнаго могущества; властвовалъ надъ нимъ Великій Князь Василій, сынъ Іоанновъ, посылая туда своихъ намѣстниковъ, а каѳедра Софійская сиротѣла, ибо Владыки ея избирались уже не изъ клира Новгородскаго, но посылались изъ Москвы, равно какъ и архимандриты первостепенныхъ обителей. Кто вступился за бѣдствующую отчину?—Опять тотъ же великій угодникъ: онъ является Великому Князю, впавшему въ легкій сонъ во время трапезы, и говоритъ ему: «что три обители Хутынь, Антоніева и Юрьевская безъ настоятелей и братія въ опасности духовной; поспѣши послать туда законныхъ пастырей.»—Вслѣдъ за явленіемъ аввы пришли къ Великому Князю посланные отъ сихъ трехъ обителей, и онъ по совѣщанію съ Митрополитомъ Варлаамомъ поспѣшилъ избрать настоятелей; самъ же возымѣлъ великую вѣру къ угоднику Божію и призывалъ его во всѣхъ скорбяхъ своихъ, во дни мира и войны, и покровъ святаго не разъ осѣнялъ рати Московскія въ битвахъ съ иновѣрными, а Государь посылалъ обильную милостыню въ его обитель. И вотъ, когда насталъ послѣдній часъ кроткаго Василія, опять явился ему преподобный и велѣлъ постричься въ ангельскій образъ, что немедленно исполнилъ отходящій къ Богу обладатель земли Русской; съ именемъ Варлаама въ рясѣ иноческой возлегъ онъ между своихъ державныхъ предковъ.

Такимъ образомъ съ четырьмя поколѣніями Великихъ Князей Россійскихъ, начиная отъ сына Донскаго и до отца Грознаго, вступалъ въ ближайшія

сношенія уже изъ міра невидимаго блаженный авва, и Василіемъ оканчивается замѣчательная лѣтопись его посмертныхъ дѣяній. Она безмолвствуетъ о Іоаннѣ Грозномъ, хотя, быть можетъ, и ему были отъ него нѣкія страшныя явленія во время бѣдственной эпохи казней Новгородскихъ. Живой обличалъ грознаго Царя вмѣсто усопшаго: игуменъ Арсеній заступилъ мѣсто Варлаама, и на томъ же дворищѣ Ярославлемъ, гдѣ замеръ голосъ вѣчеваго колокола, раздавался въ слухъ Іоанна обличительный голосъ смиреннаго отшельника, поселившагося на развалинахъ опустѣвшихъ палатъ. Но во время страшныхъ мятежей междуцарствія опять пробудилась Хутынь; духъ аввы Варлаама вселился въ мужественную душу его преемника по настоятельству обители, Кипріяна, почтеннаго саномъ архимандрита. Когда въ 1611 году полчища Шведскія, согласившись съ измѣнниками Русскими, подступили къ Новгороду и вождь ихъ Понтусъ Де-ла Гарди осадилъ древнюю столицу Рюрика, упало мужество ея гражданъ; только одинъ пресвитеръ Аммосъ на Торговой сторонѣ явилъ остатокъ древняго духа великаго Новгорода, ибо онъ укрѣпился въ своемъ домѣ противъ враговъ и, осѣняемый благословеніями Митрополита Исидора со стѣнъ Кремля, положилъ животъ за вѣру и отечество: сдался и самый Кремль, и обитель Хутынская сдѣлалась становищемъ Де-ла Гарди. Тогда посыпались всякія истязанія на доблестнаго архимандрита Кипріяна, въ которомъ видѣлъ враждебный вождь неодолимую твердость; въ теченіи трехъ лѣтъ подвергался онъ узамъ и мукамъ, ограблена была его обитель, ободраны святыя иконы и самая рака преподобнаго, вѣсившая до 150 фунтовъ серебра; разо-

рены и ограблены всѣ прочіе монастыри и церкви великаго Новгорода, такъ что уже онъ не возсталъ никогда въ прежнемъ блескѣ послѣ сего вторичнаго опустошенія, которое превзошло Іоанново; но Кипріянъ бодрствовалъ посреди обуревавшихъ золъ.— Посланный къ юному Царю Михаилу отъ самыхъ Шведовъ съ опасностію собственной жизни, скрѣпилъ онъ союзъ между Новгородомъ и новымъ Государемъ, который уже начиналъ сомнѣваться въ вѣрности покореннаго непріятелемъ города; когда же потомъ утихли мятежи государства и Кипріянъ, просвѣтивъ Христіанствомъ сѣверъ Сибири, въ которой долго святительствовалъ, вступилъ на каѳедру Софійскую, новымъ блескомъ осіялъ онъ сію каѳедру: благословеніе преподобнаго Варлаама пролилось чрезъ него изъ Хутыня на всю паству Новгородскую и на дальніе предѣлы Россіи. Таковы были заслуги великаго аввы отечественной Церкви; теперь его древняя обитель, паче другихъ уважаемая въ Новгородѣ, съ половины минувшаго столѣтія служитъ жилищемъ для викаріевъ митрополіи Новгородской, коихъ каѳедрою избрана Старая Русса Рюрика.

Съ тремя пріятными спутниками посѣтилъ я опять послѣ десятилѣтняго отсутствія обитель преподобнаго Варлаама. Это было въ первый майскій день, и полуденное солнце ярко освѣщало величественныя его зданія и распускавшуюся зелень его рощи. Мы взошли для поклоненія угоднику Божію въ древнюю церковь Спасову, не ту однакоже, которую онъ самъ заложилъ, но во вновь созданную на томъ же основаніи въ началѣ XVI вѣка усердіемъ Митрополита Московскаго Макарія, бывшаго Владыкою Новгорода. Братія обители служили для насъ

соборный молебенъ при ракѣ преподобнаго, которую устроилъ надъ его гробомъ Царь Михаилъ Ѳедоровичъ послѣ разоренія Шведскаго въ знакъ своей признательности за покровительство святаго аввы Новгороду и Россіи. Между древними Греческими иконами величественнаго иконостаса храмовая Преображенія Господня, богато украшенная, восходитъ до временъ св. Варлаама. Въ ризницѣ показали намъ тяжкую власяницу и вериги преподобнаго, коими смирялъ онъ плоть свою въ труженическихъ подвигахъ, и убогія ризы, въ которыя облачался для священнодѣйствія сей сослужитель Ангеловъ при трапезѣ Господней, и подлинную его грамоту, писанную на пергаментѣ, въ силу коей отдавалъ Варлаамъ святому Спасу земли свои и рыбныя ловли, призывая на судъ съ собою въ будущемъ вѣкѣ того, кто ихъ отыметъ. Тамъ и трость великаго Іоанна съ хрустальною головкою, брошенная имъ при видѣ пламени, исшедшаго изъ гроба святаго, и обгорѣвшія двери церковныя во свидѣтельство бывшаго чуда. Обширная паперть соборной церкви позднѣйшей пристройки, какъ явствуетъ изъ надписи ея вокругъ стѣны, сооружена Митрополитомъ Корниліемъ уже въ 1646 году вмѣстѣ съ обоими придѣлами Покрова Богоматери и Іоанна Богослова. Въ семъ послѣднемъ погребенъ знаменитый пѣвецъ Фелицы, котораго помѣстье прилегало къ обители Хутынской: много славы отечественной сокрыто подъ смиреннымъ памятникомъ; въ его безсмертныхъ одахъ отразился весь блестящій вѣкъ Екатерины, и слово Русское, пробужденное рыбаремъ Архангельскимъ, огласилось громкою лирою Державина по всѣмъ концамъ необъятной Руси, вездѣ бросая сѣмена звуч-

наго языка и одушевляя поэтовъ. Миръ праху твоему великій геній, укрывшійся подъ сѣнь великаго угодника Божія! Теплая церковь во имя преподобнаго, довольно обширная съ трапезою, также временъ Митрополита Макарія и есть еще одна малая отдѣльная церковь Всѣхъ Святыхъ, кромѣ домовой во имя святителя Ѳеоктиста, которая устроена въ лѣтнемъ жилищѣ викаріевъ Новгородскихъ. Прочія церкви и придѣлы, существовавшія внутри ограды и на вратахъ до разоренія Шведскаго, истреблены пожаромъ и болѣе не возобновлялись.

Мы взошли въ другую внутреннюю ограду монастырскую, гдѣ насажена по цвѣтущему лугу малая роща, лѣтняя отрада пустынной братіи Хутынской. Тамъ на берегу Волхова одиноко возвышался холмъ, какъ бы насыпной курганъ, и на немъ деревянная часовня. Это была собственно келлія преподобнаго, гдѣ онъ спасался въ уединенной рощѣ, далеко отъ молвы житейской. Скитъ его былъ отдѣленъ отъ обители, которой далъ онъ отъ себя общежительный строгій уставъ, по подобію Печерскаго. Икона его стоитъ въ часовнѣ между двухъ ближайшихъ учениковъ его и преемниковъ, Антонія Дымскаго и Ксенофонта, которые приняли послѣ него настоятельство и сами основали свои обители, продливъ еще на многіе годы назидательный примѣръ блаженнаго аввы. Они были также истинными отцами иночествующихъ въ Новгородѣ. Обитель Дымская далеко, но Ксенофонтова, недавно упраздненная, видна за Волховомъ съ уединеннаго холма Варлаамова, бывшаго колыбелью столькихъ монастырей и монашествующихъ. Очаровательный видъ открывается изъ высокой часовни сквозь осѣнившую ее

чащу деревъ на Волховъ и впадающій въ него Волховецъ, ибо Хутынь у самаго ихъ стеченія, и на богатыя села и обители, раскинутыя на противулежащемъ берегу; это самое высокое мѣсто въ окрестностяхъ Новгорода; онъ видѣнъ вдали, увѣнчанный своими храмами и башнями, и шумно течетъ отъ него бурный Волховъ мимо той обители, гдѣ далеко отъ бурь градскихъ и житейскихъ устроилъ себѣ горнюю келлію святый отшельникъ, имѣвшій столь спасительное вліяніе на судьбы своей родины.

Солнце уже склонялось къ вечеру, когда на обратномъ пути изъ Хутыня достигли мы монастыря Антоніева. Благосклонно принялъ насъ настоятель его, соименный угоднику, между многими своими добродѣтелями имѣющій и ту, чтобы стараться быть полезнымъ каждому и ревновать о всемъ, что только касается до святыни Новгородской. Съ нимъ вмѣстѣ вступили мы въ древній соборъ Рождества Богоматери, основанный преподобнымъ и удержавшій древній свой образъ, хотя нѣсколько разъ былъ опустошаемъ пожарами. Большая часть зданій временъ Мстислава, т. е. XII вѣка, уцѣлѣла въ Новгородѣ, вѣроятно, по причинѣ прочности кладки Византійской, когда напротивъ того строенныя позже сего вѣка мало выдерживали разрушительное дѣйствіе времени, и должно было вновь пересозидать ихъ; это случилось и съ церквами Хутынскими. Въ обширной паперти первый представляется взорамъ круглый камень преподобнаго, до половины заслоненный его ликомъ,—чудный корабль, на которомъ совершилъ онъ свое еще болѣе чудное плаваніе, и предъ нимъ паникадило и малый колоколъ, принесенные также изъ Рима.—Самая церковь, свѣтлая и высокая по

образцу зданій того вѣка, отличается красотой своего иконостаса и Византійскою живописью; тамъ мы поклонились нетлѣннымъ мощамъ блаженнаго Римлянина, открыто почивающимъ въ кипарисной позлащенной ракѣ на мраморныхъ ступеняхъ.

450 лѣтъ таились они подъ землею до времени царствованія благочестиваго Царя Ѳеодора, послѣдняго изъ рода Рюрикова. Инокъ обители Антоніевой, по имени Нифонтъ, имѣвшій теплую вѣру къ преподобному, видѣлъ однажды во снѣ угодника Божія, лежащаго въ открытой ракѣ поверхъ помоста, и подлѣ него святителя Никиту. Ему пришло на мысль, не есть ли это тайное указаніе, что и преподобный долженъ быть прославленъ по примѣру святителя, уже просіявшаго и почивавшаго открыто въ соборѣ Софійскомъ? Втайнѣ дерзнулъ онъ приподнять верхнюю доску раки, стоявшей надъ гробомъ преподобнаго Антонія, и съ радостію увидѣлъ глубоко въ землѣ тѣло святаго совершенно нетлѣннымъ. Онъ сообщилъ о томъ игумену Кириллу, который самъ испыталъ на себѣ цѣлебную помощь блаженнаго Антонія, ибо отравленный однажды по ненависти братіи получилъ исцѣленіе при ракѣ мощей его; съ тѣхъ поръ благоговѣлъ ко всему, что только близко было святому: обновилъ икону Богоматери на его чудномъ камнѣ и отыскалъ въ ризницѣ трости морскія, съ которыми онъ приплылъ. Но Митрополитъ Новгорода Александръ, пріявшій отъ игумена радостную вѣсть сію, скоро скончался, и самъ Кириллъ переведенъ былъ настоятелемъ въ лавру Троицкую, мѣсто же его заступилъ архимандритъ Трифонъ. Не остался однако спокоенъ ревностный Нифонтъ; случилось ему быть въ лаврѣ и видѣть тамъ любовь,

которою пользовался бывшій ихъ настоятель при Государѣ; инокъ опять напомнилъ ему свое видѣніе, и Кириллъ въ присутствіи боярина Годунова сталъ умолять Царя и Патріарха Іова объ освидѣтельствованіи мощей угодника Божія. Святое дѣло сіе поручено было Патріархомъ новому Митрополиту Новгорода Варлааму; наложены постъ и молитва, и братіямъ нѣсколько разъ слышался несвоевременный звонъ, предвозвѣщавшій торжество церковное. Настоятель приступилъ къ открытію раки, но не смѣлъ коснуться мощей, которыя лежали глубоко въ землѣ на большомъ камнѣ, какъ бы въ память того, на коемъ совершилъ преподобный свое плаваніе: ужасомъ объяло всѣхъ зрѣлище нетлѣннаго тѣла, и многія исцѣленія потекли отъ него вѣрующимъ. Тогда Владыка Новгорода со всѣмъ освященнымъ соборомъ, совершивъ молебное пѣніе, поднялъ мощи преподобнаго съ камня, отъ котораго не благоволилъ онъ отдѣлиться при первомъ открытіи гроба настоятелемъ, и положилъ ихъ въ новую кипарисную раку, окованную позлащенною мѣдью. Торжественное событіе совершилось 1 іюля 1597 года;—и съ тѣхъ поръ велѣно было крестному ходу, идущему въ первый пятокъ Петрова поста въ обитель Хутынскую, заходить въ Антоніеву для большаго торжества, и до сорока чудесъ, засвидѣтельствованныхъ въ записяхъ монастыря, одно за другимъ ознаменовали благую дѣятельность преподобнаго, который какъ бы снова явился великому Новгороду.

На самой ракѣ начертаны вмѣстѣ съ краткимъ описаніемъ житія и молитвою къ преподобному двѣ его грамоты, свидѣтельствующія ревность его къ устройству своей обители. Съ какою простотой го-

воритъ о себѣ Антоній: «се труды мои, Госпоже моя, Пречистая Богородице, ими же трудихся на мѣстѣ семъ; купихъ сію землю Пречистыя въ домъ, у С . . . да у . . . . . у Ивановыхъ дѣтей у посадничихъ, а далъ есми сто рублей; а обводъ оной земли отъ рѣкъ Волхова, Витковою ручьемъ вверхъ и проч.— а кто на сю землю наступитъ, а то управитъ Мати Божія.» Другая грамота уже писана инымъ слогомъ: «Се язъ Антоній, хужшій во мнисѣхъ, изыдохъ на мѣсто се: не пріяхъ ни имѣнія отъ князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе отъ Никиты епископа, и наша по чюжей землѣ ни вдвое, ни воедино, ни себѣ покоя не дахъ, и братіи, и сиротамъ, и здѣ крестьянамъ досажая, да то все управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ: и поручаю Богу и святой Богородицѣ и крестьяномъ, и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство и проч.»

Шесть мусійныхъ древнихъ иконъ, современныхъ преподобному, висятъ на стѣнѣ алтаря у его раки: три изъ нихъ изображаютъ распятаго Господа и три Сѣдящаго на престолѣ съ символами Евангелистовъ; онѣ какъ будто сняты съ окладовъ напрестольныхъ евангелій, которыхъ много хранится въ ризницѣ, и собраны воедино около раки; а надъ нею хранится и та морская вѣтвь, съ которою преплылъ онъ море, и виситъ еще одно древнее паникадило. Надъ сѣверными дверьми придѣльнаго алтаря во имя святаго привѣшенъ шестиконечный крестъ, весьма древній, и всѣ стѣны сей церкви расписаны чудными подвигами блаженнаго Римлянина.

Въ другомъ придѣлѣ, празднующемъ св. Іоанну Богослову, покоятся подъ спудомъ въ обширной каменной ракѣ пять братьевъ, посадниковъ Новго-

родскихъ, Алфановыхъ: Никита, Кириллъ, Никифоръ, Климентъ и Исаакій; они перенесены были сюда въ 1775 году при Митрополитѣ Гавріилѣ, по случаю совершеннаго истребленія пожаромъ обители Сокольницкой за валомъ, гдѣ до тѣхъ поръ находились. Преданіе гласитъ, что во дни св. Архіепископа Іоанна въ 1162 году владѣющимъ Новгородцамъ по своей воли и по своему хотѣнію при князѣ Романѣ Мстиславичѣ, котораго имъ Богъ поручилъ, св. мощи внезапно открылись за алтаремъ дѣвичьяго монастыря чудотворца Николая благочестивому старцу, строителю близъ лежавшей Рождественской обители; въ продолженіи трехъ дней трижды предавалъ онъ ихъ землѣ, и три раза они опять являлись поверхъ нея: старецъ возвѣстилъ о томъ Владыкѣ Іоанну, который не велѣлъ болѣе погребать ихъ, но приказалъ устроить около нихъ каменную раку. Вскорѣ явились святые братья въ Москвѣ нѣкоему разслабленному боярину и, возставивъ его съ одра болѣзни, внушили соорудить часовню надъ ихъ ракою, что съ благодарностію исполнилъ исцѣленный, а между тѣмъ и въ самомъ Новгородѣ многія чудеса ознаменовали прославленіе сихъ угодниковъ Божіихъ, невѣдомыхъ міру.

Мало древней утвари хранится въ ризницѣ за главнымъ алтаремъ по случаю многихъ разореній обители пожарами и непріятелями; даже довольно долгое время она находилась въ совершенномъ запустѣніи. Въ 1387 году выжгли ее сами Новгородцы въ числѣ прочихъ 28 монастырей, когда готовились къ оборонѣ противъ Великаго Князя Димитрія Донскаго; въ 1570 году во время казней Новгородскихъ игуменъ Антоніевой обители Геласій съ двадцатью

иноками погибли подъ мечемъ Грознаго Іоанна, и расхищена была вся ея казна, а драгоцѣнные яшмовые сосуды, которые привезъ съ собою изъ Рима преподобный Антоній, взяты въ Москву и доселѣ хранятся въ ризницѣ Успенской. Въ Антоніевой однако уцѣлѣли ризы святаго основателя, бѣлыя, шелковыя, и орарь, шитый золотомъ. Игуменъ Кириллъ былъ обновителемъ запустѣвшей обители послѣ нашествія Грознаго, и она процвѣла въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, но потомъ опять подверглась общему разоренію Шведскому, такъ что въ ней оставались однѣ только каменныя церкви, соборная и Срѣтенская; послѣдняя заложена также преподобнымъ Антоніемъ, но совершенно перестроена Владыкою Новгородскимъ Алексіемъ въ 1537 году и существуетъ донынѣ. Все же прочее, ограда и келліи, большею частію деревянныя, были совершенно истреблены.

Съ основаніемъ семинаріи въ монастырѣ Антоніевомъ, въ 1740 году, началъ онъ возставать изъ развалинъ усердіемъ Архіепископа Новгородскаго Амвросія, который избралъ себѣ мѣсто упокоенія въ паперти соборной противъ самаго камня св. Антонія. Духовное училище существовало прежде въ палатахъ архіерейскихъ, гдѣ учредили оное ученые братья Греческіе Лихудіи подъ покровительствомъ Митрополита Іова, и оно процвѣтало во время управленія знаменитаго витіи церковнаго, Архіепископа Ѳеофана; но преосвященный Амвросій былъ собственно основателемъ семинаріи Новгородской, и послѣ кратковременнаго ея упадка она просіяла новымъ блескомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Замѣчательна древность иконъ Греческаго письма

въ иконостасѣ соборномъ, который былъ обновленъ въ царствованіе Петра Великаго; особенно изящны: храмовая Рождества Богоматери, Благовѣщенія и Софіи Премудрости Божіей и двѣ на столбахъ съ ликами и чудесами чудотворца Николая и преподобнаго Антонія. Но въ самомъ храмѣ есть еще одна священная память блаженнаго Римлянина: это его молитвенная келлія и надъ нею тѣсная церковь подобныхъ ему подвижниковъ, Онуфрія и Петра Аѳонскаго; туда ведетъ крутая лѣстница въ столпѣ, пристроенномъ къ собору. Тамъ по примѣру древнихъ столпниковъ спасался чудный пришелецъ Римскій и приносилъ ежедневно безкровную жертву. Привыкшій къ тѣснотѣ своего камня, на коемъ провелъ цѣлый годъ и совершилъ таинственное плаваніе, онъ какъ бы боялся простора новой своей обители въ землѣ Новгородской и добровольно заточилъ себя въ каменномъ столпѣ въ ожиданіи еще тѣснѣйшаго жилища, чрезъ которое взошелъ въ небесныя обители, и тамъ ходатайствуетъ всѣмъ намъ спасеніе своими молитвами.

IX.

ТОРЖЕСТВО СОФІЙСКОЕ.

Какое торжество готовитъ древній великій, нынѣ же умаленный Новгородъ, но тѣмъ не менѣе близкій Русскому сердцу?—Чьи священныя кости хочетъ онъ поднять изъ ихъ вѣковаго покоя?—Какая рака, слитая вся изъ серебра, стоитъ подъ сѣнію св. Софіи во глубинѣ одного изъ придѣльныхъ ея алтарей?—Кто сей нетлѣнный усопшій, чрезъ столько

вѣковъ снова дѣлающійся виновникомъ торжества?— Это ты, святитель Никита, отшельникъ и выходецъ Печерскій, седьмой изъ епископовъ, возсѣдавшихъ на каѳедрѣ Софійской, и первый изъ седми свѣтильниковъ, горящихъ донынѣ внутри храма нетлѣніемъ мощей своихъ!... Открой же намъ чудныя дѣла твои и труженическое житіе, добрый пастырь, мирно почіющій посреди насъ, какъ бы живой, дабы, когда воздвигнутся мощи твои съ ихъ священнаго ложа и ты станешь опять предсѣдательствовать намъ въ часъ литургіи съ высоты твоего горняго мѣста,— мы бы съ умиленіемъ и духовною радостію поминали тебя, наставника нашего, который проповѣдывалъ намъ слово Божіе, и, взирая на кончину твоей жизни, подражали бы вѣрѣ твоей!—«Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки» (Евр. XIII. 7, 8), по словамъ Его божественнаго Апостола, и какое утѣшительное видѣніе!—не токмо Господь, но и ученикъ Его таковъ же предъ нами днесь, каковымъ положенъ во гробѣ вчера, т. е. за семь столѣтій.— Такова его невечерняя слава!

Жизнь святителя Никиты сокровена была со Христомъ въ Богѣ, по выраженію тогоже Апостола; онъ былъ изъ числа тѣхъ воиновъ, которые болѣе заслуживаютъ уваженіе, потому что не въ полкахъ исходятъ на брань, но подвизаются на единоборство, и хотя Господь позволяетъ имъ иногда пасть, какъ и верховному Своему Апостолу Петру, дабы не превозносились надъ другими, но потомъ опять ихъ возставляетъ и творитъ непобѣдимыми. При самомъ началѣ Печерской обители однимъ изъ первыхъ ея постриженниковъ былъ сей преподобный Никита и, распаляемый чрезмѣрною ревностію, преждевременно

пожелалъ затвора вопреки опытнаго совѣта великаго игумена Никона, преемника Ѳеодосіева. Искушеніе, постигшее затворника Исаакія, постигло и юношу Никиту; духъ лести, по словамъ Апостольскимъ принимающій на себя иногда образъ Ангела свѣтлаго, обольстилъ неопытнаго въ его затворѣ. Сперва послышался ему гласъ тайной молитвы нѣкоего, невидимо съ нимъ молящагося, потомъ же и запахъ благовоннаго кадила, какъ бы небеснаго ѳиміама. Возрадовался юноша и сталъ молить невидимаго явиться ему разумно. «Не явлюсь тебѣ ради твоей юности, дабы ты не превознесся,» отвѣчалъ таинственный голосъ сими хитрыми словами, утверждая еще болѣе затворника въ его прелести; когда же далъ онъ обѣщаніе исполнять во всемъ волю искусителя, тогда явился онъ предъ нимъ въ видѣ Ангела, и поклонился ему обольщенный. «Теперь уже тебѣ не для чего молиться, ибо я стану за тебя возносить мольбы Богу, сказалъ ему врагъ человѣческій, ты же только читай книги и подавай полезные совѣты приходящимъ къ тебѣ.» Повѣрилъ затворникъ, превознесшійся гордостію духовною и успокоенный тѣмъ, что за него молится Ангелъ, сталъ бесѣдовать съ приходящими изъ книгъ св. Писанія о пользѣ душевной, иногда и предсказывая будущее, ибо тотъ же духъ лести предварялъ его о нѣкоторыхъ событіяхъ, дабы укрѣпить его въ своей неволѣ.

Горькій примѣръ того состоянія, до котораго можетъ довести насъ гордость духовная! И однако сколь многіе изъ зараженныхъ ею съ улыбкою прочтутъ сіи строки и съ надменнымъ состраданіемъ къ простотѣ писавшаго. Ничто не льститъ столько самолюбію человѣка, какъ внутреннее сознаніе его усо-

вершенствованія и духовнаго общенія съ міромъ невидимымъ, которое превозноситъ его надъ неудовлетворенными желаніями здѣшняго. Не такъ судили святые Божіи человѣки, достигавшіе поистиннѣ откровеній небесныхъ. «Я земля и пепелъ,» говоритъ Авраамъ Богу. «Я недостоинъ нарещись Апостоломъ и первый изъ грѣшниковъ!» восклицаетъ Апостолъ Павелъ, и когда у одного Палестинскаго аввы спрашивали: «почему наиболѣе смиряются святые по мѣрѣ своего усовершенствованія?» онъ отвѣчалъ: «потому что они не смотрятъ на то, что оставляютъ позади себя, но на то лишь, что впереди ихъ, и мелкая ихъ правда кажется имъ ничтожною предъ величіемъ открывающейся имъ правды Божіей.»

Однажды затворникъ послалъ сказать Великому Князю Изяславу: «сегодня убитъ племянникъ твой Глѣбъ Святославичъ въ Заволочьи; пошли скорѣе сына твоего Святополка на престолъ Новгорода,» и чрезъ нѣсколько дней точно пришла вѣсть о убіеніи князя Глѣба; посему и возрасла слава затворника, и всѣ съ большою вѣрою притекали къ нему за совѣтами. Но вотъ что обличило наконецъ обольщеннаго пророка:—Никита, зная наизусть всѣ книги ветхозавѣтныя и непрестанно состязаясь о нихъ, не могъ ничего привести во свидѣтельство изъ книгъ новаго завѣта, Евангельскихъ и Апостольскихъ, въ которыхъ то, что было только образомъ въ ветхомъ завѣтѣ, сдѣлалось самою истиною ко спасенію нашему. Смутилась братія Печерская о такой злой прелести и собрались къ затворнику всѣ, просіявшіе тогда въ пещерахъ и на каѳедрахъ святительскихъ: игуменъ Никонъ и будущій его преемникъ Іоаннъ, довершитель собора лавры, Исаія, Николай и Ѳеоктистъ,

бывшіе потомъ епископами Ростова, Тмутаракани и Чернигова, прозорливые Матѳій и Онисифоръ, два Григорія, чудотворецъ и творецъ каноновъ, Пименъ постникъ, и Агапитъ врачъ, и лѣтописецъ Несторъ, и самъ испытавшій туже прелесть затворникъ Исаакій.—Всѣ они, почіющіе нынѣ нетлѣнными тѣлесами въ пещерахъ Кіевскихъ, тогда же еще живой соборъ праведниковъ, осіявшихъ своими добродѣтелями едва возникшую лавру, соединились молитвенно въ келлію затворника и отогнали отъ него темнаго духа. И что же?—когда вывели его изъ затвора и стали разспрашивать о священномъ Писаніи, исцѣленный ими не умѣлъ отвѣчать ни слова, ибо все его мнимое знаніе было въ немъ дѣйствіе прелести.

Опять страшный и назидательный примѣръ, который по несчастію и донынѣ часто повторяется предъ нами! Сколько такихъ людей, которые, по внѣшности ведя жизнь неукоризненную и по внутреннему убѣжденію слѣдуя ученію отцевъ своихъ, пріемлютъ съ уваженіемъ всѣ книги св. Писанія ветхаго и новаго завѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ неразсудительно отвергаютъ преданія св. Отцевъ, сохранившихъ намъ невредимо сіе сокровище. Если же вникнуть глубже въ мудрованія человѣческія сего мнимо очищеннаго вѣрованія, то въ нихъ откроется явное отступленіе и отъ истинъ, заключающихся въ священныхъ книгахъ обоихъ завѣтовъ. Не молился ли Никита? не имѣлъ ли и онъ видѣнія, не предсказывалъ ли будущее?—И все сіе не отъ чрезвычайной ли ревности, и даже какъ будто бы съ видимымъ смиреніемъ, ибо онъ думалъ предостеречь себя отъ лести діавольской, и самъ говорилъ назидатель-

ныя слова приходящимъ! Одной лишь добродѣтели не доставало затворнику—послушанія; онъ не послушался своего игумена и впалъ въ сѣти вражескія. Вотъ какъ важно послушаніе заповѣдямъ церковнымъ и какъ далеко можетъ увлечь нарушеніе оныхъ! Послушаніе паче поста и молитвы, говорили богодухновенные Отцы, преемники Апостоловъ, а Господь сказалъ Апостоламъ: «слушающій васъ Меня слушаетъ и отвергающійся васъ отвергается Меня и Отца, Меня пославшаго». Но прозрѣвшій затворникъ раскаялся и горькими слезами омылъ свое заблужденіе, какъ нѣкогда Апостолъ Петръ!—Такъ ли изглаживаютъ оное и тѣ, которые подобно имъ падаютъ, но не хотятъ возстать? ибо нѣтъ ничего тоньше и увлекательнѣе прелести духовной.

Очищенный молитвою, Никита самъ былъ предназначенъ орудіемъ спасенія для другихъ и по смерти Германа, епископа Новгородскаго, избранъ былъ на каѳедру Софійскую, потому что въ то время иноки Печерскіе по святости своей жизни преимущественно поставлялись на всѣ святительскіе престолы просвѣтившейся Христіанствомъ Руси, и цѣлый рядъ таковыхъ отшельниковъ одинъ за другимъ со славою правилъ дѣлами церковными Новагорода. Святитель Никита имѣлъ утѣшеніе успокоить въ своихъ предѣлахъ чуднаго пришельца Римскаго Антонія, приплывшаго къ древней Славянской столицѣ, и самъ прославился чудесами въ тринадцатилѣтнее свое правленіе, оставивъ по себѣ благую память. Его молитвами испрошенъ былъ однажды дождь въ губительную засуху, и въ другой разъ молитвенныя слезы пастыря угасили страшный пожаръ, свирѣпствовавшій въ Новгородѣ. Въ послѣдній день января 1108 года

отошелъ онъ изъ временной жизни въ вѣчную, но оставилъ паствѣ сокровище мощей своихъ, которое открылось ей не ранѣе какъ чрезъ 450 лѣтъ, и, что̀ весьма замѣчательно, въ самую смутную и тяжкую годину для Новагорода, когда послѣ покоренія Іоаннова всѣ ужасы грознаго его внука уже висѣли надъ городомъ, обреченнымъ его гнѣву, и должны были пострадать сами пастыри вмѣстѣ съ народомъ.

Тогда явился опять, какъ бы живой, посреди смятеній паствы древній ея блюститель въ утѣшеніе скорбящихъ, дабы видѣли они, что не отступаетъ отъ нихъ благословеніе Божіе. Нѣкто Царевъ мужъ благочестивый, которому поручено было строеніе дѣлъ церковныхъ великаго Новгорода, внимая наканунѣ Пасхи чтенію дѣяній Апостольскихъ въ храмѣ св. Софіи, поскорбѣлъ духомъ о небреженіи, въ какомъ находилась гробница святителя Никиты, по таинственному внушенію поусердствовалъ сдѣлать на нее богатый покровъ. Это возбудило въ немъ и другое ревностное желаніе дознать, сохранились ли внутри гроба кости святителя? Но сколь велико было его утѣшеніе, когда, провертѣвъ скважину въ каменной ракѣ и опустивъ въ нее свѣчу, онъ увидѣлъ все тѣло его, ни въ одномъ изъ членовъ не подвергшееся тлѣнію. Это случилось въ 1551 году еще во дни правленія Архіепископа Ѳеодосія, и въ такомъ положеніи оставалась каменная рака и при его преемникѣ Серапіонѣ; а между тѣмъ православные, движимые тѣмъ же усердіемъ, приходили ежедневно смотрѣть сквозь отверстіе на нетлѣнные останки ихъ древняго пастыря и пламенно желали ихъ открытія.

Наконецъ новый Архіепископъ Новгорода, Пименъ, подвигнутый усердіемъ гражданъ, донесъ о

чудномъ явленіи мощей святителя Никиты Царю Іоанну и Митрополиту Макарію, который самъ долгое время занималъ каѳедру Софійскую, и съ ихъ разрѣшенія приступлено было къ открытію раки. Пименъ приготовилъ прежде новое полное облаченіе на нетлѣнное тѣло своего древняго предмѣстника и, поднявъ каменную крышу, въ присутствіи всего собора духовнаго обрѣлъ усопшаго совершенно цѣлымъ. Всѣ черты лица сохранились подъ воздухомъ, ихъ покрывавшимъ; правая рука лежала на персяхъ и персты ея были сложены для благословенія, а лѣвая была простерта. Самая одежда святительская, фелонь и омофоръ не только не истлѣли, но могли служить чрезъ столько столѣтій опять для священнодѣйствія преемниковъ усопшаго въ Бозѣ пастыря. Молитвенно облекли его въ новыя ризы, чтобы сохранить какъ святыню тѣ, въ коихъ былъ обрѣтенъ, и, поднявъ священное тѣло, поставили на одрѣ посреди храма, гдѣ во все время всенощнаго бдѣнія народъ притекалъ къ цѣлебнымъ мощамъ: они же сейчасъ явили силу свою, ибо до десяти человѣкъ, женъ и мужей, сухихъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ, получили здравіе отъ прикосновенія къ нетлѣннымъ останкамъ. Архіепископъ поставилъ ихъ потомъ съ правой стороны главнаго алтаря Софійскаго, доколѣ не разширилъ придѣльной церкви св. Богоотецъ Іоакима и Анны, гдѣ они прежде почивали, и тогда съ честію перенесъ ихъ на прежнее мѣсто. Впослѣдствіи подвергся онъ гнѣву царскому посреди страшнаго разоренія всего великаго Новагорода и не болѣе счастливъ былъ его преемникъ Леонидъ, избранный и сокрушенный тѣмъ же грознымъ Іоанномъ. Можно сказать, что въ сію бурную эпоху свя-

титель Никита какъ будто бы самъ на себя принялъ радѣніе о своей паствѣ, когда живые его преемники бѣдствовали на каѳедрѣ Софійской, и только замогильное пасеніе стада было дѣйственно и неприкосновенно.

Какой чудный для Новгорода былъ этотъ вѣкъ, Антоніевъ, Варлаамовъ и святителей, подобныхъ Никитѣ, которымъ онъ положилъ начало. Исключая ближайшаго его преемника, Іоанна, перваго Архіепископа, мужа впрочемъ весьма знаменитаго и памятнаго для Церкви, цѣлый рядъ прославленныхъ угодниковъ Божіихъ возсѣдалъ одинъ за другимъ на каѳедрѣ Софійской во все теченіе двѣнадцатаго столѣтія. Св. Нифонтъ наслѣдовалъ Іоанну и 26 лѣтъ былъ примирителемъ князей Русскихъ въ ихъ междоусобныхъ браняхъ и защитникомъ правъ церковныхъ. Преемникъ его Аркадій, также святый, былъ первый изъ Новгородскихъ, а не Печерскихъ иноковъ, удостоенный родной каѳедры Софійской. Мѣсто его заступилъ другой Іоаннъ, величайшій изъ святителей Новгородскихъ, который всегда пишется на иконахъ вмѣстѣ съ Никитою по сторонамъ Спаса, какъ ближайшіе охранители Новгорода. По его молитвѣ совершилось знаменіе отъ иконы Богоматери и спасенъ былъ городъ отъ осады Суздальской; чудное житіе его болѣе другихъ напечатлѣлось въ сердцахъ Новгородскихъ, а нетлѣнное его тѣло почиваетъ въ соборѣ Софійскомъ столь же твердымъ ему оплотомъ, какъ и святителя Никиты. Когда же послѣ двадцатилѣтняго правленія отошелъ въ вѣчность, онъ оставилъ достойнаго по себѣ преемника, брата Григорія, причтеннаго также къ лику святыхъ, который почиваетъ въ соборѣ подъ мощами

своего великаго брата Іоанна. Столь яркими чертами просіялъ весь XII вѣкъ въ церковной лѣтописи великаго Новгорода.

Наканунѣ дня, посвященнаго памяти обрѣтенія мощей святительскихъ (30 апрѣля), уже началось предпразднество торжественною всенощною въ соборѣ Софійскомъ. Сколько разъ ни проѣзжалъ я до того времени чрезъ Новгородъ, никогда не случалось мнѣ присутствовать на какомъ либо богослуженіи въ св. Софіи, и потому съ особеннымъ желаніемъ поспѣшилъ я въ осмивѣковой храмъ сей для праздничной всенощной. Вслѣдъ за ходомъ Архіерейскимъ взошелъ я въ Корсунскіе врата, которые затворились за нами, и съ невыразимою радостію увидѣлъ себя внезапно посреди величія нашихъ церковныхъ обрядовъ и древнѣйшей святыни нашей. Пастырь съ жезломъ въ рукахъ, окруженный своимъ клиромъ, идущій отъ Корсунскихъ вратъ во глубину алтаря Софійскаго и потомъ опять исходящій изъ него уже во славѣ церковной на литію въ паперть Корсунскую,—все это сильно дѣйствовало на воображеніе и располагало къ молитвѣ. Утѣшительно было слышать между именами Апостоловъ и Вселенскихъ учителей, призываемыхъ въ предстательство Церкви, имена собственно Новгородскихъ угодниковъ, почіющихъ въ самомъ соборѣ или въ окрестныхъ обителяхъ: Святителей Никиты, Нифонта, Іоанна, Ѳеоктиста, Моисея, Евѳимія, Іоны, Серапіона и благовѣрныхъ князей Владиміра и матери его Анны, Мстислава, нареченнаго Георгіемъ, двухъ братьевъ Ѳеодора и Александра Невскаго, и преподобныхъ отецъ: Антонія Римлянина, Варлаама Хутынскаго, Александра Свирскаго, Михаила Клопскаго, Саввы Вишерскаго,

Ефрема Перекомскаго, Арсенія Новгородскаго, Іакова Боровицкаго и прочихъ Новгородскихъ чудотворцевъ, которые, казалось, были такъ близки и доступны къ призывающимъ ихъ. Чувство благоговѣнія умножалось пѣніемъ божественныхъ гимновъ при той мысли, что уже восемь столѣтій оглашаютъ они священные своды сего храма, устоявшаго сквозь бурю столькихъ переворотовъ человѣческихъ. Самое освѣщеніе его древнихъ хоросовъ и паникадилъ, возженныхъ предъ мѣстными иконами Спаса, Успенія и св. Софіи, возбуждало въ сердцѣ неизъяснимое чувство; кое-гдѣ изъ-за мрачныхъ столбовъ таинственно мелькала какая либо одинокая лампада отъ дальней иконы или отъ открытой раки мощей, которыя другъ противъ друга съ обѣихъ сторонъ поражали взоры стоявшаго на срединѣ храма. Насквозь широкихъ скважинъ мѣдныхъ Корсунскихъ вратъ, уже не плотно смыкающихся отъ ветхости, вѣялъ вѣтеръ во всю длину собора, колебля огни лампадъ, и вечерній свѣтъ угасающаго дня сливался съ внутреннимъ освѣщеніемъ вѣковаго храма.

Еще умилительнѣе было то время священнодѣйствія, когда епископъ со всѣмъ своимъ клиромъ для величанія усопшаго Святителя вышелъ уже не на средину великой церкви, но въ малый придѣлъ св. Іоакима и Анны къ самому его гробу и, окадивъ кругомъ все святилище, прочелъ надъ его нетлѣннымъ ликомъ слова евангельскія о благомъ пастырѣ. Изъ алтаря Софійскаго можно было въ глубокой тишинѣ наслаждаться симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ и слышать каждое слово гимновъ и молитвъ. Когда же предъ окончаніемъ всенощной пѣвчіе возгласили съ высоты хоровъ: «славу въ вышнихъ Богу», это Ангель-

ское славословіе глубоко потрясло душу подъ сѣнію св. Софіи; а другой побѣдный гимнъ взбранной Воеводѣ напомнилъ времена Оскольда и Дира, отселѣ исшедшихъ во мракѣ язычества и возвратившихся на родину уже со свѣтомъ вѣры Христовой.

На слѣдующее утро раздался звукъ не вѣчеваго, но Софійскаго колокола, и дрогнули сердца Новгородскія, по выраженію нашего славнаго исторіографа.—Народъ устремился съ Торговой и Софійской стороны на площадь кремлевскую и наполнилъ ее, какъ бы во дни славы великаго Новгорода. Многочисленное духовенство сорока городскихъ церквей и четырнадцати окрестныхъ обителей, одно уцѣлѣвшее отъ прежняго величія древней столицы Славянской, стеклось въ св. Софію, какъ нѣкогда по зову великихъ Святителей, Іоанновъ и Евѳиміевъ. И дѣйствительно здѣсь звалъ его мощнымъ гласомъ своей святыни старѣйшій изъ всѣхъ Владыкъ Новгородскихъ, Святитель Никита, готовый опять возстать посреди своей паствы. Встрепенулся, ожилъ опять старый Новгородъ въ лицѣ своего духовнаго собора, просіялъ золотомъ его облаченій, прикрывшихъ обычное его убожество. Онъ, который всегда представляется мимоидущему по его пустырямъ мертвымъ полемъ съ разсѣянными на немъ бѣлыми остовами храмовъ, онъ проявилъ въ себѣ новую жизнь:—что казалось остовомъ, закипѣло жизнію, какъ будто сбылось надъ нимъ чудное видѣніе Пророка Іезекіиля, и гласъ Господа Адонаи пробудилъ давно усопшихъ, и соборъ многій, великій, сталъ на ногахъ своихъ, устремился къ св. Софіи и исполнилъ ее прежнею славою!

О какъ трогательна и высока была эта минута, когда предъ началомъ литургіи епископъ со всѣмъ

своимъ клиромъ, облаченный самъ въ семисотлѣтнія ризы Святителя Никиты, въ которыхъ былъ онъ обрѣтенъ, подошелъ къ его ракѣ и, склонившись къ св. мощамъ, чтобы поднять ихъ, соборно возгласилъ въ лице усопшему: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробахъ животъ даровавъ». Всѣ прослезились, и вотъ предъ глазами всѣхъ по сему мощному зову, проникающему гробы, совершилось нѣчто, напоминавшее возстаніе Лазаря: «и изыде умерый, обвитый по рукамъ и по ногамъ пеленами, и лице его обвязано было платкомъ» (Іоан. XI. 44). Изъ глубины раки руками архимандритовъ сталъ подыматься усопшій Святитель, облеченный въ священныя ризы, съ лицемъ, покрытымъ пеленою, и такъ былъ онъ положенъ на верхнюю крышу свой древней раки для хода кругомъ церкви. Молитвенники, стекшіеся отовсюду для сего зрѣлища, въ священномъ ужасѣ пали на колѣни, когда при пѣніи гимновъ и свѣтѣ свѣтильниковъ въ дымѣ ѳиміама понесли надъ ихъ головами изъ придѣла Богоотцевъ чрезъ весь соборъ во врата Корсунскіе нетлѣнно почившаго, воздвигшагося опять между ними, чтобы осѣнить собою паству и свой великій Новгородъ!

Много высокаго видѣлъ я на священныхъ торжествахъ православной родины, но ничего подобнаго не видѣлъ. Это шествіе семисотлѣтняго усопшаго кругомъ собора и стремленіе къ нему живыхъ было чрезвычайно поразительно.—Самое поприще благопріятствовало величію зрѣлища: св. Софія и зубчатый Кремль вокругъ съ своими обвалившимися башнями. Я вышелъ южными вратами собора на Софійскую площадь, исполненную народомъ, при гулѣ всѣхъ

колоколовъ Новгорода, и вотъ, изъ подъ арки архіепископскихъ палатъ стало показываться шествіе. Вслѣдъ за хоругвями потянулся безконечный рядъ клириковъ со свѣчами въ рукахъ, потомъ діаконы и священники съ кадилами и древними иконами собора; наконецъ подъ багряною сѣнію и богатымъ покровомъ священное тѣло св. Никиты, высоко поддерживаемое десятью архимандритами, игуменами и строителями обителей Новгородскихъ; во главѣ шелъ викарный епископъ Новгорода и убогая его одежда привлекала общее вниманіе посреди роскоши облаченій; ибо сія одежда принадлежала Святителю Никитѣ, 450 лѣтъ была съ нимъ подъ землею и уже 300 лѣтъ сохраняется въ ризницѣ Софійской, ничѣмъ не поврежденная: самый покрой ея свидѣтельствовалъ о ея древности, ибо это не нынѣшній саккосъ архіерейскій, царская утварь, которая отъ Патріарховъ Цареградскихъ перешла постепенно ко всѣмъ епископамъ; но простая священническая фелонь коричневаго штофа съ зелеными окраинами и поверхъ нея бѣлый омофоръ, собственно отличіе епископскаго сана, съ темными крестами.

Противъ южныхъ дверей собора остановилось шествіе для краткой литіи; толпы народа, пользуясь симъ мгновеніемъ, устремились къ мощамъ, чтобы по древнему православному обычаю пройти подъ ними, какъ бы подъ благословеніе самого Святителя. Движеніе было такъ сильно, что заколебалась верхняя сѣнь, и настоятели обителей, державшіе доску раки, на коей лежали св. мощи, съ трудомъ могли удержать свою священную ношу. Хотѣли остановить стремленіе народа къ святынѣ, но благочестивый епископъ Леонидъ, хотя самъ болѣе другихъ стра-

далъ отъ напора толпы, приказалъ всѣхъ допускать, чтобы никто не лишился утѣшенія духовнаго. Это былъ Новгородъ XIV вѣка во всей своей славѣ и многолюдствѣ, и пять его концевъ какъ будто сошлись еще разъ къ своему Софійскому центру. Тронулось шествіе и опять остановилось во главѣ храма противъ алтаря и еще однажды у сѣверныхъ дверей, гдѣ прочтено было Евангеліе о благомъ пастырѣ, олицетворенномъ въ ликѣ усопшаго, ибо во все время хода совершался молебенъ Святителю Никитѣ. При чтеніи Евангелія могла наконецъ подойти подъ сѣнь мощей сама виновница торжества Графиня Анна Чесменская, которая устроила для нихъ великолѣпную раку и доставила всему Новгороду утѣшеніе видѣть опять Святителя внѣ гроба и участвовать въ торжествѣ. Съ уваженіемъ разступился народъ, чтобы дать ей мѣсто, и пріятно было видѣть такое изъявленіе благодарности народной

Корсунскими вратами внесли въ соборъ сокровище мощей и поставили ихъ въ алтарѣ на горнемъ мѣстѣ, гдѣ столько разъ предсѣдательствовалъ епископъ Никита; сквозь тройное окно солнце яркими лучами освѣтило почіющаго подъ драгоцѣнными покровами Святителя. Шесть священниковъ, діаконовъ и клириковъ стали по сторонамъ его на священной стражѣ. Началось Богослуженіе, и когда священнодѣйствовавшій вступилъ торжественно со всѣмъ своимъ клиромъ въ алтарь и сталъ для слушанія Апостола и Евангелія на горнемъ мѣстѣ подлѣ своего усопшаго предмѣстника, умилительно было смотрѣть на это зрѣлище и въ сію высокую минуту окинуть взорами сверху до низу весь алтарь Софійскій.—Въ самомъ верху Господь славы, носи-

мый на Херувимахъ и поклоняемый небесными Силами; нѣсколько пониже Господь Іисусъ Христосъ въ образѣ вѣчнаго Архіерея съ Пречистою Своею Матерію и Предтечею по сторонамъ Его, и съ ликами Праотецъ, Пророковъ, Апостоловъ и Святителей, Ему молящихся. Еще ниже, позади престола, нетлѣнный Святитель Никита на своемъ горнемъ мѣстѣ, и вокругъ него освященный соборъ служителей Церкви, начиная съ епископа и архимандритовъ до діаконовъ и клириковъ въ тѣхъ же самыхъ облаченіяхъ, въ какихъ написаны были надъ ними уже прославленные члены торжествующей Церкви; — и кто же первенствуетъ между нихъ, какъ бы еще самъ принадлежащій воинствующей Церкви?—Это ты Святитель Никита, въ одно и тоже время присутствующій въ обѣихъ видимо и соединяющій ихъ нетлѣнными своими мощами! О какая утѣшительная близость міра горняго къ дольнему!

По окончаніи литургіи, мощи Святителя подняты были съ такимъ же торжествомъ съ горняго мѣста, и сквозь царскіе врата отнесены въ придѣльную церковь Богоотецъ Іоакима и Анны, гдѣ уже на мѣсто прежней убогой раки стояла новая, вся изваянная искуснымъ художникомъ, съ ликомъ усопшаго на ея крышѣ и съ изображеніемъ его подвиговъ по обѣимъ сторонамъ. Въ нее опустили нетлѣнное тѣло, и епископъ возгласилъ особенную молитву угоднику Божію, призывая покровительсво его и благословеніе на всю паству Новгородскую, ввѣренную его заступленію. Такъ окончилось торжество духовное. Гостепріимная трапеза ожидала всѣхъ священнослужителей высшихъ и низшихъ, все духовенство Новгорода и окрестныхъ обителей, и всѣхъ почет-

ныхъ гостей въ обширныхъ палатахъ Архіепископскихъ, гдѣ уже давно не бывало такого многолюднаго собранія.

На слѣдующее утро другое торжество представилось взорамъ въ томъ же соборѣ Софійскомъ и вокругъ древняго Кремля Новгородскаго по случаю праздника преполовенія. Опять епископъ совершилъ литургію въ соборѣ и вышелъ крестнымъ ходомъ на Іордань къ Волхову, предшествуемый хоругвями и крестами и всею древнею святынею Новгорода. Подвиглась и чудотворная икона Знаменія, неотступная отъ осѣняемаго ею народа во всѣхъ празднествахъ церковныхъ.—Менѣе торжественъ былъ ходъ, нежели предъидущій, но также много говорилъ сердцу, особенно когда мимо моста, усѣяннаго народомъ, подъ навѣсомъ разбитыхъ стѣнъ Кремля сталъ спускаться къ бурному Волхову, покрытому судами, и все духовенство при вѣяніи хоругвей обступило Іордань. Она была устроена противъ древнихъ водяныхъ воротъ, которыми обыкновенно выходили на воду, нынѣ закладенныхъ; надъ ними еще сохранилась древняя, весьма замѣчательная икона: происхожденіе честныхъ древъ и всемилостиваго Спаса съ изображеніемъ Евангелія, которое читается обыкновенно при освященіи водъ. Внизу представлена весьма хорошею Византійскою кистію купель Овчая въ Іерусалимѣ съ чающими вокругъ нея движенія воды при явленіи Ангела, а надъ купелью самый Ангелъ, высоко воздвизающій крестъ для возмущенія воды; какая глубокая и вмѣстѣ богословская мысль, что таинственною причиною цѣлебности сей купели было тоже животворящее знаменіе креста, которое долженствовало спасти міръ! Святители Новгородскіе стоятъ

по обѣимъ сторонамъ Ангела, какъ имѣющіе повторять надъ водами его предобразовательное дѣйствіе, а поверхъ ихъ самъ виновникъ исцѣленій, Всемилостивый Спасъ, окруженный молитвенными ликами Своей Пречистой Матери, Предтечи и святыхъ, содѣйствующихъ на небесахъ молитвамъ, возсылаемымъ отъ земли. И эта чудная икона не только совершенно забыта и неизвѣстна, но даже вскорѣ сотрется, если не обратятъ на нее вниманія, потому что она писана на стѣнѣ, которой камни уже осыпаются. Такъ постепенно исчезаютъ у насъ священные памятники древности церковной!

Утѣшительно было слышать при погруженіи честнаго креста въ воды Волхова и при гулѣ всѣхъ колоколовъ Софійскихъ праздничный тропарь: «спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое». Еще умилительнѣе былъ тропарь преполовенія, который такъ много говоритъ сердцу: «преполовившуся празднику жаждущую мою душу благочестія напой водами, яко всѣмъ, Спасе, возопилъ еси: жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ, источниче жизни нашея, Христе Боже, слава Тебѣ».

Воздвизальный крестъ, которымъ осѣнялъ епископъ, былъ одинъ изъ древнѣйшихъ собора Софійскаго съ частицами животворящаго древа и многихъ мощей; Владыки Новгородскіе всегда употребляли его во дни своего служенія.—Отъ Іордани крестный ходъ потянулся къ сѣверу кругомъ кремлевской стѣны, огибающей соборъ, и остановился для литіи противъ часовни Святителя Николая, сооруженной надъ древними вратами Владимірскими. Далѣе онъ взошелъ въ новый садъ, насаженный по крѣпостному валу и рву. Живописно для глазъ было

видѣть его движеніе промежъ деревъ по излучистымъ дорожкамъ и все пространство сада кругомъ стѣны, наполненное толпами усердствующаго народа. Нельзя было идти кругомъ всего Кремля, ибо стѣны мѣстами угрожаютъ паденіемъ, и нѣтъ вокругъ нихъ дороги, но тамъ, гдѣ кончился садъ около большой дороги, крестный ходъ взошелъ опять во врата кремлевскіе, противуположные тѣмъ, изъ коихъ выходятъ къ Волхову, и на площади противъ собора совершилась опять литія. Народъ съ усердіемъ бросался подъ икону Знаменія, и Святитель торжественно проводилъ ее опять до часовни чудотворнаго креста на Волховской мостъ, который былъ искони свидѣтелемъ событій церковныхъ и гражданскихъ великаго Новгорода. Такъ окончилось для меня торжество Софійское, въ теченіи трехъ дней потрясавшее душу мою величіемъ своихъ воспоминаній!

1846.

I.

КІЕВЪ.

Черная туча преслѣдовала меня по густому лѣсу отъ селенія Броваровъ до самаго Кіева; шире и шире расходились ея тяжелыя крыла, доколѣ не охватили весь небосклонъ:—въ полночь она разразилась; глухіе раскаты грома и дальнія молніи сосредоточились наконецъ въ одну страшную грозу, какой давно я не видалъ на сѣверѣ. По нѣсколько минутъ небо казалось отверстымъ, и стрѣлами сыпались изъ него молніи, дико озаряя окрестность.—Я вспомнилъ послѣдній день Помпеи и повѣрялъ природою дивную кисть вдохновеннаго художника: онъ разгадалъ бурю и одною изъ ея молній написалъ свою картину.—Далеко впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, какъ нѣкое свѣтило этой чудной ночи; отъ времени до времени зажигался предо мною ея путеводительный фаросъ, увѣнчанный спасительнымъ знаменіемъ креста.—Не такъ ли внезапно возсіяетъ онъ и въ день пришествія Сына человѣческаго, которое будетъ, по словамъ Евангельскимъ, также какъ молнія, исходящая отъ востока и блистающая до запада?

При выѣздѣ изъ чащи лѣса мгновенно озарилась вся обширная лавра съ своими бѣлыми цер-

квами и оградой, раскинутыми по горамъ; вдругъ запылали всѣ кресты ея седмиглаваго собора и другихъ отдѣльныхъ куполовъ, и надъ ними всталъ изъ мрака въ огненномъ вѣнцѣ своемъ бѣлый столпъ колокольни, какъ нѣкій царственный призракъ, повелѣвающій стихіями: ибо, казалось, съ его чела струились повсюду молніи, и отъ глухаго стона его колоколовъ, вторившихъ вѣтрамъ, истекали страшные раскаты грома по всему небу.—Шумѣлъ и широкій Днѣпръ, тяжкимъ колебаніемъ отзываясь на знакомый голосъ бури. Сердитыя волны съ ревомъ набѣгали на длинный мостъ его, ходившій, какъ безпріютный путникъ, по влажной стихіи; онѣ грызли его утлое дерево, бѣлою пѣною обозначая непрочную стезю сію на темнотѣ водъ. Но идущему по ней въ промежуткѣ молній, когда все погружалось опять изъ ослѣпительнаго свѣта въ столь же ослѣпительный мракъ и ни одной путеводительной звѣзды не блистало на цѣломъ небѣ,—одна лишь, болѣе отрадная, привѣтливо сіяла отъ горы Кіевской:—это была мирная лампада, теплившаяся надъ самымъ Днѣпромъ при входѣ дальнихъ пещеръ Ѳеодосіевыхъ, и взоръ, утомленный блескомъ молній, искалъ отдохнуть при тихомъ мерцаніи сей лампады, которую молитвенно возжгли святые отшельники въ ихъ безмятежной пристани за много вѣковъ и еще на много столѣтій.

На правомъ берегу Днѣпра южная природа дохнула мнѣ сквозь бурю роскошнымъ запахомъ своихъ тополей и липъ, разросшихся по оврагамъ въ ихъ дикой свободѣ; а съ горной вершины, какъ бѣлыя волны широкаго потока, устремилось ко мнѣ на встрѣчу огромное стадо тучныхъ питомцевъ Украйны; ихъ конный вожатый съ трудомъ прочи-

щалъ дорогу длиннымъ своимъ шестомъ, и живописна была въ глубокомъ ущеліи и въ бурную ночь сія дикая картина. Я подвигался медленно по скользкимъ оврагамъ, и вотъ зашумѣлъ ливень, повсюду заструились воды, и буря разыгралась во всей ея силѣ; едва, едва можно было достигнуть въ темнотѣ до высокой площади Печерской. Било два часа по полуночи;—при шумѣ непогоды внезапно раздался изъ лавры тихій, утренній благовѣстъ, призывающій къ молитвѣ обуреваемыхъ.

Утомленный ночною дорогою, не могъ я воспользоваться молитвеннымъ зовомъ; но еще до поздней литургіи я стоялъ уже у гроба преподобнаго основателя лавры, и при чтеніи акаѳиста спустилась предо мною чудотворная икона Богоматери, дивный даръ Ея св. отшельникамъ Антонію и Ѳеодосію. Благосклонно принялъ меня намѣстникъ лавры въ отсутствіе Владыки Кіевскаго, который любитъ посвящать безмолвію пустынному часы, свободные отъ пастырскихъ заботъ; но я отложилъ посѣщеніе святыни Печерской до его возвращенія и воспользовался симъ временемъ, чтобы устроить себѣ малый пріютъ въ остаткахъ сгорѣвшаго дворца Императрицы Елисаветы, который обращенъ теперь въ заведеніе искусственныхъ водъ. Роскошный садъ столѣтнихъ тополей и липъ, раскинутый по глубокимъ оврагамъ къ старому Кіеву и надъ крутымъ берегомъ Днѣпра, примыкаетъ къ убогому зданію, замѣнившему царскія палаты дочери Петровой; и въ отрадной тѣни сего сада посреди очаровательныхъ видовъ и живописной природы Кіева мало заботился я о недостаткахъ своего помѣщенія.

Поздній вечеръ и раннее утро одинаково влекли

меня на крутой обрывъ рѣки, гдѣ устроена легкая сѣнь для утомленныхъ народнымъ гульбищемъ или для сладкаго забвенія ищущихъ уединиться въ мысляхъ о быломъ. Оттолѣ во всемъ великолѣпіи святыни открывался старый Кіевъ на горахъ своихъ, и у ногъ его кипящій жизнію Подолъ и все Заднѣпровье. Вставала ль багровая луна, какъ древній щитъ Олега и Святослава, изъ-за лѣсистыхъ дебрей, столько разъ оглашавшихся звукомъ ихъ ловлей,—я уже былъ тутъ и любовался, какъ огненнымъ столпомъ отражался мѣсяцъ въ темныхъ водахъ и какъ боевой Днѣпръ, будто почуя зовъ древнихъ своихъ витязей, весь облекался серебристою бронею, ждалъ опять ладій Варяжскихъ, чтобы нести ихъ къ Царьграду:— но вмѣсто ихъ боевыхъ ладій, одни только убогіе челноки рыбарей мелькали тамъ и здѣсь по широкому пространству водъ!—Подымался ли золотой кругъ солнца, какъ свѣтлый вѣнецъ Владиміра, снимая съ горъ Кіевскихъ румяную пелену тумановъ,— опять я тутъ въ прохладѣ утра, и взоръ мой жадно обнималъ всю очаровательную окрестность отъ могилы Оскольдовой до могилы Олеговой и дальняго села Ольги, доколѣ ранній благовѣстъ всѣхъ церквей и обителей стараго Кіева и Подола не вызывалъ меня изъ созерцанія минувшаго.—Еще мало было жизни въ сей безмятежной природѣ; кое гдѣ только по зеленому обрыву утесовъ нѣсколько козъ и овецъ щипали росистую траву, и высоко рѣяли надо мной быстрыя птицы въ прозрачной синевѣ неба; а глубоко подо мною на столь же ясной лазури Днѣпра чернѣлись, какъ птицы, легкіе челноки рыбарей.

Но жаждущему былаго часы вечера отраднѣе часовъ утра.—Онъ спитъ тогда, древній Кіевъ, обле-

ченный мѣсяцемъ въ призракъ своего минувшаго величія!—Ярко сіяютъ кресты на златоверхихъ главахъ Михайловскихъ и на обновленной церкви Десятинной; храмъ Первозваннаго высоко стоитъ на отдѣльномъ холмѣ своемъ, издали, какъ бы свѣтлый образъ самого Апостола, благословляющаго начало Руси на горахъ Кіевскихъ.—Огни горятъ на дальномъ Подолѣ, расширяя его въ полусвѣтѣ мѣсяца; огни горятъ и на пустынныхъ островахъ Днѣпра, связуя все въ одно обширное цѣлое.—Такъ онъ спитъ, древній Кіевъ, доколѣ не разоблачитъ его утреннее солнце.—Но подлѣ него не дремлетъ другой старецъ, давній другъ его Днѣпръ. Какъ нѣкій вѣщій баянъ при дворѣ великокняжескомъ, напѣваетъ онъ въ слухъ князя Кіева упоительную пѣснь о славныхъ дняхъ его юности: какъ цвѣли въ теремахъ его дѣвы красныя, княжны Русскія, какъ бились въ битвахъ доблестные сыны его, князья всея Руси, и какъ молились за нихъ его дивные иноки въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и вертепахъ! Много волнъ на Днѣпрѣ,—что волна, то струна серебристая; вся рѣка, какъ органъ Русской славы! Но вотъ иная пѣснь несется по водамъ:—о чемъ поешь ты, мирный рыбакъ, на утломъ своемъ челнокѣ?—про буйные дни Гетманщизны, какъ рѣзались Ляхи съ ватагой казаковъ и съ Крымцами билася Сѣча, а тамъ по степямъ Гайдамаки ходили!—Какъ двѣ, раздвинутыя вѣками, эпохи сливаются здѣсь въ одинъ голосъ рыбаря и рѣки!—какой хаосъ событій и воспоминаній подъ однимъ серебристымъ покровомъ лунной ночи, въ виду твоихъ древнихъ святилищъ, о Кіевъ!

II.

БЛИЖНІЯ И ДАЛЬНІЯ ПЕЩЕРЫ.

Какъ только узналъ я о возвращеніи Владыки Кіевскаго изъ его любимой пустыни, я поспѣшилъ въ лавру и засталъ его тамъ во время всенощной. «Мы увидѣлись съ тобою въ часъ молитвы, сказалъ онъ мнѣ, съ обычнымъ своимъ радушіемъ, Богъ да благословитъ приходъ твой; дослушай однако конецъ божественной службы.—Посмотри, у насъ есть гдѣ помолиться,» и, отворивъ малую дверь въ алтарь домовой церкви, а съ другой стороны окно своей молитвенной храмины, онъ указалъ мнѣ на ближнія и дальнія пещеры.—Я взглянулъ въ окно и уже не могъ отвести взоровъ отъ очаровательной картины, которая раскрылась предо мною:—позлащенныя главы двухъ отдѣльныхъ обителей надъ ближними и дальними пещерами живописно возникали изъ густой зелени плодоносныхъ деревъ, разросшихся по глубокой дебри, которая лежитъ между обѣихъ пещеръ Антонія и Ѳеодосія; а за нею—широко разстилался синій Днѣпръ съ своимъ зыблющимся мостомъ и дремучими лѣсами противоположнаго берега, ярко освѣщенный лучами вечерѣющаго дня.—Казалось, Митрополитъ утѣшался моимъ восхищеніемъ, и, когда чрезъ нѣсколько минутъ окончилась всенощная, онъ опять подошелъ къ окну и сказалъ:

«Сколько бы ты ни смотрѣлъ на это чудное зрѣлище, нельзя довольно насытить имъ своихъ глазъ, потому что святые угодники, почивающіе подъ сею горою въ нѣдрахъ пещерныхъ, невольно влекутъ къ

себѣ око внѣшнее и духовное.—Если же такъ тебѣ нравится Кіевъ съ его святынею, подумай, каково должно быть царство небесное!—и, помолчавъ немного при сей благоговѣйной мысли, онъ продолжалъ: «я слышалъ, что ты хочешь сдѣлать описаніе Кіева; но испросилъ ли ты на это благословеніе преподобныхъ Печерскихъ?—а безъ него не думай и начинать; завтра пойдемъ вмѣстѣ въ пещеры; я самъ хочу ввести тебя въ жилище сихъ земныхъ Ангеловъ и небесныхъ человѣковъ.—Съ ними отраднѣе жить, нежели съ нами, бѣдными людьми! Послѣ всякой молитвенной бесѣды съ ликомъ сихъ праведниковъ невольно водворяется миръ душевный. Межъ ними, кажется, провелъ бы всю жизнь и не замѣтилъ бы, какъ переступишь въ вѣчность.» —Владыка отпустилъ меня съ благословеніемъ.

На другой день рано утромъ я уже былъ опять въ его келліяхъ и послѣдовалъ за нимъ въ ближнія пещеры уединенною стезею черезъ плодовитые сады лавры. «Какая тишина и вмѣстѣ какая природа! говорилъ мнѣ дорогою Владыка; есть ли что либо подобное на сѣверѣ?—Здѣсь я часто хожу въ пещеры и никто не вѣдаетъ моего жительства въ лаврѣ; меня рѣдко видятъ на дворѣ монастырскомъ, развѣ кто встрѣтится на пути къ преподобнымъ.»—Когда мы вышли изъ южныхъ воротъ лавры и, минуя обычный крытый ходъ въ пещеры, стали къ нимъ спускаться черезъ другой, нижній садъ обители, Преосвященный остановилъ меня и сказалъ: «съ благоговѣніемъ ступай на сію священную землю! ты идешь по тому холму, подъ которымъ почиваютъ столько угодниковъ Божіихъ въ ископанныхъ ими келліяхъ. Это молитвенный холмъ самого преподобнаго Анто-

нія; онъ тамъ и понынѣ съ своими духовными чадами!» Невольнымъ трепетомъ проникнуто было сердце при такомъ напоминовеніи Святителя.—У алтарнаго входа въ церковь Воздвиженія честнаго креста, устроенную надъ пещерами, игуменъ съ братіею сихъ ближнихъ пещеръ ожидали Владыку и подали намъ возженныя свѣчи.—Въ благоговѣйномъ молчаніи стали мы спускаться въ тѣсное устье подземелья, такъ что каждый нашъ шагъ отзывался подъ его низкими сводами. Путеводительная свѣча игумена впереди насъ озаряла извивистые переходы пещеръ, и при первомъ ихъ крутомъ поворотѣ издали блеснула лампада, отраженная серебряною ризою иконы и гробовой доски.—«Это гробъ преподобнаго Антонія! мѣсто его подвиговъ при жизни и покоя по смерти,» сказалъ мнѣ Владыка, и продолжалъ идти къ сему безбурному пристанищу великаго подвижника. Съ умиленіемъ простерся онъ предъ его гробомъ, и трогательно было видѣть во глубинѣ пещеры набожное поклоненіе, воздаваемое черезъ восемь столѣтій отцу иночествующихъ блюстителемъ ископанной имъ обители.

Въ тоже мгновеніе раздалось изъ прилежащей подземной церкви славословіе Пресвятой Троицы благословеніемъ царства Отца и Сына и св. Духа, которое проповѣдалъ Антоній даже въ нѣдрахъ земли; божественная литургія началась въ маломъ храмѣ, ископанномъ во имя его подражателями его подвиговъ: двое изъ нихъ лежатъ въ открытыхъ ракахъ по обѣимъ сторонамъ, какъ бы на стражѣ подземнаго святилища: постникъ Іоаннъ и Прохоръ, прозванный Лебедникомъ отъ травы, которою единственно питался и прокормилъ народъ въ голодную

годину. Съ такими двумя блаженными молитвенниками внутри храма, имѣя блюстителемъ самого великаго отца ихъ въ преддверіи, удостоился я слышать сію первую божественную службу въ пещерахъ Антоніевыхъ, и она глубоко впечатлѣлась въ мое сердце. Я переносился мысленно въ первые вѣка Христіанства, въ усыпальницы мучениковъ, въ подземные ихъ пріюты, гдѣ свѣчи и ладонъ были точно необходимостію богослуженія. Подъ спудомъ общей матери земли при нетлѣніи тѣлъ преподобныхъ исчезало разстояніе вѣковъ; ибо усопшіе казались современниками тѣхъ, которые въ свою чреду воспѣвали хвалы Господу, какъ бы недавно излетавшія здѣсь изъ ихъ собственныхъ устъ.

Когда окончилась литургія, Митрополитъ при выходѣ изъ церкви поклонился опять гробу преподобнаго Антонія и, указавъ мнѣ его тѣсную келлію съ каменнымъ ложемъ, сказалъ: «много было великихъ подвижниковъ въ сихъ пещерахъ, которыя внезапно изъ вертепа Варяжскаго сдѣлались мысленнымъ небомъ столькихъ земныхъ Ангеловъ; но изъ сонма всѣхъ ихъ—вотъ величайшій! ибо отъ него пролилось благословеніе св. горы Аѳонской по всей Россіи. Долго созрѣвало въ ней спасительное сѣмя, посѣянное еще Апостоломъ Андреемъ на горахъ Кіевскихъ, но за то вдругъ и процвѣло; особенно обильны были плоды его здѣсь, потому что изъ сихъ пещеръ просіяли Святители, проповѣдники и мученики за вѣру, и наипаче теплые молитвенники; они и донынѣ здѣсь лежатъ, какъ неколебимое основаніе земнаго отечества нашего и наши вожатые къ небесному.— Началомъ же всему послужилъ сей преподобный Антоній;—такая чрезвычайная благодать дана была

ему отъ Господа! Онъ же по смиренію своему не хотѣлъ даже и священства; въ любви своей къ безмолвію поревновалъ онъ соименному отцу иноковъ Египетскихъ и, подобно ему, уединялся все болѣе и болѣе, избѣгая всякой молвы.—И чтоже называлъ онъ молвою?—тихое общество первыхъ двѣнадцати отшельниковъ, собравшихся въ его дальнія пещеры! Ради нихъ оставилъ однако любитель безмолвія первый пріютъ свой, гдѣ провелъ сорокъ лѣтъ на молитвѣ, чтобы не нарушалась бесѣда его съ единымъ Богомъ; здѣсь, въ этомъ холмѣ, ископалъ онъ себѣ новую келлію и довершилъ въ ней чрезъ двѣнадцать лѣтъ подвигъ ангельской жизни. Тоже неизмѣнное удаленіе отъ міра обнаружилъ преподобный Антоній и послѣ блаженной кончины сокрытіемъ святыхъ мощей своихъ.—Ты увидишь въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ почти всѣхъ учениковъ, собравшихся подъ крыло своего блаженнаго учителя: его только нетлѣнныхъ мощей не видно между столькими угодниками, открыто почіющими въ ископанныхъ ими вертепахъ, и, когда однажды благочестіе нѣкоторыхъ ревнителей его памяти хотѣло коснуться гроба Антоніева,—внезапно исшедшее отъ него пламя удержало ихъ отъ нарушенія таинственной воли усопшаго.—Посмотри, какимъ небеснымъ спокойствіемъ сіяетъ ликъ его!»

Съ благоговѣніемъ приблизился я ко гробу преподобнаго: на серебряной ракѣ изображенъ былъ почивающій угодникъ; надъ нею стояла его икона, точно съ выраженіемъ ангельскимъ въ кроткихъ чертахъ; одинокая лампада освѣщала по сторонамъ еще двѣ иконы, гдѣ уже Антоній одинъ, или съ своимъ блаженнымъ сотрудникомъ Ѳеодосіемъ, молитвенно

стоялъ предъ лицемъ Пречистой Дѣвы, Заступницы ихъ лавры. Темная, тѣсная келлія преподобнаго украшена была такими же иконами надъ его каменнымъ ложемъ, которое не отличалось ничѣмъ отъ его гроба; ибо всякую ночь готовился онъ уснуть на немъ послѣднимъ сномъ. «Здѣсь отдыхъ его временный, а здѣсь вѣчный!» сказалъ Владыка, показывая сквозь растворенныя двери келліи на каменное ложе и на стоявшую предъ нами гробницу.— Изъ глубины келліи послышалось церковное пѣніе, какъ бы неумолкаемая молитва святыхъ:—я сталъ прислушиваться къ таинственнымъ голосамъ; Владыка разрѣшилъ мое недоумѣніе:

«Еще продолжается литургія въ другой подземной церкви преподобнаго Варлаама, которая примыкаетъ къ келліи святаго. Тамъ почиваютъ и мощи сего перваго игумена дальнихъ пещеръ, постриженнаго Антоніемъ изъ именитыхъ бояръ Кіевскихъ. Много принялъ онъ гоненій отъ Великаго Князя Изяслава за него и за другаго инока Ефрема, скопца княжескаго, но все устроилось на пользу душевную обоихъ. Взятые отселѣ, одинъ на игуменство обители св Димитрія, а другой на каѳедру святительскую въ Переяславль, они не хотѣли однако нигдѣ успокоиться, кромѣ какъ въ пещерахъ, гдѣ начался ихъ подвигъ иночества.—Мы поклонимся святымъ мощамъ ихъ въ двухъ иныхъ церквахъ сего подземелья; теперь пойдемъ далѣе.»

Митрополитъ взялъ опять свѣчу изъ рукъ игумена ближнихъ пещеръ, который пошелъ впереди насъ съ пукомъ зажженныхъ свѣчъ, озаряя темные изгибы низкихъ сводовъ. Онъ останавливался предъ каждою ракою, молитвенно называя почіющаго въ

ней угодника, и съ благоговѣніемъ преклонялся Владыка, цѣлуя нетлѣнные останки. При гробѣ нѣкоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, преосвященный говорилъ мнѣ нѣсколько назидательныхъ словъ о ихъ житіи. Идущимъ отъ гроба преподобнаго Антонія первая представилась Іуліанія, княжна Ольшанская, уже въ позднѣйшіе вѣка обрѣтенная подъ великою церковію лавры и поставленная въ пещерахъ на мѣсто Святителя Михаила, перваго Митрополита Кіевскаго, когда онъ былъ перенесенъ въ соборную церковь Успенія. Потомъ два мученика, Василій и Ѳеодоръ, связанные союзомъ духовной дружбы во время жизни и на вѣки соединенные смертію въ одномъ гробѣ. Корыстолюбіе жестокаго князя Мстислава, сына Святополка, было виною ихъ страдальческой кончины. Обольщенный лукавымъ, который не терпѣлъ добродѣтели святыхъ, Мстиславъ сталъ требовать отъ нихъ сокровищъ Варяжскихъ, будто бы открытыхъ ими въ пещерахъ, и даже своеручно поразилъ стрѣлою Василія; стрѣла сія была впослѣдствіи орудіемъ собственной его смерти: оба мученика скончались въ темницѣ отъ многихъ истязаній.

«Читалъ ли ты Патерикъ Печерскій? спросилъ меня Владыка, остановившись у послѣдующей раки.— А если и читалъ, то совѣтую тебѣ вновь перечитать, чтобы изучить житія великихъ угодниковъ, мимо коихъ проходимъ скоро, хотя каждый могъ бы насъ многому научить. Вотъ одинъ изъ трехъ писателей назидательнаго Патерика сего, Поликарпъ, первый священноархимандритъ Печерской лавры, который соревновалъ преподобному Нестору въ столь благословенномъ трудѣ. Черезъ него узнало и позднее потомство великіе подвиги смиренно почивающихъ съ

нимъ отшельниковъ.—Подлѣ священноархимандрита покоится пресвитеръ Даміанъ, цѣлебникъ, постриженникъ преподобнаго Ѳеодосія, которому онъ былъ столько преданъ, что единаго только просилъ отъ Господа:—не разлучаться съ нимъ и въ будущей жизни, и въ часъ смертный. Ангелъ въ образѣ преподобнаго увѣрилъ умирающаго, что исполнится его пламенное желаніе.»

Опять послышалось пѣніе: небесные звуки раздавались подъ землею: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися Боже нашъ.»—Страшныя, животворящія тайны Христовы совершались во мракѣ алтаря пещернаго. Мы стояли въ устьи малаго вертепа, изсѣченнаго для церкви преподобнаго Варлаама. Она была наполнена народомъ, такъ что съ трудомъ могъ я проникнуть сквозь толпу до мощей преподобнаго.—Тускло горѣли лампады и свѣчи предъ позлащеннымъ иконостасомъ отъ спертаго дыханія; но усердна была молитва богомольцевъ, отъ всѣхъ краевъ широкой Руси сошедшихся въ сей подземный пріютъ отшельниковъ, которые просвѣтили ее вѣрою. Хотѣлось бы дослушать и сію вторую литургію въ нѣдрахъ земли, но надобно было продолжать подземное странствіе, чтобы избѣжать толпы народной.

Мы поворотили сперва на лѣво въ тѣсный переходъ, чтобы поклониться четыремъ угодникамъ: Никодиму, просфорнику Печерскому, тридцать лѣтъ подвизавшемуся въ семъ благочестивомъ трудѣ; затворникамъ Лаврентію и Аѳанасію, который воскресъ послѣ двухдневной смерти и, поучивъ братію тремъ вещамъ: послушанію, покаянію и молитвѣ, самъ заключился еще на двѣнадцать лѣтъ, и Еразму, иску-

пившему себѣ спасеніе душевное вольнымъ пожертвованіемъ всего своего имущества храму Божіей Матери. Потомъ мы пошли обратно, мимо того же устья церковнаго, ко гробу Луки, экономa Печерскаго, и снова послышалось намъ дальнее пѣніе изъ церкви.—Уже тайны божественныя совершились и воспѣвалась похвальная пѣснь, ублажавшая Пречистую Матерь закланнаго на престолѣ Агнца: «честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ.» Звуки сіи, едва слышимые вдали, слѣдовали за нами въ пещерахъ, какъ отголосокъ райской пѣсни, достигавшій въ слухъ земли.

Недалеко отъ церкви, въ маломъ углубленіи почиваютъ четыре отшельника: Агапитъ, врачъ безмездный, всѣхъ исцѣлявшій молитвою, который началъ свой христолюбивый подвигъ еще при Антоніѣ и возставилъ заочнымъ словомъ съ смертнаго одра самого великаго Мономаха; два брата Іоаннъ и Ѳеофилъ, изъ коихъ первый по гласу святаго гробокопателя Марка подвигся уже мертвый на своемъ могильномъ одрѣ, чтобы уступить почетное мѣсто старшему брату, а тронутый симъ послушаніемъ Ѳеофилъ провелъ остатокъ дней своихъ въ неизсякаемыхъ слезахъ; здѣсь и священномученикъ Кукша, просвѣтившій словомъ Евангельскимъ всю Вятскую страну и тамъ умерщвленный стрѣлами дикихъ.—Кто исчислитъ имена ваши и дѣянія, святые Печерскіе, открыто или въ затворѣ почіющіе по сторонамъ тѣснаго перехода? Здѣсь Нектарій и Алексій затворникъ, Григорій иконописецъ, Сергій послушливый и Савва.—И св. Меркурій, епископъ Смоленскій, прославленный чудесами на своей родинѣ, пришелъ упокоиться въ мирный вертепъ вашъ; святи-

тельская мантія надъ каменною плитою свидѣтельствуетъ о мѣстѣ его погребенія.

«Что изображаетъ икона сія надъ ракою одного изъ преподобныхъ?» спросилъ я Владыку, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «это Ангельское постриженіе Пимена многоболѣзненнаго.—Больнымъ родился онъ на свѣтъ, больнымъ и выросъ; но за то болѣзнь тѣлесная не дала въ немъ мѣста душевной. Пламенно желалъ онъ иночества; но родители ему долго въ томъ препятствовали, доколѣ сами не были вынуждены принести его въ обитель, дабы тамъ исцѣлился молитвами; но вмѣсто исцѣленія, котораго не желалъ самъ болящій, Ангелы пришли къ нему ночью въ видѣ игумена съ братіею и постригли его въ иноческій образъ. Они нарекли его Пименомъ и предсказали долгую болѣзнь до смертнаго часа. Игуменъ, уразумѣвъ таинственное постриженіе, не смѣлъ повторять онаго. Пименъ, исцѣляя другихъ, самъ еще двадцать лѣтъ пролежалъ на одрѣ болѣзни и только тогда, какъ пришли за душею его постригавшіе Ангелы, всталъ исцѣленный и обошелъ всѣ келліи, чтобы проститься съ братіею.—Будешь ли теперь помнить, что изображаетъ сія святая икона?—Вотъ недалеко отъ Пимена многоболѣзненнаго преподобный Несторъ, котораго вы особенно чтите въ мірѣ, какъ именитаго лѣтописца; мы же здѣсь еще ублажаемъ его и какъ великаго подвижника нашей лавры, сотрудника Антоніева и Ѳеодосіева, ибо онъ съ юнаго возраста посвятилъ себя Богу въ сихъ пещерахъ, и сперва сохранилъ заповѣди Христовы на самомъ дѣлѣ, а потомъ соблюлъ дѣла святыхъ своихъ сожителей словомъ истины.—Общество любителей исторіи оковало серебромъ его раку.»

Рядомъ съ лѣтописцемъ мученикъ Евстратій, не имъ однако описанный. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ Половцами при разореніи лавры Ханомъ Бонякомъ и проданъ съ другими пятидесятью иноками Печерскими Корсунскому Еврею. Евстратій поддержалъ ихъ всѣхъ въ истинной вѣрѣ и самъ сподобился крестной смерти въ самый день Пасхи за исповѣданіе имени Господа Іисуса Христа предъ своимъ жестокимъ мучителемъ.—Образъ его страданія поставленъ надъ его ракою. Далѣе два затворника, закладенные въ своихъ келліяхъ, которые послужили имъ и гробомъ: Элладій и Іеремія прозорливый, обличавшій сокровенные помыслы братій. Еще далѣе два мученика, вольный и невольный, другъ противъ друга: Моисей, родомъ Угринъ, любимый отрокъ святаго страстотерпца князя Бориса, избѣжалъ мученической смерти господина своего, но, отведенный въ плѣнъ королемъ Болеславомъ, подвергся тамъ жесточайшимъ истязаніямъ отъ нѣкоей именитой жены Польской за любовь свою къ цѣломудрію. Подобно Іосифу, преодолѣлъ онъ всѣ искушенія и послѣ пятилѣтней муки укрылся въ пещеры къ преподобному Антонію, гдѣ довершилъ подвигъ святой жизни, сохранивъ по смерти благодатный даръ укрѣплять въ цѣломудріи притекающихъ къ его нетлѣннымъ мощамъ.—Противъ него вкопалъ себя въ землю по самыя перси иной ревнитель тойже добродѣтели, Іоаннъ многострадальный. Палимый нечистою страстію, услышалъ онъ надъ гробомъ преподобнаго Антонія тайный голосъ, что обрѣтетъ себѣ избавленіе при мощахъ невѣдомаго ему Угрина, и, движимый вѣрою, ископалъ себѣ глубокую яму предъ его ракою; тамъ засыпалъ себя землею, сперва на дни великаго поста,

а потомъ и на всю жизнь, и, уже опаляемый не страстію, но страшнымъ призракомъ діавольскимъ, пребылъ твердъ въ своемъ ужасномъ подвигѣ и даже исцѣлилъ отъ той же страсти притекшаго къ нему брата костію отъ преподобнаго Моисея. Честная глава его и крестообразно сложенныя руки, повитыя пеленами, доселѣ выходятъ изъ-подъ земли, какъ нѣкій таинственный столпъ во утвержденіе вѣры и чистоты.

Владыка съ благоговѣніемъ остановился предъ симъ изумительнымъ страдальцемъ, котораго подвигъ невольно поразитъ и остановитъ каждаго, идущаго мимо путемъ гробоваго покоя столькихъ святыхъ Божіихъ.—Онъ снялъ съ главы Іоанна малую шапочку и надѣлъ ее на меня, говоря мнѣ съ теплымъ чувствомъ искренней вѣры: «скажи мнѣ, видѣлъ ли ты гдѣ-либо что-либо сему подобное?—Вотъ подвигъ, которому чуждо должно быть пытливыя: како и почто, внушаемыя сознаніемъ человѣческой немощи предъ симъ образцемъ силы Божіей.—Молись только и прославляй Бога за Его угодниковъ!»

Я наклонился въ малую пещеру, гдѣ стоялъ преподобный, чтобы цѣловать многострадальную главу его, и едва поднялся отъ земли, какъ опять услышалъ голосъ Владыки: «вотъ еще два великихъ подвижника, разные по рожденію, соединенные здѣсь смертію: Марку Пещернику повиновались мертвые, ибо для нихъ трудился преподобный всю свою жизнь, искапывая гробы усопшей братіи; а Никола Святоша былъ сынъ князя Черниговскаго и правнукъ великаго Ярослава. Видишь ли, какъ въ каждомъ состояніи вѣсть Господь избранныхъ Своихъ, ибо всѣмъ хощетъ спастися и въ познаніе истины пріити.

Князь Никола чуждался своего высокаго сана, принималъ на себя самыя трудныя послушанія монастырскія, былъ долго вратаремъ святой лавры и послѣ тридцати-лѣтнихъ подвиговъ преселился въ вѣчное царствіе въ сихъ пещерахъ; но и Господь прославилъ его чудесами.»

Подлѣ князя инока покоился другой инокъ Печерскій, утопленный въ Днѣпрѣ его родственникомъ княземъ Ростиславомъ за то, что предсказалъ ему пораженіе отъ Половцевъ. Но чудотворецъ Григорій, такъ названный по своимъ знаменіямъ, явилъ чудо и по смерти, ибо связанное тѣло его обрѣтено было не подъ водою, но въ собственной его келліи, а пророчество святаго сбылось надъ убійцею. Мы шли далѣе по длинному переходу, гдѣ только два затворника представились намъ на пути, заключенные въ своихъ келліяхъ: Онисимъ и Матѳій прозорливый, и уже мы почти окончили обширный кругъ подземелья, когда опять круто поворотили на право, чтобы поклониться еще нѣсколькимъ угодникамъ, почивающимъ около и въ самой трапезѣ преподобнаго Антонія.

Въ узкомъ переходѣ, къ ней ведущемъ, первый отдыхаетъ отъ многихъ трудовъ своихъ св. Алипій, иконописецъ Печерскій, прославленный многими исцѣленіями, которому Ангелы дописывали его иконы. Онъ научился своему искусству отъ иконописцевъ Греческихъ, дивно присланныхъ изъ Царьграда преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ чрезъ десять лѣтъ послѣ ихъ кончины для расписанія соборной церкви. Рядомъ съ Алипіемъ Спиридонъ просфорникъ Печерскій, угасившій мантіею своею пламя въ загорѣвшейся храминѣ, которому огнь вещный напоминалъ всегда о вѣчномъ огнѣ осужденныхъ. Вла-

дыка велѣлъ игумену снять перчатку съ нетлѣнной руки, и она мнѣ открылась съ православнымъ изображеніемъ знаменія крестнаго, коимъ осѣнилъ себя преподобный въ часъ блаженнаго своего отшествія къ Богу.—Игуменъ засвидѣтельствовалъ Владыкѣ, что многіе старообрядцы обратились къ истинѣ при столь явномъ ея извѣщеніи. Напротивъ сихъ двухъ блаженныхъ почиваютъ: черноризецъ Ареѳа, коему вмѣнено было въ милостыню утраченное имъ имущество, ибо возблагодарилъ за то Господа, и два затворника, Ѳеофилъ и Сисой, въ своихъ келліяхъ. Далѣе опять открыто Анастасій, извѣстный только по имени; и въ самой трапезѣ, гдѣ братія собирались по субботамъ, есть еще нѣсколько отшельниковъ Печерскихъ: чудотворецъ Исаія, Аврамій трудолюбивый, Сильвестръ, Пименъ постникъ, духовнымъ окомъ прозрѣвшій страдальческую кончину священномученика Кукши, и Онуфрій молчаливый. Нѣтъ ихъ жизнеописанія въ Патерикѣ Печерскомъ; но память ихъ мѣстно чтимая, совершается въ пещерахъ.

Между ними обрѣлъ себѣ мѣсто упокоенія и великій труженикъ Нифонтъ, епископъ Новгородскій, прозванный отъ современниковъ поборникомъ земли Русской; ибо онъ былъ примирителемъ князей и народа и непрестанно странствовалъ съ словомъ правды или мира по обширному отечеству.—Св. Нифонтъ сильно воспротивился своевольному избранію Митрополита Кіевскаго Климента безъ согласія Патріарха Цареградскаго и даже временно претерпѣлъ заточеніе; но ему не удалось встрѣтить новаго Святителя Русскаго, шедшаго изъ Греціи, и его святое тѣло положено было въ пещерахъ, гдѣ начались его иноческіе подвиги.

Митрополитъ остановился на минуту посреди трапезной келліи и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «вообрази себѣ, какъ торжественна долженствовала быть та минута, когда однажды уже въ позднѣйшіе вѣка, близкіе къ нашему, всѣ сіи мертвые во Христѣ откликнулись на голосъ одного живаго!—Нѣкто Діонисій, настоятель сихъ пещеръ, движимый любовію къ преподобнымъ, сошелъ въ день Пасхи покадить усопшую братію, дабы и самому имѣть общеніе ихъ духовной радости. Здѣсь, посреди этой самой трапезы, онъ сказалъ имъ съ простою вѣрою отъ избытка сердца: «святые отцы и братіе, сего дня великій день, Христосъ воскресе!»—и внезапно всѣ они громогласно ему отвѣтствовали: «воистинну воскресе!» ибо смиренныя кости ихъ возрадовались и по смерти, о Бозѣ живѣ, и явили въ себѣ Его жизнь.»

Послѣ сего утѣшительнаго слова мы возвратились опять, мимо тѣхъ же тѣлесъ преподобныхъ, на прежній путь нашъ по направленію третьей подземной церкви и достигли сперва гроба св. епископа Суздальскаго Симона, взошедшаго на каѳедру изъ сихъ же пещеръ, который вмѣстѣ съ Несторомъ лѣтописцемъ потрудился въ составленіи житій Печерскихъ. Почти противъ него, подлѣ исповѣдника Онисифора, почиваетъ въ серебряной ракѣ Никонъ, третій игуменъ Печерскій, преемникъ блаженнаго Ѳеодосія, котораго онъ самъ постригалъ, ибо прежде него раздѣлялъ подвиги иноческіе съ великимъ Антоніемъ; временно удалившись въ свою Тмутараканскую обитель, онъ опять былъ вызванъ по гласу братіи въ настоятели лавры. За преподобнымъ Никономъ, ближе къ церкви, Ѳеофанъ постникъ, Макарій, Анастасій діаконъ и Аврамій затворникъ, коихъ из-

вѣстны только одни имена. Тамъ же, въ отдѣльномъ покоѣ, почиваютъ и двѣнадцать братій каменосѣчцевъ, трудившихся надъ зданіемъ соборной церкви. Преданіе гласитъ, что всѣ они, кромѣ послѣдняго, отошли къ Господу въ одинъ день; когда же двѣнадцатый увидѣлъ братію свою уже во блаженномъ успеніи и хотѣлъ возлечь вмѣстѣ съ нею на вѣчный покой,—онъ не нашелъ себѣ достаточнаго мѣста, и одна нога его осталась согбенною подъ мертвеннымъ покровомъ.

Мы взошли въ преддверіе третьей подземной церкви, которая подлѣ Варлаамовой, ибо здѣсь оканчивается пещерный кругъ. Она древнѣе двухъ первыхъ и восходитъ къ началу ближнихъ пещеръ; тамъ поклонились мы мощамъ четырехъ преподобныхъ: Псаакію, столько испытанному въ затворѣ страшными искушеніями демонскими; Никону сухому, чудно избѣжавшему Половецкаго плѣна во спасеніе тому, кто его плѣнилъ; черноризцу Иліи, прозванному Муромцемъ по мѣсту своего рожденія, и младенцу Іоанну, сыну Варяга, убіеннаго идольскими жрецами еще до временъ Христіанства Руси.— Внутри же самой церкви, празднующей Введенію во храмъ Божіей Матери, покоятся два угодника изъ числа иноковъ Печерскихъ: Ефремъ, епископъ Переяславскій, и Титъ пресвитеръ, дивно исцѣленный, ради милосердія своего къ оскорбившему его брату. Симъ назидательнымъ образцемъ заключается рядъ преподобныхъ въ ближнихъ пещерахъ великаго отца ихъ Антонія.

Когда мы взошли въ церковь, тамъ служили молебенъ всѣмъ преподобнымъ Печерскимъ, и особенно младенцу Іоанну; къ его ходатайству прибѣ-

гали скорбные родители, лишившіеся чадъ своихъ, умоляя о благословенномъ чадорожденіи; ибо такое преданіе искони сохранилось въ пещерахъ. Утѣшительно было слышать краснорѣчивыя стихиры и канонъ преподобнымъ на самомъ мѣстѣ ихъ гробоваго покоя, съ призываніемъ каждаго по имени и при напоминовеніи ихъ подвиговъ, то въ частной, то въ общей къ нимъ молитвѣ.

«Постницы богомудріи, васъ не потаила есть земля: Богъ бо изъяви васъ во всѣхъ концѣхъ вселенныя, чудеса изливающихъ:—Тому помолитеся даровати душамъ нашимъ миръ и велію милость.»

«Радуйся тучнѣйшая Божія горо Печерская, усыренная Духомъ! радуйся раю насажденій безсмертныхъ! въ тебѣ бо благоволи водворятися всегда Богъ нашъ, обогащающій тя чудесъ изліяніи, яже источаеши преподобными Его.»

«Христолюбивый граде Кіевъ, въ Бозѣ ликуй веселяйся, содержащъ яко многоцѣнное сокровище, гражданы твоя въ нѣдрѣхъ твоихъ, святыя постники же и мученики.»

«Пещеру разбойниковъ святилище сотвори Израиль; постницы же разбойниковъ обитанія храмы Божія содѣлаша.»

«Крилѣ голубинѣ отъ Бога пріимше, возлетѣсте въ Божія упокоенія, преподобніи духомъ.»

«Егда снидосте во гробы и самѣхъ себе заключисте, тогда страсти умертвивше плотскія, спогребостеся Христу, Богоносніи, и діавольскія въ подземныхъ разрушисте ограды; сего ради Ангели вѣнцы съ небесъ вамъ подаютъ.»

«Молите Бога о насъ, преподобніи отцы наши, Антоніе и Ѳеодосіе, и вси преподобніи Печерскіи,

яко мы усердно къ вамъ прибѣгаемъ, скорымъ помощникомъ и молитвенникомъ о душахъ нашихъ.»

При выходѣ изъ церкви, Владыка, зачерпнувъ святой воды въ мѣдный крестъ Марка пещерника, вкусилъ самъ и далъ мнѣ ее пить, говоря: «подивись воздержанію преподобныхъ; они умѣряли себя не только въ пищѣ, но и въ питіи, принося въ жертву Господу даже самыя невинныя свои хотѣнія и до конца сокрушая плоть свою, воистинну какъ земные Ангелы и небесные человѣки.»

Тогда мы вышли изъ спасительныхъ пещеръ, но не тѣмъ устьемъ, которымъ въ нихъ спустились; прямо изъ подземелья открылась предъ нами верхняя церковь Воздвиженія честнаго креста, наполненная народомъ во время поздней литургіи, и первое, что поразило слухъ нашъ послѣ безмолвія пещернаго, была Херувимская пѣснь, оглашавшая своды храма сими назидательными словами: «всякое нынѣ, нынѣ житейское, отложимъ попеченіе, отложимъ попеченіе!» Невозможно было болѣе во время внять сему предостереженію Церкви послѣ всего, что открылось намъ въ нѣдрахъ земли. Народъ столпился около своего Архипастыря; но онъ приложился только къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и поспѣшилъ изъ церкви, чтобы не отвлечь къ себѣ вниманія паствы, которая жадно стремилась за его благословеніемъ.

«Мы посѣтили ближнія пещеры Антоніевы, сказалъ онъ мнѣ на паперти храма, теперь спустимся и въ дальнія преподобнаго Ѳеодосія, дабы и тамъ поклониться святымъ угодникамъ, нетлѣнно почивающимъ въ семъ первоначальномъ жилищѣ подвижниковъ Печерскихъ; ибо оттолѣ возникла вся сія

великолѣпная лавра, которую теперь видишь предъ собою».

Пройдя малое пространство на дворѣ монастырскомъ, взошли мы въ длинную крытую галлерею, простирающуюся почти на сто саженъ между ближними и дальними пещерами, которая въ видѣ моста смѣло перекинута чрезъ глубокій оврагъ, ихъ раздѣляющій. Вся она усѣяна была нищею братіею, сею внѣшнею стражею священнаго подземелья, которая невольно, хотя и непріятно, напоминала о всѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ можетъ подвергнуться человѣчество, и чрезъ то возбуждала къ смиренію. Нѣкоторые между ними точно докучливы и искушаютъ терпѣніе мимоходящихъ, но другіе поистиннѣ назидательны, особенно слѣпцы; именемъ Іисуса Христа живо напоминаютъ они о томъ слѣпцѣ, котораго вопли къ Сыну Давидову напрасно старалась заглушить толпа, доколѣ не призвалъ и не исцѣлилъ его Господь. Есть между сими убогими старцы, которые въ теченіе цѣлаго дня сидятъ на пути богомольцевъ и не просятъ милостыни, а только читаютъ въ слухъ псалтирь или акаѳистъ, не обращая вниманія на мимоходящихъ, ни на подаяніе, которое имъ бросаютъ. Какъ сильны въ устахъ ихъ сіи трогательныя слова акаѳиста сладчайшему Іисусу: «Іисусе, судія живыхъ и мертвыхъ, Іисусе, надежда ненадежныхъ, Іисусе, утѣшеніе плачущихъ, Іисусе, нищихъ одѣяніе, Іисусе, всѣхъ защищеніе, Іисусе, вдовъ заступленіе, Іисусе, сирыхъ защитниче, Іисусе, труждающихся помоще, Іисусе, странныхъ наставниче, Іисусе, славо нищихъ, Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя». Вся сія длинная вереница нищихъ и увѣчныхъ по обѣимъ сторонамъ деревянной галлереи есть какъ бы одна живая строка Евангелія,

начертанная человѣческими буквами: «блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ!» (Матѳ. V. 7) и счастливъ тотъ, кто безъ ропота и съ терпѣніемъ, проходя мимо, будетъ вспоминать сіи кроткія слова Судіи небеснаго: «аминь, глаголю вамъ, понеже единому братій сихъ Моихъ меньшихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе» (Матѳ. XXV. 40).

При окончаніи галлереи, настоятель дальнихъ пещеръ съ двумя монашествующими встрѣтили Владыку, чтобы облегчить ему восходъ къ церкви, стоящей на вершинѣ холма надъ самыми пещерами. Она устроена уже въ позднѣйшія времена во имя зачатія св. Анны на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде первая деревянная церковь Успенія Богоматери, которую соорудилъ преподобный Ѳеодосій съ благословенія святаго аввы Антонія, когда уже подземная не могла вмѣщать въ себѣ многочисленной братіи. Изъ нея есть крутой сходъ въ пещеры, но онъ до такой степени тѣсенъ и неудобенъ, что принуждены были сдѣлать иной входъ съ восточной стороны; отъ церкви устроена къ нему внѣшняя галлерея, которая многими ступенями спускается съ вершины холма въ малый покой, служащій преддверіемъ пещерѣ. Оттолѣ со свѣчами въ рукахъ, предшествуемые игуменомъ, спустились мы опять въ нѣдра земли, и здѣсь уже ощутительнѣе была сырость по близости Днѣпровскихъ водъ.

Послѣ довольно долгаго хода въ подземельи, ничѣмъ не ознаменованнаго, мы достигли до трехъ затворовъ преподобныхъ Порфирія, Аѳанасія и Діонисія, житія коихъ, такъ какъ и всѣхъ прочихъ угодниковъ Печерскихъ, почивающихъ въ сихъ дальнихъ пещерахъ, не записаны въ Патерикѣ, а только

имена ихъ соблюдаются священнымъ преданіемъ.— Но сколь велико было мое изумленіе, когда послѣ сихъ затворниковъ первый, открыто почіющій угодникъ, представился мнѣ Ѳеофилъ, знаменитый Архіепископъ Новгородскій, заточенный въ Чудовѣ монастырѣ при покореніи Новгорода Іоанномъ III, и котораго могилу указываютъ донынѣ въ Софійскомъ соборѣ. Мое недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось, ибо я узналъ, что на одной старинной иконѣ, находившейся при мощахъ Ѳеофила, записано было слѣдующее преданіе: «Великій Нифонтъ, епископъ Новгородскій, почивающій въ ближнихъ пещерахъ, явился собрату своему Ѳеофилу во время его болѣзни и напомнилъ данный обѣтъ: поклониться преподобнымъ Печерскимъ. Уже онъ приближался по Днѣпру къ Кіеву, когда болѣзнь усилилась, и Святитель Новгорода имѣлъ при послѣднемъ издыханіи откровеніе отъ Господа, что самъ онъ не доплыветъ живымъ до желанныхъ пещеръ, но тѣло его упокоится тамъ вмѣстѣ съ преподобными, и такъ исполнилось надъ нимъ сіе пророчество.»

Четыре преподобныхъ Печерскихъ: Зинонъ постникъ, Григорій чудотворецъ, Ипатій цѣлебникъ и священномученикъ Лукіянъ, почиваютъ между ракою послѣдняго Архіепископа великаго Новгорода, избраннаго на Вѣчѣ, и современнымъ ему княземъ Ѳеодоромъ Острожскимъ, который не менѣе своего славнаго внука, князя Константина, подвизался за православіе въ тяжкую годину гоненій Латинскихъ и окончилъ въ схимѣ подвигъ, начатый въ мантіи княжеской.—Нѣсколько далѣе, пройдя мощи діакона Мартирія и схимника Иларіона, около затвора преподобнаго Лаврентія, закладенъ входъ въ древнія

Варяжскія пещеры, ибо опасно проникать глубже въ сіи невѣдомыя подземелья, простирающіяся, какъ полагаютъ, даже подъ самый Днѣпръ и частію обвалившіяся. Поклонившись еще св. мощамъ чудотворца Моисея, болѣзненнаго Іосифа и схимника Сисоя, Митрополитъ остановился предъ одною ракою и сказалъ: «вотъ и преподобный Несторъ некнижный, отличенный симъ смиреннымъ названіемъ отъ лѣтописца. И такъ есть у насъ Несторъ книжный, есть и некнижный, дабы и простые люди утѣшились тою мыслію, что не многимъ ученіемъ, а многими трудами, вѣрою и любовію достигнемъ небеснаго царствія».

Преподобный Несторъ почиваетъ у входа въ малую подземную церковь Благовѣщенія, которая едва ли не была древнѣйшею изъ всѣхъ пещерныхъ; ее ископали еще святые отцы сихъ подземелій, ибо къ ней направленъ крутой спускъ изъ верхней церкви Зачатія, замѣнившей подземную, и недалеко отъ нея древнія Варяжскія пещеры; да и вокругъ оной въ большемъ количествѣ стѣснились преподобные посмертные жители сихъ вертеповъ, начиная отъ затворника Пафнутія и до воина Тита; отъ его гроба открывается иной переходъ въ другую часть подземелья. Здѣсь же, недалеко отъ церкви Благовѣщенія, положена и святая игуменья Евфросинія, дочь князя Полоцкаго, которая скончалась во время своего странствованія въ Іерусалимѣ и перенесена была въ Кіевъ братьями, ей сопутствовавшими. Пименъ постникъ и святый младенецъ Леонтій, канонархъ Печерскій, почиваютъ открыто въ обширномъ преддверіи церкви преподобнаго Ѳеодосія, которая устроена уже въ началѣ XVII вѣка, по описанію Кальнофойскаго, и сое-

диняется длиннымъ переходомъ съ церковію Благовѣщенія; галлерея сія также освящена тѣлесами преподобныхъ.

«Посмотри, сказалъ мнѣ Владыка, какіе отроки, невинные по самому возрасту, достигали трудными подвигами до небеснаго царствія въ нашей святой лаврѣ». Такъ говоря, онъ ввелъ меня въ келлію, подобную Антоніевой, какую видѣлъ я въ ближнихъ пещерахъ, съ каменнымъ ложемъ въ углубленіи, надъ коимъ теплилась лампада. «Это келлія преподобнаго Ѳеодосія, сказалъ съ умиленіемъ Владыка, простершись предъ его ложемъ; это мѣсто освящено подвигами его долголѣтней иноческой жизни; здѣсь сердце лавры!»—Помолчавъ немного отъ избытка чувствъ, преисполнившихъ сердце, онъ продолжалъ: «скажи Преосвященному Московскому, когда его увидишь, что̀ медлитъ онъ посѣтить святыню Печерскую? При освященіи храма, что надъ гробомъ преподобнаго Михея, не онъ ли жаждалъ видѣть, хотя на минуту, убогую келлію Сергіеву въ томъ видѣ, какъ она была во дни преподобнаго, подышать ея воздухомъ, еще трепетавшимъ молитвами святыхъ!.... но въ лаврѣ Сергіевой уже нѣтъ и слѣдовъ его келліи: указываютъ одно лишь мѣсто ея, великолѣпно украшенное. А здѣсь, здѣсь все еще дышетъ простотою временъ Ѳеодосія: посмотри, это собственныя стѣны его келліи; нельзя было измѣнить ихъ, онѣ ископаны имъ въ землѣ!— Это его, его ложе; на этомъ помостѣ онъ молился, здѣсь онъ плакалъ, и этотъ прагъ точно истертъ ногами святыхъ. Скажи ему, что̀ же медлитъ посѣтить насъ?—Здѣсь утолилась бы его благочестивая жажда! здѣсь, вмѣстѣ съ сладкою памятію уже усопшихъ во Христѣ преподобныхъ, обрѣтетъ

онъ и искреннюю любовь еще живой своей собратіи».

Глубоко тронутый, молча, слѣдовалъ я за Владыкою изъ келліи преподобнаго Ѳеодосія вдоль тѣснаго перехода, идущаго кругомъ его церкви. Нѣсколько праздныхъ углубленій, изготовленныхъ для св. мощей, видны были по сторонамъ въ стѣнахъ пещерныхъ. «Мѣста есть еще, но по грѣхамъ нашимъ нынѣ уже не кѣмъ ихъ исполнить, сказалъ со вздохомъ Владыка, проходя мимо, и этотъ отрокъ насъ обличаетъ!» Онъ указалъ на мощи Геронтія, другаго канонарха Печерскаго.—Захарій постникъ, схимникъ Силуанъ, Агаѳонъ чудотворецъ и Игнатій, архимандритъ Печерскій, почиваютъ еще въ томъ же переходѣ, на концѣ коего достигли мы до бывшаго гроба преподобнаго Ѳеодосія противъ входа въ церковь Рождества Христова.—Гробъ сей устроенъ въ углубленіи, совершенно по образцу Антоніева; ликъ преподобнаго изображенъ на доскѣ, и богатое паникадило освѣщаетъ по сторонамъ три иконы: Богоматери и святыхъ основателей лавры въ серебряныхъ ризахъ.—Въ темнотѣ подземелья, въ полусвѣтѣ лампады невольно вспомнилъ я надъ гробомъ преподобнаго живой и пространный разсказъ Нестора лѣтописца объ открытіи святыхъ мощей Ѳеодосія, восемнадцать лѣтъ послѣ его блаженной кончины.

«Истинно и вѣрно разскажу вамъ, говоритъ Несторъ, ибо не отъ другихъ о томъ слышалъ, но самъ былъ начальникъ дѣлу сему. Пришелъ ко мнѣ игуменъ (Іоаннъ) и сказалъ: пойдемъ чадо къ преподобному Ѳеодосію, и мы пришли въ пещеру тайно отъ всѣхъ; разсмотрѣвъ же мѣсто, назначили, гдѣ раскопать, и удалились. Тогда игуменъ сказалъ

мнѣ: возьми съ собою, кого хочешь, чтобы помогъ тебѣ, но кромѣ тѣхъ никому не говори, чтобы никто изъ братіи не узналъ, доколѣ не вынесемъ св. мощи изъ пещеры. Я устроилъ въ тотъ же день орудія для копанія; это былъ вторникъ, и въ глубокій вечеръ взялъ я съ собою двухъ изъ братій, мужей чудныхъ въ добродѣтели; тайно ото всѣхъ мы пришли въ пещеру, гдѣ, сотворивъ молитвы съ поклоненіемъ и воспѣвъ псаломное пѣніе, устремились на дѣло. Я началъ копать и, много потрудившись, вручилъ лопату другому; но, копая до самой полуночи, мы не могли обрѣсти честныхъ мощей святаго и стали много скорбѣть, испуская слезы изъ очей, ибо помышляли, что святой не благоволитъ себя намъ явить; и вотъ пришла намъ иная мысль: не копать ли намъ съ другой стороны?—Тогда я опять взялъ орудіе и сталъ прилежнѣе копать; одинъ изъ бывшихъ со мною братій стоялъ предъ пещерою и, услышавъ било церковное, ударяющее къ утрени, возгласилъ ко мнѣ, что уже ударили въ церковное било. Я же прокопалъ тогда надъ честными мощами святаго и отвѣчалъ ему: прокопалъ и я уже, брате! Когда же прокопалъ, внезапно объялъ меня страхъ великій, и я началъ взывать: преподобнаго ради Ѳеодосія, Господи, помилуй мя!—Потомъ послалъ къ игумену сказать: пріиди, отче, да изнесемъ честныя мощи преподобнаго, и пришелъ игуменъ съ двумя изъ братій; я же прокопалъ болѣе и, наклонившись, увидѣлъ мощи святолѣпно лежащія: ибо составы были всѣ цѣлы и непричастны тлѣнію, лице свѣтло, очи сомкнуты и уста, власы же присохли ко главѣ; и такъ, возложивше на одръ честныя мощи святаго, мы вынесли ихъ изъ пещеры.»

Церковь Рождества Христова весьма древняя, ибо она ископана была руками преподобныхъ Печерскихъ, смежна съ церковію святаго Ѳеодосія; но мы не взошли въ сію послѣднюю, потому что она была наполнена народомъ, который въ ней оставался послѣ литургіи для слушанія панихиды; ибо благочестивые поклонники особенно любятъ совершать ихъ въ пещерахъ, тамъ, гдѣ столько нетлѣнныхъ угодниковъ свидѣтельствуютъ о грядущемъ воскресеніи. У входа въ церковь Владыка помазалъ меня мѵромъ, истекавшимъ изъ одной мѵроточивой главы, предъ коей горѣла свѣча въ углубленіи пещеры. Потомъ въ преддверіи церкви Рождественской мы поклонились благоговѣйно части мощей одного изъ младенцевъ, убіенныхъ Иродомъ въ Виѳлеемѣ, которую Патріархъ Іерусалимскій Ѳеоѳанъ принесъ въ благословеніе лаврѣ; наконецъ приблизились къ послѣдней ракѣ Лонгина, вратаря Печерскаго.

«Вотъ и вратарь блюдетъ врата пещерные, сказалъ мнѣ Владыка; имъ заключается рядъ столькихъ преподобныхъ.—Ты видѣлъ предъ собою цѣлый подземный міръ христіанскій и всѣ степени церковныя: святителей, пресвитеровъ, діаконовъ, схимниковъ, затворниковъ, мучениковъ, благочестивыхъ женъ и дѣвъ, отроковъ и даже воиновъ: отъ князя до послѣдняго вратаря, все здѣсь обрѣтается, иногда же князь и вратарь въ одномъ смиренномъ лицѣ, какъ преподобный Никола, Святоша Черниговскій. Всѣхъ призываетъ ко спасенію Господь, всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити, лишь бы только шли на спасительный зовъ сей. Памятуй видѣнное тобою и молитвами преподобныхъ Печерскихъ да обрѣтешь и ты спасеніе.» При сихъ назидательныхъ

словахъ вышли мы изъ подземной церкви Рождества Христова, какъ бы изъ вертепа Виѳлеемскаго, и, поднявшись нѣсколькими ступенями къ восточному устью дальнихъ пещеръ, вступили опять въ малое ихъ преддверіе, а оттолѣ на открытый балконъ, висящій надъ Днѣпромъ.

Какъ выразить все, что поразило взоры, что взволновало душу при столь внезапномъ переходѣ изъ мрака пещернаго на Божій свѣтъ?—Первое чувство была безотчетная радость, первымъ дѣйствіемъ свободный вздохъ!—расширилась грудь и жаждала напитаться этимъ чистымъ ароматическимъ воздухомъ, который сталъ отогрѣвать ее послѣ сырости подземной; глубокіе внутренніе помыслы на минуту уступили впечатлѣніямъ внѣшнимъ; но онѣ были невинныя, дѣтскія: все утѣшало въ природѣ, и на ея привѣтливую улыбку невольно улыбалось сердце; человѣкъ дѣлался ребенкомъ!—Никогда краше не представлялась мнѣ Божія вселенная: ярче сіяло солнце и прозрачнѣе струился синій Днѣпръ; какъ нѣкое море, разстилался онъ предъ глазами, которые только что освободились отъ тѣсноты пещерной и весело разбѣгались внизъ и вверхъ по его привольному простору; безпредѣльнымъ казалось лѣсистое Заднѣпровье подъ легкимъ полуденнымъ паромъ яркаго небосклона.—Это было далеко, далеко, какъ бы въ другомъ мірѣ, на который я смотрѣлъ изъ своего пещернаго устья. А подъ самымъ навѣсомъ, гдѣ я стоялъ, какая пышная зелень по дикимъ обрывамъ, бѣгущимъ къ рѣкѣ, какія бѣлыя хижины живописно раскинуты по утесамъ!—Глубокимъ Днѣпромъ рѣзко отдѣляется Кіевскій міръ, проникнутый своею святыней, и полуденный край, дышущій своимъ роскош-

нымъ воздухомъ, отъ противоположной, какъ бы чуждой стороны. Я стоялъ неподвижно подъ легкимъ шелестомъ листьевъ нависшихъ надо мной тополей; я вглядывался все глубже и глубже въ эту очаровательную картину, которая какъ будто меня оковала, когда услышалъ за собою голосъ: «а царствіе небесное лучше!»—Невольно вздрогнулъ я и оглянулся; позади меня стоялъ Владыка и съ кроткою отеческою улыбкою смотрѣлъ, какъ я любовался внѣшними красотами природы. «Такъ ли скоро забыты пещеры? сказалъ онъ; все это оставили отшельники, чтобы заключиться въ нѣдра земли; теперь ты лучше поймешь ихъ подвигъ.—Но время уже намъ возвратиться,» и мы медленно пошли по крутому восходу тѣхъ же длинныхъ галлерей въ св. лавру.

Такъ совершилось первое мое хожденіе въ подземныя обители преподобныхъ Печерскихъ; слѣдующіе дни я посвятилъ осмотру храмовъ и обителей стараго Кіева, отложивъ посѣщеніе самой лавры до того времени, когда переселился самъ въ ея стѣны.

III.

ХРАМЪ ПЕРВОЗВАННАГО.

Станемъ на горахъ Кіевскихъ, тамъ, отколѣ, по выраженію преподобнаго Нестора, пошла Русская земля: ибо свѣтъ истины, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, есть и духовное начало всякаго царства!—Поклонимся тому мѣсту, на коемъ стояли священныя стопы Апостола, просвѣтителя Руси! воскликнемъ ему отъ полноты сердца вмѣстѣ съ Пророкомъ: «коль красны ноги благовѣ-

ствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая!» ибо, дѣйствительно, «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ»!—О какъ драгоцѣнно для сердца каждаго Русскаго сіе отечественное преданіе!—Первозванный изъ Апостоловъ идетъ во мракъ Скиѳіи, въ край ему невѣдомый, но вѣдомый Богу, предъизбравшему Себѣ и въ немъ вѣрныхъ служителей, какъ между прочихъ языковъ. Вверхъ пустынной рѣки Борисѳена идетъ онъ не по дикому ея берегу, а по самымъ волнамъ, которыя стелются влажною стезею предъ ученикомъ Того, Кому дана всякая власть на небеси и на земли. На вершинѣ одного изъ холмовъ Кіевскихъ водружаетъ Андрей побѣдную хоругвь, крестъ искупленія, съ пророческимъ словомъ: «что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великій возникнетъ, и церкви многія воздвигнетъ въ немъ Богъ.»—И вотъ тысяча лѣтъ, которыя предъ Богомъ, какъ день вчерашній, уже протекшій, или какъ одна стража ночная,—миновались, и предки наши увидѣли событіе словъ Апостольскихъ, которому доселѣ дивимся мы, ихъ позднѣйшіе потомки.—Такъ не упадаетъ тощимъ на землю ни одинъ глаголъ Божій, и крестъ, насажденный Апостоломъ, разросся спасительнымъ древомъ, осѣнившимъ собою цѣлую Русь!

На старомъ Кіевѣ ударяли ко всенощной, у св. Софіи и въ обители Архангела, по случаю праздника Всемилостиваго Спаса: но, минуя древнія святилища, предпочелъ я идти въ храмъ Первозваннаго, чтобы тамъ присутствовать при торжественномъ изнесеніи честнаго креста, которое совершается на сей всенощной; я хотѣлъ поклониться кресту на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые водрузилъ его Апостолъ въ отечествѣ

нашемъ. Хотя великолѣпна самая церковь по чрезвычайной красотѣ и смѣлости своего зодчества; но убогое священнослуженіе, по бѣдности причта, не могло бы, казалось, произвести того впечатлѣнія, какое невольно проникаетъ душу при внѣшнемъ благолѣпіи; ибо и оно необходимо для возвышенныхъ обрядовъ православной Церкви. Когда же однако при тихомъ пѣніи: «Святый Боже,» священникъ поднялъ съ престола крестъ, увѣнчанный цвѣтами, и вынесъ его изъ алтаря на средину церкви; когда потомъ простерся онъ предъ симъ залогомъ нашего спасенія, приглашая къ тому же всю Церковь: «кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ!» —невольное умиленіе проникло въ сердце. Всѣ отечествія языковъ призывались къ поклоненію спасительнаго древа, на коемъ распятъ былъ за насъ Царь славы, и наше Славянское племя въ числѣ прочихъ языковъ; здѣсь же, на горахъ Кіевскихъ, было первое ему поклоненіе обновленныхъ вѣрою предковъ нашихъ! Не этотъ ли холмъ Русская Голгоѳа?—не изъ разсѣлины ли этихъ горъ воскресли мертвые чтители Перуна, чтобы радостно поклониться живому Богу, когда раздралась и для нихъ завѣса мрака языческаго, и благодать Божія возсіяла на ихъ горахъ, по слову Апостола!

Отрадно слышать и родственныя имена святыхъ угодниковъ, къ заступленію коихъ притекаетъ Церковь въ своихъ молитвахъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ они подвизались при жизни или упокоились послѣ блаженной кончины.—Невольно вздохнешь при имени равноапостольныхъ Владиміра и Ольги, которые почиваютъ за нѣсколько шаговъ подъ сводами Десятинной церкви, и двухъ первыхъ страсто-

терпцевъ изъ числа князей Русскихъ, здѣсь же воспитанныхъ въ теремѣ отца ихъ Владиміра, и св. князя Игоря, который наслѣдовалъ ту же участь и тотъ же вѣнецъ.—Не въ сосѣдней ли обители Михайловской дѣвственныя мощи Великомученицы Варвары? не у святой ли Софіи священномученикъ Макарій, Митрополитъ Кіевскій? А первый святитель всея Руси Михаилъ и великіе труженики Антоній и Ѳеодосій съ ликомъ всѣхъ преподобныхъ Печерскихъ не охраняютъ ли доселѣ своими молитвами и священную лавру и богоспасаемый градъ?—Всѣ здѣсь такъ близко, что готовы, кажется, откликнуться на первый молитвенный зовъ; ибо сіи небесные граждане и въ гробахъ своихъ еще остались гражданами земной своей отчизны. Они были первыми поселенцами Кіева, они и послѣдними; къ нимъ, а не къ современникамъ, стекаются донынѣ усердные поклонники.

По окончаніи всенощной, священникъ пригласилъ меня въ алтарь, чтобы посмотрѣть на горнемъ мѣстѣ прекрасную икону Вечери Тайной, которую, какъ говорятъ, писалъ знаменитый Леонардо да Винчи, а пожертвовала храму Первозваннаго Императрица Екатерина. Время и сырость уже много испортили сей замѣчательный образъ. Я спросилъ о времени построенія самой церкви, вполнѣ достойной зодческаго генія графа Растрелли и благочестія Императрицы Елисаветы.

«На будущій годъ должны праздновать юбилей сего храма, отвѣчалъ мнѣ отецъ Іаковъ, если только считать отъ его заложенія, потому что это зданіе совершилось не менѣе какъ въ двадцать три года отъ чрезвычайной глубины фундамента, превосходящей

высоту церкви. Императрица Елисавета Петровна присутствовала сама при заложеніи храма, которое совершалъ знаменитый Митрополитъ Кіева Рафаилъ.» Мнѣ любопытно было узнать также: «что стояло прежде 1744 года на этомъ священномъ холмѣ, отколѣ пролилось Христіанство на Русь?» и онъ сказалъ: «сперва деревянная церковь во имя Воздвиженія честнаго креста сооружена была не подалеку отъ нынѣшней, если не ошибаюсь, въ началѣ XIII вѣка Великимъ Княземъ Мстиславомъ Романовичемъ, а въ XVI вѣкѣ ее замѣнила каменная.—Впрочемъ, я самъ здѣсь недавно, скромно прибавилъ собесѣдникъ, и не могу всего объяснить вамъ съ тою подробностію, какой бы вы желали.»

Однако я просилъ его выдти вмѣстѣ со мною на широкую паперть, окружающую церковь, чтобы съ этой возвышенной каѳедры разъяснить мнѣ всю окрестность: ибо живописная паперть, поднятая на пятьдесятъ ступеней отъ вершины стараго Кіева, господствуетъ надъ всѣми окрестными холмами, и дѣйствительно подобна горней каѳедрѣ, отколѣ Апостолъ, какъ бы и понынѣ, проповѣдуетъ Руси Евангеліе царствія.—Нѣсколько овецъ и ягнятъ, пробравшись сквозь разломанныя перилы съ прилежащаго вала, спокойно щипали траву, проросшую изъ подъ камней помоста; церковные служители хотѣли согнать ихъ, но я просилъ оставить. Пусть эти мирныя животныя пасутся на своемъ горнемъ пастбищѣ; они даже приличны тому мѣсту, гдѣ первозванный Апостолъ проповѣдалъ Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра.

«Начнемъ съ стараго Кіева, который открывается намъ прямо противъ дверей церкви, сказалъ я, и потомъ мы пойдемъ, по чину церковному про-

тивъ солнца, кругомъ всего собора; здѣсь каждый шагъ какъ бы отрывокъ лѣтописи по священнымъ воспоминаніямъ древности.» — Зданіе Десятинной церкви заслонило отъ насъ великолѣпную громаду св. Софіи, которая такъ украшаетъ весь старый Кіевъ; но, радуясь благолѣпію новаго храма, я вспоминалъ однако съ любовію о бывшей здѣсь убогой церкви надъ гробомъ равноапостольнаго Князя. — «Скажите мнѣ, какія церкви видны вдали на право отъ Десятинной?»

«Одна Срѣтенская, гдѣ къ чудотворной иконѣ Богородицы, радости всѣхъ скорбящихъ, собираются каждую субботу благочестивые жители Кіева для слушанія акаѳиста; а другая во имя Вознесенія Господня стоитъ въ предмѣстіи Кіева: обѣ недалеко отъ древнихъ Львовскихъ воротъ, которые уже теперь не существуютъ.»

Мнѣ пришло на мысль, что память ихъ весьма соотвѣтствуетъ титлу Галицкаго, которое сохранили и донынѣ Митрополиты Кіевскіе: оно свидѣтельствуетъ, что въ ихъ каѳедральномъ городѣ еще не забыта ихъ древняя церковная область, нѣкогда православный Львовъ.

«Можетъ быть, вамъ неизвѣстно преданіе наше, продолжалъ отецъ Іаковъ, что палаты равноапостольнаго князя Владиміра стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ обновителя Десятинной церкви. Вотъ предъ самою оградою Михайловской обители и первая церковь, основанная просвѣтителемъ Руси во имя Ангела своего великаго Василія на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь былъ и прежній спускъ на Подолъ, извѣстный подъ именемъ Боричева взвоза, по лѣтописи Несторовой. Церковь сія послѣ разоренія

нія Татарскаго была также обновлена Митрополитомъ Петромъ Могилою, который оставилъ по себѣ благую память во всѣхъ священныхъ зданіяхъ Кіева.»

Я стоялъ и смотрѣлъ и безмолвствовалъ: вокругъ меня носились призраки минувшаго, и старый Кіевъ возставалъ предо мною въ полномъ смыслѣ сего громкаго имени; въ понятіяхъ моихъ смѣшалось различіе дней и вѣковъ, и давнее было мнѣ ближе недавняго; но языческій Кіевъ Олега и Святослава невольно уступалъ въ моемъ воображеніи благодатному Кіеву Ольги и Владиміра.—Теремъ, гдѣ еще отрокомъ внималъ онъ ученію мудрой бабки и гдѣ въ зрѣломъ возрастѣ избралъ себѣ ея вѣру; требище идольское, нѣкогда обагренное кровію мучениковъ и сокрушенное имъ вмѣстѣ съ кумиромъ; первый храмъ, воздвигнутый княземъ уже не богу языческихъ отцевъ, но Богу Христіанскаго своего потомства; самая гробница просвѣтителя Руси, двигнувшаго ее на стезю вѣчности,—все это подъ рукою, все можно почти осязать съ того холма, гдѣ я стоялъ и гдѣ впервые водруженъ былъ крестъ Апостоломъ. Вотъ и величественный образъ Ярослава подымается вдали надъ многоглавымъ соборомъ, знаменуя мѣсто своего покоя и поприще славныхъ подвиговъ долголѣтняго княженія. — Св. Софія, свѣтлый вѣнецъ Ярослава, уцѣлѣвшій при распаденіи его столицы: она же и каменный щитъ, осѣнившій прахъ его! — И первый Митрополитъ Михаилъ, основатель златоверхой обители Архангельской, и великій ея довершитель Мономахъ, отдѣляясь отъ прочаго сонма Святителей и князей, какъ бы видимо стоятъ здѣсь на стражѣ своихъ дѣяній въ недоступномъ для насъ величіи:— такъ ожила внезапно древняя ихъ столица своими

безсмертными усопшими!—Я стоялъ и смотрѣлъ и безмолвствовалъ.

«Обратимся къ востоку, сказалъ я наконецъ стоящему подлѣ меня священнику, но прежде скажите мнѣ: между малыми усадьбами стараго Кіева, окружающими Андреевскую гору, есть ли еще какое либо праздное мѣсто?»

«О! я бы нашелъ мѣсто, если только угадалъ вашу мысль, радушно отвѣчалъ онъ; вотъ направо свободный участокъ, нѣсколько пониже вала; есть и еще такой же по ту сторону церкви на самомъ спускѣ, и еще ниже въ полугорѣ, гдѣ находится и вода; потому что родники, бывшіе на вершинѣ холма, проведены для безопасности зданія въ ископанный нарочно водоемъ. Онъ и донынѣ слыветъ Андреевскимъ по мѣстному преданію, которое говоритъ, что ключъ живой воды заструился впервые изъ подъ животворящаго креста, водруженнаго Апостоломъ. Вы его теперь видите подъ деревяннымъ навѣсомъ, и надъ нимъ склонились густыя ракиты.—Но всѣ эти мѣста слишкомъ открыты для зимней непогоды: древняя усадьба св. Владиміра на старомъ Кіевѣ противъ крыльца церковнаго болѣе бы удовлетворила вашему желанію.»

«Не хочу таить, что мирное пристанище подъ сѣнію моего Ангела посреди воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ было часто мечтою юношескаго воображенія; такъ люблю я мечтать и теперь въ виду древнихъ святилищъ;—но мы опять отклонились отъ нашей цѣли. Какъ величественъ этотъ широкій Днѣпръ съ своими пустынными островами и, какъ живописенъ этотъ дольній городъ, кипящій жизнію у ногъ нашихъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить себѣ картину, болѣе очаровательную той, какая открывается во всѣ стороны и особенно къ востоку съ паперти Андреевской церкви. Зеленый обрывистый скатъ горы усѣянъ бѣлыми хижинами и огородами, между коихъ пасутся на свободѣ легкія козы. У подошвы горы красивый городъ Подолъ, наполненный обителями и церквами, широкимъ мысомъ вдается въ мимотекущій Днѣпръ. Съ высоты паперти можно видѣть, какъ на развернутомъ планѣ, направленіе всѣхъ его улицъ и даже слѣдовать за идущими по ихъ изгибамъ. Вправо, по ту сторону величественной рѣки, необъятная лѣсистая дебрь теряется за дальнимъ небосклономъ; влѣво, по сю сторону водъ, цвѣтущая долина тянется вдоль берега у подножія лѣсистыхъ холмовъ, расположенныхъ амфитеатромъ и разрѣзанныхъ глубокими оврагами. Подгородныя слободы Кіева и веселыя дачи съ колоннадами итальянскихъ тополей оживляютъ сію роскошную долину, по которой струится малая рѣчка. Гора Щековица, мѣсто погребенія Олегова, увѣнчанная церковію всѣхъ святыхъ, и нѣсколько далѣе бѣлая обитель Кирилловская, вся въ рощахъ, образуютъ ближній край долины; а на дальнемъ концѣ ея подымается изъ-за лѣсовъ надъ самымъ Днѣпромъ другая лѣтописная гора Хоревица съ Вышгородомъ, бывшимъ нѣкогда селомъ Ольги. Заходящее солнце довершало очарованіе, послѣдними лучами позлащая безчисленные куполы и кресты и своенравными красками расписывая неспокойныя воды Днѣпра. Но уже легкая пелена тумановъ выпарялась изъ глубокихъ овраговъ, какъ розовая завѣса, готовая задернуться надъ дивною картиной природы.

*

«Эта рѣчка, которая такъ извивается по долинѣ, есть знаменитая Почайна, или, лучше сказать, только ея вершина, сказалъ мнѣ священникъ. Во времена благовѣрнаго Князя Владиміра она текла подъ самою горою и впадала въ Днѣпръ около того мѣста, гдѣ теперь воздвигнутъ памятникъ Крещатика; узкая коса отдѣляла ее отъ рѣки, но мѣсто это, затопляемое въ полную воду, мало по малу смывалось; не болѣе однако ста лѣтъ, какъ прокопали каналъ изъ Днѣпра прямо въ Почайну на вершинѣ косы, и нахлынувшая вода совершенно уничтожила бывшее между ними разстояніе. Самый Днѣпръ часто мѣняетъ глубокое русло свое, и даже на моей памяти еще главный протокъ его шелъ гораздо далѣе за этими островами. Видите ли вдали малое озеро или, лучше сказать, прудъ въ долинѣ?—Онъ называется Іорданскимъ по имени обители, уже не существующей; а монастырь такъ названъ былъ оттого, что въ древнія времена сосудъ, брошенный однимъ поклонникомъ въ Іорданѣ Палестинскомъ, чуднымъ образомъ обрѣлся въ монастырскомъ кладезѣ.»

Я попросилъ радушнаго моего собесѣдника назвать мнѣ самыя замѣчательныя обители и церкви Подола, чтобы по крайней мѣрѣ имѣть общее о нихъ понятіе; мнѣ хотѣлось одушевить въ моемъ воображеніи эту каменную массу безъимянныхъ зданій воспоминаніями лѣтописными или присными именами святыхъ!

«Первое и лучшее зданіе, возвышающееся на срединѣ Подола, сказалъ онъ, есть академія духовная или монастырь Братскій, устроенный, какъ вамъ извѣстно, съ благословенія Патріарха Цареградскаго

Іереміи для просвѣщенія южной Руси и охраненія ея отъ латинства. Вотъ и старая бурса, сооруженная благодѣтелемъ обители, Митрополитомъ Петромъ Могилою, ближе къ Днѣпру между двухъ церквей набережнаго Николая и Иліи Пророка. Предполагаютъ, что сія послѣдняя стоитъ на мѣстѣ древней, о коей упоминаетъ Несторъ въ своей лѣтописи, надъ ручаемъ, гдѣ присягала Христіанская Русь во времена Игоря.—Послѣ Братскаго монастыря замѣчателенъ Петропавловскій, переходившій изъ рукъ въ руки: онъ былъ выстроенъ латинскими монахами и отданъ православнымъ, когда Малороссія присоединилась при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ; потомъ нѣкоторое время принадлежалъ братіи горы Синайской и наконецъ обращенъ въ семинарію. Вы его видите влѣво отъ академіи, и подлѣ него примыкаетъ къ самой горѣ своими позлащенными куполами женская Флоровская обитель, которая была переведена сюда изъ крѣпости Печерской. Вся гора Киселевка, достояніе обители, обращена въ плодоносный садъ, куда отшельницы приходятъ подышать чистымъ воздухомъ изъ душнаго города и полюбоваться съ вершины горной прекрасными видами Днѣпра. Между обоими монастырями стоитъ довольно обширная церковь, которая пользуется особеннымъ уваженіемъ Николы Притиска; она такъ названа потому, что однажды воръ, хотѣвшій ее ограбить, былъ притиснутъ сводомъ упавшаго окна.—Есть и еще одна церковь на Подолѣ во имя Святителя Николая, подъ названіемъ Добраго; ибо къ сему великому угоднику, какъ къ доброму пастырю, притекаютъ молитвенно граждане Кіевскіе, и его святая память преимущественно чтится въ нашемъ благочестивомъ городѣ. Вотъ она

совершенно подъ нами, рядомъ съ другою церковью, довольно наряднаго зодчества, во имя Покрова Божіей Матери, на основаніи древней Армянской церкви; а позади нихъ малое подворье Екатерининское, принадлежащее нынѣ горѣ Синайской. Взгляните на городскую площадь, окруженную многочисленными лавками: тамъ стоитъ каѳедральный соборъ Успенія; судя по клади своихъ камней, едва ли не самый древній изъ храмовъ Подола, и близъ него колодезь, на который совершаются крестные ходы; а нѣсколько далѣе церкви: Воскресенія, князей Бориса и Глѣба и Введенія Богоматери, бывшая св. Власія, на мѣстѣ капища Велесова. Посмотрите теперь на обѣ оконечности Подола отъ Крещатика къ Оболонью, которое тянется вдоль горы Щековицы:—онѣ обозначены также церквами Рождества Христова и равноапостольныхъ Царей Константина и Елены; по сосѣдству первой къ мѣсту крещенія Руси всякій годъ въ день памяти ея просвѣтителя совершается изъ сей церкви крестный ходъ на Крещатикъ.—Теперь я назвалъ вамъ всѣ храмы Подола, который, какъ вы сами можете видѣть, не уступаетъ въ благочестіи старому Кіеву, судя по множеству своихъ святилищъ.—Нужно ли еще называть вамъ дальнія въ предмѣстіяхъ: едва замѣтную церковь Іорданскую нѣкогда обитель, и отдаленный монастырь Кирилловскій, теперь обращенный въ богоугодное заведеніе?—Мы уже обошли съ вами всю паперть; посмотрите, до какой степени крутъ самый спускъ горы Андреевской къ Подолу, и какъ живописно раскинута слобода Кожемяки по разсѣлинамъ утесовъ и на днѣ глубокихъ ущелій.—Вотъ и любимое кладбище жителей Кіева на вершинѣ горы Олеговой у

церкви Всѣхъ Святыхъ, которая господствуетъ надъ всею окрестностію.»

Я взглянулъ къ западу: солнце совсѣмъ багровое, лишенное всѣхъ своихъ лучей, закатывалось, какъ нѣкій щитъ, за горный горизонтъ и обливало своимъ румянцемъ бѣлую церковь на вершинѣ Олеговой могилы.—Не такой же ли свѣтлый щитъ повѣсилъ нѣкогда витязь Русскій на златыхъ вратахъ Царьграда?

IV.

СВЯТАЯ СОФІЯ.

Вечернее солнце, искавшее себѣ ночнаго покоища за могилою Олега, ярко озарило на слѣдующее утро картину временъ Владиміровыхъ: торжественное освященіе водъ Днѣпровскихъ, какъ бы во дни перваго крещенія Руси. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ совершалъ торжество сіе, отслуживъ прежде литургію въ обители Братской. При вѣяніи хоругвей подъ сѣнію древнихъ священныхъ иконъ на Іордани Днѣпровской, окруженной множествомъ лодокъ и толпами народа, отрадно было слышать церковные гимны, когда погружалось въ воды знаменіе нашего спасенія; отрадно было молиться и думать, что надъ Кіевомъ и всею Русью сбылись и прорицаніе Первозваннаго Апостола, и сія молитва равноапостольнаго Князя: «Боже великій, сотворившій небо и землю, призри на новыхъ Своихъ людей; дай имъ, Господи, увѣдать Тебя, истиннаго Бога, какъ увѣдали страны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую.»

Послѣ гостепріимнаго обѣда, который граждане Кіевскіе давали отъ себя духовенству и властямъ въ залѣ собраній, Владыка пригласилъ меня съ собою въ Софійскій домъ свой на старомъ Кіевѣ.— Здѣсь мнѣ представилось трогательное свидѣтельство любви народной къ пастырю. Едва только услышали колоколъ Софійскій, возвѣщавшій о его приближеніи, какъ толпа богомольцевъ всякаго званія и возраста устремилась въ ограду; старики и старухи, задыхаясь, бѣжали вслѣдъ за каретою, чтобы только принять его благословеніе. «Откуда вы? спросилъ ихъ съ отеческою улыбкою Преосвященный, и въ отвѣтъ ему раздались дальнія и разномѣстныя имена необъятной Россіи; цѣлуя руку святительскую, они крестились съ радостію, что удостоились принять его благословеніе. «Батюшка, вели намъ отпереть соборъ, еще до вечерни долго ждать», сказала одна старушка, и радушно отвѣчалъ Владыка: «велю открыть для васъ, дѣти мои.» Онъ послалъ немедленно за ключаремъ, а между тѣмъ взошелъ со мною въ прекрасный садъ, прилегавшій къ дому.

«Утѣшительно видѣть такое усердіе въ нашемъ народѣ, говорилъ мнѣ Владыка; можно ли отказать въ чемъ либо людямъ, которые именемъ Христовымъ прошли такія пространства, чтобы только удовлетворить своей благочестивой жаждѣ и поклониться святынѣ Кіевской!—дай Богъ, чтобы никогда не оскудѣла вѣра сія!»—Изъ сада взошли мы въ архіерейскія палаты, недавно обновленныя послѣ долгаго запустѣнія. Тогда явился ключарь, и Преосвященный поручилъ ему показать мнѣ все достойное вниманія въ соборѣ Софійскомъ, потому что самъ онъ утомился долгимъ служеніемъ.

Прямо противъ дверей митрополіи мѣдные врата св. Софіи. Древнее зданіе Ярославово, расширенное съ обѣихъ сторонъ двухъярусными притворами среднихъ временъ, величественно возстаетъ въ пятнадцати-главомъ вѣнцѣ своемъ, какъ царственная мать всѣхъ святилищъ Россійскихъ. Надъ нею и мимо нея протекли всѣ бури, опустошавшія ея родную землю; внѣшняя своенравная масса ея зодчества свидѣтельствуетъ о сонмѣ вѣковъ, противъ натиска коихъ она устояла, какъ неодолимый утесъ посреди морскихъ волнъ!—Но изъ ея таинственной глубины, изъ-подъ трепетнаго мрака ея уцѣлѣвшихъ сводовъ доселѣ дышетъ святая, родная старина временъ Ярославлихъ!—Переступи порогъ и дохнешь иною жизнію; пусть замкнутся за тобою мѣдные врата западные и за ними міръ: иди все къ востоку, къ той Нерушимой Стѣнѣ, которая осѣнила Собою Церковь и Русь отъ ихъ начальнаго востока и до нынѣшняго яркаго полудня; и когда въ алтарѣ соборномъ на сводахъ горняго мѣста встрѣтитъ тебя съ воздѣтыми къ небу руками Молитвенница земли Русской, Которой еще молился великій Ярославъ,—тогда пади предъ Нею въ безмолвномъ восторгѣ и выскажи Ей свое сердце, если есть еще слова въ такія минуты!

Ростъ Ея исполинскій, какъ и всѣ дѣла Ея на святой Руси; Она стоитъ на золотомъ камнѣ въ незыблемое основаніе всѣхъ притекающихъ къ Ея защитѣ; небеснаго цвѣта Ея хитонъ, червленный поясъ, и на немъ виситъ лентіонъ, которымъ отираетъ Она столько слезъ; лазуревыя поручи на воздѣтыхъ къ небу рукахъ; золотое покрывало спускается съ Ея главы и перевѣшено въ видѣ омофора на лѣвое

плечо, какъ знаменіе Ея покрова, ширшаго облакъ, по гласу церковныхъ пѣсней; свѣтлая звѣзда горитъ на челѣ Богоматери и двѣ звѣзды на раменахъ, ибо Она Сама, Матерь Незаходимаго Свѣта, была для насъ зарею таинственнаго дня!—Нерушимою Стѣною слыветъ дивная сія икона въ устахъ народа, ибо въ теченіе восьми вѣковъ невредимо прошла она сквозь всѣ бурныя эпохи Кіева; съ нею вмѣстѣ сохранилась и вся драгоцѣнная мусія восточной стѣны алтаря Софійскаго отъ сводовъ и до горняго мѣста: и доселѣ притекаютъ вѣрные къ сему священному залогу первыхъ временъ спасенія нашего «яко къ нерушимой стѣнѣ и предстательству.»

Бѣлая полоса арабесковъ отдѣляетъ верхнее изображеніе Богоматери отъ средняго, Вечери Тайной, также изъ мусіи и столько же уцѣлѣвшаго. Подъ бѣлою сѣнію на трехъ столбахъ стоитъ божественная трапеза, покрытая багряною пеленою съ золотыми по ней цвѣтами; на срединѣ ея четвероконечный крестъ между золотаго дискоса съ раздробленнымъ на немъ Агнцемъ и серебристой звѣзды съ копіемъ; съ обѣихъ сторонъ трапезы два Ангела въ бѣлыхъ одеждахъ осѣняютъ ее золотыми рипидами. Художникъ, желая изобразить святое причащеніе подъ обоими видами по чину Восточной Церкви, представилъ на двухъ углахъ трапезы не одинъ, но два лика Спасителя, совершенно сходные, въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, подающіе съ одной стороны части божественнаго хлѣба, а съ другой божественную чашу двѣнадцати Апостоламъ; они подходятъ одинъ за другимъ по шести съ каждой стороны, преклонивъ благоговѣйно главы и простирая руки для принятія таинственной пищи. Надъ

ними начертаны черною мозаикою по гречески слова Евхаристіи: «пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ, и: пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.» Такъ въ одно время и взоры и сердце наслаждаются таинственнымъ созерцаніемъ божественной вечери, и по словамъ писанія: «не можетъ око насытиться зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ.»

Третій нижній ярусъ мозаическихъ иконъ отдѣленъ также широкою полосою арабесковъ отъ средняго. Здѣсь уже представлены по сторонамъ древняго горняго мѣста, какъ бы въ помощь и сослуженіе возсѣдающихъ на немъ Святителей, ближайшіе преемники Апостоловъ, служители и страстотерпцы проповѣданнаго ими слова Божія: съ правой стороны архидіаконъ и первомученикъ Стефанъ въ облаченіи своего сана, держа въ одной рукѣ кадило, а лѣвою прижимая къ сердцу камень, его соединившій со Христомъ; подлѣ него рядъ Святителей: чудотворецъ Николай, Григорій Богословъ, Климентъ папа Римскій, глава коего принесена была изъ Корсуни просвѣтителемъ Россіи, и обличитель ересей Епифаній. По лѣвую же сторону архидіаконъ Римскій Лаврентій, принесшій себя во всесожженіе Господу, съ кадильницею въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ великіе учители Церкви: Василій, Златоустъ, Григорій Нисскій и соименный ему чудотворецъ Кесарійскій, отъ коего сохранился намъ первый символъ вѣры.— Имена ихъ начертаны по гречески отвѣсно подлѣ каждаго лика; всѣ Святители въ облаченіяхъ епископскихъ держатъ въ рукахъ евангелія различнаго вида. Нижняя часть мозаиковъ уже отпала и они дописаны

красками по стѣнѣ; но нѣсколько ниже еще сохранился мраморный карнизъ, подъ коимъ набраны болѣе грубою мусіею разноцвѣтные кресты въ пестрыхъ дугахъ. Своды алтаря расписаны новыми изображеніями блаженствъ и добродѣтелей евангельскихъ, ветхозавѣтныхъ Царей и Пророковъ и ликами Архангеловъ.

Сладостное чувство наполняетъ душу внутри алтаря Софійскаго: и благоговѣніе къ святынѣ и любовь къ родинѣ. Самая близость минувшаго, которое вмѣстѣ такъ свѣжо и такъ старо, производитъ утѣшительное впечатлѣніе на сердце, ибо вѣкъ Ярослава предъ очами, какъ бы современный, и слава древней Византіи, завѣщавшей намъ залогъ вѣры, отразилась въ нашей св. Софіи. Не напрасно послы Владиміровы говорили князю: «когда привели насъ Греки въ то мѣсто, гдѣ служатъ они Богу своему, мы не знали гдѣ мы: на небѣ или на землѣ? ибо, поистинѣ, нѣтъ на землѣ ничего подобнаго, и мы не можемъ забыть видѣнной нами красоты; всякій человѣкъ, вкусивъ однажды сладкое, уже не пріемлетъ болѣе горькаго!»—Слова сіи конечно запали въ душу отрока Ярослава, когда пожелалъ перенести въ землю Русскую это Софійское небо и, вступивъ на престолъ отеческій, соорудилъ онъ на поприщѣ своей побѣды надъ Печенѣгами подобіе величественнаго святилища Цареградскаго.

Самый престолъ алтаря Софійскаго устроенъ изъ кипариса, по размѣру гроба Господня, и обложенъ позлащенными досками. Сохранились еще остатки мусіи на аркѣ, ближайшей къ иконостасу, съ наружной ея стороны: обычная икона, Деисусъ, изображающая Господа посреди Своей божественной

Матери и Предтечи съ Греческою надписью вокругъ: «Богъ посредѣ Ея, и не подвижется, поможетъ Ей утро и заутра;» а на столпахъ, поддерживающихъ сію арку, образъ Божіей Матери съ веретеномъ въ рукахъ и благовѣствующій Архангелъ со скипетромъ. Но, во время обновленія храма Софійскаго, въ новѣйшіе вѣка мало заботились о его драгоцѣнной мусіи; ибо высокій, раззолоченный иконостасъ, устроенный Митрополитомъ Рафаиломъ, совершенно закрываетъ Деисусъ и боковыя иконы и даже то дивное изображеніе Пречистой Дѣвы надъ горнимъ мѣстомъ, которое доселѣ составляетъ лучшее украшеніе всего собора. Должно предполагать, что во времена Ярославовы иконостасъ былъ гораздо ниже и не препятствовалъ стоявшимъ внутри храма наслаждаться зрѣлищемъ не только сей иконы, но и вечери тайной, написанной мусіею на восточной стѣнѣ алтаря. Свыше иконостаса еще видѣнъ однако въ дугѣ на золотомъ полѣ мозаическій древній ликъ Спасителя и подъ куполомъ уцѣлѣли также образа: Евангелиста Марка и до половины Евангелиста Іоанна, и пятнадцать ликовъ мученическихъ изъ числа сорока пострадавшихъ въ Севастіи, которые всѣ были изображены мусіею на боковыхъ аркахъ, поддерживающихъ куполъ. До сего лишь мѣста доходило истребленіе и далѣе не коснулась рука времени и враговъ; ибо Татары при разореніи Кіева въ 1240 году, сломивъ до основанія церковь Десятинную и соборную церковь лавры Печерской по самыя окна, повредили только куполъ св. Софіи; зданіе сохранилось, но пострадало отъ дѣйствія непогоды и долгаго запустѣнія.

Соборный алтарь еще сохранилъ отдѣльный жертвенникъ, по древнему обычаю Церкви право-

славной, необходимому для порядка богослуженія; но другое соотвѣтствующее отдѣленіе алтаря, называемое діакониконъ, обращено было въ позднѣйшія времена въ особый придѣлъ св. Богоотецъ Іоакима и Анны, гдѣ невозможно почти служить литургію по тѣснотѣ. Рядомъ съ нимъ, съ южной стороны еще три придѣла: въ память чуда Архангела Михаила, Преподобныхъ Печерскихъ и Успенія Богоматери. Недавно открыты на внутреннихъ стѣнахъ боковыхъ придѣловъ и на западной стѣнѣ соборной фрески XI вѣка, хорошо сохранившіяся подъ пятью слоями клеевой краски. Они изображаютъ девять ликовъ Святительскихъ и Мученическихъ во весь ростъ и одиннадцать поясныхъ иконъ, совершенно сходныхъ по одеждѣ съ тѣми мозаиками, какія доселѣ видны въ соборномъ алтарѣ; это драгоцѣнное открытіе есть единственный остатокъ священной живописи первыхъ временъ Христіанства въ нашемъ отечествѣ.— По лѣвую сторону алтаря Софійскаго также три новѣйшіе придѣла въ рядъ одинъ подлѣ другаго: трехъ Святителей Московскихъ, бывшій прежде во имя Григорія Богослова, равноапостольнаго князя Владиміра и Благовѣщенія. Оба крайніе придѣла, какъ съ сѣверной такъ и съ южной стороны, устроены не ранѣе XVII вѣка Митрополитомъ Петромъ Могилою, который поставилъ верхнія галлереи на двухъ нижнихъ боковыхъ присѣнкахъ, чтобы предохранить внѣшнія стѣны храма.

Въ одномъ изъ придѣловъ сѣвернаго притвора, посвященномъ памяти равноапостольнаго князя, почиваетъ подъ сѣнію отеческою благовѣрный сынъ его, храмоздатель. Древняя Византійская гробница прислонена къ стѣнѣ алтарной; на мраморныхъ пли-

тахъ ея изображены пальмы и кресты, то отдѣльно другъ отъ друга, то переплетенныя вмѣстѣ или смѣшанныя съ листьями дуба и винограда; въ одномъ изъ пяти квадратовъ, на которые разбита лицевая доска памятника, двѣ рыбы изваяны въ верхнихъ углахъ креста; вѣроятно, всѣ сіи надгробныя украшенія имѣютъ какое либо символическое значеніе, нынѣ утраченное. На остроконечномъ фронтонѣ изваянъ лабарумъ, чудотворное знамя великаго Константина, съ которымъ побѣдилъ онъ языческій міръ. Греческія буквы «ІС. ХС. ни ка» отпечатаны вокругъ каждаго изъ крестовъ въ знаменіе новой побѣды, одержанной именемъ Господа Іисуса въ языческой дотолѣ Руси, которой уже второй Самодержецъ отходилъ къ вѣчному покою подъ сѣнію спасительнаго креста и сооруженнаго имъ святилища.

Таковъ могильный памятникъ великаго Ярослава, уцѣлѣвшій чрезъ столько разореній его храма и столицы. Самое время не смѣло его коснуться, какъ бы уважая память славнаго мужа, упрочившаго Церковь и царство. Огромно лице его въ лѣтописяхъ нашихъ: оно одно можетъ стоять рядомъ съ святымъ его родителемъ изъ всего потомства княжескаго въ Кіевѣ, не исключая быть можетъ и Мономаха. Если Церковь приняла въ ликъ своихъ заступниковъ равноапостольнаго отца, то она мѣстно чтитъ въ Кіевѣ память благовѣрнаго сына, который оказалъ ей столько услугъ, ибо онъ распространилъ просвѣщеніе духовное до дальнихъ предѣловъ расширенной имъ державы, воздвигая повсюду храмы, украшалъ ихъ не только драгоцѣнною утварію, но и переводами божественныхъ книгъ и вмѣстѣ съ Русскою правдою заботился о соборныхъ правилахъ

для управленія церковнаго. Твердыя начала, положенныя великимъ Ярославомъ, устояли противъ бури среднихъ вѣковъ, даже когда временно распалась держава, собранная имъ во едино, и изъ-подъ величественной сѣни св. Софіи свѣтлое лице его доселѣ радуется исполненію его благочестивыхъ предпріятій.

Но гдѣ же прочіе князья Кіевскіе, о коихъ упоминаетъ лѣтопись, какъ о погребенныхъ другъ подлѣ друга въ мраморныхъ ракахъ у св. Софіи? гдѣ сыны и внуки великаго Ярослава?—Всеволодъ, болѣе всѣхъ имъ любимый, которому часто говорилъ отецъ: «сынъ мой, благо тебѣ будетъ, ибо слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если дастъ тебѣ Богъ воспріять престолъ мой съ правдою послѣ братьевъ твоихъ, а не насиліемъ, то, когда отведетъ тебя Богъ отъ житія сего, ты ляжешь, гдѣ Я лягу, у гроба моего, ибо я люблю тебя болѣе братьевъ твоихъ.» Сбылось завѣщаніе отеческое, и Всеволодъ возлегъ подлѣ славнаго родителя въ одинъ годъ съ своимъ несчастнымъ сыномъ Ростиславомъ, который бѣдственно утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, въ часъ кровавой битвы съ Половцами, предъ глазами нѣжно его любившато брата Мономаха.—Но гдѣ они? гдѣ самъ великій Мономахъ съ добрымъ, но слабымъ сыномъ Вечеславомъ, именемъ коего прикрывались только честолюбивые племянники, чтобы достигнуть великаго княженія?—Всѣ они должны быть тутъ въ основаніяхъ храма; но мѣсто гробовъ ихъ неизвѣстно, хотя можно съ большею вѣроятностію предполагать оное по сосѣдству Ярослава въ сѣверномъ присѣнкѣ, обращенномъ теперь въ алтарь равноапостольнаго ихъ предка, или подъ ближайшимъ придѣломъ трехсвятительскимъ. О сколь

драгоцѣннымъ сокровищемъ для Кіева и всей Руси былъ бы гробъ великаго Мономаха, умиротворителя князей, собирателя царства, который сокрушилъ орды Половецкія и едвали не превзошелъ Христіанскими добродѣтелями царственныя свои доблести! Кто не прослезится, читая его духовное завѣщаніе, которымъ онъ научалъ дѣтей своихъ, какъ жить и царствовать, и которое они такъ дурно соблюли? Съ миромъ отошелъ къ покою Мономахъ, и съ нимъ закатилось солнце отечества; ибо послѣ него Кіевъ былъ только яблокомъ раздора и поприщемъ междоусобій до нашествія Монголовъ. Самая св. Софія, мѣсто упокоенія Мономахова, была не разъ ограблена собственными князьями Ольговичами, оспаривавшими наслѣдіе у его потомства.

И еще многихъ гробовъ недостаетъ у св. Софіи, но уже не княжескихъ, а святительскихъ, ибо въ теченіе ста тридцати лѣтъ служила она усыпальницею Митрополитовъ всея Руси, начиная отъ четвертаго изъ нихъ Ѳеопемпта, который освятилъ храмъ при великомъ Ярославѣ, и до двадцать третьяго Кирилла, собравшаго Церковь Русскую послѣ ея разоренія Монголами. Бдительный пастырь въ продолженіе тридцатилѣтняго святительства странствовалъ изъ города въ городъ по всей Руси, какъ голубица Ноева ковчега съ масличною вѣтвію, необрѣтшая мѣста стоянія ногамъ своимъ; но, умирая въ дальнемъ Переяславлѣ Залѣсскомъ, завѣщалъ онъ погребсти себя подъ родственною сѣнію св. Софіи, и свято была исполнена его воля. Послѣдній изъ Митрополитовъ всея Руси положился онъ въ древней ихъ митрополіи; преемникъ его Максимъ уже погребенъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, а предшественникъ Іосифа безъ

вѣсти исчезъ въ разореніи Монгольскомъ.—Преданіе мѣстное не указываетъ гробовъ ихъ, если только они положены были не въ томъ же югозападномъ углу собора, гдѣ полагаются теперь Митрополиты Кіева.

Одинъ однако изъ первосвятителей уже не всея Руси, а только западной ея половины, замѣняетъ собою столькихъ отсутствующихъ; ибо его нетлѣнныя мощи открыто почиваютъ посреди храма, напротивъ придѣльнаго алтаря Архистратига Михаила. Это священномученикъ Макарій, возведенный изъ архимандритовъ Виленскихъ въ санъ Митрополита уже послѣ раздѣленія іерархіи Россійской на Московскую и Литовскую. Два года продолжалось его святительство въ Вильнѣ, и когда, движимый благочестивою ревностію, предпринялъ трудное въ тѣ дни странствованіе по своей обширной епархіи, онъ былъ мученически убитъ Татарами на пути къ первопрестольному городу при рѣкѣ Припети. Святыя мощи его перенесли въ соборъ Софійскій, который жаждала посѣтить душа его, и съ тѣхъ поръ всякое первое число мая, въ день его страдальческой кончины, при совершеніи крестнаго хода обносятъ ихъ кругомъ всего храма, донынѣ имъ ограждаемаго.—На противуположной сторонѣ собора, противъ придѣла трехъ Святителей, кипарисная рака заключаетъ съ себѣ части св. мощей первыхъ вѣковъ Христіанства и св. угодниковъ Русской земли, наипаче преподобныхъ Печерскихъ.

Но кому же празднуетъ главный алтарь св. Софіи, имя коей, присное Царьграду, сдѣлалось приснымъ и у насъ: въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ древнемъ Полоцкѣ, Вологдѣ и даже въ дальнемъ Тобольскѣ, какъ бы освящая собою края необъятной имперіи?

По сказанію лѣтописи Византійской, первое наименованіе св. Софіи внушено было Ангеломъ Императору Іустиніану, когда онъ строилъ великолѣпный храмъ свой, и сіе таинственное имя знаменуетъ Слово и Премудрость Божію, Самого единороднаго Сына Божія!—Но другіе объясняютъ оное изреченіемъ Соломоновыхъ притчей :«Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь,» относя слова притчи къ Церкви Христовой, утвержденной на семи таинствахъ, и къ божественной Матери воплощеннаго Слова, Которому Она послужила домомъ. Посему и празднуется у насъ св. Софія во дни, посвященные памяти Пречистой Дѣвы, съ тою только разницею, что въ Кіевѣ избранъ день Рождества Богоматери, когда устроялся на землѣ дивный домъ Премудрости Божіей, а въ Новгородѣ и въ прочихъ городахъ день Успенія, когда взятъ былъ на небо таинственный кивотъ, вмѣстившій въ себѣ невмѣстимаго небесами. Различны и храмовыя иконы Кіева и Новгорода: въ послѣднемъ Премудрость изображена въ видѣ огнезрачнаго Ангела великаго Совѣта на престолѣ съ ликомъ Спасителя, знаменуемаго симъ Ангеломъ поверхъ его, имѣя по сторонамъ Богоматерь и Предтечу, а на облакахъ книга Евангелія посреди Ангельскихъ ликовъ. Въ Кіевѣ же икона св. Софіи представляетъ Божію Матерь, стоящую на облакѣ и лунѣ подъ сѣнію, которая утверждена на семи столпахъ и ступеняхъ. На персяхъ Пречистой Дѣвы божественный Ея младенецъ съ державою, благословляющій; сверху Богъ Отецъ въ сонмѣ Ангеловъ и Духъ Святый, отъ Него исходящій и осѣняющій Пречистую Дѣву, а на вершинѣ сѣни надпись Соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ

и утверди столповъ седмь.»—Предъ Матерію Божіею стоятъ на ступеняхъ Праотцы и Пророки: по правую сторону Моисей, указуя перстомъ на скрижали, гдѣ начертано: «радуйся скрижаль Божія, въ ней же перстомъ Отчимъ написася Слово Божіе;» ниже его Ааронъ въ ризѣ святительской съ прозябшимъ жезломъ своимъ, знаменовавшимъ Дѣву; еще ниже Царь Давидъ въ порфирѣ съ кивотомъ завѣта въ рукахъ, который былъ образомъ новаго таинственнаго кивота воплощеннаго Бога. На лѣвой сторонѣ Исаія Пророкъ съ хартіею своихъ пророчествъ, указуя на слова: «се Дѣва пріиметъ во чревѣ и родитъ Сына и нарекутъ имя Ему Еммануилъ.»—Ниже его еще три Пророка: Іеремія со свиткомъ и Іезекіиль съ затворенными дверями храма въ рукахъ: ибо онъ пророчествовалъ, что пройдетъ ими Господь, и они останутся затворенными въ знаменіе таинственнаго дѣвства и рождества; и Даніилъ съ камнемъ, который по словамъ его самъ собою отсѣкся отъ горы и возросъ въ гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуютъ добродѣтели евангельскія, имена коихъ на нихъ написаны, а на столпахъ названія семи различныхъ дарованій Духа Святаго. Такова сія символическая икона св. Софіи въ древнѣйшемъ ея соборѣ Кіевскомъ, хотя едвали не съ большею вѣроятностію предполагать должно, что утраченный подлинникъ ея былъ написанъ по образцу Новгородскаго.

Есть и еще нѣсколько придѣловъ въ храмѣ Софійскомъ, какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ ярусѣ, которые всѣ устроены въ позднѣйшія времена, потому что при Ярославѣ былъ одинъ только главный алтарь соборный, по обычаю первенствующей

Церкви.—Въ югозападномъ углу нижняго яруса находится придѣлъ во имя дванадесяти Апостолъ, а въ сѣверозападномъ тотъ, что былъ устроенъ Митрополитомъ Гедеономъ въ 1689 году въ честь Іоанна Предтечи, обращенъ теперь въ теплую церковь Рождества Христова. Въ верхнемъ ярусѣ Софійскихъ галлерей есть восемь престоловъ, по четыре на каждой сторонѣ: съ южной во имя Страстей, Воскресенія, и Вознесенія Христовыхъ, и перваго ихъ проповѣдника въ Россіи, Апостола Андрея; съ сѣверной же Богоявленія и Преображенія Господнихъ, Іоанна Богослова и чудотворца Николая; стѣны сего послѣдняго исписаны ликами храмоздателей Кіевскихъ: равноапостольнаго Владиміра и великаго Ярослава, Святослава сына его, строителя церкви Печерской, внука Всеволода, устроившаго обитель Кирилловскую, и другаго внука Святополка, соорудившаго златоверхую, и еще двухъ князей, первыхъ страстотерпцевъ Русскихъ. На стѣнахъ же главной церкви Софійской изображены, по древнему церковному обычаю, семь вселенскихъ соборовъ.

Нельзя однако по нынѣшнему состоянію собора Софійскаго судить о древней его славѣ временъ Ярославовыхъ, когда стѣны были великолѣпно украшены мусіею и фресками, а полъ устланъ мраморомъ, остатки коего еще кое-гдѣ видны на порогахъ. По двумъ мраморнымъ столпамъ, которые стоятъ въ западномъ притворѣ, и столбикамъ изъ порфира на хорахъ, равно какъ по ихъ периламъ съ лиліями и орлами можно предполагать, что благочестивый храмоздатель ничего не щадилъ, дабы сдѣлать подобіе Кіевское достойнымъ образца Цареградскаго, хотя и не воскликнулъ, какъ Императоръ Іустиніанъ: «я

побѣдилъ тебя, Соломонъ!» Въ маломъ видѣ старался онъ подражать Византійской Софіи; и его церковь была крестообразною внутри, съ двойными галлереями по сторонамъ и одною со входа, такъ что можно было торжественно совершать крестные ходы изъ алтаря вокругъ всего храма, не выходя изъ подъ его крова.—Но не даромъ мѣсто основанія собора было нѣкогда полемъ битвы, ибо Кіевская св. Софія пострадала болѣе Цареградской; если же одолѣла всѣ свои опустошенія, какъ и Ярославъ одолѣлъ Печенѣговъ тамъ, гдѣ заложилъ храмъ свой, однако много терпѣла въ теченіе столькихъ бурныхъ вѣковъ и мало сохранила отъ прежняго своего великолѣпія; не только внѣшніе враги, но и единокровные, дерзали подымать на нее руку.

Сто тридцать лѣтъ послѣ сооруженія св. Софіи, въ 1169 году Мстиславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, княжившаго во Владимірѣ, подступилъ съ дружинами отца къ Кіеву и не пощадилъ святыни первопрестольнаго города: онъ ограбилъ сокровища собора и прочихъ церквей; тридцать лѣтъ спустя, страшный пожаръ опустошилъ митрополію. Протекло не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ, и явился новый разоритель, Великій Князь Рюрикъ Ростиславичъ съ одиннадцатью Ольговичами, которые поставили его на престолъ отеческій, но расхитили за то церковныя сокровища выданной имъ столицы.—Не успѣлъ еще Кіевъ отдохнуть отъ сего бѣдствія, какъ нахлынули орды Монгольскія въ 1240 году и обратили его въ пустыню. Варвары искали сокровищъ не только въ кладовыхъ, но и въ стѣнахъ церкви и во гробахъ. Софійскій соборъ получилъ длинную трещину въ сводѣ алтарномъ.—Митрополиты Кіевскіе уже не на-

ходили при немъ себѣ пристанища: Кириллъ завѣщалъ ему только прахъ свой; Кипріянъ сталъ опять возстановлять древнее зданіе, болѣе полутора вѣка послѣ разоренія, во время владычества Литовскаго, когда провелъ нѣсколько лѣтъ на каѳедрѣ Кіевской, въ ожиданіи Московской. Слѣдующіе Митрополиты, поставленные Витовтомъ въ отдѣльность отъ Москвы, обитали въ Вильнѣ при Великихъ Князьяхъ Литовскихъ и не заботились о древней столицѣ. Въ 1482 году Менгли-гирей, Ханъ Крымскій, разоривъ Кіевъ, нашелъ опять добычу въ св. Софіи и послалъ золотые сосуды ея въ даръ союзнику своему Іоанну III.—Уніяты, овладѣвшіе соборомъ въ послѣдніе годы XVI вѣка, привели его въ совершенный упадокъ въ теченіе тридцати семи лѣтняго обладанія, ибо они заботились только о приписанныхъ къ нему вотчинахъ. Сынъ Господаря Молдавскаго, ревностный Митрополитъ Петръ Могила, исхитилъ соборъ изъ рукъ Уніатскихъ и долженъ былъ много издержать на его обновленіе, ибо онъ угрожалъ паденіемъ.—Тогда надстроенъ былъ верхній ярусъ на древнихъ широкихъ папертяхъ и еще двѣ двухъярусныя галлереи, и подведены каменныя наружныя опоры, обезобразившія зданіе; тогда же расширены окна и сдѣланы щиты и куполы, совершенно измѣнившіе древній видъ Ярославова храма.

Вся лѣтопись главныхъ эпохъ Софійскаго собора заключается въ надписи, которая сохранилась доселѣ подъ его куполомъ вокругъ сводовъ: «изволеніемъ Божіимъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ, въ лѣто 1037, благочестивымъ княземъ и Самодержцемъ всея Руси, Ярославомъ Владиміровичемъ; совершися же въ лѣто 1039 и освященъ

Ѳеопемптомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, и даже до лѣта 1596 православными Митрополитами отъ Востока содержимъ бысть. Въ лѣто же то отступникомъ Михаиломъ Рагозою въ запустѣніе и разореніе прейде, и даже до лѣта 1631 въ томъ пребысть. Благодатію же Божіею, егда царствовати нача Владиславъ четвертый, великій Король Польскій, благочестивыя Церкви Восточныя сынамъ возврати и отда-де. Въ лѣто же 1634 тщаніемъ и иждивеніемъ преосвященнаго Архіепископа, Митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, Экзарха Ѳрону Константинопольскаго, архимандрита Печерскаго, Петра Могилы, обновлятися начатъ во славу Бога, въ Троицѣ славимаго, аминь».

Со временъ Петра Могилы соборъ обращенъ былъ въ монастырь каѳедральный; но братія его, хотя и довольно многочисленная, убого вокругъ него помѣщалась въ развалинахъ древнихъ каменныхъ зданій и въ деревянныхъ, часто страдавшихъ отъ пожара. Новое устройство монастыря Софійскаго началось уже въ исходѣ XVII вѣка при князѣ Гедеонѣ Четвертинскомъ, избранномъ въ Митрополиты Кіеву послѣ многихъ смутныхъ переворотовъ южнаго края, когда древняя сія каѳедра, съ согласія Патріарховъ Вселенскихъ, подчинилась навсегда Патріархіи Московской. Съ помощію Самодержцевъ Россійскихъ, Іоанна и Петра, ревностный Гедеонъ совершенно обновилъ соборъ Софійскій и все прилегавшее къ нему зданіе; онъ же перенесъ изъ Любеча двѣ чудотворныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, которымъ и теперь поклоняются благочестивые посѣтители на двухъ столпахъ южнаго притвора. Преемники его постепенно распространили и украсили

окрестное зданіе монастырское. Варлаамъ основалъ новый домъ митрополіи противъ западныхъ дверей Софійскихъ, который окончилъ Рафаилъ, и, соорудивъ колокольню, обнесъ оградою весь монастырь. Рафаилъ устроилъ также и богатый иконостасъ Софійскій въ нынѣшнемъ его видѣ, а Митрополитъ Тимоѳей, переведенный впослѣдствіи на каѳедру Московскую, довершилъ внутреннее украшеніе св. Софіи.

Давно уже Митрополиты Кіевскіе не погребались подъ сводами св. Софіи; Гедеонъ, первый послѣ Кирилла на разстояніи трехъ столѣтій, завѣщалъ опять положить себя въ своей каѳедральной церкви, и даже въ томъ придѣлѣ, гдѣ покоился предокъ его великій Ярославъ; ибо отъ племени храмоздателя происходитъ древній родъ князей Святополковъ Четвертинскихъ. Замѣчательно, что оба обновители собора Софійскаго, Петръ Могила и Гедеонъ Четвертинскій, происходили отъ рода княжескаго, и, казалось, были возбуждены чувствомъ своего достоинства къ поддержанію славнаго творенія одного изъ величайшихъ властителей Русскихъ; но Петръ Могила, какъ потомокъ чуждой династіи Господарей Молдавскихъ, не желалъ покоиться подлѣ родоначальника Русскихъ князей и завѣщалъ прахъ свой любимой имъ лаврѣ Печерской; Гедеонъ же предпочелъ сосѣдство славнаго предка.

Ближайшіе преемники Гедеона, два Варлаама и Іоасафъ, не нашли себѣ успокоенія подъ сѣнію собора Софійскаго; но со временъ знаменитаго Рафаила Митрополиты Кіевскіе стали опять постоянно погребаться при своей каѳедрѣ. Подъ ризничною палатою, въ югозападномъ углу собора, находится усыпальница, гдѣ почиваютъ благочестивые Іерархи, коими особенно

прославился Кіевъ въ исходѣ минувшаго столѣтія: имена Арсенія, Гавріила и Самуила, навсегда останутся памятны Церкви Кіевской. Подлѣ нихъ отдыхаютъ и Святители нынѣшняго столѣтія, Іероѳей и Серапіонъ, а послѣдній Евгеній, неутомимый по своимъ трудамъ, который сохранилъ намъ подвиги своихъ предшественниковъ и древности своей многовѣковой епархіи, завѣщалъ погребсти себя въ обновленномъ имъ придѣлѣ Срѣтенія. Подъ лѣвымъ крыломъ тогоже собора покоится и знаменитый проповѣдникъ, протоіерей Іоаннъ Леванда, тридцать лѣтъ оглашавшій своды храма краснорѣчивымъ словомъ своимъ, которое доселѣ еще памятно благочестивымъ жителямъ первопрестольнаго Кіева.

Я поднялся на хоры, чтобы тамъ поклониться двумъ чудотворнымъ иконамъ, къ коимъ искони обращено благоговѣніе православныхъ. Одна, въ сѣверной галлереѣ Святителя Николая, именуемаго мокрымъ, прославлена спасеніемъ изъ воды утопавшаго младенца; другая, въ южной галлереѣ, Купятинской Божіей Матери не менѣе знаменита своими чудесами и перенесена была въ соборъ Софійскій православными иноками изъ Пинскаго монастыря, когда имъ овладѣли Уніяты въ половинѣ XVII вѣка.— Прикладываясь къ сей иконѣ, съ удивленіемъ услышалъ я изъ-за нея молитвенные вздохи и увидѣлъ на самомъ краю хоръ благочестивую поклонницу; она прилѣпила свѣчу свою къ порфировымъ перилламъ и на колѣняхъ усердно молилась чудному изображенію Богоматери, что въ алтарѣ, которое представляется издали во всемъ своемъ великолѣпіи, съ этой части хоръ.—Пречистая Дѣва точно паритъ на золотомъ Своемъ подножіи, какъ бы во глубинѣ

неба; Ея поднятыя къ небу руки и молятъ вмѣстѣ и осѣняютъ; ярко горятъ три звѣзды на челѣ и раменахъ, и выраженіе молитвы въ отрадныхъ чертахъ Ея достойно величія Честнѣйшей Херувимъ. Ублажаемая всѣми родами, Она какъ бы идетъ изъ глубокаго неба на встрѣчу Ее призывающихъ и все кажется ближе и ближе, чѣмъ болѣе на Нее смотришь во внутрь алтаря; невольно исторгается изъ устъ сія утренняя пѣснь: «во храмѣ стояще славы Твоея на небеси стояти мнимъ; Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости Твоея».

При выходѣ изъ собора Софійскаго, благосклонно предложилъ мнѣ отецъ ключарь осмотрѣть еще, по сосѣдству ограды, мѣсто древнихъ обителей Ярославовыхъ, св. Георгія и Ирины, которыя устроилъ онъ въ честь своего Ангела и Ангела своей супруги, а нѣсколько далѣе Златые врата. Небольшая церковь Великомученика, сооруженная Императрицею Елисаветой, указываетъ только мѣсто того знаменитаго храма св. Георгія, гдѣ, по словамъ лѣтописи Несторовой, столовались, т. е. возводимы были на каѳедру всѣ епископы Русскіе; Ярославъ установилъ праздновать освященіе его по всей Россійской Церкви въ память своего Христіанскаго имени.—Мѣсто сіе должно быть священно для каждаго воина Русскаго, ибо доселѣ кавалерственный праздникъ Побѣдоносца, одушевляющаго дружины къ подвигамъ ратнымъ, совершается въ день, избранный великимъ Ярославомъ; рукою Великомученика онъ указалъ побѣдные пути сынамъ своимъ во всѣ концы вселенной.—Въ обители Георгіевой былъ постриженъ и погребенъ несчастный сынъ св. Владиміра, Судиславъ, который провелъ въ темницѣ все долголѣтнее царствованіе

Ярослава и освобожденъ былъ племянниками только для того, чтобы свободно вздохнуть предъ смертію. Теперь же мраморный памятникъ Господаря Молдавскаго Ипсилантія, бѣдственно скончавшаго свое княженіе, составляетъ украшеніе церкви, гдѣ нѣкогда покоился прахъ развѣнчаннаго князя. Еще недавно нѣсколько развѣсистыхъ липъ живописно осѣняли сей новый памятникъ благочестія Елисаветы; но срублены столѣтніе стражи урочища Ярослава, и обнаженная церковь лишена ихъ прохладной тѣни.

Противъ южныхъ воротъ Софійской ограды открыты были въ 1832 году усердіемъ одного изъ антикваріевъ Кіевскихъ остатки древней обители св. Ирины, засыпанные вмѣстѣ съ Золотыми вратами Ярослава земляным валомъ въ исходѣ XVI вѣка, когда еще старый Кіевъ едва былъ исторгнутъ изъ-подъ владычества Польши. Открыта одна алтарная часть съ полукружіемъ горняго мѣста и каменными палатками по обѣимъ сторонамъ, гдѣ еще видны мѣста древнихъ гробовъ; остальное зданіе доселѣ подъ крѣпостнымъ валомъ; но нѣсколько древнихъ крестовъ и окладовъ, найденныхъ въ развалинахъ церкви, и остатокъ стѣнной живописи, изображающій Святителя на колѣняхъ съ благословляющею рукою, свидѣтельствуютъ о благолѣпіи древняго храма.—Ярославъ, подражая во всемъ образцамъ Византійскимъ, соорудивъ у себя св. Софію, конечно, пожелалъ имѣть и церковь св. Ирины, бывшую близъ Софійской; она доселѣ существуетъ въ Царьградѣ, но обращена въ хранилище оружія вопреки своему мирному назначенію; ибо самое имя Ирины означаетъ по Гречески миръ.

И Златые врата были устроены великимъ Ярославомъ на память тѣхъ златыхъ вратъ Цареградскихъ, къ которымъ пригвоздилъ ратный щитъ свой предокъ его Олегъ. Чрезъ нихъ совершались торжественные въѣзды князей нашихъ, когда возвращались они съ поля битвъ, часто междоусобныхъ, или вступали при кликахъ народныхъ въ престольный градъ свой, чтобы возсѣсть на престолъ отеческій. Объ нихъ ударился нѣкогда побѣдный мечъ храбраго Короля Болеслава, и даже навсегда сохранилъ слѣды сего удара. Ханъ Половецкій, Бонякъ дерзнулъ сорвать съ нихъ позлащенную мѣдь въ память своихъ приступовъ къ столицѣ Русской, и много мечей, Русскихъ и Польскихъ, и копій Половецкихъ, разразились объ мѣдные запоры сихъ знаменитыхъ вратъ, доколѣ не сокрушили ихъ Орды Монгольскія. Вмѣстѣ со славою Кіева прошла и ихъ слава; отъ златыхъ украшеній, давшихъ имъ громкое имя, отъ громаднаго зодчества, слѣды коего еще доселѣ видны въ камняхъ обрушеннаго свода, нынѣ уцѣлѣли только двѣ боковыя стѣны: памятникъ достойный сохраненія!—Съ обѣихъ сторонъ подымается высокая насыпь вала, въ которомъ зарыты были лѣтописные врата сіи вмѣстѣ съ церковію св. Ирины и гдѣ были обрѣтены тѣмъ же ревнителемъ священной древности.—Образъ Казанской Божіей Матери, стоявшій на остаткахъ вратъ до 1695 года, перенесенъ въ убогую Троицкую церковь, которая и донынѣ существуетъ на старомъ Кіевѣ; икона сія Пречистой Дѣвы была единственнымъ воспоминаніемъ церкви Благовѣщенія, которую соорудилъ вели-

кій Ярославъ на вершинѣ Златыхъ вратъ своихъ; онъ хотѣлъ, чтобы забрала Кіевскія тверды были заступленіемъ Той, чей образъ начертанъ мусіею на нерушимой стѣнѣ Софійской.

Одинокими теперь стоятъ на пустотѣ стараго Кіева Златые врата сіи, возвышавшіеся нѣкогда на самой торжественной изъ стогнъ столицы!—Кто взглянетъ чрезъ нихъ къ сѣверу на старый Кіевъ, увидитъ часть храма Георгіева и высокую колокольню Софійскую; кто взглянетъ къ югу, увидитъ обширное поле, разрытый валъ и овраги, гдѣ разселяется новый городъ, а вдали великолѣпное зданіе, разсадникъ просвѣщенія, украшенный именемъ равноапостольнаго просвѣтителя Руси и вполнѣ достойный того Царственнаго мановенія, по коему внезапно исторгся изъ окрестной пустыни. Златые врата, бывшіе нѣкогда гранію древней столицы, теперь станутъ на распутіи стараго и новаго Кіева, между святилищемъ наукъ и сокровищницею просвѣщенія духовнаго, между св. Софіею, которая есть Слово и Премудрость Божія, и Софіею земной, освящаемою свыше лучами небесной.—Господь да благословитъ опять входы и исходы Златыхъ вратъ, которыхъ самые остатки, уваженные посреди обновленія Кіева, будутъ свидѣтельствовать потомству, что новый путь гражданскаго просвѣщенія Руси подъ сѣнію св. Владиміра пролегаетъ по древней стезѣ духовнаго, указаннаго еще рукою великаго Ярослава изъ глубины св. Софіи.

V.

МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

День спустя, во вторникъ, опредѣленный еженедѣльно со временъ Митрополита Кіевскаго Іоасафа для чтенія сложеннаго имъ акаѳиста надъ мощами Великомученицы Варвары, посѣтилъ я златоверхую обитель Михайловскую. Толпа народа уже наполняла преддверіе придѣльной церкви, гдѣ почиваетъ нетлѣнно святая дѣва Иліопольская, и съ трудомъ могъ я проникнуть на хоры; съ ихъ вершины открылось мнѣ трогательное и величественное зрѣлище. — Посреди церкви, исполненной усердными богомольцами, возвышался, какъ бы нѣкій благодатный островъ изъ шумнаго моря человѣческихъ волнъ, среброкованный столъ подъ раззолоченною сѣнію, и на немъ въ драгоцѣнной ракѣ сокровище мощей Великомученицы. Открыта была рака, и подъ богатѣйшимъ покровомъ покоилось нетлѣнное тѣло, но вмѣсто дѣвственной главы, отсѣченной жестокимъ родителемъ, приставлена была къ изголовью великолѣпная икона, вся въ алмазахъ, обыкновенно висящая надъ царскими дверьми сего придѣла, на коей изображенъ небесный ликъ пострадавшей. Взирая на сію прекрасную икону, думаешь видѣть Великомученицу, которая какъ будто приподняла изъ раки Ангельскую главу свою и сквозь смертный сонъ улыбается ликамъ, воспѣвающимъ на землѣ ея страданія, воспѣтыя Ангелами въ небесахъ. Святитель въ облаченіи стоялъ, окруженный своимъ клиромъ, на ступеняхъ предъ ракою, и въ рукахъ діаконовъ

горѣли свѣтильники, коими отъ времени до времени осѣнялъ онъ народъ; облака ѳиміама подымались изъ кадильницъ и вились около столповъ великолѣпной сѣни, какъ бы готовыя унести на небо все сіе духовное зрѣлище: а между тѣмъ внятно оглашалось изъ устъ Святителя все житіе Великомученицы въ словахъ и пѣсняхъ ея акаѳиста, и на каждое земное ея страданіе откликались лики, какъ бы изъ глубины неба: «радуйся Варвара, невѣста Христова прекрасная!»

Трогательна повѣсть краткаго житія и долгихъ мученій сей юной, но доблестной невѣсты небеснаго Жениха, и не напрасно Церковь влагаетъ ей въ уста пламенныя слова ея божественной любви: «Агница Твоя, Христе, Варвара зоветъ великимъ гласомъ: Тебе женише мой люблю, и Тебя ищущи страдальчествую, и сраспинаюся, и спогребаюся крещенію Твоему, и стражду Тебе ради, яко да царствую въ Тебѣ, и умираю за Тя, да и живу съ Тобою; но, яко жертву непорочную, пріими мя съ любовію спожершуюся Тебѣ.»

Единственная дочь именитаго язычника Діоскора, рожденная во градѣ солнца и наученная поклоняться свѣтиламъ, она, какъ нѣкогда волхвы, звѣздою научилася поклоняться солнцу правды, и надъ нею сбылись слова Апостола Павла: «что невидимая Божія, Его присносущная сила и Божество, видимы намъ бываютъ чрезъ разсматриваніе тварей» (Рим. I, 20).—Заключенная отцемъ своимъ на высокій столпъ, дабы никто не взиралъ на ея земную красоту, сама она возвела очи на красоту небесной тверди и, распрашивая окружавшихъ ее: кто столь дивно устроилъ весь чинъ вселенной? не могла

повѣрить, чтобы бездушные идолы были ея творцами. Тогда коснулась чистаго сердца ея благодать Божія: ибо созерцаніе Бога есть одно изъ блаженствъ, обѣщанныхъ чистымъ сердцемъ. Съ тѣхъ поръ уже мысль о Богѣ ее не оставляла, доколѣ небесный Учитель, Духъ Святый, не далъ ей земнаго наставника въ Христіанскомъ пресвитерѣ, который открылъ ей всѣ таинства нашего спасенія и втайнѣ возродилъ водою крещенія. Это случилось во время отсутствія ея отца; напрасно предлагая дочери, уже достигшей полнаго возраста, самыхъ именитыхъ жениховъ, онъ предоставилъ ей наконецъ полную свободу въ образѣ жизни, но не могъ предполагать, какого жениха изберетъ себѣ св. Варвара.

Безумною яростію разгорѣлось сердце Діоскора, когда узналъ онъ о нечаянномъ обращеніи своей дочери отъ тьмы язычества къ свѣту Христову: умноженіе свѣта въ устрояемой имъ купальнѣ обличило ему духовное просвѣщеніе дѣвы; ибо она, исполненная благоговѣнія къ таинству Пресвятыя Троицы, велѣла сооружавшимъ зданіе устроить три окна вмѣсто двухъ назначенныхъ отцемъ, и сама изобразила перстомъ своимъ крестъ на мраморномъ водоемѣ. Спрошенная Діоскоромъ о тройственномъ свѣтѣ, святая Варвара исповѣдала предъ нимъ Троицу единосущную, Отца, Сына и св. Духа, и осудила немощь его идоловъ, которыхъ сокрушилъ крестъ распятаго Господа славы. Раздраженный, въ бѣшенствѣ схватилъ мечъ и устремился за дочерью, но она укрылась отъ него въ разсѣлинахъ камней; Господь хотѣлъ спасти многихъ зрѣлищемъ ея страданій и потому допустилъ жестокому отцу обрѣсти ее въ пещерѣ. Истомивъ дочь свою біеніемъ, голо-

домъ и жаждою въ душной темницѣ, онъ предалъ ее наконецъ въ руки столь же суровыхъ судей и требовалъ, чтобы ее судили, какъ отступницу вѣры отеческой. Игемонъ думалъ совратить ее сперва кроткими совѣтами, потомъ угрозами; но, видя непреклонность исповѣдницы Христовой, велѣлъ терзать ее воловьими жилами, доколѣ вся земля вокругъ не упоилась ея невинною кровію; тѣмъ мужественнѣе становилась дѣва, чѣмъ болѣе умножались ея муки. Брошенная въ темницу, вся въ ранахъ, она вышла изъ нея исцѣленною на другое утро, какъ бы изъ брачнаго чертога, для новыхъ ранъ; ожесточенные мучители требовали отъ нея опять жертвоприношенія своимъ идоламъ и опять услышали доблестное исповѣданіе того же великаго имени Христова, предъ коимъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: ибо нѣтъ другаго имени подъ небесами, чрезъ которое бы можно было спастися. Разъяренный игемонъ велѣлъ повѣсить на древѣ обнаженную мученицу, строгать тѣло ея желѣзными когтями, опалять истерзанныя ребра горящими свѣчами и бить въ нѣжную главу молотомъ; все одолѣла укрѣпляемая свыше Варвара, и даже нѣкая робкая жена, именемъ Іуліянія, одушевясь тѣмъ же мужествомъ при зрѣлищѣ ея страданій, дерзнула въ лице укорить жестокаго игемона и раздѣлила участь Великомученицы. Обѣихъ для большаго поруганія послалъ онъ обнаженными по стогнамъ города; но Господь, покрывающій облаками небо, осѣнилъ и ихъ невидимымъ покровомъ отъ наглыхъ взоровъ; наконецъ, когда нечестивый судья осудилъ ихъ на смертную казнь, самъ неистовый отецъ вызвался быть исполнителемъ приговора и не пощадилъ собственнаго

рожденія. Она же, великодушная дочь, преклонивъ колѣна, молила небеснаго Жениха своего, сіяющаго солнцемъ Своимъ на злыхъ и на добрыхъ, сотворить милость каждому человѣку, который съ вѣрою воспомянетъ ея страданія, да не приблизится къ нему лютая болѣзнь и не восхититъ его внезапная смерть, и, подъ мечемъ отвергшаго ее родителя, предала духъ свой воспріявшему ее небесному Отцу.

Странная судьба священныхъ мощей Великомученицы!—Изъ родственнаго Иліополиса, отъ подошвы горъ Ливанскихъ, приплыла она въ Царьградъ и оттолѣ послѣдовала за соименною ей Царевною Греческою, супругою Великаго Князя Святополка, въ новопросвѣщенный вѣрою Кіевъ, гдѣ устроилась для нея златоверхая обитель. Настала гроза Монгольская, и скрыты были мощи подъ ступенями столпа церковнаго; миновалась гроза, и вотъ онѣ опять возсіяли изъ-подъ спуда и проливаютъ благодать исцѣленій на притекающихъ къ нимъ съ вѣрою и любовію. По окончаніи акаѳиста, Варлаамъ, викарій митрополіи Кіевской, совершилъ божественную литургію и говорилъ назидательное слово. Народъ устремился къ св. мощамъ, и я также обмѣнялъ золотое кольцо съ нетлѣннаго перста сей небесной невѣсты, обручившейся на вѣчное царство съ божественнымъ своимъ Женихомъ. Потомъ посѣтилъ я преосвященнаго въ его келліяхъ и, послѣ пріятной бесѣды, испросилъ у него дозволеніе осмотрѣть древнюю его обитель, которая служила одно время и каѳедрою Митрополитамъ Кіевскимъ, когда уніяты похитили у нихъ соборъ Софійскій; теперь же назначена мѣстопребываніемъ ихъ викаріевъ, епископовъ Чигиринскихъ.

*

Еще первый Митрополитъ Кіевскій Михаилъ, въ исходѣ X вѣка, поселилъ иноковъ на горѣ, дотолѣ называвшейся Чертовымъ Беремищемъ, по сосѣдству идола Перунова и по тѣмъ языческимъ требищамъ, какія на ней совершались. Онъ построилъ тамъ деревянную церковь во имя своего Ангела, ибо Архистратигъ небесныхъ Силъ представляется сокрушителемъ преисподнихъ: престолъ во имя его свидѣтельствовалъ о побѣдѣ, одержанной надъ царствомъ тьмы на самомъ мѣстѣ ея владычества.—Внукъ великаго Ярослава, Святополкъ Изяславичъ, названный во святомъ крещеніи Михаиломъ, воздвигнулъ во имя своего Ангела великолѣпную каменную церковь на мѣсто деревянной, и она прозвана, равно какъ и вся обитель, Златоверхою, отъ пятнадцати златокованныхъ главъ своихъ.—Подражая славному дѣду въ устройствѣ внутреннемъ новаго храма, Святополкъ украсилъ мусіею стѣны алтаря; и остатки Тайной вечери, совершенно сходной съ Софійскою, съ такими же Греческими надписями надъ горнимъ мѣстомъ свидѣтельствуютъ о древнемъ великолѣпіи храма; но это одно лишь уцѣлѣло отъ священной старины, ибо обитель Михайловская много пострадала при разореніи Монгольскомъ.

По обѣ стороны передняго притвора главной церкви еще видны въ стѣнахъ признаки гробницъ, и полагаютъ, что здѣсь погребены храмоздатель Великій Князь Святополкъ, а напротивъ его супруга, Греческая Царевна Варвара, дочь Комниновъ, принесшая съ собою сокровище мощей Великомученицы въ новое свое отечество. Три боковые придѣла: съ сѣверной стороны во имя св. Варвары, гдѣ почиваютъ ея мощи, и два съ южной, празднующіе Ввe-

денію во храмъ Божіей Матери и Великомученицѣ Екатеринѣ, устроены не ранѣе XVII вѣка. И въ этомъ придѣлѣ есть частицы святыхъ мощей: мучениковъ Пантелеймона и Харалампія, и епископа Тримифійскаго Спиридонія. Въ соборной церкви за правымъ клиросомъ благоговѣйно притекаютъ граждане Кіевскіе къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой Новодворскою. Богато раззолоченъ иконостасъ главнаго алтаря; но лучшее его украшеніе есть храмовая икона Архистратига Михаила, великолѣпно украшенная драгоцѣнными каменьями; ею ознаменовалось благочестіе Императора Александра въ залогъ благодарности къ Господу, спасшему его державу отъ нашествія иноплеменныхъ. Возвратясь побѣдителемъ изъ умиренной имъ Европы, онъ принесъ въ колыбель вѣры отеческой, въ древнюю обитель Архистратига небесныхъ Силъ, сію драгоцѣнную икону того невидимаго вождя, который руководилъ путемъ побѣдъ полки Русскіе отъ зарева родной столицы до пощаженной имъ столицы враговъ.

По правую сторону Михайловскаго собора находится на монастырскомъ дворѣ каменная трапезная церковь Іоанна Богослова, замѣнившая женскую обитель того же имени. Она основана была въ 1621 г. Митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, котораго, послѣ долгаго запустѣнія митрополіи Кіевской, посвятилъ Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ; въ Златоверхой обители на время основалась тогда каѳедра Кіевская, по гоненіямъ уніятскимъ. Престарѣлая супруга Іова была первою игуменіею дѣвичьяго монастыря, существовавшаго цѣлое столѣтіе въ такой смежности съ Златоверхимъ по древнему обычаю, когда мужескія и женскія обители находились подъ

однимъ настоятельствомъ.—Недавно, при строеніи ограды Михайловской, открыто было на возвышенномъ мѣстѣ къ юговостоку каменное основаніе нѣсколькихъ церквей; полагаютъ, что это остатки мужескаго Димитріевскаго монастыря, отъ котораго и самая дорога съ Крещатика на Подолъ называлась Димитріевскимъ взвозомъ.—Смежность сихъ развалинъ съ Златоверхою обителію доказываетъ еще, въ какой тѣснотѣ воздвигались въ древности священныя зданія одно близъ другаго. Сынъ великаго Ярослава, Изяславъ, въ св. крещеніи Димитрій, столь мало достойный знаменитаго отца своего, соорудилъ въ 1081 году обитель Димитріевскую, надѣясь богатствами ея привлечь многихъ иноковъ изъ лавры Печерской отъ гонимаго имъ Антонія; но, какъ говоритъ преподобный Несторъ: «многіе монастыри отъ князей и бояръ и богатства поставлены, но не таковы они какъ тѣ, которые поставлены слезами и пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ.» Сынъ Изяслава, Ярополкъ, убитый измѣнически однимъ изъ своихъ оруженосцевъ, послѣ междоусобной брани съ дядею Всеволодомъ, погребенъ былъ въ обители, созданной его отцемъ. Митрополитъ Іоаннъ и Великій Князь съ сыномъ своимъ Мономахомъ встрѣтили съ плачемъ тѣло убіеннаго и положили при церкви верховныхъ Апостолъ, которую самъ онъ началъ сооружать, но не успѣлъ окончить.

Крайній холмъ горы, по сосѣдству Димитріева монастыря, на которомъ, вѣроятно, въ древности стоялъ также кумиръ, назывался Крещатицкимъ беремищемъ и впослѣдствіи Кучинскою горою отъ имени владѣтеля;—мѣсто сіе слыло околдованнымъ въ народѣ. Страшные разсказы о ночныхъ явленіяхъ

злыхъ духовъ сохранились въ преданіяхъ народныхъ, которыя свидѣтельствуютъ истину событій лѣтописныхъ о низверженіи идола, здѣсь нѣкогда стоявшаго: ибо, по словамъ лѣтописи, не даромъ плакалъ Перунъ, когда влекли его съ Чертова беремища въ глубокій Днѣпръ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ все, что доселѣ существуетъ примѣчательнаго на старомъ Кіевѣ, искалъ я и слѣды давно минувшаго, еще взывающаго изъ нѣдръ земли гласомъ своихъ развалинъ, или уже только сохраненнаго одною памятію славныхъ событій. Судное слово: «земля еси и въ землю отыдеши» (Быт. III) глубоко сбылось надъ поколѣніями и зданіями стараго Кіева; слоемъ камней и костей обозначены въ нѣдрахъ земныхъ лѣта ихъ и мимопротекшіе надъ ними вѣка: гдѣ бы ни коснулся заступъ—вездѣ могилы! какихъ бы новыхъ основаній ни хотѣли ископать на лѣтописной землѣ сей: дома ли молитвы или частнаго жилища, или охранной бойницы,—вездѣ проглянутъ остатки бывшихъ, давно уже стертыхъ съ лица земли, и поглотившая ихъ смерть оскалитъ свои каменные зубы, какъ бы въ горькую насмѣшку новому поколѣнію, ищущему себѣ основы на такой безднѣ минувшаго.—Осыпется ли валъ, которымъ столько разъ обносили старый Кіевъ, и вотъ выглянутъ изъ подъ него Златые врата Ярослава, памятникъ его могущества и величія Кіева, или врата Батыевы, горькая память разоренія Монгольскаго. То мирный храмъ Ирины съ своими усыпальницами, обрѣтенный чрезъ столько лѣтъ забвенія, начинаетъ опять отогрѣвать на родномъ солнцѣ Кіева прахъ своихъ усопшихъ; то древняя Десятинная церковь на время раскроетъ тайны своихъ

подземныхъ сводовъ, чтобы опять укрыться подъ щитъ новаго храма, хотя не достигшаго до ея широкихъ размѣровъ, однако осѣнившаго благоговѣйно ея священные останки; или изъ-подъ горы Перуновой вымываются живыми ключами украшенія мертвыхъ кумировъ, которые еще блюдетъ Кіевъ, какъ въ тайникѣ, вмѣстѣ съ костями ихъ сокрушителей въ материнской утробѣ своихъ горъ.—Кіевъ, колыбель нашей вѣры, новый Сіонъ нашъ, подобно древнему, есть градъ великаго Царя, и къ нему можетъ также относиться псаломный стихъ сей: «горы окрестъ его и Господь окрестъ людей Своихъ» (Пс. 124, 2.).

На четыре неравныя части раздѣленъ старый Кіевъ съ своими отдѣльными холмами и зданіями. Вся обрывистая гора, на которой стоитъ онъ, возвышается, какъ крутоберегой островъ изъ глубины окружающихъ его долинъ, неприступный только со стороны Днѣпра, болѣе отлогій съ другихъ сторонъ. На самой вершинѣ его тѣснились въ маломъ городкѣ древніе князья тамъ, гдѣ нынѣ церковь Первозваннаго; это есть первое отдѣленіе стараго Кіева, искони обнесенное валомъ, и къ нему принадлежала также верхняя часть Михайловскаго, а нижняя его половина укрѣплена только въ позднѣйшія времена. Ярославъ много распространилъ къ западу столицу свою, соорудивъ митрополію и двѣ обители на полѣ битвы съ Печенѣгами; но еще долго находилась внѣ ограды стараго Кіева глубокая долина, живописно врѣзавшаяся въ нѣдра горы Кіевской; она слыла въ древности Перевѣсищемъ, потому что лежитъ на скатѣ стараго Кіева. Изъ ограды Михайловской вступилъ я опять на лѣтописную почву древнѣйшаго населенія стараго Кіева.

Здѣсь, между монастыремъ и церковію трехъ Святителей, еще сохранилась отлогость бывшаго Боричева взвоза, гдѣ основался Кій, князь Полянскій, давшій свое истинное или баснословное имя вмѣстѣ съ братьями и сестрою мѣсту ихъ жительства и окрестнымъ урочищамъ. Здѣсь начало Кіева и современныхъ ему названій, Щековицы, горы Олеговой, и Хоревицы, горы Ольгиной, и рѣки Лыбеди, доселѣ сохранившихъ тѣ имена, какими искони огласила ихъ Русь. Еще тогда рѣчка Почайна, нынѣ поглощенная Днѣпромъ, протекала у подошвы горы Кіевской, и на устьи ея, гдѣ теперь Крещатикъ, были пристань и перевозъ чрезъ Днѣпръ.—Вверхъ сего Боричева взвоза Кіевляне несли въ ладьяхъ надменныхъ пословъ Древлянскихъ, приходившихъ сватать за своего князя языческую Ольгу послѣ убіенія ея супруга, и внизъ по той же дорогѣ влачимъ былъ, по слову Владимірову, кумиръ Перуновъ, гордо возвышавшійся на сосѣднемъ холмѣ. Вотъ и церковь Трехсвятительская, сооруженная св. княземъ въ честь Ангела своего великаго Василія на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда князь тьмы въ лицѣ Перуна требовалъ отъ него идольскихъ жертвъ и даже крови мученической.

Божественная кровь приносилась въ ней за спасеніе увѣровавшихъ въ Бога Владимірова, когда въ первый разъ удостоился я взойти въ ея священную внутренность. Царскіе врата были отверсты и съ ними небо; священникъ стоялъ во вратахъ съ чашею въ рукахъ и возглашалъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.» Немного молитвенниковъ было въ храмѣ, всѣ они поверглись ницъ у дверей царскихъ, и съ ними я, пораженный зрѣли-

щемъ святыни; служитель алтаря, благословивъ паству, по древнему благочестивому обычаю Малороссіи прикоснулся священною чашею ко главамъ нашимъ, когда опять возгласилъ: «всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» — Такая необъятная вѣчность, такая дивная Пасха, которой будемъ еще искреннѣе пріобщаться въ невечернемъ днѣ царствія Христова, срѣтила меня на томъ мѣстѣ, гдѣ совершалъ свою первую Пасху равноапостольный князь, очищенный отъ грѣховъ язычества, и сердце мое исполнилось радостнымъ чувствомъ благодарности къ сему великому просвѣтителю нашего отечества.

Первобытная церковь Владимірова была, вѣроятно, деревянная по скорости устроенія; но впослѣдствіи ее замѣнили каменною благочестивые князья Кіева, ибо послѣ разоренія Батыева остались каменныя ея развалины. Въ бѣдственномъ запустѣніи оставалась она до XVII вѣка, когда возстановилъ ее Митрополитъ Петръ Могила, движимый ревностію къ святости мѣста и памяти основателя. Въ послѣдній разъ еще обновлена она въ исходѣ тогоже вѣка и по желанію усердствовавшихъ переименована Трехсвятительскою, ибо въ числѣ сихъ Іерарховъ и великій Василій. Въ сѣверовосточной стѣнѣ сей церкви доселѣ сохранились кирпичи древней работы, свидѣтельствующіе, что эта часть зданія уцѣлѣла отъ разоренія Монгольскаго.

Около сей древнѣйшей церкви стараго Кіева предполагаютъ и первобытное жилище Великаго Князя, которое уже во времена Нестора перенесено было на иное мѣсто; ибо онъ говоритъ въ лѣтописи своей, что дворъ княжескій былъ прежде въ городѣ тамъ, гдѣ при немъ стоялъ дворъ Вротиславль и Чудинъ.—

Мѣсто, противулежащее церквамъ Десятинной и Трехсвятительской, какъ находящееся посреди нѣ древнѣйшаго населенія стараго Кіева, по всей вѣроятности, было занято палатами его возвеличившихся властителей; но, судя по описанію Нестора, нѣтъ сомнѣнія, что каменный теремъ Ольги стоялъ на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви; онъ указываетъ его позади Десятинной надъ самою горою; и оттолѣ точно могла видѣть княгиня, какъ несли пословъ Древлянскихъ съ Почайны по Боричеву взвозу, и любоваться живописною долиною, которая растилается вверхъ по Днѣпру до любимаго села ея Вышгорода на горѣ Хоревицѣ.

Около бывшихъ княжихъ палатъ на старомъ Кіевѣ, гдѣ и теперь находятъ много щебня и костей, должно искать двухъ обителей княжескихъ, женской и мужеской, основанныхъ властителями Кіева по сосѣдству дворца ихъ, дабы присные ихъ сыны и дочери могли постригаться близко дома родительскаго, и сами они обрѣтали бы себѣ послѣдній пріютъ недалеко отъ своего жилища подъ сѣнію неумолкаемыхъ молитвъ иноческихъ. Это Андреевскій или Янчинъ монастырь и Ѳеодоровскій или Вотчь, т. е. Отчій. Всеволодъ, сынъ Ярослава, заложилъ на старомъ Кіевѣ въ 1086 году первую церковь во имя Первозваннаго и при ней устроилъ обитель для дочери своей Анны или Янки, которая подала примѣръ постриженія княжескимъ инокинямъ и, собравъ около себя дѣвицъ, сама обучала ихъ пѣнію, чтенію св. Писанія и полезнымъ искусствамъ. Тамъ погребена была и супруга Всеволода, княжна Половецкая, Анна, и, вѣроятно, погребались прочія особы княжескаго дома, о коихъ однако молчатъ лѣтописи; но

изъ мужеской отрасли Ярослава онѣ упоминаютъ только о погребеніи въ Янкиной обители сына Мономахова, втораго Великаго Князя Ярополка, и сына Боголюбскаго, Владиміра, удѣльнаго князя Дорогобужскаго.

Напротивъ того мужескій монастырь прославился погребеніемъ князей, великихъ и удѣльныхъ, и доселѣ открываются въ частныхъ домахъ, къ югу отъ Десятинной церкви, погребные провалы и склепы, вѣроятно, ему принадлежавшіе. Сынъ Мономаха, Великій Князь Мстиславъ, прозванный Великимъ, заложилъ въ 1122 году каменную церковь во имя Великомученика Ѳеодора Тирона и около нея устроилъ впослѣдствіи монастырь мужескій, который дѣти его привыкли называть отеческимъ или Вотчимъ. Самъ основатель Мстиславъ, лучшій изъ сыновей Мономаха, обновилъ собою княжескую усыпальницу своего племени, и 35 лѣтъ спустя рядомъ съ нимъ возлегъ доблестный, но многомятежный сынъ его Изяславъ, княженіе коего ознаменовало столькими бурями воинскими бѣдствующую столицу; ибо это было время самаго сильнаго разгара междоусобій Ольговичей съ Мономаховичами. Братья его, Великіе Князья Ростиславъ и Мстиславъ, и удѣльный Владиміръ, и сынъ Ярополка, другой Изяславъ, князь Луцкій: одинъ за другимъ послѣ многихъ браней спустились подъ мирные своды Отчей обители, гдѣ смерть примирила и уравняла всѣхъ.

Но сія тихая обитель, усыпальница ратныхъ князей, была однажды свидѣтельницею горькаго зрѣлища ихъ междоусобій. Самый несчастный изъ всѣхъ Ольговичей, Игорь, кроткій и праведный, послѣ шестинедѣльнаго княженія на престолѣ Кіев-

скомъ, былъ свергнутъ племянникомъ своимъ Изяславомъ, внукомъ Мономаха, и, переходя изъ темницы въ темницу, испросилъ себѣ наконецъ мирный пріютъ въ келліяхъ Отчаго монастыря. Игорь постригся и, казалось, ангельскій образъ, отрѣшившій его отъ суеты мірской и всякаго земнаго величія, долженъ былъ оградить и отъ сопряженной съ ними опасности; — совершилось противное, и пролилась невинная кровь его! Братья Ольговичи вступились за невольнаго инока, которому стѣны монастыря служили вмѣстѣ и оградою темничною. Великій Князь Изяславъ, вызванный ими какъ бы на совѣщаніе въ Черниговъ, заблаговременно узналъ о готовившейся измѣнѣ и послалъ извѣстить о томъ въ Кіевъ брата Владиміра, Митрополита Климента и народное вѣче.— Возмутился народъ: «Ольговичи готовятъ гибель нашему князю! воскликнула буйная толпа, убьемъ Игоря!» и въ слѣпомъ порывѣ ярости устремилась въ монастырь его. Напрасно возбранялъ Владыка, напрасно князь Владиміръ на борзомъ конѣ хотѣлъ обскакать разъяренныхъ, чтобы спасти единокровнаго; толпа заградила ему дорогу. Игорь, ничего не подозрѣвая. стоялъ въ церкви предъ иконою Богоматери и слушалъ божественную литургію. Буйная чернь, не уважая святости мѣста и сана, извлекла инока изъ храма и ограды; смятенный Владиміръ встрѣтилъ мучителей и жертву уже во вратахъ. «Братъ мой, куда?» воскликнулъ къ нему болѣзненно Игорь; Владиміръ, соскочивъ съ коня, покрылъ его иноческую рясу своею княжеской мантіею, взывая къ народу: «братья, не могите дѣлать зла, не убивайте Игоря!» — Самъ, осыпаемый ударами вмѣстѣ съ мученикомъ, онъ съ трудомъ довелъ его до двора матери своей

и ринулся въ ворота, надѣясь, что уважутъ хотя жилище Великой Княгини; но ничего не пощадила неистовая чернь, разбила ворота дома княжескаго и въ сѣняхъ на самыхъ ступеняхъ умертвила Игоря: и князь, и инокъ, все было забыто въ убіенномъ, видѣлся одинъ Ольговичъ; обнаженнаго повлекли за ноги сквозь торжище до Десятинной церкви, а оттолѣ, бросивъ его на случившуюся праздную телѣгу, свезли на Подолъ;—тогда только остыла безумная ярость. Князь Владиміръ послалъ сказать народу: «вотъ вы уже убили Игоря, дайте хоть похоронить тѣло его!» народъ же, опамятовавшись, слагалъ вину на Ольговичей, умыслившихъ злое на ихъ князя.— Невинный страдалецъ пролежалъ ночь въ Новгородской часовнѣ; утромъ Митрополитъ послалъ игумена той обители, гдѣ провелъ Игорь остатокъ горькихъ дней своихъ, предать съ честію священные останки въ церкви св. Симеона, что была на скатѣ стараго Кіева къ Подолу. Церковь причла его къ лику святыхъ своихъ заступниковъ вмѣстѣ съ первыми страстотерпцами Русскими, Борисомъ и Глѣбомъ, столь же неправедно убіенными, и доселѣ призывается молитвенно имя Игоря въ храмахъ древней столицы близъ самаго мѣста его убіенія.

Позади бывшей обители Отчей должно искать и древнихъ воротъ Батыевыхъ, которые находились во внутренности города на пути отъ Десятинной церкви къ св. Софіи, и такъ названы, быть можетъ, отъ того, что башни ихъ разорены завоевателемъ Монгольскимъ; остатки сихъ башенъ еще видны были до исхода прошедшаго столѣтія.

VI.

ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ.

Вотъ наконецъ и славная Десятинная церковь св. Владиміра, начало и вѣнецъ всѣхъ священныхъ зданій стараго Кіева, прежде всѣхъ сооруженная благовѣрнымъ княземъ и нынѣ послѣ всѣхъ обновленная изъ малаго уцѣлѣвшаго придѣла и обширныхъ развалинъ. Просвѣтитель Руси не пощадилъ трудовъ и сокровищъ для сооруженія достойнаго храма Господу, просвѣтившему его духовную и тѣлесную тьму; въ самый годъ своего крещенія, въ исходѣ X вѣка, рукою опытныхъ художниковъ Греческихъ началъ онъ сооруженіе первой соборной церкви въ своей столицѣ. Владиміръ посвятилъ ее Пречистой Дѣвѣ, празднуя честный соборъ Ея на другой день спасительнаго Рождества Сына Ея и Бога, и опредѣлилъ десятую часть своихъ доходовъ на поддержаніе новаго храма, отчего и сохранилось ему названіе Десятиннаго. Туда перенесъ онъ блаженные останки своей бабки, Великой Княгини Ольги, отъ которой почерпнулъ первые начатки Христіанства; тамъ похоронилъ и благовѣрную супругу Анну, Греческую Царевну, утверждавшую его на пути спасенія, и самъ успокоился наконецъ подъ сѣнію той же церкви. Сынъ его Ярославъ, движимый благочестіемъ къ памяти усопшихъ, вырылъ кости дядей своихъ, Ярополка и Олега, убіенныхъ еще въ язычествѣ, и, окрестивъ торжественно, положилъ въ церкви Десятинной, гдѣ опочилъ и великій отецъ, а самъ отошелъ на смертный покой подъ сѣнь собственнаго храма Софійскаго. Но внукъ его Изяславъ, столько разъ

обуреваемый врагами и единокровными на мятежномъ престолѣ Кіевскомъ, и правнукъ Ростиславъ, въ юности умершій, послѣдніе изъ князей положены въ основаніяхъ Десятинной церкви, которая съ тѣхъ поръ перестала быть усыпальницею племени Владимірова.

Мѣсто, избранное св. княземъ для сооруженія храма, было ему горько памятно мученическою смертію двухъ Христіанскихъ Варяговъ, Ѳеодора и Іоанна, изъ коихъ сынъ, прекрасный лицемъ юноша, былъ назначенъ по жребію въ жертву Перуна, а нѣжный отецъ, не хотѣвшій его выдать, вмѣстѣ съ нимъ погибъ отъ ярости народной. Это были единственныя жертвы, пострадавшія на Руси до водворенія Христіанства, и на ихъ костяхъ соорудилъ раскаянный князь соборное святилище, которое великолѣпно украсилъ мусіею и иконами Корсунскими; но лучшимъ его сокровищемъ были св. мощи Климента, епископа Римскаго, и въ честь его находился придѣлъ въ Десятинной церкви.—Всѣ сіи сокровища, дважды расхищенныя Ольговичами и при Великомъ Князѣ Рюрикѣ, исчезли при разореніи Монгольскомъ вмѣстѣ съ храмомъ; ибо къ нему примыкала городская стѣна стараго Кіева и около него кипѣлъ самый жестокій бой. Отъ всего храма остался только одинъ южный придѣлъ Святителя Николая съ частію церковной стѣны. Въ такомъ ужасномъ запустѣніи брошены были священныя развалины въ теченіе четырехъ вѣковъ, тяжкихъ для Кіева игомъ Татарскимъ и Литовскимъ, доколѣ не явился наконецъ обновитель, самъ рода княжескаго, въ митрѣ святительской. Ревностный Митрополитъ Петръ Могила не вынесъ зрѣлища развалинъ престольнаго

своего города, и все, что только могла возстановить рука его въ краткое его правленіе,—возстановила. Онъ пристроилъ къ остаткамъ Десятиннымъ малую церковь, частію каменную, частію деревянную, во имя Рождества Богоматери, съ придѣломъ верховныхъ Апостолъ въ верхнемъ ярусѣ. Нѣсколько неизвѣстныхъ Греческихъ письменъ, изсѣченныхъ на дикомъ камнѣ, вставлены были между кирпичами новой церкви надъ южнымъ окномъ, во свидѣтельство ея древности, какъ тайныя руны, которыя обрѣтаетъ путникъ на пустынныхъ скалахъ Скандинавскихъ. Тамъ стало опять совершаться Богослуженіе, прерванное четырьмя вѣками запустѣнія; прочая же часть обширныхъ развалинъ оставалась подъ землею до нашихъ временъ.—Еще прежде сооруженія церкви, Митрополитъ, имѣвшій обычай посѣщать каждую субботу разные храмы своей паствы, пришелъ помолиться и надъ остатками Десятинной церкви въ убогомъ ея придѣлѣ Святителя Николая. Когда же, по выходѣ изъ храма, обозрѣвалъ его окружность, онъ нечаянно увидѣлъ въ близкомъ разстояніи небольшую яму и приказалъ глубже ее разрыть; но сколь велико было утѣшеніе благочестиваго пастыря, когда онъ открылъ два мраморные гроба и узналъ по ихъ надписямъ, что въ нихъ покоились св. Владиміръ и его супруга. Съ благоговѣніемъ перенесъ онъ нетлѣнную главу просвѣтителя Руси въ древнюю его церковь на Берестовѣ, гдѣ былъ нѣкогда княжескій дворецъ, а наконецъ и въ самую лавру, ибо не безопасенъ былъ Кіевъ отъ набѣговъ Крымскихъ.

Протекло еще два столѣтія послѣ убогаго, хотя и благоговѣйнаго обновленія церкви Десятинной, и

вотъ уже въ наше время одному изъ жителей Кіева пришла благочестивая мысль возстановить совершенно древнюю церковь св. Владиміра изъ вѣковыхъ ея развалинъ; въ 1823 году раскрыто подъ землею обширное основаніе и опять явился на свѣтъ древній чертежъ внутреннихъ и внѣшнихъ стѣнъ храма съ тремя полукружіями алтаря, изъ которыхъ средній рѣзко выдавался впередъ, и съ двумя придѣлами въ трапезѣ, гдѣ выкладены были дикимъ камнемъ мѣста для гробницъ. Весь помостъ подъ алтаремъ еще сохранилъ свою мозаику разноцвѣтнаго мрамора, и грудою на немъ лежало множество мусіи, обвалившейся съ купола и стѣнъ; 26 саженъ въ длину и 16 въ ширину составляли размѣръ древняго зданія. Между многими обломками мраморовъ найдена была надгробная доска безъ надписи, разбитая на три куска, а при вторичномъ изслѣдованіи развалинъ открыли еще двѣ гробницы изъ каменныхъ фіолетовыхъ плитъ: одна безъ всякихъ украшеній, а другая съ богатою рѣзьбою на подобіе Ярославовой. Она находится теперь въ землѣ, внѣ новаго зданія, съ югозападной стороны; но первая, которую должно предполагать Владиміровою, ибо открыта въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Митрополитъ Петръ обрѣлъ честную главу равноапостольнаго князя, взошла подъ алтарную часть храма, и надъ нею устроена съ правой стороны иконостаса великолѣпная гробница просвѣтителя Руси съ серебряными изваяніями. Мозаики и древности, найденныя въ основаніи Десятинной церкви, хранятся въ главномъ алтарѣ, и въ стѣны храма вкладены камни съ письменами Греческими, уцѣлѣвшіе отъ давнихъ временъ. Новое зданіе сооружено въ Византійскомъ вкусѣ съ двумя придѣ-

лами во имя св. Владиміра и Чудотворца Николая. и хотя оно несходно съ прежнимъ чертежемъ Десятинной церкви, однако должно быть драгоцѣнно для каждаго Русскаго, какъ воспоминаніе древняго святилища, воскресшаго изъ развалинъ.

И такъ, вотъ все, что осталось намъ отъ стараго Кіева, гдѣ нѣкогда съ такою славою княжили князья Русскіе!—Но кто подыметъ предо мною пелену минувшаго? кто вызоветъ изъ тьмы временъ событія, давно былыя, и лица, давно безличныя, чтобы хотя ихъ памятію оживить мертвое урочище!—Первые возстаютъ изъ мрака три брата и сестра, давшіе имена своимъ мѣстамъ, дотолѣ безъимяннымъ: это начало Кіева. Вотъ Кій сидитъ на горѣ своей, взимая дани съ переходящихъ Днѣпръ, и все опять погружается во мракъ на нѣсколько столѣтій.—Плывутъ съ сѣвера внизъ по Днѣпру ладіи Варяжскія, и покоряется Кіевъ Оскольду; плывутъ онѣ съ юга вверхъ по Днѣпру, искушенныя бурею подъ Царьградомъ, и приносятъ съ собою начатки вѣры Христовой.—Опять ладіи съ сѣвера: въ нихъ завоеватель Олегъ съ младенцемъ Игоремъ, и падаетъ Оскольдъ на берегу Днѣпра тамъ, гдѣ доселѣ мѣсто слыветъ его могилою; почесть ѓромкой могилы ожидаетъ и побѣдоноснаго Олега въ новой его столицѣ: братъ Кія уступаетъ ему цѣлую гору свою Скавицу въ надгробный курганъ, какъ бы нѣкую пирамиду Фараоновъ. Вотъ и языческая Ольга, полная славныхъ дѣяній того, чье носитъ имя, женской рукою крѣпко держитъ бразды правленія, мститъ сосѣдямъ за малодушіе и смерть супруга; но вотъ и таже Христіанская Ольга, достойная блаженной Царицы, которой воспріяла имя во св. купели, внушаетъ первые

начатки Христіанства юному внуку и готовитъ просвѣщеніе Руси.

Ратно княженіе Святослава: земля ему ложе, сѣдло изголовье, звѣздное небо покровъ; костьми хочетъ онъ лечь, дабы не посрамить землю Русскую, но не на синемъ Днѣпрѣ, а на красномъ берегу Дуная; а между тѣмъ Печенѣги облегаютъ его столицу, мать и дѣти въ осадѣ; юноша Русскій обманываетъ враговъ, съ уздою въ рукахъ ищетъ коня чрезъ весь станъ ихъ и, переплывъ Днѣпръ, кличетъ на помощь воеводу Святослава; еще немного, и князь Печенѣжскій пьетъ изъ черепа Русскаго князя!— Опять три брата хотятъ княжить въ Кіевѣ; но уже нѣтъ межъ ними мира, какъ между тремя первыми: другой Олегъ и Ярополкъ падаютъ въ единокровной брани; Владиміръ сквернитъ идольскими требищами горы Кіевскія, на коихъ скоро должна возсіять благодать Божія, по слову Апостола, и онъ же самъ очиститъ ихъ отъ кумировъ, ибо на него указалъ Первозванный. — Совѣтъ въ княжескомъ теремѣ: послы иновѣрные предлагаютъ каждый свою вѣру, послы Владиміровы избираютъ Греческую; сердце его уже давно къ ней расположено, имя Ольги рѣшаетъ бояръ. Опять и въ послѣдній разъ закипѣлъ судами Русскими Греческій путь, и тою же стезею возвращается изъ покоренной Корсуни уже просвѣщенный вѣрою князь; съ нимъ св. иконы и мощи, съ нимъ епископъ и пресвитеры, и Греческая Царевна, его супруга. Измѣняетъ лице свое Кіевъ:—Перунъ, алкавшій жертвъ, влечется внизъ по Боричеву взвозу въ глубокій Днѣпръ и плыветъ до Выдубичей при послѣднихъ кликахъ языческихъ; первая церковь встаетъ на холмѣ его,

первая обитель подлѣ холма, храмъ Десятинный великолѣпно сооружается на горахъ Кіевскихъ и десятина всея Руси ему обречена; въ тихихъ водахъ Почайны креститъ благовѣрный князь двѣнадцать сыновей своихъ, въ широкихъ волнахъ Днѣпра креститъ весь народъ, и Днѣпръ уноситъ съ собою древнее язычество Руси; новое благодатное племя восходитъ изъ животочной купели, и равноапостольный просвѣтитель молитъ Господа утвердить православіе въ его царствѣ.

Славно княженіе Владиміра, осѣненное крестомъ по всей Руси; но едва лишь смежились очи его въ уединеніи села Берестова, какъ пролилась отъ руки братней кровь двухъ сыновей его, первыхъ страстотерпцевъ Русскихъ Бориса и Глѣба.—Кіевъ впервые видитъ въ стѣнахъ своихъ дружины надменныхъ Ляховъ: мечъ Болеслава иззубрился на Златыхъ вратахъ; но является великій мститель за честь Русскую и кровь братьевъ съ полками Славянскими Новгорода, и падаетъ съ престола братоубійца Святополкъ; съ нимъ удаляются Ляхи; опять въ одну мощную десницу собралась вся обширная Русь. Ярославъ благовластный высоко сидитъ на престолѣ Кіевскомъ, и ему покоряются народы отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго.—Величественно возстаетъ и св. Софія Цареградская на горахъ Кіевскихъ, а между тѣмъ въ пещерахъ Варяжскихъ затеплилась уже священная лампада Антонія, и изъ его убогаго вертепа расширяется великая лавра Печерская.

Опять три брата, роковое число для Кіева, и опять междоусобіе.—Малодушествуетъ Изяславъ и бѣжитъ въ Ляхи; Святославъ содержитъ престолъ братній до ранней своей кончины, упрекаемый от-

шельниками Антоніемъ и Ѳеодосіемъ за похищеніе достоянія братняго, а кроткій Всеволодъ терпитъ, доколѣ не возвратился съ чужбины законный князь и не палъ въ междоусобной битвѣ; между тѣмъ Половцы грабятъ землю Русскую: Ханъ ихъ Бонякъ срываетъ листы съ Золотыхъ воротъ Ярославлихъ и грабитъ лавру; но вотъ обрѣлся на полвѣка крѣпкій подвижникъ въ землѣ Русской, примиритель князей и бичъ Половцевъ. Сынъ Всеволода, Мономахъ, господствуетъ надъ всею Русью, сперва изъ Переяславскаго своего удѣла, а потомъ изъ Кіева; онъ прикрываетъ мужествомъ своимъ малодушіе Великаго Князя Святополка и укрощаетъ князей подъ стѣнами столицы, жаждущихъ отмстить ему за жестокое ослѣпленіе Василька. Онъ же созываетъ дружественные ихъ сеймы въ Любечѣ и хочетъ вновь собрать разъединившуюся державу; но только одно могущественное лице его можетъ одолѣвать столько браней, готовыхъ возникнуть. Мономахъ со славою отходитъ къ предкамъ въ путь всея земли, завѣщавая миръ—и возгарается брань; рано слѣдуетъ за нимъ храбрый сынъ Мстиславъ; сильное племя князей Черниговскихъ ищетъ старѣйшинства на престолѣ Кіевскомъ, и вотъ на полтораста лѣтъ запылала междоусобная кровавая война между родомъ Ольговичей и родомъ Мономаховичей.

Исполинское лице сей единокровной рати, ярко освѣщенное ея заревомъ,—Изяславъ, внукъ Мономаха, дважды свергаемый съ престола, то силою Ольговичей, то рукою собственнаго дяди, Долгорукаго, и его крѣпкаго сына Боголюбскаго. Онъ заслоняетъ себя призракомъ другаго слабаго дяди, Вечеслава, и въ силѣ мужества умираетъ внезапно на горько добы-

томъ престолѣ; кровь схимника Игоря подмыла престолъ сей, хотя и невиненъ въ ея пролитіи Изяславъ; но уже Ольговичи не могутъ простить ее потомству Мономаха. Съ его младшимъ сыномъ, Долгорукимъ, падаетъ слава великаго княженія, и Суздаль господствуетъ надъ Кіевомъ въ лицѣ Боголюбскаго; но еще князья оспариваютъ другъ у друга древнюю столицу и грабятъ ея богатства. Изяславъ Черниговскій, на краткое время бывшій Великимъ Княземъ, хочетъ опять добыть престолъ и движетъ къ Кіеву орды Половецкія; перейдя подъ Вышгородомъ Днѣпръ, онъ стремится вдоль Оболонья къ укрѣпленному Подолу; жестокіе наемники врываются въ нижній городъ, жители верхняго едва отсидѣлись за своими стѣнами отъ напора вражьяго. Протекло девять лѣтъ и старый Кіевъ испыталъ ту же участь; одиннадцать Ольговичей по зову Боголюбскаго идутъ мстить за его личную обиду брату великаго Изяслава, Мстиславу Кіевскому, и, къ стыду имени Русскаго, три дня расхищаютъ древнюю столицу дружины княжескія.—Это первое ея разореніе; близко второе и третіе, уже послѣднее, ибо ничего не останется послѣ Монголовъ. Безразсудный Рюрикъ, невольно постриженный зятемъ своимъ Романомъ Галицкимъ, самъ выдаетъ столицу жестокимъ союзникамъ и дикимъ Половцамъ, чтобы только опять измѣнить мантію иноческую на великокняжескую; расхищены всѣ храмы и обители и даже гробы мертвыхъ, на улицахъ течетъ кровь старцевъ и младенцевъ, юноши и дѣвы въ оковахъ влекутся на чужбину; пламя свирѣпствуетъ по всему городу и болѣе мѣсяца длится страшное опустошеніе: — это князь инокъ дико празднуетъ свое воцареніе; плачъ

во всей Руси по престольному граду: еще немного, и уже некому будетъ плакать посреди всеобщихъ развалинъ!

Вотъ подвигается туча Монгольская! — Долго ходитъ она по небосклону бѣдствующей отчизны и наконецъ страшно разражается надъ Кіевомъ. Есть еще князья, алчущіе его престола, но уже нѣтъ межъ ними защитниковъ въ часъ гибели. Михаилъ Черниговскій, будущій исповѣдникъ и мученикъ, оставляетъ Кіевъ, чтобы искать помощи въ Венгріи; новый властитель, изъ рода Смоленскихъ, Ростиславъ изгоняется Даніиломъ Галицкимъ, и самъ Даніилъ, видя страшное нашествіе Монголовъ, бѣжитъ также въ Венгрію, ввѣривъ столицу свою храброму боярину Димитрію: — такъ въ роковую минуту нѣтъ ни одного князя въ престольномъ городѣ, и сиротствуетъ мать городовъ Русскихъ. Уже грозный завоеватель Батый слышалъ о великихъ сокровищахъ Кіева и посылалъ заблаговременно внука Чингисъ-Ханова, Мангу, издали осмотрѣть его.—Дикій Ордынецъ съ противоположнаго берега Днѣпра окинулъ жаднымъ взоромъ древнюю столицу и изумился крѣпкимъ стѣнамъ ея на неприступныхъ горахъ; онъ подивился множеству златоверхихъ храмовъ и обителей и послалъ требовать добровольной сдачи.—Съ гордостію отвергли малодушное предложеніе старшіе сыны Руси и даже обагрили себя кровію пословъ Ордынскихъ: отселѣ не осталось уже никакой надежды на миръ или пощаду: предстояла одна неминуемая гибель, и она постигла. Батый приблизился съ своими несмѣтными полчищами со стороны дебрей.

Надъ Кіевомъ носилась смерть, ужасъ безъ

малодушія въ стѣнахъ его; отъ дикаго вопля Татаръ, отъ рева воловъ и верблюдовъ, отъ ратнаго ржанія коней, отъ скрыпа огромнаго обоза, едва могли слышать другъ друга граждане Кіева; они уже сказали себѣ послѣднее слово: умремъ за св. Софію! Напрасно плѣнный Ордынецъ страшитъ ихъ именами всѣхъ богатырей, прославленныхъ разореніемъ царствъ дальняго Востока, и всею грозною семьею Чингисъ-Хана:—народъ Кіевскій смотритъ на боярина Димитрія, Димитрій на св. Софію и Десятинную церковь, и возгарается сѣча, и отражаются приступы. Отъ воротъ Лядскихъ со стороны дебри главная опасность; тамъ день и ночь стѣнобитныя орудія сокрушаютъ твердыни; падаетъ наконецъ ограда; весь городъ Ярослава съ его св. Софіею и Златыми вратами уже въ рукахъ дикихъ враговъ; но еще остается древній городъ Владиміра; на самыхъ стогнахъ кипитъ жестокая сѣча, камни летятъ изъ домовъ, стрѣлы влетаютъ въ окна, и о врата ломаются копья, кровь льется рѣкою; мужественный Димитрій отступаетъ съ дружиною въ старый городъ и ограждается тыномъ около Десятинной церкви: тамъ главная святыня, тамъ всѣ сокровища, туда стеклись и граждане Кіева съ женами и дѣтьми, которые только могли спастись.—Это послѣдняя ночь Кіева: еще будетъ для него утро, но не будетъ вечера; солнце освѣтитъ Русь, но уже не зайдетъ для древней ея столицы.

Наступило 9 мая, день столь торжественный для Кіева памятію великаго Святителя;—онъ озаритъ одни развалины и трупы. Бояринъ Димитрій, самъ исходя кровію отъ ранъ, еще вымышлялъ способы защиты, но уже ихъ нѣтъ; опять возобновляется при-

ступъ, и подъ бурею вражескихъ волнъ сокрушается послѣдній оплотъ; самыя палаты Десятинной церкви рушатся подъ тяжестію нахлынувшей толпы, искавшей на нихъ спасенія. Димитрій еще бьется въ самыхъ стѣнахъ храма, и до его плѣна длится битва, потомъ уже одно убійство. Грозный завоеватель щадитъ доблесть боярина Русскаго, но не щадитъ остатковъ его дружины и бѣдствующаго народа, ни древнихъ святилищъ столицы; надъ Десятинною церковію особенно изливается ярость Монголовъ: она срыта до основанія, кромѣ одного лишь придѣла, подъ коимъ почіетъ равноапостольный князь, окрестъ же него пустыня; обезглавлены св. Софія и златоверхая обитель Архангела; сокрушена по окны лавра Печерская, и долго никто не смѣетъ селиться на дымныхъ развалинахъ: робкіе путники приходятъ только взглянуть на опустѣвшую столицу, и болѣе смѣлые иноки сбираются въ пещерахъ по звуку тайнаго благовѣста молиться о усопшихъ.—Такое видѣніе поднялось предо мною съ развалинъ Десятинной церкви!

VII.

КРЕЩАТИКЪ.

Въ знойный полдень сидѣлъ я подъ навѣсомъ любимой моей бесѣдки въ очаровательномъ саду минеральныхъ водъ; я наслаждался зрѣніемъ холоднаго, волнующагося Днѣпра и дольняго города на берегу, осѣненнаго, какъ горнимъ щитомъ, святынею стараго Кіева. Мимо меня почти непрерывно тянулась вереница людей, не праздно гулявшихъ въ прохладѣ сада, но озабоченныхъ заботою дня. Одни,

появлявшіеся со стороны дворца, проходили бодро еще со свѣжими силами; но шедшіе къ нимъ на встрѣчу казались истомленными труднымъ восходомъ, и отирали съ лица своего обильный потъ. «Откуда?» спросилъ я одного изъ нихъ, присѣвшаго отдохнуть подлѣ меня; «съ Крещатика», отвѣчалъ онъ; «но развѣ здѣсь дорога?»—«На самомъ концѣ сада, возразилъ мой собесѣдникъ, есть малая тропинка по обрыву горы, которая прямо сводитъ къ Крещатику, а оттолѣ на Подолъ.»—Близость Крещатика къ тому отрадному пріюту, гдѣ ежедневно проводилъ я многіе часы, возбудила во мнѣ тайный укоръ, что доселѣ еще не посѣтилъ я мѣста, столь священнаго для каждаго сына Церкви и, не смотря на томительный зной, рѣшился я немедленно спуститься указанною мнѣ стезею до самаго Крещатика.

На краю сада начинается узкая тропинка, сперва довольно отлогая, а потомъ до такой степени обрывистая, что иногда надобно искать мѣста, гдѣ бы удобнѣе поставить ногу, дабы перешагнуть чрезъ глубокія рытвины, промываемыя дождями и весеннимъ стокомъ водъ. Но съ каждой ступени сей исполинской лѣстницы, изсѣченной стопами столькихъ тысячъ, въ вѣковыхъ горахъ Кіева, какая очаровательная картина города, рѣки и нависшихъ горъ, и привольной долины, отъ нихъ бѣгущей до самаго Вышгорода! По мѣрѣ схожденія стѣсняется ея живописная рама, доколѣ наконецъ двѣ противулежащія горы и синяя пучина Днѣпра не обрѣжутъ кругомъ горизонта.— И вотъ устремляющему взоръ свой къ низу внезапно мелькнетъ изъ-подъ утеса, на который ступила нога его, позлащенный крестъ; еще шагъ, и встала цѣлая колонна, а тамъ открылось и широкое ея основаніе,

четыре арки, ограждающія водоемъ: это Крещатикъ, это Почайна! здѣсь совершилось крещеніе Руси!— Я устремился къ священному кладезю, я утолилъ его прохладною струею и жажду благочестія, и естественную жажду, возбужденную палящимъ солнцемъ. Около водоема висѣли по стѣнамъ иконы Пречистой Дѣвы, живоноснаго источника нашего спасенія, и равноапостольныхъ Владиміра и Ольги, бывшихъ виновниками онаго для нашей отчизны, и первыхъ ея страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Съ умиленіемъ поклонился я ликамъ сихъ избранниковъ земли Русской, двигнувшихъ ее на путь жизни, и молитвенно воспоминалъ великое дѣло, ими совершенное.

Здѣсь на самомъ Крещатикѣ крестились сыновья великаго Владиміра, не много далѣе граждане Кіева на устьѣ Почайны, нынѣ поглощенной Днѣпромъ, гдѣ была нѣкогда пристань Кіевская. Что можетъ быть трогательнѣе словъ самой лѣтописи блаженнаго Нестора?—«Владиміръ послалъ по всему городу, говоря: если кто не обрѣтется завтра на рѣкѣ, богатый или убогій, тотъ будетъ мнѣ противникъ. Люди же всѣ, услышавъ сіе, съ радостію пошли и радостно говорили другъ ко другу; если бы не добро сіе было, не пріяли бы сего князья и бояре!— (Какая младенческая простота нравовъ, достойная новорождаемыхъ въ царствіе Божіе!) На утро вышелъ на Днѣпръ самъ Владиміръ съ пресвитерами Царевны и Корсунскими, и собралось безчисленное множество людей; всѣ взошли въ воду и стояли иные по шею, другіе до персей, младенцы же ближе къ берегу, а иныхъ младенцевъ держали взрослые на рукахъ. Священники, стоя на берегу, творили молитвы, и видима была радость великая. Владиміръ

же, радуясь, что познали Бога самъ онъ и люди его, воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: Боже великій, сотворившій небо и землю! призри на новыхъ людей Своихъ, дай имъ, Господи, увѣдать Тебя истиннаго Бога, какъ увѣдали страны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую, и мнѣ помоги, Господи, на сопротивнаго врага, да, надѣясь на Тебя и на Твою державу, побѣждаю козни его.»

Каменный памятникъ Крещатика воздвигнутъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія благочестіемъ Императора Александра, и на сей священный водоемъ два раза въ годъ совершаются крестные ходы: одинъ, болѣе торжественный, въ день преполовенія изъ собора Софійскаго Митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ; другой же, болѣе смиренный, бываетъ въ день памяти равноапостольнаго князя изъ приходской сосѣдней церкви Рождества Христова, которая стояла въ древности на самомъ устьѣ Почайны.

Подъ сѣнію Крещатика долго стоялъ я, опираясь на края священнаго водоема; взоръ мой безотчетно блуждалъ по юдоли, ухо прислушивалось къ ея звукамъ. Ниже къ рѣкѣ нѣсколько бѣлыхъ хижинъ мелькало изъ-за развѣсистыхъ ракитъ, и въ нихъ слышался какъ будто говоръ, а вдали на Днѣпрѣ протяжная пѣснь.—На скатѣ противулежащей горы, гдѣ былъ нѣкогда Боричевъ взвозъ, отдыхалъ народъ, трудившійся надъ новою дорогою съ Подола, и мимо проходили путники. Съ верховья долины Малороссійскій отрокъ, ловко управляя конемъ, гналъ еще нѣсколько другихъ къ водопою, и двѣ Кіевлянки съ кувшиномъ въ рукахъ въ своихъ живописныхъ одеждахъ пришли зачерпнуть воды изъ священнаго источника. Впрочемъ, все вокругъ было

тихо; вѣтеръ не шевелилъ листьями ракитъ, не журчала вода; безмолвіе уединенной юдоли умножалось еще всею тяжестію знойно налегшаго полудня; но свѣжо было надъ устьемъ кладезя.—Мнѣ казалось, я сижу опять подъ знойнымъ небомъ Палестины надъ купелью Силоамскою или надъ кладеземъ Нееміи, тамъ, гдѣ у подошвы Сіона юдоль Іосафатова сходится съ долиною Геенны, и вотъ отроки и дѣвы Арабскіе въ длинныхъ своихъ покрывалахъ приходятъ черпать предо мною завѣтную воду.—И точно, купель сія была Силоамскою для прозрѣвшей Руси; и точно, надо мною возвышался отечественный Сіонъ, старый Кіевъ, мать городовъ нашихъ, о коемъ и мы можемъ воскликнуть стихами псалмовъ: «мати Сіонъ, речетъ человѣкъ!» (Пс. 86.)—Ахъ! я былъ опять на нѣсколько мгновеній въ Іерусалимѣ, и градъ Владиміровъ казался мнѣ градомъ Давида.

Тогда же съ умиленіемъ благодарнаго сердца вспомнилъ я и то, какъ однажды на самой зарѣ моей жизни долина Крещатика послужила мнѣ пристанью спасенія, когда разлившійся Днѣпръ билъ меня сердитою волной въ утломъ челнокѣ, меня, юнаго и неопытнаго путника, довѣрившагося его бурной пучинѣ со всею безпечностію своего возраста. Уже я отчаявался одолѣть сіе весеннее море разлившихся водъ, когда одна благодѣтельная волна двинула наконецъ челнъ мой къ крутому берегу, и я ступилъ на землю нѣсколько ниже Крещатика, тамъ, гдѣ его долина впадаетъ въ Днѣпръ. Столько долгихъ протекшихъ лѣтъ мелькнуло предо мною, какъ бы нѣсколько вчерашнихъ дней; я стоялъ опять на томъ же мѣстѣ, хотя самъ уже инымъ,—и вотъ, воспоминанія ранней юности невольно уступили впе-

чатлѣніямъ позднѣйшимъ; опять Кіевъ казался мнѣ Сіономъ, а долина Крещатика юдолью Іосафатовой, которая именемъ своимъ напоминаетъ послѣдній судъ!—Когда же по звуку одной страшной трубы соберутся всѣ, почивающіе по вселенной,—блаженъ, кто, услышавъ гласъ сей, воспрянетъ въ той одеждѣ нетлѣнія, которою облекся отъ святой купели, бывшей для него Крещатикомъ или Іорданомъ!

VIII.

ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА.

Посѣщая ежедневно церкви и обители Кіева, ознаменованныя особенною святынею или событіями историческими, взошелъ я на улицѣ Печерской въ монастырь, такъ называемый Малаго Николая, который прославленъ чудотворною иконой Святителя. Икона сія, по обычаю Кіевскому, высоко виситъ надъ царскими дверьми и спускается для благоговѣйнаго чествованія богомольцевъ; въ томъ же храмѣ еще два древніе образа чудотворца Мирликійскаго, письма Греческаго: одинъ мѣстный, а другой со входа привлекаютъ къ себѣ молитвенниковъ, «сіи три и едино суть». по выраженію бывшаго настоятеля обители.—Оригинально зодчество самой церкви, весьма тѣсной внутри, которая слыветъ слупомъ или столпомъ; она вся столпообразно выростаетъ въ одинъ высокій куполъ и, вѣроятно, была такъ устроена еще съ самыхъ древнихъ временъ, если судить по ея давнему прозванію. Послѣ обители Малаго Николая возвышается другая болѣе обширная, Пустынно-Николаевская обитель, недавно обращенная въ военный соборъ; она

была сооружена съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ Гетманомъ Мазепою и еще владѣетъ всѣми лавками Печерской улицы.—Даже монастырь Малаго Николая теперь только получилъ опять прежнюю свою самостоятельность, а до сего времени считался приписнымъ къ обители.

Но ни тотъ, ни другой не стоятъ на мѣстѣ древнѣйшей женской обители во имя чудотворца Николая, которая, по преданію, основана была блаженною Ольгою недалеко отъ могилы Оскольдовой; тамъ приняла иноческій образъ мать преподобнаго Ѳеодосія. Сынъ Мономаха, Мстиславъ довершилъ окончательное устройство деревянной ея церкви, которая исчезла въ общемъ разореніи Монгольскомъ; но, когда стали обновлять древнюю святыню Кіева, возникла опять изъ пепла и столпообразная церковь Святителя, уже съ обителію мужескою. Бывшій намѣстникъ въ Кіевѣ, князь Голицынъ соорудилъ въ началѣ протекшаго столѣтія новую каменную церковь во вкусѣ древней.

Въ священной колыбели нашей вѣры, гдѣ преданія древности свѣжѣе воспоминаній позднѣйшихъ, сохранилась и память того мѣста, гдѣ погибъ рукою Олега первый Христіанскій князь Кіева.—Глубокими чертами врѣзалась въ одно изъ древнѣйшихъ его урочищъ сія живая страница лѣтописи Несторовой: «и пришелъ Олегъ съ Варягами и многими воями къ горамъ Кіевскимъ и увидѣлъ, что тамъ княжатъ Оскольдъ и Диръ. Онъ скрылъ воиновъ своихъ въ ладьяхъ, а другихъ оставилъ позади, самъ же приплылъ подъ мѣсто Угорское, неся съ собою Игоря младенца, и послалъ сказать Оскольду и Диру: мы гости, идемъ въ Греческую землю отъ Олега и отъ

Игоря княжича, придите къ намъ, родичамъ вашимъ. Пришли Оскольдъ и Диръ, и внезапно выскочили всѣ прочіе изъ ладій; Олегъ же сказалъ имъ: вы не князья и не рода княжаго, а вотъ сынъ Рюриковъ! и, показавъ Игоря, убилъ Оскольда и Дира. Ихъ понесли на гору и погребли на мѣстѣ, что нынѣ зовется Угорскимъ, гдѣ теперь Ольминъ дворъ; на той могилѣ поставили церковь святаго Николая, а Дирова могила за святою Ириною, и сѣлъ Олегъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: сей будетъ матерью городовъ Русскихъ».—Угорскимъ же прозвалось мѣсто отъ воинскаго стана Венгровъ, ополчившихся на берегу Днѣпра во дни Олеговы, когда шли завоевать свою землю.

Мѣсто сіе, прославленное мученическою смертію перваго Христіанскаго князя и погребеніемъ первой Христіанской княгини, доселѣ слыветъ въ преданіи Оскольдовою могилою и глубоко уважается народомъ.—Здѣсь еще во дни язычества благочестивый вельможа Ольма соорудилъ убогую церковь во имя Святителя Николая, тезоименитаго убіенному Оскольду, и здѣсь повелѣла Ольга пресвитеру Григорію втайнѣ погребсти себя во избѣжаніе языческой тризны сына своего; отселѣ благочестивый внукъ перенесъ торжественно нетлѣнныя мощи сей первой денницы земли Русской въ великолѣпную церковь Десятинную, куда отошелъ на вѣчный покой и самъ онъ, солнце Россіи. На живописномъ скатѣ Днѣпровскаго берега на отдѣльномъ холмѣ, какъ бы отшатнувшемся отъ первобытной горы для подножія священному памятнику, доселѣ стоитъ церковь во имя Чудотворца; недавно сооружена каменная вмѣсто малой деревянной, которая непрестанно обновлялась со дня

смерти Оскольдовой, не смотря на всѣ бурные перевороты многострадальнаго Кіева. Тамъ и доселѣ любимое кладбище почетныхъ его гражданъ. Жители Подола возносятся мертвыми на высокую гору Олегову, гдѣ неизвѣстна могила славнаго воителя; жители Печерскіе спускаются въ гробахъ на могилу убіеннаго имъ Оскольда; они ищутъ послѣдняго упокоенія близъ первой Христіанской гробницы Русской подъ сѣнію молитвъ блаженной княгини, которая прежде всѣхъ причтена была къ лику заступниковъ земной своей родины, и великаго Чудотворца, который далъ свое имя первому изъ просвѣтившихся вѣрою князей нашихъ;—съ тѣхъ поръ сроднился онъ на вѣки съ ихъ землею, ибо къ нему прибѣгаетъ Россія, какъ къ величайшему своему заступнику, отъ первыхъ временъ и донынѣ.

IX.

ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Ниже могилы Оскольдовой по теченію рѣки посѣтилъ я на красныхъ берегахъ ея и древнюю обитель Выдубицкую, которую основалъ еще первый Святитель Кіевскій Михаилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдній разъ низринутъ въ волны Перунъ. Слѣпая толпа язычниковъ, бѣжавшая вслѣдъ за плывущимъ кумиромъ съ дикими воплями: «выдыбай нашъ боже», здѣсь убѣдилась въ суетѣ свой вѣры, когда увидѣла конечное потопленіе истукана.—Внукъ св. Владиміра, Всеволодъ, полюбившій мѣсто сіе, соорудилъ новую каменную церковь во имя Архангела въ 1071 году, и монастырь долго носилъ названіе

Всеволожа; ибо по его сосѣдству на высокой горѣ нынѣшняго звѣринца поставилъ Великій Князь красный дворецъ свой, гдѣ собирались сеймы княжескіе при Великомъ Мономахѣ.—Князь инокъ Рюрикъ, допустившій разореніе Кіева въ свое слабое княженіе, обновилъ церковь и обнесъ ее каменною оградою, чтобы защитить отъ набѣговъ Половецкихъ, но не на долго:—нашествіе Монголовъ обратило ее въ пустыню. Когда же лавра Печерская начала возставать изъ своихъ развалинъ, оживился подъ ея сѣнію и сосѣдній монастырь Выдубицкій, временно отторгнутый уніатами и возвращенный православію ревнителемъ его Петромъ Могилою. Настоятели лавры обновили церковь, обрушенную отчасти подмывшимъ ее Днѣпромъ; другой же великолѣпный храмъ во имя Великомученика Георгія сооруженъ въ исходѣ минувшаго столѣтія Стародубовскимъ полковникомъ Миклашевскимъ: живописное мѣсто сіе избрано также для погребенія нѣкоторыхъ почетныхъ семействъ Кіевскихъ.

Въ тихій благовонный вечеръ, какими часто дышетъ влажное небо Кіева, спустился я верхомъ съ однимъ изъ давнихъ моихъ знакомцевъ мимо звѣринца въ глубокое ущеліе Выдубицкое. Роскошная зелень садовъ, широко разросшихся по всей долинѣ, обвѣяла насъ своими ароматами; на самомъ днѣ юдоли живописно раскинулась бѣлая обитель, мирный пріютъ, который устроили люди въ этомъ отрадномъ Эдемѣ, насажденномъ рукою природы; у вратъ ея, казалось, кончался міръ.—Мы взошли въ ограду на зеленый лугъ монастырскій; безпечно паслось малое стадо промежъ поросшихъ травою гробницъ; намъ отворили подлѣ церкви Архангель-

ской бесѣдку на краю утеса; у нашихъ ногъ зашумѣлъ синій поглотитель Перуна, плескомъ волнъ своихъ заглушившій здѣсь дикіе вопли: «выдыбай, выдыбай нашъ боже!»—Жадно смотрѣлъ я на это Русское море, полное жизнію предковъ; вездѣ, гдѣ только встрѣчался я съ Днѣпромъ, что то невыразимо близкое сердцу влекло меня къ нему; ибо каждая изъ долинъ Кіевскихъ, спускающаяся въ его хладныя объятія, запечатлѣна при своемъ устьи какимъ либо воспоминаніемъ. Вездѣ встрѣчается онъ, нашъ славный Тибръ, какъ нѣкій давній другъ, или пестунъ первыхъ дней юности: то въ образѣ мирнаго гостя Варяжскаго, тихо двигающаго суда Греческимъ путемъ своимъ; то въ видѣ бурнаго воителя, стремящаго Славянскія ладіи къ Царьграду; то весь, одѣянный голубою ризой, какъ воспріемникъ цѣлаго народа Русскаго изъ освященныхъ водъ своихъ.

Много столь же пріятныхъ прогулокъ совершалъ я по живописнымъ окрестностямъ Кіева, одинокій или въ сопровожденіи присныхъ, которые напоминали мнѣ мое ничтожное минувшее посреди необъятнаго минувшаго окружавшихъ меня развалинъ. Иногда, слѣдуя по Оболонью вдоль великолѣпной колоннады тополей, достигалъ я сквозь разсѣянныя слободы и дачи до очаровательной усадьбы Киньгрусть, вполнѣ соотвѣтствующей сему поэтическому названію; ибо точно можно откинуть всякую грусть въ прохладѣ ея отраднаго сада на берегу ея мирнаго пруда, гдѣ такъ мало помогло искусство природѣ.—Тамъ угощалъ нѣкогда великую Екатерину великолѣпный князь Тавриды, когда посѣтила она Кіевъ на пути въ покоренный имъ Крымъ. Есть гдѣ и помечтать въ этомъ отрадномъ пріютѣ, когда взойдешь на вы-

сокую гору Кинь-грусть, и оттолѣ черезъ вершины деревъ увидишь вдали, какъ нѣкое видѣніе иныхъ временъ, златоверхій Кіевъ, плавающій въ ясномъ эѳирѣ, свыше всего земнаго и безъ всякаго отголоска человѣческой жизни.

Иногда, подымаясь вверхъ по долинѣ Крещатика мимо великолѣпнаго зданія новаго университета, посѣщалъ я на истокахъ лѣтописной рѣчки Лыбеди березовую рощу Шулявчи, гдѣ находится малое подворье Софійское и гдѣ жители Кіева встрѣчаютъ обыкновенно весну майскимъ гуляньемъ. Иногда же, обогнувъ старый Кіевъ по горамъ его обнесеннымъ валомъ среднихъ и новыхъ временъ, спускался я отъ бывшихъ Львовскихъ воротъ крутою тропинкою въ живописный оврагъ, по которому раскинута слобода Кожемяки; оттолѣ, слѣдуя все вверхъ по руслу, даже по самой струѣ извивистаго ручья Глубочицы, выѣзжалъ я къ вершинѣ враговъ по направленію древней обители Кирилловской. Дочь Великаго Князя Всеволода, Марія, бывшая въ супружествѣ за королемъ польскимъ Казимиромъ, основала монастырь сей въ 1160 году, и послѣ разоренія Монгольскаго онъ опять былъ обновленъ однимъ благочестивымъ ревнителемъ Церкви, Кирилломъ, отъ котораго сохранилось ему имя; въ стѣнахъ его былъ постриженъ Святитель Димитрій Ростовскій и тамъ погребены его родители въ придѣлѣ древней соборной церкви, празднующей Сошествію св. Духа. Монастырь былъ упраздненъ въ исходѣ минувшаго столѣтія; теперь въ немъ помѣщаются Богоугодныя заведенія. Живописное положеніе на обрывѣ горы и вокругъ тополевая роща даютъ особенную прелесть сей замѣчательной обители.

Часто по широкой улицѣ Софійской мимо собора и развалинъ св. Ирины въѣзжалъ я въ пустоту бывшихъ Златыхъ вратъ, сквозь которые какъ будто утекло все славное минувшее Кіева, когда распахнулись они подъ мечемъ Татарскимъ и уже не могли сомкнуть мѣдныхъ устъ своихъ! Однажды поднялся я на высокую гору Олегову, гдѣ одна его могила разрослась цѣлымъ кладбищемъ; странно видѣть оное на такой высотѣ, осѣняющимъ дольній городъ своими надгробными крестами. Оттолѣ также одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ видовъ на Днѣпръ къ лаврѣ и по всему Оболонью вдоль прибрежныхъ утесовъ. — Эта воздушная усыпальница достойна живописнаго Кіева! его мертвые не могли избрать себѣ лучшаго пріюта подъ сѣнію храма всѣхъ святыхъ, Ангеловъ своихъ, которые наблюдали за ихъ дольнею жизнію и собрали ихъ наконецъ подъ свои горнія крила.

Престарѣлый священникъ, украшенный сѣдинами, стоялъ надъ свѣжею могилою, только что совершивъ панихиду. «Гдѣ здѣсь Олегова могила?» спросилъ я: «здѣсь столько могилъ, отвѣчалъ старецъ, гдѣ же найти ее!»—«Я спрашиваю о князѣ Олегѣ!» — «Развѣ о княгинѣ Ольгѣ.» возразилъ онъ, «спросите объ ней на старомъ Кіевѣ.» — «Но лѣтопись и любители древности указываютъ могилу Олегову на горѣ Скавицѣ,» сказалъ я опять почтенному старцу. «И такъ пусть же справятся они лучше съ лѣтописями и придутъ сами указать ее на этомъ обширномъ кладбищѣ, гдѣ объ Олегѣ нѣтъ и помину!» — Мнѣ хотѣлось распросить о нѣкоторыхъ сосѣднихъ урочищахъ, которыя впрочемъ мало извѣстны лѣтописными своими именами жителямъ Кіева.

«Позвольте мнѣ еще обезпокоить васъ однимъ вопросомъ, сказалъ я, гдѣ здѣсь гора Уздыхальница?»—«Вы, вѣрно, изъ столицы, отвѣчалъ онъ, съ радушною улыбкою; всѣ пріѣзжіе обыкновенно пытливы и доискиваются такихъ мѣстъ и именъ, о которыхъ мы, природные жители, никогда не слышимъ. Что за вздыхальница?—всякая гора покажется такою, когда взберешься на нее по крутизнѣ, и не разъ вздохнешь отъ усталости, какъ на нашу Скавицу.»—Мнѣ очень понравились слова добраго старца, приправленныя Малороссійскою солью, и я спустился съ горы Олеговой съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, хотя и съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ. Но всѣ мои прогулки обыкновенно кончалъ я на своемъ любимомъ мѣстѣ, которое наиболѣе мнѣ нравилось изъ всего древняго и новаго Кіева,—на паперти Андреевской церкви. Тамъ, при закатѣ солнца, уже всегда ожидалъ меня добрый отецъ Іаковъ, чтобы дать мнѣ еще какое либо новое свѣдѣніе объ окрестностяхъ, и мы долго съ нимъ бесѣдовали въ прохладѣ роскошнаго вечера, доколѣ багровое солнце, закатившись за гору Олегову, и багровая луна, поднявшись изъ за дебрей Днѣпровскихъ, не напоминали намъ, что уже настало время покоя человѣку, исшедшему на дѣланіе свое до вечера.

X.

ВЫШГОРОДЪ И МЕЖИГОРЫ.

Одну изъ самыхъ пріятныхъ поѣздокъ по окрестностямъ Кіева совершилъ я въ отдаленный Вышгородъ и Межигоры, оба замѣчательные своею древностію и живописными видами. Почтенное семей-

ство, съ которымъ познакомился еще при первомъ моемъ посѣщеніи Кіева, вызвалось мнѣ сопутствовать и пріятнымъ обществомъ сократило путь. Рано утромъ спустились мы съ крутой горы Андреевской и мимо веселыхъ слободъ и дачъ ѣхали, какъ бы одною тополевою рощею, до самой Кинь-грусти. Широкая поляна отдѣляетъ сію прелестную усадьбу отъ густаго сосноваго бора, который на нѣсколько верстъ простирается къ Вышгороду по сыпучимъ пескамъ, далѣе воздѣланныя поля; и вправо Вышгородъ, бывшее село Ольги, на горѣ Хоревицѣ господствуетъ надъ Днѣпромъ и всею окрестностію;— это также одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ Кіева, хотя ими такъ богата его природа. Широкое теченіе рѣки, усѣянной островами, открывается во всемъ ея великолѣпіи, отъ Вышгорода и за Кіевъ, вдоль низменной долины, которая ограждена мрачнымъ боромъ и амфитеатромъ горъ. Вдали старый Кіевъ, какъ бы на престолѣ, царственно возсѣдитъ на горахъ своихъ, увѣнчанный многоглавымъ вѣнцемъ всѣхъ своихъ обителей, и держитъ въ рукахъ, какъ нѣкій скипетръ, колокольню Печерскую; дольній городъ служитъ ему подножіемъ на подобіе бѣлыхъ мраморныхъ ступеней, облегающихъ его горній престолъ; а вѣчный Днѣпръ, его обтекающій и весь кипящій полуденнымъ солнцемъ, — зеркаломъ его великокняжеской славы. Таковъ Мономаховичъ Кіевъ! Такъ имъ нѣкогда любовалась отселѣ блаженная Ольга изъ своего любимаго села, которое обратилось въ городъ удѣльный при ея правнукѣ Ярославѣ. Нѣтъ слѣдовъ древняго жилья княжескаго, кромѣ земляныхъ насыпей, около деревянной церкви Бориса и Глѣба, отколѣ самый лучшій видъ.

Церковь сія, гдѣ нѣкогда хранились нетлѣнные останки мучениковъ-князей, нынѣ убогая, уже въ седьмой разъ возстаетъ изъ своихъ развалинъ. Первую соорудилъ великій Просвѣтитель Руси во имя своего Ангела Василія въ 989 году, не подозрѣвая, что она сдѣлается сокровищницею двухъ нѣжно любимыхъ его сыновей, мученически убіенныхъ ихъ братомъ. Пожаръ истребилъ зданіе сорокъ лѣтъ спустя, и опять соорудилъ ее изъ пепла великій Ярославъ.—Еще черезъ сорокъ лѣтъ воздвигнута была третія, тоже деревянная церковь, по обветшаніи прежней, при сынѣ его Изяславѣ; съ торжествомъ перенесли туда мощи Страстотерпцевъ, и многими чудесами ознаменовалось сіе событіе. Князья Черниговскіе, Святославъ и Олегъ, соорудили великолѣпный каменный храмъ на мѣсто деревяннаго; онъ былъ освященъ при великомъ Мономахѣ, но буря Монгольская чрезъ сто двадцать пять лѣтъ разметала до основанія святилище, и съ тѣхъ поръ безвѣстны святыя мощи Бориса и Глѣба, сокрытыя, какъ гласитъ мѣстное преданіе, подъ сводами храма. Тогда же разрушены были двѣ обители Вышгорода, мужеская и женская: одна, такъ называемая Бѣлаго Спаса, которой и теперь видны остатки, устроенная Боголюбскимъ, а другая женская;—оттолѣ увезъ онъ во Владиміръ чудотворную икону Божіей Матери, которая теперь хранится въ Московскомъ соборѣ; ибо Вышгородъ, до своего разоренія, былъ всегда любимымъ жилищемъ Великихъ Князей; тамъ скончались великій Ярославъ и сынъ его Всеволодъ.

Не скоро послѣ разоренія Монгольскаго воздвиглась новая убогая церковь на развалинахъ древней каменной! но и ее разрушили до основанія Татары,

во время владычества Литовскаго; ибо переправа чрезъ Днѣпръ была противъ самаго Вышгорода. Они употребили для моста все дерево храма и даже иконостасъ; а мѣстная икона Богоматери, съ помощію которой нечестивый Ордынецъ переправился чрезъ Днѣпръ, принесена была волнами къ берегу Подола и тамъ съ честію поставлена въ Братскую обитель. Другая мѣстная икона Спасителя, оставшаяся въ Вышгородѣ, доселѣ носитъ слѣды нечестія Татарскаго: на лицѣ ея глубокая язва, нанесенная копіемъ, и въ ней запеклась кровь, какъ на живомъ тѣлѣ.—Это случилось въ 1662 году; семь лѣтъ спустя, благочестивый полковникъ Кіевскій, Мокіевскій, возстановилъ церковь, которую чрезъ тридцать лѣтъ въ седьмой разъ перестроилъ, по ветхости ея, мѣстный священникъ Василій Лукьяновичъ иждивеніемъ усердствовавшихъ къ памяти святыхъ Страстотерпцевъ; но сія церковь уже пришла въ ветхость и ожидаетъ обновленія, болѣе прочнаго, отъ благочестивыхъ ревнителей; память же святыхъ князей доселѣ совершается, при большомъ стеченіи народа, въ древнемъ Вышгородѣ 25 Іюля, въ день перенесенія мощей ихъ. Съ незапамятныхъ временъ сохранился подлѣ алтаря священный студенецъ, бывшій прежде подъ основаніемъ великолѣпнаго храма; оттолѣ черпаютъ благочестивые богомольцы освященную воду и съ вѣрою пріемлютъ исцѣленіе.—О еслибы кто либо изъ тезоименитыхъ возстановилъ храмъ Бориса и Глѣба въ прежнемъ его величіи!

Оставивъ Вышгородъ, мы стали спускаться въ глубокое ущелье, поросшее лѣсомъ; круто извивалась трудная дорога, доколѣ внезапно не открылась намъ въ раздвинувшейся долинѣ бѣлая ограда обители

съ двумя ея церквами и обширными келліями, а позади нея вѣчный украситель всѣхъ урочищъ Кіевскихъ—Днѣпръ. Отрадно появленіе обители въ столь дикомъ, но живописномъ уединеніи. Иноки Греческіе, скитавшіеся безъ пріюта по окрестностямъ Кіева въ началѣ XV вѣка, не могли избрать себѣ ничего лучше сего мѣста между горъ, отъ чего и обитель ихъ получила названіе Межигорской; они обновили ею память монастыря Боголюбскаго, Бѣлаго Спаса, который былъ разоренъ Татарами. Еще на одной изъ сосѣднихъ горъ ископанныя пещеры съ надписями, частію обвалившіяся, свидѣтельствуютъ о давнемъ населеніи мѣста; нѣкоторые возводятъ даже ихъ древность до временъ Антоніевыхъ, какъ будто все пещерное ему принадлежитъ.

Запорожская сѣча, защищавшая край сей отъ ярости Крымцевъ и насилія Поляковъ въ теченіи двухъ столѣтій, приняла обитель Межигорскую подъ свое особенное покровительство и сносила туда свои сокровища. Кошевой Атаманъ, Кальношевскій, соорудилъ въ ней церковь во имя верховныхъ Апостолъ Петра и Павла; другая же церковь, болѣе древняя, празднуетъ Преображеніе Господне, какъ храмовый день прежней обители Бѣлаго Спаса; она воздвигнута усердіемъ Патріарха Іоакима въ послѣдніе годы его жизни; ибо Святитель былъ самъ постриженникомъ сей обители, и тамъ доселѣ хранится портретъ его. По странному и жалкому стеченію обстоятельствъ, въ бытность Императрицы Екатерины въ Кіевѣ, даже наканунѣ того самаго дня, когда хотѣла она посѣтить Межигорскую обитель, внезапный пожаръ истребилъ ночью обѣ церкви, и Государыня, которая столько слышала о красотѣ мѣста, не захотѣла уже видѣть

пепелища. Горестное послѣдствіе имѣлъ пожаръ сей для Межигорскаго монастыря;—его упразднили по представленію князя Таврическаго, который въ то же время упразднилъ въ своихъ владѣніяхъ и другую столь же древнюю и знаменитую обитель, Святогорскую, нынѣ возстановленную благочестіемъ его наслѣдниковъ. О если бы возстановилась и Межигорская, и это очаровательное мѣсто, созданное для жилища иноковъ, возвратилось опять безмолвію пустынному! Тогда бы горы огласились вновь ликами иноческими, и старый Днѣпръ, встрепенувшись при столь отрадномъ звукѣ послѣ полувѣковаго безмолвія, на быстрыхъ волнахъ своихъ донесъ бы гулъ сей въ обрадованную матерь городовъ Русскихъ; тогда бы опять лавра, какъ средоточіе молитвы, на десять поприщъ вверхъ по рѣкѣ до Межигорья и на десять внизъ до Китаевой пустыни, ограждена была возникшими изъ нея обителями, которыя, какъ передовая стража, охраняли сію древнѣйшую духовную твердыню всея Руси.—Можетъ быть, и сбудется когда нибудь благоговѣйное желаніе! Было время, когда незабвенный нашъ исторіографъ грустилъ о запустѣніи и древней обители Симоновской!—«Часто прихожу, писалъ онъ, на то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя готическія башни Симонова монастыря, и почти всегда встрѣчалъ тамъ весну: туда же прихожу и въ мрачные дни осенніе горевать вмѣстѣ съ природою; страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробовыхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглащенныхъ, стону, отъ котораго

сердце мое содрогается и трепещетъ; иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили,—печальная картина!»—И вотъ обитель Симоновская опять во всемъ ея блескѣ! А въ Межигорской нѣтъ такого запустѣнія, какъ было нѣкогда въ Симоновой; все еще цѣло, и даже обновлены обѣ церкви, келліи и часть ограды;—недостаетъ только иноковъ для богослуженія.

Но какая очаровательная Θиваида въ лѣсистыхъ удоліяхъ Межигорія! какъ уединенно и отрадно звучитъ прозрачный горный ключъ, прозванный Звонками, ибо во дни благосостоянія обители чистыя струи его, падая на металлическія полосы, издавали гармоническіе звуки. Малая бесѣдка его осѣнялетъ любимое отдохновеніе отшельниковъ Межигорскихъ; тамъ любили они погружаться въ созерцаніе, подъ тѣнію развѣсистыхъ ракитъ и тополей, въ живописной долинѣ, по которой струится между деревъ свѣтлый ручей. Какое обиліе виноградниковъ, вишень, яблонь и грушъ на обѣихъ горахъ, какъ бы нарочно раздвинувшихся, чтобы дать мѣсто обители!— Это были плодовитые сады ея, которыми издавна она славилась, и какъ хорошъ этотъ синій Днѣпръ съ своимъ дикимъ заднѣпровьемъ въ каменистой рамѣ утесовъ! На обрывѣ его стоитъ монастырь; вокругъ него однѣ только горы, лѣса и воды, лишь изрѣдка оживляемыя бѣлымъ вѣтриломъ, но уже не Запорожскимъ, и не причаливаютъ болѣе легкіе челноки Сѣчи, ходившіе добывать за море въ дальній Требизондъ сокровища Анатоліи для украшенія любимой своей обители.

XI.

БРАТСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Прежде, нежели переселиться для говѣнія въ лавру, я желалъ еще посѣтить на Подолѣ духовную академію Братскаго монастыря, первый разсадникъ наукъ въ отечествѣ нашемъ, который устоялъ и прошелъ сквозь всѣ бури и неустройства южнаго края въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій.— Чрезвычайно замѣчательна судьба сего знаменитаго училища, котораго всѣ перевороты недавно описаны со всевозможною подробностію однимъ изъ благочестивыхъ его питомцевъ. Чувство необходимости образованія духовнаго при жестокихъ гоненіяхъ уніи и іезуитовъ внушило гражданамъ Кіевскимъ завести ученое братство при Богоявленской церкви на Подолѣ, по примѣру иныхъ духовныхъ училищъ, которыя въ то же время возникли въ Острогѣ, Львовѣ и Вильнѣ по манію воеводы князя Острожскаго и епископовъ православныхъ. Первосвятитель Восточной Церкви, Патріархъ Іеремія Цареградскій, учредивъ патріаршество въ Москвѣ, благословилъ братство сіе при самомъ его началѣ въ 1589 году, и тридцать лѣтъ спустя другой Святитель Востока, Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, утвердилъ оное своею грамотою, объявивъ ставропигіальнымъ въ то самое время, когда Церковь Малороссійская, лишенная своихъ пастырей, страдала совершеннымъ безначаліемъ. Ревностный Патріархъ далъ и покровителей раждающемуся святилищу наукъ въ лицѣ рукоположенныхъ имъ Митрополита и епископовъ. Благочестивая жена Маршалка, Анна Гугулевичъ,

уступила Братскому училищу дворъ свой и нѣсколько зданій на Подолѣ; Гетманъ Петръ Сагайдачный, столько лѣтъ страшный своимъ оружіемъ Полякамъ, пожертвовалъ собственнымъ имуществомъ обители Братской; самъ онъ, заключившись въ стѣнахъ ея, написалъ цѣлую книгу въ защиту православной вѣры. Съ тѣхъ поръ ученое братство, подъ покровительствомъ Гетмановъ Малороссіи, хотя нѣсколько разъ упадало во дни жестокихъ битвъ съ Поляками, но опять возникало. Богданъ Хмѣльницкій былъ его воспитанникъ и членъ со всѣми почетными людьми мірскими и духовными того времени. Отселѣ и благочестивый Царь Алексій вызвалъ ученыхъ иноковъ для исправленія книгъ церковныхъ, Епифанія Славенецкаго и Арсенія Сатановскаго, которые въ свою чреду сдѣлались начальниками просвѣщенія въ Москвѣ.

Настала блестящая эпоха для училища Братскаго: сынъ воеводы Молдавскаго, Петръ Могила, постригается въ лаврѣ и, сдѣлавшись ея архимандритомъ и Митрополитомъ Кіевскимъ, соединяетъ устроенную имъ школу Печерскую съ Богоявленскою; онъ украшаетъ ее людьми, посланными имъ для образованія на Западъ, и, оградивъ грамотами королей Польскихъ, снабжаетъ средствами для содержанія убогихъ учениковъ и самихъ учителей. Отселѣ школа принимаетъ названіе Кіево-Могилянской коллегіи въ память своего благодѣтеля и старшаго брата, Митрополита Петра, но послѣ того скоро рушится ея благосостояніе. Преемникъ его, Сильвестръ Коссовъ, еще нѣсколько времени поддерживаетъ коллегію; Патріархъ Іерусалимскій, Паисій, посѣтивъ Кіевъ, опять подтверждаетъ ее своею гра-

мотою; но вслѣдъ за присоединеніемъ Малороссіи къ царству Русскому начинаются жестокія войны съ Поляками и крамолы самихъ Гетмановъ; долго нѣтъ и законныхъ пастырей на каѳедрѣ Кіевской; зданіе коллегіи опустошается пожаромъ, и вотчины ея расхищаются врагами; убогое братство должно ходить въ свободные часы и мѣсяцы собирать подаяніе по Кіеву и окрестнымъ городамъ; не смотря на то, страсть и нужда просвѣщенія все одолѣваетъ и не расторгается союзъ братства. Такъ протекъ для училища XVII вѣкъ, доколѣ наконецъ Государи Московскіе не взяли его подъ свое покровительство. Тогда украсилось оно болѣе громкимъ титломъ академіи, и подарило Церковь такими свѣтильниками, каковы были: ректоръ его Іоанникій, Архіепископы Лазарь Барановичъ и Іоаннъ Максимовичъ, Варлаамъ Ясинскій Митрополитъ Кіевскій; знаменитый своею ученостію Ѳеофанъ Прокоповичъ, поборники православія Ѳеофилактъ Лопатинскій и Георгій Конисскій, Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола, и Святители Димитрій Ростовскій и св. Иннокентій, первый епископъ Иркутскій.

Миромъ ознаменовался XVIII вѣкъ для академіи Кіевской; подъ сѣнію православныхъ Государей уже она не подвергалась безпрестаннымъ разореніямъ и смутамъ; но еще скудны были средства къ содержанію многочисленныхъ учениковъ, иногда питавшихся Христовымъ именемъ для его проповѣдыванія впослѣдствіи. Гетманъ Мазепа старался поддержать академію утвердительными грамотами на ея вотчины и денежными пособіями. Въ 1703 году великій Петръ привѣтствованъ былъ краснорѣчивымъ ректоромъ ея Ѳеофаномъ при посѣщеніи Кіева.

Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій и гетманъ Скоропадскій покровительствовали также новой академіи и жертвовали ей деньгами и селами. Но величайшимъ благодѣтелемъ ея былъ знаменитѣйшій изъ Митрополитовъ Кіевскихъ, Рафаилъ Заборовскій, который оказалъ ей пастырскую любовь свою не менѣе Петра Могилы и, подобно ему, завѣщалъ ей свое имя, ибо съ тѣхъ поръ она стала называться Кіево-Могило-Заборовскою. Онъ надстроилъ великолѣпную залу съ церковію надъ каменнымъ зданіемъ, сооруженнымъ Мазепою, исходатайствовалъ званіе архимандрита ректору академіи и воспользовался посѣщеніемъ Императрицы Елисаветы, чтобы снова утвердить всѣ права, которыми искони пользовалось училище. Митрополитъ Арсеній Могилянскій подражалъ его благочестивому примѣру и послужилъ къ усовершенствованію академіи, сдѣлавшись третьимъ ея благодѣтелемъ послѣ Петра и Рафаила. Его преемники, Гавріилъ, перешедшій изъ Кіева на каѳедру новой столицы, и Самуилъ, исполнившій Кіевъ памятію своихъ духовныхъ добродѣтелей, были искренними сынами и отцами сей колыбели наукъ. Самуилъ испросилъ у Императрицы Екатерины во время ея посѣщенія Кіева, чтобы академія, которую предназначали перенести въ лавру Печерскую, оставалась на древнемъ своемъ урочищѣ, гдѣ процвѣла она съ такою славою въ бурную годину Малороссіи, и съ тѣхъ поръ умножились ея оклады отъ щедротъ Монаршихъ. Послѣдующіе Святители шли по стопамъ Рафаила, Арсенія и Самуила, какъ кокоши собирая подъ крылія свои духовныхъ птенцевъ, которые изъ сего выспренняго гнѣзда разлетѣлись по всей Руси согрѣвать ее лучами просвѣщенія духовнаго. Кромѣ

великихъ Іерарховъ, нами названныхъ, много еще другихъ поступили отселѣ на всѣ почти каѳедры Россійскія, какъ нѣкогда изъ глубины лавры Печерской иноки ея избирались во вновь учреждавшіяся епархіи; едва ли не можно сказать, что всѣ училища духовныя по дальнимъ краямъ безпредѣльнаго отечества нашего воспріяли свое начало отъ сего источника просвѣщенія чрезъ его образованныхъ питомцевъ. Такимъ образомъ дважды изъ Кіева истекло духовное просвѣщеніе Руси!

Достойный блюститель святилища наукъ, нынѣшній ректоръ, архимандритъ Димитрій благосклонно принялъ меня въ стѣнахъ своей ученой обители и показалъ все, что заслуживало вниманія по воспоминаніямъ святыни и великихъ мужей, изъ нея возникшихъ.—Прежде всего онъ ввелъ меня въ соборную церковь Богоявленія Господня, благолѣпно сооруженную гетманомъ Мазепою на мѣсто той убогой церкви, при которой соединилось впервые Богоявленское братство. Тамъ приложились мы къ чудотворной иконѣ Братской Божіей Матери, принесенной волною Днѣпровскою изъ разореннаго Вышгорода. Всякую субботу при многочисленномъ стеченіи народа читается предъ нею акаѳистъ Пречистой Дѣвѣ, осѣнившей покровомъ Своимъ обитель Братскую, чрезъ столько бурь и бѣдъ ее постигшихъ. Надъ царскими вратами въ златомъ сіяніи спускается для благоговѣйнаго чествованія животворящій крестъ Святителя Іерусалимскаго Ѳеофана, которымъ утвердилъ онъ ставропигію Братской обители, и, какъ нѣкогда Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ, такъ опять у ихъ подошвы водрузилъ сей спасительный крестъ залогомъ просвѣщенія Руси. Дру-

гая, теплая церковь Сошествія Св. Духа съ придѣломъ Святителя Михаила устроена на мѣсто древней Зачатейской, которая называлась конгрегаціонною, т. е. сборною, ибо въ ней производились ученыя собранія прежней академіи.

Нынѣшняя конгрегаціонная церковь во имя Благовѣщенія устроена Митрополитомъ Рафаиломъ на краю обширной великолѣпной залы, которая украшена портретами благодѣтелей и старшихъ братьевъ Богоявленскаго братства. Первое мѣсто занимаетъ между ними великій мужъ Церкви, Митрополитъ Петръ Могила, котораго свѣтлое лицо съ огненнымъ взоромъ вполнѣ выражаетъ всю силу и благородство пламенной души его; потомъ слѣдуетъ весь рядъ Митрополитовъ, облагодѣтельствовавшихъ академію, и между ними особенною святостію сіяютъ лица Рафаила, Арсенія и Самуила, оставившихъ по себѣ столь отрадную память своей паствѣ и училищу.— Тамъ и Святитель Димитрій, коего одно имя есть уже слава, не только академіи, но и всей Церкви Россійской, и мужественный ея блюститель Стефанъ, и ученый витія Ѳеофанъ, хотя и затемняемый нравственною высотою двухъ своихъ современниковъ.— Такой совѣтъ Святителей, живыхъ и по смерти по своимъ великимъ дѣяніямъ и писаніямъ, собранъ донынѣ въ академической залѣ, ихъ духовной колыбели, осѣняя молитвами идущихъ по ихъ слѣдамъ на пути наукъ и благочестія.

Жестокій пожаръ 1811 года, истребившій весь нижній городъ и самую обитель, по счастію не коснулся ея обширной библіотеки, собранной въ теченіе полутораста лѣтъ тщаніемъ ректоровъ и пожертвованіями Митрополитовъ Кіевскихъ. Она находится

въ обширномъ зданіи, противулежащемъ конгрегаціонной церкви, тамъ же хранится и ученый кабинетъ. Краткость времени не позволила мнѣ съ большимъ вниманіемъ остановиться на каждомъ изъ замѣчательныхъ предметовъ; но глубокое впечатлѣніе оставило въ душѣ моей зрѣлище сего священнаго памятника образованія нравственнаго и духовнаго въ нашемъ отечествѣ. Я уже хотѣлъ проститься съ почтеннымъ отцемъ ректоромъ, который столь благосклонно руководилъ меня по всѣмъ зданіямъ академіи; но онъ, движимый добротою своего сердца и чувствомъ утонченной внимательности, остановилъ меня и сказалъ:

«есть еще одинъ предметъ, достойный особенно вашего вниманія, который мнѣ желательно вамъ показать; выйдемъ опять на дворъ монастырскій.»— Съ возбужденнымъ любопытствомъ послѣдовалъ я за архимандритомъ, и глубоко было тронуто мое сердце, когда онъ, подведя меня къ одной каменной гробницѣ, уже вросшей въ землю за стѣною алтаря, сказалъ:

«гробница сія должна быть близка вашему сердцу, потому что и вы сами ходили по слѣдамъ того, кто въ ней лежитъ. Здѣсь отдыхаетъ отъ многихъ трудовъ своихъ и странствованія по Европѣ, Азіи и Африкѣ воспитанникъ сего училища, пѣшеходъ Василій Барскій, оставившій намъ описаніе св. мѣстъ, которыя посѣтилъ съ такою любовію.»

Слезы невольно навернулись на моихъ глазахъ; я стоялъ безмолвно надъ могилою, чтобы успокоить то волненіе духа, какое произвело во мнѣ нечаянное напоминовеніе собственнаго моего странствія надъ прахомъ сего труженика, и добродушная черта ха-

рактера того, кто мнѣ его указалъ. Уже почти стерлась надпись, изсѣченная дружескою рукою на гробовой плитѣ путешественника, но на стѣнѣ алтарной она начертана, и съ благоговѣніемъ прочелъ я надгробные стихи, въ которыхъ изображена вся жизнь усопшаго.

«Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучъ премудрости, снизшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ, вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ
И чрезъ перо свое отечество увѣрилъ
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь, трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны,
А духъ его прешелъ въ селенія небесны
Читатель, ты его слезами прахъ почти
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.»

XII.

ПУСТЫНИ КИТАЕВА И ГОЛОСѢЕВСКАЯ.

За недѣлю до праздника Успенія Богоматери, которое такъ свѣтло торжествуется въ Кіевѣ въ древнѣйшей изъ обителей нашего отечества, переселился я для говѣнія въ лавру и милостиво былъ

принятъ подъ ея гостепріимный кровъ. Владыка велѣлъ мнѣ отвести прекрасныя келліи въ нижнемъ жильѣ своего дома, обращенныя окнами въ садъ; при первомъ шагѣ изъ нихъ я уже могъ опять наслаждаться благословенною природою Кіева и тѣнью роскошныхъ деревъ, обремененныхъ плодами, и очаровательнымъ видомъ на мой любимый Днѣпръ, съ которымъ такъ сроднился во время пребыванія въ Кіевѣ. Изъ сего сада могъ я спускаться кратчайшею стезею и въ ближнія пещеры для ранней литургіи; а въ крестовой церкви владыки ежедневно служилъ обѣдню схимникъ, духовникъ его, умиротворитель сердечный посѣщающихъ св. мѣста Печерскія, гдѣ онъ посвятилъ себя въ тѣсной келліи на служеніе Богу съ совершеннымъ отреченіемъ отъ всего мірскаго.—На слѣдующее утро я былъ свидѣтелемъ въ ближнихъ пещерахъ, въ подземной церкви Антоніевой, постриженія иноческаго, которое совершалъ самъ Митрополитъ въ качествѣ его преемника. Никогда не казались мнѣ болѣе трогательными священные обѣты отреченія отъ міра, какъ во глубинѣ сего подземелья при тускломъ свѣтѣ лампадъ надъ гробомъ отца иночествующихъ Русскихъ, воспринимавшаго новое чадо пещеры изъ бури житейской въ свое безбурное пристанище.—Невыразимо горько и сладко оглашалась подъ мрачными сводами тихая покаянная пѣснь братій, вводившихъ въ пещерную церковь подъ своими мантіями новаго собрата: «объятія отча отверзти ми потщися; блудно иждихъ мое житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе, нынѣ обнищавшее мое сердце не презри. Тебѣ бо, Господи во умиленіи зову: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ Тобою.»

Послѣ литургіи и посѣщенія ближнихъ и дальнихъ пещеръ, Митрополитъ милостиво предложилъ мнѣ сопровождать его въ двѣ сосѣднія пустыни, Китаеву и Голосѣевскую, гдѣ устроилъ себѣ уединенное жилище.—Мы спустились съ горъ Кіевскихъ на берегъ Днѣпра ниже монастыря Выдубицкаго, на устьѣ Лыбеди, а оттуда вдоль самой рѣки подъ навѣсомъ утесовъ продолжали живописное путешествіе до пустыни Китаевской.—Пустыня сія, любимое мѣсто отдохновенія князя Андрея Боголюбскаго, гдѣ былъ и загородный домъ его, получила отъ него свое названіе, ибо онъ прозывался въ простонародіи Китаемъ, и доселѣ еще показываютъ на вершинѣ горы мѣсто дворца княжескаго. Разоренная татарами обитель обновлена въ началѣ XVIII вѣка Кіевскимъ намѣстникомъ, княземъ Голицынымъ, во имя преподобнаго Сергія, и новая ея каменная церковь Живоначальной Троицы съ придѣлами сего великаго угодника и Святителей Московскихъ замѣнила прежнюю деревянную.—Тамъ отдохновеніе престарѣлыхъ братій лавры въ послѣдніе годы ихъ труженическаго житія, тамъ и братская ихъ усыпальница, огражденная густымъ лѣсомъ и неприступными горами отъ міра, ими заживо оставленнаго.—По звуку колокола, возвѣстившаго пріѣздъ Владыки, собралась вся братія принять благословеніе своего Архипастыря; ибо общая къ нему любовь подчиненныхъ есть отличительная черта его начальства, и она повсюду выражается въ духовенствѣ и народѣ. Всѣхъ радушно благословилъ Владыка, помолился въ храмѣ и посѣтилъ работы вновь строившагося дома для келлій; потомъ же сказалъ мнѣ съ привѣтливою улыбкою:

«хочешь ли, я покажу тебѣ Русскій Аѳонъ съ его глубокими лѣсами и маленькими скитами? Я приведу тебя въ такіе горы и лѣса, какихъ ты вѣрно не видалъ. Есть гдѣ побезмолствовать игумену лавры и всей братіи; схимникъ нашъ успѣваетъ всегда прочесть наизусть цѣлый псалтирь, покамѣсть онъ обходитъ по симъ дебрямъ отъ пустыни Китаевской до Голосѣевской.»

Во время сей бесѣды, мы уже подымались медленно и съ большимъ трудомъ по узкой дорогѣ, промытой дождями въ крутой горѣ, какъ бы въ глубокомъ руслѣ, которое было мрачно отъ густой зелени нависшихъ деревъ, переплетавшихся вѣтвями въ видѣ свода. Вѣтви ихъ, съ усиліемъ раздѣляемыя движеніемъ кареты, съ трескомъ ударяли въ окно ея, и какое-то странное чувство наполняло сердце при этомъ путешествіи подъ сводами древесными, которые напоминали подземелья Кіева. Въ полугорѣ мы остановились, и лай собакъ огласилъ жилье; нѣсколько братій отворили замкнутые ворота ихъ малой усадьбы и радостно встрѣтили своего Владыку; онъ привѣтствовалъ каждаго по имени съ простотою патріархальныхъ временъ, столь отрадною посреди зрѣлища сей дѣвственной природы, къ которой почти не касалась рука человѣческая.—Тутъ на малой полянѣ были виноградники и фруктовые сады лавры; Владыка велѣлъ собрать плодовъ и самъ бодро повелъ меня на вершину горы до креста, гдѣ стояли нѣкогда палаты Китаевы Боголюбскаго; оттолѣ сквозь чащу лѣса прорывался мѣстами очаровательный видъ на синюю струю Днѣпровскую и необъятный горизонтъ Черниговской дебри. Насладившись чуднымъ зрѣлищемъ, мы спустились опять мимо виноградни-

ковъ къ вратамъ усадьбы; добрые иноки уже приготовили для насъ цѣлыя корзины плодовъ, и мы продолжали путь все въ гору по такому же тѣсному ущелію до другой усадьбы; тамъ богатѣйшій пчельникъ, снабжающій воскомъ лавру на все теченіе года.

Опять нѣсколько человѣкъ братій, приставленныхъ къ пчеламъ, встрѣтили своего Архипастыря съ тѣмъ же взаимнымъ благодушіемъ, которое весьма трогательно при разстояніи степеней мірскихъ и духовныхъ. «Отецъ діаконъ, сказалъ Владыка одному изъ братій, принеси намъ хлѣба и сота, я хочу угостить ими этого пришельца, который никогда не видалъ, какъ роятся наши пчелы.»—Покамѣсть обязательный инокъ устремился исполнить волю своего настоятеля, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на это обширное царство мудрыхъ насѣкомыхъ, которыя, какъ нѣкій отдѣльный міръ, часто назидательный для нашего, подъ руководствомъ одной матери-царицы дѣятельно трудились не столько для себя, сколько для чужаго услажденія; ибо все отнимаетъ у нихъ человѣкъ, не всегда пользуясь ихъ примѣромъ труда, единства и послушанія. Безчисленный рядъ ульевъ тянется отъ самой бесѣдки, гдѣ мы сидѣли, въ глубину лѣса, и цѣлое облако пчелъ роилось около каждаго улья, наполняя все сіе пространство шумомъ своей дѣятельности.—Странно было слышать такое громкое жужжаніе, слитое вмѣстѣ въ тишинѣ лѣса, какъ бы отдаленный гулъ толпы народной, собравшейся на какой либо подвигъ. Не столь же ли малыми представляются и всѣ величайшія дѣянія смертныхъ изъ инаго лучшаго міра, если только онѣ не обращены къ тому, что есть единое на потребу, по словамъ Спасителя многозаботливой Маѳѣ!

. Съ вершины уединенной горы мы стали спускаться къ пустынѣ Голосѣевской, не выходя однако изъ дремучаго лѣса, то глубокимъ оврагомъ, то узкою тропинкою, гдѣ невозможно было разъѣхаться; экономъ пустыни, встрѣтившійся намъ на дорогѣ, долженъ былъ осаживать свою малую повозку, доколѣ небольшое пространство между деревъ не позволило ему вытащить ее изъ глубокой колеи. Но какія деревья насъ осѣняли!—серебристые тополи, яворы и кленъ, и развѣсистые дубы, и душистыя липы, съ дикими яблонями и грушами на полянахъ; южная природа щедро надѣляетъ ими свои глухія дебри, когда сѣверная едва видитъ ихъ въ оградѣ искусственныхъ садовъ.

Наконецъ при довольно крутомъ спускѣ намъ открылась на тѣсной полянѣ между двухъ враговъ, поросшихъ лѣсомъ, церковь и усадьба изъ нѣсколькихъ домиковъ съ малымъ садомъ внутри ограды. «Вотъ моя пустыня!» сказалъ мнѣ Владыка, съ любовію указывая на свое отрадное жилище, гдѣ отдыхаетъ онъ въ безмолвіи отъ трудовъ пастырскихъ. Еще Митрополитъ Петръ Могила положилъ основаніе сей пустыни, соорудивъ въ ней церковь во имя одного изъ святыхъ угодниковъ родственной ему Молдавіи, Іоанна Сочавскаго; нынѣшній же Владыка полюбилъ уединенное мѣсто сіе, имѣющее точно нѣчто привлекательное, потому что оно выглянуло изъ среды густаго лѣса, какъ яркій лучъ солнца изъ-за тучъ. Тамъ устроилъ онъ себѣ малый скитъ съ домовою церковію Іоанна многострадальнаго, чьи святыя мощи вкопаны по перси въ пещерахъ, и тамъ онъ бываетъ точно, какъ отецъ съ дѣтьми, посреди окружающей его братіи большею частію изъ заслу-

женныхъ иноковъ лавры, пришедшихъ искать успокоенія подъ сѣнію той же пустыни.—Послѣ трапезы я воспользовался краткимъ отдыхомъ Владыки до всенощной, чтобы идти съ однимъ изъ монашествующихъ во глубину лѣса, къ обрыву горы, отколѣ открывается дальній Кіевъ. Онъ намъ мелькнулъ вдали надъ глубокимъ проваломъ между раздвинувшихся деревъ, какъ нѣкое видѣніе, плавающее въ вечернемъ туманѣ съ румяными призраками своихъ куполовъ и колоколенъ.—Казалось, еще мгновеніе, и видѣніе сіе сольется съ облаками, останется одна лишь ясная лазурь неба; но вотъ оно все предъ глазами, какъ Апокалиптическій образъ новаго Іерусалима, исполняющій душу сладкимъ восторгомъ:—это просвѣтъ инаго міра изъ оконца здѣшняго. Мѣсто сіе служитъ ежедневною прогулкой преосвященнаго, утромъ и вечеромъ; на самомъ краю утеса поставлена скамья подъ навѣсомъ деревъ; оттолѣ, созерцая паству свою не только мысленнымъ, но и чувственнымъ окомъ, онъ осѣняетъ ее своими благословеніями и пастырскими молитвами, какъ бы съ горняго мѣста лавры Печерской или Софійскаго собора.

XIII.

ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

Я возвратился опять въ лавру, чтобы уже болѣе не оставлять ее до самаго отъѣзда, и часы, свободные отъ богослуженія, посвящалъ внимательному ея осмотру. По истинѣ, на ней и доселѣ пребываетъ обѣтованное преподобному ея основателю благословеніе святыя горы Аѳонскія, и, какъ выразился бла-

женный ея лѣтописецъ, такъ и сбылось: «что многіе монастыри отъ князей и отъ богатства поставлены; но не таковы они, каковы поставленные слезами и пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ. Антоній не имѣлъ ни злата, ни сребра, но все стяжалъ слезами и пощеніемъ.» И такъ, вотъ въ какую великолѣпную обитель обратилась двухсаженная пещера, гдѣ спасался на Берестовѣ благочестивый пресвитеръ Иларіонъ, будущій Митрополитъ всея Руси, и вотъ, что произвелъ преемникъ его убогой пещеры, когда съ простою вѣрою онъ въ ней помолился: «Господи! утверди меня въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на немъ благословеніе святыя горы и моего игумена, меня постригшаго.» Прошло нѣсколько лѣтъ, и прославился Антоній въ Русской землѣ; онъ началъ принимать и приходившую къ нему братію, совокупилъ ихъ двѣнадцать въ пещерѣ, ископанной съ церковію и келліями, и, передавъ имъ благословеніе, первое отъ Бога, второе же отъ святыя горы, поставилъ имъ игумена, а самъ жилъ особо. Еще немного, и уже тѣсны стали подземная церковь и горняя; Антоній посылаетъ сказать Великому Князю: «Княже мой, се Богъ умножилъ братію, а мѣсто сіе мало: если бы ты намъ далъ гору, что надъ пещерою,» и радостно уступаетъ гору сію Изяславъ; воздвигается церковь великая съ келліями и оградою вокругъ, оттолѣ прозвался Печерскимъ монастырь, а прежде сего жили чернецы въ пещерѣ.

Съ такою евангельскою простотою описываетъ начало лавры одинъ изъ первыхъ ея постриженниковъ; невольное благоговѣніе проникаетъ въ сердце, когда вспомнишь, что̀ возникло изъ сего убогаго, но святаго начала! Какой обильный свѣтъ пролился на

всю Россію изъ мрака пещернаго сей обители, которая, по словамъ Патерика, какъ море, не могла держать въ себѣ ничего гнилаго, и уже въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ поставила до пятидесяти епископовъ изъ среды своихъ смиренныхъ братій на святительскія каѳедры! Такъ велика была святость мѣста, что самые епископы готовы были измѣнить славу своего высокаго сана на смиренное послушаніе игумену лавры, предпочитая день единый въ дому Божія Матери тысячамъ на своихъ каѳедрахъ; они даже завидовали участи нищихъ, валявшихся во прахѣ предъ вратами обители; князья же, великіе и удѣльные, ничего не предпринимали безъ благословенія ея игумена и безъ молитвы надъ мощами основателя и предъ чудотворною иконою Богоматери.

Какъ трогательно избраніе блаженнаго Ѳеодосія въ настоятели умножившемуся братству! «Поставь намъ игумена», говорятъ иноки великому старцу своему.—«Кого хотите»? спросилъ Антоній; они же отвѣчали: «кого хочетъ Богъ и ты» и старецъ сказалъ: «кто между вами больше Ѳеодосія послушливъ, кротокъ и смиренъ? онъ да будетъ вамъ игуменъ»; и братія, съ радостью поклонившись старцу, поставили игуменомъ Ѳеодосія. Ихъ было только двадцать, но вскорѣ совокупилось сто молитвеннымъ раченіемъ новаго настоятеля, который искалъ для нихъ правила иноческаго и списалъ самый строгій уставъ Студійскій, по случаю перенесенный изъ Царьграда однимъ Греческимъ инокомъ. Ѳеодосій уставилъ въ монастырѣ своемъ: какъ пѣть пѣнія и совершать чтенія, и поклоны, и стоянія въ церкви, и сидѣнія на трапезѣ, и весь чинъ церковный; отселѣ

воспріяли всѣ монастыри уставъ Печерскій, говоритъ Несторъ.

Таково было начало обители. Не менѣе чудно самое основаніе ея соборной церкви Успенія, небесподобной, по словамъ современниковъ. Небеснымъ свѣтомъ указано было мѣсто ея жителямъ пещеры, и надъ нимъ повторилось встхозавѣтное чудо руна Гедеонова; по таинственному гласу отъ иконы распятаго Господа къ Варяжскому князю Симону опредѣлена была долгота, широта и высота будущаго храма златымъ поясомъ, украшавшимъ сіе распятіе, который вмѣстѣ съ вѣнцемъ его принесъ Симонъ преподобному Антонію. Самъ Великій Князь Кіевскій, Святославъ, сталъ копать основаніе церкви, видѣнной Варяжскимъ княземъ на облакахъ, и четыре искусные строители внезапно пришли изъ Царьграда съ платою за труды свои на три года впередъ; они были дивно посланы двумя неизвѣстными старцами и благолѣпною царицею изъ Влахернъ, которая вручила имъ Свою икону для залога Ея вѣчнаго покрова будущему храму и мощи семи мучениковъ въ его утвержденіе; образъ же храма видѣлся имъ также на облакахъ. И вотъ сими старцами оказались Антоній и Ѳеодосій, къ общему изумленію ихъ самихъ и пришельцевъ, и эта Царица была сама Владычица небесныхъ силъ, окружавшихъ престолъ Ея во Влахернахъ; а чудная икона, изображающая Успеніе Ея на Сіонѣ, чрезъ восемь столѣтій доселѣ виситъ надъ царскими дверями Успенскаго собора, источая исцѣленія притекающимъ. Десять лѣтъ спустя, уже по кончинѣ блаженныхъ основателей, столь же чудно посланы были ими, какъ и при жизни, искусные иконописцы изъ Царьграда; они

узнали лики преподобныхъ, и, по данному ими обѣту, расписали благолѣпно храмъ Печерскій.

Но ни первоначальнымъ аввамъ и копателямъ пещеръ, ни даже ближайшимъ ихъ сотрудникамъ и преемникамъ, не суждено было видѣть, какъ процвѣла поверхъ земли та лавра, которой глубокіе корни полвѣка поливали они потомъ своимъ и слезами въ нѣдрахъ родной земли. Антоній испросилъ только гору, а Ѳеодосій успѣлъ лишь заложить первое основаніе великолѣпнаго храма въ 1073 году. Стефанъ, его преемникъ, достроилъ каменное зданіе, обнесъ оградою и перевелъ братію изъ древней пещерной обители въ новую; но и онъ оставилъ лавру прежде ея совершенія. Великій игуменъ Никонъ, одинъ изъ первыхъ, спасавшихся съ преподобнымъ Антоніемъ, и постригшій самого Ѳеодосія, будучи призванъ послѣ него въ настоятели лавры, имѣлъ только утѣшеніе видѣть ее расписанною пришельцами Цареградскими. Соборъ Успенскій освященъ былъ наконецъ при игуменѣ Іоаннѣ, 36 лѣтъ послѣ его основанія, уже при Великомъ Князѣ Всеволодѣ митрополитомъ Іоанномъ съ четырьмя епископами, которые чудно соединились на торжество сіе изъ дальнихъ своихъ епархій, какъ нѣкогда ликъ Апостоловъ къ Успенію Пречистой Дѣвы; и день освященія 14 Августа, доселѣ празднуемый, ознаменовался еще годъ спустя торжественнымъ перенесеніемъ нетлѣнныхъ мощей Ѳеодосія изъ пещеры въ основанный имъ храмъ.

Сія небесиподобная церковь, по сказанію современниковъ, послужившая образцемъ для другихъ благолѣпныхъ храмовъ, была вся украшена съ чрезвычайною пышностію внутри и снаружи; золо-

тая мусія сіяла вокругъ на всѣхъ стѣнахъ и наипаче въ алтарѣ, гдѣ дивно изобразилась сама собою чудная икона Богоматери надъ горнимъ мѣстомъ предъ глазами иконописцевъ Царьградскихъ; разноцвѣтными мраморами былъ устланъ помостъ, драгоцѣнными камнями горѣли иконы, золотой крестъ водруженъ былъ на главѣ; каменная обширная ограда охраняла обитель, и двойными вратами въ нее входили, одними князья и чины духовные, другими же народъ и выносились мертвые. «Чудно было поистинѣ, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, постриженный еще во дни блаженнаго Ѳеодосія, видѣть черноризцевъ, коихъ совокупилъ Господь въ обители Своей Матери, какъ нѣкія свѣтила, изъ всѣхъ предѣловъ Русской земли. Одни предавались бдѣнію, другіе проводили время въ колѣнопреклоненіяхъ и постились чрезъ день и два; кто питался только хлѣбомъ и водою, кто зеліемъ варенымъ или суровымъ, и всѣ пребывали въ любви; меньшіе покорялись старѣйшимъ, не смѣя говорить предъ ними, развѣ съ великимъ послушаніемъ; также и старѣйшіе съ любовію назидали младшихъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей своихъ; если кто впадалъ въ нѣкое согрѣшеніе, два и три другихъ брата, добродѣтельные, раздѣляли съ нимъ наложенную на него эпитимію ради утѣшенія и великой любви; если же кто удалялся изъ обители, всѣ о немъ печаль имѣли и убѣждали возвратиться; убѣдивъ же, умоляли за него игумена и съ радостію опять воспринимали.—Таковы были божественная любовь, смиреніе и воздержаніе въ тѣхъ святыхъ братіяхъ, которые донынѣ сіяютъ и по смерти различными чудесами, какъ неугасаемые свѣтильники, и молятъ Бога за остав-

шихся и всѣхъ работающихъ въ обители Божіей Матери.»

Недолго однакоже лавра Печерская наслаждалась первымъ своимъ благолѣпіемъ.—Еще во дни Нестора лѣтописца, свирѣпый Бонякъ, Ханъ Половецкій, опустошая окрестности Кіева при междоусобіяхъ его князей, сжегъ въ 1096 году близъ лежавшій дворецъ св. Владиміра на Берестовѣ и вторгся въ самую обитель. Это случилось 20 іюля на разсвѣтѣ, во время отдыха иноковъ, утомленныхъ всенощнымъ бдѣніемъ; нѣкоторые изъ нихъ погибли, другіе успѣли спастись въ пещеры; дикіе враги ограбили келліи и церкви и сожгли весь монастырь, но у соборнаго храма зажгли только одни св. врата; болѣе десяти лѣтъ не могла оправиться лавра отъ сего страшнаго набѣга. Спустя полвѣка, другіе варвары, Торки и Берендеи, участвуя во враждѣ Ольговичей съ Мономаховичами, ограбили также обитель Печерскую, и еще чрезъ восемнадцать лѣтъ сынъ Боголюбскаго съ тѣми же дикими наемниками приступилъ къ Кіеву и расхитилъ сокровища лавры; она сдѣлалась опять жертвою пламени и скудно обновилась до совершеннаго ея разоренія при общемъ разгромѣ Монгольскомъ. Свирѣпый Батый не пощадилъ ея святыни и разломалъ по окна небесиподобную церковь Успенія; иноки спасли только чудотворную икону, укрывшись съ нею въ пещеры, отколѣ выходили по звуку тайнаго благовѣста совершать литургію въ одномъ уцѣлѣвшемъ придѣлѣ.

Девяносто лѣтъ продолжалось такое насильственное состояніе древней столицы подъ властію баскаковъ ханскихъ, которые сами не хотѣли жить въ ея развалинахъ, доколѣ наконецъ другой язычникъ

Гедиминъ, князь Литовскій, не пересилилъ Ордынцевъ и не исторгъ у нихъ наслѣдія ослабѣвшихъ князей Галицкихъ. Властитель западный, хотя и не просвѣщенный Христіанствомъ, не питалъ къ нему однако враждебнаго чувства; онъ понялъ, что вѣра есть лучшее сокровище новыхъ его подданныхъ, крѣпко приверженныхъ къ древней своей святынѣ, и далъ имъ намѣстникомъ князя православнаго, племянника своего Миндовга, хотя и не изъ племени Рюрикова. Такимъ образомъ родъ князей Ольшанскихъ въ теченіе полутора вѣка мирно управлялъ Кіевомъ. Только въ послѣдній годъ четырнадцатаго столѣтія и еще однажды въ первыхъ годахъ пятнадцатаго подвергся опять сей древній труженикъ опустошеніямъ Татарскимъ, послѣднимъ порывамъ двухвѣковой бури, которая едва не стерла его съ лица земли. Ордынскій Ханъ, Тимуръ Кутлукъ излилъ на беззащитный Кіевъ всю свою ненависть противъ мощнаго Витовта, князя Литовскаго, и чрезъ семнадцать лѣтъ другой Ханъ Эдигей подступилъ къ городу; отраженный отъ его замка, онъ опустошилъ посады и лавру, истребивъ послѣднее ея достояніе; ибо такова была ея бѣдность, что она не болѣе тридцати рублей могла внести за себя выкупа Тимуру.

Уже народъ Кіевскій привыкъ къ своимъ новымъ властителямъ, какъ къ родовымъ князьямъ, и полюбилъ ихъ за благочестіе. Послѣдній изъ Ольшанскихъ, Симеонъ Олельковичъ, какъ бы предчувствуя конецъ мирнаго правленія своего дома, пожелалъ оставить вѣчную по себѣ память и залогъ будущаго благосостоянія своей области возстановленіемъ церкви Печерской изъ двухсотлѣтнихъ ея развалинъ.

Господь продлилъ жизнь благочестиваго князя до того времени, пока не совершилъ онъ начатаго дѣла, и къ общему утѣшенію всѣхъ гражданъ Кіевскихъ соборъ Успенія вновь освященъ былъ 3 декабря 1470 года при архимандритѣ Іоаннѣ, а на слѣдующій годъ уже погребли въ немъ самого храмоздателя. Здѣсь открывается Промыслъ Божій о вѣрѣ православной, ибо лавра Печерская послужила разсадникомъ и утвержденіемъ Православія въ смутныя времена гоненій латинскихъ; она одна устояла молитвами преподобныхъ своихъ основателей, когда все вокругъ рушилось, и благосостояніе гражданское, и порядокъ церковный. Надменный Казимиръ, король Польскій, не хотѣлъ болѣе дать никого изъ рода Ольшанскихъ возлюбившему ихъ Кіеву и, лишивъ древнюю столицу княжескаго достоинства, назначилъ туда первымъ воеводою гонителя Гастольда исповѣданія латинскаго. Уже некому было вступаться за Православіе: новые Митрополиты Кіева, отдѣлившись отъ Московскихъ, жили въ Литвѣ, и къ довершенію бѣдствія въ 1482 году Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій, внезапнымъ набѣгомъ выжегъ опять лавру Печерскую; но она не совсѣмъ опустѣла, потому что сохранилась ея церковь.

Сѣча Запорожская стала на пути набѣговъ Татарскихъ и оградила святыню Русскую. Король Сигизмундъ утвердилъ опять грамотою своею существованіе лавры въ 1592 году, и съ тѣхъ поръ подъ мудрымъ управленіемъ ревностныхъ своихъ архимандритовъ, Никифора Тура, Петра Могилы, Иннокентія Гизеля и другихъ, она росла и крѣпилась, смѣло отражая отъ себя и отъ всего православія всѣ нападенія уніи, доколѣ не осѣнилъ ея своимъ широ-

кимъ крыломъ двухглавый орелъ Россійскій, который малымъ птенцемъ излетѣлъ изъ гнѣзда Кіевскаго и уже оперился въ вѣковыхъ битвахъ. Въ началѣ XVIII вѣка лавра Печерская испытала послѣднее свое бѣдствіе, будучи вся истреблена страшнымъ пожаромъ въ 1716 году; но великій обновитель своего царства спросилъ только: «цѣла ли чудотворная икона Богоматери?» и, услышавъ, что спасена, сказалъ: «и такъ все сохранилось!» Онъ сдержалъ свое царское слово, и, какъ безсмертная птица Востока, непрестанно возраждающаяся изъ пламени собственнаго костра, такъ лавра Печерская въ новой славѣ возникла изъ пепла и донынѣ радуетъ собою православныхъ. По исчисленію столькихъ бѣдствій можно судить, сколько измѣнился внѣшній и внутренній видъ древней небесиподобной церкви Успенія Богоматери, хотя и донынѣ чрезвычайно благолѣпный.

Величественно представляется она отъ св. вратъ лавры въ седьмиглавомъ златомъ вѣнцѣ своемъ, какъ свѣтлая Царица, утвердившая вѣчный престолъ свой на горахъ Кіевскихъ; на всѣхъ вратахъ ея лики преподобныхъ и небесные лики, которые окружали престолъ Царицы Влахернской, нѣкогда пославшей зодчихъ для созиданія Себѣ дома сего. Углубленіе западныхъ дверей, все исписанное ликами святыхъ, какъ бы невольно вовлекаетъ внутрь святилища молитвенною силою, его исполняющею, которая проникаетъ сердце всякаго, кто только приближается къ сей древней сокровищницѣ молитвы. Первое, что поражаетъ взоры входящаго въ храмъ, это божественный даръ небесной Царицы святымъ угодникамъ Антонію и Ѳеодосію:—икона Ея Успенія! Горящая вся драгоцѣнными камнями, въ златыхъ лу-

чахъ надъ царскими вратами, она сіяетъ въ полумракѣ святилища, какъ нѣкое свѣтило сего духовнаго неба, гдѣ видимо почиваютъ лики святыхъ: съ правой стороны равноапостольный князь, начало и главизна просвѣщенія нашего; съ лѣвой первый Святитель, крѣпкій именемъ Архистратига небесныхъ Силъ, совершившій благочестивое желаніе просвѣтителя Руси въ водахъ крещенія, и послѣ него первый архидіаконъ и великомученикъ Стефанъ; а со входа въ церковь положены многія части преподобныхъ Печерскихъ и наконецъ самъ великій основатель лавры Ѳеодосій.

Припадемъ съ благоговѣніемъ къ ракѣ сего втораго свѣтила твердости Печерской, который, по выраженію Нестора, какъ луна совершенная, воспріявъ ангельскій свѣтъ жизни отъ солнца Антоніева, внезапно просіялъ съ безчисленными звѣздами учениковъ своихъ. Вся его жизнь была однимъ молитвеннымъ подвигомъ; ибо еще отрокомъ много страдалъ онъ отъ матери за свои непрестанныя бдѣнія и, пламенно возжелавъ достигнуть земнаго Іерусалима, обрѣлъ небесный въ пещерѣ преподобнаго Антонія. «О чадо, сказалъ ему въ духѣ пророческомъ блаженный отшельникъ, скорбна и тѣсна пещера сія, ты же не стерпишь тѣсноты ея;» и вотъ она расширилась его заботами въ цѣлую лавру. Великій Никонъ, постригавшій юношу Ѳеодосія, самъ сдѣлался однимъ изъ его подначальныхъ. «Виждь смиреніе мое и трудъ мой,» взывалъ псаломски юный молитвенникъ, проводя всѣ ночи въ славословіи, и такъ протекла иноческая жизнь его. Напрасно мать искала возмутить миръ его душевный и возвратить въ домъ отеческій; едва умоленный Анто-

ніемъ на свиданіе съ нею, онъ самъ ее убѣдилъ оставить все красное міра для вольной нищеты. Ѳеодосій въ санѣ пресвитера и игумена не измѣнилъ своего подвига, утвердившись въ оставленныхъ ему Антоніемъ пещерахъ, гдѣ и надъ землею возсіяло его благочестіе сооруженіемъ церкви; но прежде всего искалъ онъ царствія Божія и правды Его, и прочее все ему приложилось. Князья и бояре притекали къ нему за словомъ назиданія и умножившаяся вокругъ него братія питалась духовнымъ сотомъ его наставленій; для всѣхъ онъ былъ все, по глаголу Апостола, подавая примѣръ строгаго послушанія и непрестанныхъ трудовъ; ибо его начальство состояло въ служеніи меньшей братіи Христовой; но уста его вооружены были правдою предъ лицемъ сильныхъ и смиреніе не обращалось въ потворство грѣху. Когда младшіе братья свергли Великаго Князя Изяслава съ престола отеческаго, мужественно обличалъ ихъ блаженный старецъ словами писанія: «гласъ крови брата твоего вопіетъ къ Богу, яко Авелевой на Каина,» говорилъ онъ Святославу, и не хотѣлъ идти на зовъ его. Смирился властитель предъ убогимъ отшельникомъ и самъ едва испросилъ себѣ дозволеніе взойти въ обитель; когда же впослѣдствіи Ѳеодосій сталъ опять посѣщать палаты, онъ не переставалъ внушать князю покорность старшему брату. Утѣшенный его приходомъ, Святославъ воскликнулъ: «если бы и отецъ мой воскресъ изъ мертвыхъ, истинно я бы столько же обрадовался его пришествію и не боялся бы его больше преподобной души твоей!»—«Если ты меня такъ боишься, отвѣчалъ Ѳеодосій, то сотвори волю мою и возврати брату твоему старѣйшему престолъ, данный ему

отцемъ твоимъ.»—Не только въ палатахъ, но и въ церкви изъявлялъ онъ такую же приверженность къ законному князю, ибо велѣлъ у себя въ лаврѣ поминать въ богослуженіи сперва Изяслава, а потомъ Святослава; и, не смотря на то, благоговѣлъ къ нему державный и самъ трудился при созиданіи его лавры. Однажды Ѳеодосій нашелъ князя посреди играющихъ на органахъ и гусляхъ и, молча возсѣвъ подлѣ, опустилъ взоры, потомъ же сказалъ: «будетъ ли все сіе такъ и въ иномъ вѣкѣ?» Умилился Святославъ, велѣлъ умолкнуть органамъ, и уже съ тѣхъ поръ никогда не было слышно гласа мусикійскаго въ присутствіи святаго. Обильна и трогательна повѣсть о милостынѣ и чудесахъ преподобнаго, которыми прославилъ его Господь еще при жизни и память коихъ доселѣ жива въ его обители. Когда же возлюбившій его Богъ открылъ ему благовременно часъ блаженной кончины, святый старецъ призвалъ князя и всю братію и, поручивъ его покровительству свою лавру, назначилъ по себѣ преемникомъ Стефана; онъ наставилъ иноковъ послѣднимъ поучительнымъ словомъ и обѣщалъ духомъ всегда пребывать съ ними, тѣло же молилъ погребсти въ пещерѣ, гдѣ протекла большая часть его труженической жизни. Тогда, оставшись на единѣ, болящій палъ на колѣна и въ пламенной молитвѣ предалъ Богу чистую свою душу.

Когда освящена была соборная церковь, братія Печерская единодушно молили игумена Іоанна не лишать ихъ присутствія блаженнаго отца своего Ѳеодосія; вопреки его завѣта, нетлѣнное тѣло ископано было изъ пещеры и съ чрезвычайнымъ торжествомъ перенесено всѣми епископами, бывшими

въ Кіевѣ, во внутренность храма, которому только одно основаніе успѣлъ положить преподобный. Церковь и доселѣ празднуетъ память сего событія наканунѣ храмоваго праздника лавры; но чрезъ полтора вѣка исполнилось смиренное желаніе отца иночествующихъ: святыя мощи его опять были сокрыты подъ спудъ во время нашествія Монгольскаго; мы поклоняемся только мѣсту ихъ вторичнаго погребенія въ храмѣ, какъ и гробницѣ великаго Антонія въ пещерахъ посреди такого богатства нетлѣнныхъ тѣлесъ ихъ учениковъ и послѣдователей. Лики ихъ изображены вокругъ гробницы Ѳеодосіевой и по стѣнамъ соборнымъ въ звѣздахъ; ибо преподобный Несторъ сравниваетъ лавру Печерскую съ твердью Россійскаго неба, которое просіяло столькими духовными созвѣздіями. Съ ними вмѣстѣ изображены на западной стѣнѣ и благодѣтели лавры Печерской, Великіе Князья и удѣльные, начиная отъ трехъ сыновей Ярослава.

Каменная гробница одного изъ позднѣйшихъ ея благодѣтелей находится въ лѣвомъ углу собора позади раки съ частицами преподобныхъ.—Столѣтній князь и воевода Константинъ Острожскій, самый ревностный поборникъ Православія въ горькую эпоху гоненій уніатскихъ, который защитилъ Кіевъ и всю южную Русь славою громкаго своего имени и возбудилъ угасшее просвѣщеніе учрежденіемъ училищъ и типографіи, изваянъ весь изъ камня въ бронѣ воинской поверхъ своей гробницы;—конечно, велико было къ нему уваженіе современниковъ, если лавра Печерская приняла его въ соборный храмъ на столь почетное мѣсто. — Еще три великіе мужа погребены во внутренности церкви около лѣваго ея клироса,

хотя и не съ такимъ великолѣпіемъ; два изъ нихъ со славою послужили Церкви и отечеству: это знаменитый Митрополитъ Петръ Могила, памятію коего исполненъ весь Кіезъ, ибо живительная рука его напечатлѣлась на каждомъ изъ священныхъ останковъ древней столицы Православія, и достойный его преемникъ по духу и учености, архимандритъ лавры Иннокентій Гизель; третій изъ погребенныхъ—гроза Оттомановъ Задунайскій.

По древнему обычаю церковному, семь Вселенскихъ соборовъ, напоминающихъ молящимся пастырямъ и пасомымъ о незыблемомъ православіи Церкви, изображены ближе къ алтарю на боковыхъ окнахъ и столпахъ, поддерживающихъ хоры; великолѣпенъ пятиярусный иконостасъ, устроенный хотя и послѣ пожара, но въ древнемъ вкусѣ съ ликами Праотцевъ, Пророковъ, Апостоловъ и дванадесятью праздниками, которые постепенно возстаютъ надъ нижнимъ рядомъ мѣстныхъ, богато украшенныхъ иконъ. Царскія двери подъ чудотворнымъ образомъ Успенія вылиты изъ серебра: это благочестивый даръ боярина Шереметева, сподвижника Петрова на полѣ битвъ и въ украшеніи храмовъ. Когда же отверзаются великолѣпные врата, открывается все благолѣпіе дивнаго алтаря Печерскаго: обширный престолъ его окованъ серебряными досками съ священными изваяніями усердіемъ дщери Петровой, которая благоговѣла къ древней святынѣ Кіева; кругомъ его по стѣнамъ лики молящихся іерарховъ, а надъ горнимъ мѣстомъ, которое устроено въ древнемъ вкусѣ глубокимъ полукружіемъ съ каѳедрою святительскою и сѣдалищами у ногъ его для сослужащихъ пресвитеровъ, великолѣпно изображена

Вечеря Тайная.—Господь Іисусъ Христосъ съ двѣнадцатью Апостолами во весь ростъ въ позлащенныхъ окладахъ возсѣдаетъ за божественною Вечерею, повтореніе коей совершается ежедневно на противостоящемъ престолѣ; внутри сей новой горницы Сіонской невольно исторгается изъ устъ божественная пѣснь великаго четвертка: «пріидите вѣрные, на горнемъ мѣстѣ насладимся Владычнимъ угощеніемъ и безсмертною трапезою, возвышенными умами, изъ слова научаясь познанію возшедшаго паки ко Отцу Богу Слова, котораго величаемъ.»

Кромѣ алтаря соборнаго, есть еще девять придѣловъ внизу и на хорахъ великолѣпнаго храма. Съ южной стороны примыкаютъ къ алтарю два придѣла во имя Архангела Михаила и Іоанна Богослова, въ которомъ хранится древняя икона Ѳеодоровской Божіей Матери; предъ нею молился святый мученикъ князь Игорь, когда повлекли его на страдальческую кончину, и сія свидѣтельница невинной кончины уцѣлѣла послѣ самаго разрушенія обители отчей, гдѣ онъ спасался, какъ бы въ обличеніе убійцъ его и для прославленія его памяти. Съ сѣверной стороны одинъ только придѣлъ, устроенный князьями Борецкими во имя архидіакона Стефана; тамъ положена была и часть мощей его, принесенная въ 1717 году изъ обители Нямецкой Архіепископомъ Романскимъ Пахоміемъ; подъ нею усыпальница многихъ именитыхъ родовъ княжескихъ, Ольшанскихъ и Острожскихъ, гетмановъ Малороссійскихъ и православныхъ воеводъ Кіевскихъ, епископовъ и архимандритовъ лавры. Придѣлъ св. Іоанна Предтечи находится въ сѣверозападномъ углу собора, а противуположный ему, Трехсвятительскій,

занятъ нынѣ ризницею лавры. На пространныхъ хорахъ четыре престола: во имя просвѣтителя Руси, Апостола Андрея Первозваннаго, коего память особенно почитается въ Кіевѣ, и преподобнаго отца иночествующихъ Печерскихъ Антонія съ правой стороны; а съ лѣвой: блаженнаго его сотрудника Ѳеодосія и Преображенія Господня; ибо вся прославленная гора Печерская сдѣлалась святымъ Ѳаворомъ земли Русской, гдѣ просіяла слава Единороднаго въ безчисленномъ ликѣ учениковъ Его, по гласу благоволившаго о Немъ Отца.

Къ югу отъ великой церкви братская трапеза, построенная въ началѣ прошедшаго столѣтія на развалинахъ древней, составляетъ довольно обширное зданіе съ примыкающими къ ней службами, и въ ней отдѣльная церковь во имя верховныхъ Апостолъ; а въ близъ лежащихъ настоятельскихъ келліяхъ еще двѣ церкви: одна, весьма обширная, во имя Святителя Михаила, гдѣ совершается въ зимнее время богослуженіе, другая же крестовая во имя чудотворца Митрофана; обѣ недавно устроены благочестіемъ нынѣшняго настоятеля лавры Печерской. Зданіе типографіи къ востоку отъ собора, а къ сѣверу и западу два и три ряда келлій соборныхъ и братскихъ расположены правильными улицами по направленію святыхъ и сѣверныхъ воротъ лавры, съ малыми впереди ихъ цвѣтниками и длинными аллеями орѣховъ; келліи сіи даютъ ей подобіе цѣлаго города духовныхъ гражданъ, который обнесенъ твердынею видимыхъ стѣнъ и невидимой молитвы преподобныхъ его основателей.

Въ обширной оградѣ, сооруженной Гетманомъ Мазепою на пространствѣ болѣе версты вокругъ всей

лавры, трое вратъ открываютъ въ нее благоговѣйный входъ.—Къ востоку отъ соборной церкви, въ полугорѣ, пещерные врата, чрезъ которые тѣснится непрестанная вереница богомольцевъ въ ближнія и дальнія подземелья Антонія и Ѳеодосія. Къ западу, прямо противъ собора, святые врата, богато украшенные ликами преподобныхъ, которые встрѣчаютъ соборно другой ликъ благовѣрныхъ князей Русскихъ, къ нимъ притекавшихъ на землѣ и съ ними обитающихъ на небесахъ. Здѣсь всѣ заступники земли Русской, прославившіеся духовно въ южныхъ ея предѣлахъ и наипаче въ Кіевѣ.—Надъ вратами церковь Пресвятыя Троицы, которую православно исповѣдалъ сонмъ сихъ праведниковъ, чина мірскаго и духовнаго. Первые св. врата лавры съ тѣмъ же храмомъ устроены были еще въ 1106 году блаженнымъ вратаремъ ихъ, правнукомъ великаго Ярослава, княземъ Черниговскимъ Николою, прозваннымъ Святошею за свое благочестіе, мощи коего нетлѣнно почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ.

«Преходитъ образъ міра сего, и Господь многажды низлагалъ престолы князей!» такъ помышлялъ благочестивый потомокъ св. Владиміра и предъизбралъ лучшую часть оставленнаго имъ наслѣдія,—царство небесное вмѣсто земнаго. Онъ постригся въ раннемъ возрастѣ въ лаврѣ Печерской и смиренно исполнялъ самыя тяжкія послушанія, не смотря на убѣжденія братьевъ своихъ, Изяслава и Давида, князей Черниговскихъ, дабы возвратился въ домъ отчій: три года служилъ иной братіи своей духовной въ поварнѣ, и столько же при трапезѣ, и три года, какъ ревностный вратарь охранялъ святые врата. Тогда только уединился въ келлію, гдѣ провелъ еще трид-

цать лѣтъ въ строжайшемъ постѣ, воздѣлывая малый садъ и съ помощію врача своего призирая болящихъ, для коихъ устроилъ богадѣльню подлѣ святыхъ воротъ съ церковію во имя своего Ангела. Часто убѣждалъ князя искренно приверженный къ нему врачъ воздержаться отъ непомѣрныхъ подвиговъ для сохраненія жизни и не работать черноризцамъ, какъ бы купленный ими рабъ; онъ представлялъ ему въ примѣръ благочестивыхъ предковъ, спасавшихся инымъ путемъ, но блаженный Святоша отвѣчалъ: «братъ мой, довольно разсуждалъ я о здравіи души и убѣдился, что неблагоразумно щадить плоть, дабы она не возстала на духъ; если же изнеможетъ. то и тогда въ немощи моей совершится сила Божія, ибо, по слову Апостола, нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая въ насъ откроется (Рим. VIII. 18). Благодарю Бога, что Онъ сдѣлалъ меня рабомъ Своимъ рабамъ черноризцамъ; ибо я, будучи княземъ, въ лицѣ ихъ работаю Царю царей. Братія мои по плоти пусть довольствуются земною моею областію, которую имъ оставилъ, обнищавъ Христа ради для инаго царства; для меня же—жизнь Христосъ, а смерть пріобрѣтеніе (Филип. I. 21). Если же и никто изъ князей Россійскихъ до меня такъ не дѣйствовалъ, пусть буду я предводителемъ ихъ по слѣдамъ Царя небеснаго, дабы хотя отселѣ кто-либо поревновалъ моему примѣру».

Слова блаженнаго Николы подтверждались знаменіями; онъ исцѣлилъ молитвою самого врача, когда сей, испытавъ безсиліе земныхъ лекарствъ, довѣрился наконецъ цѣлебной силѣ князя; по его убѣжденію постригся инокомъ врачъ, умоливъ преподоб-

наго, который уже имѣлъ предчувствіе о своей кончинѣ, испросить ему у Господа милость умереть вмѣсто него, дабы самъ Никола ангельскою жизнію послужилъ на спасеніе многимъ. Исполнилась благочестивая молитва: князь-инокъ еще тридцать лѣтъ сіялъ своими добродѣтелями въ лаврѣ; послѣ же блаженной кончины власяница его исцѣляла болящихъ и служила бронею воинскою единокровнымъ князьямъ.

На мѣстѣ его богадѣльни доселѣ существуетъ монастырь больничный съ церковью чудотворца Николая. Такимъ образомъ три отдѣльныя обители, ближнихъ и дальнихъ пещеръ и больничная, обрѣтаются внутри обширнаго иноческаго міра лавры: каждая изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько церквей и придѣловъ, особенно же въ дальнихъ пещерахъ, гдѣ, кромѣ тѣхъ подземныхъ, двѣ внѣшнія большія церкви Зачатія и Рождества Богоматери вмѣстѣ съ келліями братскими составляютъ сами по себѣ пространный монастырь. Надъ сѣверными или Экономскими вратами лавры есть еще церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, дабы никто изъ тайныхъ угодниковъ Божіихъ, спасавшихся въ безмолвіи пещеръ, не лишился по своему смиренію подобающей ему славы и отъ воинствующей Церкви, подобно какъ всѣ ликуютъ съ небесною своею братіею въ сонмѣ торжествующей Церкви.

Недалеко отъ сихъ воротъ, внѣ ограды, находится древняя церковь Преображенія Господня, сооруженная еще равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ въ любимомъ селѣ своемъ Берестовѣ, гдѣ и скончался; тамъ же погребены были правнукъ его Долгорукій, столько возмутившій родную землю междоусобіями, который достигъ наконецъ престола вели-

кокняжескаго, чтобы только успокоить прахъ свой въ уединеніи Берестовскомъ. Тамъ и сынъ его Глѣбъ, недолго княжившій, и сестра Софія, королева Венгерская, и кроткая его мать Евфимія, супруга великаго Мономаха:—кто знаетъ мѣсто гробовъ ихъ послѣ столькихъ разореній? — Недалеко отъ сего храма находилась другая церковь верховныхъ Апостоловъ, воздвигнутая также равноапостольнымъ княземъ, гдѣ былъ пресвитеромъ блаженный Иларіонъ до своего избранія на митрополію Кіевскую; оттолѣ ходилъ онъ для безмолвной молитвы на дикій берегъ Днѣпра въ малую ископанную имъ пещерку, въ которой поселился потомъ преподобный Антоній; это было началомъ дальнихъ пещеръ лавры.—И такъ вотъ священный родникъ, отколѣ брызнулъ сей первый ключъ живой воды, спасительно оросившій гору Печерскую и разлившійся многими рѣками по всей Россіи!— но теперь неизвѣстно и самое мѣсто бывшей Петропавловской церкви.

Спасская, уцѣлѣвшая по своему каменному зданію отъ разоренія Монгольскаго, принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Кіева и доселѣ свидѣтельствуетъ о вкусѣ тогдашнихъ художниковъ. Живопись нѣкоторыхъ иконъ показываетъ слѣды Византійскаго искусства, и, вѣроятно, онѣ были обновлены по древнимъ чертамъ. Великій обновитель всего разореннаго въ Кіевѣ, Митрополитъ Петръ Могила поднялъ и ее изъ развалинъ, какъ видно изъ существующей доселѣ на стѣнахъ Греческой надписи, и украсилъ священною утварію; туда перенесъ онъ на время честную главу почившаго въ ея сосѣдствѣ князя Владиміра, но потомъ для большей безопасности въ самую лавру; а великій Петръ

оградилъ священный памятникъ древности отъ набѣговъ непріятельскихъ, включивъ его внутрь крѣпостной ограды. Но, созидая крѣпость, онъ уничтожилъ монастырь женскій во имя Вознесенія Господня, ставшій противъ самыхъ св. воротъ лавры, гдѣ теперь арсеналъ, и перевелъ инокинь его въ нижній городъ, въ обитель Флоровскую. Подлѣ св. вратъ доселѣ существуетъ церковь преподобнаго Ѳеодосія, нѣкогда деревянная, нынѣ же каменная, которая сооружена была въ память перенесенія мощей его изъ пещеры въ лавру; ибо на этомъ мѣстѣ остановились съ честною ракою иноки для отдохновенія и поставили ее на обрубокъ дерева, хранящійся подъ престоломъ храма.

Я взошелъ на величественную колокольню лавры, начатую при Императрицѣ Аннѣ и оконченную при Елисаветѣ: въ ней четыре яруса разнородныхъ колоннъ, Дорическаго, Іоническаго и Коринѳскаго ордена; высота ея 47 саженъ съ крестомъ; она почитается высочайшею изъ всѣхъ колоколенъ Россійскихъ и по своему нагорному положенію видна болѣе, нежели за тридцать верстъ по Московской дорогѣ; съ ея же вершины взоръ достигаетъ до города Козельца на разстояніи семидесяти верстъ. Вся панорама Кіева, Днѣпра и живописныхъ окрестностей открывается стоящему на послѣднемъ ярусѣ столпа сего, вполнѣ достойнаго лавры, въ которую зоветъ онъ на молитву мирнымъ гласомъ своихъ колоколовъ. Жадно разбѣгаются взоры по сему очаровательному и разнообразному чертежу водъ и горъ, лѣсовъ и полей, повсюду украшенныхъ какимъ-либо священнымъ зданіемъ; потомъ опять сосредоточиваются они на одной живописной массѣ Кіева, двухъяруснаго,

горняго и дольняго, раздѣленнаго садами и оврагами, и сіяющаго Божіими храмами; наконецъ утомленные падаютъ прямо на св. лавру и ея пещеры, какъ на единый мирный пріютъ посреди сей тревожной картины.

Съ племянникомъ Владыки, отцемъ Антоніемъ, пріятнымъ и радушнымъ спутникомъ многихъ моихъ хожденій внутри лавры и по ея окрестностямъ, совершилъ я сей послѣдній восходъ и уже полагалъ, что успѣлъ въ короткое время видѣть все достойное вниманія въ стѣнахъ обители; но Митрополитъ озаботилъ меня вопросомъ: «видѣлъ ли ты юдоль преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія и былъ ли на ихъ кладезяхъ?»—Я же не зналъ и о ихъ существованіи. Тогда кроткій пастырь, обратясь съ улыбкою къ своему племяннику, сказалъ ему: «поди же и отведи его въ сію долину, и пусть почерпнетъ тамъ воды изъ струи, освященной руками преподобныхъ; ибо мѣсто сіе еще дико и отрадно, какъ во дни святыхъ отшельниковъ.» Немедленно вышли мы черезъ пещерные врата изъ стѣнъ лавры и, минуя крытый ходъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ, нѣсколько повыше ихъ достигли до каменной церкви Зачатія Богоматери, что надъ самымъ холмомъ дальнихъ пещеръ Ѳеодосіевыхъ. Тамъ, насладившись зрѣлищемъ лавры, которая величественно возставала предъ нами, по уступамъ горъ мы стали спускаться крутою стезею въ глубокую дебрь, поросшую вѣковыми тополями и яворами, доколѣ не обрѣли на днѣ оврага малый кладезь,—это былъ Ѳеодосіевъ.

По другую сторону оврага, подъ сѣнію развѣсистыхъ деревъ, находился иной кладезь, болѣе обдѣланный, съ скамьями вокругъ него,—это былъ Анто-

ніевъ. Сюда съ противолежащихъ холмовъ сходились, каждый къ своему роднику, преподобные основатели лавры изъ мрака пещернаго на Божій свѣтъ, нося на старческихъ раменахъ тяжелые водоносы для утоленія не одной лишь своей жажды, но и подначальной своей братіи; ибо они первые подавали во всемъ примѣръ смиренія и послушанія. Здѣсь, быть можетъ, во глубинѣ дебри встрѣчали они другъ друга ангельскимъ привѣтомъ и мѣнялись назидательнымъ словомъ: и Ѳеодосій припадалъ къ стопамъ отца иночествующихъ, и Антоній взаимно воздавалъ ему честь пресвитерскаго сана, котораго чуждался самъ по смиренію!—О безмолвная дебрь! зачѣмъ такъ глубоко хранишь ты тайны ихъ уединенной бесѣды въ своихъ нѣдрахъ? что же ни одно ея ангельское слово не отзовется жадному слуху?—Кто бы не пожелалъ, какъ нѣкогда Самаряныня, напоить жаждущую свою душу благочестія водами и зачерпнуть струю живую, текущую въ вѣчность изъ кладезя сихъ двухъ блаженныхъ послѣдователей. Долго сидѣли мы при кладезѣ Антоніевомъ и безмолвствовали, какъ бы ожидая чего то таинственнаго изъ его священнаго устья;—безмолвствовала вокругъ и вся природа, раздѣляя священное молчаніе юдоли преподобныхъ: слышался только тихій шелестъ листьевъ густой дубравы и голосъ птицъ, которыя пѣли свои воздушныя пѣсни въ недоступной для насъ высотѣ, какъ райскіе гости, залетѣвшіе въ сей новый Эдемъ преподобныхъ.

На другой день удостоился я вкусить въ раю пещерномъ, воздѣланномъ ихъ руками, божественные плоды древа жизни, вновь для насъ процвѣтшаго: пріобщиться животворящаго тѣла и крови Гос-

пода Іисуса Христа въ подземной церкви преподобнаго Ѳеодосія. Самъ Владыка совершалъ божественную литургію съ настоятелемъ дальнихъ пещеръ и схимникомъ, отцемъ своимъ духовнымъ, который мысленно живетъ уже за предѣлами гроба; чудно было видѣть служеніе святительское и слышать пѣніе ликовъ во мракѣ и тѣснотѣ пещеры. Когда узкими вратами, какъ бы вратами небеснаго царствія, исходилъ онъ изъ глубины темнаго алтаря въ свѣтящейся ризѣ и митрѣ и осѣнялъ церковь,—внезапный свѣтъ осіявалъ пещеру; нѣчто неземное представлялось въ лицѣ Святителя, воздѣвшаго руки свои горѣ; а два иподіакона по сторонамъ его, также въ свѣтлыхъ одеждахъ и въ вертепѣ, напоминали радостныхъ вѣстниковъ воскресенія Христова изъ упраздненнаго гроба. Когда же опять съ удаленіемъ Святителя во глубину алтаря водворялся мракъ при слабомъ мерцаніи лампадъ иконостаса,—въ боковыхъ отверстіяхъ пещеры появлялись огни изъ дальнихъ ея переходовъ и потомъ опять исчезали; люди мелькали, какъ призраки, каждый минутно озаренный свѣчею, которую держалъ въ рукахъ: это были мимоходящіе богомольцы, совершавшіе набожное поклоненіе кругомъ всѣхъ пещеръ. Страшно и утѣшительно было слышать призывный гласъ діакона: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите;» ибо малое число молящихся въ тѣснотѣ подземелья казалось умноженнымъ давними жителями сихъ пещеръ, которые искреннѣе насъ уже пріобщаются Христу въ невечернемъ днѣ царствія Божія!

XIV.

ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ.

Настало время свѣтлыхъ торжествъ для первопрестольнаго Кіева и день предпразднества Успенія Пречистой Дѣвы, Которая искони утвердила домъ Свой на горахъ Кіевскихъ. Ея честному Собору по Рождествѣ Бога Спаса праздновала древнѣйшая Десятинная церковь, а въ св. Софіи величается самое рождество Пречистой Матери; наконецъ и въ лаврѣ Печерской съ великою радостію духовною чествуется день Ея Успенія; ибо сохранившая дѣвство въ рождествѣ, и въ успеніи не оставила міра, молитвами Своими спасая отъ смерти души наши.—«Людіе предъиграйте, воспѣваетъ Церковь, руками плещуще вѣрно, и любовію соберитеся, днесь радующеся и свѣтло восклицающе вси веселіемъ: Божія бо Мати имать отъ земныхъ къ вышнимъ пріити славно, Юже пѣснями присно, яко Богородицу славимъ.» Но въ тотъ же день и другое воспоминаніе церковное, близкое сердцу лавры: перенесеніе честныхъ мощей преподобнаго отца ея Ѳеодосія Печерскаго, и ему поетъ собранная имъ паства: «наслѣдникъ отцевъ бывъ, преподобне, тѣхъ же послѣдовалъ еси житію, ученію, нраву и воздержанію, молитвѣ же и предстоянію; тѣмъ, яко имѣя дерзновеніе къ Господу, прощеніе прегрѣшеній и спасеніе испроси вопіющимъ ти: радуйся отче Ѳеодосіе.»

Митрополитъ, неутомимый на молитву, совершивъ наканунѣ божественную литургію въ дальнихъ пещерахъ, гдѣ были обрѣтены нетлѣнныя мощи св. Ѳеодосія, какъ бы слѣдуя духовно за ихъ перенесе-

ніемъ, опять священнодѣйствовалъ въ томъ храмѣ, куда внесъ ихъ нѣкогда съ великимъ торжествомъ соборъ епископовъ Русскихъ; утѣшительно было слышать надъ самою ракою преподобнаго молебный гласъ къ нему о заступленіи собраннаго имъ стада и Церкви, которая прежде всѣхъ своихъ праведниковъ его перваго причла къ лику святыхъ. Вечеромъ того же дня другое, болѣе торжественное служеніе совершилось въ соборной церкви: погребальная всенощная Успенія Богоматери, частію своихъ молитвъ и обрядовъ напоминавшая глубокую утреню великой субботы.

«О дивное чудо! восклицаетъ изумленная Церковь, духовно созерцая съ ликами ангельскими, како Дѣва восходитъ отъ земли на небо,—источникъ жизни во гробѣ полагается и лѣствица къ небеси гробъ бываетъ: веселися Геѳсиманіе, Богородиченъ святый доме: возопіемъ вѣрные, Гавріила имуще чиноначальника: благодатная радуйся, съ Тобою Господь, подаяй мірови Тобою велію милость.»

«Дивны Твои тайны, Богородице! Вышняго престолъ явилася еси, Владычице, и отъ земли къ небеси преставилася еси днесь: слава Твоя боголѣпная, богоподобными сіяетъ чудесы: дѣвы съ Матерію Царевою на высоту вознеситеся; благодатная радуйся, съ Тобою Господь, подаяй мірови велію милость.»

«Твое славятъ успеніе Власти и Престоли, Начала и Господствія, Силы и Херувими и страшніи Серафими, радуются земнородные, о божественной Твоей славѣ красящеся; припадаютъ Царіе со Архангелы и Ангелы и воспѣваютъ: благодатная радуйся съ Тобою Господь, подаяй мірови Тобою велію милость.»

Вся пространная церковь лавры наполнена была народомъ, стекшимся изъ дальнихъ краевъ Россіи на сіе священное торжество; открылись царскіе врата для полулелея: Митрополитъ съ двумя епископами, шестью архимандритами и всѣмъ клиромъ, въ полномъ великолѣпіи своего сана, вышелъ на средину церкви величать Честнѣйшую Херувимъ. Началось стихословіе семнадцатой каѳисмы: «блажени непорочніи, въ путь ходящіи въ законѣ Господнемъ», подобно, какъ то бываетъ надъ плащаницею Божественнаго Сына Пречистой Дѣвы въ день Его гробоваго покоя, и Святители трижды обходили церковь съ кадиломъ въ рукахъ, по чину великой субботы. Спустилась предъ царскіе врата и чудотворная икона Богоматери послѣ шестой пѣсни Ея трогательнаго канона; Владыка, окруженный духовнымъ соборомъ, подобно Апостоламъ, сошедшимся на Сіонъ для погребенія Матери Слова, читалъ въ слухъ всей церкви торжественный акаѳистъ Ея Успенія, какъ бы предъ лицемъ самой Царицы небесной, и во всѣхъ сердцахъ отзывалось ангельское привѣтствіе: «радуйся Обрадованная, во Успеніи Твоемъ насъ не оставляющая!»

Въ глубокую полночь окончилась всенощная, и величественно было видѣть обратное шествіе Митрополита изъ собора въ свои келліи въ сопровожденіи клира, который освѣщалъ путь его во мракѣ при густомъ ревѣ всѣхъ колоколовъ лавры. На слѣдующее утро, въ самый праздникъ Успенія, послѣ водоосвященія, преосвященный викарій со всѣмъ духовенствомъ, предшествуемый хоругвями и иконами, совершилъ крестный ходъ вокругъ лавры, начиная отъ сѣверныхъ вратъ ея, мимо святыхъ, и до пе-

щерныхъ; онъ останавливался предъ каждыми вратами для литіи и окроплялъ древнія стѣны и толпу богомольцевъ. Митрополитъ священнодѣйствовалъ самъ божественную литургію, съ такимъ же духовнымъ торжествомъ, какъ и всенощную, при томъ же числѣ сослужащихъ епископовъ и архимандритовъ, и сказалъ назидательное слово, приличное торжеству дня. Съ большимъ утѣшеніемъ всегда внималъ я его проповѣди, потому что онъ говорилъ безъ приготовленія, большею частію на текстъ дневнаго Евангелія, которое діаконы держали предъ нимъ отверстымъ у амвона, а онъ, опираясь на свой посохъ, изливалъ въ простой рѣчи свое сердце, проникнутое любовію къ Господу Іисусу. Его святое имя безпрестанно слышалось въ устахъ святительскихъ, и сіе невольное повтореніе, проистекавшее отъ пламенной вѣры, производило сладкое впечатлѣніе на душу. Я видѣлъ людей всякаго званія и возраста, глубоко тронутыхъ проповѣдію, которая не заключала въ себѣ изысканной витіеватости, но ея краснорѣчіе вытекало изъ сердца, и потому находила она себѣ отголосокъ.

Многочисленные столы для нищей Христовой братіи накрыты были кругомъ всего собора; Митрополитъ, возвращаясь въ келліи, благословилъ ихъ на вкушеніе пищи; но набожная толпа болѣе жаждала пастырскаго благословенія, нежели трапезы, и тѣснилась около него больше, чѣмъ вокругъ столовъ. Всѣми уважаемый начальникъ того края, съ властями свѣтскими и духовными, собрались въ келліи преосвященнаго привѣтствовать его съ общимъ торжествомъ лавры и Кіева; онъ пригласилъ желающихъ на братскую трапезу въ церковь Петра и Павла, и

патріархальный обѣдъ сей, при обычномъ чтеніи и возношеніи хлѣба въ память Пресвятой Дѣвы, напоминалъ древнія времена Церкви.—Такъ окончилось торжество.

Я воспользовался остаткомъ вечера, чтобы проститься съ моими Кіевскими знакомцами, которые столь радушно меня приняли, потому что на другой день уже готовился въ обратный путь. Хотя собирались тучи и полился дождь, не хотѣлъ я однако оставить Кіева, не посѣтивъ еще однажды любимой моей церкви первозваннаго Апостола. Я обошелъ въ послѣдній разъ кругомъ ея живописной паперти, быстро обѣгая взорами окрестность, омраченную непогодою, взошелъ и во внутренность храма во глубину алтаря: тамъ все было тихо и мрачно; въ уединеніи помолился я моему Ангелу, просвѣтителю нашей отчизны; когда же опять вышелъ на паперть и сталъ спускаться съ ея высокихъ ступеней, багровый свѣтъ проглянулъ изъ-за черныхъ тучъ надъ горою Олега;—тамъ садилось солнце!

Праздникъ нерукотвореннаго образа Спасова встрѣтилъ я на молитвѣ въ ближнихъ пещерахъ и, отслушавъ тамъ послѣднюю литургію въ церкви преподобнаго Антонія, простился съ ликомъ праведниковъ, почивающихъ подъ его сѣнію. Уже все было готово къ моему отъѣзду; добрый Владыка удержалъ меня еще на трапезу, потомъ привелъ въ свою прекрасную молельню и, благословивъ иконою Успенія и преподобныхъ, сказалъ: «мы простимся тамъ, гдѣ и свидѣлись; сядь и посмотри еще однажды на духовныя сокровища ближнихъ и дальнихъ пещеръ; насладись въ послѣдній разъ симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, чтобы оно глубже впечатлѣлось въ твоей

душѣ, и потомъ мы помолимся.» — Молча, сѣли мы другъ противъ друга, я смотрѣлъ въ окно, но все казалось мнѣ въ туманѣ, потому что невольная слеза застилала предо мною очаровательные виды. «Теперь время», сказалъ, поднявшись, Владыка и осѣнилъ меня крестомъ: «Богъ да благословитъ жизненный путь твой!» Внутреннее смущеніе лишило меня словъ; такъ мы разстались. Радушный мой спутникъ, отецъ Антоній, и отецъ намѣстникъ, благосклонно меня принявшій въ лавру, провожали меня до св. воротъ. Тамъ предъ ликами преподобныхъ ея основателей намѣстникъ окропилъ меня святою водою и молитвенно вывелъ за ограду. Съ сердцемъ, исполненнымъ грусти, оставилъ я святую обитель, и сталъ спускаться къ Днѣпру по горамъ Кіевскимъ въ сопровожденіи одного изъ сослуживцевъ прежней военной жизни, который наканунѣ пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы увидѣться со мною послѣ долгой разлуки. Мы вспоминали о лучшихъ дняхъ молодости, и настоящее казалось для насъ блѣдно предъ минувшимъ: въ дружеской бесѣдѣ намъ не замѣтно было, какъ перешли мы длинный Днѣпровскій мостъ; я простился съ нимъ по ту сторону рѣки, уже въ предѣлахъ Черниговскихъ.—Такъ много впечатлѣній нечаянно стѣснилось въ душѣ моей въ послѣднюю минуту разставанія съ древнею столицею.

Медленно подвигался я по глубокому песку вдоль берега до новой дороги, имѣя предъ собою великолѣпное зрѣлище Кіева. Вечернее солнце, безпрестанно выглядывая изъ-за дождевыхъ облаковъ, бросало яркіе лучи на его безчисленные храмы и на окрестныя горы и долины съ чудными переливами свѣта и мрака, какъ искусный художникъ, послѣд-

ними рѣзкими чертами геніальной кисти довершающій главные предметы своей картины. Вся священная лавра облеклась въ одну бѣлую ризу, которой пышныя воскрылія широко разстилались по зеленымъ коврамъ Печерскимъ. Она увѣнчала златыми митрами многоглавное чело свое, и, какъ ѳиміамъ кадильный, поднялся отъ нея легкій туманъ;—казалось, сонмъ святительскій на молитвѣ; открылись и мѣдныя уста ея... голосъ ихъ, считая время, вѣщалъ о вѣчности!—Не могъ я оторвать взоровъ отъ сего очаровательнаго вида, хотя уже быстро мчался по большой дорогѣ, доколѣ все не исчезло въ чащѣ лѣса; но съ каждаго пригорка черезъ верхи деревъ мнѣ опять являлась та же великолѣпная картина въ умаленныхъ размѣрахъ; долго еще подымался на горизонтѣ царственный скипетръ державнаго Кіева, колокольня Печерская; наконецъ и она скрылась, осѣнивъ меня златымъ крестомъ своимъ.

1843.

УСАДЬБА ВЪ КІЕВѢ.

«Не имамы бо пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ» (Евр. XIII, 14).

Помню, преосвященнѣйшій Владыко, что сими словами Апостола Вы мнѣ возразили, когда прошлою осенью, возвратясь изъ Кіева, въ первый разъ я сообщилъ Вамъ о моемъ намѣреніи пріобрѣсти себѣ усадьбу на старомъ Кіевѣ близъ церкви Ангела моего Первозваннаго. И однако, хотя я вполнѣ чувствую всю силу и истину Апостольскаго слова, я уже обрѣлъ себѣ мѣсто стоянія ногамъ моимъ на близкой моему сердцу вершинѣ горы Андреевской. Осудите ли мою настойчивость? Нѣтъ, имѣйте снисхожденіе къ тѣмъ причинамъ, которыя побудили меня искать себѣ успокоенія, если только оно можетъ существовать на землѣ, здѣсь собственно на мѣстѣ, для меня отрадномъ и священномъ. Я это пишу Вамъ въ день торжества Вашей лавры изъ пустыни Межигорской, гдѣ мы также совершали память преподобнаго Сергія, который замѣнилъ Вамъ здѣшнихъ первоначальниковъ Антонія и Ѳеодосія; онъ раздѣлилъ съ ними отечество иноковъ Русскихъ, усвоивъ себѣ весь сѣверъ, какъ имя и благословеніе Печерскихъ преимущественно на югѣ.

Но живописная сія пустыня въ лѣсистомъ ущеліи на крутомъ берегу Днѣпра, созданная самою природою для безмолвія иноческаго, обращена теперь

изъ обители въ фаянсовую фабрику. До такого прозаическаго назначенія низошло сіе поэтическое мѣсто, гдѣ искони процвѣтала обитель!—Она замѣнила Боголюбскую въ Вышгородѣ, Бѣлаго Спаса, отколѣ перенесена была въ первопрестольный соборъ чудотворная икона Богоматери, писанная Евангелистомъ. Соборная благолѣпная церковь, сооруженная знаменитымъ постриженникомъ бывшей обители, Патріархомъ Іоакимомъ, и до нынѣ празднуетъ Преображенію. Но такихъ священныхъ воспоминаній не пощадила властная рука князя Таврическаго, опустошившая въ одно время съ Межигорьемъ на Днѣпрѣ и Святыя горы на Донцѣ. Внезапно выгорѣла обитель и была упразднена по нелюбви князя къ Запорожцамъ, коихъ почитала она своими ктиторами. Слава Богу, что обновились Святыя горы послѣ ихъ семидесятилѣтняго запустѣнія благочестіемъ владѣльцевъ, тезоименитыхъ опустошителю. Но Межигоры еще ждутъ обновленія и едва ли дождутся, потому что съ возвращеніемъ ихъ къ первобытному назначенію сопряжено слишкомъ много матеріальныхъ интересовъ, и со стороны казны, и со стороны частныхъ владѣльцевъ, взявшихъ весьма недавно на аренду сіе богатое фаянсовое заведеніе, хотя и безъ успѣха; ибо, какъ сами они выражаются: «нѣтъ благословенія на этомъ священномъ мѣстѣ для чего либо инаго, кромѣ обители».

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ нынѣшній владѣлецъ Межигорья, Барскій, происходящій отъ того знаменитаго поклонника Палестинскаго, Плаки Григоровича Барскаго, который оставилъ намъ столь любопытныя записки своего многолѣтняго странствія. (Къ сожалѣнію, въ недавнемъ пожарѣ Кіевскомъ

сгорѣли всѣ неизданные еще планы и рисунки его путешествія, долго тлѣвшіе на чердакѣ ветхаго его дома, а нѣкоторыя рукописи розданы были для чтенія, и надобно полагать, что пропали). Барскій далъ мнѣ у себя пріютъ для лѣтняго купанья, и я наслаждаюсь всею тишиною пустыни за 20 верстъ отъ Кіева, въ отжившей обители, не обращая вниманія на то, что теперь въ ней дѣлается позади меня. Взоръ мой обращенъ только на Днѣпръ, надъ которымъ виситъ мой скромный домикъ, построенный на крайней террасѣ монастырской, гдѣ были настоятельскія кельи.

Вправо и влѣво горы поросли лѣсомъ тамъ, гдѣ прежде были фруктовые сады и виноградники. Обитель втѣснилась со всѣми своими зданіями и съ двумя благолѣпными храмами въ живописное удолье, давшее ей названіе Межигорья. Предо мною необозримые луга и пески Заднѣпровья, поросшіе кустарникомъ; вдали синѣютъ лѣса, окаймляющіе весь этотъ необъятный горизонтъ. Широкъ и величественъ Днѣпръ подъ Межигорьемъ, съ одной стороны образуя глубокіе заливы, съ другой огибая крутой мысъ Вышгорода. Днемъ и ночью оживлена сія великолѣпная картина. Вверхъ быстрой рѣки тяжело подымаются или внизъ ея легко несутся на веслахъ и парусахъ разнообразныя барки и тянутся длинные плоты съ лѣсомъ; легкіе челноки рыбаковъ скользятъ по водамъ, пересѣкая путь тяжелыхъ судовъ; иногда дымятся и пароходы, и слышится на нихъ пѣсня. Ночью же, когда все вокругъ замолкнетъ и утихаетъ Днѣпровская жизнь, она еще искрится въ легкихъ огонькахъ, которые загораются во всѣхъ направленіяхъ рѣки на причалившихъ къ берегу плотахъ,

или у рыбаковъ, ожидающихъ ранней зари для своего промысла гдѣ либо на лугу Заднѣпровья.

Вчера я долго любовался, пока изъ за ближняго мыса отъ Вышгорода поднялась багровая луна и потомъ заструился ея серебристый столпъ во всю длину изгибающагося тутъ Днѣпра. Картина, достойная кисти Айвазовскаго! Я сидѣлъ на своей террасѣ и размышлялъ о минувшемъ Межигорья, мечталъ и о его будущемъ: возстановится ли тутъ когда либо обитель? или навсегда ей суждено оставаться тѣмъ, что есть? Не ужели память Боголюбскаго и той святыни, которая отселѣ истекла въ первопрестольный градъ, не подвигнетъ ни чье сердце къ обновленію святаго мѣста, и матеріальныя выгоды или издержки остановятъ благонамѣренныхъ? А какъ бы тутъ можно основать ученое братство для духовнаго просвѣщенія!

Но, увлеченный мечтами, я совершенно отклонился отъ своего предмета, чтобы только объяснить, гдѣ я теперь, и въ какомъ расположеніи духа пишу сіи строки себѣ въ оправданіе. Итакъ, скажу Вамъ, что не въ прошломъ лишь году родилось у меня желаніе водвориться въ Кіевѣ, но болѣе, нежели за 30 лѣтъ предъ симъ, когда, отправляясь на военную службу, впервые посѣтилъ я Кіевъ въ самомъ разгарѣ юнаго воображенія, на которое сильно подѣйствовали и древность и святыня матери городовъ нашихъ. Случилось и необыкновенное обстоятельство. Какъ теперь помню, это было весною 3-го мая, на память преподобнаго Ѳеодосія; мнѣ хотѣлось непремѣнно поспѣть въ лавру къ обѣдни, не смотря на сильную бурю и разливъ Днѣпра. Молодость предпріимчива: не слушая никакихъ совѣтовъ, я довѣрился отвагѣ двухъ рыбаковъ на маломъ челнокѣ, который едва не опро-

кинула буря, такъ что мы должны были причалить къ пустому острову и пережидать погоду; но, не дождавшись, опять пустились по бурнымъ волнамъ, и насъ принесло къ Крещатику. Тутъ, противъ того мѣста, гдѣ крестилъ дѣтей своихъ равноапостольный князь, вышелъ я на берегъ и поспѣшилъ къ памятнику благодарить Господа и Его угодника за свое спасеніе. Тогда еще мелькнула у меня мысль водвориться въ Кіевѣ, который поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ съ противуположнаго берега и, во время бурнаго плаванія, меня будто манила къ себѣ воздушная церковь моего Ангела, Первозваннаго Апостола на своемъ утесѣ, какъ бы на облакахъ.

Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе развивалась во мнѣ мысль о водвореніи въ Кіевѣ всякій разъ, когда я его проѣзжалъ, а это бывало часто въ первые годы военной службы до возвращенія изъ Іерусалима въ 1830 году. И вотъ теперь лишь, чрезъ столько лѣтъ, суждено было исполниться давнему желанію, и мнѣ выпало на жребій мѣсто у самой паперти церкви Апостола. Тринадцать лѣтъ я не былъ въ въ Кіевѣ послѣ перваго Палестинскаго странствія, и, когда я опять посѣтилъ его въ 1843 году, протоіерей Андреевской церкви указывалъ мнѣ съ паперти окрестность, приглашая избрать гдѣ либо мѣсто подлѣ храма для усадьбы. Это было напечатано въ моемъ описаніи Кіева, и многимъ стало извѣстно мое намѣреніе, такъ что Кіевляне изъ числа духовныхъ уже почитали меня своимъ согражданиномъ. Когда я вторично посѣтилъ Востокъ въ 1849 и 1850 году, со мною была неразлучна мысль о храмѣ Первозваннаго; я испросилъ на Святой горѣ, въ скитѣ Пророка Иліи, у Русскаго игумена Паисія,

частицу мощей Апостольскихъ, мизинецъ отъ лѣвой его стопы, стоявшей на горахъ Кіевскихъ въ ту минуту, какъ водружалъ онъ здѣсь первый крестъ, предрекая будущую славу сего мѣста. Во все время моего странствія по святымъ мѣстамъ носилъ я на груди завѣтную сію святыню, чтобы доставить сохранно въ Кіевъ и, принесши, устроилъ для нея малый серебряный ковчегъ, предназначая оный въ храмъ Первозваннаго. Но, по возникшему недоумѣнію, святыня сія удержана была въ лаврѣ въ теченіи восьми лѣтъ покойнымъ Митрополитомъ, и только въ минувшемъ году на праздникъ Апостольскій исполнилъ мое желаніе его преемникъ.—Это еще болѣе привязало меня къ храму Первозваннаго.

Спустя восемь лѣтъ, я посѣтилъ опять Кіевъ въ прошломъ году, на обратномъ пути изъ Крыма, съ тою мыслію, чтобы напослѣдокъ рѣшить: водвориться ли мнѣ въ немъ или нѣтъ? ибо уже сокращаются годы. Пріѣхавъ въ день воскресный, наканунѣ праздника Софійскаго, Рождества Богоматери, я поспѣшилъ къ обѣдни въ соборъ и, входя въ оный во время чтенія Евангелія, помышлялъ самъ въ себѣ: что скажетъ мнѣ слово евангельское?—Утѣшительно было услышать слова сіи: «велія вѣра твоя, буди тебѣ якоже хощеши». День спустя, отслушавъ акаѳистъ Великомученицѣ и литургію въ Михайловской обители, пошелъ я въ храмъ Первозваннаго и, возвращаясь оттолѣ уже утомленнымъ, не намѣревался взойти въ Десятинную церковь, но, увидя растворенныя двери, взошелъ, чтобы поклониться гробу святаго князя. Тамъ совершенно нечаянно встрѣтилъ меня мѣстный священникъ вопросомъ: «почему не исполняю давняго своего желанія посслиться въ

Кіевѣ»? и на мой отвѣтъ: «что всѣ лучшія мѣста уже разобраны», онъ вывелъ меня съ погоста церковнаго въ задніе врата на обнесенный древнимъ валомъ пустырь, о которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ часто ни проѣзжалъ Кіевъ; да и для его старожиловъ мѣсто сіе было совершенно terra incognita, потому что съ главной улицы заграждалъ его погостъ церковный, а отъ Андреевскаго спуска заслоняли безобразныя кузницы, хотя оно въ срединѣ города, недалеко отъ присутственныхъ мѣстъ, и господствуетъ надъ Подоломъ. Лучше нельзя было пріобрѣсти мѣста для городской усадьбы и вмѣстѣ для уединенной виллы, которыя можетъ занять весь обширный холмъ Десятинный. Когда взошелъ я на древній валъ, меня поразила чудная картина, открывшаяся во всѣ стороны, и я подумалъ самъ въ себѣ: «здѣсь или нигдѣ».

«Мѣсто это васъ ожидало», сказалъ мнѣ священникъ, видя мое радостное изумленіе, и дѣйствительно, это такъ было; оно, какъ будто, мнѣ предназначалось, потому что теперь только начали имъ любоваться, когда стало чрезъ меня извѣстно; а до меня никто не обращалъ вниманія на этотъ забытый, хотя и самый живописный участокъ стараго Кіева, до такой степени, что когда за два года предъ симъ мѣсто продавалось съ аукціона за 2600 руб., не явилось покупщиковъ. И какихъ трудовъ стоило мнѣ, въ продолженіи 9 мѣсяцевъ, пріобрѣсти его изъ рукъ владѣльца Анненкова, сына строителя Десятинной церкви, которому принадлежали всѣ лучшія мѣста стараго Кіева; продавая ихъ постепенно, онъ упорно держался за этотъ послѣдній участокъ, и не легко было освободить его отъ лежавшихъ на немъ запре-

щеній; да и самъ владѣлецъ не хотѣлъ продать его никому иному, какъ мнѣ.

Не странно ли и то, что послѣ столькихъ ожиданій я пріобрѣлъ окончательно желаемое мѣсто въ день дванадесяти Апостолъ (30 Іюня), какъ бы въ утѣшительное свидѣтельство, что оба Апостола—и Андрей и Іаковъ, мнѣ присные, приняли меня подъ свое покровительство: (именемъ Первозваннаго запечатлѣнъ я во святомъ крещеніи, Іакову же празднуется въ день моего рожденія). Право, нельзя принимать сего за простой случай. Наканунѣ просилъ я совершить торжественную всенощную, а въ этотъ день была литургія съ молебномъ дванадесяти Апостоламъ въ церкви Первозваннаго, которая совершенно напротивъ обновляемаго мною дома. Въ нижнемъ ея ярусѣ устроена недавно теплая церковь праведныхъ Захаріи и Елисаветы, что будетъ большимъ удобствомъ для зимы. Десятинную же церковь, стоящую на пріобрѣтенномъ мною холмѣ, предположено было обратить въ теплый соборъ для служенія Митрополита, пока не будетъ сооружена великолѣпная церковь Равноапостольнаго на новыхъ мѣстахъ близъ университета. Десятинная празднуетъ Рождеству Богородицы, какъ и св. Софія Кіевская, и въ ней есть два придѣла равноапостольнаго князя, гдѣ его гробница, и Святителя Николая, коего священную базилику стараюсь я теперь возстановить изъ развалинъ въ Мурахъ Ликійскихъ, бывшей его каѳедрѣ. И вотъ онъ также принимаетъ меня подъ свою сѣнь и поможетъ мнѣ основаться здѣсь на старомъ городѣ, гдѣ съ такою любовію призывается его имя.

Въ то самое время, какъ совершалась купчая въ гражданской палатѣ, посѣтили меня два архіерея:

викарій Кіевскій Антоній и Болгарскій Стефанъ, по титлу Лаодикійскій, который пріѣзжалъ со мною прощаться, возвращаясь на свою родину въ Сербію. Преосвященный Антоній предложилъ мнѣ ѣхать взглянуть на пріобрѣтенное мною мѣсто, которое ему никогда не случалось видѣть; того же пожелалъ и Стефанъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, проститься со мною на моей собственной землѣ. Я привелъ ихъ на то мѣсто, гдѣ будетъ у меня усадьба, и просилъ благословить; оба епископа молитвенно осѣнили мѣсто. Не замѣчательно ли такое благословеніе въ самую минуту пріобрѣтенія, и часто ли повторяется такой случай? Когда я возвелъ ихъ на древній валъ временъ Владиміровыхъ, обновленный Минихомъ, объемлющій всю вершину горы, и который будетъ теперь служить виноградникомъ, оба остановились отъ изумленія при видѣ чудной панорамы, внезапно имъ открывшейся.—Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться, въ какую сторону ни обращали свои взоры, и все это обнесено святынею храмовъ и запечатлѣно именами историческими:—весь старый Кіевъ съ одной стороны, и весь Подолъ съ другой, простертый у ногъ Андреевской горы, и широкая Днѣпровская долина. Ближе всего, предъ самыми глазами, храмъ Первозваннаго—это чудное произведеніе зодчества Растрелли—на своемъ отдѣльномъ утесѣ, какъ бы на пьедесталѣ, на который восходятъ пятидесятью ступенями, подобно какъ на Капитолій Римскій; онъ господствуетъ надъ всею окрестностію и, можно сказать, надъ всею Русью, ибо здѣсь былъ водруженъ первый ея крестъ. Не напрасно священное преданіе предполагаетъ здѣсь мѣсто стоянія Апостольскаго: каждый Кіевлянинъ укажетъ вамъ на эту горнюю

каѳедру, отколѣ истекла первая проповѣдь Христіанства на родную землю. Нельзя было изобрѣсти для завѣтнаго утеса ничего свойственнѣе той легкой архитектуры, которая вознесла на немъ изящный храмъ сей:—онъ какъ бы паритъ къ небу стрѣльчатыми своими башнями, и едва касается земли.

Если принять храмъ сей за основную точку для обозрѣнія панорамы Кіевской и постепенно обращаться отъ него къ полудню, то въ тѣсномъ промежуткѣ церквей Первозваннаго и Десятинной (которая стоитъ также на первомъ планѣ картины) откроется нѣсколько въ отдаленіи церковь Трехъ-Святительская, старшая изъ Кіевскихъ, основанная первоначально равноапостольнымъ княземъ въ честь своего Ангела Василія Великаго на холмѣ низверженнаго Перуна. Рядомъ съ нею златоверхая масса Михайловской обители сіяетъ множествомъ своихъ куполовъ; крестовый ея храмъ Святителя Николая отдѣльно стоитъ отъ соборнаго во имя Архистратига, и опять отдѣльно величавая колокольня. Вправо отъ Десятинной проглядываетъ, сквозь зелень садовъ, зданіе присутственныхъ мѣстъ, которое служитъ украшеніемъ старому Кіеву, съ высокою сторожевою башнею, и тутъ же видна убогая деревянная церковь Златоуста, предназначенная на новыя мѣста расширяющагося города. Далѣе, во всей своей красотѣ подымается священная митрополія св. Софіи, матерь церквей всея Руси, златоглавая, широко обнесенная бѣлою оградою и зеленью своихъ садовъ. Величественный столпъ ея колокольни, какъ бы царственный скипетръ, господствуетъ надъ древнимъ городомъ, соперничая съ лаврскою. Шестнадцать златыхъ куполовъ сіяютъ своими вѣнцами вокругъ вы-

сокой соборной главы, какъ бы сонмъ митроносныхъ священнослужителей, благоговѣйно обступившихъ старѣйшаго Святителя предъ Божіимъ престоломъ въ часъ приношенія безкровной жертвы.

Правѣе отъ св. Софіи къ западу начинаются сельскіе уже виды. Предмѣстье Кіевское тянется по горѣ отъ бывшей Львовской заставы къ старой Житомирской дорогѣ, усаженной липами, и дальше за ними разстилаются поля и лѣса. Еще двѣ церкви видны въ нагорномъ предмѣстіи: Срѣтенская, или всѣхъ Скорбящихъ, вновь сооружаемая изъ камня, и Вознесенская надъ ущеліемъ Кожемякъ. Тутъ оканчиваются горные виды югозападной стороны, и вы обращаетесь отъ стараго Кіева къ его подножію на сѣверъ. Нельзя вообразить себѣ ничего живописнѣе тѣхъ ущелій и долинъ, которыя открываются вашему взору. Пять обителей и болѣе двадцати церквей предъ вами, запечатлѣнныя лѣтописными воспоминаніями, какъ и на старомъ Кіевѣ. Зеленое ущеліе Кожемякъ и такъ называемой Глубочицы, достойной своего названія, внизъ по теченію ручья глубоко врѣзалось въ сердце Кіевскихъ горъ, все усѣянное садами и бѣлыми хижинами. Въ одномъ углу ущелія выглядываетъ изъ за горы новая колокольня Воздвиженской церкви. Надъ живописнымъ удольемъ красуется на одномъ изъ отроговъ Андреевской горы златоглавая церковь св. Троицы, обнесенная внизъ по кручѣ оградою. Это недавній отпрыскъ дѣвичьей обители Флоровской, которая смиренно приникла къ самому подножію горы, какъ стая робкихъ голубицъ подъ сѣнь утеса. Рядомъ съ горнею церковію высится въ глазахъ вашихъ еще одна всѣхъ Святыхъ на другой горѣ, отдѣленной глубокимъ оврагомъ; два сіи гребня,

увѣнчанные храмами, раздѣляютъ на двое ту глубокую долину, которая разстилается предъ вами. Кладбище на темени горы, подъ сѣнію всѣхъ Святыхъ, запечатлѣно именемъ Щекавицы въ память одного изъ трехъ братьевъ, баснословныхъ основателей Кіева: Кія, Щека и Хорива. Вдали, по направленію Щекавицы, на лѣсистыхъ высотахъ, объемлющихъ Днѣпровскую долину, виднѣются главы древней обители Кирилловской, нынѣ обращенной въ богадѣльню; тамъ нѣкогда игуменствовалъ св. Димитрій Ростовскій и погребены его родители; у ската отдаленныхъ высотъ еще двѣ церкви крайнихъ предмѣстій Кіевскихъ—Пріорки и Куренёвки и отрадная Киньгрусть, любимое мѣсто прогулокъ для Кіевлянъ, а за нею дремучій боръ, который тянется до Вышгорода.

Если, оставивъ на время отдаленные виды, опустите взоры на Подолъ, лежащій у подножія той горы, на которой стоите, вы подивитесь множеству и благолѣпію храмовъ и обителей, собранныхъ на одномъ тѣсномъ пространствѣ нижняго города; это свидѣтельствуетъ о благочестіи его жителей, которые не хотѣли уступить въ ономъ старому городу. Ближе всѣхъ дѣвичья Флоровская обитель со многими ея церквами, а рядомъ съ нею Петропавловская, бывшая прежде Доминиканскимъ клясторомъ, гдѣ нынѣ семинарія, величавая по своему храму. Около нихъ группа каменныхъ церквей, достойныхъ столицы, коихъ имена утомительно было бы исчислять. Между ними есть двѣ: Святителя Николая Добраго и Притиски, такъ названной отъ того, что обрушившимися камнями притиснутъ былъ хищникъ, который покусился влѣзть въ ея окно. Имя Святителя особенно чествуется въ Кіевѣ, и есть еще третій храмъ

его—Набережный на Подолѣ. Въ центрѣ его, посреди обширной площади, величественно поднимается златоглавая Братская обитель съ высокою колокольнею и благолѣпными зданіями своей академіи, освѣжаемая древними липами, которыя разрослись въ ея завѣтной оградѣ и призывали подъ сѣнь свою въ теченіи многихъ лѣтъ все, что̀ только было славнаго и мудраго въ духовномъ мірѣ южной Руси. Братская обитель господствуетъ здѣсь надо всѣмъ, и видно, что къ ней, какъ жизненной сердцевинѣ, обращены всѣ пути города; ибо она послужила ему и всей Руси твердою оградою Православія противъ лести Уніатской и сохранила единство его съ Востокомъ и, какъ бы во свидѣтельство сего единства, подъ сѣнью Братской обители смиренно приникло Синайское подворье св. Екатерины. Около Братскаго монастыря сосредоточились и всѣ лучшія зданія Подола, его биржа и зала собраній. Далѣе опять раскинулись церкви по направленію набережной, которая украшается новыми зданіями и обставлена судами и пароходами, ибо тутъ вся торговая жизнь Кіева.

Теперь отъ всего шума и суеты житейской, которая кипитъ у вашихъ ногъ, дайте опять отдохнуть вашему взору на отрадномъ привольѣ Днѣпровской долины, на зеленыхъ лугахъ, которые такъ роскошно растилаются къ Вышгороду въ объемѣ лѣсистыхъ горъ. Еще струится по симъ лугамъ лѣтописная Почайна, кое-гдѣ образуя малыя заводья; сюда и доселѣ приходятъ купаться жители города, для коихъ нѣкогда послужила она спасительною купелью. Что ни шагъ, то воспоминаніе! и вотъ, на самомъ краю заповѣдныхъ луговъ и дальняго небосклона—Вышгородъ, село Ольги, на одинокой горѣ своей, древній

оплотъ великокняжескій, увѣнчанный церковію нынѣ, весьма убогою, но гдѣ нѣкогда стояла богатая обитель св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и почивали ихъ нетлѣнныя тѣлеса, утаенныя опять въ нѣдра земныя, когда возшумѣла надъ Русью буря Монгольская.

Но лучшее украшеніе для этой чудной картины— самый Днѣпръ, величаво стремящійся со всѣми своими протоками по необъятной равнинѣ Черниговской, гдѣ только что поглотилъ онъ широкую Десну въ свою бурную пучину. Это непрестанное движеніе водъ, сверкающихъ лучами солнца по всему простору привольныхъ луговъ, придаетъ необычайную жизнь всей картинѣ, которую одушевляетъ собою могучій странникъ, старецъ Днѣпръ, одинъ лишь идущій синими своими валами, когда все вокругъ него неподвижно. Съ той выспренней точки, на которой вы стоите, взоръ вашъ забѣгаетъ далеко, далеко, какъ бы за синеву моря, къ самой окраинѣ небосклона, окаймленнаго темною полосою лѣсовъ, и вы будто парите полетомъ орлинымъ въ этомъ воздушномъ пространствѣ, гдѣ рѣютъ однѣ лишь быстрыя птицы; а между тѣмъ вы у себя, только за шагъ отъ своего жилища, не гдѣ либо въ отдаленной пустынѣ или на высяхъ горныхъ. Взирая на сію очаровательную панораму, дѣлается понятнымъ, почему собственно это мѣсто избрали древніе князья наши для Акрополиса или Дѣтинца и тутъ поставили свои терема и первоначальные храмы.

Не подумайте, чтобы я увлекался пристрастіемъ собственности. Когда пригласилъ я Митрополита посѣтить мою будущую усадьбу, и взошелъ онъ на древній валъ, гдѣ нѣкогда стояла угольная башня,—

точно также паразила взоръ его необычайная красота мѣстности. Живописное ущеліе Глубочицы съ отрогами выдающихся вершинъ и Днѣпровская долина напомнила ему виды Кахетіи и горный Сигнахъ, ея столицу, надъ лѣсистыми ущеліями Алазанской долины,—Сигнахъ, гдѣ покоится въ древней своей церкви просвѣтительница Грузіи св. Нина. И здѣсь, за нѣсколько шаговъ отъ стараго вала, почіютъ въ Десятинной церкви равноапостольные просвѣтители наши Владиміръ и Ольга.

Вы скажете, быть можетъ, что слишкомъ дорого было заплатить семь тысячъ за одну пустую землю съ полуразвалившимся домомъ, гдѣ еще много надобно тратить на постройку. Но есть ли цѣна Римскому Форуму, или нашему родному Кремлю, если бы кто хотѣлъ пріобрѣсти себѣ его участокъ?—А эта вершина горы Андреевской для меня священнѣе Форума, хотя въ нынѣшнемъ ея положеніи приличествуетъ ей новѣйшее Итальянское названіе древняго Римскаго торжища *Campo Vaccino* (поле коровье); теперь это любимое пастбище для сосѣдняго стада, и во всякое время дня вы увидите на вершинѣ стараго вала пасущихся лошадей или коровъ. Онѣ доселѣ были единственными посѣтителями пустыннаго мѣста, гдѣ предполагаю теперь посадить виноградъ и оплотомъ оградить его, по слову евангельской притчи, хотя и не смѣю назвать себя человѣкомъ домовитымъ. Повѣрьте, что я бы не рѣшился взять себѣ подъ усадьбу никакого инаго мѣста во всемъ Кіевѣ, гдѣ ихъ раздаютъ даромъ, лишь бы строились.

Можетъ ли быть что либо утѣшительнѣе той мысли, что на этомъ холмѣ стоялъ домъ первыхъ

двухъ мучениковъ Варяжскихъ: Ѳеодора и Іоанна, гдѣ теперь Десятинная церковь; что сюда же перенесена была съ Оскольдовой могилы и святая Ольга и безъ сомнѣнія доселѣ покоится въ древнихъ основаніяхъ храма, и что тутъ же въ святилищѣ гробъ равноапостольнаго князя? Хотя и взята была честная его глава въ лавру Кіевскую, но сохранилась подъ спудомъ часть его мощей. Тутъ же погребены были и греческая Царевна Анна, и внукъ его первый Изяславъ, и правнукъ Ростиславъ. Мѣсто, мнѣ принадлежащее, вѣроятно, было занимаемо до сооруженія митрополіи Софійской усадьбами клириковъ Десятинной церкви и самихъ Святителей, такъ какъ это былъ соборный храмъ при началѣ нашего просвѣщенія близъ княжескихъ теремовъ. Тутъ надобно искать и остатки монастыря Отча, откуда извлекла разъяренная чернь страстотерпца князя Игоря. И такъ это мѣсто ознаменовано было мученичествомъ не только первыхъ Варяговъ, но и схимника князя. Сколько разъ молились тутъ и два страстотерпца— князья Борисъ и Глѣбъ! Все это совершилось на Десятинномъ холмѣ, коего большую часть я имѣлъ особенное счастіе пріобрѣсти. Вся сія священная мѣстность усѣяна костьми и облита драгоцѣнною кровію, ибо тутъ кипѣлъ самый жестокій бой во время страшной осады Монгольской; самые врата, которыми здѣсь ворвались варвары, прослыли Батыевыми.

Въ Десятинной церкви заперлись послѣдніе, отчаянные защитники древняго Кіева, оставленнаго своими князьями, и тутъ пали тысячами, задыхаясь отъ дыма подъ мечами одолѣвающей Орды. Дѣтинецъ еще держался, какъ послѣдній оплотъ съ сво-

имъ соборомъ, когда уже св. Софія была въ рукахъ варваровъ; потому и обрушилось все ихъ неистовство на Десятинную, и она разрушена была до основанія, между тѣмъ какъ св. Софія уцѣлѣла по куполы. Можно ли какими либо деньгами заплатить за всѣ сіи воспоминанія, за этотъ лѣтописный участокъ *града гробовъ нашихъ отцевъ*, по трогательному выраженію Нееміи, когда въ часъ веселаго пиршества плакалъ онъ, подавая чашу Царю Ассирійскому, и просилъ отпустить его въ Іерусалимъ! Нѣтъ, я не могу довольно возблагодарить Бога за то, что сподобилъ меня пріобрѣсти такой священный участокъ родной земли посреди матери нашихъ градовъ, чтобы мнѣ тутъ успокоиться на преклонные годы и даже обрѣсти себѣ послѣднее пристанище въ ея нѣдрахъ, въ оградѣ Десятинной церкви.

Но и самый этотъ участокъ, хотя и пріобрѣтенный мною чрезъ куплю, не могу однако я иначе почитать, какъ за Высочайше пожалованную мнѣ землю, и тѣмъ она мнѣ драгоцѣннѣе, какъ Царскій даръ. Государю благоугодно было пожаловать мнѣ 5000 р. на покупку избраннаго мною мѣста; остальную же сумму, какъ вамъ извѣстно, дополнилъ добрый старецъ, недавно усопшій, который унесъ съ собою въ могилу, при незабвенной памяти его благодѣяній, усвоенное ему издавна имя: *послѣдняго боярина Русскаго*. Съ какою отеческою любовію принялъ онъ участіе въ моемъ дѣлѣ, за мѣсяцъ до своей кончины, и уже почти на одрѣ смертномъ трогательно писалъ ко мнѣ, прося какъ бы себѣ въ одолженіе: «въ знакъ давнишней нашей дружбы не отказать принять отъ него недостающія деньги для осуществленія моего предположенія, ибо въ его болѣзненномъ положеніи

для него будетъ сердечнымъ утѣшеніемъ знать, что еще при жизни своей онъ могъ содѣйствовать къ успокоенію моей будущности». И хотя смиренный старецъ убѣдительно просилъ, чтобы это обстоятельство совершенно осталось между нами, но чувство благодарности заставляетъ меня на сей разъ ослушаться его скромности; ибо часто подобные завѣты, внушаемые крайнимъ смиреніемъ благочестивыхъ людей, не были исполняемы послѣ ихъ кончины. Славу Богу, что я еще успѣлъ пріѣхать въ Москву съ нимъ проститься и принять отъ него послѣднее благословеніе,—родительскія складни съ иконою Утоленія печали, и, что весьма замѣчательно,—въ самый день празднованія сей Богородичной иконѣ. Здѣсь, въ пустынной церкви Межигорской, я совершилъ по немъ память въ день его любимаго праздника Влахернской Божіей Матери, который я всегда имѣлъ обычай встрѣчать у него въ подмосковной. Итакъ Вы изволите видѣть, что первоначальное основаніе моему водворенію въ Кіевѣ положено не мною самимъ, а есть даръ свыше, и только теперь собственно начнутся мои расходы на устроеніе моего жительства и для разведенія сада, по мѣрѣ силъ; отрадно и то, что здѣсь будетъ у меня не столько городская усадьба, сколько вилла посреди города.

Вотъ еще замѣчательный для меня случай, оправдывающій Русскую пословицу: «кинь хлѣбъ-соль назадъ, будетъ впереди». Знаете ли кто мнѣ здѣсь помощникомъ? Діаконъ Андреевской церкви, котораго я призрѣлъ въ Петербургѣ на Вашемъ подворьѣ; я выхлопоталъ ему дозволеніе отъ Митрополита Григорія и отъ Васъ сбирать въ обѣихъ столицахъ на церковь Первозваннаго, величественную по зодчеству,

но весьма убогую по средствамъ, хотя съ нею связано столь высокое воспоминаніе. По счастію этотъ діаконъ весьма опытенъ въ постройкахъ и печется о моей усадьбѣ, какъ бы о собственной, да и весь клиръ Андреевскій желаетъ скорѣйшаго обновленія развалинъ предъ ихъ храмомъ. Видите ли, какъ мнѣ все здѣсь благопріятствуетъ, и не указываетъ ли это на особенный Промыслъ Божій для моего водворенія въ Кіевѣ? Нельзя же не имѣть себѣ подъ старость хотя малаго уголка, гдѣ можно бы было успокоиться безъ опасенія быть изгоняемымъ, какъ изъ наемныхъ домовъ. Вы знаете, что я провелъ четыре лѣта въ Останкинѣ и надѣялся всегда находить себѣ лѣтній пріютъ въ этой прелестной подмосковной на пути въ лавру; но и съ сею мечтою пришлось разстаться.

Слыхалъ я также мнѣніе многихъ изъ моихъ присныхъ: можно ли, не на половинѣ жизненной дороги, какъ начинаетъ Дантъ свою великолѣпную поэму:

Nel mezzo del cammin di nostra vita,

но уже на скатѣ горы рѣшаться оставить всѣ свои связи и, бросивъ тотъ кругъ, въ которомъ всегда обращался, переселиться, какъ бы на чужбину, въ далекій край, полурусскій по обществу, гдѣ невольно почувствуешь свое одиночество? — Это отчасти справедливо, но я переселяюсь въ Кіевъ изъ шумной столицы не для общества, хотя и здѣсь можно найти его, разумѣется, гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, между свѣтскими и духовными. Меня привлекаютъ сюда святыня, воспоминанія старины, красота природы и климатъ; прибавьте къ этому и пріятное чувство собственности: каждое дерево, мною посаженное у себя въ саду, будетъ уже для

меня дорого. Но прочны ли и тѣ связи, которыя начинаются съ юношескихъ лѣтъ и старѣются вмѣстѣ съ нами? Не сохраняются ли онѣ болѣе въ одномъ воспоминаніи, когда буря житейская разсѣетъ давнихъ друзей по дальнимъ краямъ безпредѣльной Россіи, а обстоятельства служебныя и узы семейныя по неволѣ разрознятъ самыхъ короткихъ пріятелей? Къ тому же я не все вдругъ брошу, ибо меня никто не гонитъ, но постепенно буду водворяться въ Кіевѣ по мѣрѣ устройства своей усадьбы: только надобно это сдѣлать во время, еще при силахъ.

Никогда не забуду замѣчательныхъ словъ почтеннаго старца, Канцлера, князя Александра Николаевича Голицына въ минуту нашего прощанья, когда онъ уже въ глубокой старости переселялся въ Крымъ: «Если вы когда либо вздумаете также разстаться съ столицею, чтобы гдѣ либо успокоиться, сдѣлайте это пораньше, пока вы еще въ силахъ, и не слѣдуйте моему примѣру. Подумайте, каково для меня прощаться за живо съ каждымъ уже на вѣки, ибо всѣ подходятъ ко мнѣ, какъ къ лежащему на столѣ покойнику, зная, что никогда болѣе со мною не увидятся; подумайте, каково такое чувство для меня!» Дѣйствительно, прощанье сіе разстроило князя до такой степени, что зрѣніе его совершенно ослабѣло. Памятуя сіи слова, и я начинаю заблаговременно устроять себѣ тихое пристанище въ Кіевѣ, гдѣ надѣюсь, что не разстроитъ его какая либо житейская буря; дѣйствую постепенно, чтобы не вдругъ разстаться со всѣмъ тѣмъ, что было близкимъ моему сердцу въ обѣихъ столицахъ. Вотъ, преосвященнѣйшій Владыко, мое оправданіе предъ Вами. Политическаго поприща, какъ Вамъ извѣстно, я никогда не искалъ, а духовно-

литературное могу продолжать и здѣсь, если Богъ поможетъ, и когда совсѣмъ устроюсь, быть можетъ, предприму исторію Патріарха Никона, для которой давно собираю матеріалы. И такъ прошу святыхъ молитвъ Вашихъ и благословенія на созидаемое мною жилище въ Кіевѣ, подъ сѣнію Ангела моего Первозваннаго и равноапостольнаго князя Владиміра и преподобныхъ Печерскихъ, чтобы и сюда распространилось на меня изъ великой Вашей Лавры благословеніе преподобнаго Сергія и Святителей Московскихъ, бывшихъ вмѣстѣ и Кіевскими.

Такъ пространно письмо мое, что, начавъ писать его въ день Вашего лаврскаго праздника, оканчиваю послѣ дня памяти равноапостольнаго князя. Въ теченіи сего времени здѣшняя Лавра торжествовала память своего первоначальника Антонія, и я имѣлъ утѣшеніе молиться въ его пещерѣ во время всенощной и литургіи. Умилительно было каждое слово церковныхъ пѣсней о жительствѣ его въ пещерѣ; слова сіи отражались и въ своды той подземной кельи, гдѣ онъ обиталъ, и въ сердцѣ молящагося внутри пещеры. За праздникомъ преподобнаго Печерскаго послѣдовали въ Десятинной церкви три, уже присныхъ мнѣ по близости моего жилища: св. Ольги, мучениковъ Варяжскихъ на другой день, и Равноапостольнаго Владиміра. Свѣтло праздновали Ольгу и Владиміра въ храмѣ, гдѣ они почиваютъ, хотя и подъ спудомъ, на высотѣ матери градовъ богоспасаемаго Кіева, и я пожелалъ въ день святаго Владиміра положить основаніе моему скромному дому у подножія его храма. Случилось вовсе для меня неожиданно, что на молебнѣ для освященія мѣста и дома участвовали приглашенные на праздникъ

представители древнѣйшей святыни Кіевской съ мѣстнымъ іереемъ Десятинной: намѣстникъ Михайловской обители, протоіерей отъ трехъ Святителей, самой первой церкви, сооруженной на Перуновомъ требищѣ—и благочинный отъ Андрея Первозваннаго. Послѣ ранней обѣдни въ придѣлѣ св. Владиміра, отъ самаго его гроба мы пошли крестнымъ ходомъ чрезъ мою землю во всю ея длину на то мѣсто, гдѣ обновляется для меня домъ въ удоліи между двухъ церквей: Первозваннаго и Десятинной, и тутъ совершились водосвятіе и закладка. Священнослужители были во Владимірскихъ ризахъ съ орденскими на нихъ крестами, что̀ было весьма благолѣпно; мы несли три иконы трехъ-придѣльнаго Десятиннаго храма, и такимъ образомъ Святитель Мѵръ-Ликійскій присутствовалъ при благословеніи моего новаго жительства древнимъ своимъ ликомъ. Я молился ему, чтобы устроилъ оное здѣсь, какъ я стараюсь возстановить созданную имъ митрополію Сіонъ въ бывшей его каѳедрѣ. Не слишкомъ ли дерзновенна такая молитва?—Мнѣ кажется однако, что если молишься съ теплою вѣрою въ простотѣ сердца, обращаясь къ человѣку Божію, какъ бы къ присному намъ по вѣрѣ и любви, то и такая молитва доступна, хотя и отъ недостойныхъ устъ.

Межигорье.
5 Іюля 1859 года.

II.

СИМВОЛИКА СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Вамъ угодно было поручить мнѣ, при моемъ отъѣздѣ въ Кіевъ, составить для В. С. объясненіе символики Софійскаго собора, разумѣя только мозаику и древнія фрески временъ Ярославовыхъ, ибо новѣйшія не заключаютъ въ себѣ особаго символическаго смысла. Хотя довольно трудно послѣ обновленія собора отличить старое отъ новаго, и много древнихъ фрескъ перемѣшано съ новѣйшими чрезъ произвольное наименованіе неизвѣстныхъ ликовъ: однако я постараюсь, сколько могу, изложить предъ Вами мои мысли по сему предмету, которыя не смѣю выдавать за что либо положительное. Скажу вообще, какое впечатлѣніе производитъ на сердце мое древній чудный соборъ сей по сравненію съ Цареградскимъ, который также я имѣлъ случай видѣть.

Отрадно молиться въ родномъ святилищѣ Кіева; утѣшительно думать, что оно есть единственное на Руси, въ которомъ отъ самаго начала нашего Христіанства молилось все, что только было святаго и великаго въ отечествѣ нашемъ, начиная отъ Святителей и князей. Чудотворцы Московскіе: Петръ, Алексій, Іона, Ѳеогностъ, Кипріанъ и Фотій совершали священнодѣйствіе въ Софійскомъ соборѣ Кіевскомъ, коего стѣны уцѣлѣли и послѣ запустѣнія Татарскаго, тогда какъ Успенскій соборъ первопрестольной столицы, куда перенесена была первосвятительская каѳедра, и гдѣ донынѣ почіютъ нетлѣнно мощи Святителей, сооруженъ былъ вновь уже послѣ

ихъ блаженнаго преставленія. Если только вспомнить, что подъ сими священными сводами, устоявшими противъ бури временъ, почіютъ великій основатель собора Ярославъ и величайшій изъ его преемниковъ Мономахъ, и что несокрушимый храмъ сей былъ свидѣтелемъ славнѣйшихъ событій земли Русской до Монгольской эпохи, то невольный восторгъ овладѣваетъ сердцемъ при первомъ шагѣ внутрь завѣтнаго святилища, которое напоминаетъ намъ начало нашего просвѣщенія въ Царьградѣ.

Если однако говорить безпристрастно, то, кромѣ имени и значенія первенствующей каѳедры, нѣтъ никакого сходства между Кіевскою и Цареградскою Софіею: до такой степени онѣ разнствуютъ по своимъ размѣрамъ, по внутреннему расположенію и по самому зодчеству; стоитъ только взглянуть на ихъ размѣры, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.—Наша митрополія слишкомъ мала въ сравненіи съ Византійскою патріархіею и такъ мало носитъ на себѣ ея отпечатокъ, что нельзя даже уподоблять одну другой. Но, не смотря на такое несходство, онѣ невольно роднятся въ нашемъ воображеніи, ибо св. Софія стояла у насъ во главѣ Церкви всея Руси, какъ и Софія Царьграда во главѣ вселенской, и намъ утѣшительно думать, что Церковь восточная отразилась, какъ бы въ чистомъ зерцалѣ, въ матери церквей нашихъ. Вотъ почему такъ близко нашему сердцу имя св. Софіи, которое встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ городахъ Русскихъ; мы привыкли съ дѣтства при этомъ родственномъ названіи соборныхъ храмовъ нашихъ искать въ нихъ и самый образъ того первобытнаго святилища, изъ коего пролилась благодатнымъ потокомъ на всю Россію вѣра Христова.

Св. Софія имѣетъ для насъ тоже значеніе, какое имѣетъ для Грузіи св. Сіонъ, ибо тамъ Сіонами преимущественно назывались соборные храмы, по воспоминанію матери всѣхъ церквей Сіона, какъ писано въ псалмахъ: «мати Сіонъ, глаголетъ человѣкъ».

Такъ какъ архитектура церковная значительно измѣнилась на Востокѣ въ теченіи пяти вѣковъ, отъ основанія Цареградской Софіи въ VI столѣтіи до построенія Кіевской въ XI, то должно предполагать, что образцемъ для нея послужила еще какая либо изъ позднѣйшихъ церквей Греческой столицы, менѣе огромная по своимъ размѣрамъ, хотя и усвоилось ей имя древней патріархіи. Чрезвычайную между ними разность составляетъ уже самый куполъ, который, какъ обширный щитъ, осѣняетъ всю середину квадратнаго зданія Софіи Цареградской, тогда какъ въ Кіевской главный куполъ тѣсенъ и возвышенъ, а четыре малыхъ по сторонамъ его даютъ новому храму позднѣйшій видъ Византійскихъ пятиглавыхъ соборовъ. Устройство верхнихъ галлерей, необходимыхъ въ древности для помѣщенія женщинъ, имѣло бы довольно сходства съ образцемъ; но въ Кіевѣ хоры сіи выступаютъ крестообразно внутрь храма, тогда какъ въ Царьградѣ онѣ образуютъ правильный четыреугольникъ. Одно только углубленіе горняго мѣста совершенно сходно въ обоихъ храмахъ; но весь алтарь Кіевскій стѣсненъ между двумя первыми столбами, поддерживающими куполъ, тогда какъ въ Византійской Софіи алтарь широко выдавался впередъ, ибо тамъ четыре основныхъ столба, осѣняемыхъ куполомъ, стоятъ посреди храма.

*

Иконостасъ въ Цареградскомъ соборѣ состоялъ изъ двѣнадцати серебряныхъ столбовъ съ богатыми завѣсами, которыя закрывали святилище отъ взора мірянъ. Въ Кіевскомъ соборѣ едвали можно предполагать подобное устройство иконостаса, ибо въ IX вѣкѣ ихъ стали значительно возвышать, вслѣдствіе гоненій иконоборства: сперва иконоборцы стали приподымать иконы для недопущенія къ нимъ людей благоговѣйныхъ, а потомъ и сами православные, возстановивъ первый рядъ мѣстныхъ, чествуемыхъ ими иконъ, пожелали сохранить и верхніе ярусы, къ которымъ уже привыкли взоры. Со временемъ имъ усвоилось символическое значеніе трехъ различныхъ періодовъ Церкви: патріархальной до закона, ветхозавѣтной и благодатной Новаго Завѣта. Но во всякомъ случаѣ, если иконостасъ Кіевской Софіи и не состоялъ первоначально изъ однихъ колоннъ и завѣсъ, по образцу Византійскому, съ разставленными по столбамъ иконами: то, безъ сомнѣнія, былъ гораздо ниже для того, чтобы не закрывать великолѣпныхъ мозаикъ надъ горнимъ мѣстомъ и на боковыхъ аркахъ, такъ какъ изображенія сіи замѣняли нынѣшніе образа иконостаса.

Есть еще одна особенность св. Софіи Византійской въ сравненіи съ Кіевскою: въ Византійской былъ одинъ престолъ для цѣлаго собора, вѣроятно, по строгой мысли о единствѣ и неповторяемости литургіи въ одномъ и томъ же храмѣ, какъ и доселѣ она не повторяется на одномъ престолѣ во всей восточной церкви, тогда какъ это единство божественной службы утрачено на Западѣ. Только на хорахъ въ самой ихъ оконечности, какъ бы внѣ собора, въ югозападномъ его углу, отдѣленномъ стѣ-

ною отъ верхней галлереи, существовалъ малый придѣлъ для пріобщенія женщинъ, не имѣвшихъ обычая входить въ самый храмъ, и, безъ сомнѣнія, придѣлъ этотъ былъ устроенъ уже въ позднѣйшія времена для царственныхъ особъ. Напротивъ того въ Кіевѣ, кромѣ главнаго престола, существовали еще со времени основанія храма два придѣла на ряду съ соборнымъ алтаремъ, отъ котораго отдѣлялись они жертвенникомъ и діакономъ. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ великомученику Георгію, ангелу Великаго Князя, ктитора Софійскаго, а другой Архистратигу Михаилу, какъ начальнику небесныхъ Силъ и особенному покровителю Кіева, въ ознаменованіе чего изображеніе его находится и въ гербѣ города. Были, вѣроятно, и другіе придѣлы на сѣняхъ (во имя Первозваннаго Апостола и Святителя Николая), хотя и не въ такомъ множествѣ, какъ нынѣ, ибо ихъ считаютъ до семнадцати. Въ Цареградской Софіи устроены были съ западной стороны два притвора для оглашенныхъ и кающихся; въ Кіевской же отъ самаго начала не существовало сихъ притворовъ; потому, быть можетъ, что уже не столь строго выполнялись каноническія правила относительно кающихся и менѣе было оглашаемыхъ. Но кругомъ всего собора съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной, доселѣ сохранились крытыя галлереи между столбовъ, гдѣ, вѣроятно, совершались крестные ходы, какъ это и доселѣ постоянно бываетъ въ Іерусалимѣ. Въ позднѣйшее время пристроены Митрополитомъ Петромъ Могилою, обновителемъ храма Софійскаго, еще два притвора съ сѣверной и южной стороны, уже для прочности обветшавшихъ стѣнъ, и въ сихъ притворахъ внизу и наверху устроены также престолы.

Если Вамъ угодно обнять однимъ взглядомъ всю внутреннюю красоту родной нашей Софіи и разгадать всю ея символику, взойдите на западные хоры и оттуда погрузите взоръ вашъ во глубину храма до самой окраины горняго мѣста:—тогда еще болѣе пожалѣете о высотѣ иконостаса, несоотвѣтствующей нынѣ первоначальному его устройству, хотя онъ и былъ пониженъ на одинъ ярусъ при обновленіи собора, но все еще закрываетъ отчасти мозаики. Полюбуйтесь оттуда крестообразною формою церкви, очертанною съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной, двойными и тройными арками въ два яруса съ остатками мраморныхъ колоннъ. Углубите взоры и мысли внутрь святилища, горнее мѣсто котораго служитъ какъ бы кормою церковнаго корабля сего, и Вы будете поражены величіемъ восточной нерушимой его стѣны, еще украшенной древними мозаиками; Вы подивитесь устройству тройныхъ аркъ, углубляющихся одна за другою надъ горнимъ мѣстомъ; онѣ образуютъ какъ бы мозаическія рамы, которыя окаймляютъ колоссальную икону Матери Божіей въ самомъ углубленіи алтарнаго полусвода. Все это въ высшей степени изящно и премудро расположено; по истинѣ здѣсь «Премудрость создала Себѣ домъ», по выраженію Книги Притчей. Теперь вникнемъ въ таинственный смыслъ самихъ мозаиковъ и фресковъ, исполненныхъ глубокой символики, при всей строгости священныхъ преданій.

Что̀ прежде всего представляется Вашему взору изъ-подъ вѣнца главнаго купола, наполненнаго ангельскими ликами?—Это мозаическій образъ Господа Эммануила въ самомъ ключѣ основной арки надъ иконостасомъ. Эммануилъ, т. е. *съ нами Богъ,* озна-

чаетъ снисхожденіе къ намъ Сына Божія въ образѣ сына человѣческаго. Въ обоихъ углахъ сей восточной арки Вы еще видите остатки мозаики, изображавшей двухъ евангелистовъ: Іоанна и Матѳея, которые возвѣщаютъ, одинъ небесное, а другой земное происхожденіе Эммануила, и въ ихъ раскрытыхъ книгахъ начало ихъ благовѣстія. Одинъ пишетъ: «*въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу*»; а другой «*книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля*». На противоположной аркѣ два другихъ евангелиста, изъ коихъ Маркъ совершенно сохранился мозаикой. Въ Цареградской Софіи шестокрылатые серафимы замѣняютъ евангелистовъ, но и сіе не безъ высокаго значенія: пророкъ Іезекіиль созерцалъ во дни плѣненія таинственные образы животныхъ шестокрылатыхъ, многоочитыхъ, съ четырьмя лицами, орла, тельца, льва и человѣка, которые даны символами евангелистамъ. Онъ видѣлъ ихъ на пламенныхъ колесахъ, возвышающихся отъ земли и идущихъ во всѣ страны, куда были обращены ихъ лики, что знаменовало вселенскую проповѣдь, и потому, быть можетъ, символическіе серафимы замѣнили евангелистовъ въ Цареградскомъ храмѣ Премудрости Божіей.

Далѣе внутрь алтаря на второй аркѣ, образующей полусводъ горняго мѣста, подъ самымъ ликомъ Эммануила Вы видите другую икону мозаическую Спасителя, называемую *Деисусъ*, съ двумя предстоящими: Богоматерью и Предтечею; всѣ три лика въ трехъ кругахъ. Это уже болѣе присное человѣчеству изображеніе Господа славы, не только какъ Эммануила, съ нами сущаго Бога, но и окруженнаго род-

ственными ему ликами Божіей Матери и великаго Предтечи, въ наклонномъ предъ нимъ молитвенномъ положеніи, что̀ выражается самымъ названіемъ Деисуса отъ Греческаго слова δέησις молитва. Тутъ уже небесная слава Эммануила представляется доступною намъ, за коихъ пострадалъ Онъ, во всемъ уподобившись братіи своей, по словамъ Апостола: *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 17, 18.). Подъ сею второю аркою, въ полусводѣ горняго мѣста, представляется взорамъ сама Предстательница рода Христіанскаго. Она стоитъ на твердомъ камени заповѣдей Господнихъ съ воздѣтыми къ Нему руками, осѣняя міръ Своимъ покровомъ, на коемъ сіяютъ три звѣзды.

Почему же сей образъ Богоматери, отовсюду видимый по самой своей колоссальности, господствуетъ надъ всѣми прочими, тогда какъ названіе св. Софіи относится не къ Матери Божіей, а къ самому Господу Іисусу, воплощенному Слову и Премудрости Божіей? Потому, что здѣсь хотѣли соорудить домъ Премудрости Божіей, а Матерь Божія послужила симъ домомъ, въ который вселилось Слово. Она была, по выраженію церковному, «освященнымъ градомъ Божіимъ и селеніемъ Вышняго» и оттого къ ней относится здѣсь Греческая надпись вокругъ арки горняго мѣста: «Богъ посредѣ Ея и не подвижится, поможетъ Ей Богъ утро за утра» (псаломъ 45). Въ Цареградскомъ храмѣ Матерь Божія представлена съ предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ, и съ двумя архангелами по сторонамъ, какъ Матерь воплотившагося Слова и Премудрости Божіей; здѣсь же держались одного лишь таинственнаго *дома* Премудрости, выражаемаго чрезъ лице Пресвятой Дѣвы,

и храмовымъ праздникомъ служитъ рождество Ея, т. е. самое созиданіе на землѣ дома Божія, тогда какъ въ Новгородской Софіи празднуется Ея Успеніе. т. е. преложеніе земной сей храмины въ небесную. Вѣроятно, такъ было въ Царьградѣ, если только не совершалась тамъ, по древнему обычаю, одна лишь память обновленія вмѣсто храмоваго праздника, какъ мы это видимъ въ Іерусалимѣ въ храмѣ Воскресенія. Есть преданіе въ Кіевѣ, что и Десятинная церковь, нынѣ празднующая также Рождество Богоматери, праздновала первоначально Ея Собору на другой день Рождества Христова, такъ какъ существуетъ обычай въ православной Церкви совершать на другой день главнаго праздника память виновника сего торжества: такъ напримѣръ Святому Духу собственно празднуется на другой день Его сошествія на апостоловъ въ пятидесятницу, и Предтечи на другой день Богоявленія, и Архангелу послѣ Благовѣщенія.

Замѣчательны символическія изображенія иконы Премудрости въ Кіевѣ и Новгородѣ, но едва ли не древнѣе Новгородская; ибо тамъ никогда не прекращалось богослуженіе въ храмѣ со времени его созданія, тогда какъ Кіевскій соборъ оставался многіе годы въ совершенномъ запустѣніи, и въ это время утрачена была древняя подлинная икона; она замѣнена новѣйшею болѣе въ духѣ богословскомъ, нежели символическомъ. Матерь Божія съ Божественнымъ младенцемъ на рукахъ представлена въ храмѣ на семи ступеняхъ, изъ коихъ каждая выражаетъ какую либо богословскую добродѣтель: вѣру, надежду, любовь и проч.; Она въ лучахъ солнца и стоитъ на лунѣ. По сторонамъ Ея на ступеняхъ стоятъ съ

правой стороны четыре великихъ пророка: Исаія, Іеремія, Іезекіиль съ храмомъ въ рукахъ и Даніилъ, а съ лѣвой: Моисей со скрижалями, Ааронъ съ жезломъ разцвѣтшимъ и Давидъ Богоотецъ съ псалтирью; надъ семью столбами храма сіяетъ ликъ Господа Саваоѳа съ семью архангелами, и надпись Греческая: «*Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь*». И такъ здѣсь названіе св. Софіи относится какъ бы прямо къ лицу Богоматери, хотя и есть знаменіе Божественнаго младенца на лонѣ Ея. Въ Новгородѣ, напротивъ, символика гораздо болѣе соотвѣтствуетъ Византійскому типу, и самый смыслъ ея изобличаетъ подлинникъ. Самъ Господь, Слово и Премудрость Отчая, по слову Пророка Исаіи, представленъ въ образѣ *Ангела великаго совѣта*, возсѣдающимъ на престолѣ, который утвержденъ на семи столпахъ и на камнѣ; а для того, чтобы не усомнились, что это дѣйствительно самъ Господь ангеловъ, а не ангелъ, то надъ главою Сѣдящаго видѣнъ малый ликъ Эммануила, и еще выше евангеліе, раскрытое на алтарѣ, какъ истое слово Божіе, предъ коимъ преклоняются ангелы. У Исаіи сказано (гл. 9, 6.): *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, и нарицается имя Его: велика Совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка.* Посему и олицетворена такимъ образомъ Премудрость, а по сторонамъ Ея стоятъ послужившіе ей ближайшими на землѣ орудіями: Матерь Божія съ знаменіемъ Предвѣчнаго младенца въ лонѣ Своемъ, и Предтеча, стоявшій на грани обоихъ завѣтовъ.

Ниже мозаическаго изображенія Матери Божіей, также мозаикой представляется во всю широту гор-

няго мѣста символическое изображеніе совершенія божественной литургіи, (а не икона Тайной вечери, какъ предполагаютъ нѣкоторые). По срединѣ стоитъ трапеза, украшенная богатымъ покровомъ, съ сѣнію на трехъ столбахъ; на трапезѣ четвероконечный крестъ (какое обличеніе для суемудрствующихъ!), дискосъ, звѣздица и копіе, т. е. всѣ принадлежности, необходимыя для совершенія литургіи. Съ обѣихъ сторонъ сѣни стоятъ два ангела въ бѣлыхъ хитонахъ, держащіе золотыя рипиды, представляя собою служеніе діаконовъ при святой трапезѣ. У переднихъ ея угловъ, и слѣва и справа, два изображенія Господа Іисуса Христа въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, совершенно сходныя между собою. Господь подаетъ съ лѣвой стороны обѣими руками святой хлѣбъ,—пречистое тѣло Свое, подходящимъ къ нему благоговѣйно шести апостоламъ въ бѣлыхъ хитонахъ съ согбенными или простертыми руками, по мѣрѣ ихъ приближенія къ трапезѣ: такъ и священное дѣйствіе преподаванія тѣла Христова пресвитерамъ изъ рукъ епископа происходитъ съ лѣвой стороны престола. А съ правой—Господь преподаетъ Божественную чашу другимъ шести апостоламъ, столь же благоговѣйно подходящимъ; такъ съ правой же стороны, по чину церковному, преподается чаша священнослужителямъ. Но, быть можетъ, спросятъ, почему же два лика Спасителя, а не одинъ? Изображенія сіи свидѣтельствуютъ, какъ должно совершаться по древнему чину божественное пріобщеніе подъ двумя видами хлѣба и вина, неизмѣнное у насъ и доселѣ, тогда какъ у Римлянъ нарушено священное преданіе; у нихъ не только всѣ міряне лишены святой чаши, но даже при соборномъ

служеніи нѣсколькихъ іереевъ пользуется ею одинъ лишь совершитель таинства; прочіе же остаются только зрителями, хотя и предстоятъ алтарю. Это повторяется и при торжественномъ служеніи папскомъ! Такимъ образомъ утрачено самое значеніе обѣдни, какъ общественнаго пріобщенія вечери Христовой. У насъ же утѣшительно видѣть во время архіерейскаго служенія самое точное повтореніе мозаической картины Софійскаго алтаря въ чинѣ пріобщенія священнослужителей отъ руки Святителя. Мозаика сія служитъ досслѣ поучительнымъ напоминовеніемъ для пріобщающихся внутри алтаря (а прежде, когда иконостасъ былъ ниже, служила тѣмъ же и для пріобщавшихся внѣ алтаря мірянъ). Какъ видно, такія изображенія были необходимымъ условіемъ всякаго соборнаго храма, ибо мы видимъ доселѣ такую же мозаику и на горнемъ мѣстѣ Михайловской обители. Весьма вѣроятно, что отъ сего произошелъ позднѣе, когда высокіе иконостасы начали закрывать горнее мѣсто, обычай ставить надъ царскими вратами икону Тайной вечери.

Греческая надпись во всю ширину горняго мѣста надъ символическою картиною повторяетъ намъ подлинныя слова самого Господа о необходимомъ пріобщеніи не только Божественнаго Его тѣла, но и честной крови, и обличаетъ отступившихъ отъ сего священнаго преданія: *пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.* Взирая на сіе мозаическое изображеніе, невольно возблагодаришь Господа, даровавшаго намъ счастіе принадлежать къ православной Церкви, столь свято

соблюдшей всѣ священные уставы Христіанской древности. Когда великій Ярославъ вызывалъ, въ XI вѣкѣ, въ Кіевъ иконописцевъ Греческихъ для украшенія мозаикою созидаемой имъ св. Софіи, еще не существовало въ латинской Церкви сего нововведенія, т. е. отнятія чаши у мірянъ и даже у священнослужителей, кромѣ старшаго, при совершеніи таинства. Начинался только споръ между Востокомъ и Западомъ объ опрѣснокахъ, и одинъ изъ первыхъ Митрополитовъ нашихъ, Іоаннъ, обличилъ обычай латинскій, которому могла бы служить обличеніемъ и сія мозаическая икона: ибо хлѣбъ, а не опрѣсноки, держитъ въ рукахъ Господь, и не только слова Его, но и самое дѣйствіе повторяется на иконѣ чрезъ пріобщеніе подъ двумя видами. Вотъ сколько исторической истины и догматики въ мозаикахъ Софійскихъ!

Изящная полоса мозаическихъ арабесковъ отдѣляетъ сію картину литургіи, которая занимаетъ весь второй ярусъ надъ горнимъ мѣстомъ, отъ нижняго яруса, наполненнаго ликами святительскими, которые уцѣлѣли въ мозаикѣ только до пояса и дописаны съ низу. И здѣсь опять кроется глубокая мысль: сонмъ Святителей торжествующей на небесахъ Церкви, какъ бы видимо, сослужительствуетъ воинствующей на землѣ Церкви при совершеніи божественной литургіи. Въ расположеніи сихъ ликовъ столь же строгое соблюденіе древняго чина, который можетъ служить для насъ утвержденіемъ въ истинѣ преданія Православной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ обличеніемъ для Рима. Три продолговатыхъ окна, (нѣсколько расширенныхъ впослѣдствіи), надъ горнимъ мѣстомъ знаменуютъ свѣтъ Богопознанія,

отъ Пресвятыя Троицы исходящій и съ высоты святительской каѳедры проливаемый. Не сохранились мозаическія изображенія между сихъ оконъ, и весьма странно были написаны тутъ при обновленіи собора два Святителя Кіевскіе Петръ и Алексій, какъ предстоятели своей паствы, на томъ основаніи, что тутъ уцѣлѣла одна мозаическая надпись: *Петръ*, которая несомнѣнно относилась къ Апостолу, ибо только верховные Апостолы могли предстоять лику верховныхъ Святителей, изображенныхъ по сторонамъ ихъ около горняго мѣста. По правую сторону средняго окна, если смотрѣть къ западу, стоялъ надъ каѳедрою святительскою Апостолъ Петръ, сохраняя свое неотъемлемое первенство; по лѣвую же отъ него сторону другой Апостолъ, вѣроятно, верховный Павелъ, или, можетъ быть, первозванный Андрей, какъ потому, что онъ водрузилъ первый крестъ на горахъ Кіевскихъ, такъ и потому, что былъ основателемъ Византійской Церкви и первоначальникомъ ея патріарховъ. Такимъ образомъ, при соблюденіи первенства Петрова, соблюдалось и равенство съ нимъ прочихъ апостоловъ; ибо они оба предстояли надъ горнимъ мѣстомъ, подобно какъ и теперь при служеніи двухъ епископовъ оба становятся рядомъ на горней каѳедрѣ, и старшій только имѣетъ почесть правой руки предъ младшимъ.

По сторонамъ апостоловъ, отдѣленныя отъ нихъ промежуткомъ боковыхъ оконъ, уцѣлѣли мозаическія изображенія двухъ архидіаконовъ: Стефана и Лаврентія;—это опять по чину церковному, потому что и теперь, при служеніи архіерея, когда восходитъ онъ на горнее мѣсто для слушанія апостола и евангелія, становятся по бокамъ его два діакона.

Безъ сего объясненія могло бы показаться страннымъ, почему въ Софійскомъ алтарѣ архидіаконы начертаны выше Святителей? Оба они съ кадильницами; первомученикъ въ лѣвой рукѣ держитъ камень, знаменіе своего страданія, который прижимаетъ онъ къ персямъ; а у Лаврентія ладоница для θπміама. Но почему же здѣсь именно Лаврентій, а не кто либо другой изъ первыхъ седми діаконовъ?— Потому что онъ былъ изъ архидіаконовъ знаменитый мученикъ, а, можетъ быть, еще и потому, что мощи Стефановы, перенесенныя изъ Палестины въ Римъ, почиваютъ тамъ въ одной гробницѣ съ Лаврентіевыми въ его знаменитой базиликѣ. Вездѣ господствуетъ какая либо мысль, а не произволъ художника, какъ иногда теперь бываетъ это у насъ при украшеніи новыхъ храмовъ; а между тѣмъ Вы видите здѣсь и взаимное сближеніе двухъ Церквей, восточной и западной, въ лицѣ ихъ первенствующихъ архидіаконовъ.

Обратимъ также особенное вниманіе на выборъ и расположеніе первостепенныхъ Святителей, изображенныхъ мозаикою въ алтарѣ Софійскомъ по сторонамъ Апостоловъ: ибо и это было не дѣйствіе произвола, а благоговѣйнаго разсужденія, такъ какъ все было премудро устроено къ назиданію и утвержденію вѣрныхъ въ домѣ Премудрости Божіей. Имя каждаго святаго при немъ сохранилось, написанное мозаическими златовидными буквами сверху внизъ, по древнему чину; одно только имя Златоуста монограммой, по частому его употребленію въ служебникахъ Греческихъ. Съ правой стороны, подлѣ архидіакона Стефана, стоитъ Святитель Николай; рядомъ съ нимъ Григорій Богословъ, Климентъ, папа рим-

скій, и наконецъ Епифаній Кипрскій; а съ лѣвой стороны, подлѣ Лаврентія, Святители Василій Великій и Златоустъ, далѣе два Григорія: Нисскій и чудотворецъ Неокессарійскій.—Не служатъ ли и сіи нерушимо сохраненные лики въ теченіи восьми вѣковъ явнымъ обличеніемъ новой теоріи Римлянъ о мнимомъ главенствѣ ихъ епископа, хотя они увѣряютъ, что до раздѣленія Церкви при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ, т. е. до 1051 г., Церковь Русская зависѣла также отъ Рима. Да послужитъ имъ обличеніемъ *нерушимая стѣна* Кіевской Митрополіи, созданная въ 1037 году, слѣдовательно за 14 лѣтъ до раздѣленія, и если люди умолкнутъ, камни возопіютъ, по слову евангельскому (Лук. 19, 40). Никто не отъемлетъ первенства у Петра, но да не лишатся подобающей чести и прочіе Апостолы и Святители, унижаемые каѳедрою римскою.

Кто же ближайшій Святитель стоитъ, по первенству чести, съ правой стороны верховнаго Петра?—Кажется, мѣсто сіе, по всѣмъ правамъ теоріи римской, должно бы принадлежать папѣ Клименту, какъ ближайшему преемнику Апостола Петра, имъ самимъ рукоположенному на свою каѳедру, тѣмъ паче, что Римляне хотятъ ставить его даже выше возлюбленнаго Апостола Іоанна Богослова, какъ видимую главу Церкви Вселенской еще при жизни его. Близокъ Климентъ и для Руси, ибо его мощи принесены были въ Кіевъ изъ Корсуни равноапостольнымъ просвѣтителемъ нашимъ и даже его Святительскою главою рукоположенъ былъ соборно первый епископъ родомъ изъ Русскихъ, чтобы тѣмъ замѣнить посвященіе патріаршее. Сколько казалось важныхъ причинъ, чтобы ему стоять на первомъ

мѣстѣ. Не смотря на то, ближе всѣхъ къ Петру поставленъ чудотворецъ Мѵрликійскій Николай, епископъ хотя и древней, знаменитой каѳедры, но не изъ старѣйшихъ, прославленный чудесами и крѣпкій поборникъ Православія на первомъ вселенскомъ соборѣ, который онъ представляетъ здѣсь своимъ лицемъ, свидѣтельствуя о Никейскомъ символѣ. И такъ напрасно думаютъ ревнители Рима: будто лишь послѣ перенесенія мощей Святителя изъ Мѵръ-Ликійскихъ въ Бары и бывшаго тамъ частнаго собора, папа указалъ намъ особое чествованіе сего великаго Святителя. Нѣтъ, онъ занималъ уже первое мѣсто въ Софійскомъ соборѣ болѣе нежели за полвѣка до перенесенія его мощей.

Кто же занимаетъ второе мѣсто съ лѣвой стороны Апостоловъ?—Опять не Климентъ, но святый Василій великій, Архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, величайшій поборникъ Православія въ своемъ вѣкѣ и составитель литургіи, донынѣ совершаемой въ православной Церкви. Послѣ него стоятъ, другъ противъ друга, съ правой и съ лѣвой стороны на третьемъ и четвертомъ мѣстахъ два великихъ Архіепископа Цареградскихъ: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, составляющіе вмѣстѣ съ Василіемъ тройственный ликъ Іерарховъ, предпочтительно чествуемыхъ вселенскою Церковію: Григорій, глубочайшій богословъ, какъ свидѣтельствуетъ самое его названіе, Златоустъ, краснорѣчивѣйшій вптія и также составитель литургіи, употребляемой въ нашихъ храмахъ. Потомъ уже, въ пятомъ только мѣстѣ, поставленъ подлѣ Григорія Богослова св. папа Климентъ; (какое смиреніе для превозношенія Римскаго!) здѣсь и самая его каѳедра уступаетъ

Цареградской, коей два Іерарха стоятъ выше. Напротивъ его, рядомъ съ Златоустомъ, начертанъ св. Григорій Нисскій, братъ Василія великаго, извѣстный по своимъ духовнымъ твореніямъ и присутствовавшій на второмъ вселенскомъ соборѣ, на которомъ окончательно утвержденъ и дополненъ Никейскій символъ вѣры, съ тѣхъ поръ неизмѣнно сохраняемый въ Церкви православной. И такъ ликъ его служитъ свидѣтельствомъ нерушимости ея догматовъ и обличеніемъ нововведеній Римскихъ въ символѣ. Наконецъ послѣдними начертаны, другъ противъ друга, на стѣнахъ алтаря св. Епифаній Кипрскій, написавшій обличительную книгу противъ всѣхъ ересей, бывшихъ до него и при немъ, и потому глубоко уважаемый восточною Церковію, и св. Григорій, чудотворецъ Неокесарійскій, прославленный чудесами и составленіемъ перваго символа вѣры еще до Никейскаго. Вотъ какіе великіе поборники Православія собраны въ святилищѣ Софійскомъ, во свидѣтельство вѣкамъ грядущимъ, дабы и позднѣйшіе совершители таинствъ въ священныхъ стѣнахъ сего храма не отступали никогда отъ завѣщаннаго имъ Православія.

Всѣ они изображены въ бѣлыхъ крещатыхъ фелоняхъ съ Евангеліемъ въ рукѣ, какъ истинные проповѣдники дома Премудрости Божіей, по слову книги Притчей: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь, посла своя рабы созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ*, приглашая всѣхъ на чашу: *иже есть безуменъ да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума рече: пріидите* и вкусите отъ трапезы (IX, 1. 3.). Трапеза и чаша уготованы горѣ предъ глазами всѣхъ; проповѣдники сзываютъ къ ней про-

повѣдію, и потому у каждаго въ рукѣ священная книга; другая рука или благоговѣйно прижата къ сердцу или благословляетъ, и здѣсь мы можемъ видѣть всю суету мудрствованія мнимыхъ старообрядцевъ; ибо въ уцѣлѣвшихъ мозаикахъ знаменіе крестное употребляется безразлично, судя по тому, какъ съ большею или меньшею точностію изобразилъ благословляющую десницу мозаистъ, не всегда искусный: у Святителя Николая оно ближе къ двуперстному, а у Златоуста, и еще явственнѣе у св. Григорія Нисскаго оно прямо именословное; всѣ же кресты на стѣнахъ безъ изъятія четвероконечные, въ обличеніе суемудрыхъ. Такіе же кресты, въ большемъ видѣ, занимаютъ нижнюю часть алтарной стѣны вокругъ сопрестолія горняго мѣста, потому что тутъ изображенія лицъ были бы заслоняемы епископами, восходившими на первую ступень и возсѣдавшими на сопрестоліи, когда они служили съ Митрополитомъ всея Руси, а пресвитеры садились на нижней ступени у ногъ ихъ, гдѣ и теперь они садятся при служеніи архіерейскомъ. Какъ это все было мудро устроено для благолѣпія іерархическаго служенія, и какъ жаль, что это сохранилось только въ древнихъ соборахъ; ибо въ новѣйшихъ, даже въ самыхъ великолѣпныхъ, не существуетъ ни горняго мѣста въ настоящемъ его видѣ, ни сопрестолія около него, и сидящій архіерей совершенно закрытъ отъ народа высотою запрестольнаго креста или колоссальною дарохранительницею; а вмѣсто сопрестолія ставятъ стулья для пресвитеровъ, что совсѣмъ не въ порядкѣ, потому что имъ подобаетъ сидѣть не вокругъ престола, а позади его.

Въ Кіевѣ каѳедра Митрополичья о семи ступе-

няхъ и господствуетъ надъ всею церковію, такъ что видѣнъ за престоломъ возсѣдающій Святитель; а семь ступеней горняго мѣста, кромѣ символическаго значенія богословскихъ добродѣтелей, изображенныхъ и на Софійской иконѣ Премудрости Божіей, знаменовали также степень чести Русскаго первосвятителя въ іерархіи вселенской Церкви, какъ самостоятельнаго архіерея, первенствующаго надъ многими подвѣдомственными ему епископами. Престолъ горній патріарха былъ о двѣнадцати ступеняхъ, равно какъ и облачальный амвонъ, и это преимущество чести сохранилось доселѣ за Ѳессалоникійскимъ архіепископомъ, который соблюдаетъ его даже въ убогой церкви своей, гдѣ едва можетъ помѣститься столь высокій амвонъ, ибо драгоцѣнно такое преданіе бѣдствующему Востоку.

Если теперь столь величественнымъ представляется внутри алтаря сидѣніе и стояніе Святителя на горнемъ мѣстѣ Софійскомъ съ двѣнадцатью сослужащими ему архимандритами и пресвитерами во время чтенія Апостола и Евангелія, что̀ же было прежде, когда съ первенствующимъ Митрополитомъ служили еще, кромѣ двѣнадцати пресвитеровъ, и епископы всея Руси, занимавшіе верхнюю ступень горняго сопрестолія надъ іереями? Все это было открыто взору мірянъ, и съ высоты хоръ и изъ средины храма, потому что иконостасъ не былъ первоначально такъ высокъ и шире были царскія двери. Зрѣлище сіе представлялось еще въ бо̀льшемъ величіи, когда цѣлы и свѣжи были мозаическія изображенія Апостоловъ и Святителей вокругъ горняго мѣста, такъ что отъ низу и до верху все собраніе живыхъ и начертанныхъ ликовъ сливалось въ одно

цѣлое, и торжествующая на небесахъ Церковь являлась сослужащею воинствующей на землѣ, соединяясь съ нею въ одинъ священный сонмъ. Знаете ли, откуда заимствована сія великолѣпная картина?— Св. Іоаннъ Богословъ изобразилъ намъ Церковь небесную, которую созерцалъ въ духѣ.—Раскройте четвертую главу его Апокалипсиса: «по сихъ видѣхъ и се дверь отверста на небеси.»—Вотъ сквозь какія двери смотрѣлъ тайновидѣцъ. «Я былъ въ духѣ,— и се престолъ стоялъ на небеси и на престолѣ Сѣдящій... и окрестъ престола престоловъ двадцать четыре, и на престолахъ видѣлъ я двадцать четыре старца, сѣдящихъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, и имѣли вѣнцы златые на главахъ своихъ; и отъ престоловъ исходили молніи, громы и гласы, и седмь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли предъ престоломъ, которые суть семь Духовъ Божіихъ; и вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очами отовсюду: первое животное, подобно льву, и второе, подобно тельцу, и третіе имѣло лицо какъ человѣка, и четвертое, подобно орлу летящему; каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести крылъ, изнутри исполненныхъ очами; ни днемъ, ни ночью не имѣютъ они покоя, взывая: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, который былъ, есть и будетъ.» Это символы, данные Церковью четыремъ Евангелистамъ, и замѣтьте, что сидѣніе и стояніе священнослужителей на горнемъ мѣстѣ бываетъ собственно во время чтенія Апостола и Евангелія. Видите ли, какъ знаменательно дѣйствіе сіе въ чинѣ Божественной литургіи, которое есть образъ небесной и отраженіе оной на землѣ. Не безъ глубокой мысли предметами мозаическихъ изображеній на

алтарной стѣнѣ избраны были два великіе момента Божественной службы: — возглашеніе слова Божія и пріобщеніе вечери Христовой.

Извините, что я нѣсколько какъ бы отвлекся отъ своего предмета, но едва ли и отступилъ отъ него, потому что Вы отъ меня требовали сѵмволики Софійской, а значеніе горняго мѣста весьма важно въ храмѣ, и я бы желалъ, чтобы Софійскій послужилъ образцемъ для вновь сооружаемыхъ храмовъ, и были бы въ нихъ исправляемы погрѣшности, вносимыя западными архитекторами въ зодчество Византійское. Не разумѣя сѵмволики и потребности нашего Богослуженія, они обыкновенно нарушаютъ необходимое для порядка и чина церковнаго раздѣленіе алтаря на три части; а горнее мѣсто думаютъ замѣнить большою запрестольною картиною, потому что на Западѣ новѣйшіе престолы приставлены къ стѣнѣ, хотя въ самомъ Римѣ древнія базилики служатъ для нихъ явнымъ обличеніемъ своими горними каѳедрами. У насъ же все устроено по древнему, а древнее по горнему образцу, какъ нѣкогда было сказано Моисею при сооруженіи скиніи въ пустынѣ, послужившей начальнымъ образцомъ не только ветхозавѣтному храму, но и новозавѣтной Церкви: «виждь, да вся устроиши по образцу показанному тебѣ на горѣ» (Исхода XXV, 40). — Это свидѣтельствуетъ, какъ должны мы свято соблюдать всѣ священныя преданія, преемственно къ намъ дошедшія, и не дозволять себѣ при сооруженіи нашихъ храмовъ никакихъ нововведеній, нарушающихъ древнѣйшее чиноположеніе.

Достойно вниманія, что на четырехъ основныхъ аркахъ, поддерживающихъ главный куполъ, изобра-

жены мозаикою въ кругахъ, еще отчасти сохранившіеся, сорокъ мучениковъ Севастійскихъ, которыхъ особенно чтитъ Церковь, празднуя имъ даже и въ скорбные дни великаго поста, ибо великъ по истинѣ былъ ихъ подвигъ. Они предпочли замерзнуть въ ледяномъ озерѣ ради исповѣданія имени Христова, хотя мучители для большаго ихъ искушенія затопили на берегу баню, и когда не устоялъ одинъ изъ числа ихъ противъ такого искушенія, то мѣсто его заступилъ одинъ изъ совершителей казни, будучи пораженъ твердостію духа мучениковъ, и вмѣстѣ съ ними удостоился нетлѣннаго вѣнца. Какая же была мысль изобразить ликъ сихъ мучениковъ на основныхъ аркахъ! — На костяхъ мученическихъ основалась Церковь Божія въ первые три вѣка гоненій, бывшихъ противъ нея на землѣ. Посему предпочтительно изображаются лики мучениковъ и исповѣдниковъ на основныхъ столбахъ ея и аркахъ, и здѣсь Севастійскіе, какъ болѣе именитые, раздѣлены по десяти на каждую арку подъ главнымъ куполомъ.

Тамъ, гдѣ арки сіи опираются на столбы, начертаны были мозаикой лики пророковъ, возвѣстившихъ будущую славу Церкви Христовой, какъ можно судить по одному сохранившемуся изображенію съ лѣвой стороны на алтарной аркѣ, хотя и безъ имени. Вѣроятно, такимъ образомъ расположены были четыре великихъ пророка: Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ. Однако съ лицевой стороны двухъ боковыхъ аркъ, если смотрѣть къ алтарю, сохранились два мозаическихъ изображенія не самихъ пророковъ, но Той, о Которой они предрекли: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына, и наречеши имя ему Эммануилъ* (Ис. VII, 14), и благовѣстившаго ей Архан-

гела. Пречистая Дѣва изображена съ веретеномъ въ рукахъ, прядущею, какъ говоритъ преданіе, виссонъ на завѣсу Іерусалимскаго храма предъ Святая Святыхъ, котораго таинственнымъ образомъ была сама. На противоположной сторонѣ Архангелъ съ лиліею въ рукахъ,—знаменіемъ дѣвственной чистоты Божіей Матери. Оба сіи лика, на разстояніи всего пространства алтарнаго, представляютъ одну полную икону Благовѣщенія, которая, по существующему установленію, необходимо должна быть изображаема въ каждой церкви на царскихъ вратахъ, такъ какъ и Тайная вечеря надъ ними.

Вотъ все, что осталось отъ мозаикъ въ Софійскомъ соборѣ. Остальное лишь фрески; но въ ихъ разборѣ надобно быть осторожнымъ и не смѣшивать древняго съ позднѣйшимъ. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что всѣ одинокіе лики Святителей, мучениковъ и преподобныхъ, въ строгомъ величіи расположенные по столбамъ и тѣснымъ простѣнкамъ, изображаютъ только святыхъ пяти первыхъ столѣтій, и нѣтъ между ними ни одного изъ числа позднѣйшихъ, хотя соборъ Софійскій сооруженъ въ XI вѣкѣ. Трудно разгадать причину такого исключительнаго выбора однихъ древнѣйшихъ ликовъ. Не оттого ли, что въ Кіевской Софіи хотѣли повторить только тѣ иконныя писанія, какія находились въ Цареградской, сооруженной не позже начала VI столѣтія. Тамъ не было однако фресковъ, а только однѣ мозаики, и болѣе на сводахъ, нежели на стѣнахъ, которыя покрыты мраморомъ, какъ это теперь можно видѣть послѣ ея обновленія. Можетъ быть, у насъ хотѣли изобразить въ лицахъ одну лишь славнѣйшую эпоху первобытной Церкви, когда вся

она была облита кровью своихъ мучениковъ и прославлена исповѣданіемъ вѣры своихъ Святителей.

При строгомъ соблюденіи единоличности изображеній въ алтарѣ и въ самой церкви, довольно странно видѣть многоличныя картины въ жертвенникѣ и діаконикѣ, изображающія въ первомъ дѣянія Петровы, а во второмъ дѣянія святыхъ Іоакима и Анны и Матери Божіей; едва можно вѣрить, чтобы онѣ были современны мозаикѣ. Гораздо позже временъ Ярослава былъ устроенъ въ отдѣленіи діаконикона особый придѣлъ св. Богоотецъ, и можно думать, что въ это время росписаны были такимъ образомъ его стѣны. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что и это древнія фрески, уцѣлѣвшія подъ слоями штукатурки: но едва ли не позднѣе онѣ разоренія Монгольскаго, ибо тогда выгорѣла известь по стѣнамъ. Въ отдѣленіи жертвенника слѣдовало бы, кажется, искать какіе либо символы пріуготовляемой жертвы, а не дѣянія Апостола; однако тутъ изображены: изведеніе Петра изъ темницы, обращеніе Корнилія сотника и крещеніе Апостоломъ въ купели Матери Божіей, какъ предполагаетъ мѣстное преданіе.

Въ двухъ боковыхъ придѣлахъ св. Георгія и Архангела Михаила, прилегающихъ къ жертвеннику и діаконикону и современныхъ началу храма, нѣтъ сомнѣнія въ древности фрески на горнемъ мѣстѣ: ибо тутъ предпочтительно изображены въ колоссальномъ размѣрѣ тѣ лица, коимъ посвящены сіи придѣлы: Великомученикъ и Архангелъ, подобно тому, какъ и ликъ Божіей Матери въ главномъ алтарѣ. По сторонамъ еще видны древніе лики первостепенныхъ Святителей, имена коихъ уже стерты, по три съ каждой стороны. Но мнѣ опять кажутся сомни-

тельными дѣянія Великомученика на стѣнахъ алтаря и фигуры волхва и языческаго кесаря Діоклитіана тамъ, гдѣ древняя, строгая символика допускала только лики тѣхъ, кои имѣли право священнодѣйствовать внутри святилища, т. е. Апостоловъ и Святителей. Довольно странно и въ придѣлѣ Архангела изображеніе низвергаемаго діавола подъ мечемъ Архистратига, хотя явленія изъ міра Ангельскаго скорѣе могли быть допущены, нежели фигуры языческія въ святынѣ алтаря. Между фресками, обновленными на хорахъ собора, опять являются многоличныя картины: предательство Іуды въ саду Геѳсиманскомъ, жертвоприношеніе Исаака, какъ образъ жертвы Христовой, посѣщеніе Авраама тремя Ангелами, трапеза у него трехъ Ангеловъ и три отрока въ пещи Халдейской, какъ символъ Троицы; тутъ еще изображенія брака въ Канѣ Галилейской и Господа, возлежащаго на вечери. Въ описаніи Митрополита Евгенія упомипается о портретахъ нѣкоторыхъ изъ Великихъ Князей нашихъ, которые были начертаны стѣнною живописью на хорахъ, и теперь уже не существуютъ. Это соотвѣтствовало подлиннику Византійскому, гдѣ также на хорахъ сохранены мозаикою портреты Царей и Царицъ различныхъ династій съ ихъ дѣтьми, преклоняющихся предъ ликомъ Божіей Матери, ибо хоры сіи собственно предназначены были для почетныхъ лицъ женскаго пола.

Что касается до уцѣлѣвшаго изображенія различныхъ звѣрей и ловли, всадниковъ и пѣшихъ, которыми украшены были кругообразные всходы, ведущіе на хоры, то это во вкусѣ Византійскомъ и удовлетворяло вкусу нашихъ князей. Четыре брон-

зовыхъ коня поставлены были, какъ извѣстно, на фронтонѣ Цареградской Софіи, и доселѣ мы видимъ въ древнѣйшихъ храмахъ Грузіи на ихъ наружныхъ стѣнахъ изваянныя фигуры различныхъ звѣрей, преимущественно львовъ и леопардовъ, и птицъ съ плетеницами цвѣтовъ.—Во Владимірскомъ соборѣ св. Димитрія на фронтонѣ изображенъ Господь Саваоѳъ на престолѣ, и вокругъ него лики Ангеловъ и разнообразныя фигуры звѣрей; тутъ есть своя мысль: это олицетвореніе псаломскаго стиха: «всякое дыханіе да хвалитъ Господа».—Здѣсь же, въ Софійскомъ храмѣ, какъ и въ древнихъ Византійскихъ и Грузинскихъ, это не что̀ иное, какъ произведеніе игривой фантазіи строителей, допустившихъ и событія изъ внѣшней жизни для внѣшняго украшенія своихъ храмовъ.

Но за то, какъ все отчетливо во внутреннихъ частяхъ храма Софійскаго! Тамъ можно объяснить причину и значеніе почти каждой иконы, и весьма жаль, что при обновленіи собора не держались строго его древней, знаменательной символики. Я уже объяснялъ Вамъ, какъ таинственно раскрывается она съ высоты хоръ до самой глубины алтаря. Достойно вниманія и то, какъ обдуманы были всѣ фрески и въ трапезной части храма; Вы можете опять это замѣтить на хорахъ. Такъ какъ они предназначены были для женскаго пола и западная ихъ часть противъ самаго алтаря, преимущественно для великокняжескаго семейства: то внизу, на трехъ ближайшихъ столбахъ съ правой и съ лѣвой стороны, изображены только женскія лица мученицъ и преподобныхъ, которыя своимъ примѣромъ должны были возбуждать державныхъ молитвенницъ; но дальше

трапезной части Вы уже не встрѣчаете на столбахъ женскихъ лицъ.

Говоря о хорахъ, не могу не пожалѣть, что западное окно, теперь крестообразное, слишкомъ тѣсно; а прежде оно было почти во всю стѣну, и такъ оно доселѣ сохранилось въ Цареградской Софіи; оттого тамъ проливается чрезъ это окно въ вечерніе часы обильный свѣтъ заходящаго солнца на всѣ золотыя мозаики сводовъ, и вся она какъ бы горитъ золотомъ.

При хорахъ на столбахъ продолжаются отчасти женскіе лики мученицъ съ крестами въ рукахъ и преподобныхъ съ воздѣтыми горѣ руками; но ихъ болѣе съ правой стороны, нежели съ лѣвой. Есть между ними лики и мучениковъ, и пустынножителей, и царственные лики. Ближе къ церковнымъ аркамъ — святители и пророки; но имена ихъ не всегда удачно подобраны, хотя и старались соображаться съ подлинникомъ. Такъ напр. Моисей у праваго клироса представленъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, а пророкъ Іона въ одеждѣ, опушенной мѣхомъ. Константиномъ названъ Греческій Императоръ въ царской одеждѣ съ малолѣтними Царемъ и Царицею въ маломъ видѣ по сторонамъ. Судя по одеждѣ, это не можетъ быть Константинъ великій, ибо онъ иначе изображается на фрескахъ Аѳонскихъ, современныхъ нашимъ, и въ другой коронѣ; это долженъ быть кто либо изъ позднѣйшихъ Палеологовъ, и если разгадать, кто сіи царственныя особы, то по нимъ можно бы опредѣлить время самихъ фресковъ. На главной аркѣ три отрока Вавилонскіе, одинъ надъ другимъ, по странной своей одеждѣ, полу-Греческой и полу-Персидской, съ звѣздами на хламидѣ, такъ названы оттого, что сходны одеждою съ

тремя отроками въ пещи Халдейской, которые изображены на хорахъ. На столбахъ съ лѣвой стороны, противъ жертвенника, написаны фресками два верховныхъ Апостола, Предтеча и Богословъ. Меня увѣряли, что такъ найдены были сіи фрески, хотя въ этой части храма обыкновенно не пишутъ Апостоловъ, но въ лицахъ Петра и Павла нельзя сомнѣваться. Именъ сохранилось только 26, изъ нихъ три женскихъ, прочія всѣ дописаны. Вокругъ храма въ галлереяхъ большею частію мученики во всеоружіи, какъ бы охраняющіе святилище. Вообще всѣ сіи лики святыхъ на хорахъ представляютъ сонмъ угодниковъ Божіихъ, какъ бы видимо участвующихъ въ молитвѣ вмѣстѣ съ православнымъ народомъ.

На простѣнкахъ подъ хорами, ближе къ алтарю, обновлены по старымъ рисункамъ четыре фрески: явленіе воскресшаго Господа мѵроносицамъ, увѣреніе Ѳомы, вознесеніе и сошествіе Господа во адъ или воскресеніе, которое иначе никогда не изображалось въ древней иконописи. Прочія фрески на сихъ простѣнкахъ кругомъ хоръ утратились и замѣнены вселенскими соборами, которые тутъ были написаны со временъ Митрополита Петра Могилы. Можно предполагать, что и до него были тутъ картины седьми соборовъ, по глубокому къ нимъ уваженію православной Церкви, ибо и въ Виѳлеемскомъ соборѣ, обновленномъ мозаикою при крестоносцахъ въ XII в. усердіемъ Императора Греческаго Мануила, на тѣхъ же мѣстахъ подъ хорами изображены всѣ семь вселенскихъ и девять помѣстныхъ соборовъ, не только въ лицахъ, но и съ мозаическимъ начертаніемъ главныхъ догматовъ, которые были на оныхъ провозглашены.

Утомительно было бы исчислять всѣ фрески, и даже безполезно послѣ ихъ обновленія; древнѣйшія болѣе сохранились на аркахъ. Скажу въ заключеніе, что, несмотря на предполагаемую ихъ древность, относимую ко временамъ Ярославовымъ, я не могу согласиться, чтобы онѣ были современны мозаикамъ, потому что нѣтъ въ нихъ той же строгости въ расположеніи ликовъ. Странно и то, почему храмоздатель ограничился бы однимъ алтаремъ и четырьмя основными арками купола для мозаики? Не позже ли явились фрески? Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно уцѣлѣли въ совершенной свѣжести, какъ напр. лики мучениковъ: Стратона и Харитона, въ алтарѣ преподобныхъ Печерскихъ, и носятъ характеръ Аѳонской живописи временъ Панселина; но другія оказались съ красками стертыми, а у иныхъ надобно было угадывать самые очерки. Почему же это могло бы такъ случиться, если всѣ онѣ одинаково были покрыты нѣсколькими слоями штукатурки?

Но вотъ что меня изумило: опытный въ живописи священникъ, который самъ участвовалъ въ иконописномъ обновленіи собора, указалъ мнѣ на сводахъ алтарныхъ Успенскаго придѣла остатки полустертой фрески: фигуру мученика, говоря, что въ такомъ видѣ находили большею частію фрески на стѣнахъ храма; тутъ одни лишь очерки; а между тѣмъ этотъ придѣлъ не существовалъ во дни Ярослава, ибо онъ устроенъ въ наружной пристройкѣ, которую соорудилъ Петръ Могила для укрѣпленія стѣнъ Софійскихъ. Какъ же тутъ могли явиться фрески, если въ его время уже утрачено было искусство писать на теплой извести?—Впрочемъ, школа фресковъ еще сохраняется на горѣ Аѳонской,

хотя и въ большемъ упадкѣ. Не смѣю говорить утвердительно, но мнѣ кажется, что фрески Кіевскаго собора можно отнести къ иному времени, не столь давнему, какъ эпоха Ярослава, но къ XIV столѣтію, когда первосвятители наши, хотя и водворившіеся уже въ Москвѣ, еще посѣщали Кіевъ и оставались тамъ даже иногда по году, а Митрополитъ Кипріанъ прожилъ нѣсколько лѣтъ по временномъ удаленіи съ каѳедры Московской. Можетъ ли быть, чтобы столь просвѣщенный Святитель, видѣвшій благолѣпіе храмовъ святой горы, могъ оставаться равнодушнымъ къ запустѣнію своего каѳедральнаго собора и не украсилъ его вновь стѣнною живописью, когда могъ пригласить съ Аѳона, ему знакомаго, опытныхъ художниковъ для расписыванія фресковъ?—Таково мое мнѣніе; не смѣю однако разрѣшить сего вопроса, предоставляя оный людямъ, болѣе меня опытнымъ.—Здѣсь останавливаюсь;—не знаю, удовлетворилъ ли я Вашему желанію, хотя и старался оное исполнить. Примите слабый трудъ сей за изъявленіе моего глубочайшаго уваженія къ той благородной ревности, которой Вы исполнены къ нашей древности и святынѣ.

Кіевъ
14 Августа 1859 года.

III.

ЗНАЧЕНІЕ КІЕВА ДЛЯ РОССІИ.

«Видите-ли горы сіи?» невольно восклицаетъ каждый путникъ, когда внезапно предъ нимъ откроется вся злотоверхая святыня Кіевская на завѣтныхъ ея высотахъ. Убогій ли богомолецъ, едва достигающій на клюкахъ благочестивой цѣли своего странствія, или роскошный баричъ, со всѣми дорожными удобствами несущійся по гладкому шоссе, одинаково воскликнутъ при этомъ чудномъ зрѣлищѣ: «видите ли горы сіи?»—Они безсознательно повторяютъ слова Апостола, водрузившаго на сихъ горахъ первый крестъ, но едва ли кто изъ нихъ въ сію радостную минуту повторитъ мысленно въ своемъ сердцѣ и послѣдующія слова Первозваннаго: «яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія».

А это самое и есть та основная черта Кіева, которая доселѣ его дѣлаетъ сердцемъ всея Руси и къ нему влечетъ изъ дальнихъ краевъ всѣхъ православныхъ чадъ ея. Только они одни въ состояніи понять и оцѣнить, что̀ такое Кіевъ для Русскаго человѣка, и здѣсь, въ нашемъ родномъ Іерусалимѣ, находятъ себѣ отголосокъ дальняго, не всегда имъ доступнаго на чужбинѣ.—Какъ же думаютъ усвоить себѣ Кіевъ, въ своихъ несбыточныхъ мечтахъ, люди, совершенно ему чуждые, не связанные съ нимъ никакими воспоминаніями отечественными, у коихъ сердце никогда не билось при звукѣ лаврскаго колокола, зовущаго во глубину пещеръ, у которыхъ рука никогда не поднималась для крестнаго знаменія,

когда издали проглядывала изъ чащи лѣса сторожевая башня православія,—колокольня печерская!

«Видите-ли горы сіи»?—на нихъ водрузилъ Первозванный знаменіе нашего спасенія, но хотя по всей Скиѳіи проповѣдалъ Апостолъ, онъ почитается только Апостоломъ Руси, и одни лишь православныя племена Славянъ благоговѣютъ къ его памяти.—«Видите-ли горы сіи»? съ ихъ вершины низвергнулъ Перуна равноапостольный князь, но онъ былъ просвѣтителемъ только земли Русской; кровь его доселѣ течетъ въ жилахъ древнихъ княжескихъ родовъ нашихъ; гробница его доселѣ стоитъ въ сооруженной имъ Десятинной церкви, а честная глава его въ лаврѣ Печерской; крещальня двѣнадцати его сыновей видна еще въ долинѣ Крещатика, который напоминаетъ своимъ именемъ крещеніе всея Руси.—Это все чрезъ столько вѣковъ неразрывною цѣпью связываетъ съ нимъ все истинно Русское—православное, которое видитъ въ святомъ князѣ Владимірѣ начатокъ нашего спасенія. Но его имя и память чужды тѣмъ, кто не носитъ имени Русскаго; едва, едва, какъ бы чуждые пришельцы, включены оба наши равноапостольные Владиміръ и Ольга въ святцы западные, хотя для насъ были они денницею Христіанства.

А дѣти Владиміровы, наши князья страстотерпцы, Борисъ и Глѣбъ, здѣсь подвизавшіеся!—А лики преподобныхъ, возсіявшіе намъ изъ мрака пещернаго, по манію великихъ отцевъ иночества Антонія и Ѳеодосія, и доселѣ какъ бы заживо почіющіе на ложахъ своихъ во свидѣтельство вѣкамъ минувшимъ!—Сія сокровищница мощей въ нѣдрахъ земли драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ, сзывающая къ

себѣ тысячи богомольцевъ отъ Дуная и до Амура,— развѣ она возбуждаетъ малѣйшее сочувствіе нынѣшнихъ мнимыхъ родичей Кіева, на него посягающихъ, какъ бы по праву мѣстныхъ землевладѣльцевъ, хотя они искони были ему чужды, и въ новѣйшія времена не могутъ съ нимъ сродниться ни сердцемъ, ни душою.

Но какъ отличилъ премудрый Соломонъ на своемъ судилищѣ истинную мать отъ мнимой?—не по материнскимъ ли ея чувствамъ къ своему младенцу, когда возвратилъ ей лукавоусвоеннаго чуждою?—Не надобно спрашивать и о Кіевѣ: чей онъ или чьимъ будетъ?—стоитъ только выдти весною на чудный мостъ его, или окинуть взоромъ окрестные пути съ какой либо изъ его высотъ, и вы, безъ всякаго слова, поймете, кому единственно можетъ принадлежать Кіевъ. Невольно повторится вашему сердцу сія радостная пасхальная пѣснь: «возведи окрестъ очи твои Сіоне и виждь, се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки».

И на какомъ прочномъ основаніи утвердили православіе въ Кіевѣ просвѣтитель нашъ и сынъ его великій Ярославъ, такъ что и чрезъ восемь столѣтій никакая непріязненная сила не можетъ поколебать его на сихъ завѣтныхъ горахъ!—Если рушилась отъ разгрома Монгольскаго Десятинная церковь равноапостольнаго князя, то его уцѣлѣвшая гробница послужила основнымъ камнемъ для обновленнаго храма; а святая Софія, древнѣйшая Митрополія всея Руси, гдѣ въ началѣ утвердилась каѳедра Первосвятителей нашихъ, устояла сквозь всѣ бури временъ

и народовъ, во свидѣтельство тому, что никогда не будетъ сдвинутъ съ мѣста своего сей начальный нашъ свѣтильникъ, и нерушима горняя стѣна его подъ молитвенною сѣнью Матери Божіей.

Не поколебался краеугольный камень святой Софіи и тогда, когда уже, казалось, самая каѳедра ея перенесена была на сѣверъ вмѣстѣ съ столицею князей и владыкъ въ престольную Москву. Кіевскими, а не Московскими, возглашались въ соборѣ Успенскомъ Митрополиты всея Руси; три ея церковныхъ столпа, Петръ, Алексій, Іона, такъ записаны въ святцахъ Русскихъ и всѣ три священнодѣйствователи на престолѣ Софійскомъ.—Когда же раздѣлилась митрополія на сѣверную и южную, во главѣ сталъ опять Кіевъ, не смотря на жительство его владыкъ въ предѣлахъ Литовскихъ; еще тѣснѣе сдѣлалась связь его съ Царьградомъ, ибо Митрополиты Кіевскіе приняли на себя титулъ экзарховъ вселенскаго Патріарха, и этотъ періодъ югозападной нашей Церкви запечатлѣнъ мученическою кончиною Митрополита Макарія, котораго нетлѣнныя мощи почіютъ въ храмѣ св. Софіи, какъ бы для новаго утвержденія ея каѳедры.

Отпаденіе въ унію почти всей іерархіи югозападной, начиная съ самой главы, временно угрожало совершеннымъ запустѣніемъ Церкви, но не могло однако здѣсь поколебать православія. Напрасно стучалась непріязненная унія въ двери Софійскія; онѣ оставались заключенными на все время преобладанія западнаго, и замолкъ гласъ молитвы внутри святилища, доступнаго только православному богослуженію, которымъ впервые оно огласилось. «Господь утвердитъ селеніе свое утро за утра», начертано Гре-

ческими письменами поверхъ нерушимаго образа Пречистой Дѣвы, стоящей на камени, воздѣвшей къ небу руки о своемъ домѣ и людяхъ, и домъ Премудрости Божіей съ древней его каѳедрою остался навсегда краеугольнымъ камнемъ православія на югѣ нашего отечества.

Патріархи восточные подвиглись съ своихъ престоловъ, чтобы не дать его сдвинуть иновѣрнымъ, и Святитель Іерусалимскій обновилъ опять митрополію Кіевскую и всю іерархію югозападной Руси, а рядъ великихъ мужей Церкви на каѳедрѣ Софійской укрѣпилъ навсегда православіе въ Малой Россіи, связавъ ее сперва гражданскими узами съ Великою, а потомъ и церковными съ патріаршимъ престоломъ Москвы, но Кіевъ остался навсегда первенствующей каѳедрой Русской Церкви.

Знаете ли, какую силу имѣютъ слезы преподобныхъ?—теченіемъ ихъ и глубиною своихъ воздыханій воздѣлываютъ они безплодіе пустыни и потомъ изъ мрака ея свѣтятъ вселенной.—Если въ томъ сомнѣваетесь, взгляните на лавру Печерскую:—что былъ Антоній, безвѣстный отшельникъ? что Ѳеодосій—отцы иночества на Руси?—Не въ духѣ-ли прозорливости предсказалъ современный имъ лѣтописецъ Несторъ, какъ прочно полагаемое ими основаніе: «многія обители, писалъ онъ, основаны были отъ князей и бояръ, но не таковы онѣ, какъ тѣ, которыя созидаются молитвой и слезами»!—Такъ соорудили свою обитель Антоній и Ѳеодосій, и вотъ она не только пустила безчисленныя вѣтви во всю Русскую землю, но и въ самомъ Кіевѣ сдѣлалась корнемъ православія.

Благодѣтельное вліяніе лавры Печерской сообра-

жалось съ нуждами времени и было столь же разнообразно, какъ и самыя обстоятельства, его вызывавшія на помощь обуреваемымъ. Во времена до-Монгольскія она разсылала своихъ подвижниковъ проповѣдывать имя Христово между язычниками, и многія изъ новыхъ епископскихъ каѳедръ украсились ея иноками. Когда опустѣлъ Кіевъ послѣ бури Монгольской, то въ пещерахъ бывшей лавры появились опять подвижники, возбудившіе духовную жизнь на пепелищѣ древней столицы, доколѣ не поднялась она вновь изъ своихъ развалинъ. Обновилась и самая лавра уже подъ владычествомъ Литвы, еще тогда незараженной фанатизмомъ Римскимъ, и стала центромъ православія на всемъ югѣ, когда начались гоненія Римскія съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ и особенно при появленіи уніи.

Ратовали за православіе сильные тогда князья Острожскіе; но двигателемъ ихъ былъ именитый архимандритъ лавры, Никифоръ Туръ, ревнитель православія на соборѣ Брестскомъ. Его преемники сдѣлались единственными воителями за Церковь Русскую, доколѣ не обновилась ея іерархія благословеніемъ Патріарха Іерусалимскаго. Но и тогда лавра Печерская оставалась сердцемъ и средоточіемъ, одна отразившая на югѣ весь непріязненный напоръ уніи: туда стекались всѣ молитвенники, оттуда истекала помощь духовная и даже вещественная, по обилію ея средствъ.

Когда же настало время дѣйствовать просвѣщеніемъ духовнымъ, чтобы преодолѣть козни іезуитовъ, которые повсюду домогались распространить свое ученіе, то не изъ лавры ли опять возникъ сильнѣйшій имъ отпоръ? Братское училище было по

истинѣ чадомъ лавры, ибо ея великій архимандритъ Петръ Могила, восшедши на каѳедру св. Софіи, сдѣлался не только благодѣтелемъ, но и обновителемъ сего братства, которое пролило столько просвѣщенія духовнаго на всю Русскую землю и доселѣ процвѣтаетъ, какъ старшая академія наша. И такъ смиренные отшельники, Антоній и Ѳеодосій, болѣе сдѣлали для Кіева, нежели самые князья его, и даже до сихъ поръ лаврою ихъ дышетъ Кіевъ, привлекая толпы богомольцевъ къ завѣтной ея святынѣ.

Отнимите лавру и измѣнится весь религіозный характеръ Кіева; заключите врата св. Софіи, какъ было во дни уніи, и утратится преданіе древнѣйшей іерархіи нашей; если только опустѣетъ златоверхая обитель, куда зоветъ великомученица однихъ лишь православныхъ богомольцевъ, хотя она пострадала за Христа въ то время, когда еще не было раздѣленія Церквей,—и опустѣетъ старый Кіевъ, ибо на сихъ трехъ священныхъ мѣстахъ: въ лаврѣ, въ св. Софіи и въ обители Михайловской сосредоточена вся его жизненная сила; тамъ его душа, его сердце. Безъ нихъ останется одинъ лишь торговый городъ, какихъ много на Руси, но утратится его церковное значеніе, а чрезъ это оскудѣетъ и самый городъ.—Не тоже ли будетъ и съ Римомъ, когда онъ перестанетъ быть столицею западнаго христіанства?

Тогда только могутъ усвоить себѣ Кіевъ иновѣрцы, если нарушится жизненная его связь съ Россіею, т. е. православіе, которое издревле пропитало собою весь его внутренній церковный бытъ. Но доколѣ теплится тихая лампада надъ гробомъ преподобнаго Антонія въ ближнихъ пещерахъ, доколѣ спускается при торжественныхъ гимнахъ чудная икона Успенія въ царскихъ вра-

тахъ великой церкви, доколѣ стоитъ нерушимая стѣна Софійская съ ликомъ Богоматери, осѣняющей престолъ, на которомъ уже восемь вѣковъ приносится безкровная жертва православныхъ,—до тѣхъ поръ не поколеблется древній градъ Владиміра и Ольги на его завѣтныхъ горахъ, благословенныхъ Первозваннымъ Апостоломъ. «Горы окрестъ его и Господь окрестъ людей Своихъ,» по выраженію псаломному о Сіонѣ, градѣ Царя великаго, — а Кіевъ нашъ родной Сіонъ!

1861 г.

IV.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ НА КРЕЩАТИКЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ВЛАДИМІРА.

Радостное событіе ознаменовало въ древнемъ градѣ св. Владиміра день его памяти и мѣсто крещенія его двѣнадцати сыновей:—обновился временно оставленный, но незабытый сердцемъ Кіевлянъ крестный ходъ къ ихъ купели, которая была начаткомъ духовнаго просвѣщенія всея Руси! Воды Почайны, оттѣсненныя Днѣпромъ, какъ бы вновь хлынули къ своему устью, гдѣ присоединился къ нимъ ручей Крещатика; и древняя матерь градовъ Русскихъ созерцала чрезъ восемь столѣтій то умилительное зрѣлище, какое поразило нѣкогда нашихъ предковъ въ сей священной юдоли.

Не будемъ говорить, какъ и почему прекратился торжественный ходъ, исполненный столькихъ воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ. Будемъ

радоваться и благодарить Бога, что опять возстановленъ еще въ большемъ блескѣ. Тогда одна лишь крутая стезя спускалась къ уединенному кладезю и не были обдѣланы окрестныя горы; теперь уже всѣ пути стропотные сдѣлались правыми, по выраженію евангельскому, и царскій путь изъ обѣихъ столицъ пролегаетъ вдоль берега Днѣпра, привлекая благоговѣйное вниманіе мимоидущихъ къ сосѣднему памятнику Крещатика. Одинокій столпъ его, увѣнчанный крестомъ, возвышается изъ зелени холмовъ уже болѣе не въ пустынѣ, которая процвѣла окрестъ него; соборъ Софійскій, отколѣ бывали ежегодно крестные ходы на источникъ Владиміровъ, храмъ Десятинный, бывшій соборнымъ во дни св. князя и гдѣ самъ онъ почіетъ въ древней своей усыпальницѣ, уже обновлены послѣ многихъ лѣтъ ожиданія;—они готовы опять выпустить изъ священныхъ вратъ своихъ толпы богомольцевъ, вслѣдъ за побѣдными хоругвями Царя славы, туда, куда шествовалъ нѣкогда самъ равноапостольный князь для крещенія чадъ своихъ и всенародной семьи. И такъ устремимся опять вслѣдъ за нимъ къ спасительной купели въ день его памяти и въ день преполовенія Пасхальныхъ торжествъ и почерпнемъ тамъ духовную радость и благодатныя исцѣленія: ослѣпшій въ язычествѣ прозрѣлъ въ минуту крещенія; его источникъ врачуетъ также болѣзни глазъ.

Давно уже благочестивые Кіевляне жаждали возстановленія памятника, который пришелъ въ совершенную ветхость; была мысль построить надъ кладеземъ и небольшую церковь; но прежде, нежели соорудить вещественное зданіе въ честь Равноапостольнаго, надлежало обновить духовное торжество,

напоминавшее намъ крещеніе Руси, у подножія святыхъ горъ Кіевскихъ, на коихъ водрузилъ крестъ первозванный Апостолъ; и вотъ, по взаимному усердію духовныхъ и свѣтскихъ властей богоспасаемаго Кіева, возстановленъ ходъ! Достаточно было не многихъ словъ, чтобы какъ отъ искры вспыхнуло пламя: — до такой степени было возбуждено общее вниманіе къ святому мѣсту и дѣлу. Ревностный архипастырь благословилъ, усердный начальникъ края оказалъ необходимое содѣйствіе, и все мгновенно исполнилось; такъ всегда бываетъ, когда благое предпріятіе уже достигло своей духовной зрѣлости.

Умилительное зрѣлище представлялъ Кіевъ въ день памяти своего просвѣтителя; казалось, самъ онъ, по слову церковной пѣсни, возсѣдалъ опять на высотѣ престола богоспасаемой матери градовъ! Такъ все было исполнено его именемъ, и, свыше всякаго слова, свидѣтельствовало на самомъ дѣлѣ, что здѣсь во истину сердце Руси всегда было, есть и будетъ:—Кіевъ псаломный градъ Царя великаго; горы окрестъ его и Господь окрестъ горъ!

Въ Десятинной церкви, усыпальницѣ св. Владиміра и Ольги, совершалъ божественную литургію Митрополитъ Арсеній, ознаменовавшій первый годъ своего святительства въ Кіевѣ столь утѣшительнымъ событіемъ для своей паствы. Во время литургіи выступилъ изъ соборнаго храма Ярославова крестный ходъ со святынею Софійскою: съ ковчегомъ, гдѣ хранятся части мощей великомученицы Варвары и равноапостольныхъ просвѣтителей всея Руси и вселенной, князя Владиміра и царя Константина, и съ древнею чудотворною иконою Святителя Николая.

заступника земли Русской. Икона всѣхъ скорбящихъ Радости присоединилась къ нимъ у церкви Златоустовой на пути къ Десятинной; въ ея оградѣ ожидали они владычняго хода, къ которому должна была постепенно присоединяться святыня прочихъ церквей, стоявшихъ на его торжественномъ пути; и вотъ вышелъ Владыка изъ храма Десятиннаго со всѣмъ своимъ клиромъ, неся честный крестъ надъ главою для освященія водъ. Хоругвямъ церковнымъ предшествовали разноцвѣтные значки всѣхъ цеховъ Кіевскихъ, а знамена воинскія слѣдовали за духовнымъ шествіемъ для ихъ окропленія надъ возобновленнымъ источникомъ св. Владиміра; безчисленныя толпы народа двигались по сторонамъ, замедляя шествіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придавая ему чрезвычайную торжественность.

Не по широкимъ улицамъ обновленнаго Кіева, стараго только по имени, потянулось шествіе; нѣтъ, оно послѣдовало той стези, которою шествовалъ самъ равноапостольный князь, изъ соборнаго храма Десятиннаго, мимо своихъ теремовъ и упраздненнаго имъ холма Перунова, къ златоверхой обители Михайловской, знаменовавшей побѣду Архистратига надъ древнимъ врагомъ человѣческимъ. И вотъ съ того холма, гдѣ водрузилъ Апостолъ первый крестъ, возвѣстивъ будущую славу Кіева, спустился по высокому крыльцу клиръ церковный съ частицею мощей Первозваннаго, которая была принесена съ горы Аѳонской, какъ будто самъ Апостолъ нисходилъ видѣть исполненіе своихъ пророчествъ. Ковчежецъ мощей его понесли рядомъ съ ковчегомъ Софійскимъ равноапостольнаго просвѣтителя нашего, который водворилъ на Руси Христіанство, предсказанное

Апостоломъ.—Какой отголосокъ на разстояніи стольких вѣковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой предметъ для благоговѣйныхъ думъ!—Это была первая торжественная встрѣча, вторая же у бывшаго холма Перунова, гдѣ изъ первоначальной церкви Владиміровой вынесъ икону его Ангела протоіерей Трехсвятительскій, какъ бы привѣтствуя св. князя.

На каждомъ шагу историческое воспоминаніе! Далѣе изъ вратъ златоверхой обители, основанной первымъ Митрополитомъ Кіевскимъ во имя Ангела своего, вышелъ со всею братіею настоятель ея, епископъ Серафимъ, съ иконою великомученицы при пѣніи хвалебныхъ гимновъ. Опять остановилось торжественное шествіе и опять опустилъ съ главы своей Владыка крестъ осѣняльный, чтобы окадить святую икону и осѣнить на всѣ страны стѣснившіяся толпы народа. Отселѣ уже не лѣтописною стезею стараго Кіева, гдѣ сходили къ Почайнѣ во дни Владиміровы, ибо давно засыпанъ Боричевъ взвозъ, но по крутому спуску мимо римскаго костела тронулось шествіе на Крещатикъ.

Въ эту минуту, на встрѣчу главнаго владычняго хода, долженъ былъ спускаться мимо зелени царскаго сада другой крестный ходъ изъ лавры Печерской, и чрезвычайно великолѣпно было бы соединеніе обоихъ у фонтана на улицѣ Крещатика; но, къ сожалѣнію, лаврскій нѣсколько опоздалъ и настигъ только у самаго схода въ глубокую юдоль къ источнику во время чтенія молебнаго Евангелія. Крестное шествіе изъ лавры было уже само по себѣ чрезвычайно величественно, потому что въ немъ участвовали, подъ предводительствомъ намѣстника, архимандрита Іоанна, двѣнадцать іеромонаховъ и

весь клиръ великой церкви со спискомъ чудотворной иконы Божіей Матери и драгоцѣннымъ образомъ равноапостольнаго князя, который принесло въ даръ усердіе царское. Сюда же присоединилось духовенство всѣхъ Печерскихъ церквей съ своею святынею и ректоръ семинаріи, какъ настоятель обители малаго Николая, со всею братіею, неся чудотворную икону Святителя. Толпы богомольцевъ устремились въ слѣдъ за святынею изъ лавры, такъ что съ большимъ трудомъ могли соединиться оба крестные хода въ тѣснотѣ долины, наводненной народомъ. Съ обѣихъ сторонъ были имъ унизаны всѣ горы снизу и доверху, какъ будто роскошный цвѣтникъ внезапно испестрилъ ихъ зелень своенравными узорами самыхъ яркихъ и непрестанно движущихся плетеницъ.

Это было чудное зрѣлище, какого не можетъ себѣ представить самое пылкое воображеніе. Промежду сихъ живыхъ стѣнъ отрадно вѣяли хоругви и знамена, спускавшіяся къ источнику, а вдали, въ зеленой рамѣ разступившихся горъ, какъ бы разсѣченныхъ одинокою колонною Крещатика, открывался синій Днѣпръ съ бѣлыми парусами мимо плывущихъ судовъ и дальніе темные лѣса Черниговскіе. Давно минувшимъ дышало это настоящее; можно было перенестись духомъ въ первыя времена возникающей Руси, къ колыбели ея вѣры, когда, по слову своего князя, стремилась Русь съ тѣхъ же высотъ, такими же несмѣтными толпами, сюда на Почайну, ко всенародной своей купели. Тогда, какъ и теперь, единое чувство одушевляло всѣхъ; здѣсь можно было убѣдиться каждому, до какой степени природна намъ сія священная почва Кіевская, и какъ несвойственно

ей все чуждое, непропитанное роднымъ ей православіемъ, которое закрѣплено у насъ пѣлыми вѣками священныхъ преданій.

Но тѣмъ не ограничилось церковное торжество: третій крестный ходъ изъ всѣхъ церквей Подола, предводительствуемый ректоромъ академіи, архимандритомъ Филаретомъ, съ иноками Братской обители и съ чудотворною иконою Богоматери, ожидалъ уже пришествія двухъ первыхъ, изъ стараго Кіева и лавры. Такимъ образомъ тройственное ихъ соединеніе совокупило единодушною молитвою всѣ части горнаго и дольняго города у того священнаго источника, гдѣ, въ числѣ двѣнадцати сыновъ Владиміровыхъ, крестились и св. страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Въ обновленной красѣ являлся памятникъ Крещатика надъ кладеземъ, гдѣ опять заструились живыя воды цѣлебнаго источника и пробивались фонтаномъ изъ водоема, какъ бы радуясь, что вновь исторглись на Божій свѣтъ изъ нѣдръ земли послѣ долгаго запустѣнія.

Прежде, нежели приступить къ освященію водъ, Митрополитъ произнесъ надъ самымъ кладеземъ умилительное слово, въ коемъ изобразилъ многовѣковую лѣтопись престольнаго Кіева и, начавъ отъ проповѣди Первозваннаго, возвѣстившаго благодать Божію на сихъ горахъ, обратилъ вниманіе слушателей на событіе сего пророчества. Владыка указывалъ постепенно на величественные храмы, коими украсился Кіевъ древній и новый, на святыню Софійскую и Златоверхую, на преподобіе лавры съ ея почіющими подвижниками во глубинѣ пещерной, и на выспренній храмъ Апостола, гдѣ водруженъ былъ первый крестъ. Тогда совершилъ освященіе и, что

весьма замѣчательно, нечаянно опустилъ на дно кладезя крестъ Десятинный, какъ бы для болѣе прочнаго основанія, такъ что долженъ былъ заимствовать для освященія другой крестъ, принесенный изъ лавры.

Освятивъ источникъ, окропилъ Митрополитъ знамена воинскія около памятника, и крестный ходъ сталъ обратно подыматься по крутой стезѣ къ старому Кіеву. На каждомъ шагу было замедляемо шествіе усердіемъ народа, который стремился принять благословеніе своего Архипастыря. Слышны были изъ толпы благодарные возгласы за обновленіе священнаго источника и давно желаннаго крестнаго хода. Какъ только отступило духовенство отъ кладезя, хлынули къ нему толпы богомольцевъ, чтобы зачерпнуть его живой струи, ибо, по давнему преданію, цѣлительны для глазъ воды сего источника,— быть можетъ, въ память прозрѣнія самого равноапостольнаго князя при своемъ крещеніи. Весь этотъ день, отъ утра и до вечера, тѣснился народъ съ водоносами около кладезя, и доселѣ каждое утро до зари стекаются туда богомольцы, ибо преданіе гласитъ, что цѣлебная сила водъ сихъ дѣйственнѣе до восхожденія солнца.

Таково усердіе Кіевлянъ къ святому мѣсту, возвращенному молитвѣ и чрезъ то сдѣлавшемуся опять достояніемъ вѣрующихъ. Граждане собрали уже нѣсколько денегъ, чтобы устроить часовню при кладезѣ для охраненія его святыни, чему благопріятствуетъ близость его къ большой дорогѣ и купальнямъ, гдѣ въ лѣтніе дни стекается все лучшее и богатое народонаселеніе города. Омывающіеся ради прохлады въ водахъ Днѣпра пусть вспомнятъ о томъ духов-

номъ омовеніи грѣховъ, которое истекло нѣкогда на всю Русь изъ сей первоначальной купели ихъ предковъ, и пусть каждый, мимоходя, принесетъ сюда свою лепту. Со временемъ устроится надъ кладеземъ и небольшая церковь во имя равноапостольнаго князя, на память крещенія всея Руси: ибо отселѣ собственно можно считать не только церковное, но и гражданское начало ея существованія, такъ какъ она вся переродилась чрезъ духовное свое просвѣщеніе.— Господь да благословитъ благое начинаніе!

1861 г

V.

ОБНОВЛЕНІЕ КРЕЩАЛЬНИ СВ. ВЛАДИМІРА.

Повторилось и въ нынѣшнемъ году торжество прошлогоднее, и еще съ большимъ блескомъ: крестный ходъ къ крещальному памятнику св. Владиміра, на сей разъ обновленному въ первобытной красотѣ своей общественнымъ усердіемъ гражданъ Кіевскихъ и нѣкоторыхъ доброхотныхъ дателей.—Величественное зрѣлище сіе было достойно Кіева и древней его святыни, и здѣсь во всей полнотѣ представилось церковное значеніе матери нашихъ градовъ, обиліе духовнаго ея богатства въ предносимыхъ чудотворныхъ иконахъ и многочисленности священнаго клира при вѣяніи безчисленныхъ хоругвей, сихъ побѣдныхъ знаменъ воинствующей Церкви Господа Силъ. Горы Кіевскія, которымъ нѣкогда предсказалъ Апостолъ благодать Божію, покрыты были народомъ, уже воспріявшимъ сію благодать; густыя толпы его

благоговѣйно спускались въ глубокую юдоль къ источнику, и всѣ окраины овраговъ унизаны были живою плетеницею самыхъ яркихъ красокъ: все это стремилось къ водамъ, какъ бы на зовъ Равноапостольнаго. И, при этомъ всенародномъ стремленіи, глубокая царствовала тишина, такъ что ясно слышны были гимны, воспѣваемые въ честь просвѣтителей Руси. Здѣсь, въ этомъ церковномъ торжествѣ, вѣрнѣе и чище всякихъ политическихъ возгласовъ, выразилось исконное Русское православіе Кіева и невольно вырывалось изъ устъ неодолимое сознаніе: что Кіевъ можетъ быть только сердцемъ Руси и ничѣмъ инымъ.

Много воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ соединилось въ одинъ этотъ радостный день, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и днемъ воскреснымъ. Церковь совершала память шести вселенскихъ соборовъ, утвердившихъ ея православіе на незыблемомъ основаніи; праздникъ св. Ольги, случившійся въ теченіе недѣли, отнесенъ былъ, по новому порядку, къ тому же воскресному дню,—и такимъ образомъ вмѣстѣ совершалась память равноапостольныхъ бабки и внука. Было сверхъ того и отечественное торжество, по случаю рожденія Великаго Князя Вячеслава Константиновича, который присовокупилъ именемъ своего Ангела, просвѣтителя Славянъ западныхъ, къ именамъ нашихъ родныхъ просвѣтителей. Повсемѣстный звонъ колоколовъ въ продолженіе цѣлаго дня придавалъ ему особенное торжество.

Митрополиту угодно было ознаменовать этотъ день заложеніемъ храма въ честь св. Владиміра, который давно уже предполагалось соорудить на но-

выхъ мѣстахъ близъ университета. Мѣсто сіе было избрано еще праведнымъ старцемъ, Митрополитомъ Филаретомъ, оставившимъ по себѣ столь благую память въ Кіевѣ. Но онъ не успѣлъ положить первый камень величественнаго собора, который хотѣлъ воздвигнуть по обновленному образцу древней св. Софіи. Обстоятельства измѣнились, и доброе намѣреніе отлагалось съ года на годъ; измѣнены были самые размѣры громаднаго зданія по недостатку средствъ; и вотъ нынѣшнему Митрополиту Арсенію, возобновившему крестный ходъ на крещальню св. Владиміра послѣ долголѣтняго ея запустѣнія, суждено было привести въ исполненіе давнее желаніе двухъ своихъ предмѣстниковъ и всѣхъ Кіевлянъ православныхъ.

Послѣ Божественной литургіи въ Десятинной церкви, обновленной недавно усердіемъ царскимъ, двинулся крестный ходъ отъ гроба равноапостольнаго князя сперва на крещальный кладезь. Митрополитъ шелъ со крестомъ во главѣ всѣхъ священнослужителей стараго Кіева, которые несли святыню Софійскую и чудотворныя иконы ближайшихъ церквей. Предъ вратами златоверхой обители встрѣтилъ его викарный епископъ Серафимъ со всею братіею Михайловскою. Умноженный ею ходъ спустился къ фонтану у Царскаго сада, и тамъ соединился съ нимъ еще одинъ крестный ходъ, предводимый намѣстникомъ лавры съ многочисленнымъ ликомъ ея иноковъ и клиромъ церквей Печерскихъ. Когда же они спустились въ долину къ источнику св. Владиміра, тамъ на обширной террасѣ, вновь устроенной около памятника, ожидалъ еще одинъ крестный ходъ всѣхъ Подольскихъ церквей съ чудотворною

иконою Братскія Божія Матери; такимъ образомъ три величественные хода тройственными гимнами слились во едино у священнаго источника.

Самый памятникъ, какъ фениксъ, возродившійся изъ своего пепла, въ обновленной красѣ утѣшительно представился взорамъ идущихъ къ нему со всею святынею Кіева; ярко сіялъ въ лучахъ солнца на темной синевѣ Днѣпра бѣлый одинокій столпъ, увѣнчанный золотымъ крестомъ надъ легкимъ куполомъ, который имѣетъ видъ крещальной чаши. Рѣзко отличается бѣлизна колонны отъ темной, какъ бы гранитной, арки, на которой она такъ легко поставлена, а подъ аркою самая часовня, и внутри ея источникъ, гдѣ крестилъ св. Владиміръ двѣнадцать своихъ сыновей и знатнѣйшихъ бояръ Кіевскихъ; чистая вода струится изъ вѣтвей креста въ чашу надъ устьемъ крещальнаго кладезя. Двѣ великолѣпныя иконы Равноапостольныхъ, которыя пожертвовала лавра, уже поставлены на двухъ столбахъ часовни, и вся она постепенно украсится подобными иконами столь же дорогаго письма.

Замѣчателенъ ликъ св. Ольги: по преданію, это есть вѣрное ея изображеніе съ древняго списка, подлинникъ котораго писанъ въ Цареградѣ послѣ ея крещенія живописцемъ Императора Константина Багрянороднаго и хранится въ родѣ князей Бѣлосельскихъ. Греческими письменами начертано на иконѣ: ἡ τοῦ γένους ῥώς δεσῶηνα, ἐπόιησε Γρηγορως ὁ ζωγραφὸς Κονσταντίνου τοῦ πορφηρογενητου (сія есть Владычица племени Руссовъ, писалъ Григорій, живописецъ Константина Багрянороднаго). Тутъ будутъ и лики родственныхъ ей святыхъ: страстотерпцевъ Русскихъ Бориса и Глѣба, Игоря, Михаила Черниговъ-

скаго, княжившаго въ Кіевѣ при разореніи Монгольскомъ; тутъ и Святители Кіева: Михаилъ и священномученикъ Макарій, и преподобные Печерскіе Антоній и Ѳеодосій, и Сергій, отецъ иночества на сѣверѣ Россіи,—и великій Арсеній, держава безмолвія, какъ ангелъ нынѣшняго Владыки, при коемъ обновился священный памятникъ. Святитель Николай, избранный воевода и покровитель земли Русской, великомученица Варвара, украсившая Кіевъ своими мощами,—первозванный Апостолъ, предвозвѣстившій благодатную его славу, и великій Предтеча Господень станутъ также въ ликахъ святыхъ, расположенные крестообразно на стѣнахъ часовни. Небо ангельское и земное небо преподобныхъ украсятъ ея своды вмѣстѣ съ четырьмя изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери: нерушимой стѣны Софійской, Успенія, что надъ царскими вратами лавры, и двухъ образовъ св. Софіи, Кіевскаго и Новгородскаго. Въ самомъ куполѣ Господь Вседержитель въ сонмѣ Ангеловъ; въ рукѣ его евангеліе, отверстое надъ самимъ устьемъ крещальнаго кладезя съ такими словами св. Ев. Марка: «иже аще вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ». Такъ одна мысль о благодатномъ крещеніи и память всѣхъ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ въ Кіевѣ, наполнятъ собою священную часовню, и дадутъ ей символическое значеніе о духовномъ обновленіи земли Русской.

Пусть красуется нѣкогда великій Новгородъ новымъ своимъ памятникомъ тысячелѣтія Руси, который мысленно возводитъ насъ еще къ языческимъ ея временамъ, по слову лѣтописца Нестора, «откуда пошла земля Русская». Древняя матерь городовъ на-

шихъ, стряхнувъ съ себя прахъ своихъ развалинъ, утѣшительнѣе напомнитъ намъ эпоху духовнаго возрожденія нашего, и этотъ скромный, крещальный памятникъ Равноапостольнаго послужитъ свидѣтельствомъ девятисотлѣтняго Христіанства Руси, которая съ того только времени и получила свою самобытность. Въ Новгородѣ будутъ съ изумленіемъ смотрѣть на благолѣпныя изваянія роскошнаго памятника, гдѣ вся наша исторія представлена въ лицахъ, и великіе ея дѣятели обозначаютъ собою различныя грани сей тысячелѣтней славной лѣтописи, которой начальный свитокъ въ рукахъ мудраго Нестора. Здѣсь же въ смиренномъ Кіевѣ иной Несторъ, глаголемый некнижный, почіющій также въ пещерахъ, не словомъ лѣтописи, но духомъ молитвы повлечетъ благоговѣйныхъ чтителей священной старины къ бывшему устью Почайны, откуда дѣйствительно пошла земля Русская, возрожденная въ этомъ Іорданѣ. Мимо всѣхъ событій минувшаго, каждый чувствуетъ тутъ духовное родство свое съ просвѣтителемъ Руси, по внутреннему сознанію своего Христіанства,—ибо это все духовныя его дѣти, которыхъ ему далъ Богъ, по слову псаломному, какъ и тѣ двѣнадцать сыновей, которыхъ онъ крестилъ въ этой купели. Собственное его исцѣленіе отъ слѣпоты не только духовной, но и тѣлесной, въ водахъ крещенія освятило давнимъ преданіемъ и сію купель, что здѣсь болящіе глазами получаютъ прозрѣніе, если только умоются въ водахъ источника до восхожденія солнца. Благоговѣйное чувство къ сему кладезю, переходящее безотчетно отъ отцевъ къ дѣтямъ, бсзчисленными стопами богомольцевъ пробило девятисотлѣтнюю стезю въ горахъ Кіевскихъ на источникъ Влади-

міровъ;—сюда текутъ волны народныя, не считая годовъ и столѣтій, мимо протекшихъ со всѣми ихъ бурями и многое стершихъ съ лица земли:—ибо у Господа день единъ, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ единый день, символъ же Христіанства—вѣчность, безъ различія временъ.

Отъ источника поднялись всѣ три крестные хода: Старокіевскій, Печерскій и Подольскій на возвышенную террасу, гдѣ стоитъ иной гражданскій памятникъ св. Владиміру—громадное бронзовое его изваяніе на высокомъ пьедесталѣ, господствующее надъ долиною Крещатика, бывшимъ устьемъ Почайны и привольнымъ теченіемъ Днѣпра. Большей крестъ въ рукахъ Равноапостольнаго, а у подножія изображена картина крещенія Руси. Толпа народа обступила памятникъ, какъ бы пріютившись подъ сѣнь его креста; около него торжественно двигались по окрайнѣ горы побѣдныя хоругви многочисленнаго клира. Митрополитъ поднялся на чугунныя ступени, окропилъ памятникъ и съ высоты ихъ осѣнилъ крестомъ во всѣ стороны, какъ бы отъ лица Равноапостольнаго, исполняя то, что и самъ онъ готовъ бы былъ сдѣлать въ сію радостную минуту. И воды, и горы Кіевскія—все будто бы отозвалось осѣняющему ихъ пастырю. Это было самое торжественное благословеніе, какое можно себѣ вообразить въ столь великолѣпной рамѣ, вполнѣ достойное того именитаго urbi et orbi, которымъ хвалится Римъ.

Оттуда двинулся общій ходъ по зеленой террасѣ подъ сѣнію тополей на вершину горы; къ обители Михайловской по новой дорогѣ, для него прокопанной въ углубленіи горы, и направился мимо собора Софійскаго прямо къ тому мѣсту, гдѣ должна была

совершиться закладка храма. Проходя мимо памятника св. Ирины, который поставленъ надъ развалинами ея церкви, Митрополитъ остановился, обошелъ кругомъ колонну и окропилъ ее святою водою; потомъ въ виду древнихъ Златыхъ воротъ Ярослава осѣнилъ издали сей торжественный входъ Великихъ Князей Русскихъ, Ольговичей и Мономаховичей, въ ихъ столицу, которую оспаривали другъ у друга. Златыми вратами окончилась лѣтописная мѣстность стараго Кіева, и начались такъ называемыя новыя мѣста, надъ коими господствуетъ университетъ св. Владиміра. Не доходя его, на обширной площади избрано мѣсто для новаго храма Равноапостольному, и тутъ совершилась торжественная закладка въ присутствіи всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей Кіева. Митрополитъ заключилъ священный обрядъ назидательнымъ словомъ, напомнивъ намъ, новому Израилю, судьбы стараго, чтобы мы не превозносились посреди нашего величія, а смиренно сознавали свое недостоинство, усердіемъ къ Церкви выражая любовь свою къ Богу.

День спустя, еще одно церковное торжество совершилось въ близъ-лежащемъ Вышгородѣ, бывшемъ селѣ Ольгиномъ, которое всегда было удѣломъ наслѣдника велико-княжескаго престола, и гдѣ до разоренія Монгольскаго открыто почивали мощи св. князей Бориса и Глѣба. Тамъ усердіе мѣстнаго священника въ весьма скорое время, хотя и съ весьма скудными средствами, соорудило каменную церковь во имя св. Страстотерпцевъ вмѣсто убогой деревянной, приходившей въ ветхость. Новое зданіе поставлено отчасти на старомъ фундаментѣ великолѣпнаго храма Мономахова, который стерла съ лица земли

буря Монгольская; но утѣшительно было видѣть хотя и небольшую церковь каменную на этомъ священномъ мѣстѣ, которое господствуетъ надъ всею долиною Днѣпровскою и далеко видно изъ Кіева. Неутомимый Архипастырь, какъ бы забывъ трудный свой подвигъ въ день св. Владиміра, съ обновленными силами явился на освященіе храма сыновей Равноапостольнаго, которыхъ купель только что обновилъ въ долинѣ Крещатика.

И на слѣдующій день продолжалъ онъ святительскій свой подвигъ, спустившись съ Вышгорода въ Межигорье, гдѣ совершилъ св. литургію въ храмѣ Преображенія, бывшей знаменитой обители, которой запустѣнія нельзя видѣть равнодушно. Уже обновилась Святогорская, опустошенная тою же рукою Таврическаго князя; неужели же не обновится и Межигорская, которая создана для безмолвія иноческаго въ своихъ глубокихъ удоліяхъ и роскошныхъ садахъ, нынѣ уже заглохшихъ, на красныхъ берегахъ Днѣпра? Отрадно было видѣть благолѣпное служеніе Митрополита въ величественномъ храмѣ, который сооружалъ Патріархъ нашъ Іоакимъ, бывшій послушникомъ Межигорскимъ. Оно мысленно переносило насъ къ лучшимъ временамъ сей древней обители, которой имя было такъ громко во всѣхъ предѣлахъ южной Россіи.

1862 г.